

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПО КУРСУ
«РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ»**

**РУССКАЯ
ДИАЛЕКТОЛОГИЯ**

*Хрестоматия научных текстов
и учебные задания*

ФГАУ «Федеральный институт развития образования»

Рекомендовано уполномоченным учреждением ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена» к использованию в образовательных учреждениях, реализующих образовательные программы высшего профессионального образования по направлению подготовки 032700 «Филология» по дисциплине «Русская диалектология»

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
2013

ББК 81.2Рус-67-923
Р89

Регистрационный номер рецензии
ФГАУ «Федеральный институт развития образования»
№ 071 от 2011 г.

Составители:
О. В. Васильева, И. С. Лутовинова

Р89 **Русская** диалектология : хрестоматия научных текстов и учебные задания / сост. О. В. Васильева, И. С. Лутовинова; отв. ред. И. С. Лутовинова / Учебно-методический комплекс по курсу «Русская диалектология». — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2013. — 568 с.

ISBN 978-5-8493-0244-7

Хрестоматия составлена в соответствии с программой основного курса «Русская диалектология», расширяет и углубляет знания, получаемые при изучении курса.

Пособие предназначено для студентов филологических факультетов высших учебных заведений.

ББК 81.2Рус-67-923

*Учебно-методический комплекс
создан и издан за счет пожертвования
Фонда «Русский мир»*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хрестоматия составлена в соответствии с программой курса «Русская диалектология» в высшем учебном заведении.

Научные работы, отобранные для хрестоматии, в целом представляют собой содержание курса «Русская диалектология» в своем классическом варианте (*Р. И. Аванесов, Л. И. Баранникова, Н. П. Гринкова, Н. Н. Дурново, Д. К. Зеленин, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов* и др.), а также добавляет научные сведения о новых направлениях в этой науке (*О. И. Блинова, А. Ф. Войтенко, Н. И. Толстой, В. И. Трубинский*). Расположены они по разделам, изучаемым в университетском курсе, и по алфавиту авторов в каждом из разделов.

Тексты научных работ, ставших классикой русской и советской лингвистики, а также статьи, посвященные важным в научном отношении вопросам русской диалектологии, представлены в сокращенном виде с указанием источника. Пропуск авторского текста обозначен знаком <...>. При подготовке текстов к изданию составители стремились сохранить принятые каждым автором приемы оформления материала.

Каждый раздел заканчивается «Вопросами и заданиями». Иногда вопросы предлагаются к отдельным статьям.

В университетском курсе «Русская диалектология» филологического факультета Санкт-Петербургского университета изучение специальной научной литературы не предусматривается. Однако некоторые теоретические вопросы русской диалектологии требуют более глубокого научного изучения и знакомства с первоисточниками. Кроме того, курс «Русская диалектология» может изучаться и самостоятельно студентами (часы на самостоятельную работу предусмотрены), а также магистрантами, аспирантами, молодыми преподавателями.

Введение содержит статьи по истории русской диалектологии (*С. С. Высотский, В. Г. Орлова*), о значении русской диалектологии (*А. И. Соболевский*), по вопросам истории формирования русских диалектов (*Р. И. Аванесов*), о связи русской диалектологии с этнографией, этнолингвистикой (*Д. К. Зеленин, Н. И. Толстой*), с топонимикой (*А. И. Лебедева, Э. М. Мурзаев, Н. К. Фролов*), с историей языка (*Ю. Ф. Денисенко, Л. Я. Костючук*), с изучением отдельных говоров (*А. С. Герд, Н. П. Гринкова, Н. Н. Дурново, Н. С. Сергеева,*

А. И. Сологуб, П. Я. Шюц); о современном состоянии русских диалектов (*И. С. Лутовинаова, А. И. Михайлова, С. Н. Темняткин, В. И. Трубинский*), о методах изучения диалектологии (*А. И. Корнев*), в том числе о новых направлениях и подходах к описанию (*О. И. Блинова, Т. А. Демешкина, О. Ю. Крючкова, В. Е. Гольдин*), о русских говорах как национальном богатстве (*О. Ю. Крючкова, В. Е. Гольдин*).

В раздел Фонетика включены статьи как обобщающего характера об изменениях в диалектных фонетических системах (*Л. И. Баранникова*), так и посвященные наиболее сложным вопросам звукового строя русского языка (*С. В. Бромлей, Д. К. Зеленин, В. В. Колесов, В. Г. Орлова, А. И. Сологуб, Ф. П. Филин, А. А. Шахматов*), редким явлениям в диалектологии (*Е. Г. Бурова, Л. Л. Касаткин*), историческим явлениям (*Л. Л. Касаткин*), а также научному открытию в фонетике (*С. М. Глукина*).

Раздел Морфология. Синтаксис открывается статьей об изменениях в диалектной грамматике (*Л. И. Баранникова*), содержит статьи, освещающие трудные в изучении диалектные особенности в системе падежей (*Л. Н. Булатова*), в словообразовании (*Е. Н. Шаброва*), в диалектном синтаксисе (*З. М. Петрова, В. И. Трубинский, А. Б. Шаширо*).

Раздел Лексика и фразеология включает статьи о лексических изменениях в системе русских народных говоров (*Л. И. Баранникова*), о задачах и подходах в исследованиях лексики и фразеологии (*Н. С. Ганцовская, Л. А. Ивашко, Т. С. Коготкова, В. М. Мокиенко*).

Раздел Лексикография содержит научные статьи, посвященные истории составления отдельных словарей (*Л. И. Балахонова*), их принципам (*Е. З. Васильева*), семантической характеристике слов в словаре (*Ф. П. Сороколетов*), проблемам составления словарных статей (*В. А. Козырев, О. Д. Кузнецова*), связям отдельных словарей с историей языка (*А. А. Бурыкин, О. С. Мжельская*), описанию типологии отдельных словарей (*И. А. Оссоветацкий, В. И. Чагешева*).

Раздел Лингвогеография представлен статьями о роли Русского географического общества в изучении диалектов (*А. С. Герд, И. А. Попов, О. А. Матвеева*), о значении лингвистической географии для языка (*Р. И. Аванесов, Т. Ф. Зиброва*), о значении атласов для диалектологии (*С. В. Бромлей, Т. И. Вендина, Б. А. Ларин*), о возможностях лексических карт (*Т. И. Вендина, Г. В. Киселева, Л. Я. Костючук*).

Раздел Диалектное членение знакомит с традиционной классификацией русских говоров (*К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова*) и с попыткой нового осмысления языкового ландшафта (*В. И. Трубинский*).

Научные статьи по русской диалектологии могут заинтересовать не только филологов — историков русского языка и диалектологов, но и этнографов, археологов, историков, культурологов.

ВВЕДЕНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ КАК НАУКИ. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОВОРОВ. СВЯЗЬ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ С ДРУГИМИ НАУКАМИ

Р. И. Аванесов

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКИХ ДИАЛЕКТОВ¹

Как известно, современные восточнославянские языки (русский, украинский и белорусский) возникли на базе единого древнерусского (древневосточнославянского) языка, который на разных территориях имел различную местную окраску. В противоположность южнославянским или западнославянским языкам, некоторые языковые различия которых относят еще к праславянскому периоду, в языке восточных славян не прослеживаются диалектные различия столь давнего времени. Конечно, восточные славяне, занимая с давних времен обширную территорию, различную по своим географическим особенностям (климату, растительности и др.), а следовательно, и хозяйственным, бытовым особенностям, переживая неравномерно, точнее неодновременно, переход от первобытно-общинного строя к феодализму, не могли не иметь в своем языке с ранних эпох заметных различий в лексике. Однако в области морфологии для древнейшего периода диалектные различия не прослеживаются. Что касается фонетической системы, то древнейшими из них могут считаться: 1) изменение [г] в [γ], пережитое югом восточного славянства, в отличие от его основной части; 2) неразличение двух аффри-

¹ *Аванесов Р. И.* Из истории формирования русских диалектов // Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. М., 1986. С. 26–28.

кат [ц'] и [ч'], их совпадение в одной, развившееся на восточнославянском севере и северо-западе, возможно, в связи с межъязыковым взаимодействием восточных славян с финноугорскими племенами. Неодинаковое качество в ([w] — билабиальные у одной части восточных славян и [в] лабиодентальное — у другой, меньшей) для древнейшего периода, до падения редуцированных, можно предполагать с меньшей долей вероятности.

Основная часть диалектных различий у восточных славян возникла после падения редуцированных с середины XII в. и в позднейшее время. С XI в. по письменным памятникам нам известны черты древнего новгородского диалекта; со второй половины XII в. — черты, которые впоследствии станут особенностями украинского языка (киевские, галицко-волынские), с первой трети XII в. — черты, которые станут характерными для белорусского языка (смоленские, несколько позднее — полоцкие); рано становятся известными черты говора древнего Пскова. Главным образом по отсутствию языковых черт названных диалектов с XII в. выделяются по языку памятники Владимиро-Суздальской, позднее Московской Руси). Несомненно, рано развился и акающий диалект верхней и средней Оки и междуречья Оки и Волги, однако из этих территорий ранними памятниками мы не располагаем.

Таким образом, диалектная карта территории восточного славянства XI–XIV вв. даже к концу этого периода еще очень далека от карты последующей эпохи, когда оформляются, хотя и не вполне синхронно, языки русский, украинский и белорусский.

Карты диалектологического атласа русского языка охватывают только ту часть территории раннего восточнославянского заселения, на которой образовалась русская народность (в отличие от украинской и белорусской народностей) и русский язык (в отличие от языков украинского и белорусского). Эту территорию в древнейшую эпоху занимали новгородские (ильменские) словене, кривичи, вятичи, частично радимичи и северяне. Позднее на этой территории развились княжества и земли Новгородская (и зависимая от нее Псковская), Тверская, Ростово-Суздальская, Рязанская. Территории их в разное время были неодинаковы; крупные княжества членились на более мелкие удельные. После монгольского нашествия, когда Киевская Русь была разгромлена, запад и юго-запад восточного славянства оказались в составе Литовского Великого княжества, а затем Польско-Литовского государства. Сохраняют независимость Новгород и Псков. Традиции древнерусского Киевского государства переходят на северо-восток во Владимиро-Суздальскую Русь, центром которой с начала XIV в. становится Москва. Московское Великое княжество ведет борьбу «за собиране Руси», за объединение мелких удельных княжеств, за организацию единого централизованного Русского государства. В длительной борьбе с Рязанью и Тверью, Новгородом и Псковом к началу XVI в. Москва овладевает

всеми основными территориями, на которых сформировалась русская народность и русский язык. Русское централизованное государство в начальный период своего существования охватывало по преимуществу территорию, на которой был распространен один из северных диалектов — Владимиро-Ростово-Суздальский. Длительная самостоятельность Новгорода сказалась в том, что северные говоры, восходящие к старым говорам Владимиро-Суздальской и Новгородской земель, и сейчас существенно отличаются. По мере расширения Московского Великого княжества увеличивалась территория южного (акающего) диалекта. Большое значение для языкового развития Русского централизованного государства имело присоединение к Москве Рязанской земли и «Верховских княжеств» — территории по верхнему и среднему течению Оки, междуречью Оки и Сейма, а позднее — западных земель (Смоленск, Невель, Рославль и Трубчевск). Это содействовало все нарастающему вкладу южного наречия в развитие русского языка, который особенно увеличился в эпоху формирования русской нации и русского национального языка.

Говоры на территории Рязанской земли и «Верховских княжеств», видимо, единые по своему происхождению, отличались в связи с особенностями их исторических судеб («Верховские княжества» до начала XVI в. входили в состав Литвы). Западные говоры южного наречия, генетически не отличающиеся от примыкающих к ним восточнобелорусских говоров, поздно вошедшие в состав Русского государства, и сейчас явственно отличаются от других групп южных говоров.

С древнейших эпох восточные славяне на отдельных частях картографируемой территории контактировали с иноязычными племенами — финноугорскими и балтийскими, что могло отразиться в некоторых чертах соответствующих говоров.

На протяжении длительного времени диалектные различия развивались и углублялись, территория старых диалектных различий перекрывалась не раз новыми. Современная диалектологическая карта русского языка в своих определяющих чертах сложилась, видимо, к XVII в. или XVIII в. С тех пор преобладающим процессом постепенно стало «размывание» старых диалектных границ и границ отдельных диалектных различий, имевшее разные причины: развитие некоторых общерусских языковых тенденций, воздействие междиалектных контактов, а также воздействие складывающегося кодифицированного национального языка. Последний процесс, по существу, смог ощутимо проявиться только в Советскую эпоху. Следует отметить, что хотя направление этого процесса было единым и общим, одни диалектные различия подвергались ему легче, другие отличались большей стойкостью, причем в процессе взаимодействия диалектной речи и кодифицированной формы национального языка иногда появлялись и новые диалектные черты, обусловленные именно этим взаимодействием.

Таким образом, современное диалектное членение русского языка и распространение диалектных различий отражает не только те ранние эпохи, когда они образовались, но также и эпохи их более позднего существования.

Р. И. Аванесов

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЕГО ГОВОРАХ¹

<...>

VII

Рассмотрим ближе языковые процессы, приведшие к образованию современного русского (великорусского) языка.

Ростовско-Суздальская земля, как известно, с самого начала отличалась диалектным многообразием, что было обусловлено неоднородностью ее первоначальной славянской колонизации, в которой приняли участие восточные кривичи, а также словене, кроме того, вятичи, а частично, возможно, и другие племена. Однако количественно преобладающими и «задающими тон» в социально-экономическом и культурном отношении были потомки восточных кривичей с их говорами, имевшими *z* взрывное, различавшими *ц* и *ч*, не знавшими удлинения *о* и *е* в новых и закрытых слогах, развившими *ô* и *ê* соответственно на месте *о* под восходящим ударением и *ь*.

Весьма важным представляется следующее обстоятельство. Как известно, юго-западная часть Ростовско-Суздальской земли была колонизована вятичами: быв. Московский у. «за исключением небольшого куска на севере был весь вятическим»², «вятические поселения захватывают почти всю северную часть уезда, в том числе верховье реки Клязьмы»³, они продолжают по Клязьме и ниже устья р. Учи уже в пределах быв. Богородского у., который является смешанным вятическо-кривическим, и только ниже Клязьма оказывается населенной одними кривичами⁴. Москва находится в числе вятических городов, упоминаемых летописью XII в. «В XIII в.

¹ Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестн. МГУ. 1947. № 9. С. 136–157.

² Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930. С. 118–120.

³ Там же.

⁴ Там же.

на территории вятичей существовало несколько княжеств, в том числе Московское»¹, входившее в состав Ростовско-Суздальской земли².

Московское княжество, хотя и находившееся на земле вятичей, с образованием государственности входило в состав Ростовско-Суздальской земли как одно из княжеств политической системы северо-восточной Руси. Мы не располагаем никакими данными, которые свидетельствовали бы об отличии московского говора, во всяком случае, в XIII в. или в начале XIV в. от других говоров Ростовско-Суздальской земли. Возможно, что заметных отличий и не было: давняя особенность говора вятичей — фрикативное образование *z* (*γ*) могло уступить под влиянием основной части говоров Ростовско-Суздальской земли взрывному *z*, причем так как это вторичное усвоение *z*, если оно имело место, относилось к эпохе до оглушения согласных после падения глухих и, следовательно, до оглушения *z* или *γ* соответственно в *k* или *x*, то оно, естественно, не могло оставить никаких следов. Говоры на территории Московского княжества в его первоначальных пределах ничем не обнаруживают своего «вятического», т. е. в дальнейшем южновеликорусского, происхождения: здесь мы находим либо северновеликорусские говоры (по левому берегу р. Клязьмы), но отличающиеся заметно от говоров соседней территории («кривической») колонизации, либо говоры средневеликорусские (в междуречье Клязьмы и Москвы и южнее — по правому берегу р. Москвы), северновеликорусское происхождение которых вне всякого сомнения, т. е. говоры, исконно не имевшие аканья и приобретшие его в особой средневеликорусской форме в более или менее позднейшую эпоху.

Известно, что Московское княжество уже в конце XIII — начале XIV в. было одной из наиболее населенных территорий; оно меньше подвергалось нападениям со стороны татар, чем другие части Ростовско-Суздальской земли, не говоря уже о Муромо-Рязанской. Поэтому «сюда сбивалось население разоренных татарами русских княжеств»³. Это делало более разнообразным состав населения по этническому происхождению и, надо думать, по диалектам. В том же направлении действовали начавшиеся с самого начала XIV в. территориальные приращения, которые продолжались с нарастающей силой по мере усиления Московского княжества, перехода туда великокняжеского престола и митрополии, по мере превращения его в основной государственный центр на востоке, все более противопоставляемый другому политическому образованию на западе — Литовско-Русскому государству. <...>

¹ Арциховский А. В. Курганы... С. 160.

² Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Б. м. 1929. С. 31.

³ Там же. С. 32, 33, 40 и др.

Весьма любопытно сопоставить говоры на территории Коломенского уезда — также вятической земли, однако входившей в состав Рязанского княжества и присоединенной к Москве в начале XIV в. (в 1301 г.), с говорами на исконно московской земле. Изучение коломенских говоров свидетельствует о том, что во всяком случае значительная их часть явно южновеликорусская по происхождению и что средневеликорусские особенности в них появились в дальнейшем под влиянием московского говора как политически и культурно господствующего.

Указанное обстоятельство наряду с другими данными <...> дает некоторые основания для установления времени появления аканья. Несовпадение первоначальной территории распространения аканья с территорией вятичей свидетельствует о том, что возникновение аканья не относится ко времени родоплеменного строя. Отсутствие существенных исконных отличий между говорами районов вятической и кривической колонизации на территории Ростовско-Суздальской земли говорит о том же и, кроме того, свидетельствует о первоначальном отсутствии аканья на территории юго-запада Ростовско-Суздальской земли. С другой стороны, южновеликорусское происхождение значительной части говоров Коломенской волости, присоединенной к Москве в 1301 г., свидетельствует, видимо, о том, что к этому времени здесь, как и вообще в Рязанской земле, аканье уже наличествовало.

Таким образом данные лингвистической географии свидетельствуют о том, что образование аканья относится не к эпохе родоплеменного строя, а к эпохе феодальной раздробленности¹.

¹ О том же свидетельствуют показания письменных памятников и данные сравнительно-исторического изучения безударного вокализма акающих говоров.

Как известно, первые робкие следы аканья обнаружены в письменных памятниках только начиная с первой половины XIV в. Ученые, возводящие появление аканья к доисторической эпохе или вообще к более давнему времени, позднее отражение аканья в письменных памятниках объясняют традиционностью письма. Но этот аргумент сам по себе едва ли достаточно убедителен: почему в XV–XVI вв. так резко нарушились письменные традиции на определенных территориях? Почему аканье, ярко отразившееся в поздних памятниках белорусского и южновеликорусского происхождения, не отразилось в ранних смоленских и рязанских памятниках? Едва ли можно сомневаться в том, что если бы аканье искони было свойственно говорам Смоленской, Черниговской и Рязанской земель, то оно в той или иной мере, прямо или косвенно отразилось бы в письменных памятниках более древней поры.

Далее, все признают, что образование аканья так или иначе связано с новым перераспределением экспираторной силы между разными слогами — с редукцией гласных в одних безударных слогах и, напротив, их усилением — в других. Трудно себе представить, чтобы гласные полного образования подвергались редукции еще в то время, когда сами редуцированные гласные (ъ, ь) продолжали существовать, не подвергаясь дальнейшей редукции. Если бы такой процесс имел место, то судьба новых редуцированных из гласных полного образования в определенных безударных слогах и старых редуцированных (ъ, ь) совпала бы, т. е. и первые, как и ъ, ь в определенных условиях,

<...> вслед за Коломной (1301 г.) в 1353–1359 гг. были присоединены захваченные у Рязани территории по р. Протве и ее притоку Луже. <...> От Рязани к Москве отошла очень большая территория, увеличившая первоначальные размеры этого княжества едва ли не вдвое¹. Немногим позднее (в 1362–1389 гг.) в этом же направлении были присоединены к Москве <...> земли, примыкающие на юге к р. Угре и Оке.

Все эти присоединения делали еще более пестрым этнографический состав населения Московского Великого княжества и более разнообразными его диалекты, значительно усиливая при этом среди них позиции исконно акающих говоров, т. е. «южновеликорусских», если употребить терминологию позднейшей эпохи.

Со второй половины XIV в. русские князья, ранее оборонявшиеся от татар, постепенно переходят в наступление на степь, которое было вызвано прежде всего соображениями военно-стратегическими, а также экономическими. «Но это наступление должно было

утратились бы. Между тем этого нет ни в одном из акающих говоров. Поэтому естественно предположить, что появление аканья, связанное с новым перераспределением экспираторной полновесности гласных безударных слогов, относится ко времени после падения редуцированных.

Об этом же времени свидетельствует и изучение структуры вокализма акающих говоров. Как известно, в ней резко выделяются гласные 1-го предударного слога и прочих безударных, причем вокализм 1-го предударного слога имеет исключительно важное значение для истории русских говоров и их группировки: ср. разные типы и разновидности аканья и яканья. При этом надо иметь в виду, что гласные 1-го предударного слога современного русского языка в одних случаях и в прошлом занимали такое же положение по отношению к ударенному слогу (например *село, стена, слепой* и др.), а в других случаях соответствующие гласные оказались в 1-м предударном слоге только после падения редуцированных (например *цветка, пятка, лесной*; ср. др.-р. *цвътъка, пятъка, льсьныи*). Представляется весьма важным то обстоятельство, что это историческое различие совершенно не отразилось ни в одном из типов аканья: ср., например, при диссимилятивном аканье *съ стѣла* и рядом *нѣска* (др.-р. *носька*), но к *сталу* и рядом *наску*; при диссимилятивном яканье произносится *села, стена, ребая* и рядом *цветка, петна, лесная*, но к *сялу, стяну, рябую* и рядом *цвятку, пятку, лясную*. Если бы аканье в его известных нам старейших разновидностях сложилось до падения редуцированных, то не могло бы не быть структурных различий в реализации гласных фонем в 1-м предударном слоге, с одной стороны, тех из них, которые и до падения редуцированных были в этом положении, с другой стороны, тех, которые оказались в этом положении только после падения редуцированных.

Наконец, нельзя не отметить, что судьба редуцированных в сильном положении оказавшихся после падения слабых редуцированных в 1-м предударном слоге, совершенно не отличается от судьбы гласных полного образования *о* и *е* в том же положении. Ср. *тонка, темно* (др.-р. *тънька, тъмно*) и *вода, село*: произносится *тынка, выдѣ* или *танка, вадѣ; тьяно, сяло* или *тимно, силѣ* и т. д. (впрочем, слово *темно* во многих говорах имеет ударение на 1-м слоге: *тѣмно*). Это обстоятельство, как и указанные выше другие данные, ведет опять нас ко времени после падения редуцированных как к эпохе образования аканья.

¹Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. С. 59.

вызвать ответные действия со стороны татар, и с 60-х годов XIV столетия завязалась продолжительная и упорная борьба Северо-восточной Руси с татарами, причем главная роль в этой борьбе, как и естественно, принадлежала великому князю Московскому и Владимирскому, самому могущественному русскому владельцу»¹. В процессе этой борьбы объединились те разнородные элементы, из которых сформировался русский (великорусский) народ; в этой же борьбе окончательно сформировался и русский (великорусский) язык. <...>

Для образования русского языка в результате объединения диалектов старшей формации было важнее не приобретение новых обширных территорий на востоке и юго-востоке, слабо заселенных русскими или заселенных иноязычным населением, а приобретение новых земель на юге — по Оке и за Окой, с давних пор густо населенных потомками вятичей. <...> В результате этих приобретений удельный вес акающих говоров и вообще «южновеликорусского» элемента в составе русских говоров еще более усиливаются. Характерно, что эти ранние присоединения исконно «южновеликорусской» территории характеризуются умеренным яканьем, причем пределы распространения умеренного яканья почти в точности совпадают с последним из указанных выше обретений Москвы — Каширским и Тульским уездами. В противоположность этому территории на запад и юго-запад от этих уездов, оставшиеся еще в пределах Литовско-Русского государства, имеют другие типы яканья с преобладанием диссимилятивных. Частично здесь же приблизительно проходит граница между *у* и *ў* или *в*, *ф* (*ўнук*, *лаўка* или *внук*, *лафка*), тоже весьма важной диалектной чертой: она проходит примерно по Угре (в низовьях) и Оке по крайней мере от Калуги до Алексина, что соответствует границам Московского и Литовско-Русского государства конца XIV — начала XV в.² Можно считать, что замена диссимилятивного аканья недиссимилятивным (в частности умеренным яканьем) и *у*, *ў* звуками *в*, *ф* произошло в результате московского влияния, причем хронологическое приурочение отмеченных выше границ указывает на то, что эта замена относится ко времени не позднее XV в.

Таким образом, нет принципиальных отличий между говорами Коломенского уезда, присоединенного к Москве в 1301 г., и Каширского и Тульского уездов, присоединенных в конце XIV в. и в первой половине XV в.: там и тут, надо полагать, диссимилятивное яканье и *у*, *ў* уступили место умеренному яканью и *в*, *ф*. Характерно, что говоры всей этой территории (по принятой терминологии «Тульской

¹ Любавский М. К. Образование... С. 83.

² На это последнее обратил внимание еще Н. Н. Дурново. См. его Диалектологическую карту Калужской губернии (1903. С. 5); см. также его «Очерк истории русского языка» (1924. С. 220) и «Введение в историю русского языка» (Ч. 1. 1927. С. 137).

группы южновеликорусского наречия») имеют и еще ряд черт, сближающих их с средневеликорусскими говорами (например, замена звука *γ* звуком *в* в формах прилагательных и местоимений на *-ого*, *-его*), звука *е* звуком *о* в личных формах глаголов 1-го спряжения: вместо *несеть* — *несёт* и т. д.). Появление всех этих черт обязано московскому влиянию, которое здесь было наиболее интенсивно как благодаря наибольшей длительности этого влияния (в связи с ранним присоединением к Москве), так и благодаря территориальной смежности. Таким образом, не может быть сомнения в том, что говоры тульской группы не являются «чистыми» южновеликорусскими: их южновеликорусское происхождение безусловно, но в то же время их языковая система включает в себя черты, появившиеся под влиянием средневеликорусских говоров и прежде всего московского. Иными словами, перед нами, в сущности, средневеликорусские говоры с южновеликорусской «основой» и средневеликорусским «наслоением». <...>

VIII

Территориальные приобретения XVI века на юге относятся уже в значительной мере к территориям новой колонизации. Правда, сюда относятся такие исконно заселенные земли, как Северская земля с древними городами: Путивлем, Рыльском, Курском и др. Но это были большей частью запустевшие земли, которые вновь и бурно начинают заселяться со второй половины XVI века¹. Сюда относятся также территории на юг по Дону и далеко на юго-восток от Рязанского княжества. На этой территории мы находим сейчас, по преимуществу, говоры с разными разновидностями диссимилятивного яканья, т. е. южновеликорусские говоры, наиболее архаические по типу.

Чем можно это объяснить? Почему на местах новой колонизации, куда обычно сбивается население с весьма разных мест, мы находим не сбитый смешанный говор новейшей формации, а, напротив, наиболее архаический тип говора? Ответ на это дает изучение характера и путей колонизации южных окраин Московского государства в XVI–XVII вв. <...>

«...За XVII столетие пределы государства раздвинулись еще шире. В состав Московского государства окончательно вошел черноземный юг, экономическое и государственное значение которого среди других областей государства росло необыкновенно быстро. Экономический центр тяжести перемещался на юг по мере заселения южных областей и распашки богатой черноземной нови»². <...>

¹ См. *Миклашевский И. Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в. М., 1894. С. 5–8.

² *Готье Ю. В.* Замосковский край в XVII в. М., 1906. С. 88.

Указанный выше характер колонизации нашего юга путем постепенного «сползания» населения на соседние территории в южном направлении, как мне кажется, хорошо объясняет более архаичский характер южновеликорусских говоров на юге и юго-востоке территории их распространения. <...>

В то время как северная часть исконно южновеликорусской территории при движении на юг получала пополнение населения с севера, из основных районов Замосковского края, с его северновеликорусскими говорами и потому здесь мы не находим «чистых» южновеликорусских говоров, а говоры, образовавшиеся в результате сильного влияния севера (ср., например, тульскую группу говоров), южная периферия современной южновеликорусской территории получила свое население, главным образом, из соседних к северу районов с южновеликорусским же населением, и это не могло не содействовать сохранению здесь в большей чистоте архаичских типов южновеликорусских говоров¹. <...>

IX

<...> Язык северо-восточной Руси носил вполне выраженный «северновеликорусский» характер с оканьем, *z* взрывным, по преимуществу без цоканья. Таков был, видимо, и язык Московского княжества в его первоначальных пределах. В дальнейшем по мере территориальных приращений на юге усиливается «южновеликорусское» акающее начало.

На почве взаимодействия этих двух разных диалектов образуются средневеликорусские говоры, говоры, совмещающие одни черты — северновеликорусские с другими — южновеликорусскими и прежде всего аканье с *z* взрывным.

Как образовались средневеликорусские говоры? Каково было их значение для дальнейшего развития русского языка в его говорах? На эти важнейшие вопросы истории русского языка наука дает ответы, которые не могут считаться во всем приемлемыми.

Однако не подлежит сомнению, что образование средневеликорусских говоров представляет собой один из важных объективных признаков образования русского (великорусского) языка в нашем современном понимании, т. е. противопоставленного украинскому и белорусскому.

¹ Мы имеем в виду здесь прежде всего, конечно, говоры однодворческого по происхождению населения — потомков тех групп, которые явились на юге в результате еще первоначальной военной колонизации. Колонизация юга — помещичья, а также монастырская — продолжалась и позднее, в XVIII и XIX вв., и шла из разных мест. Это хорошо известно диалектологам по пестроте говоров разных по происхождению социальных групп на нашем юге.

На вопрос о происхождении средневеликорусских говоров А. А. Шахматов, Н. Н. Дурново и вообще авторы «Опыта диалектологической карты русского языка» дают один согласный ответ: «Изучение их звукового состава не оставляет сомнения в том, что в основании это северновеликорусские говоры, но они подверглись значительному и далеко неравномерному влиянию южновеликорусского наречия»¹. Средневеликорусскими «называются говоры, по происхождению с.-в.-р., развившие в себе аканье под влиянием ю.-в.-р. говоров»². Названные ученые в них всегда видят северновеликорусскую «основу» и южновеликорусское «наслоение». <...>

«Как переходные, мы можем рассматривать те великорусские говоры, — пишет Н. Н. Дурново, — в фонетическом строе которых мы видим соединение северновеликорусских и южновеликорусских особенностей... Можно заметить, что северновеликорусские черты этих говоров являются основными, исконными, а южновеликорусские представляют позднейшие наслоения. Северновеликорусскую основу в них можно предполагать уже на основании того факта, что усвоение северновеликорусскими говорами южновеликорусских черт, а из них самая яркая — аканье — происходит на наших глазах: в областях, лежащих на границе оканья и аканья, последнее постепенно распространяется насчет оканья...»³

Таким образом Н. Н. Дурново отождествляет современный процесс образования средневеликорусских говоров, т. е. прежде всего замены оканья аканьем под влиянием литературного языка, и старый процесс образования первичных средневеликорусских говоров, имевший место при совершенно иных исторических, социально-экономических, культурных и языковых условиях. В другом месте тот же ученый еще более определенно ставит знак равенства между этими процессами, утверждая, что «те же самые условия изменения говоров, какие являются в настоящее время, должны были действовать и в более старую эпоху»⁴.

<...> Н. Н. Дурново о языковых процессах прошлого судит на основе современных процессов, отождествляя их и минуя различия конкретно-исторических условий в разные эпохи. Современный процесс — влияние одного говора (носителей культурного превосходства) на другой — генерализуется и объявляется универсальным для переходных говоров, образовавшихся в разное время и в разных условиях. Между тем современный процесс образования средневеликорусских говоров путем влияния литературного языка и шире

¹ Шахматов А. А. Курс истории русского языка. Т. I. С. 152.

² Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. 1927. Ч. I. С. 140.

³ Дурново Н. Н. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. I. Южновеликорусское наречие. М., 1917. С. 9.

⁴ Там же.

городского (акающего) просторечия на северновеликорусские говоры и старый процесс образования первичных средневеликорусских говоров качественно был различен, поскольку последний относится ко времени, предшествующему образованию московского говора и приобретению им господствующего значения.

<...> Имеющийся материал приводит исследователя к заключению, что между средневеликорусскими говорами безусловно есть и такие, в которых трудно найти «основу» и «наслоения»; и в остальных говорах, по отношению к которым можно говорить об основе и «наслоении», не всегда «основа» северновеликорусская, а «наслоение» южновеликорусское; имеются и такие говоры, для которых несомненны обратные соотношения.

Если наслоения объясняются влиянием одного говора на другой, то такой процесс мог осуществиться главным образом при культурно-политическом и экономическом преобладании носителей одного говора над носителями другого. Условия для такого влияния безусловно были налицо, когда московский говор приобрел свое ведущее значение. Напротив, заметных причин такого влияния не было в более раннюю эпоху. Поэтому в первичных средневеликорусских говорах, образовавшихся в более раннюю эпоху, видимо, нельзя различить основу и наслоения. Значительная часть территорий старых, первичных средневеликорусских говоров издавна имела смешанное, этнически неоднородное население, отличающееся и по своим диалектам. В домосковскую эпоху не было решительного в политическом, экономическом и культурном отношении преобладания носителей одного диалекта над носителями другого. При этом, если оно намечалось, то это было скорее преобладание окальщиков над акальщиками, а не наоборот, в связи с чем, согласно теории А. А. Шахматова и Н. Н. Дурново, можно было бы ожидать образования средневеликорусских говоров с южновеликорусской основой и северновеликорусским наслоением. Можно думать, что в этих условиях первичные средневеликорусские говоры образовались не в результате влияния одного говора на другой, т. е. чисто языкового процесса, а благодаря этническому смешению, смешению самих носителей разных диалектов, одним из результатов которого было образование нового типа диалекта — «смешанного» или «переходного», объединяющего в себе отдельные черты разных диалектов. Трудно говорить по отношению к диалекту, образовавшемуся таким образом, о наличии в нем «основы» и «наслоений»: подобный диалект, как качественно новое образование, характеризуется именно своей двойной основой. И различные особенности такого диалекта, восходящие к двум более древним диалектам разных этнических групп, равно исконны для него. <...>

При изучении истории образования средневеликорусских говоров, процесса того или иного взаимодействия между окающими и акающими говорами обращает на себя внимание постоянный результат

этого взаимодействия — появление аканья во вновь образующемся смешанном говоре. Чем объясняется подобный результат?

Результат языкового смещения определяется взаимодействием разных факторов, в конечном счете обусловленных причинами социально-экономического порядка. Это, с одной стороны, фактор структурно-языковой, с другой стороны, культурно-исторический. В одних случаях оба они действуют в одном направлении, в других — противостоят друг с другом, и результат в этом случае может быть разным в зависимости от данной конкретно-исторической ситуации. При нейтральности фактора культурно-исторического (например, если нет перевеса в культурном и социально-экономическом отношении за носителями одного из смешивающихся говоров) результат языкового смещения может определяться структурными особенностями смешивающихся диалектов.

При встрече окающего и акающего говоров благодаря структурным особенностям оканья и аканья перевес должен оказаться за аканьем, так как принцип аканья, т. е. неразличения в безударных слогах гласных неверхнего подъема, проще принципа оканья, которое заключается в различении их. Переход от оканья к аканью безболезнен и легок, в то время как переход от аканья к оканью весьма затруднителен. Этот результат обычен, если оба смешивающихся говора в культурно-историческом и социально-экономическом отношении более или менее равноценны¹.

Так объясняется аканье средневеликорусских говоров древнейшей формации, так как они образовались до приобретения говорами Москвы господствующего значения, т. е. в то время, когда за аканьем не было культурного и социально-экономического превосходства. Больше того, известное превосходство в этом отношении перед потомками вятичей было у окальщиков-северноруссов. Но несмотря на это аканье возобладало, и это надо объяснить самой структурой смешивающихся диалектов.

В дальнейшем, когда московский говор и с ним вместе в известной мере вообще средневеликорусские говоры занимают господствующие позиции, к фактору структурному с возрастающей мощностью присоединяется фактор культурно-исторический: московский говор начинает оказывать все более и более заметное давление на развитие как южновеликорусских, так и северновеликорусских говоров. <...>

С окончательным возобладанием акающего московского говора в языке господствующей части населения, администрации, с завое-

¹ Ср. то же по отношению к аффрикатам: при прочих равных условиях в результате взаимодействия говоров, из которых один различает *ц* и *ч*, а другому свойственно цоканье, совпадение *ц* и *ч* в одном звуке, — образуется говор цокающий. Это объясняется, между прочим, тем, что переход от различения *ц* и *ч* к цоканью ничем не затруднен, между тем как переход от цоканья к различению *ц* и *ч*, как это знают диалектологи, представляет собой труднейший, болезненно протекающий процесс.

ванием аканьем господствующих позиций начинается его продвижение в результате средневеликорусского влияния в разных направлениях: на севере оканье сменяется аканьем, а также другие северновеликорусские особенности южносредневеликорусскими. На юге диссимильативное яканье сменяется умеренным через посредство нескольких промежуточных этапов, продвигаются и другие северносредневеликорусские черты. <...>

<...> Продвижение аканья на север — явление весьма недавнего времени. Ему предшествовало (продолжающееся и ныне) продвижение средневеликорусского аканья (в частности, умеренного яканья) и северновеликорусских по происхождению черт, свойственных средневеликорусским, на юг. Это привело в южновеликорусской области к образованию группы говоров, резко отличных от остальных южновеликорусских и сближающихся с средневеликорусскими. Такова тульская группа говоров, смешанная по своему происхождению, но никак не северновеликорусская по своей основе. <...>

XI

<...> Московская Русь как государство отпочковалась от политической системы северо-восточной Ростовско-Суздальской Руси. Господствующий класс и близкие к нему группы — боярство, служилые люди, дьяки, духовенство — на первых порах в значительной своей части были выходцами из Владимира, Суздаля, Ростова, Переяславля-Залесского и др. городов северо-восточной Руси и говорили на севернорусском окающем наречии. Низшие же классы, массы населения говорили на разных диалектах: на север от Москвы распространено было окающее наречие, на юг — акающее «южновеликорусское». С давних пор вокруг Москвы находилось население, этнически и по своим диалектам неоднородное.

Каков же был первоначально говор г. Москвы? Шахматов справедливо пишет, что «жители Москвы при начале ее роста принадлежали к разным русским племенам»¹. «В Москве одни говорили по-севернорусски, другие по-восточнорусски, одни окали, другие акали, причем высшие классы употребляли, как кажется, севернорусское наречие»². Вполне справедливо и такое утверждение Шахматова: «Исследователь московской *koivč* лишен возможности, анализируя это цельное в звуковом отношении наречие, определить, который из двух встретившихся в Москве русских говоров лежит в основании его и который внес в это основание свои наносные особенности, — так тесно срослись оба говора, так прочна создавшаяся амальгама»³. <...>

¹ Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. С. 65.

² Там же.

³ Там же. С. 66.

Что же касается вопроса о происхождении средневеликорусских говоров и, в частности, московского как одного из них, то, как это видно из предыдущего, нам кажется, что А. А. Шахматов был гораздо ближе к истине, когда говорил, что исследователь московского говора «лишен возможности определить», что «лежит в основании его» и что представляет собой наслоение, «наносные особенности». Он был ближе к истине также и тогда, когда в прямом противоречии с выдвинутыми им и его последователями взглядами писал: «Возможно, что некоторые из этих (переходных, средневеликорусских. — Р. А.) говоров имеют в основании своем севернорусские, между тем как другие восточнорусские»¹.

<...>

ХII

При рассмотрении истории образования русского языка в его говорах большое значение имеет вопрос о том, как развивались русские говоры в эпоху после образования средневеликорусских говоров. <...>

Весьма показательно, что черты отличий между северновеликорусским и южновеликорусским наречиями с исторической точки зрения образуют две неравные группы: в одну, менее многочисленную, входят явления, восходящие ко времени, предшествующему образованию великорусского языка (точнее, его средневеликорусского ядра), в другую — явления позднейшие.

К первой группе относятся такие черты, как *z* или *y*, оканье или аканье. Они свидетельствуют о давней неоднородности состава русского языка. Однако длинный ряд специфически северновеликорусских или южновеликорусских особенностей возник и развивался в XIV–XVII вв., а возможно даже и позднее. Это с несомненностью говорит о том, что в эпоху после образования великорусского языка (точнее, его средневеликорусского ядра) северная и южная периферии еще не были затронуты объединительным процессом: та и другая, напротив, еще в значительной мере продолжали жить своей отдельной языковой жизнью, вырабатывая новые диалектные различия. <...>

Значительная часть северновеликорусских и южновеликорусских говоров и после образования средневеликорусского ядра в течение ряда веков продолжала жить своей особой языковой жизнью, вырабатывая все новые диалектные различия. Что действительно поразительно, то это не результат лингвистический в собственном смысле, т. е. структурный, а результат культурно-исторический, обусловленный социально-экономическими и политическими причинами: то, что один из образовавшихся на весьма ограниченной территории

¹ Шахматов А. А. Курс истории русского языка. Т. II. С. 752.

центра смешанных говоров лег в основу языка Москвы и вместе с тем общего языка Московского государства, а затем и его общенационального литературного языка, объединив таким образом собой весь русский народ. <...>

О. И. Блинова

МОТИВАЦИОННО СВЯЗАННЫЕ СЛОВА КАК ОБЪЕКТ ДИАЛЕКТНОЙ МОТИВОЛОГИИ¹

Мотивология относится к тем немногим исследованиям русского языка, которые строятся на экспериментальной основе.

Ю. Н. Караулов

Давней традицией языкознания, как и науки вообще, являются два разнонаправленных процесса — процесс интеграции наук и научных направлений и процесс их дифференциации. Русской диалектологии, которая еще до конца XIX в. была придатком к этнографии, лишь в конце века был придан самостоятельный статус А. И. Соболевским в труде «Опыт русской диалектологии» (1897) и неоднократно подтвержден в работах А. А. Шахматова, Е. Ф. Будде, Н. М. Каринского, В. И. Чернышева, А. М. Селищева, П. Я. Черных и многих других. <...>

Процесс дифференциации в сфере описательной диалектологии продолжился и продолжается на новом витке — в области диалектной лексикологии, что особенно отчетливо проявляется в рамках Томской диалектологической школы <...>

К числу сформировавшихся и активно развивающихся научных направлений принадлежит **диалектная мотивология**, зародившаяся в лоне общей и диалектной лексикологии как ответвление с ярко выраженным антропоцентрическим характером. <...> И хотя целостная теория мотивологии² разработана с привлечением разных источников: литературного языка и диалектов, городского просто-

¹ *Блинова О. И.* Мотивационно связанные слова как объект диалектной мотивологии // Диалектное словообразование: морфемика и морфонология. СПб.: Наука; Вологда: ВГПУ, 2007. С. 117–152.

² *Блинова О. И.* Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984; *Блинова О. И.* Словарь внутренних форм слова // Русские старожильческие говоры Сибири. Томск, 1987, и др.

речия и детской речи, языка художественных произведений и средств массовой информации, основные положения этой теории возникли и апробированы прежде всего на диалектном материале. По данным библиографического справочника по мотивологии¹, из 450 работ (включая кандидатские и докторские диссертации), на диалектном материале или с его использованием написано по 2005 г. включительно 258 работ, в том числе 9 монографий и словарей, 18 кандидатских и 8 докторских диссертаций. <...>

Диалектная мотивология (ДМ) как зарождающееся научное направление заявила о себе в начале 70-х гг. XX в., хотя ключевые ее положения появились разрозненно в периоды, отдаленные десятками столетий: древнегреческий философ Платон открыл явление «идеи имени», «идеи образа» <...>, а первое его разноаспектное осмысление под названием «внутренней формы слова» осуществил А. А. Потебня в XIX в.² В том же веке Ф. де Соссюр ввел в науку о языке понятие о мотивированных и немотивированных словах («знаках»), сформулировав два их свойства — «произвольность, или условность», и «мотивированность», а также понятие «ассоциативных», или мотивационных, отношений слов³. Эти три понятия — *внутренняя форма слова*, *мотивированность*, *мотивационные отношения* — сыграли основополагающую роль для мотивологии.

Понятие мотивированности, возникнув в сфере общего языкознания, стало объектом рассмотрения ряда лексикологических дисциплин (этимологии, собственно лексикологии, ономастиологии, топонимастики, фразеологии) и синхронного словообразования. <...>

В исторической лексикологии получили освещение лексические процессы возникновения и утраты словом мотивированности («народная этимология», деэтимологизация) <...> в ономастиологии мотивированность стала одним из центральных научных понятий <...> была предложена идея выделить мотивологию в качестве раздела этимологии, многоплановой интерпретации подвергалось понятие внутренней формы слова.

<...> Было дано первое систематизированное представление **мотивологии** как науки об одном из ранее не изучавшихся лексическом явлении — **явлении мотивации слов** — в докторской диссертации «Проблемы диалектной лексикологии» О. И. Блиновой⁴, где оно рассмотрено наряду с другими лексическими явлениями — явлением формального варьирования слова и явлением синонимии — и где

¹ Мотивология: Библиографический указатель / сост. О. И. Блинова, А. С. Филатова. Томск, 2004. 78 с.

² Блинова О. И. Внутренняя форма слова и ее функции // Русистика сегодня. М., 1995. № 2. С. 114–124.

³ Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.

⁴ Блинова О. И. Проблемы диалектной лексикологии: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 1975. 44 с.

определены в лексикологическом ключе исходные научные понятия мотивологии, проанализированы лексические процессы, обслуживающие тенденции к мотивированности и произвольности языкового знака, обращено внимание на функции внутренней формы слова и мотивационно связанных слов. <...>

Рождение мотивологии совпало с бурным периодом развития ономазиологии, семасиологии, дериватологии, в немалой степени способствовавших формированию ее научно-понятийного аппарата. <...>

До возникновения мотивологии в различных областях лингвистического знания существовали разрозненно такие научные понятия, как «внутренняя форма слова», «народная этимология», «деэтимологизация», «ассоциативные (деривационные, мотивационные) отношения слов», «мотивированный / немотивированный знак», «мотивированность / немотивированность знака», «тенденция к мотивированности / немотивированности знака» и некоторые другие, используемые в работах по общему языкознанию, этимологии, словообразованию.

С использованием лексикологического подхода к слову как единице лексико-семантической системы языка, а также принципов антропоцентризма, синхронности, системности, интегративности, функционализма была предложена такая интерпретация ранее существовавших понятий, которая позволила им обрести подобающее место в рамках мотивологии в качестве органично связанных компонентов единой ее терминосистемы.

Своеобразной «стартовой площадкой» мотивологии, ее «началом начал» является взгляд на слово не только как компонент лексической системы языка, но и как компонент метаязыкового сознания человека, говорящего коллектива. «...Слово, — писал Ж. Вандриес в начале XX в., — присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность. <...> Оно зарегистрировано в моем сознании со всеми контекстами, в которых я его употребляю, со всеми сочетаниями, ему свойственными»¹.

Антропоцентрический подход к слову, связанный с восприятием его человеком, носителем языка, высветил еще одно, важнейшее свойство слова на основе сознания носителем языка взаимообусловленности звучания и значения лексической единицы, т. е. ее мотивированности. Многочисленные свидетельства тому — показания метаязыкового сознания носителей диалекта, рассыпанные на страницах десятков областных словарей, а концентрированно представленные в «Мотивационном диалектном словаре: Говоры Среднего Приобья».

¹ Вандриес Ж. Язык (лингвистическое введение в историю). М., 1937. С. 171.

Как следствие антропоцентрического вкупе с системным и синхронным подходом к слову термин «мотивированность», один из центральных терминов мотивологии, получил интерпретацию свойства слова как элемента лексической (а не словообразовательной) системы, свойства, обусловленного соотношением слова с мотивирующими его лексическими (не производящими) в данный период единицами языка, независимо от его номинационной, словообразовательной и этимологической истории, которая устанавливается исследователем, а не рядовым носителем языка.

Так, мотивированность слова *подушка* (этимологически от *подуха* ‘перина’ → *дух* ‘надутое’) носителями современного русского языка, по данным психолингвистических экспериментов, осознается как ‘постельная принадлежность’ (эта сема выражена сегментом -КА, представленным в одноструктурных лексических единицах *наволочКА*, *матрасовКА*), которую кладут под ухо или под ушко, отсюда мотивационная структура слова — ПОД|УШ|КА. Еще пример. Мотивированность названия гриба *волнушка* (этимологически от *волна* ‘шерсть’) носители языка в настоящее время осознают как ‘гриб (эта сема выражена сегментом -УШКА по аналогии с другими названиями грибов — *свинушка*, *чернушка*) с волнистым краем шляпки’, отсюда мотивационная структура слова — ВОЛН|УШКА. <...>

Основными единицами мотивологического исследования являются **слово** и его **внутренняя форма**, которые связаны с понятием **мотивированности** — структурно-семантическим свойством слова, позволяющего осознать взаимообусловленность его значения (семемы), звучания (лексемы) на основе соотносительности с языковой или неязыковой действительностью. <...> Средством выражения мотивированности в слове служит его **внутренняя форма** (ее определение дано выше). <...>

При лексикоцентрическом подходе предмет анализа представляют слова **мотивированные** (полностью мотивированные: ПОД|СОЛН|УХ) и **полумотивированные** (частично мотивированные: лоп|УХ). Здесь и далее прописными буквами выделены мотивированные (осознаваемые носителем языка, или семантизированные) сегменты слова, строчными — немотивированные, или несемантизированные; вертикальная линия отделяет семантизированные сегменты лексической единицы. При текстоцентрическом — *мотивационно связанные слова* (пары, цепочки, блоки). **Мотивационно связанными словами** (МСС), или мотивацией, считаются слова, вступившие в мотивационные отношения, обнаруживающие их мотивированность: лексическую (выражающую мотивировочный признак: ВОЛЧий [воет]) и/или структурную (выражающую классификационный признак: кактус, крокус [ус — растение]). Компонентами МСС являются мотивированные, полумотивированные и немотивированные лексические единицы: *А снегирь — летом*

чёрны, а потом сереньки делаются, почти белы, это — зимой, потому и «снегирь» зовётся, что как снег (Мохово, Том. обл.). <...>

Выявлены следующие функции МСС в эстетически организованной сфере диалекта, реализующие различные фигуры речи:

— прием лексического повтора, в который вовлекаются МСС с лексическим и структурным типом мотивации («*Горе, ты мое горе, горюшко, ты на меня навяза-алось. Было так, что вот до того горе, до того горько, что кажется, что задавляешь*». «*А теперь организ-ма слаба стала. Изролено всё, измучено, изношено*»);

— прием кольца, обрамляющий высказывание и придающий ему целостность («*На Яру-то была красавица кака — церква! Да ее бы только чего бы — гля красоты бы держали бы. Ой! Ограда была больша, выкладено все кирпичом было, все было побелено, церква была двухэтажна — больша, красива*»);

— прием параллелизма, способствующий ритмизации речи («*Така хорошенька девочка была. Она така беленька, така приятненька, девочка была хорошенька*»);

— прием анафоры («*Где детей много, там и горя не оберёшься. В детстве ничё не видела, работала сызмальства*»);

— прием звукописи, нередко сопряженный с другими приемами («*Колокольчики повесят, едут. Красиво так: мороз, светло, блеск кругом и коло-коло-коло-коло, тихо так — колокольцы звенят*» и многие другие). <...>

МСС как элементы народно-поэтического стиля, инкрустированные в речевую ткань диалекта, существенно дополняются мотивационными парами и блоками, компоненты которых обладают образностью — свойством языковых единиц с двуплановой семантикой и метафорическим способом ее выражения. <...> В их числе — языковые метафоры, собственно образные слова, двусоставные номинации, сравнительные обороты, компаративные фразеологизмы, творительный подобия. <...>

Мотивированная лексика русских диалектов в феноменально огромном количестве представлена в областных словарях России XIX–XX вв., в еще большем числе она хранится в словарных карточках НИИ и вузов страны, в материалах диалектологических экспедиций. <...>

Таким образом, все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

1. Имеются достаточные основания считать становление диалектной мотивологии свершившимся фактом. К наиболее разработанным ее аспектам следует отнести: методологический, онтологический, функциональный, лексикографический, отчасти динамический и источниковедческий.

2. Мотивационно связанные слова, актуализированные в текстах и метатекстах, составляют предмет исследования в рамках всех аспектов диалектной мотивологии, включая сопоставительный.

3. Диалектная мотивология характеризуется огромным научным потенциалом. Богатейшая фактическая база, которой обладает диалектология, позволит решать теоретические проблемы лингвистики и ее практические задачи.

С. С. Высотский

РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ В КОНЦЕ XIX В. И В НАЧАЛЕ XX В.

(до Великой Октябрьской социалистической революции)¹

I

Характерной чертой развития русской диалектологии можно считать то, что она постепенно выделилась как самостоятельная отрасль знания не только на базе чисто описательных «обобщений» некоторых «особенностей» народных говоров, но и на основе работок древней и современной истории русского языка, а также изучения народного творчества и этнографии. В этом ярко сказывается неразрывная связь диалектологии с историей языка и историей народа. <...>

Последние десятилетия XIX в. ознаменовались значительным развитием сравнительно-исторических и диалектологических работок в области русского языка, что диктовалось общим уровнем филологической науки в период расцвета младограмматического направления. Перед русскими учеными стояла главная задача — создание истории родного языка, а для этого было необходимо расширить изучение ее основных источников: с одной стороны — памятников письменности и с другой — живых народных говоров. Если изучение языка отдельных памятников древнерусской письменности к 80–90-м гг. XIX в. было значительно продвинуто вперед, то русская диалектология как самостоятельная отрасль изучения языка еще недостаточно четко определилась в своих основных контурах, хотя после трудов В. И. Даля, А. А. Потебни, М. А. Колосова она уже обладала до некоторой степени сложившейся традицией специального исследования и могла опереться на довольно

¹ *Высотский С. С.* Развитие русской диалектологии в конце XIX в. и в начале XX в. // История русской диалектологии. М., 1961. С. 30–67.

обширный фонд собранных диалектологических материалов, главным образом словарных. <...>

...Появилось еще несколько диалектологических статей и много публикаций нового материала, преимущественно фольклорного и краеведческого характера, где встречались сведения о народных говорах. Новые диалектологические данные необходимо было приобщить к собранным прежде, точно определить географическое размещение отдельных языковых явлений, наметить хотя бы в основных чертах наиболее крупные группировки говоров, дать их языковую характеристику, указать местоположение этих группировок в России.

Поставленную задачу в значительной мере выполнил уже в то время крупный исследователь и историк русского языка А. И. Соболевский, с именем которого связана эпоха развития русского языкознания на рубеже XIX–XX вв., когда уточнялись задачи и возможности русской диалектологии, выяснялась специфика ее как отдельной дисциплины в общем круге филологических наук.

А. И. Соболевский на основании анализа памятников письменности выявил наличие древнерусских говоров и этим самым положил основание исторической диалектологии. Изучение древних и современных русских говоров в сравнительно-историческом плане показало их историческую преемственность и закономерность языкового развития, неразрывные связи и в то же время специфику двух разделов истории языка — исторической и современной диалектологии.

Читая в Петербургском университете лекции по истории русского языка и всегда привлекая данные русских говоров на различных этапах их исторического развития, А. И. Соболевский со временем выделил самостоятельный курс «Русской диалектологии», что было новаторством в практике университетского преподавания. <...>

Оценивая первый курс диалектологии, необходимо учесть степень подготовки материалов, которыми мог оперировать диалектолог в тот период развития науки. А. И. Соболевскому пришлось проделать громадную работу по собиранию печатного материала, разыскиванию диалектологических сведений в различных книгах, журнальных статьях, иногда в малоизвестных провинциальных изданиях; делать выборки из рукописного материала в архиве Русского географического общества, где хранились ответы на разосланные в середине XIX в. «программы»–вопросники краеведческого содержания. Полученная сводка почти исчерпывала известные тогда в литературе данные по русским говорам. Однако сам автор, видя необходимость более основательного построения науки о диалектах, был не удовлетворен содержанием собранного материала из-за его скудности и отрывочности. Дать равномерную и полную диалектологическую характеристику всех местностей России оказалось невозможным. Все же А. И. Соболевскому удалось сделать важный

шаг вперед: не только привести в известность обширный диалектологический материал, но и выявить — хотя и в самых общих чертах — местоположение основных русских говоров, указав на их некоторые типичные языковые признаки, положить начало методике систематического изложения этих сведений. Тем самым была дана первая схема новой науки — русской диалектологии, которая определялась самим автором как наука вспомогательная для построения истории языка. А. И. Соболевский полагал, что поскольку в диалектах сохраняются некоторые явления, отсутствующие в литературном языке, изучение их может способствовать реконструкции форм общерусского языка. Знание современных диалектных фактов может также помочь объяснению темных мест памятников письменности. Как вспомогательная наука диалектология послужит и для изучения истории страны, поскольку историки сталкиваются с вопросами (например, о происхождении населения), разрешению которых могут содействовать данные местных говоров. <...>

...Благодаря первым обобщающим работам А. И. Соболевского в области диалектологии открылась широкая перспектива для ее дальнейшего развития. Стало ясным, какие разделы данной науки требуют в первую очередь подкрепления свежим материалом. Вновь встала необходимость четкого разрешения проблем, касающихся самого существования говоров, развития их системы, их географических границ; выявилась необходимость организации диалектологических исследований на более широкой основе, чем это делалось прежде, — с привлечением данных по лексике и синтаксису народных говоров. Встал вопрос о повышении качества собираемого материала, который до сих пор поступал преимущественно стихийно и главным образом от краеведов-любителей, часто не имевших подготовки в области языкознания. Появление трудов А. И. Соболевского, его постоянное обращение к фактам живых говоров для подкрепления выводов, касающихся истории языка (в его «Лекциях по истории русского языка», а также в многочисленных статьях и рецензиях, посвященных этой теме), — все это способствовало общему подъему диалектологии, так как побудило многих языковедов заняться уже непосредственным сбором диалектологического материала на местах и его сравнительно-историческим анализом.

Для данного этапа развития диалектологии характерен быстрый рост числа публикаций научных статей, более или менее глубоких заметок, касающихся в основном современного состояния говоров не только русского, но также белорусского и украинского языков. Как на своеобразное явление можно указать на расширение интереса к диалектологическому краеведению в различных местностях России. Авторы, по большей части преподаватели средней и начальной школ, считали своим долгом описать говор местности, в которой они жили (иногда свой родной говор). Обширность

привлекаемого материала и его подлинность в значительной мере возмещали известные недостатки наблюдений, проведенных часто без необходимой научной тщательности. Некоторые из таких описательных работ являлись плодом многолетнего собирания материалов и вышли в свет еще до диалектологических обобщений А. И. Соболевского. Но встречаются и прямые указания молодых авторов, что их работы возникли под влиянием знакомства с «Очерком русской диалектологии»; многие работы обнаруживают структурную зависимость от него, причем это по большей части подтверждается соответствующими ссылками на исследования А. И. Соболевского¹. <...>

Большое влияние А. И. Соболевского обнаруживается в ранних работах его ученика Н. М. Каринского, пришедшего, как и А. И. Соболевский, к занятиям современной русской диалектологией от углубленного изучения памятников письменности и древнерусских диалектов. Навыки исследователя древних текстов, привыкшего обычно истолковывать «чужие» записи, всегда неполные в каком-либо отношении, Н. М. Каринский расширил, так как он владел методами непосредственных диалектологических наблюдений и записи живой речи. В своих известных исследованиях псковских памятников письменности Н. М. Каринский сопоставляет их языковые черты с чертами современных говоров той же области. <...> Обнаружив изменение одних и сохранение других языковых явлений, Н. М. Каринский стремится не только отметить их, но и объяснить причины, вызвавшие развитие говора, причем особо обращает внимание на «смешанность» всех говоров. <...>

К этому же этапу развития русской диалектологии всецело относятся первые монографии Е. Ф. Будде — его диссертации, посвященные историко-сравнительному изучению народных говоров Рязанской области <...>, а также ряд диалектологических статей — отчетов о поездках в Тульскую, Калужскую, Орловскую и другие губернии², написанных на основании непосредственных, хотя и не всегда планомерных наблюдений над говорами. Влияние школы Ф. Ф. Фортунатова, последователем которого считал себя Е. Ф. Будде, проявилось в его исключительном интересе к фонетике говоров, в тонкости фонетических наблюдений при характеристике оттенков отдельных звуков.

<...> Он был одним из первых диалектологов, предпринявших ряд диалектологических поездок по России, имея определенную научную цель. Поставленная им задача — выявление языковых

¹ См.: *Филатов К.* Очерк народных говоров Воронежской губернии // Русский филологический вестник. 1897. Т. XXXVIII. № 3–4, а также статью *П. Чудовского* «Материалы для изучения белорусских говоров» (Там же. 1898. Т. XL. № 3–4).

² См., например: Известия ОРЯС АН. 1898. Т. III, кн. 3; Сборник ОРЯС АН. 1904. Т. LXXVI. № 1.

следов «колонизации вятичей» — неверно разрешалась автором в силу недостаточного общего уровня лингвистической и исторической науки, упрощенно подходивших в то время к вопросам взаимоотношения истории языка и истории народа. Но в результате поездок Е. Ф. Будде в научном обращении появился новый громадный материал, собранный в разных (часто не исследованных еще в диалектологическом отношении) местностях России. Этот материал в дальнейшем неоднократно использовался во многих работах других авторов, в курсах истории языка и диалектологии, не раз служил стимулом для проведения целого ряда сравнений и постановки новых исследовательских задач. <...>

II

Первые историко-диалектологические работы видного представителя школы Ф. Ф. Фортунатова — А. А. Шахматова открыли на рубеже XIX–XX вв. новый этап развития русской диалектологии. Вслед за А. А. Шахматовым выступили его единомышленники — также ученики Ф. Ф. Фортунатова — Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков и др., продолжавшие разрабатывать в первые десятилетия XX в. наиболее плодотворные идеи школы Ф. Ф. Фортунатова.

<...> Творческий метод А. А. Шахматова послужил образцом для целого поколения диалектологов. Он характеризуется глубоким пониманием исторического и современного языкового материала и вместе с тем смелыми поисками новых путей его интерпретации, умением создавать рабочие гипотезы, на базе которых могли бы выработываться твердые научные положения, обосновывающие дальнейший рост русского языкознания.

<...> По мнению А. А. Шахматова, детальное сравнительно-историческое исследование современных говоров, особенно с фонетической стороны, может в лучшей степени осветить состояние древнерусских говоров, поскольку памятники, отражающие язык своего времени несовершенными способами письма, скованными к тому же традицией, могут быть далекими от живой речи соответствующей эпохи. <...>

А. А. Шахматов активно изучал живую речь, применяя метод личного диалектологического наблюдения, для чего предпринял ряд поездок в Олонецкую, Минскую, Калужскую, Рязанскую губернии и другие местности.

В результате А. А. Шахматовым были найдены и впервые объяснены чрезвычайно важные по своему значению для истории языка диалектные явления, из которых одни прежде пропускались неопытными наблюдателями, а другие, хотя и попадали в научное обращение, все же не были поняты до конца. Достаточно упомянуть об его записях олонецкого говора, характеризуемого особым

явлением вокализма — «ляпаньем» (которое недостаточно изучено даже в настоящее время), о синтаксическом материале из фольклорных записей в Олонецкой и Архангельской губерниях, о его записях говором, имеющих один или два дифтонга в системе вокализма.

Расширение А. А. Шахматовым фонда диалектологических данных и распространявшаяся мысль о существовании звуковой системы языка направили внимание русских диалектологов на исследование живых закономерностей изменения звуков в зависимости от их положения в слове (необходимость, далеко не в полной мере осознанная в то время даже такими крупными учеными, как А. И. Соболевский и Е. Ф. Будде, так и не понявших из-за этого природы южновеликорусского вокализма).

Судя по ранней работе А. А. Шахматова «Исследование в области русской фонетики»¹, посвященной анализу вокализма русского языка в его говорах, можно заключить, что автор еще недостаточно расчленяет явления предударного и заударного вокализма, что ему, как и другим языковедам того времени, еще неизвестен характерный и сложный тип предударного вокализма — диссимилятивное аканье. Так же как и А. И. Соболевский в своем «Очерке русской диалектологии», А. А. Шахматов приводит в качестве простого смешения примеры типа *выд́а, вад́ы*, которые в ряде говоров встречаются рядом. Но уже в следующей работе «Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров» А. А. Шахматов определяет решающую роль гласного ударного слога в системе архаичного южновеликорусского предударного вокализма и этим самым открывает для русской диалектологии новый раздел фонетических отношений, специфичных в основном для южновеликорусского наречия. До этого языковедам была более знакома другая зависимость, определяющая позиционные изменения гласных в славянских языках, в том числе в русском и в особенности в его окающих говорах: влияние на гласный твердости или мягкости следующего согласного.

В представлениях о южновеликорусском вокализме открытие А. А. Шахматова произвело переворот. Следующие диалектологические наблюдения многих авторов ожидал еще больший успех, так как исследователи были уже ориентированы в отношении вновь найденных закономерностей и не пропускали не замечаемых прежде фактов. Оказалось возможным прочесть заново и старые диалектологические материалы. Так, занимавшийся историей языка ученик А. И. Соболевского Л. Л. Васильев тщательно изучил обширные записи курского этнографа А. С. Машкина, сделанные еще в середине прошлого века, и вскрыл закономерности одного из самых сложных типов южновеликорусского вокализма (яканье обоянского

¹ См.: Русский филологический вестник. 1893. Т. XXIX. № 1, 2. Т. XXX. № 3, 4; 1894. Т. XXXI. № 1–2.

типа) как в отношении состава гласных, так и в отношении воздействия последних на качество гласного предударного слога¹. Значение работы Л. Л. Васильева не исчерпывается ее практическими результатами, касающимися только обоянского говора, так как полученные выводы послужили впоследствии ключом к объяснению предударного вокализма многих других южновеликорусских говоров, которые, как оказалось, образуют в этом отношении ряд последовательных ступеней фонетического развития.

Такие открытия, ставшие возможными при обработке материала на новых основаниях, содействовали более глубокому пониманию языковой системы, чего явно недоставало на предыдущих этапах развития диалектологии. Если раньше господствовала общая установка выискивания диалектных «редкостей», экзотических примеров, которыми были насыщены даже самые основательные первые сводки материалов (такие, как «Очерк русской диалектологии» А. И. Соболевского и описания рязанских говоров Е. Ф. Будде), то теперь становилась очевидной необходимость всестороннего изучения говора как целой языковой системы во всех ее деталях. <...>

Постепенно намечаются пути усовершенствования описания морфологических (в меньшей мере лексических и синтаксических) сторон говора. Понятие о «системе» заставляет планомерно регистрировать и сопоставлять языковые факты, не только «отличающиеся» от литературного языка, но и «совпадающие» с ним (что, в сущности, и натолкнуло в свое время А. А. Шахматова на открытие диссимильативного аканья).

Замечательная для своего времени по полноте охвата языковых явлений монография Н. Н. Дурново «Описание говора д. Парфёнок Рузского у. Московской губ.»² является одним из первых опытов описания системы русского говора. Несмотря на близость этого подмосковного говора к устной форме литературного языка, автор не отказался от перечисления многих «общеизвестных» фактов, совпадающих с литературным языком, что вызвало тогда неправомерные нарекания со стороны представителей прежнего научного метода, по-старому предпочитавших оперировать в основном только «выдающимися особенностями» говоров³. <...>

Одновременно с уточнением понимания системы говора намечались и рациональные способы ее изучения и описания, разрабатывались вопросы развития говора, что не выходило за рамки

¹ *Васильев Л. Л.* Гласные в слоге под ударением в момент возникновения яканья в Обоянском говоре // Известия ОРЯС АН. 1904. Т. IX. Кн. 1.

² См.: Русский филологический вестник. 1900. Т. XLIV; 1901. Т. XLV; 1901. Т. XLVI; 1902. Т. XLVII; 1902. Т. L.

³ См., например, рецензию Н. М. Каринского: Сборник ОРЯС АН. 1907. Т. LXXXII. № 3.

собственно диалектологических проблем, но заставляло углубляться в область смежных наук — этнографию, историю, экономическую географию.

Кроме известных историко-диалектологических трудов А. А. Шахматова, появились работы различного масштаба, написанные диалектологами, этнографами, краеведами на более узкие темы, но со стремлением вскрыть социально-исторические причины, влияющие на характер изменения говоров. <...>

Требование комплексного изучения исторических, этнографических и диалектологических данных выдвигается в то время в работах многих авторов. А. А. Шахматов, Е. Ф. Будде, М. Г. Халанский и другие нередко привлекают факты этнографии для подкрепления своих историко-диалектологических выводов. Прямые указания на это можно найти и у В. А. Богородицкого¹, утверждавшего, что для генеалогии говора необходимо совместное изучение языка и быта. <...>

Полнее всего этнографическое направление в диалектологии было представлено трудами этнографа Д. К. Зеленина, в начале своей научной деятельности уделявшего много места разработке диалектологических проблем. <...>

К понятию о территориальной природе диалекта стихийно приближались многие русские диалектологи конца XIX — начала XX в., касавшиеся изредка вопроса о сходстве и различии говоров «крестьянских» и так называемых «мещанских» как говоров, родственных между собою в пределах одной местности; причем вкладывали, хотя и без необходимой четкости, в эти термины культурно-этнографическое, а не классовое содержание.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. и далее на протяжении первого десятилетия XX в. в русской диалектологии в основном вырабатываются черты, характерные для современного этапа развития науки. <...>

III

Естественно, что взаимодействие двух факторов, способствовавших развитию русской диалектологии, — накопление нового материала и связанное с этим повышение уровня его интерпретации — вело не только к выдвиганию новых научных проблем, но и к усовершенствованию практических методов и организации исследования.

В процессе развития и разработки диалектологии стала выявляться картина глубокого и исконного единства русского национального языка во всем многообразии его территориальных говоров; обна-

¹ См., например: *Богородицкий В. А.* Говор дер. Белой Казанской губ. // Русский филологический вестник. 1914. Т. LXXI. № 1.

ружилась специфика территориального размещения русских народных говоров; выяснилось, что наряду с четкими диалектными границами в одних местах в других представлены зоны постепенных переходов от одного говора к другому. Расширение масштабов диалектологического изучения неминусом должно было вызвать необходимость массового и организованного диалектологического обследования с использованием единой научной методики, потребность координаций всей работы в одном центре.

Так зародились и окрепли замечательные, ставшие теперь традиционными черты русской науки о народных говорах, черты, составившие уже в то время отличие диалектологии от многих других филологических дисциплин: принципы планомерности и коллективности в приемах и организации научного исследования.

В области русской диалектологии эти принципы успешно осуществлялись силами прогрессивных ученых во главе с А. А. Шахматовым, который в 90-х годах XIX в. уже разворачивает свою научно-организаторскую деятельность. <...>

В среде филологов, окружавших А. А. Шахматова, возникла идея организации планомерных диалектологических обследований путем посылки на места языковедов-специалистов. Таким образом предполагалось собирать материал для «опорных» монографий. А. А. Шахматов участвует в выборе маршрутов и горячо одобряет стремление В. И. Чернышева исследовать в первую очередь центральные русские области, где зародилась русская государственность, оформился национальный язык.

<...> В. И. Чернышев твердо следовал избранному плану и стал одним из первых диалектологов-«путешественников»: он обошел пешком многие местности своей родной Владимирской, а также Московской, Тверской и других губерний и создал целую серию статей — диалектологических описаний. В них с разной степенью подробности зафиксированы черты русских говоров центральных областей России <...>.

Помимо записей нового материала В. И. Чернышев внес большой вклад в разработку методики диалектологического обследования. Свои теоретические представления о задачах и практике диалектологической работы, где особо подчеркивается необходимость четкой «паспортизации» полученных сведений о говоре и т. п., В. И. Чернышев изложил в «Ответе на рецензию Н. М. Каринского»¹. <...>

В общем русле развития коллективной научной деятельности стало возможным осуществить и подготовку к работам в области лингвистической географии, поскольку изучение диалектов методами этой дисциплины становилось все более необходимым в ходе развития науки о русском языке.

¹ См.: Журнал Министерства народного просвещения. 1904, июль.

Идеи картографирования отдельных языковых явлений, как и обозначения на карте местоположения целых говоров, частично уже реализовались в первых опытах составления лингвистических карт¹. Вопрос лингвистической географии намного раньше, в 50-е гг. XIX в., касался И. И. Срезневский <...>.

Методологические и связанные с ними технические принципы предстоящего составления лингвистических карт не были еще выработаны, и поэтому не существовало и ясного представления о конечном результате предпринимаемой работы. Предполагалось, что со временем будет создан диалектологический атлас, показывающий не только пределы распространения важнейших языковых явлений, но и границы отдельных говоров и наречий. Но вначале было необходимо составить диалектологическую карту самого общего содержания.

Группа молодых московских языковедов, учеников Ф. Ф. Фортунатова и его последователей — Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и др. — организовала в 1901 г. «Кружок по изучению истории и диалектологии русского языка», где и была впервые поставлена задача составления диалектологической карты и начата подготовительная работа. С помощью А. А. Шахматова деятельность «Кружка» получила организационное оформление: для выполнения поставленных задач при Отделении русского языка и словесности Академии наук в конце 1903 г. на базе «Кружка» была образована Московская диалектологическая комиссия, с именем которой связан целый этап развития русской диалектологии.

<...>

IV

Таким образом, в предоктябрьский период развития русской филологии наука о народных говорах приобретает все основные черты особой отрасли русского языкознания, стоявшей в определенной зависимости от истории языка.

Русская диалектология уже обладает вполне сложившейся традицией и собственным методом массового и индивидуального собирания материала, его обработки и публикации, чему способствовала деятельность образовавшегося постепенно коллектива русских языковедов-диалектологов, лишь частью объединенных научными организациями.

Накоплены также и большие фонды диалектологического материала путем собирания сведений по массовым «программам», в результате чего была создана первая обобщающая лингвистическая карта, показавшая территориальное распространение основных на-

¹ См., например: *Ляпунов Б.* Несколько слов о говорах Лукояновского у. Нижегородской г. // *Живая старина.* 1894. Вып. II; *Дурново Н. Н.* Диалектологическая карта Калужской губернии // *Сборник ОРЯС АН.* 1903. Т. LXXVI. № 1.

речий восточнославянских языков и их подразделений — говоров, в частности великорусских.

Создан ряд монографических описаний говоров, опубликованных не только в изданиях Академии наук и ее Московской диалектологической комиссии, но и в центральных и провинциальных научных журналах, таких как «Русский филологический вестник», «Филологические записки», «Этнографическое обозрение», «Живая старина», «Журнал Министерства народного просвещения» и др. К существующим большим диалектологическим словарям — «Опыту областного великорусского словаря» и «Дополнению к “Опыту областного великорусского словаря”» — прибавилось несколько областных словарей, преимущественно посвященных северновеликорусской лексике, — А. Грандильевского, Г. И. Куликовского, А. Подвысоцкого, Н. М. Васнецова, В. Г. Богораза, И. Т. Смирнова и др.¹

Результаты исследований диалектологических данных <...> показали русским языковедам необходимость изыскания новых, продуктивных методологических приемов интерпретации материала. В этом свете выработалась своя научная терминология, которая способствовала уточнению понятий в области систематизации диалектологических явлений и в значительной мере устранила разноречивость, господствовавший прежде в изложении лингвистических сведений у авторов разных направлений.

А. С. Герд

К РЕКОНСТРУКЦИИ ДНЕПРО-ДВИНСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЗОНЫ²

Днепро-двинская диалектная зона (далее ДДЗ) находится в бассейне рек и озер среднего и верхнего течения Западной Двины. Северная граница ДДЗ проходит через верховья Великой в районе

¹ Грандильевский А. Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор // Сборник ОРЯС АН. 1907. Т. LXXXIII. № 5 (словарь — с. 87–304); Куликовский Г. И. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898; Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885; Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907; Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия // Сборник ОРЯС АН. 1901. Т. LXVIII. № 4; Смирнов И. Т. Кашинский словарь. СПб., 1901 (в изд.: Сборник ОРЯС АН. Т. LXX. 1902. № 5).

² Герд А. С. К реконструкции днепро-двинской диалектной зоны // Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Л., 1988. С. 118–122.

Опочки, далее на верховья Ловати в районе Великих Лук, несколько севернее озер Двиньё, Жижицкое, далее через верховья Западной Двины к озерам Волго, Пено, Вселуг и на юго-запад к Ржеву, Зубцову. Южная граница от Браслава идет на верховья Вилии и Березины, на Оршу, среднее течение р. Межи, на Ржев¹. На основе археологических материалов эта зона была уже выделена. (Термин *граница* здесь и ниже следует понимать как 'переходная зона вокруг основной линии'.)

Как шло исторически складывание ДДЗ? По данным археологии, формирование северной границы ДДЗ на участке от Опочки до Великих Лук и Ржева восходит, по-видимому, еще к неолиту, к IV тыс. до н. э. <...> В IV—III тыс. до н. э. частично здесь проходила граница двинского варианта нарвской культуры, с середины III тыс. до н. э. — южные пределы культуры ямочно-гребенчатой керамики, с середины II тыс. до н. э. — частично граница фатьяновской культуры, в I половине I тыс. до н. э. — граница между штрихованной и текстильной керамикой, в VII в. до н. э. — III, IV в. н. э. — северные границы днепро-двинской культуры, в VI—VII вв. н. э. — культуры Тушемля-Банцеровщина и южная граница культуры длинных курганов, в VIII—IX вв. — культуры длинных курганов смоленско-полоцкого типа, в IX—X вв. — курганов с трупосожжениями и лепной и гончарной керамикой. В XI—XIII вв. здесь же проходят северные границы Смоленского и Полоцкого княжеств, в XIV—XVII вв. — северные границы Великого княжества Литовского, позднее — Польско-Литовского государства, Речи Посполитой. Не менее убедительно эта же граница выделяется и по лингвистическим данным.

По карте МДК несколько южнее названной линии проходит граница белорусского наречия, почти так же у Е. Ф. Карского, на ДКРЯ АН СССР 1964 — северная граница южнорусского наречия идет в верховьях Великой, южнее Великих Лук и далее к верховьям Западной Двины².

По нашим лексическим данным, по ПОС и КПОС — это переходная зона, в которой выделяются такие крупные пучки изоглосс, как Себеж — Идрица — Пустошка — Великие Луки; Опочка — Пустошка — Великие Луки; Красногородское — Опочка — Пушкинские Горы — Новоржев — Великие Луки. По диалектным, преимущественно фонетическим данным ДАРЯ АН СССР, северные границы ДДЗ хорошо видны на картах в книге Г. А. Хабургаева³. Ряд карт

¹ Булкин В. А. О формировании границ в области Днепро-Двинского междуречья // Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1984; Булкин В. А., Герд А. С. К этноисторической географии Белоруссии // Этногенез и этническая история. Л., 1987.

² Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963 (ДАБМ); Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак. Мінск, 1968; Карский Е. Ф. Белорусы. М., 1955. Вып. 1; Опыт диалектологической карты русского языка в Европе // Труды Московской диалектологической комиссии. М., 1915. Вып. 5; Русская диалектология. М., 1964.

³ Хабургаев Г. А. Этнонимия Повести временных лет. М., 1979.

этнографического атласа «Русские» также выделяют зону к югу от верховьев Великой, Ловати, Западной Двины.

По данным антропологии, почти на всех картах в книге Т. И. Алексеевой прежде всего резко обособляется район к югу от верховьев Великой, среднего течения Ловати, Подвинье.

Таким образом, преемственность, устойчивость и стабильность границ в этой зоне восходит к эпохе неолита и непрерывно поддерживалась вплоть до относительно недавнего времени.

Не менее древними являются и южные рубежи ДДЗ. В IV–III тыс. до н. э. не южнее линии Дрисса — Лепель — Орша проходит южная граница нарвской культуры. В III тыс. до н. э. — западная граница валдайской культуры с верховьев Ловати пересекает Западную Двину у Витебска и далее с верховьев Днепра направляется к Ржеву, во второй половине III — первой половине II тыс. до н. э. здесь прошли северные границы среднеднепровской культуры. С середины II тыс. до н. э. в районах Витебска, Орши проходят западные границы фатьяновской культуры, в VII в. до н. э. — IV в. н. э. здесь же пролегли южные границы днепро-двинской культуры, в VI–VII вв. н. э. — культуры Тушемля-Банцеровщина, в VII–IX вв. — южные границы длинных курганов, в XI–XIII вв. — южные границы Смоленского и Полоцкого княжеств.

По данным ДАБМ, четко выделяется северная смоленско-полоцкая группа говоров, а по материалам В. С. Титова — северный этнографический регион БССР.

По мнению Т. И. Алексеевой, смоленско-полоцкие кривичи весьма определенно антропологически противостоят дреговичам и радимичам, объединяясь вместе с тверскими типами.

Таким образом, начиная с эпохи неолита, ДДЗ непрерывно, на протяжении тысячелетий, предстает перед нами как устойчивая историко-культурная зона. В пределах самой ДДЗ выделяются группы полоцкая, витебская, себешская, невельско-пустошкинская, великолукская. Границы, очертившие ДДЗ много позднее, в XIII в. между Новгородским, Смоленским и Полоцким княжествами, с XIV в. — Псковского и Литовского княжеств, границы Пусторжевского феодального объединения были глубоко мотивированы и исторически, и этнопсихологически. Из поколения в поколение передавалось представление об этих местах как о древнем рубеже между своими и чужими. Каждый, кто работал здесь в поле, знает, что к югу от Опочки, Локни мы вступаем уже как бы в иной не только диалектный, но, главное, в этнопсихологический мир. К северу от Пустошки живут *скобари*, к югу — *поляки*, *кацапы*.

Весьма характерно, что ареал слова *скобари* как самоназвания, здесь не заходит к югу от Опочки, Себежа, Великих Лук. Вся основная масса фиксаций этого слова как самоназвания падает на Островский, Псковский, Пушкиногорский, Новоржевский, Бежаницкий, Палкинский, Печорский р-ны. Ср. и цитаты из КПОС в Ленинграде:

Скабари опоченски, а пустошкински кацапы (Пуст.); У *скабарях* называлась массаина, а не карзина (Себ.); Вод за эту реку называюца *скабари* (Себ.). Отметим сильную устойчивость этнического самосознания скобарей. Но кто же такие тогда летописные кривичи?

Еще С. М. Середонин обратил внимание на то, что в первом перечне племен в летописи кривичей нет, а есть только полочане, во втором перечне есть кривичи, «иже седять на верхъ Волги и по верхъ Двины и на верхъ Днепра, их же градъ есть Смоленськъ, тудо бо со дять кривичи». Нет кривичей и во фразе «Со бо токмо слово нескъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Со верь, Бужане... Вольтыняне»¹. Напротив, в отрывке об обрядах читаем: «Си же творяху обычая кривичи и прочии погании, не во дуще закона Божия, но творяще сами собо законъ». Составитель южного свода летописи, видимо, плохо знал кривичей: так, он заставил кривичей идти с Олегом и брать Смоленск — свой главный кривичский город.

«Кривичи» не было самоназванием славян, пришедших на Западную Двину, — отмечает Середонин, — «кривичами» они стали уже только здесь, в бассейне Западной Двины.

Ярко и убедительно показано совсем особое положение собственно кривичей по данным Повести временных лет Г. С. Лебедевым. По-видимому, действительно в VIII–IX вв. н. э. на базе предшествующих культур балтского типа шла интенсивная консолидация населения ДДЗ в особую автономную балтскую этнокультурную зону. Процесс этот был прерван приходом одного из потоков среднеднепровских славян. Однако встреча с балтами древней историко-культурной ДДЗ не прошла бесследно и для славян. В тех же пределах к X в. возникает своеобразная особая ветвь славян-кривичей. Тогда кривичи ДДЗ — та промежуточная стадияльная этническая трансформация, которая возникает на базе скрещения балтов и славян и которая, по крайней мере до IX–X вв., прочно удерживается в старых границах ДДЗ и в одинаковой мере противостоит и славянам к югу, и главное, населению собственно Псковской зоны. В истории формирования этноса вокруг Пскова днепро-двинские кривичи, по крайней мере до IX в., учитывая характер северных границ ДДЗ, никакого участия не принимали. Исторически формирование ДДЗ в разные эпохи было связано прежде всего с притоками населения с юга, из бассейна Припяти и среднего Поднепровья, а также с Десны и Сожа.

По-видимому, подлинная кривичизация псковского диалекта — явление вторичное. Это хорошо согласуется с данными Повести временных лет. Историки давно уже обратили внимание на то, что упоминание о кривичах в тексте Повести временных лет композиционно занимает особое положение.

¹ Повесть временных лет.

Ядро ДДЗ — говоры в бассейне Западной Двины к югу от Себежа — Идрицы — Пустошки — Великих Лук — Жижицы.

Периферийная зона на севере распространяется до линии Пыталово — Пушкинские Горы — Новоржев, на юге до Ошмян, Борисова, Могилева.

ДДЗ — одно из древнейших этнодиалектных объединений. Диалекты дописьменной эпохи могут быть выделены только при условии предварительной экспликации древнейших историко-культурных зон. Тогда сначала на базе достижений археологии, лингвистики, этнографии, антропологии — экспликация историко-культурных зон, вычленение исторических диалектов, а затем уже снова на качественно иной основе возврат к лингвистической и этнической характеристике этих диалектов, определению их взаимосвязей, путей и истоков формирования.

Экспликация историко-культурных зон в их хронологическом расслоении дает не только вычленение древнейших диалектов прошлого, она позволяет более четко и ориентированно ставить вопрос о хронологизации лингвистических явлений, о создании языковых описаний этих диалектов. В области лексики, например, становятся более ориентированными поиски остатков субстрата, выявление новообразований зоны. <...> Подлинные диалекты дописьменной поры могут быть выделены только в рамках реконструкции древнейших историко-культурных зон, на основе синтеза языкознания, истории, археологии, антропологии, этнографии и источниковедения. Реконструкция их фактического лингвистического состояния и их истории от эпохи к эпохе составляет предмет исторической диалектологии.

Н. П. Гринкова

К ИЗУЧЕНИЮ ОЛОНЕЦКИХ ДИАЛЕКТОВ¹

1

Современное состояние изучения диалектов русского языка дает значительные материалы, на основании которых устанавливается ряд особенностей, свойственных главнейшим наречиям русского языка. Однако в области как южнорусского, так и севернорусского

¹ Впервые статья опубликована в сборнике: А. А. Шахматов. М.; Л., 1947. С. 365–390.

наречия имеется немало таких диалектов, которые не укладываются в установленные диалектологией рамки характерных для того или другого наречия особенностей. В подобных своеобразных диалектах наблюдается наряду с явлениями, типичными для данного наречия, ряд особых явлений, связывающих их с какими-то территориально отдаленными от них диалектами. Среди севернорусских говоров к таким своеобразным диалектам в первую очередь следует отнести олонекские, вернее, диалекты Заонежья.

Однако приходится констатировать, что эти необычайно интересные диалекты до сих пор еще не подверглись углубленному и всестороннему изучению. Мало того, мы не имеем до сих пор широкого и планомерного собирания материалов по этим диалектам, если не считать нескольких населенных пунктов, по которым в архиве Института русского языка Академии наук СССР имеются заполненные вопросники по составлению атласа русского языка, пока еще находящегося в стадии предварительной обработки.

Впервые сведения о своеобразии заонежских диалектов опубликованы П. Н. Рыбниковым в статье «Об особенностях олонекского наречия»¹. Наиболее ранним материалом, на основании которого можно судить о некоторых особенностях этих говоров, являются фольклорные записи того же П. Н. Рыбникова и записи А. Ф. Гильфердинга.

Вслед за Рыбниковым и Гильфердингом с целью записи произведений народного творчества и говоров Заонежье посещает А. А. Шахматов. Несомненно, что «Исландия русского эпоса», прославленная записями Рыбникова и Гильфердинга, должна была привлечь внимание молодого исследователя. А. А. Шахматов предпринимает одну за другой две поездки в 1884 и 1886 гг.

Интересно отметить, что А. А. Шахматов, приступив по предложению Ягича к работе над новгородскими грамотами XIII–XIV вв. (для серии «Исследования по русскому языку»), решил обратиться к живым народным говорам, придя к убеждению, что историческое изучение языка должно исходить преимущественно из фактов живого языка. Гонорар, полученный за работу по новгородским грамотам, А. А. Шахматов использовал на диалектологическую поездку в Заонежье в 1886 г. Таким образом, поездки А. А. Шахматова отделены сравнительно небольшим промежутком времени от поездок Гильфердинга по Заонежью.

В широкой научной литературе хорошо известен лишь фольклорный материал, записанный А. А. Шахматовым во время этих поездок, да и то не весь, а лишь записи сказок в количестве 71, опубликованных в сборнике Н. Е. Ончукова «Северные сказки»².

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Вып. IV. СПб., 1867. С. 275–299.

² Ончуков Н. Е. Северные сказки (Архангельск. и Олонек. г.) // Зап. Рус. геогр. об-ва по отделению этнографии. Т. XXXIII. СПб., 1908. Записи А. А. Шахма-

Однако во время этих поездок А. А. Шахматовым собран значительно больший материал, чем тот, который был до сих пор опубликован и хорошо известен лингвистам и фольклористам.

Кроме указанных сказок А. А. Шахматовым записан значительный материал по фольклору: 10 былин, 2 духовных стиха, 30 загадок и большое количество свадебных песен. Этот материал вместе с записями сказок был передан Е. В. Барсову, подготавливавшему к изданию материалы по б. Олонецкой губернии. Однако Е. В. Барсов, продержав эти материалы значительное время, не приготовил их к печати. Лишь в процессе подготовки к изданию сборника северных сказок Н. Е. Ончуков получил от Е. В. Барсова сказки, которые и были включены в упомянутый сборник¹. Былинный и песенный материал остался неопубликованным и хранится в Архиве Академии наук СССР².

Кроме фольклорного материала во время упомянутых поездок А. А. Шахматовым были произведены весьма значительные диалектологические записи, из которых лишь незначительная часть была опубликована. Был опубликован лексический материал, переданный А. А. Шахматовым Г. Куликовскому, включившему материал А. А. Шахматова в свой словарь олонецкого наречия³. Частично по отдельным вопросам материал, собранный во время олонецких поездок, А. А. Шахматов использовал в своей ранней работе «Исследования в области русской фонетики» (Варшава, 1893). Значительная часть диалектологического материала осталась неопубликованной и также хранится в Архиве Академии наук СССР⁴.

Диалектологические записи А. А. Шахматова не представляют собою путевые записи, фиксированные на месте собирателем. Этот материал включен в тетрадь, содержащую выдержки по различным диалектам, по тем или иным причинам интересовавшим А. А. Шахматова. По-видимому, олонецкий материал в этой тетради следует рассматривать как предварительную обработку записей, куда автор выписывал на отдельные страницы примеры из своих записей по отдельным языковым чертам (о, ь и т. д.). На некоторых страницах внизу приведены примеры из Рыбникова. По неизвестным нам причинам А. А. Шахматов не продолжил обработку этого подготовленного материала, и он остался неизвестным для диалектологов.

това — сказки № 78–148. С. 201–351. Ниже, при цитировании примеров, указывается номер сказки.

¹ Там же. С. 201–202.

² Архив Академии наук СССР. Ф. 134, оп. 1, № 80. «Запись памятников народного творчества Олонецкого края». 1884. На л. 82 рукопись включает также напечатанные у Н. Е. Ончукова сказки.

³ См.: *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898. См. предисловие, а также пометки около отдельных слов: *Шах.*

⁴ Архив Академии наук СССР. Ф. 134, оп. 1, № 225.

Вследствие этого сложилось впечатление, что А. А. Шахматов во время олонекских поездок интересовался по преимуществу фольклорным материалом¹. На самом же деле в центре внимания молодого тогда лингвиста лежали вопросы диалектологические, а фольклорный материал играл побочную роль. В этом весьма красноречиво убеждают отчеты, сделанные А. А. Шахматовым после поездок².

Настоящую статью мы и строим, используя в значительной мере неопубликованные архивные материалы по заонежским говорам, принадлежащие А. А. Шахматову и любезно указанные С. А. Шахматовой-Коплан (дочерью ученого).

Остановимся на выяснении пунктов, обследованных А. А. Шахматовым. В отчете 1884 г. он пишет, что для своих наблюдений «выбрал именно Олонецкую губернию потому, что надеялся найти там обособленный от влияния городских наречий говор, в котором вместе с тем резко сказывались бы диалектологические особенности»³. Несомненно, что такое представление об Олонецкой губернии должно было сложиться сравнительно незадолго до его поездок под впечатлением изданных записей Рыбникова и Гильфердинга.

В 1884 г. А. А. Шахматов посетил северо-западную часть Олонецкой губернии, прилежащую к Онежскому озеру, именно б. Кондопожскую волость и Заонежье в б. Петрозаводском уезде.

В процессе наблюдений А. А. Шахматов устанавливает два говора, сильно отличающиеся один от другого: один из них распространен в Великогубской волости Петрозаводского уезда и в Шуньгинской волости Повенецкого уезда, он называет его Кижешуньгским, другой распространен в Толвуйской волости Петрозаводского уезда. «Нужно заметить, что, по-видимому, между этими двумя народностями — Кижешуньгской и Толвуйской — лежит очень существенное различие», — пишет Шахматов. Это различие в говоре сопоставляется с наблюдениями Гильфердинга относительно того, что кижские певцы совершенно иначе поют былины, чем толвуйские.

В 1886 г. А. А. Шахматов посетил 4 уезда б. Олонецкой губернии: Повенецкий, Пудожский, Вытегорский и Петрозаводский. В отчете об этой поездке он пишет: «Поразительное разнообразие, вряд ли находящее что-либо подобное себе в другой части России, делает Олонецкую губернию неистощимой хранильницей в высшей степени драгоценного научного материала».

На основании датировки фольклорных записей и пометок в упомянутой тетради с диалектологическими записями можно установить

¹ Ср., напр., замечание в статье Г. Ф. Нефедова «Севернорусские говоры как материал для истории» (Уч. зап. Ленингр. ун-та. 1939. Т. 1. С. 25–260).

² Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. 1887. Т. 51. Вып. 1.

³ Протоколы заседаний Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. 15 октября 1886. Вып. 1.

населенные пункты, посещенные за эти две поездки А. А. Шахматовым (см. ниже при цитации примеров из рукописи Шахматова).

Материалы А. А. Шахматова могут быть дополнены несколькими сведениями из ответов на «Программу для собирания особенностей народных говоров» (1900 г.).

Из уездов, посещенных А. А. Шахматовым, отметим следующие материалы:

б. Петрозаводский уезд: 1) № 13. Н. А. Иваницкий, Шуйск. в., д. Лембачева (Мат. в рукописях. I, 13) // Изв. Отд. рус. яз. и слов. 1896. № 2. С. 343; 2) № 23. К. Ф. Филимонов, г. Петрозаводск (Мат. в рукописях. II, 23) // Изв. Отд. рус. яз. и слов. 1896. № 3. С. 572; 3) № 30. А. Георгиевский, с. Муромля (Мат. в рукописях. IV, 30) // Изв. Отд. рус. яз. и слов. 1897. № 1. С. 245; 4) № 34. В. Мегорский, с. Кончезеро, Вел. Губа, Вырозеро (Мат. в рукописях. V, 34) // Изв. Отд. рус. яз. и слов. 1898. № 1. С. 7.

б. Повенецкий уезд: 1) № 135-а. А. П. Булатов, Римская в., с. Пудожская гора // Тр. Диал. ком. Вып. 12.

б. Пудожский уезд: № 135-в. А. П. Булатов, Авдеевск. в., с. Туба // Тр. Диал. ком. Вып. 12.

Вытегорский уезд: 1) № 22. К. Ф. Филимонов (Мат. в рукописях. II, 22) // Изв. Отд. рус. яз. и слов. 1896. № 3. С. 35; 2) № 133. И. А. Филимонов, с. Якезеро Коштугск. в. // Тр. Диал. ком. Вып. 12; 3) № 134. С. Исполатов, с. Кушозеро Коштугск. в. // Тр. Диал. ком. Вып. 12; 4) № 34. В. Мегорский, с. Ладва, Ивина (Мат. в рукописях. V).

Из материалов соседних уездов той же губернии следует упомянуть:

б. Лодейнопольский уезд: № 9. В. В. Латышев, д. Мустиничи (Мат. в рукописях. I, 9) // Изв. Отд. рус. яз. и слов. 1896. № 2. С. 339.

Каргопольский уезд: 1) № 38. А. Лебедев // Тр. Диал. ком. Вып. 11; 2) № 106. И. Корехов, Лепшинский прих. (Мат. в рукописях. IX, 106) // Сб. Отд. рус. яз. и слов. [б/г]. Т. 87. С. 199.

Из более поздних материалов упоминаем статью Г. Ф. Нефедова «Севернорусские говоры как материал для истории».

Архив Диалектологического сектора ИРЯз располагает рядом ответов на «Вопросник для составления атласа русского языка» из тех же районов, в которых А. А. Шахматов производил записи (см. ответы № 20–26, 29–46, 51–53, 59, 62–80, 82, 83, 87, 89, 90, 155, 180, 181, 184, 189).

2

Не ставя перед собой задачу воспроизвести весь материал, относящийся к диалектологии б. Олонецкой губернии, обнаруженный в упомянутых записях А. А. Шахматова, мы остановимся на ряде явлений, описанных им, которые интересуют нас с точки зрения

расхождения олонечких диалектов с типичными севернорусскими говорами. В этом отношении особенно интересна группа говоров, названная А. А. Шахматовым Кижешуныгским говором.

1. А. А. Шахматов, характеризуя эту группу говоров, называет ее «ляпающей». «Ляпаньем называется, по объяснению местных жителей, — пишет он в диалектологической рукописи, — выговор на я. Ляпающих называют ляпсаками. Явление состоит в следующем: перенос ударения на соседний слог с *о* или *е* влияет на переход последних в *а* и *я*».

Действительно, указанное явление, названное ляпаньем, в среде севернорусских диалектов представляется весьма интересным. Главное, что в нем обращает внимание, это — появление звука *а* на месте *о* или *е*. В цитированной выдержке А. А. Шахматов, определяя ляпанье, связывает наличие перехода *о, е* в *а* с переносом ударения на соседний слог, однако, как увидим ниже, целый ряд фактов, приведенных А. А. Шахматовым в той же самой рукописи, говорит о том, что указанный переход *о, е* в *а* наблюдается и в случаях безударных. Но если даже и сопоставлять переход *о, е* в *а* с переносом ударения, все-таки приходится констатировать, что переходу подвергаются те *о, е*, которые в большинстве других русских диалектов оказываются в безударном положении.

Приведем материалы, относящиеся к этому явлению, систематизировав их по положению после твердых, после мягких согласных, в корне или в предлогах и приставках. В рукописи А. А. Шахматова материал приведен большей частью по территориальному признаку.

После твердого согласного: *на́цевать*, — *жа́ниха, жа́них, а́ще, с та́бой, та́годы, а́вин, с са́бой, жа́ньцов, та́перь, да́ци, та́пор, за́вем, заву́ть* (в рукописи без удар.), *тва́ю, па́кажись, са́брались, ра́дня, ма́я, тва́я, да́ждя* (= дожидает), *да́ить, па́неси, са́греть, а́тдохни, ра́сла, два́им, за́род, ва́зьми, па́падьа, жа́ной, а́дин, ва́ весь рос, да́лина, са́ Христом, сга́ворись, а́ны, са́шли, схáди, да́мой, на́ски, па́слы*.

После мягкого согласного: *тя́бе, чя́ю вя́де* (3-е л. ед. ч.), *я́му, я́го, тя́рпеть, мя́тать* (сено), *бя́да, бя́руть, бя́жать, мя́шок, мя́шки, ня́тун, мя́няю, тя́бе, свя́зли, вя́зли, свя́ди* (импр.), *стя́на, ля́жыт, вя́зди, к са́би, тя́би, ни́цяю, ця́ю, ря́ка, ца́па, стя́гать, ля́сы* (у удочки), *вса́ю, Стя́пан, хля́бать, дя́ржы, бя́ят* (блеёт), *сбя́жау, дя́ретесь* (2-е л. мн. ч.), *сбя́режет, гря́сти, сгря́би, ля́совик, тря́сти, тя́пло, смя́шной, вя́зуть, мя́ни, бя́снет, чя́ловок, я́ды, пля́сти, я́му, я́го, дя́ржись, бя́гом, бя́гут* (в рукописи без удар.), *тя́тива* (в рукописи без удар.), *ня́ могу, ня́ бронись, ня́ хочу, ня́ потерять, ня́ пуцу, ня́ бросай, ня́ вопи, ня́ ушли, ня́ отнимай, ня́ возьму, ня́ боюсь, бя́з очков, ня́ возьмешь, тя́би, ня́ бить, ня́ бейте, ця́рась*.

Как указывалось, в записях А. А. Шахматова встречается ляпанье не только в случае переноса ударения на предыдущий слог, а отме-

чено и в безударном положении. «Весьма часто, — пишет он (л. 3), — *вм. ѣ* перед ударением я слышал 'о, т. е. *ѣ* приближалось к *ја* и, напр., *сѣстра́* слышится близко к *сѣстра́*. Точно так же слог после ударения: в произношении некоторых — *копѣ́ек* близко к *копѣа°к*, потом *копѣок*, последнее произношение обычно; но рядом существует *копеа°к*». Ниже на том же листе приводятся несистематизированные примеры, которые мы даем в следующем порядке:

- 1) в абсолютном конце слова: а) в 3-м л. ед. ч.: *бѹдя, объѣдя*, б) во 2-м л. мн. ч. и в повел. накл.: *прощѣ́йтя, здравствуйтя, пойдѣ́мтя, стѹбѣ́тя, не тянѣ́тя, трѹбнѣ́тя, проедѣ́тя, бѣйтѣ́я, извинитѣ́я, грузитѣ́я, купитѣ́я, подитѣ́я, посмотритѣ́я*, в) в других случаях: *понижа, тем пача, было аща, покѣ́мя, выша, прежда, четыря*;
- 2) в конечном закрытом слоге: *деняг*;
- 3) в заударном слоге: *двугривянный, не прѹ тыбя, не про мяня*;
- 4) в предупредном слоге: *двянацѣ́ть, жаланен, жалезный, жалезо, залезо, кошали, ня разбѹпишься, от ядѹного, рякѣ́, бядѣ́*.

Кроме того, на ляпанье указывает ряд примеров, в которых не написано *а* или *я*, а *о*, *е*, что, очевидно, указывает на то, что в данном случае не произносится четкое *а*: *го°ворить, це°ловек, про°водит, про°береться, по°гляди, вѣ°дром, мо°лоцька, кре°цит*.

Приведенные факты можно дополнить несколькими примерами, извлеченными нами из записанных А. А. Шахматовым былин и песен.

Здесь обнаружены следующие факты: *не было укору вяковицьной, аща, я было у столѣ́, у дубоваю, моя сладкоз вино, повеститѣ́я, побудитѣ́я, поищѣ́тя, позовитѣ́я, мостинацьку, таби, не спрашиваю... у ворот старожателѣ́й*.

В опубликованных записях сказок встречаем несколько аналогичных примеров. В ряде случаев имеет место указание на перенос ударения: *што нѣ́ досуг* (148)¹, *провѣ́дим* (136), *в мя́шки* (138), *лучше тѣ́ю* (129), *вязуть* (134), *ляжыть* (134), *яю* (134), *бѣжыт* (134). Есть факты и без указания на перенос ударения; в предупредном

¹ Цифра указывает номер сказки в издании Н. Е. Ончукова. Относительно характера издания сказок как материала для суждения о диалектных особенностях говора Н. Е. Ончуков в предисловии к сборнику пишет: «Печатаемые сказки самым тщательным образом передают все особенности оригинала. При этом, как нам сообщил А. А. Шахматов, необходимо иметь в виду: 1) что фонетические особенности говоров не выдержаны во всей их последовательности вследствие той быстроты, с которой приходилось записывать, причем записыватель не всегда успевал подставлять слышавший звук на место привычного графического начертания: так, вместо слышавшегося *е* записыватель писал *ь*, где он привык писать эту букву; *вм. l* (европ. *l*) в некоторых словах в говоре некоторых женщин он писал *л*; *вм. y* он нередко писал *г*, *вм. y*...*л, ль*; *вм. ѣ* иногда *е* и пр.; 2) что записыватель не передавал особыми знаками звуки, неясно слышавшиеся в неударяемых слогах...; 3) что не всюду выдержана расстановка ударений...» (С. 201).

слоге: *жана* (147), *гасподь* (131), *акольныма* (136), *проважать* (136), *аще* (138), *мяч-кладенечь* (136); в заударных слогах: *будят* (148), *кучар* (148), *преждя* (136), *деняг* (137), *увидяла* (129). Обращают внимание также примеры с ударением, как в *великом плянѹ* (136), *мядбѹым* (136).

На основании пометок около примеров, правда, не всегда последовательно проведенных, можно установить район распространения «ляпанья» в заонежских говорах. «Ляпанье» отмечено в следующих селениях: Илемсельга, Лижма, Пурга Великогуб. в., Шуньга, Кяфтеницы, Шуньгский бор¹, Яндомозеро, Палтозеро², Кондозеро, Андомозеро³, Лопская деревня, Падмозеро, Пергуба, Фоймогуба⁴, Подпорожье, Багнозеро, Отов-озеро, Кижиг⁵, Типиницы, Залесье, Юлмаки, Осмина, Кажна, Щеп⁶, Кяпписельга⁷, Алексеева, Мелентьева⁸, Рындозеро⁹, Уная губа.

Наблюдатель отмечает, что в Илемсельге и в Лижме «явление встречается совершенно спорадически... указывают на него как на нечто смешное, отличающее заонежан. Тут я встретил ляпанье везде».

Материалы А. А. Шахматова по количеству примеров и разнообразию слов являются самыми обширными в отношении данного явления.

Из известных нам материалов можем добавить весьма немного. Обращая внимание на данное явление, П. Н. Рыбников¹⁰ пишет: «Иногда *e* звучит как *я*, напр. в словах: *мяць* (мечь), *тястице*, *ня пойду* (у заонежан), *имянство*». В тексте былин у П. Н. Рыбникова можно отметить некоторое количество аналогичных фактов. Приведу несколько: с *маланьей* (IV, 133), *не влазя* (III, 439), *Кащяя* (IV, 212); ср. в записях у Гильфердинга: *таперь* (350, 369), *малава* (393), *заднева* (307), *доброва* (121), *вставая* (742), *караблю* (283, 399) и др. Значительное количество примеров падает на форму 2-го л. мн. ч. повелительного наклонения: *пособитя* (92), *уберитя* (92), *получитя* (79), *спуститя* (79), *пойдемтя* (116), *глядитя* (116), *возьмитя* (116),

¹ «В Шуньгском бору я его не слышал, но, по сообщению, там изредка оно встречается («меньше, чем в Шуньге»); «Шуньга, какое место, народ съезжается, а говорят во весь рот, т. е. ляпают».

² «В Палтозере я один раз слышал *ня пойду*».

³ «В Андомозере я замечал, что *o* с перенесенным ударением произносится открыто и протяжно *тоа^oпор*, но иногда слышится явственно *а*».

⁴ «Говорят, что за 6 верст от Фоймогубы через Гутозеро... ляпают».

⁵ «Особенность Кижского говора, очевидно, состоит в открытом сравнительно произношении о возможно: *рякá, бядá! sic!*».

⁶ «В Щеп... замечал умеренное ляпанье (*тяби, та^oпор*)». «За Святухой больше».

⁷ «В Кяпписельге ляпают. Верно Шуньга центр ляпанья».

⁸ «В Алексеевск. и Мелент. поляпывают: ляпание идет через женщин».

⁹ «В Рындоз. ляпают через баб».

¹⁰ См.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. СПб., 1867. Вып. IV. С. 276.

пуститя-ко (127), *отдайтя* (127), *стойтя* (127), *пожалуйтя* (111), *вставайтя* (123), *живитя* (97).

Указания на аналогичные явления имеем из нескольких более или менее близких районов. Так, Мансикка¹ приводит ряд примеров по б. Пудожскому уезду на произношение *a* вместо *o* после твердых: *рабить, каннас, патрет, каметь, ахвицер, Адесса*. Эти примеры в значительной мере могут быть объяснены заимствованием произношения в соответствии с литературным языком.

Рядом с ними примеры на произношение *a* после мягкого согласного являются несколько более показательными: *вцяра, помяло, лянной, до сях пор, видял, стримяна, симяна, вримяна*. Однако и здесь такие факты, как *видял, стримяна* и подобные им, могут быть рассмотрены как явления, вызванные морфологическими, а не фонетическими процессами, произношение *лянной* (= ленивый) отмечается в ряде северо-западных говоров, вовсе не знающих перехода *o* в *a*, что касается «до сях пор», то данный пример вовсе выпадает из указанных отношений.

В № 34 дается ряд интересных показаний. «В Заонежье, — пишет собиратель, — вместо *o*, когда на него переносится ударение, является *oa*: *мо́аи, о́атвари, во́ада, о́акунись, о́атвернуть*». Далее отдельные примеры: *о́ще* (= оше́), *тя́пло, по́а грибы по́ашла, по́агасить, мо́ароз, весь в крóаби, как бо́аран, скóазать, до́амой, о́абухом, го́аловы, сто́ароны, мало по́алей, во́апить, о́адоново, по́адайти, зво́аният, тво́арогу, во́азьми* после мягких: *ня́су, мйа́дведь, ня́ бось, ня́ могу*.

Указания на наличие сходных фактов имеем из некоторых смежных районов. Так, в № 260 из б. Онежского уезда встречаем примеры: *вчяра́, прясно́й*; в № 262 из Онежского уезда: *пяту́х, вярши́на, улята́ли, кляно́вая*; в № 280 из Кемского уезда подмечены 2–3 случая яканья — *прясно́й, вярши́на*.

В материалах Диалектологического сектора Института русского языка также есть ряд указаний на сходные явления. Так, ответ № 30 из д. Лопское дает указание, что «за Онегом ляпают», в ответе № 33 из Пергубы дано указание на элементы яканья и приводится пример: *ня пойду*. В ответе № 43 из д. Кижы даются факты: *мяня, тябя, ня пойдут*; в № 45 из Сенной губы — *яво, ва^oда, даска*.

2. В интересующих нас говорах «ляпанью» сопутствует ряд других любопытных явлений, выделяющих данные диалекты из общей массы севернорусских диалектов.

Прежде всего останавливает внимание произношение звука *z*. В ряде диалектов отмечено употребление *z* придыхательного. Так, в записях А. А. Шахматова отмечено: *уурюмого* (В. Губа), *приууз*,

¹ См.: Мансикка В. О говоре сев.-вост. части Пудожского уезда // Изв. Отд. рус. яз. и слов. 1904. № 4.

уумно, заууста (Выроз.), уад (Кондопога), уоворила (Юлмаки), уолову, ноу то у нею не было (Пурги), улина (Авд.).

Чаще *у* отмечается в родит. пад. прилагательных и местоимений муж. и ср. рода. Говоря о данной форме, А. А. Шахматов пишет: «Обыкновенно окончание *оуо*, *ово* я слышал очень редко, чаще всего в слове *севодни* (Лижма), но и *сеудни* (Толвуй), *одного на одноу* (Толвуй)». В Фоймогубе «очень отчетливо *у* в gen.». «В Водлозере я слышу *вм. у* по большей части *г* в род. ед.: *нищѣго*».

В фольклорных записях А. А. Шахматова данное явление отмечено довольно часто. Так, в записях сказок, не в флексии родительного падежа встречаем: *уолову* (136), *ноу у нею не было* (136), *уора* (128), *на уоры* (128), *поуаный* (128), *Еуибиха* (128), *некоуда* (100, 128), *никоуды* (ПО), *оуобли* (127), *уокать* (123), *уукать* (123), *зауорелась* (116), также в словах типа: *боуатая* (100), *благодати* (100), *уоспод* (80), *уоспода* (116).

Флексия родительного падежа полных прилагательных и местоимений богато представлена с окончанием *-уо*.

В прилагательных: *бецасноуо* (92), *живоуо* (107), *среднёуо* (109), *меньшоуо* (109), *круглоуо* (110), *стальнёуо* (109), *медноуо* (112), *старшоуо* (114), *безрукоуо* (124), *с дубовоуо* (125), *благоуо* (125), *любимомуо* (125), *купецкоуо* (126), *с чистоуо* (126), *светобразноуо* (136), *доброуо* (136), *ни конноуо и не пешноуо* (136), *скачноуо жемчичноуо* (135), *храброуо* (136), *бусурманьскоуо* (136), *славноуо* (136), *доброуо* (136), *разбойничьеуо* (136), *сыроуо* (128), *с синёуо* (128), *сеуднашнеуо* (128), *староуо* (128), *прежнеуо* (128) и т. д.

В местоимениях: *этоуо* (88), *ёуо* (88), *со своуо* (89), *никакоуо* (89), *со всеуо* (89), *вашеуо* (89), *самоуо* (90), *котороуо* (92), *тоуо* (92), *своуо* (97), *цѣуо* (109), *своеуо* (128), *тоуо да сеуо* (128), *ничёуо* (128), *этоуо* (128), *коуо* (128), *у ёуо* (128), *какоуо* (136), *еуо* (136), *никакоуо* (136), *у нёуо* (136) и т. д.

В числительных: *одноуо* (89, 94, 136), *третьёуо* (88, 92) и т. д.

В причастиях: *загулящоуо* (89), *залетущоуо* (89).

В записях былин и песен также можно отметить несколько случаев употребления *-уо* в форме родительного падежа ед. числа прилагательных и местоимений: *с розорѣноуо заднего угоука*, *сонця красноуо*, *снегу белоуо*, *платья цвѣтноуо*, *от дубовоуо* (в том же тексте — *господи*, *гнездышко*), *воску яровоуо* (в том же тексте — *господа бога*), *на тоуо*, *коуо*, *боуатырьской*, *от живоуо* и т. д.

Несомненно, что наличие звука *у* в ряде олонецких диалектов — явление довольно распространенное. Кроме записей А. А. Шахматова можно привести ряд сведений из нескольких районов. Так, в № 29 из г. Олонца (Изв. Отд. рус. яз. и слов. 1897. № 1) собиратель пишет: «Произношение буквы *г* в нашей местности приближается больше к произношению его в церковнославянских книгах...». В глухом произношении автор указывает *телех*, *рох*, *сапох*.

В № 30 из с. Муромля б. Петрозаводского уезда (там же) также дается указание на *у*. Автор приводит примеры на *у* в глухом положении: *телех, рох, сапох, шах*¹, *дух, крух, порох* и др. В прилагательных «не говорят» *во*. «Окончание на *-го* прилагательных, кажется, отличительный признак народного говора всей Олонецкой губ.», — замечает собиратель. Однако уточнения, указывающего на характер *г* в форме родительного падежа, не дано.

Из других пунктов б. Олонецкой губ. сведения несколько сбивчивые. Так, в № 13 из Шуйской волости б. Петрозаводского уезда (Изв. Отд. рус. яз. и слов. 1896. № 2) отмечается наличие *у* в единичных случаях: *телех, друх*, но *сапок*; *у мировово*, но *у становоно, ено*. В № 22 из б. Вытегорского уезда (там же. № 3) указывается на произношение *нох, рох, друх*, но в другом месте того же сообщения указано: *рок, друк*, «иначе не говорят». В родительном падеже отмечается *г = һ*.

У А. И. Соболевского в «Опыте русской диалектологии» приводятся формы родительного падежа на *-оно* из д. Лембачева б. Петрозаводского уезда и д. Ежезеро б. Вытегорского уезда.

Ряд сведений имеется из соседних областей. Так, № 166 из б. Белозерского уезда и № 280 из б. Кемского уезда Архангельской губ., № 104 из г. Кемь (Сб. Отд. рус. яз. и слов. 1909. Т. 87) дают указание на *у*.

Рядом с этим некоторые ответы на программу указывают на произношение родительного падежа с окончанием *-ого* (не *-оуо*), отличным от общесеверного *-ово*. Так, № 4 б. Онежского уезда Архангельской губ. указывает, что в данной форме «*г* выговаривается как в слове *рѳга*». В № 260 того же уезда с. Порог (Сб. Отд. рус. яз. и слов. 1909. Т. 87) отмечается окончание *-ого* с резким *-го*.

Ряд ответов на «Вопросник» дает указание на произношение *у* в корне слова: *уорот, уолова, уолобли, деньуи, ноуи, уоворить, поуос, оуород, залоуа, приуус*, даже — *бриуада, уруппа, уазета* (№ 36 из д. Гобсельга, № 37 из Фоймогубы, № 38 из д. Верхн. Нивы, № 39 из Толвуя, № 40 из Космозера, № 41 из д. Верховье, № 68 из Ялгансельги, № 73 из Марнаволока, № 25 из д. Данилово, № 29 из Тагозера, № 45 из Лонгасы, № 184 из Верхн. Шалтопорога).

3. Интересным явлением следует считать особенность произношения звука *ф* в чередовании с *х* и *хв*. В записях А. А. Шахматова отмечены следующие случаи: *форост* (Конд.), *фойная, зафати, зафатка* (Колодез.), *фалить, фастать, подфаривала* (Бол. Пог), *фойна, фойник* (Авд.), *фоць* (Конд.), *зафатывать, форос* (Хыза), *офтомонов* (Пальтега).

¹ Звук *х* в слове *шах* едва ли может быть показательным, так как подобное произношение известно в ряде северных диалектов, сохраняющих закономерность северного произношения звука *г*.

Близкие к этому явлению следует отметить случаи: *ферес*, *ферёса*, *ферёсовый* (Канза), *фирёса* (Кондоп.), а также *охвотник*.

Любопытно наличие в предлоге *γ* (*x*) вместо *в* (*ф*): *x кораблі*, *γ воду*, *γ воды*.

Эти примеры можно дополнить примерами из фольклорных записей А. А. Шахматова. В сказках имеет место довольно широкое употребление *γ* || *x* на месте предлога *в* || *ф*: *γ дворець* (112), *γ моей дочери γ гости* (112), *γ малое время* (112), *спусти меня γ воду* (78), *γ байну мытьця* (129), *хпреди* (112), *х своё место* (112), *х своё царьство* (112), *х покой свой* (78), *х путь* (78), *х фатеру* (78), *х свою сторону* (78), *х печку* (82), *приходит х пищору х крёсному отцу* (*x = ф* и *x = κ*) (119), *х котомку* (142), *она х корабли ходит* (126), *х сундуку* (107) и т. д. Близким является пример: *в эхтой* (100). В основе слов отметим немногое: *балафон* (108), *х фатеру* (78).

В записях песен и былин материал тождественный: *чара х поўтора ведра*, *х поўлесу*, *приходит х полату*, *приехал г золоту орду*.

Как показывает материал А. А. Шахматова, в заонежских диалектах имеет место некоторая тенденция к замене сочетаний *хв* звуком *ф*, лишь в предлогах на месте *ф* (= *в*) отмечено большое количество случаев с *x* на месте *ф*.

Значительная часть материалов из смежных или близких к Заонежью районов дает приблизительно те же соотношения. Так, у Мансикки из б. Пудожского¹ уезда отмечены следующие факты: *фатить*, *фастать*, *пофальной*, *росфалилсе*, *Тифиньска*, *фос*, *фóя*, *форой*, *уфат*, *офота* (*охфота*), *фитаниця*, *фатера*.

№ 30 с. Муромля б. Петрозаводского уезда: *фоя*, также предлог *г* вм. *в*, имеющий на месте *г* «что-то среднее между *г* и *х*».

№ 22 из б. Вытегорского уезда: *фóя*, *фóрать*, *фóща*, *фóрэй*, *охвота*.

В записях Гильфердинга можно отметить ряд аналогичных фактов: *фою* (1075, 1111), *подфатаючи* (1081), *фатал* (1165), *пофастать* (1106), *пофастают* (1192), *пофальбами* (339), *фост* (1136) и др.

Для смежной территории б. Архангельской губернии имеется материал у Мансикки² по б. Шенкурскому уезду: *фартал*, *фатера*, *фатаниця*, *куфарка*, *куфня*, *фто*. Кроме того, отмечен звук *ф* на месте *x* во флексиях; на месте *-ах*, *-ых* — *-аф*, *-ыф*: *душаф*, *иф*, *трёф*, *теф*, *худыф*. Рядом с этим и обратное явление: *мужикох*.

По соседним районам б. Новгородской губернии аналогичные указания: *куфарка*, *фóя*, *фастать* и рядом: *иф*, *хорошиф* (№ 116 из б. Белозерского уезда; д. Семково, Гр. Московской диал. ком.

¹ См.: Мансикка В. О говоре сев.-вост. части Пудожского уезда // Изв. Отд. рус. яз. и слов. 1904. № 4.

² См.: Мансикка В. О говоре Шенкурского уезда Архангельск. губернии // Изв. Отд. рус. яз. и слов. 1912. № 2. С. 105.

Вып. XII), у Соболевского¹ из г. Кириллова приведены случаи: *фодить, форошо*.

В № 28 из б. Устюженского уезда (Изв. Отд. рус. яз. и слов. 1896. № 4) дается несколько более обильный материал: *ныфтеть, фатера, фартальный, куфня*; во флексиях: *добрыф, тяжёлыф, дорогииф, зеленыф, в лукошкаф, в садаф*; в предлоге: *ф попу́, в дэреву*.

В № 280 из б. Кемского уезда, с. Шуя: *фатэра, куфня, фартальный*, но *Прося, Опросэнья, Опрóха*.

Последнее сообщение из Кемского уезда как бы выпадает из общего характера данной группы говоров: здесь наряду с господством замены *х* и *хв*, *кв* звуком *ф* имеет место и обратная замена *ф* через *п*, чего не отмечают заонежские материалы.

В ответах на «Вопросник» также имеются указания на данную замену *ф-х-хв*, причем отмечается преобладание таких случаев, как *фос, форос, фатать, форой, фоя* № 52 из Педесельги, № 59 из Егозера, № 62 из Пильмасозера, № 63 из Калакунды, № 63 из Канза-Наволока, № 65 из Великострова, № 66 из Охтомострова, № 67 из Куга-Наволока, № 69 из Гумар-Наволока, № 70 из Рангозера, № 71 из Балдиной горы, № 72 из д. Сердечкино, № 74 из д. Шелы, № 76 из Сумозера, № 76 из Подпорожья, № 82 из Пелоручья, № 83 из д. Дубовой, № 79 из д. Стешевской, № 77 из д. Водла, № 78 из Усть Колода, № 87 из д. Семеновской, № 89 из д. Подберезье, № 90 из Раниной горы).

4. В олонечких диалектах отмечен переход *в* и *л* в *ў*. Так, *в* переходит в *ў* в середине слова только перед длительным согласным: *дереўня, дешёўле*. Начальное *в* также переходит в *ў*: *ўдóвка, ўдов*.

В записях сказок находим весьма значительное количество подобных примеров.

Записи других собирателей из тех же и смежных уездов дают аналогичные показания. Ср. ответы по следующим уездам: Петрозаводский (№ 30), Вытегорский (№ 22, 134), Тихвинский (№ 131 в), Кирилловский (№ 123–125, 126, 152, 161, 163, 164, 170, 186, 205, 215), Белозерский (№ 151, 169), г. Кириллов (№ 169 с пометкой: «только у стариков»; Соболевский. Опыт. С. 45).

Рядом с этим в некоторых говорах отмечено протетическое *в* (*ў*) — из уездов: Кирилловского (№ 186), Тихвинского (№ 130а), Каргопольского (№ 106).

Что касается конечного *в* в глухом положении, то следует отметить, что в тех же говорах этот звук весьма часто произносится как *ф*, чаще как твердый. Ср. сведения из уездов: Повенецкого (№ 135а), Вытегорского (№ 133, 134), Белозерского (№ 117, 162, 169, 184), Кирилловского (№ 123–126), Тихвинского (№ 130а, 131а).

¹ Соболевский А. И. Опыт русской диалектологии // Живая старина. 1892. С. 45 (далее — Соболевский. Опыт.).

«Конечное *л* и *л* перед согласными звуками правильно переходит в неслоговое *й*, причем вряд ли этому предшествовало *в*: конечное *в* перешло бы в *ф*: *даў, ходіў*», — замечает А. А. Шахматов.

Произношение *л* в закрытом слоге как *ў* отмечено в записях сказок у А. А. Шахматова из ряда деревень, им посещенных (Кондопога, Шуньга, Шунгский бор, Толвуй, Пурга, Яндомозеро, Палтега, Горка, Лукин Остров, Илемсельга, Лижма, Талая гора, Кедрозеро).

В смежных диалектах это явление также отмечено собирателями из уездов: Петрозаводского (№ 13, 30, 34), Вытегорского (№ 22, 133, 134), Кирилловского (№ 152, 161, 163, 164, 167, 170, 186, 215; 124, 125, 126), Белозерского (№ 151, 162, 166; 117, Пример № 169 с пометкой «употребляют редко»), Тихвинского (№ 131в), Шенкурского (№ 80). В ответах на «Вопросник» также имеем некоторое указание на данное явление: отмечено произношение *у* вместо *л* в формах прошедшего времени (№ 20 из Морской Мосельги, № 21 из Янчозера, № 22 из Слободы, № 23 из Верх. Шалтопорога, № 24 из Лумбуши, № 26 из Данилова, № 29 из Тагозера, № 34 из д. Упиной, № 37 из Фоймогубы, № 39 из Толвуя, № 40 из Космозера, № 41 из д. Верховье, № 42 из Андомозера, № 44 из д. Кижи, № 46 из д. Кончезера, № 52 из Педасельги, № 53 из Ладвы, № 68 из Ялгансельги, № 70 из Рангозера).

5. В области фонетики отметим еще употребление *л*. «У женщин, — замечает А. А. Шахматов, — *л* переходит во всех случаях в *л*, причем это далеко не чуждо и мужчинам. Я слышал *л* у мужчин в Улитиной Новинке, Кондопоге, Лижме. В Шуньге и Толвуде я не слышал *л* ни у мужчин, ни у женщин. В Пергубе, Лопской деревне у женщин».

В записях сказок имеем указание на д. Яндомозеро: *скочила, вышла, крикнула, поклонилась* (129); Кедрозеро: *болшим, болших* (90), Лижма: *болшая* (97), *болше* (97), *болшуций* (100), *говорила* (101), *заварила* (101), *платила* (101).

В соседних районах данное явление также изредка отмечается; так, № 280 из Кемского уезда: «При произношении женщинами *л* звучит несколько мягче, чем у мужчин». Для г. Кириллова показания у А. И. Соболевского (Опыт. С. 45).

6. Среди общей массы северных говоров заонежские выделяются наличием *т'* в форме 3-го л. настоящего и будущего времени ед. ч. «В Толвуде я слышал, — пишет А. А. Шахматов, — *ть* в *уть*: *придутъ*. Также в Палтеге: *придутъ*. В Шуньге: *зѳвуть, едутъ, выпишутъ, пѳкутъ, ѳдутъ, вѳзутъ, подають, бѳрутъ, вешають, гнеють, зашивають, убьють, жнутъ, дожнутъ*. В Шун. бору: *отойдутъ, жнутъ, сиють*. В В. Губе: *жнутъ, вядутъ, кладутъ, насаживаютъ, хлышутъ, сорываютъ*. В Пурге: *гребутъ, навезутъ, сохнутъ*. В Выр-озере: *жмутъ, доставають, могутъ, льнутъ, жьивутъ*. В Яндомозере часто *ть*: *приежжають, рвутъ, кладутъ, ждутъ, бѳрутъ, но накрошутъ*».

Без указания селения имеет место пометка: «В 3-м л. мн. ч. *ть* имеют только глаголы I спряжения, во II спряжении при *-ат, -ят — а, я*».

Довольно многочисленны примеры на *-т* в 3-м л. мн. ч. в сказках, записанных А. А. Шахматовым в Пурге, Палтеге, Вел. Губе, Яндомозере (ср.: *люди... знают, лен чеиуть, плачють, жывьють, пожывають, идуть, зовуть* и т. д.). Ср. ссылку у А. А. Шахматова на данное явление в говорах северной части Петрозаводского уезда и прилегающей к нему части Повенецкого уезда в «Очерке древнейшего периода истории русского языка» (§ 487).

Мягкое произношение *т* в формах 3-го л. отмечается некоторыми собирателями в смежных районах: из Повенецкого уезда в единственном и множественном числе (№ 135а), из Тихвинского только во множественном числе (№ 130а).

В очерке Олонецкого наречия П. Н. Рыбников¹ дает указание также на формы 3-го л. мн. ч. I спряжения на *ть*: *дают, играют, читают, поют*.

Ряд ответов на «Вопросник» также дает указания на *-ть* в указанной форме: № 36 (д. Гобсельга) — *зовуть*; № 37 (Фоймогуба) — *знають, берут, несут*; № 38 (Вел. Нива) — *знають, несут*; № 39 (Толвуй) — *моууть*; № 41 (Верховье) — *зовуть*; № 30 (Лопское) — *жывьють, имеють, он работает* (параллельно с твердым *т*); № 31 (Пигматка) — *знають, сидит*; № 32 (Чолмужа) — *знають*; № 35 (Шунья) — *знають, несут*.

7. Особое своеобразие говорам Заонежья придает характер ударения. В огромном количестве слов в этих говорах наблюдается перенос ударения на первый слог. В записях А. А. Шахматова примеров значительное количество. Приведем наиболее интересные из них.

Перенос на корень: *овец, неси, сёстра, колесо, одна, одну, метать, светло, спрósить, вóровать, óтця, у óтца, гóрбом, дóски* (род. п. ед. ч.), *твóи, мóи, чоóу, тоóу, вода, цéна, дрóва, слóмай, рéветь, пéтун, жéних, гóворю, стáрики, мóлока не принесёно, у меня гóлова бóлит, пóйте, дóмой, зéмля, спрósить, ты скáжы, цяóу вóпишь, после тя́бе, слухай я тя́би што скáжу*.

Перенос на приставку: *óтворь, пóгодь, пóгоди, прóшли, пóпадёшь, óпасно, пóкажу, рóзливать, бéз коня, не пóйду, нé про тя́я и нé про мя́я*. Ср. примеры, приведенные выше как иллюстрации «ляпанья».

Перенос ударения вперед, не на начальный слог: *полóжить, дерéвён, принéсти, телéжонку, подкóвать, побéрегом, розóгнаў, поглядим, ремéшки*.

В единичных случаях перенос ударения назад, в сравнении с литературным языком: *ножикáми, скажу́т, роди́на, осéнь, лоши́ди*.

¹ См.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Вып. IV. С. 297.

В записях сказок у А. А. Шахматова находим значительное количество примеров на перенос ударения на начальный слог, хотя собиратель и отмечал, что ударение не везде точно обозначено при записи сказок. Ср.: *хóтят, кáрабли, в мóэ царство, рéбята, пóмерла, по зéмли, дóнес, нá час* (Кондопога); *éго, скáзау, тóпором, ля́жыть, на сво́и дровни, дрóва, дб́мой, гóворит, снёсла, пр́нес, нáклау, впе́реди, бя́жыт, дб́гнал* (Вел. Губа); *рóдила, пóшли, нá огни* (Талая гора) и многое другое.

Указание на своеобразный характер ударения в говорах Заонежья находим в ряде материалов. Так, еще П. Н. Рыбников писал: «Влияние карел и чуди... обнаружилось не в произношении звуков или наплыве финских слов, а в ударении... В карельском языке ударение почти всегда падает на первый слог, и у русских олонецан, особенно у женщин, ударение бывает очень часто или на 1-м слоге или на ближайшем к нему»¹. В приведенных им сказках и заговорах можно найти немало соответствующих иллюстраций, например: *хв́тил, потáцил, нá себя, нá крыльцё, нé прошло, нé придет, сó мной* (225), *нá зени, пóтерла, рáспростал, рóдила, прóговорила, кáким-то, нé прошло, прóговорил, éго, к óгню, пóглядеть, зá мной, тáкой, гл́аза* (им. мн. ч.), *гóворит, те́би, пóра домóй* (226).

Обращает внимание на эту особенность заонежского говора и В. Майнов: «Заонежанин и говорит-то не так, как вообще северяк, и потому его говор сейчас узнаешь и отличить заонежанина в толпе русских крестьян. Ударение он делает так, что иное слово сразу и не поймешь»².

В № 135а из б. Повенецкого уезда указывается в разделе «Ударение»: «Особенность говора — ударение на первом слоге».

В № 34 читаем: «В Заонежье говорят нараспев... при этом замечается перенос ударения с конечного слога на 1-й слог слова...»

Материалы ответов на «Вопросник» также указывают на широкое распространение в Заонежье переноса ударения к началу слова. Наблюдатель в ответе № 22 (д. Слобода, 30 км от Морской Масельги) говорит о том, что «ударение стремится перейти на 1-й слог». В ответе № 43 (Кижы) приводятся примеры: *мя́ня, ты́бя, ня́ пойду*, в ответе № 21 (Янчозеро) дается общее указание: «бросается в глаза частый перенос ударения в слове к началу»; в ответе № 33 (Пергуба) — *ня́ пойду, пр́ишел*; № 41 (Верховье) — *ня́мой, я́го, сы́ло*.

Из смежных районов мне известно указание на перенос ударения в Шенкурском уезде Архангельской губернии; в № 235 приводятся такие факты: *та́ковы слова, гóлова, пóучити*.

¹ Песни... С. 280. (Интересно замечание о том, что в песнях слова произносятся правильнее).

² Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1874. С. 88.

Приведенные выше материалы из записей А. А. Шахматова и ряда других наблюдателей весьма красноречиво говорят о своеобразии говоров Заонежья, которые довольно значительно выделяются из общей массы севернорусских говоров.

Резюмируя уже сказанное, подчеркнем наиболее показательные в этом отношении факты: 1) явления, сходные с аканьем; 2) *γ*; 3) *ф* на месте *х* и *хв*; 4) *ў* на месте *в* и *л*; 5) *-ть* в 3-м л. глаголов; 6) особый характер ударения.

Остановимся на анализе перечисленных особенностей. Явления, сходные с аканьем, по своему проявлению имеют нечто общее с южнорусским аканьем и в то же время существенно расходятся с этим явлением южных говоров.

Прежде всего обращает внимание тот факт, что произношение *а* (*'а*) на месте *о* и *е* известно главным образом под ударением в тех случаях, когда имеет место перенос ударения к началу слова. Такие условия перехода *о*, *е* в *а* в корне противоречат явлениям, известным в науке под названием аканья. Таким образом, здесь имеет место сходное лишь по результатам явление, но обусловленное иным положением в слове. Выше приведен ряд фактов, говорящих о таком переходе и в безударном положении. Следует подчеркнуть, что наибольшее количество примеров в данном случае падает на определенную форму — повелительное наклонение 2-го л. мн. ч., а также ряд случаев с конечным открытым слогом.

Материалы записей из Олонецкой губернии были использованы А. А. Шахматовым при написании «Исследований в области русской фонетики». В этой работе, посвященной истории звуков *а*, *о*, *е*, проанализированы некоторые материалы, которые связываются с явлением «ляпанья». Данное явление А. А. Шахматов выводит из особенностей общерусского *о* и считает, что «совпадение в некоторых окающих говорах *ó* откр. и *á* в *á*, принадлежит к диалектическим явлениям»¹. Этот переход связывается им с аналогичными явлениями в южнорусских диалектах. «Во многих севернорусских говорах имело место явление, сходное с тем, которое наблюдается в большинстве южновеликорусских говоров, а именно совпадение *ó* откр. и *á* в одном звуке *á*. В настоящее время за недостатком точных, а вернее даже каких-либо наблюдений, трудно определить границы этого явления»². Большинство этих северных говоров, по мнению А. А. Шахматова, в скором времени пережило «некоторые общие явления, состоявшие в переходе *о* скл. к *а* (в слоге перед ударением) в *о* по большей части закрытое: эти явления мы называем оканьем,

¹ Шахматов А. А. Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893. С. 263.

² Там же. С. 297–298.

а севернорусские говоры окающими. Впрочем, еще долго держались, держатся частью и теперь, в области северновеликорусского наречия говоры неокающие, т. е. сохранившие в слоге перед ударением *o* скл. к *a*, таковы, напр., говоры Петрозаводского у. Олонецкой г.»¹.

Исходя из положения о совпадении *o* открытого и *á*, А. А. Шахматов считает вполне закономерным для северных диалектов произношение *a* вместо *o* в конечном открытом слоге, где появление *a* вместо *o* значительно чаще, чем в других положениях². Одинаковое развитие имеет и произношение *a* на месте конечного открытого *e*³.

В более поздней работе, в «Очерке древнейшего периода истории русского языка», А. А. Шахматов произношение *a* в конечном безударном слоге вместо *e* связывает с диссимиляционными процессами, имевшими место в общерусском праязыке. По мнению А. А. Шахматова, «в конце слова *e*, диссимилируясь предшествующей мягкой согласной, изменилось в общерусском праязыке в *ä*, т. е. в переднюю гласную нижнего образования, более открытую, менее палатальную, чем *e*. Это положение основывается преимущественно на данных северновеликорусских говоров, где исконному *e* в конце слова, правда, только в неударяемом слоге, соответствует *a*»⁴.

Что касается случаев перехода конечного *o* в *a* не после мягких согласных, то А. А. Шахматов в этом труде высказывает предположение о влиянии колонизационной волны из приокской области, шедшей в Северодвинский край и оказавшей воздействие на говоры Архангельского и Холмогорского уездов⁵.

Если в ранних и позднейших работах А. А. Шахматов объясняет произношение *a* вместо *o* и *a* вместо *e* в неударяемых срединных и конечных открытых слогах теми или другими взаимоотношениями звуков русского языка, то появление *a* в начальном слоге под ударением рассматривается в ином плане.

Еще в упоминавшихся выше отчетах о поездках в Олонецкий край А. А. Шахматов высказывает мнение об отражении в данном случае влияния финского языка: «Здесь пришлось встретиться со значительным влиянием на русские говоры соседних финских наречий, сказавшимся не только в заимствованных словах, но главным образом в передвижении ударения на финский лад. На всем западном берегу Онежского озера сказывается сильное влияние финнов». Также население северо-восточной береговой полосы говорит «совершенно на том же наречии, что жители запада», здесь имеет место тот же «финский лад ударения слов».

¹ Шахматов А. А. Исследования... С. 263.

² Там же. С. 298.

³ Там же. С. 257.

⁴ Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915. § 224.

⁵ Там же. § 484.

Останавливаясь на произношении *a* вместо *o*, сопровождаемом переносом ударения на 1-й слог, А. А. Шахматов и в ранней своей работе «Исследования в области русской фонетики» держится мнения о финском воздействии на заонежские говоры¹.

Суждение А. А. Шахматова о финском влиянии на перенос ударения на 1-й слог слова и о связанном с ним переходе *o* в *a* поддерживается и рядом наблюдателей над олонекскими диалектами.

Особняком стоит мнение Г. Ф. Нефедова, собиравшего материалы по олонекским говорам в последние годы. Говоря об объяснении особенностей заонежского ударения влиянием карельского языка, Г. Ф. Нефедов замечает: «Едва ли справедливо»².

Следует подчеркнуть, что все приведенные выше соображения о взаимоотношении русских и карельских говоров на территории б. Олонекской губернии так же, как и сомнение в этом Г. Ф. Нефедова, высказываются в значительной мере *a priori*, без достаточного изучения общего характера вокализма как русских, так и карельских говоров. Если в отношении русских говоров имеется более или менее достаточный материал, то соседящие с ними карельские говоры еще не освещены в достаточной мере. Для утверждения о влиянии карельских диалектов на вокализм заонежских, а также для решительного отрицания этого утверждения первоочередным является сравнительное изучение тех и других говоров.

В связи с этим небезынтересно остановиться на следующих материалах. Так, в Архиве Географического общества имеется рукопись 1850-х гг. (1850. Т. XXV, 22) «Этнографические сведения о жителях приходов Семчезерского, Янгозерского и Гимольского Повенецкого уезда», указывающая, что население этих приходов говорит на карельском языке — лапиксе в отличие от олонекского — лювиксе. Лапиксе и лювиксе, как сообщил мне Д. В. Бубрих, представляют собою племенные названия карел. Интересно именно название «лапиксе», которое хочется сблизить с упоминавшимся выше термином — «ляпанье». Возможно, что ляпсаками местное население могло назвать финнов, карел, усвоивших русский язык и внесших в него те или другие особенности, отличные от окружающих их севернорусских говоров. В данном случае могло быть выделено этим термином особое произношение *o*, близкое к *a*. Это предположение в некоторой мере подкрепляется данными, которые можно извлечь из другой рукописи (Архив Географического об-ва. 1885. Т. XXXV, 15), принадлежащей Ю. Трусману, под заголовком «Образец сомерского говора» (в Гдовском уезде Петербургской губернии), полученной Архивом Географического общества в 1885 г. В рукописи приводятся 3 небольших рассказа. Обращает внимание в сомерском

¹ См.: Шахматов А. А. Исследования в области русской фонетики. С. 316.

² Нефедов Г. Ф. Севернорусские говоры как материал для истории // Уч. зап. Ленингр. ун-та. 1939. Т. 1. С. 251.

говоре ряд отклонений от русского языка, на основании которых можно предполагать, что в данном случае имеем дело с записью русской речи от нерусского населения. С одной стороны, наблюдается произношение *a* вместо ударенного *o*: *кара́ва*, *ага́нь*, *ня пярв́яй роз*, *пашала́к*, *мна́га*, а также в безударном положении: *яна* (= она), *гари* (= горит), *ня пярв́яй роз*, *сгаре́ля*, *барадо́б*. С другой стороны, наблюдается произношение *o* вместо ударенного *a*: *явцо́б*, *сто́ла* (= встала), *спол но́ избу* (= спал на избе), *ня пярв́яй роз*, *барадо́б*, *в гло́зу*. Параллельно отмечается *a* вместо *e*: *ляжи́* (= лежит), *тыке* (= течет), *в мянь* (= у меня). И обратно: *ё взё́ля* (= я взяла).

В данном говоре наблюдается, таким образом, явление, аналогичное заонежскому «ляпанью».

Дальнейшее изучение процессов усвоения русского языка финским и карельским населением Ленинградской области должно внести большую ясность в вопрос о происхождении заонежского «ляпанья». Исследователям русских диалектов, находящихся в окружении или в близком соседстве с нерусскими, необходимо заняться изучением процесса усвоения русского языка соседящими народами. Материалы из только что упомянутой рукописи Архива Географического общества наводят в этом направлении на ряд интереснейших вопросов.

Перенос ударения и сопутствующее ему произношение *a* вместо *o* накладывают своеобразный отпечаток на заонежский говор. А. А. Шахматов в рукописи по диалектам пишет: «Я положительно замечаю, что речь заонежан отрывиста — плавности никакой, интонации мало, так что все кажется, что вот-вот оборвется речь на полуслове, прибавив как-нибудь отрывистое *так*, чрезвычайно ими любимое...»

Однако при изучении заонежских говоров данное явление едва ли правильно изучать изолированно от других явлений, составляющих специфику заонежских говоров и существенно отличающих их от других говоров. Выше приведен материал по ряду таких явлений.

Произношение *y* в некоторых корнях и особенно в окончании родительного падежа единственного числа прилагательных и местоимений мужского и среднего рода имеет ограниченное распространение в севернорусских говорах — его отмечают наблюдатели как раз в группе олонецких говоров и в некотором окружении к северу и востоку от них. Более частое употребление данной формы отмечено именно в Заонежье, в смежных районах оно замечено спорадически.

Анализируя данное явление в связи с характером произношения звука *z* в севернорусских диалектах, А. А. Шахматов¹ высказывает предположение, что в древнерусском языке различались три группы

¹ См.: Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. § 446–448.

говоров в отношении отражения звуков *g* и *h*, в частности, севернорусские говоры восходят к двум из них, именно к группе, сохранившей различие между *g* и *h*, и к группе, изменившей *h* в *g* и сохранившей *g*. К первой из этих групп, по мнению А. А. Шахматова, относятся, между прочим, олонекские говоры. При более детальном рассмотрении в говорах этой первой группы намечаются, в свою очередь, определенные подгруппы: 1) группа, в которой *h* исчезло совсем, но не слилось ни с *g*, ни с *γ*; 2) группа, в которой *h* перешло в *γ*; 3) группа, в которой *h* заменилось *v*. Первая из этих подгрупп отмечена наблюдателями по преимуществу в восточной части б. Новгородской губернии (см. приведенные выше материалы из б. Белозерского, Кирилловского и Тихвинского уездов); здесь в форме родительного падежа имеет место окончание *-oo*. Вторая подгруппа известна главным образом в Заонежье, точнее в б. Петрозаводском, Повенецком уездах (Материалы А. А. Шахматова, № 13 и 30), частично в Вытегорском (№ 22), а также в Кемском (№ 104), Шенкурском (№ 235) и Белозерском (№ 162). Третья подгруппа, самая обширная, охватывает всю остальную территорию распространения севернорусских говоров. К говорам, знающим *γ* на месте *h*, в некоторой степени приближаются говоры второй группы (по Шахматову), где во всех положениях появилось только *z*. Это говоры Архангельского, Холмогорского (Материалы А. А. Шахматова из «Арханг. губ. вед.» 1847 г., № 50) и Онежского уезда (№ 41).

Географическое распространение указанных групп определенно указывает на следы *h* и *γ* в самой северной и северо-западной частях севернорусского наречия, в то время как группа с *v* расположена в восточной, центральной и всей южной полосе севернорусских говоров, переходя южнее на территорию среднерусских говоров и далее проникая в отдельные южнорусские. Подобное расположение отражения *h* и *γ* заставляет обратить особое внимание на говоры севера и северо-запада и задуматься над причинами, которые могли содействовать своеобразному развитию данных звуков в указанных сочетаниях в отличие от говоров, знающих *v* в указанном положении. Данное положение направляет внимание на эти говоры еще и потому, что они обладают рядом своеобразных особенностей, отличающих их от группы, знающей *v* вместо *h* и *γ*.

В несколько более ранней работе «Заменички словенски наставак gen. sing. masc. u. neut.»¹ А. А. Шахматов склонен видеть в форме родительного падежа прилагательных и местоимений рефлекс общеславянской формы *toho*.

Вопросу об окончании родительного падежа местоимений и прилагательных в севернорусских говорах посвящена статья З. К. Плот-

¹ Шахматов А. А. Заменички словенски наставак gen. sing. masc. u. neut. // Јужнословенски филолог, повремени спис за словенску филологију и лингвистику. Београд, 1913. Кн. 1. С. 21–26.

никовой¹, в которой устанавливаются две группы олонечских говоров: группа с вполне определенным взрывным *z* и группа с ослабленным взрывным *z*. Ко второй группе отнесены по преимуществу заонежские говоры (селения Сенная губа, Кижы, Яндомозеро, Великая гора, Космозеро, Толвуй, Фоймогуба, Выгозеро, Кузаранда, Типеницы). В процессе изучения диалекта З. К. Плотникова установила своеобразное произношение *z* и *γ* в олонечских диалектах. Характеризуя звук *z*, автор указывает, что «у большинства наблюдается полнейшее ослабление взрыва вплоть до перехода взрывного в спирант, но рядом с этим у тех же лиц иногда является в этих же положениях *z*, т. е. взрывной со слабым взрывом, уловимым при шепотном произношении»².

З. К. Плотникова считает *γ* в олонечских диалектах вторичным, «спирантное *γ* в рассматриваемых говорах есть новый спирант, явившийся на месте *z* взрывного путем постепенного ослабления взрыва в условиях, наиболее благоприятствующих такому ослаблению (как, например, между гласными), он наблюдается у большинства представителей этих говоров»³. Эти соображения о позднем развитии *γ* в данных диалектах автор подкрепляет ссылкой на то, что «в заонежских говорах последовательное проведение *γ* наблюдается главным образом у молодого поколения, а наиболее последовательное сохранение взрывного *z* представлено старшим поколением, тогда как в муромском ослабление взрыва наблюдается одинаково у всех»⁴.

Однако приведенные соображения едва ли можно считать вполне убедительными. Приведенные позиции звуков в составе слов, в частности интервокальное положение *z* как в основах слов, так и в составе флексии родительного падежа мужского и среднего рода местоимений и членных прилагательных, повсеместно известны на территории севернорусских диалектов. Вместе с тем мы знаем, что произношение *z* как *γ* отмечается в сравнительно ограниченной группе говоров, центром которых является Заонежье, и от него отходят отдельными небольшими пятнами селения к северу и северо-востоку, имеющие аналогичное явление. Приходится считать, что наличие *γ* в заонежских говорах обязано каким-то своеобразным условиям, имевшим место именно в этих районах, но не имевшимся в ряде других диалектов востока и севера РСФСР, а также всего Поволжья.

Обобщая свои наблюдения над олонечскими диалектами, З. К. Плотникова приходит к окончательному выводу о том, что «в северновеликорусских говорах *γ* вместо *g*, в частности в форме родительного падежа, сравнительно позднего происхождения и по своему харак-

¹ См.: Плотникова З. К. К вопросу об окончании родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода местоимений и сложных прилагательных // Изв. Отд. рус. яз. и слов. Пг., 1919. Т. XXIV. Кн. 1.

² Там же. С. 287.

³ Там же. С. 292.

⁴ Там же.

теру не тождествен не только с малорусским и белорусским, но даже и с южновеликорусским соответствующим спирантом. По-видимому, вместе с этим он менее устойчив, более склонен к исчезновению, чем южновеликорусское γ ¹.

Таким образом, в нашей лингвистической литературе имеют место два суждения о развитии γ в говорах Заонежья. А. А. Шахматов, как мы видели выше, склонен видеть в звуке γ древний спирант. З. К. Плотникова считает γ в соответствующих говорах поздним явлением, не объясняя, однако, причин, в силу которых в более позднее время развивается γ на месте более древнего g .

В работах А. А. Шахматова и в вышеупомянутой статье З. К. Плотниковой γ рассматривается по преимуществу в составе формы родительного падежа единственного числа. Как показывают приведенные нами материалы из последних записей по Заонежью, произведенные между 1937–1940 гг., γ известно в этих говорах далеко за пределами указанной формы, именно в составе ряда основ как старых, так и новых, вплоть до слов, заимствованных из литературного языка (ср., например, *группа, газета, урам*). Отметим, что этот новый материал указывает на произношение γ не только в интервокальном положении, а в сочетании с согласными (*оулобли, урам, уде, урудами, уромчаје, за урибами*) и в абсолютном начале слова. Подчеркнем, что в ряде селений отмечено параллельное употребление γ и g в одних и тех же основах, что говорит об определенной неустойчивости в отношении употребления данного звука.

При анализе явлений, связанных с произношением γ в данных диалектах, необходимо обратить внимание на характер самого звука γ , оттенков его произношения. В старых материалах по заонежским говорам детали произношения γ не описываются и даже не оговаривается наличие того или другого оттенка в произношении этого звука. З. К. Плотникова, наблюдая данный звук в тех пунктах, по которым были соответствующие указания в диалектологических материалах, отмечает, как мы видели, особый характер произношения γ .

В ряде ответов на «Вопросник по составлению диалектологического атласа русского языка» также имеет место указание на своеобразный характер произношения γ . Например, ответ № 33 (Пергуба) указывает на то, что γ не так фрикативно, как в южнорусских говорах. В № 68 (Ялгансельга) приводится ряд слов с γ (*ют, бригада, юстей, луа, поюс, уде, газета, мною*). В № 70 (Рангозеро) указывается на произношение g взрывного, но рядом с этим отмечаются такие примеры: *ухали, уести* с придыхательным начальным g . В № 44 (из Кижского сельсовета) приведены примеры: *уълава, мноуа*. В № 21 (Янчозеро) указывается на g , но рядом — *уди, убду*. В № 23 (Верхн. Шалтопорог) приведен обильный материал на γ : *вьюа, поюда,*

¹ Плотникова З. К. К вопросу... С. 303.

роуац'; *приууз, врау, уород, уазета, уолова, оуурци, јауоды*. То же и в № 22 (д. Слобода, в 30 км от Морской Масельги): *вьюуа, уораздо, снеу, коуда, непоуода, рууавсы, уород, уазета, уолова*. В № 26 (Данилове) отмечены факты: *уат, уадюка, урабитъ, уолова, уброт, слёуа*. В № 29 (Тагозеро): *ничеуо, уадюка, уазета, уолова*. В № 37 (Фоймогуба): *урот, уолова, бригада, урунт, поуос, уоворитъ*. Аналогичные факты отмечены в № 38 (Вел. Нива), № 39 (Толвуй), № 40 (Космозеро), № 41 (Верховье), № 43 (Лахта и Кургиницы), № 45 (Сенная губа), № 73 (Марнаволок). В некоторых пунктах отмечено *у* только в формах родительного падежа прилагательных и местоимений: № 80 (Отовозеро), № 82 (Палоручей).

Все эти замечания о характере произношения *у* наводят на предположение, что заонежское *у* не тождественно с южнорусским *у* и едва ли заонежское *у* можно роднить с соответствующим звуком в южнорусских говорах.

Рассмотренные выше соотношения заонежских говоров с соседними карельскими в области места ударения направляют внимание и в данном случае в сторону финских диалектов. В соседних финских диалектах имеются два звука — *g* и *h*. Первый — взрывной заднеязычный, второй — придыхательный спирант, не сходный с южнорусским *у*. Из этих сопоставлений напрашивается предположение о возможном воздействии этих карельских диалектов на соседние русские. Здесь, в Заонежье, где довольно причудливо переплетаются русские и финские селения, могло иметь место весьма давнее соседство русских и финнов. В процессе скрецивания и взаимовлияния одних говоров на другие могли получиться своеобразные звуковые отношения. Возможно в данном случае предположение о воздействии окружающих финских поселений на вкрапленные среди них небольшие русские поселки. При встрече северноруссов, знавших в своем языке, как и повсюду на севере, один вариант звука *z*, именно *z* взрывное, с соседними финскими говорами, где различаются *g* и *h* как две различные фонемы, могло произойти смешение тех и других диалектов. В результате в русских говорах могло развиваться двоякое произношение звука *z*, аналогичное произношению в финских диалектах. Отсюда непоследовательность в употреблении того и другого звука: в одном и том же говоре в Заонежье есть *z* и *h*.

Отсюда вытекает и неравномерное распространение *h* или *у*. В одних говорах *h* или *у* известно в довольно значительном количестве слов, в других — в более ограниченном, в третьих — оно известно лишь в ограниченных случаях, наконец, в четвертых — лишь в форме родительного падежа. Подчеркнем, что в большинстве из этих говоров, знающих *у* (*h*), на месте его в глухом положении известно не *х*, как это следовало бы ожидать при типичном произношении *у*, — в этих случаях наблюдатели отмечают *к* как соответствие взрывному *z*. Высказанное нами предположение о возникно-

вании γ (h) в заонежских говорах в некоторой степени освещает и характер произношения данного звука. Напомним, что многие наблюдатели не отождествляют его с южнорусским γ , а описывают как звук скорее спирантного типа. Аналогичный характер, как указал нам Д. В. Бубрих, имеется в соседних карельских диалектах.

На связи с карельскими диалектами указывает и особый характер ударения в заонежских говорах. Общая тенденция к переносу ударения к началу слова, не отмеченная в большинстве диалектов русского Севера, очень выпукло сказывается именно в Заонежье и придает, как отмечают наблюдатели, какой-то нерусский характер всему говору. Сопоставляя эти факты с явлениями ударения в соседних карельских диалектах, можно высказать следующее предположение. В результате встречи и длительной совместной жизни русское население Заонежья под влиянием карельских диалектов с постоянным ударением на начальном слоге слова могло постепенно выработать своеобразный тип говора с перетяжкой ударения на начальный слог слова. Вследствие этого нарушались прежние древнейшие отношения качества и количества ударенных и неударенных слогов, в результате чего могла появиться и склонность к расширению вновь ударенного o и превращению его в более широкий звук, что в конечном счете привело к развитию «ляпанья».

Эти намеки в сторону карельских диалектов усугубляются еще и некоторыми соотношениями из области этнографии заонежского населения. В отношении этнографического облика населения Заонежья есть ряд любопытных фактов, говорящих о каком-то своеобразии Заонежья, которое выпадает из общего этнографического *habitus*'а русского Севера. Особенно отчетливо это своеобразие этнографического облика Заонежья сказывается в области одежды и орнамента, которые являются одними из устойчивых показателей древнейших связей отдельных групп населения.

Прежде всего следует отметить наличие в Заонежье полихромной вышивки как на полотенцах, так особенно часто на деталях одежды. Для всего русского Севера основными расцветками являются или красная по белому холсту или же белая нить при мережке и аналогичных ей швах. Введение синей, желтой, зеленой нити вовсе не типично для Севера. А в Заонежье как раз мы встречаемся с употреблением различных дополнительных цветов на общем фоне красной вышивки. Особенно ярко это сказывается в отношении наплечных вышивок, которые в Заонежье являются подлинными шедеврами народного искусства. Ни в каком другом районе русского Севера подобных вышивок не имеется, и этнограф по первому взгляду сумеет определить заонежское происхождение этих образцов. Почти исключительно геометрический характер основной композиции, заполняющей пространство наплечной вышивки, также является весьма своеобразным, так как в большинстве случаев в украшениях северной русской рубахи присутствуют элементы растительного и животного

орнамента (птицы, кони и т. п.). Кроме наплечных вышивок в старинных экземплярах женских рубах можно отметить крайне интересные детали, вовсе неизвестные в каком-либо другом районе у русских. Это нагрудные розетки, расположенные симметрично по обе стороны от грудного разреза¹. Правда, это розетки небольшие, являющиеся как бы слабыми намеками на расшивку груди у ряда других народов — марийцев, чувашей, где расшивка нагрудных розеток достигает огромного мастерства и представляет образцы народного искусства, которыми в полной мере могут гордиться эти народы². Однако самый факт наличия нагрудных розеток на женской рубахе говорит сам за себя и ведет к установлению каких-то параллелей и связей заонежской культуры с финским миром. В украшении рубахи обращает внимание также наличие вышивки на спине женской рубахи, вовсе не отмеченное нигде среди русского населения, но богато представленное в этнографических материалах поволжских финнов.

Кроме рубахи внимание этнографа останавливает женский головной убор. Заонежский головной убор выделяется среди всех собраний по русскому северному женскому головному убору прежде всего тем, что он имеет под верхним нарядным убором внизу еще кичку. Кичка представляет собою холщовый чепец, который спереди имеет твердую пластинку, служащую для того, чтобы лобная часть верхнего нарядного убора высоко поднималась. Эта деталь убора широко известна в южнорусской этнографической среде, а также среди финских народов, особенно же в Поволжье. Кроме того, верхний шитый золотом убор в Заонежье имеет лобную часть, выступающую в виде рога вперед. Деталь — вовсе неизвестная среди русского населения Севера и ярко представленная в ряде мест южнорусской территории, а также у мордвы, марийцев и удмуртов и у тверских карел в Бежецком районе, выселившихся из Карелии.

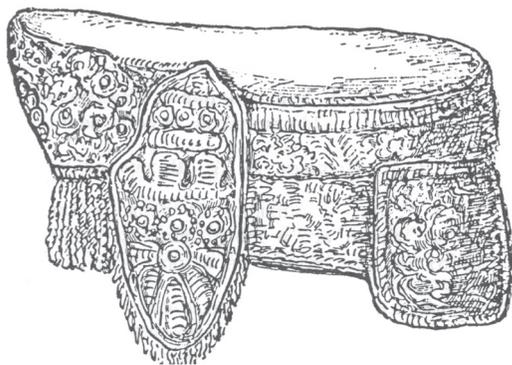
Наконец, внимание этнографа останавливает еще одна деталь заонежского головного убора. Это наличие в структуре убора небольших лопастей, спускающихся над ушами. В этих лопастях можно усмотреть пережитки ушных украшений, которые составляют неотъемлемую часть украшений головной убора как в южнорусских районах, так и у финского населения Поволжья. Все эти детали придают специфический облик заонежскому головному убору и резко выделяют его на общем фоне русского северного этнографического материала (см. рис. на с. 65). Указанные детали убора связывают его с южнорусскими и финскими материалами.

Отсюда естественно напрашивается предположение о том, что и в заонежском материале указанные особенности находятся в опре-

¹ Ср. коллекции Гос. музея этнографии в Ленинграде (ныне — С.-Петербурге), особенно № 296, 641, 668.

² Ср.: *Гринкова Н. П.* Родовые пережитки, связанные с разделением по полу и возрасту // Сов. этнография. 1936. № 2. С. 33–36.

деленной связи с финским материалом. Правда, непосредственно близкие карельские материалы существенной помощи оказать не могут, так как среди карельского населения старинные этнографические материалы еще не найдены, а имеющиеся музейные собрания говорят о сравнительно поздних этапах развития культуры карел, находившихся под сильным воздействием русской культуры. На территории Карелии пока лишь в Заонежье обнаружены особо архаические остатки этнографических материалов по истории женской одежды.

Заонежский головной убор, имеющий остроконечный лобный выступ, наушные лопасти и сзади так называемый позатылень

Как характер украшения и расшивки рубахи, так и детали женского головного убора заставляют предполагать очень давнюю и прочную связь предков современных заонежан с древними финскими соседями, связь, приведшую к смешению элементов славянской и финской культур. В глухом углу, при бездорожье и при отсутствии прочных связей с крупными центрами, в Заонежье и могли сохраниться многие пережитки материальной культуры.

Несомненно, что рука об руку с взаимовлияниями в области материальной культуры шли и влияния в области языка. Отмеченные выше особенности заонежских диалектов, выявляющие ряд фактов, не свойственных севернорусским говорам, вернее всего следует поставить в тесную связь с местными карельскими диалектами. Это сопоставление может пролить свет на указанные особенности, резко противоречащие общему характеру севернорусских говоров, к которым по своей основе и принадлежат заонежские говоры. Когда успешно начатое Д. В. Бубрихом обследование карельских диалектов будет доведено до конца и материалы будут опубликованы, небезынтересно будет еще раз вернуться к анализу заонежских говоров и на их материале раскрыть некоторые стороны процессов скрещения и взаимовлияний разноразличного населения нашей страны.

О НАРЕЧИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

<...> Землеведение и языкознание, по-видимому, две науки почти несродственные; но если изучать землю вместе с обитателями ее, то вопрос этот принимает иной вид, и Русское Географическое Общество, по Этнографическому Отделению своему, придется сродни или в свойстве со Вторым Отделением Академии Наук. На этом поприще оба ученые общества подают друг другу братскую руку соревнования и помощи.

Перед нами опыт, и притом первый опыт в этом роде; доселе печатались кой-где собрания областных слов, но не было издано ни одного такого словаря. Уже одно это обстоятельство обязывает нас признательностию к ученому братству, которое, едва ли не впервые со времен Ломоносова, признало труд этот довольно важным и достойным своего внимания.

Не станем рассуждать о пользе областных словарей, или словарей наречий. Во Франции, Германии, Италии, где местный народный говор нередко до того уклоняется от общепринятого, что почти может быть принят за другой язык, словари наречий мало могут способствовать изучению общего языка; но где, как у нас, на всем пространстве огромного царства расстилаются беспредельные равнины и господствует один общий язык, а местные отклонения его столь незначительны, что их даже не всякий замечает, там областные словари получают совсем иное значение: областной говор свойствен простому народу, а простонародный язык — корень и основание образованного языка; последний, со всеми прикрасами своими и со своею грамматикой, должен признать простонародный язык наш родным отцом своим, и в то же время живым, напоющим источником.

Кажется, теперь только настает желанная пора для истинного изучения и развития нашего языка. Вместе с насильственным образованием по иноземным образцам в былое время началось и искажение родного языка, который не мог поспеть за внезапным приливом просвещения. Он и теперь только достиг межени; ему еще далеко до высокой воды. Но довольно того, что мы начинаем убеждаться в неудобстве пополнять недостающее иноземным, начинаем отказываться от произвольной ломки, спайки и наварки слов: эти попытки

¹ *Даль В. И. О наречиях русского языка. По поводу опыта областного великорусского словаря, изданного вторым отделением Императорской Академии наук // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. I. СПб.; М.: Изд-во М. О. Вольфа, 1880. С. XLIX–XCIII. Публикуется по изд.: Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1978.*

большую частью весьма неудачны и основаны собственно на незнании народного языка в полном его объеме; в словах и выражениях у нас нет недостатка, умеете только отыскать их, изучить, усвоить и пустить в ход. В этой истине мы убедились недавно, и с тех пор увидели свет. Повсеместно заметно это направление, и от него будет благо.

Не станем говорить о том, что у нас есть собраты, которые пишут и печатают *газон* и *кадавер*, ниже о *гуманности*, *субъективности* и *объективности*, а вспомним, например, что одному переводному роману дано хитро придуманное заглавие *Путеводителя в пустыне*, заглавие мудреное, таинственное, тогда как буквальный перевод этого заглавия был бы: *степной вожак*. Беру один пример, чтобы только объяснить мысль свою, тогда как легко было бы насчитать их тысячи. Русские даровитые писатели, которые знают народный быт и берут оттуда рассказы и картины свои, пестрят однако язык свой, без малейшей надобности, а только по образу воспитания и привычке, чужими словами, а слог свой — нерусскими оборотами. В этом все мы виноваты поголовно.

Относительно *словосочинения*, в смысле произвольного составления небывалых слов, не говоря об иных писателях, достаточно будет сослаться на новейший словарь наш, в котором 114 749 слов или речений, но в том числе и множество таких, которые придуманы только для внесения их в счет, между тем как их нет вовсе на деле и они нигде и никогда в ходу не бывали и не будут.

Мы о сию пору затверждаем по всем грамматикам русским, что язык наш весьма склонен к образованию составных речений, и в этом убеждении дозволяем себе сочинение шарокатов и шаропехов; скажем напротив раз навсегда, по правде, что он вовсе не склонен к тому и что это противно духу его; народ не затрудняется приискать в сокровищнице своей новое выражение, если оно ему понадобится, но у него на это совсем иные приемы: берется одно только слово, ближайшее к главному понятию, а затем, изменением окончания, приставкою одного или двух предлогов и иногда еще переносом ударения, придается выражению этому любой вид и значение.

Все стали убеждаться в последнее время в том, что при направлении, которое приняла обработка, или вернее запущение русского языка, ему угрожает гибель: из богатого, звучного, сильного и самостоятельного языка мог бы сделаться язык вялый, тяжелый, набродный. К этому упадку и точно близился наш письменный язык; простонародный не искажался, но в отчужденных от него ушах отзывался квашениной. И точно, середины у нас еще нет; чем менее язык писателя напоминал отчизну свою, тем легче понимали его читатели и читательницы; чем более он отзывался материком, тем он казался грубее, пошлее и непонятнее. Чопорные писатели отряхивали свои пальчики в цветных перчатках и прибегали к французскому словарю вместо русского; немногие смельчаки бросались в противоположную крайность, и если попытка их тешила на короткое

время резкостью и новизною, то на нее не менее того смотрели, как на довольно грубую и даже неприличную шутку.

Но если мы изучим свой народный язык во всех его видах и в полном богатстве, если усвоим себе дух его, свыкнемся и обживемся с ним, тогда, может быть, понятия наши о нем изменятся и мы вынуждены будем сознаться, что все жалобы наши были наклепом невежества, для которого и самый язык оставался немым.

Мужик известной (северовосточной) местности говорит: «под уво ем хло б не растет». Немногим из читателей слово *увей* знакомо, а заменить его мудрено не только русским, но и чужим словом: *увѣй* — это все пространство вокруг леса или дерева, которому оно застит в течение дня, отчего трава и хло б на этом пространстве хилеет; уво й — весь объем тени, вся местность, на которую падает постепенно тень, от восхода до заката солнца.

Лошадь *запахáлась*, т. е. надорвалась пашней; у нас по хлебам дорогу *загъздили*, или поля зао здили, т. е., покинув дорогу, о здили стороной и помяли хло б; о сть хло б *въ окунку*; петь или читать *говорком*, т. е. речитативом; *набрóвый*, *набрóвистый* вместо навислый; *басá* — красá, пригожество, изящество, от чего вышло много речений, и между прочим *басловка* и *баснь* (этого корня нет даже у Шимкевича); *голóмя* или *бследь*, на что у нас нет иного слова, а пишут *штамб*, т. е. немецкое Stamm; все это выражения, хотя и областные, но вполне пригодные для общего русского языка, и притом едва ли заменимые. Примеры эти я взял на память, как они попались под перо, и впоследствии справился только, нет ли их в словарях; если бы я не опасался надоест, то легко было бы набрать их сотни, даже тысячи. Не забудем, что все выражения эти равно способны принять значение переносное и что здесь речь идет только о словаре, а следовательно, о словах, тогда как и самому русскому складу речи также можно научиться не столько из книг наших, сколько из народного говора.

Но в бытовом (этнографическом) отношении местный словарь получает еще другое значение: он указывает на происхождение и сродство поколений, и потому областное наречие или говор не могут быть оставлены без внимания этнографом. Кто не узнает, при первой речи, уральского казака по резкой скороговорке его; донца — по особенной примеси южнорусского говора; курянина — по мягкому окончанию третьего лица; воронежца — у которого нет среднего рода, и платье, яйцо и седло — она и эта? Вятчанин употребляет приставки *то, та, те*, согласно с родом, и говорит: корова-то, мужик-та (или от), дети-те, и вот разгадка так называемого последовательного члена на языке болгарском, явления странного, несвойственного никакому иному славянскому наречию; но это не член, и взят он не с греческого: очевидно, обычай приставлять местоимение на языке этом обратился в закон. Кто не узнает олончанку по певучей дробной речи ее, которую, без всякого преувеличения, можно положить на ноты? А уралка, которая шепеляет, резко отличаясь говором

от отца и мужа, или самарка, которая, наоборот, произносит *ш*, *ж* вместо *с*, *з*, и поет в хороводах: Рожан мой, рожан, виноград желеный? А ржевки, которые все говорят в нос, с растяжкой и с жестким ударением на согласные буквы, напр. жень-щина? Коломенец говорит: папенька, маменька, кваскю, табачкю; зубчанин, напротив того: пустомела, черва. Кто не узнает сибиряка, между прочим, по одному вопросу: чьих вы, вместо: как вы прозываетесь; ярославца, особенно ростовца, по приставке *де*, *ди* и по словцу: родимый; новгородца, который говорит: хлиба ниту, сина ниту, совсим беда; или кологривца, который говорит: хло б, со но, но ставит *и* вместо *ь* в глаголах: потить, вместо пото ть, глядить, вместо глядо ть и проч.

У нас есть слова с двояким ударением: далёко и далеко́, высо́ко и высоко́, ворóта и воротá, и по одному ударению этому можно догадываться о родине собеседника: ударение на начальном или среднем слоге свойственно северному и восточному наречию, ударение на конечном — южному и западному.

Все это одни отрывочные примеры, взятые на память: боюсь надоест ими и перехожу к заключению, что для нас одного только словаря областных наречий мало: нам нужны общие правила, как и чем одно наречие отличается от другого, чем говор рознится от говора. В этом деле найдем мы необходимое подспорье для географии, этнографии и истории, а еще более для изучения родного языка. <...>

Огромность пространства, на котором говорят русским языком, однообразие его и постепенность оттенков в наречиях к пределам государства, заставили было меня некогда подозревать в деле этом какой-либо общий закон, а именно: в восточных языках господствуют гортанные звуки, гласные *а*, *о*, *у* не так резко одна от другой отличаются и нередко обращаются в полугласные; в западных находим полнозвучие гласных, есть придыхание (*h*), есть иногда и носовые звуки, жесткость согласных смягчается; на севере много жестких и сиплых согласных букв, много растянутых двугласных (гласных сложных); к сему, казалось мне, можно применить и говор разных концов России; но это была мечта. В этом отношении можно только разве допустить, что пензенское и вятское *уо*, вместо *о*, должно быть чудского происхождения; что тут и там осталось в обороте несколько слов, принадлежащих языку обрусевшего племени; что по западной границе нашей соседние языки остались не вовсе без влияния на русский; все остальные оттенки выработались, от неизвестных причин, дома; вероятно, это в связи с обрусением разных чудских племен, составлявших самую значительную часть населения России; но оговоримся и тут: вслушиваясь в языки этих народов, например в корельский, мордовский, чувашский, и прислушиваясь к искаженному русскому говору тех из них, кои еще не вовсе обрусели, не находишь никакой связи между сим обстоятельством и местным русским наречием. Так, например, у чуваш нет

букв: б, г, д, ж, з, ц, а вместо их: п, х, т, ш, с, ч; также вм. о, ф, у них хв, х; но *хотны, тóпры, шивой, солá, чар, Хвѣдор, Хилин* (годный, добрый, живой, зола, царь, о едор, Филипь) говорят только плохо знающие по-русски, обрусевшие же отстают вовсе от этого произношения, вполне принимая местный говор, в котором нет и следов чувашского. Поблизости татар, калмыков, болгар, греков, армян и других инородцев, даже около немецких переселенцев, русские переняли от них несколько слов или оборотов; но это влияние довольно ничтожно. Молдаване говорят: *понеси лошадей; вилы распоролись; канат улопався*; и тверские корелы *ломают веревку и гнут дышло*; соседние с башкирами и киргизами русаки беседуют с ними на каком-то условном языке, где слышишь: *баранчук* (ребенок), *марушка, марджа* (марья, русская баба), *кургаиш* и *курняч* (ягня), *мазарки* (могила), *махан* (конина), *шарáбара* (хлам), *калтá* (сума) и пр., хотя часть этих слов и не татарские, а калмыцкие. Залесский край, на восток от Москвы, бесспорно весь населен был разною чудью; Владимир-Залесский, как Переяслав, Стародуб-на-Клязме, Галич, Звенигород, — все названия эти перенесены с юга, при основании на занятых местах новых городов; это могло бы послужить поводом для приписания восточного наречия влиянию чуди; но самое близкое к нему, по говору, северное, и также óкающее, жило искони, а на юг от Москвы акающие наречия также образовались при обрусении чудских же племен. На чем основано это столь существенное различие? Почему северо-восточная обруселая чудь *óкает*, и весь край этот строит губы кувшином, а весь юго-запад (и отчасти юго-восток) *áкает*, почему население это и зовут зеворотым и полоротым?

В местах, где половина мужского населения постоянно бывает в заработках на чужбине, народный говор постепенно сглаживается и поддерживается почти только бабами. Некоторые изменения в говоре вводятся и обыком или модой: например, шепелянье уралок, шиканье самарок, вычурное произношенье ржевок. Само собой, что переселения надолго, если не навсегда, покидают сильные следы стороннего наречия; в местностях, например, где цокают или чвакают, нередко находим в одном и том же селении людей без этой особенности в говоре, и иногда нельзя доискаться причины такой странности, их называют старожилками: но будьте уверены, что в такой семье говор этот ведется и держится женским коленом, по которому она в свойстве с чужбиной.

Образованность и просвещение сглаживают постепенно различие наречий, проходя повсюду с уровнем своим, языком письменным; но это подает много повода к недоразумениям и невольным злоупотреблениям: вот происхождение наречия *галантерейного*, говора лакеев и сидельцев.

Построение городов, где сосредоточивается деятельность народа, то около набродного и отчасти грамотного населения средних сословий,

то около людей, воскормленных острием пера, повитых в гербовом листе, изменяет несколько и выравнивает местный говор, образуя в то же время особенное наречие, известное под названием *приказного*.

По всему этому очевидно, что мы здесь будем говорить почти только о языке или наречиях простого народа, который, по косности своей, всегда и везде удерживает более коренного и самобытного, а по невежеству в деле ученого языковедения, не умничает, не искажает языка, как мы, которых в этом отношении ум за разум зашел и природное чутье утрачено. От этого составляемые народом бессознательно речения метки, верны и правильны; составляемые же нами, напротив, вялы, пошлы и ошибочны.

Трудно решить положительно, что называется языком, что наречием, а что говором. Наречием называют обычно язык не довольно самостоятельный, и притом столь близкий к другому, что, не нуждаясь ни в своей особенной грамматике, ниже в словаре, может быть хорошо понимаем тем, кто знает первый. Называют также наречием, более в политическом смысле, областной, местный говор небольшой страны, также язык местный, искаженный, как полагают, отшатнувшийся от коренного языка, родившийся от смеси двух и более языков. Вообще язык, которым говорит большинство, а тем более словесное образование, язык письменный, принимается за образцовый, а все отклонения его за наречия. Спорить противу общего закона господства просвещения нельзя; но господство того либо другого наречия над прочими — дело случайное, и все они равно искажены и равно правильны. Возьми у нас в былое время Новгород, Псков или Суздаль перевес над Москвою, и нынешний московский язык слыл бы местным наречием. Поэтому не было бы повода почитать московское наречие более чистым и правильным, чем мало- или белорусское, если бы это наречие не обратилось в язык правительства, письменности и просвещения.

За самостоятельный, по развитию и обращению, язык должно признать тот, у которого есть своя грамматика и письменность; за наречие — незначительное отклонение от него, без своей грамматики и письменности; говор — еще менее значительное отклонение, относящееся более к особенностям произношения и напеву, по пословице: что город, то норы, что деревня, то обычай, что двор, то говор.

Выражения: *молвь* и *речь* могут служить для обозначения поднаречий: *молвь* отвечает более подчиненному понятию наречия, а *речь* ближе относится к говору.

Человек не может писать одинаково хорошо или ровно на двух языках: на это оконченной и ограниченной природы его не достанет. Нет мысли, нет думы, нет понятия без слов, плотская природа наша не дает духовному началу в нас никакой власти без словесной речи. А на каком языке я мыслю, на том только я и могу писать; иначе это будет не подлинник, а перевод. Вот почему все мы дурно пишем порусски: способности наши смолоду угнетены изучением иностранных

языков; нас заставляют говорить на них от колыбели; мы читаем более книг иностранных — за что, конечно, пенять на нас нельзя, но таким образом, отстав от одного берега и не пристав к другому, мы незаметно пригнетаем умственные способности свои и делаемся тупее, не будучи в силах ни ясно выразиться, ни ясно мыслить.

Обращаюсь теперь к самому распределению наречий.

На распутии промеж Ростова, Новагорода, Твери, Владимира, Суздаля, Рязани, Курска, Смоленска и других городов, на речке, носившей чудское название «мягкой воды», основалась Москва, на два-девятью верст от ближайших к ней древних столиц, и она же соединила их под свою державу. На этом общем распутии столкнулись наречия или говоры четырех стран, и тут образовался свой говор, принятый ныне как образцовый, хотя даже и москвичи не остались без присловия: «С Масквы, с пасáда, с авашнóва ряда», потому что речь их более приближается к *áканью*.

1. Итак, первым наречием великорусским будет у нас *московское*, самое малое по занимаемой им местности, самое обширное по распространению своему на всю Русь. Московским наречием говорит самая небольшая часть народа, почти только в стенах Москвы; но это язык письменный и правительственный и язык высшего, а отчасти и среднего сословия, язык всех образованных русских, московского дворянства и купечества. И в этом наречии слышатся иногда неправильности, вроде: *он был ушедши, мы были приехавши*; но так как обороты эти не могли зыйти туда с языков иноземных, разве с татарского, на котором есть нечто похожее, то, может быть, и следовало бы исправить не московское наречие по грамматике Н. И. Греча, а наоборот, Греча грамматику по московскому говору. Не шутя, грамматическая неправильность эта в общем ходу по всей Руси, почему же не признать ее правильною?

Если подняться на золотые маковки Белокаменной, то можно окинуть глазом пространство во все четыре стороны, где уже говорят иначе. Видно тут, на распутии, столкнулись все наречия и говоры наши, и из них выработалось новое, которое, по закону господства духа над плотию, усвоило себе никем не оспариваемое первенство.

В Москве говорят *свысокá, высокою речью*, то есть любят гласный звук *а* и заменяют им звук *о*, коли на нем нет ударения. *Говорят: харашо, гаварить, талкавать*, но это *áканье* бывает умеренное, иногда *а* слышится почти только полугласное; оно составляет средину между двумя говорами, которые резко и до приторности придерживаются двум крайностям: речи на *а* и на *о*. Только немногие московки расстанавливают слоги в плавной, важной, певучей речи своей и произносят московское *а* протяжнее, полновеснее: большею же частью письменный знак *о* без ударенья сымается на нет под звук *а*: прошу простить мне это плотничкое выраженье. *Чадо, чудо* слышится и в самой Москве почти как *чядо, чюдо*; прочие звуки чисты и отчетисты; буква *г* произносится не очень круто, в некоторых сло-

вах с легким придыханьем; есть разница в произношении слов: *гроб* или *голубь*, и *богатый*, *Господи* (*grob, hospodi*). По этому поводу в одной летописи говорится, что: «появишася но ции философы, наченшие по ти *Осподи* вмо сто *Господи*»; эти философы очевидно были певчие с юга. Далее: окончания *аго, ого, яго, его* изменяются в *аво, ева*; вообще в беседе примешивают менее иноземных слов, чем в другой столице нашей, охотно и без натяжки употребляют коренные русские слова и нередко дают речи хороший русский оборот.

В Московской губернии говорят различно: в *Клине* — по-новгородски; в *Можайске* — почти по-смоленски (хвилин, целовек, уфостье); в *Коломне* — по-рязански; в *Богородске* — по-суздальски. Во многих местах Московского уезда можно слышать: *ндрав, лицом, огнёв*; также *ручник* и *вечерница* вместо утиральника и посиделокъ.

От Москвы на север господствует наречие *новгородское*; на юг — *рязанское*; на восток — *владимирское*; на запад — *смоленское*. Объясним это ближе, приняв тот порядок для наречий этих, который удобнее.

2. От Москвы на восток, в самом близком расстоянии, заметна уже склонность произносить звук *о* всюду, где он есть на письме: около Владимира оканье достигает уже высшей степени; там для полногласия вставляют *о* во многие слова: Володими*р*, волóга (влага), бóлого (благо) и прочее; сверх того, даже самое *а*, без ударения, нередко обращается в *о*: *стокан, холат, озям, торокán, Огрофена, Просковья, Ондрей*. Этот говор идет далее на восток чрез всю Россию, не исключая и Сибири, хотя в разных местностях подвержен частным изменениям, но вообще нигде, кроме разве Костромы и Вятки, не достигает такой крайности, как во Владимире. Во Владимирской и Ярославской оканье это уже, впрочем, много смягчилось тем, что большая часть мужского населения promышляет вне родины своей; в Костромской местами весьма заметна примесь или влияние новгородского говора; но на Вятке он невыносимо груб.

3. От Москвы на запад *высокий* говор или аканье постепенно усиливается и, принимая еще несколько других особенностей, переходит в наречие белорусское, которое вовсе не терпит звука *о*, заменяя его, без ударения, звуком *а*; с ударением же — звуком *у* или *уы*.

Это западное белорусское отвращение от звука *о* и насильственное обращение его в *а*, равно как и противное сему, на востоке, поражает ухо наше неприятно, особенно противно первое.

4. От Москвы на север язык принимает говор новгородский, который очень близок ко владимирскому, и хотя в различных местностях выказывает свои особенности, не менее того едва ли представляет общий всему краю отличительный признак. Вернейшая примета, коли слышится *и* вместо *ъ* как на Украине: *хлиб, сино, бида*, но это встречаем не везде. Что в промежуточной Твери господствует смешение наречий, об этом было уже упомянуто выше.

5. На юг от Москвы разливается наречие рязанское, которое, отличаясь от западного или смоленского гораздо положительнее, чем северное от восточного, раздробляется почти по губерниям на говоры. В рязанском наречии акают, заменяя даже *е, ъ* буквами *а, я* например: *табѣ; яму́*; но и с ударением слышно; сверх того произносят окончания *аго, яго* как оно пишется, не вставляя *в* вместо *г*.

6. От этих наречий отличается несколько сибирское, смешанное, часто перестанавливающее ударения, но вообще окающее, и

7. Новорусское, смесь велико- и малорусского. Сюда же можно причислить и говор донской, или, пожалуй, назвать его осьмым.

Из этого видно, что главных разделений только два: *высокий* и *низкий*, или *акающий* и *окающий*, или *северный* и *южный* (от Москвы) говоры, из которых каждый делится на два (севрн. и востч. *окающие*, южн. и запад. *акающие*), в которых есть еще подразделения.

Вот семь наречий русских, или же, за исключением московского, как письменного, а сибирского и новорусского, как более смешанных, только четыре, по четырем странам света от Москвы <...>.

Вопросы и задания

1. Прочитав статью В. И. Даля до конца (см. Словарь В. И. Даля, т. I), ответьте на вопрос: как классифицирует В. И. Даль наречия русского языка?
2. Сопоставьте эту классификацию с картой МДК.
3. Какие изменения отмечены составителями карты МДК?

Т. А. Демешкина

КОНЦЕПТ В РЕЧЕВОЙ ДИАЛЕКТНОЙ КУЛЬТУРЕ (ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПИСАНИЮ)¹

Понятие концепта возникло в отечественной литературе задолго до того, как сформировалось когнитивное направление (в том числе и в зарубежной лингвистике). Как представляется, одним из первых обратился к нему С. А. Аскольдов-Алексеев в статье, опубликованной в 1928 г. в сборнике «Русская речь». Д. С. Лихачев назвал факт опубликования статьи подвигом редакции, поскольку в статье изла-

¹ Демешкина Т. А. Концепт в речевой диалектной культуре // Материалы и исследования по русской диалектологии. II (VIII). М., 2004. С. 25–35.

гались идеи идеализма, а ее автор был к тому времени уже арестован. Аскольдов отмечает два наиболее существенных, на его взгляд, признака концепта: его заместительную функцию и потенциальность. «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода»¹.

По Аскольдову, концепт есть общее понятие, включающее в себя не только объективную сущность, но и субъективную точку зрения человека на предметы. Основное внимание в статье уделено выяснению природы художественных концептов. Идеи Аскольдова развивает Д. С. Лихачев, подчеркивая принципиальное сходство своей позиции и позиции Аскольдова и противопоставляя эти позиции пониманию концепта, предлагаемому авторами сборника «Логический анализ языка». Д. С. Лихачев вновь поднимает проблему соотношения слова, значения и концепта и решает ее в несколько ином ключе, нежели С. А. Аскольдов, считая, что концепт соотносится не со словом в целом, а с каждым его значением отдельно. Определяя концепт как «алгебраическое выражение», автор отмечает, что «концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека»².

Концепт рассматривается Д. С. Лихачевым как заместитель, как потенция значения (в духе С. А. Аскольдова), но акценты в рассуждениях автора значительно смещены (в отличие от Аскольдова) в сторону культурного опыта нации и опыта отдельного человека (социального, возрастного и др.), что представляется чрезвычайно важным. Совокупность концептов, по Лихачеву, образует концептосферу русского языка. Автор отмечает, что концептосфера создается писателями, носителями фольклора, представителями разных профессий и сословий. Особенное значение в создании концептосферы, по Лихачеву, принадлежит крестьянству. Уровень концептов и концептосферы автор считает главным богатством русского языка.

Концепты диалекта формируют концептосферу диалектной культуры, являющейся частью общей культуры русского народа. В этом смысле нам близки идеи В. Е. Гольдина, выявившего основные составляющие крестьянской речевой культуры: собственные прецедентные тексты, наборы социально-коммуникативных ролей, специфический состав речевых событий и речевых жанров, способы трансляции диалекта во времени, своеобразное речевое сознание,

¹ Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. М., 1997. С. 269.

² Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. М., 1997. С. 281.

речевой этикет¹. Думается, что в этот список необходимо включить и наличие собственной концептосферы. <...>

Как представляется, в диалекте по сравнению с литературным языком в значительной мере ограничено применение метода интроспекции, основанного на интуиции исследователя. Более адекватными являются описания, сделанные с опорой на суждения информанта-диалектоносителя². Ведущим является метод контекстуального анализа, проводимый с учетом всех типов отношений слов (синтагматических и парадигматических), возникающих в пределах высказывания (антонимия, синонимия, мотивационные отношения). <...>

Применение приемов психолингвистического и лингвистического экспериментов дает возможность получить достоверные данные, отражающие представление носителей диалекта не только о конкретных реалиях, но и о духовной, культурной жизни русского народа. Перспективным представляется направление анализа от концепта к знаку, позволяющее включить в зону анализа единицы разных уровней языка и выявить перечень языковых структур, отражающих концептуализацию мира.

Источниками изучения диалектной концептосферы являются словари, причем интерес представляют как толкование значений, так и иллюстративная часть словарной статьи. Большие информативные возможности таят в себе словари полного типа (например, [Вершининский словарь]), отражающие представление жителей села об устройстве мира вообще, о его этической, эстетической, культурной ценности. См., например, словарные статьи *верить*, *знать*, *дух*, *душа*, *память*, *жизнь*. Вместе с тем описание диалектной концептосферы ставит перед исследователями задачу создания диалектных словарей нового типа, предполагающих обращение не к семантике слова, а к основным концептам народной речевой культуры.

Следует также признать необходимость сбора диалектного материала в виде корпуса текстов, отражающих непосредственность коммуникации и позволяющих выявить когнитивные структуры говорящего — слушающего. Думается, что в круг источников когнитивного исследования должны быть включены не только высказывания, отражающие рефлексии носителей диалекта по поводу тех или иных фактов языка, но и высказывания — суждения об основных понятиях, выражающих своего рода наивную философию. С этой точки зрения интерес представляют письма, воспоминания, рукописные «книги жизни» диалектоносителей.

¹ Гольдин В. Е. Внутренняя типология русской речи и строение русистики // Русский язык сегодня. М., 2000. С. 58.

² Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск, 2000.

Значимость когнитивного направления для диалектологии трудно переоценить, поскольку именно когнитивная лингвистика дает возможность представить русскую концептосферу в единстве, где диалекты занимают равное место с литературным языком, где нет деления языка на низшую и высшую формы (в противовес социально-функциональному подходу), где используется другой терминологический аппарат, отражающий взгляд на диалект как на одну из концептосфер (приоритетную, по мысли Д. С. Лихачева) национального языка.

Когнитивный подход, предполагающий новый взгляд на известный уже материал, позволит, как нам кажется, в какой-то мере повлиять на изменение отношения к диалектам со стороны государства, проводившего достаточно долго и последовательно политику социально-культурной дискриминации говоров. «К сожалению, — пишет В. Е. Гольдин, — практика отношения общества к русским диалектам трагически расходится с теорией: лишь “высшая” форма языка, литературная, признается обществом культурной, ценной, современной и уважаемой, получает социальную поддержку»¹. О судьбе русских диалектов и необходимости иного отношения к ним размышляет Л. Л. Касаткин².

Подчеркнем еще раз, что концептуальный анализ на материале диалектного языка проводится в русле традиций отечественной науки. Основным методом является метод интерпретации, предполагающий опору на контексты, отражающие познавательную и оценочную деятельность говорящих на диалектном языке.

Проанализируем с этой точки зрения концепт чистоты. Названный концепт попал в зону внимания исследователей в первую очередь потому, что он относится к числу культурно значимых. Этот концепт соединяет в себе область (сущности) реального и идеального, физического и духовного, внешнего и внутреннего порядка, является синкретичным изначально (занимал важнейшее место в древнерусской языковой картине мира) и, что самое важное, сохранил эту синкретичность в современном языке. Е. С. Яковлева, проследившая эволюцию понимания чистоты в русском сознании, делает предположение о том, что «в древнерусском языке чистота мыслилась как одна из конкретных реализаций “хороших”, “идеальных”, требуемых — эталонных, образцовых — качеств предмета, а именно как его “первозданность”: неиспорченность, незамутненность, незагрязненность посторонним — внешним — вмешательством. ЧИСТЫЙ X — это X как он есть и как он должен быть по некоему идеальному замыслу...»³

¹ Гольдин В. Е. Внутренняя типология русской речи и строение русистики // Русский язык сегодня. М., 2000. С. 60.

² Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999. С. 32–42.

³ Яковлева Е. С. О концепте чистоты в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000. С. 210.

В свою очередь, мы выдвигаем гипотезу о том, что в диалектном языке в гораздо большей степени, чем в литературном, присутствуют архаичные черты исследуемого концепта. Так, в диалектном сознании сохранилось представление об образцовости, позитивности *чистого*, о чем свидетельствует многочисленное употребление однокоренных слов с *-чист-* в одном контексте со словом *хороший*: *Серьвант, триляж, диван — все тако хорошо, чистенько; Все сухонько, все чистенько, все хорошо* [в помещении для скота у соседки]; *Но тоже город чистый, хороший*. Отметим, что первозданность чистоты поддерживается включением в контекст цветообозначения «белый», также соответствующего эталону, идеалу и оцениваемого положительно: *Она с семнадцатого года, а все зубочки жывы, и все беленьки, чистеньки, хоробши; Тряпочку выбрала чистеньку, беленьку отрезала ножницáми; Халатики всем хороши давали, чистые, беленые*. Чистота имеет эстетическую значимость, оценивается как красивое: *Красота все изделано, чистота, ажно блеск все везде* [в польском костеле]. Как представляется, здесь проявляется синкретичность концепта, так как в этом случае речь идет не только о чистоте внешней, имеющей физическое проявление, но и о чистоте духовной, связанной с восприятием особой атмосферы в церкви, с общим впечатлением, включающим внутренние переживания.

Неразчлененность восприятия чистоты проявляется и в другом контексте, где чистота включается в понятие культурности (культуры?): *Там [в церкви] культурно, там така чистота*. Синкретичность анализируемого концепта проявляется и в том случае, когда утилитарное, полезное оценивается как красивое: *Она очень красивая, белочка, чистенькая така, мех пушистый у ей*.

Чистота воспринимается как эталон, норма, поэтому ее не может быть много, она не может быть излишеством. С этим, на наш взгляд, связано то, что от слова *чистота* нет увеличительных форм, в противопоставленность слову *грязь*: *ГРЯЗИНА, ГРЯЗНОТА, ГРЯЗИЩА* и *ГРЯЗНУЧИЙ, ГРЯЗНУЩИЙ*. См. также оборот как *грязи* (очень много).

Чистота как свойство, изначально присущее предмету, нуждается в том, чтобы ее поддерживали, сохраняли: *Вот придет она [дочь], ей час не поглянется: «У тебя все грязно?» все чистоту с меня справлят чистоту*. Чистота неразрывно связана с порядком, она требует усилий от человека, определяет не только его внешние, но и внутренние свойства: *Чистота у ей, порядок все равно*.

Хранительницей чистоты, в восприятии носителей диалекта, является женщина. Именно к женщине предъявляются повышенные требования по наведению порядка и соблюдению чистоты. Для женщин, способных к созданию и поддержанию чистоты, аккуратных, в диалекте существуют свои наименования, мотивированные прилагательным *чистый*: *чистюнька, чистюля, чистотка, аккура-*

тистка. Для лиц мужского пола такие наименования отсутствуют. Женщина, неспособная навести порядок, характеризуется отрицательно (*грязнуля*). Мужчины же чаще всего являются нарушителями чистоты, порядка, что осуждается (опять же!) женщинами: *Придёт к Поле, а у ей чистота присмёртна, а он возьмёт и рукавицы под ноги бросит*.

Таким образом, склонность к чистоте, аккуратность представлены в диалекте как проявление качеств сугубо женского характера. Для мужчины это свойство не является обязательным. Чистота как норма повседневного поведения уходит корнями в средневековую культуру. Правила по соблюдению телесной чистоты изложены в Домострое и отражают не «подвиг святости и отречения от всего мирского», а «чувство меры, основанное на знании правил»¹.

Заботу о чистоте тела в диалекте отражают слова, сохранившие мотивационные связи со словами *тело, плоть*, например: *чистотел, чистоплотный*. Вместе с тем нельзя не отметить связь внешней, телесной чистоты с чистотой внутренней, приобретающей сакральное, культовое значение. Это запечатлено в обрядах (свадебных, похоронных), непременным атрибутом которых становится очищение тела человека с последующим его переодеванием в чистую одежду: *Моют в бане подружки, одевают все чисто на неё* [невесту]. В самые важные моменты жизни человека, при переходе из одного состояния в другое, следование нормам чистоты приобретает обязательный характер.

Грязное воспринимается как стихийное, оно возникает само по себе, не требует усилий. Об этом свидетельствует страдательная форма залога глагола *грязниться*: *Она* [фуфайка], *убирася в ей, она вот тут прямо грязнится сильно, за коровами да за овечками ходишь да*. Ср. невозможность подобного употребления глагольных форм с корнем *чист*.

Чистота воспринимается как пространство, свободное от внешних, посторонних элементов. Пространственное представление о чистоте очень ярко отражено в диалектном сознании. Чистота, понимаемая как свобода, характеризует в первую очередь то пространство, которое человек считает своим, приватизированным. Это пространство (внешнее, внутреннее) должно быть чистым, незанятым, свободным. Утрата чистоты внутреннего пространства воспринимается человеком как сигнал болезни: *К спине уху приложь, как воронята запишишат: мать гаркают. Простым ухом* [слушаешь] — *чисто*. Чистота внутренних органов нарушается наличием хрипов, что несет угрозу здоровью. *Чистый* находится в оппозиции к слову *хрипый*.

¹ Яковлева Е. С. О концепте... С. 207.

Пространство вокруг себя также организуется по принципу чистоты. В первую очередь это касается культурно возделываемого пространства, огорода: *Чистота была, а теперь травой заросло; Кода всходы начнут всходить — чистая картошка. Чистый* понимается как свободный от сорняков. Противоположность *чистому* составляют *заросший, сорный*. Жизненно важное пространство (воздушное, водное) оценивается с точки зрения соответствия идеалу, хорошему: *А с гор кака вода бежит, чиста-чиста, хороша; Здесь такой воздух чистый.*

Чистота окружающего природного пространства важна для жителей села в гораздо большей степени (в силу зависимости их благополучия от природы), нежели для жителей города, поэтому в диалекте существуют собственные обозначения для мест со свободной, открытой, ничем не занятой поверхностью: *кулига, мурлинка, пластина, чистина, чистовина, чистовинка* и др. В отличие от литературного языка в среднеобском диалекте не стали идиоматичными сочетания *чистое поле, чистое место*. В их семантике ясно прочитывается компонент «свободный, беспрепятственный». Это объясняется тем, что наличие свободных пространств необходимо для занятий сельским трудом, например для покосов, а поскольку большую часть Томской области занимают болота и лес, то каждое чистое место приобретает для крестьянина особую ценность. Чистое место (поле) — это место, свободное от кустарников, деревьев, пригодное в первую очередь для покоса: *Пластина — чистое место. В кустах де-нибудь косят, видишь — чистое место. Пластиной называли; Маленьки кулижски заколютки называют. Косил бы чисто поле, а тут всяки закулижски, закоулки, заколютки. Косить трудно.*

Чистота мыслится как состояние окружающей среды, возникшее в результате действия огня: *Много сгорело, зачистило, тут все чисто было*. Отметим попутно, что в языке военных в последнее время появилось слово *зачистка*, содержащее в себе представление о свободном, очищенном от враждебных элементов, безопасном пространстве.

По отношению к продуктам питания *чистый* понимается как полезный, съедобный, невредный. Все, что составляет угрозу здоровью, жизни, воспринимается как нечистое. В круг чистых предметов включаются продукты без примеси химических веществ, их наличие оценивается как вредное: *А тогда все чисто [о еде], все было чисто, все было своё. И не болели*. По отношению к грибам *чистый* понимается как *нечервивый* (*Лисичка желтая, чистая, они никогда не портятся*) или как съедобный (*Чисты оята, где гнилой пень был, может, его тыщу лет нет, там растут чисты оята. Они чуть-чуть сжелта*). *Чистый* образует антонимические пары с *поганный* и *червивый*.

Чистая посуда — это посуда (в противопоставление поганой), предназначенная для приготовления пищи.

В старообрядческой культуре эта оппозиция несет другой смысл. Чистая посуда — это своя, а нечистая — оскверненная чужими, не единоверцами. Таким образом, это противопоставление маркирует свое — чужое с точки зрения вероисповедания, не расчленяя на материальное и духовное. Оппозиция *чистый* — *поганый* встречается по отношению к животным и отражает, по-видимому, остатки языческого восприятия мира: *У кошки шерсть чиста, а рот поганый, а у собаки рот чистый, а шерсть погана.*

Ценность многих предметов определяется тем, содержат ли они или не содержат какую-либо примесь: *Золотой сервиз красивый-красивый, из чистого золота; Валенки были поярковы чёрны, красны. Их носишь-носишь — не износишь. Из чистой шерсти.* Высокое качество продукта достигается в результате очистки его от отходов: *У меня племянник десять кулей чистого ореха добыл.* Чистое как проявление хорошего формирует категорию свойственности. В сферу своего включается и чистое пространство (как уже было отмечено), и чистые объекты: *все было чисто, все было своё. И не болели.* Показателем свойственности можно считать частотность употребления прилагательного с ласкательным суффиксом *-еньк-* (*чистенький*). Снисходительное отношение к грязному проявляется лишь в ситуации общения с детьми: [Внуку:] *Грязненький, иди. Садись сюда вот.*

В диалекте, так же как и в литературном языке, *чистый* употребляется в значении «абсолютный», «настоящий», но в говоре у слова *чистый* не утрачена семантика позитивного, образцового. Так, русское, сибирское включается в свой мир и оценивается положительно: *Это просто самое настоящее русское все чистое; Сибиряк, сибиряк, самый вот чистый сибиряк.*

В диалекте в отличие от литературного языка концепт чистоты не приобрел идеологического звучания <...>

Таким образом, концепт чистоты относится к наиболее значимым концептам русской культуры. Сформировавшись в древнерусском языке, он сохранил целостность, нерасчлененность в современном русском языке в разных его формах. В говоре по сравнению с литературным языком более последовательно отражена архаичная природа исследуемого концепта, значительно расширена предметная сфера приложения чистого как хорошего, выражена категория свойственности. Понятие чистоты охватывает этическую, эстетическую, предметную, религиозную (православную и языческую) сферы. Исследование подобных концептов показывает возможность единого подхода к описанию концептосферы русского языка.

Вопросы и задания

1. Чем отличается концепт диалектной речи от концепта литературного языка?
2. Каковы свойства концепта чистоты в диалекте?

К ВОПРОСУ О ДРЕВНОСТИ ПСКОВСКИХ ГОВОРОВ (НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ; СЛОВА С КОРНЯМИ *вляг-* и *усох-*)¹

Почти столетие назад псковские говоры были признаны самостоятельной группой в ряду других восточнославянских говоров, однако вопрос об их происхождении (о степени древности) не изучен еще с достаточной полнотой². Решению его должно способствовать выявление значительного числа лексических ареалов древней поры, которые покрывали бы (полностью или частично) псковский языковой регион³.

Представляется интересным проследить распространение некоторых слов, обозначающих понятия времени и особенности ландшафта, наименований, отраженных в памятниках Псковщины и имеющих по данным письменности локальное распространение в период средневековья. В составе указанных групп были обнаружены в ряде исследований (по другим источникам) довольно древние диалектные элементы⁴.

Отобранная лексика изучалась в кругу однокоренных образований — на широком сопоставительном фоне для древнего / среднего периода (по историческим словарям и картотекам ДРГ, староукраинского и старобелорусского языков) и для современной эпохи (по словарям восточнославянских языков и их говоров, КСРНГ и картотекам областных словарей псковского, архангельского, смоленского, брянского, говоров низовой Печоры, говоров КАССР и ряда севернорусских областей; использованы также материалы диалектного лексического атласа БССР).

¹ Денисенко Ю. Ф. К вопросу о древности псковских говоров // Псковские говоры. Л., 1979. С. 4–8.

² См., напр.: Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) // Уч. зап. ЛГПИ. 1949. Т. 80. С. 278–279; Он же. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 184–188; Ларин Б. А. Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. А. А. Шахматова // Очерки по истории языка. Л., 1960; Мжельская О. С. Диалектизмы в языке памятников средневековой письменности // Из истории слов и словарей. Л., 1983. С. 120; и др.

³ О древности некоторых языковых ареалов на территории самой Псковщины см.: Глускина С. М. Морфонологические наблюдения над звуком *х* в псковских говорах // Псковские говоры, 1. Псков, 1962; Денисенко Ю. Ф. Об одной собственно псковской изоглоссе средневековья. Наречия времени *ноньма* / *нойма*, *нольма*, *ныньма* // Псковские говоры, III. Псков, 1973.

⁴ См.: Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. М., 1969; Кочерган М. П. Лексика понятий времени в украинском языке. АҚД. Киев, 1967; и др.

Рассмотрим здесь два наименования, которые восходят к общевосточнославянскому периоду и имеют значительное сходство распространения на территории восточных славян — в западных, южных и северо-восточных говорах. Примечательно, что они известны в псковских источниках и отсутствуют в новгородских (отражающих состояние самих новгородских говоров и говоров территории новгородской колонизации — северодвинских, архангельских, печорских, частично карельских и белозерских)¹.

В восточнославянской письменности употребляется ряд наименований с корнем **ляг-/лег-** — для обозначения позднего времени (когда ложатся или уже легли спать): сущ. **лягомь, легомо/лягомо, вягь/улягь, вягомо** и др., нареч. **вягомь, а, о/улягомь, а, о** и др. Напр.: «Идоша оли до ночи Кърачеву и стаха не дошедше Корачева и быс вягомо (вар. вягом)». Ип. лет., 1146 г., сп. XV в.; «Загорелося вягоми в субботу к неделе». ПЛ. 1466 г., сп. XVI < XV в.; ср. в современных говорах: «Быв у самі лягома, коли всі спали» и «Косилисьме траву до вягома», закарпат.; «Я это уже налягомо сделал, на сон грядущий», волог. Они отмечаются в древний период (Ип. лет.) и средний — в староукраинских источниках (Кн. Гр. Л., 1562, 1570 гг., Прот. Полт. суда, I, 4, 1697, 1705, 1756 гг.), старобелор. (виленских) актах (АВАК, 1579 г. — несколько употреблений), из великор. источников только в ПЛ.

На основании данных позднего средневековья, кажется, можно говорить о крайнем западе и юге восточнославянской территории, где фиксируются эти обозначения времени. Однако в современный период (известны существенные **ляг, ляги, лягм(о), вяги/уляги, завляги, обляги, полег** и под., наречия **вягома, впривляги, льгомо, облягма** и др.) ареал простирается далее на украинский юго-запад и, с другой стороны, на русский северо-восток: самое большое число фактов принадлежит Украине, затем довольно компактный массив на русском северо-востоке (Волог., Яросл., Костр., Влад., Нижегород., Ветлуга), островки известны в полосе Белор. — Смол. — Ряз. — Сарат. Отдельные элементы выявленного списка слов, напр., **лягом, лягомо/легомо/лгомо** — в самостоятельном употреблении и в составе наречных сочетаний — известны в северо- и среднерусских говорах, а также на Украине; слова с основами **вяг-/уляг-** в южнорусских (смоленских и рязанских), белорусских (могилевских) говорах, в украинском языке. Все это свидетельствует о том, что, по-видимому, уже в период восточнославянской общности могло произойти ареальное обособление некоторых групп и отдельных слов с корнем **ляг-**, обозначающих поздний вечер; во всяком случае очевидно, что это довольно древние элементы лексики

¹ Древние псковские языковые явления, рассматриваемые в указанных работах С. М. Глускиной и Ю. Ф. Денисенко, также не встречаются в новгородских говорах.

восточных славян¹. Наличие **влягомо** в таком древнем памятнике, как Ип. лет. (полагаем, что это слово принадлежало древнейшему протографу свода, так как известно во многих списках памятника, почти не подвергается в них заменам, употребляется в записях с точными подробностями исторического характера и т. п.), и особенно **легомо/лягомо** в русских северо-восточных говорах препятствует признанию того, что ареал рассматриваемых слов по источникам среднего периода обусловлен литовско-польско-русскими государственными объединениями средневековья².

Усох / усоха ‘берег обмелевшего озера, пересыхающей реки или ручья; старое русло реки; склон оврага (с пересохшим ручьем) и т. п.’³ в восточнославянской письменности документируется с конца XV по начало XVII в. в текстах северо-восточных (Влад., Юрьев., Нижегород. у.) и западных (Пск.)⁴. Употребления слов в обеих группах близки по семантике, что позволяет предположить более широкое распространение их в прошлом (в частности — в зоне, разъединяющей владимири-нижегор. и псковскую островные фиксации)⁵. И действительно, хотя апеллятивное географическое наименование нам не удалось обнаружить ни в одном из восточнославянских говоров, материал топонимии (названия сухих болот и оврагов; названия мелких гидрообъектов, по-видимому, часто пересыхающих, — речек, ручьев, их истоков и верховий; названия населенных пунктов, большая часть которых находилась у водоемов)⁶ свидетельствует о распространении наименований с основой **усох-/всох-/усух-/всух-/усош-** в Пск., Тороп., Калин. (Твер.), Смол., Брян., Тул. р-нах (у.) и обл. (губ.), а также во Влад. и Костр.⁷, кроме того **Усоха** — название леса

¹ О древности закарпатских наречий с корнем **ляг-/ліг-** и временной семантикой пишет также И. Л. Дзэндзелевский (Спостереження над термінологією народної метрології говірок Закарпатської обл. // Наук. зап. Ужгор. ун-ту, 1955. Вып. 14. С. 133).

² См., напр.: *Макимов В. И.* Местная лексика Псковской I летописи // Уч. зап. ЛГПИ. 1958. Т. 173. С. 200.

³ Судя по семантике слов, приставка **у-** имеет «отрицательное значение», как у слова **удньне** ‘время перед закатом солнца’, о котором пишут Б. М. Ляпунов (Исследование о языке Синодального списка I Новгородской летописи. СПб., 1900. С. 61–62) и Ф. П. Филин (Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972. С. 602). Значения приставки **у-**, по С. П. Обнорскому, — ‘от, возле, в стороне’ (Русская историческая лексикология. М., 1968. С. 162).

⁴ Материал см. в нашей статье о слове **усох(а)** (Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1972).

⁵ Ср. замечание Ф. П. Филина: «Образования с отрицательным **у-** уже в древности были непродуктивными, поэтому **удньне** принадлежит глубокой праславянской старине» (Происхождение... С. 602).

⁶ Многие топонимисты считают, что в ойконимах в значительной мере нашла отражение апеллятивная географическая лексика, особенно в названиях раннего заселения; см. работы Л. П. Лебедевой, В. П. Лемтюговой, К. П. Галаса и др.

⁷ См.: *Копорский С. Л.* Архаические говоры Осташковского р-на Калининской обл. // Уч. зап. Калининск. ПИ. 1945. Т. 10. Вып. 3. С. 158–161; Списки населенных мест Рос-

и болота, **Усох**, **Усох/**, **Усошное**, **Усушек** — названия деревень отмечаются в белор. источниках¹. На этом основании апеллиатив **усох(а)** можно возводить к общевосточнославянскому периоду, однако в эпоху средневековья — это реликтовое наименование, в современный период представлено только в топонимии.

Рассмотренные наименования объединяет их значительная реликтовость: слова с корнем **ляг-** неизвестны в современных псковских говорах, не отмечаются в белорусских после фиксации в словаре И. Носовича; **усох(а)** позже XVII в. сохраняется только в топонимии. Кроме того, принцип номинации отдельным словом конкретных, дробных понятий, нашедших отражение в семантике каждого из рассмотренных слов, также является древним². Слова с корнем **ляг-** и с основой **усох-** фиксируются на северо-востоке в районе древних ростово-суздальских говоров, на западе — в псковских и белорусских, в промежуточной полосе между ними не южнее линии Смоленск — Тула, т. е. в пределах древних русских земель. И все это отсутствует в новгородской зоне. Здесь проступает одно из диалектных различий древней поры. Поиски других аналогичных фактов должны подтвердить это различие и конкретизировать его границы. В пределах выявленного ареала псковские говоры противопоставляются новгородским по достаточно древним языковым признакам.

Список условных обозначений

АВАК — Акты, издаваемые Виленскою археографическою коммиссиею. Т. 39. Вильна, 1915. **Ип. лет.** — Ипатьевская летопись. — Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб., 1908. **Кн. Гр Л.** — Книга Гродская Луцкая (за 1562 и 1570 гг.). Рукопись Киевск. центр. архива. Цит. по картотеке Исторического словаря украинского языка Е. Тимченко АН УССР. **Прот. Полт. суда** — Протоколы Полтавского суда (за разные годы). Рукопись Киевск. центр. архива. Цит. по той же картотеке.

сийской империи. Т. 6. № 337; Т. 10. С. 217–219, 283. 336, 367; Т. 46. С. 374; Т. 48. С. 94; *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976. С. 139–222.

¹ *Яшикин И. Я.* Беларускія географічныя назвы. Мінск, 1971. С. 196; *Лемтюгова В. П.* Топографическая номенклатура в белорусской топонимии // Конф. по топонимике Сев.-зап. зоны СССР. Рига, 1966. С. 133; *Жучкевич В. А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1971. С. 373 (автор связывает названия деревень с апеллиантом, значение которого 'сухостойный лес'; закономернее предположить такую связь прежде всего с географическим наименованием).

² См., напр.: *Покровский М. М.* О методах семасиологии // *Покровский М. М.* Избранные работы по языкознанию. М., 1959.

Н. Н. Дурново

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ В ОБЛАСТИ ВЕЛИКОРУССКИХ ГОВОРОВ¹

ВВЕДЕНИЕ

ПЕРЕХОДНЫЕ ГОВОРЫ

<...>

Такие говоры, в которых мы замечаем <...> влияние фонетического строя других, родственных им говоров, если это влияние носит закономерный характер и выражается в форме фонетических законов, мы и называем *переходными*². Усвоение фонетики другого говора в переходных говорах идет параллельно с усвоением других черт, т. е. с заимствованием отдельных слов и т. д. Но можно заметить, что в таких случаях заимствование отдельных слов из другого говора появляется раньше, чем обнаруживается влияние фонетического строя этого другого говора. Ср., например, в окающих говорах не только такие слова, как «салдат», «Расе́я» и т. п., но и «хь^орашó» в значении «ладно», «пусть так и будет» при сохранении своего «хорошó» в другом значении.

Звуковые черты, усваиваемые переходным говором из другого говора как чисто звуковые, т. е. не в отдельных словах, а как общие черты произношения, не могут быть усвоены этим говором в совершенстве а) вследствие различной артикуляционной базы в различных говорах, б) вследствие несходства фонетических условий, в которых возникала соответствующая черта в том другом говоре, с условиями, в которых может возникнуть та же черта в усвояющем говоре, в) вследствие сложности этих условий. То есть фонетические черты, возникающие в одном говоре под влиянием другого, не тождественны с фонетическими чертами этого последнего, а лишь более или менее сходны. Сходство это тем более сильно, чем сильнее и дольше влияние другого говора; в последнем случае сходство увеличивается и от того, что рядом с усвоением фонетических черт самих по себе идет и усвоение отдельных слов в том произношении, в каком они являются в другом говоре.

<...>

¹ Дурново Н. Н. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. I: Южновеликорусское наречие. М., 1917. С. 8–27.

² Ср. в нашем «Опыте диалектологической карты русского яз.» § 2 (с. 1), а также у Н. В. Соколова в раб. «Определение и обозначение границ» и пр., где понятие переходного говора определяется более общими чертами.

Как переходные мы можем рассматривать те великорусские говоры, в фонетическом строе которых мы видим соединение северновеликорусских и южновеликорусских особенностей, как, например, соединение аканья со взрывным произношением *z*, цоканьем и т. п. Можно заметить, что северновеликорусские черты этих говоров являются основными, исконными, а южновеликорусские представляют позднейшие наслоения. Северновеликорусскую основу в них можно предполагать уже на основании того факта, что усвоение северновеликорусскими говорами южновеликорусских черт — а из них самая яркая — аканье — происходит на наших глазах: в областях, лежащих на границе оканья и аканья, последнее постепенно распространяется насчет оканья: там, где оканье утрачено еще не совсем, оно нередко сохраняется у старшего поколения или у женщин, в этом отношении более консервативных, и уже утрачено у младшего поколения, по крайней мере, у мужчин. Изучая аканье таких переходных говоров, мы видим, что нередко оно настолько близко стоит к аканью тех или других южновеликорусских говоров, что изучение характера только аканья не позволяет еще судить о говоре как переходном. Это как бы противоречит сказанному выше; но нетрудно заметить, что из трех основных южновеликорусских типов аканья: диссимилятивного яканья, умеренного яканья и сильного яканья средневеликорусским говорам свойственны только два: умеренное яканье и сильное яканье — и свойственны именно потому, что самый принцип этих типов аканья очень прост и не стоит в противоречии с фонетическим укладом северновеликорусских говоров. Первый тип легко может возникнуть на северновеликорусской основе при условии уже создаваемого в говоре различия в произношении предударных гласных после мягких неслоговых звуков перед твердыми и перед мягкими неслоговыми звуками. Такое различие мы и находим в тех северновеликорусских говорах, где *a* после мягких перед твердыми сохраняет свое произношение даже в неударяемых слогах, а перед мягкими переходит в *e* (тип: *грязнá* — в *грезí*, *взглянуть* — *гледí*); далее, в тех говорах, где *ъ* перед твердыми звучит, как *e*, а перед мягкими, — как *и* (*делá* — *дилítь*, *леснóй* — *лисник*), наконец, в тех говорах, где *e* предударное звучит как *o* перед твердыми и как *e* закрытое перед мягкими (*вёсна́* — *ве'снэ*, *бе́ру* — *бе'рэщ*). Возникшее в одной категории случаев, умеренное яканье может частью по аналогии, частью в силу ставшего привычным соотношения артикуляций органов произношения распространяться и на другую категорию; так, например, под влиянием возникшего чередования *сяло́* — *силé* могут появляться чередования *гняздó* — *гниздé*, *вядрó* — *видрэ*, *пятнó* — *питнé* и т. д. Равным образом, сильное яканье легко может возникнуть везде, где предударные гласные перед мягкими не перешли в *и* или звуки, близкие к *и*. Понятно, что при таком происхождении умеренного и сильного яканья в переходных говорах известные отличия этих типов аканья здесь

от соответствующих типов аканья в южновеликорусских говорах должны быть, но они мало заметны. Диссимилятивное яканье в средневеликорусских говорах, как выдержанная система, отсутствует и именно потому, что отсутствует самый диссимилятивный принцип в фонетическом строе северновеликорусских говоров.

Но сама по себе наличность в переходных говорах только двух типов южновеликорусского аканья (остальные типы аканья этих говоров неюжновеликорусские) еще не свидетельствует об особых условиях возникновения аканья в этих говорах. Гораздо яснее говорят об этом чисто переходные типы — оставляю пока в стороне еканье и ассимилятивное яканье — это аканье с сохранением произношения вроде *угарод*, *утварить* и т. п., аканье с различной судьбой предударных *ь*, *е* и *а* после мягких и аканье неполное, с сохранением безударного *о* в известных положениях. Эти типы аканья не могли перейти в таком виде из южновеликорусских говоров, так как в южновеликорусском давно утрачены как безударное *о*, так и различие между предударными *ь*, *е* и *а* после мягких; не могли они явиться и вследствие смешения акающего произношения с окающим, так как произношение безударных гласных здесь подчиняется особым фонетическим законам, одинаково неизвестным ни окающим говорам, ни акающим южновеликорусским. Таким образом мы видим, что а) усвоение аканья северновеликорусскими говорами, хотя и вызывается подражанием акающим говорам, носит характер фонетического процесса, и б) что этот процесс не стоит в связи и неоднороден с тем процессом, в результате которого получилось аканье в южновеликорусском, а определяется фонетическим строем данного северновеликорусского говора.

Для образования переходных, как и смешанных говоров, необходимы два условия: 1) частые сношения представителей одного говора с представителями другого; 2) стремление одних из них подражать говору других. Первое условие является как в областях со смешанным населением, если представители одного говора живут бок о бок с представителями другого, так и там, где главная масса населения однородна по говору, и отлично от нее говорит лишь какой-нибудь один класс населения, хотя бы и составляющий незначительную часть во всей массе, например интеллигенция, представители администрации, помещики, учителя и т. п.; наконец, влияние одного говора на другой возможно и в том случае, если представители одного из этих двух говоров не составляют постоянного элемента в составе населения данной местности, а бывают в ней лишь временно. Так, часть населения, занятая отхожими промыслами, усваивает особенности говора, с которым она знакомится на стороне, и заносит их к себе на родину; также способствуют усвоению другого говора поездки населения на базары, на ярмарки и т. д. в те или другие местные центры, отбывание воинской повинности и т. п. причины; с другой стороны, особенности чужого говора могут

заносят в ту или другую местность бывающие там временно представители этого говора (например, купцы и т. п.). Ввиду общеизвестности этих фактов я бы мог на них не останавливаться вовсе, если бы мне не хотелось подчеркнуть, что те же самые условия изменения говоров, какие являются в настоящее время, должны были действовать и в более старую эпоху. Следовательно, для объяснения образования средневеликорусских говоров несколько столетий тому назад и других изменений в составе древнерусских диалектов нет надобности предполагать во всех случаях массовые передвижения населения, приводившие или к замене одного населения известной области другим или к смешению населения; такие передвижения несомненно были, но многие изменения в составе говоров могли быть вызваны и другими причинами, аналогичными тем, какими вызываются подобные изменения в настоящее время.

Стремление одних подражать говору других вызывается как желанием быть понятным, так и признанием превосходства за другим говором. Те изменения, какие происходят в переходных говорах, относятся к этой второй категории. Поэтому для появления переходного говора необходимо определенное культурное превосходство носителя того говора, со стороны которого идет наслаение, перед носителями того, который лежит в основе переходного говора. Правда, мы наблюдаем нередко и обратное влияние: если взрослый человек в среде, испытывающей культурное влияние со стороны другой среды, старается и в своем говоре подражать говору более культурной среды, то дети не подчиняются этому закону, и часто дети из того класса, который является образцом для подражания со стороны представителей других классов, усваивают особенности языка своих сверстников из этих менее культурных классов. Такое обратное влияние на язык детей оказывают и няньки, нанимаемые обычно из тех же менее культурных классов. Таким образом получается как бы перекрещивающееся влияние двух говоров друг на друга, и можно бы думать, что в таких случаях переходный говор является именно в результате такого взаимного влияния. Но этот фактор несомненно имеет второстепенное значение в деле образования переходных говоров: влияние языка няnek и детей может быть сильным только при некоторой изолированности подпадающих под это влияние детей от взрослых представителей того же класса; влияние языка культурных классов на язык менее культурных происходит помимо этого; да и сами дети, воспитывавшиеся под влиянием няnek, легко освобождаются от этого влияния с выходом из младенческого возраста.

Переходные говоры остаются переходными все время, пока, с одной стороны, они сохраняют особенности наречия, лежащего в их основе, отличающие их от тех говоров, к переходу в которые они стремятся, с другой — продолжают испытывать влияние этих последних. Но возможны такие изменения в соотношении населения,

благодаря которым переходный говор перестает быть переходным; это бывает в том случае, когда переходный говор обособляется от говоров, влиянию которых он подвергался, и начинает развиваться независимо от них; при этом возможно, что говоры, влиявшие на данный переходный говор, сами становятся в подчиненное ему положение и начинают подвергаться влиянию с его стороны. Таков, например, нынешний говор московского образованного общества, являющийся по происхождению переходным говором с северновеликорусской основой и южновеликорусским наслоением: в настоящее время можно говорить уже не о влиянии южновеликорусских говоров на московский, а об обратном влиянии московского говора на южновеликорусские.

Научное изучение переходных говоров должно стремиться к тому, чтобы установить их происхождение, т. е. определить их первоначальную основу и выяснить, откуда идут новые наслоения на эту основу и как эти наслоения с нею связываются. Такая задача изучения переходных говоров требует, чтобы они изучались обязательно в связи как с теми говорами, которые представляют ту же основу, но без посторонних наслоений, так и с теми, откуда могут идти наслоения в переходных говорах.

<...>

Д. К. Зеленин¹

III. Этнографический состав южновеликорусского населения

<...>

§ 14. Во второй половине XV века, с падением Золотой Орды, на юге России укрепились ногаи и крымские татары. Вскоре после того, главным образом после смерти Менгли-Гирея, мирные отношения у русских с татарами расстроились, и «русское население, спокойно соседившее (?) с татарами, должно было быстро отодвигаться на север, подальше от степи. *Весь юг России*, начиная с Орловской губернии, представлял уже и без того совершенную пустыню в XIV и XV вв. Теперь и на север от Орловской губернии, в Тульской и Рязанской, население старалось держаться поближе к Оке, — преимущественно между Окой и Проней с Упой, а дальше на восток — между Окой, Волгой, Пьяной и Тешей». <...>

¹ Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913. С. 32–73.

В этих словах коротко изложено общепризнанное мнение наших историков о запустении степи в XIV–XVI веках; только разве относительно северной границы запустелой степи возможно сомнение: некоторые историки называют такую границу не Проню и Упу, а р. Оку <...>; во всяком случае, во время крымских набегов население всегда спасалось за Оку, так как только эта широкая река, с расположенным на ней рядом городов, была более надежной защитой. Но этим фактом запустения целого ряда южновеликорусских губерний и притом запустения не на одно столетие, наши диалектологи обычно пренебрегают, во всяком случае, не придают должного значения.

Когда, где и как началось запустение, мы точно этого не знаем, да для нашей задачи это и неважно. Установим однако же некоторые этапные пункты. В 1389 г. митрополит Пимен едет рекою Доном, начиная от Чур Михайловых, т. е. нынешнего гор. Епифани, Тульской губернии. И что же? Вплоть до земли донских казаков путешественники видели кругом одну пустыню <...>.

Прошло почти ровно два столетия: в 1571 году, после нашествия крымского хана Девлет-Гирея, решено было, в целях спасения от степных кочевников, выжечь «поле», т. е. степь, и оно было выжжено почти на сплошном пространстве от Дона до Днепра; дело это было поручено служилым людям городов: Мещеры, Данкова, Дедилова, Крапивны, Новосиля, Мценска, Орла, Рьяльска и Путивля; каждый город, конечно, жег около себя, и из перечня городов можно заключать о пространстве выжженной степи. Ясно, насколько пуста была степь в эту пору: при сколько-нибудь значительном населении выжигать ее на столь большом пространстве было немыслимо. Однако население в степи уже существовало; о том красноречиво говорит хотя бы существование здесь «городов». Прилив населения в степь в это время явствует и из факта отлива населения из центральных областей государства; начало этого отлива одни историки относят к 1540-м годам, другие — к 1550 и 1560-м.

Запустение степи происходило в русской истории, вероятно, не один раз; возможно, что в настоящем случае мы имеем дело лишь с последним (и самым большим?) этапом такого запустения. Как бы то ни было, но отливы населения из степи имели громадное значение в истории образования русского народа: вследствие этих отливов и переселений отдельные мелкие племена и группы перемешивались между собою, сливались и создавали новый тип. Появление средне-русских говоров мы считаем прямым последствием такой именно перетасовки разношерстного населения. Перенесение интересующей нас диалектологической черты, м. к, с юга на север мы объясняем также внедрением южного, степного населения в центральные области, на север от Оки.

В древнейшую же эпоху степное население отливало, вероятно, более на запад, и на этой почве произошло смешение степняков

с «полями» и с предками нынешних белорусов. Во время и после замирения степи многие из этих — как северных, так и западных переселенцев (говоря точнее: конечно, потомки невольно переселившихся степняков) возвращались назад в свою родную степь, но их уже здесь плохо узнавали: так сильно изменились они на чужой стороне.

Здесь объяснение тому, почему мы встречаем теперь в южновеликорусских губерниях такую пеструю смесь населения и почему распространение здесь разных этнографических и диалектологических признаков подчиняется здесь не географическому принципу, а какому-то иному.

§ 15. Кроме степи, о запустении коей мы только что говорили, в южновеликорусских губерниях имеются еще леса, болотные «п о л е с ь я». Они не должны были запустеть; даже наоборот, они должны были привлечь к себе население, если его прежде тут не было: в болотах и лесах жилось не так привольно, как в степи, зато было безопаснее от внезапного набега степных кочевников. Вот почему остатки древнейшего населения нужно искать в современных южновеликорусских губерниях, в полевьях. Для обитателей лесов здесь существует специальный народный термин (прозвище-прислолье) «полехи» <...>.

В близком родстве с этими полями стоят мелкие группы м о н а с т ы р с к и х к р е с т ь я н в губерниях Курской и Тульской. <...>

<...> Древнейший слив монастырских крестьян, особенно на западе рассматриваемой нами области, довольно близок по типу к поляхам; на теперешние места они пришли с запада, где отчасти подпали влиянию Литвы и разным другим влияниям. Разбредшиеся в лихолетье, как овцы без пастыря, степняки возвращались на свою родину прежде всего туда, где на старом пепелище восставал древний монастырь, под святой кров коего и собирались беглецы. Что же касается новейшего слива монастырских крестьян, особенно в восточной половине рассматриваемой нами области, — то они ничего общего с поляхами не имеют. Это большею частью выходцы из подмосковных губерний, переселившиеся в степь после секуляризации церковных имений. <...>

На востоке рассматриваемого края, в Рязанской губернии, есть также леса и болота. Есть все основания полагать, что и здесь должно было сохраниться древнейшее степное население. Но здесь тип старого населения сохранился несравненно хуже, чем на западе. В лесах «Мещерской стороны», в уездах Касимовском, Егорьевском и Спасском прежние степняки сильно перемешались с выходцами северновеликорусских губерний, а также и с обрусевшей мещерой, и все вместе слынут теперь в народе под именем «мещеряков» (зовут их также цоки, цупари) <...>. Другая, большая часть вошла в состав однодворцев, о которых у нас сейчас будет речь. В состав однодворцев также вошла и та часть степняков, которая хлынула, спасаясь от крымцев, за Оку в пределах нынешней Тульской губернии.

§ 16. Как мы уже говорили выше, с половины XVI в. замечается отлив населения из центральных областей Московского государства: это начинается новая колонизация некогда запустевшей степи. По мнению историков, «первыми колонистами новых областей бывали обыкновенно *вольные* выходцы, беглые холопы, ушедшие без расчета с землевладельцем крестьяне, посадские и мелкие служилые люди, которым плохо жилось. Вслед за вольной колонизацией подвигалась колонизация *правительственная*. <...> Но в данном случае, при заселении степи в XVI–XVII вв., неравномерность этих двух колонизаций — вольной, бессистемной и довольно случайной, и правительственной, строго планомерной и очень настойчивой, была столь велика, что первая скоро растворилась в последней: древнейший слив вольных колонистов в степь скоро почти всецело был поглощен правительственной колонизациею, <...> [которая] заключалась в том, что правительство строило в степи города, располагая их кордонными линиями, и населяло их военнотрудовыми людьми. Последние получали поместья или землю и занимались также сельским хозяйством. Иногда в степные города отряжались и посадские люди — для занятий торговлею и ремеслами. <...>

... Военнотрудовые люди на степной окраине разделялись на два разряда: 1) служилые люди «по отечеству», высший разряд, состоявший из дворян и детей боярских, и 2) служилые люди «по прибору», низший разряд, в который входили стрельцы, казаки, пушкари, ямщики, рассыльные и т. п. Оба разряда были наследственными: как звание «сына боярского» переходило от отца сыну, так и стрелецкие дети прибирались, по общему правилу, в стрельцы, казачьи дети — в казаки и т. д. Но этот низший разряд не имел той наследственной замкнутости, какую характеризовал высший разряд, а постоянно пополнялся притоком новых сил из различных классов: в стрельцы и казаки время от времени прибирались всякие вольные люди. «Приборные служилые люди отличались от дворян и детей боярских также и тем, что они не владели вотчинами и поместьями. Они поселялись не в уездах, но в городах слободами и наделялись мелкими земельными участками казенной земли, причем их земельные наделы весьма схожи были с тяглыми наделами посадских людей» <...>.

<...> Таким образом, *юридическая* разница двух этих разрядов служилого класса и была очень большою, но жизнь часто и сильно сглаживала эту разницу. <...>

Смешению этих двух разрядов на юге степи особенно сильно способствовало отсутствие здесь крестьянского населения. У детей боярских были поместные земли, но не было крестьян, крепостных, которых достать здесь было совсем нельзя. Такой помещик без крестьян естественно обращался из землевладельца в земледельца, сам принимался за соху и слыл «однодворцем». <...>

Термин «*однодворец*» встречается уже в актах XVII в. и означает там помещика (т. е. владеющего землею на поместном праве),

у которого не было даже и пустых крестьянских дворов; «живет однодворком», говорят про таких помещиков акты <...> — и здесь мы имеем ясную и бесспорную этимологию этого слова, созданного отнюдь не искусственно. Ясно, что тогда однодворцы были, хотя и захудалыми, но аристократами — дворянами и детьми боярскими. После же этот термин получил очень широкое и общее значение. Все однодворцы, доказавшие дворянское происхождение, были перечислены в дворяне, но таких оказалось не так-то много: у многих были потеряны грамоты, другие не стали «искаться» вследствие своей бедности. По-видимому, среди таких, не доказавших своего дворянского происхождения, однодворцев были и лица, владевшие крепостными крестьянами; во всяком случае, ко времени освобождения крестьян оказался многочисленный класс крепостных, принадлежавших однодворцам. Таких однодворческих крестьян больше всего было в Курской губ. (1479 муж. и 1485 женщ.), затем Орловской (629 м. и 618 ж.) и в Воронежской (204 м. и 216 ж.); в Тульской губ. было 63 м. и 63 ж., в Тамбовской 26 м. и 36 ж., в Рязанской 25 м. и 24 ж. <...>.

Принадлежность однодворцев (точнее выражаясь: их предков) к одному военнотруженику сословию, одинаковые условия жизни в «степи», на окраине государства, однородная военно-полевая служба с частыми кочеваниями и с постепенным передвижением все дальше и дальше в глубь степи, — все это привело к тому, что из сословия однодворцев образовался особый этнографический тип. <...>

С возникновением новых этнографических типов, лишь в меньшем объеме, мы сталкиваемся везде, где только новые условия быта объединяют разнородные группы населения, как, например, в селениях, образованных переселенцами из разных местностей. Мне не раз приходилось наблюдать процесс такого рода слияния разных элементов в новую этнографическую единицу <...>.

<...> Однодворческие говоры характеризуются, как это видно будет из нашего дальнейшего изложения, следующими чертами: аканье диссимиляционное (хорошо сохранилось, напр., в Обояни) или т. наз. рязанское; в консонантизме: м. *к*, *ши* вм. *ц*, иногда *с* вм. *ц*, при отсутствии цоканья и чоканья (черта западная, но свойственная, как кажется, и тем рязанцам, которые смешались с мешерою?); в морфологии кагоканье (т. е. произношение род. пад. ед. ч. прилагательных и местоимений с сохранением звука *г*: *яго*, *каго*), преобладание форм 3 л. ед. ч. глаголов без конечного *-ть* (*т*); в лексике *щё* вм. *что*, *каё* вм. *где*. В большей чистоте однодворческий тип говора сохранился в Нижнедевицком и некоторых других уездах Воронежской губ., в Обоянском и Оскольском уездах Курской губ., в Елецком уезде Орловской и в некоторых других местах, напр., в с. Остролучье Козловского у. Однодворческий говор западного типа (с *с* из *ц*) в Ливенском уезде Орловской губ. и в Новосильском Тульской губ.

Полесские говоры отличаются от однодворческих главным образом наличием тех черт, которыми характеризуется белорусское наречие: удвоенные согласные в таких случаях, как *свиння, Илля; рью, мью* вм. *рою, мою; ёсть* вм. *есть*; отсутствие м. к, которое, правда кое-где привилось и поляхам от соседней однодворцев; более последовательное употребление неслогового *ў*; сохранение старинных свистящих вместо задненёбных в предложном падеже (на порóзе и т. п.).

Говоры помещичьих крестьян отличаются от однодворческих отсутствием кагоканья, преобладанием форм 3 л. ед. ч. глаголов с окончанием *-ть*, более слабым аканьем, отсутствием (правда, далеко не всегда) м. к, отсутствием *ще* (вместо того говорят чаще *што*), отсутствием *каё* в значении «где» (вм. того *иде*), иногда отсутствием *ши* вм. *ш*. — Подвергшийся новейшему московскому влиянию, нивелированный однодворческий говор (обычный теперь в подмосковных местностях) близок к этому говору помещичьих крестьян.

Народ отличает однодворцев по говору, но подчеркивает в однодворческом говоре большей частью одну лишь лексическую черту, это произношение местоимения *что* как *щё*. За это однодворцы слывят «*щекунами*» — прозвище, наиболее распространенное в Воронежской губернии. <...>

§ 21. Переходим теперь к однодворческому костюму; но прежде принуждены сделать несколько общих замечаний об истории великорусской одежды: к тому побуждает нас полное отсутствие сочинений, на которые можно было бы в данном случае сослаться.

По костюму великоруссы делятся на две большие половины — точно так же, как они делятся по языку и жилищу: север и юг. Главная отличительная черта южного костюма — женская понева, северного — сарафан. Что до головных женских уборов, которым этнографы придают обычно очень большое значение, то в них далеко нет той правильности. Головные уборы изготавливаются далеко не всегда дома, а большей частью покупаются в готовом виде, иногда в отдаленных местностях; например, женщины Севского уезда покупали свои «златоглавы», шитьем коих занимались монахини, на Коренной ярмарке под Курском <...>; сказать и то, что в пестром разнообразии женских головных уборов, меняющихся часто по отдельным селениям, этнографы еще совсем не разобрались, и их развитие неясно. Впрочем, некоторая правильность намечается и тут: поневе сопутствует чаще рогатая кичка (с сорокой и другими принадлежностями), сарафану — кокошник с его видоизменениями и суррогатами (будничная замена кокошника — повойник, почепешник и др.), а также простой головной платок.

Москва в отношении костюма (точно так же как и в отношении к жилищу) принадлежит всецело к северу. И вообще, смешанно-переходной полосы на середине великорусской области, как то

наблюдается в говорах, в распространении одежды и жилища почти и нет; а если изредка и заметно нечто вроде переходной полосы, то элементы ее очень ясны. Вот почему детальное изучение типов великорусской одежды и жилища, вместе с их географическим распространением, должно пролить сильный свет на так называемые среднерусские говоры. Если кое-где в Московской губ. и носили недавно поневы (у шуваликов Верейского у., в Подольском уезде <...>, то это легко объясняется влиянием степняков, прихлынувших в центр во время запустения степи. В частности, сарафан (или «шубка» — одна из разновидностей сарафана) с кокошником и душегрейкой был до Петра В. обычным костюмом наших боярынь, т. е. был дворянским сословным костюмом, который от крестьянского северного костюма отличался главным образом пышностью и богатством, а от крестьянского южного — и по существу. Один из видов сарафана доселе носит техническое наименование «московского».

Что до поневы, то постепенное развитие ее очень ясно и различные ступени этого развития доселе характеризуют отдельные группы южновеликорусского населения. Древнейший вид поневы, очень близкий к малорусской запаске, есть простой кусок ткани, облегающий зад и оставляющий незакрытую прореху наперед; это понева «без прошвы». Появление «прошвы», т. е. иноцветной полосы, вшитой в переднюю прореху, характеризует дальнейшую стадию в развитии поневы (это понева с прошвой или глухая понева) и сближает ее с юбкой. Когда прошва делается одного цвета и из одной ткани с прочею поневою, тогда получается уже юбка, которая и представляется не чем иным, как простым развитием поневы.

Хотя од н о д о р к и, среди коих преобладали степнячки, конечно, были некогда «поневицами», т. е. носили поневы и рогатые кички, — но уже давно большая часть их перешла к тому костюму, который в допетровское время был дворянским, т. е. надела сарафаны, кокошники и душегрейки. Прежде всего, как кажется, исчезла у однодворок рогатая кичка, исчезающая теперь и у прочих классов южновеликорусского населения. Если кое-где (например в селе Новоживотинном Воронежского у. <...>) однодворки и продолжают носить кички, то это не прежние рогатые кички, а «простые полукруглые», более или менее приближающиеся по своей форме к кокошнику; рядом помещицы крестьянки носят по-прежнему «разлатые кички с двумя рожками». Вообще же для однодворок более характерны в качестве головных уборов кокошники и платки, равно как вместо понев — сарафаны и юбки, и в качестве верхней одежды — душегрейки. Особенно широко распространен этот дворянский костюм однодворок в Орловской губернии, где по костюму всегда легко отличить однодворку от неоднородки «поневицы» <...>. В других губерниях встречается немало исключений из общего

правила о том, что однодворки носят старый дворянский костюм, но много также и соответствий этому правилу. Укажем некоторые: старинный дворянский костюм отмечен у однодворок Тульской губернии <...>, живущие рядом помещицы крестьянки носят иной костюм — поневы и рогатые кички; то же самое в Курской губернии: в Тимском уезде и в Белгороде; из Тамбовского уезда есть свидетельство 1863 г. <...>: у здешних однодворок юбки и сарафаны, душегрейки, платки и кички «приличные», без рогов. <...> В Рязанской губернии, точно так же как и в Воронежской, немало исключений из изложенного нами выше правила об однодворческом костюме; проф. Е. Ф. Будде характеризует даже костюм местных однодворцев и неоднородцев совершенно противоположными чертами: «По костюму крестьянки (Рязанской губ.) можно наверное сказать, — пишет он, — принадлежит ли она к вольному или барскому селу... В некоторых селах (преимущественно барских) носят сарафаны... в других (преимущественно вольных) — поневы... рожки или кичку, пушки в ушах, шушпан и коты или лапти». <...>

При всем том, действительно, едва ли не большинство рязанских однодворок носят не старинный дворянский костюм, а старую степную одежду — поневы и рогатые кички. <...>

Из Рязани местные однодворцы занесли их также в Тамбов и Воронеж (гл. обр. на восток Воронежского края), где численно преобладал слив рязанских служилых людей перед другими группами.

Возвращаясь вновь к обычному однодворческому (он же и старый дворянский) женскому костюму, мы теперь обратим внимание на его двойственность: рядом с сарафаном является юбка, рядом с кокошником — платок. Если сарафан и кокошник вместе с душегрейкой — следы бесспорного московско-дворянского влияния, то о юбке сказать это никак нельзя. Юбка может быть у однодворцев двоякого происхождения: 1) или она развилась из прежней поневы с прошвой, причем одним из мотивов такого усовершенствования могло быть сознательное приближение ее к высшему, дворянскому костюму — сарафану; бесспорно такое происхождение юбки, например, у однодворцев Нижнедевицкого у., где юбка сохранила свое старое имя «поневы» и свою прежнюю, клетчатую окраску; 2) юбка могла быть принесена с запада (у зарубежных выходцев). <...>

Многие выходцы из-за западного рубежа принесли в XVII веке на Русь не юбки и саяны с головными платками, а те же поневы и рогатые кички, коих так много было и у нас дома; но некоторые выходцы уже, вероятно, успели усвоить костюм высших литовских сословий, и этот последний оказался довольно близким к московскому. Возможно, что эта близость литовского и московского костюмов — одна из причин того, почему на западе занятой однодворцами области мы встречаемся с большею правильностью однодворческого дворянского костюма, нежели на востоке.

§ 22. Что касается жилища однодворцев, то в нем замечается целый ряд особенностей, присущих, однако же, в той или иной степени, и жилищу некоторых иных групп степного великорусского населения. Особенности: 1) полное отсутствие плана в селениях, 2) положение «святого угла», с иконами и столом, в углу при входе, у двери; 3) положение амбаров сзади дома, а не спереди, через улицу, как то у помещичьих крестьян, и 4) существование особого помещения для варки пищи летом (так называемые «землянки» или «казармы», явившиеся в связи с запрещением от начальства варить пищу летом в жилых избах, — запрещение, кажется, не особенно давнее). <...>

В южновеликорусских степных губерниях, где старины вообще так мало и где постарше других одни только однодворческие селения, отсутствие плана явилось отличительной особенностью этих последних. О том мы имеем ряд прямых сообщений, например, из Воронежской губернии. «Селения государственных крестьян (в Воронежском уезде) часто расположены не по плану; ...огороды часто пригораживаются даже с лицевой стороны двора» <...>. Очевидно, однодворцы не подчиняются новым распоряжениям о плане селений. Отсутствие плана в однодворческих селениях сильно бросается в глаза еще и потому, что поселки однодворцев обыкновенно велики и многолюдны. <...>

Та же самая черта и у Воронежских однодворцев: «В помещичьих селах и деревнях... избы окнами на улицу, у государственных крестьян избы во дворах («що бы рабятишки чяго ня выкинули на улицу»); это в Нижнедевицком уезде; то же и в Воронежском: «у помещичьих крестьян жилья связи б. ч. «на план», т. е. лицевую сторону дома обращены на улицу, у государственных — жилая связь по середине двора. <...>

Эта особенность однодворческого жилища роднит его с жилищем полесским. Мы знаем, что даже у белоруссов Черниговского полесья, например, в с. Юриновке Новгородсеверского уезда жилые хаты строились всегда в середине двора и на улицу окнами никогда не смотрели. Она же отмечена и у Курских «цуканов», т. е. поздних выходцев с запада. <...>

Типичное для однодворческого жилища положение святого угла у входной двери, напротив, совершенно чуждо белоруссам и у полехов встречается, как кажется, крайне редко. Но в южновеликорусских степных областях оно встречается изредка и не только у однодворцев, исключая лишь местности, подпавшие новому культурному влиянию Москвы. <...>

Итак, возможно, что положение святого угла у двери является <...> отличительной особенностью не всего южновеликорусского жилища, а только — или, по крайней мере, главным образом — жилища однодворческого. Впрочем, вопрос этот нуждается еще в дальнейших исследованиях, которые сильно затруднены отсут-

ствием необходимых материалов. Мы знаем, что такое же положение святого угла встречается и на севере, совсем в другом типе великорусского жилища, например в Кокшеньге Тотемского уезда, кое-где в Кадниковском уезде, у пермяков Глазовского уезда Вятской губ.

В уездах Обоянском, Рьльском и Суджанском интересующее нас положение святого угла отмечено у всех вообще великоруссов, без различения отдельных групп населения; впрочем, в этих уездах вообще преобладают однодворцы. Переселенцы из Курской губернии принесли этот тип жилища и в Самару.

У помещичьих крестьян в южновеликорусских губерниях довольно широко распространено обыкновение ставить амбары и сараи перед домом, через дорогу от лицевой стороны избы. Кое-где для построек такого рода сохранилось еще старое название «задворок», свидетельствующее о том, что постройки эти перенесены сюда из задней части двора. <...>

Часто встречается другого рода обыкновение, созданное так же, как и предыдущее, опасностью пожаров: для варки пищи летом у них строятся, всегда в большем или меньшем расстоянии от жилых изб, особые помещения, часто землянки; они зовутся «землянками», а изредка и «казармами». <...>

Как мы уже говорили выше (§ 21), Будде отметил у помещичьих крестьян Рязанской губ. преобладание дворянского костюма — сарафанов. И тут многое объясняется позднейшим влиянием Москвы, — чем всецело объясняется, например, исчезновение рогатой кички, а частью и поневы, на севере губерний Калужской и Тульской. Но были и иные причины. Из числа помещичьих крестьян дворовые, как близкие к господам, носили почти всегда господский, дворянский костюм <...>. Некоторые (многие?) помещики запрещали своим крестьянкам носить кички и поневы, как костюм безобразный или вредный для здоровья <...>.

Выходцы из подмосковных губерний, равно как и из северных, принесли в степь большей частью сарафаны и кокошники; выходцы с запада — нередко юбки и саяны.

§ 25. <...> Если для северновеликорусской области можно говорить о говорах отдельных уездов и даже губерний, — то для области южновеликорусской это почти невозможно. На юге Великороссии границы говоров не совпадают с географическими, а тем менее с административными границами. О «говоре, положим, Орловского уезда» можно говорить разве только с очень большою натяжкой и неточностью, так как в Орловском уезде рядом и одновременно живут различные до противоположности говоры — акающие и окающие.

Невозможность пользоваться при определении диалектических границ на юге Великороссии принципом географическим уже давно осознана нашими диалектологами. Уже давно замечаются попытки

воспользоваться при этом иным принципом — историко-сословным. Проф. Будде в своих исследованиях о говорах рязанских, орловских и тульских всегда почти подчеркивает разницу между крестьянами государственными, с одной стороны, и крестьянами «барскими» или помещичьими — с другой, причем избирает предметом своего главного или даже исключительного внимания говор государственных крестьян, считая говор барских — более культурным. Слабая сторона лишь в том, что различные группы в составе как барских, так и особенно государственных крестьян во внимание им не принимались. <...> Н. Н. Дурново в своей «Диалектологической карте Калужской губ.» различает, между прочим, говоры «мещанские», «барских деревень» и «монастырские»; он же замечает, что один из видов так называемого восточного аканья присущ главным образом «бывшим помещичьим крестьянам чуть ли не на всем протяжении южновеликорусского наречия» <...>.

А. И. Корнев

Б. А. Ларин

И РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ¹

В разнообразной филологической деятельности Б. А. Ларина ярко выделяется один аспект — изучение живой речи. Не будет преувеличением сказать, что именно это направление было ведущим в многогранном творчестве Б. А. Ларина.

Во-первых, сам Б. А. Ларин, характеризуя свою деятельность, отмечал: «Первым циклом моих работ являются исследования живой речи — социальных и территориальных диалектов русского, литовского, украинского языков»². «С юношеских лет я вынес глубокое убеждение, что основным и первым занятием лингвиста должен быть живой язык, а не литературный. Образная фраза, которую предложил для характеристики диалекта Балли, мне кажется правильной. Она такова: литературный язык является ледяной коркой, которая сковывает поверхность потока, мощного, бурного, часто мутного. Она его охраняет, но она и скрывает его тайны, его жизнь»³. <...>

¹ Ларин Б. А. Филологическое наследие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 775–782.

² Автобиография. Архив АН СССР. Ф. 77. Оп. 1 (1947). № 31. Л. 7–8.

³ Вступительное слово на защите докт. дис. Там же. Л. 99–100.

Первыми по времени самостоятельными работами были две студенческие экспедиции в Литву. Через двенадцать лет по материалам этих экспедиций была написана большая статья¹, которая, кроме богатого фактического материала, содержала немало важных теоретических положений, многие из которых Борис Александрович развивал позднее. Главнейшие из них таковы.

Всякий говор представляет собой сложное явление, поэтому недостаточно для описания говора зафиксировать только то, что отличает его от других диалектов. Для того чтобы дать неискаженную картину, необходимо учитывать тот «языковой фон», те условия, в которых живет и развивается описываемый говор. Следует принимать во внимание влияние соседних говоров, вторжение литературного языка, иноязычные заимствования и т. п. В связи с этим Б. А. Ларин по-новому ставит вопрос о значении народной поэзии при описании диалекта. Борис Александрович решительно возражает прославленным диалектологам, которые выступали против записи песен, сказок, связного рассказа, пословиц и загадок — словом, против народной поэзии². «Представляется методическим промахом, — пишет Б. А. Ларин, — изучать диалекты обособленно, устранять из исследования тот материал, в котором больше проявилось диалектическое взаимодействие (влияние соседних говоров, отражение книжного и “городского” языка, иноязычные заимствования). Поскольку этот материал варьируется от одного положения к другому, — мы имеем в нем источник для выделения “разнодиалектности” в индивидуальном языковом диапазоне. А только в зависимости от накопления данных и наблюдений этого рода может быть установлена близкая к языковой действительности, а не фиктивная пуристическая “средняя норма” диалекта. Кроме изложенного, отличие языка диалектических песен и под. от разговоров обусловлено функциональным различием “поэтической” — относительно самодовлеющей, и “практической” — подчиненной речи.

Наиболее существенно характеризует “практическую” речь незаконченность ее, нормальная речевая работа недоосуществляется за ненадобностью в разговорных случаях вследствие подчинения в них речи как сопутствующего, побочного средства, другим средствам общения³. Ниже Борис Александрович добавляет: «Изучение одного только разговорного типа диалекта дало бы неполное изображение данной языковой культуры — и при этом в ее самых несовершенных, “патологических” образцах. Такой отбор материала

¹ Ларин Б. А. Материалы по литовской диалектологии // Язык и литература. Т. 1. Вып. 1–2. Л., 1926.

² Там же. С. 95.

³ Там же. С. 97.

значительно обесценивает описание говора»¹. Развитие любого диалекта происходит в тесном взаимодействии с окружающими его языковыми стихиями, которые так или иначе влияют на развитие изучаемого говора. Точно установить степень и характер таких влияний, по мнению Б. А. Ларина, необходимо для научного описания говора и правильной интерпретации его развития. Для этого Борис Александрович вводит понятия: «активное» и «пассивное» смешение и заимствование². Таким образом, уже в одной из первых своих работ по диалектологии Б. А. Ларин настойчиво подчеркивал, что «дифференциальный» подход к описанию говора не только не оправдан, но и порочен, так как ведет к неполному, искаженному изображению говора. Этой концепции Борис Александрович придерживался и во всех своих последующих работах³. Эта же идея была положена в основу Псковского областного словаря, к созданию которого Борис Александрович во главе сравнительно небольшого коллектива приступил в 50-х годах. Б. А. Ларин указывал: «Псковский областной словарь... составляется как словарь полного типа. Поэтому он содержит не только исключительные слова и выражения псковских говоров, а по возможности весь их активный словарный запас»⁴.

Другое важное положение, которое плодотворно развивал Б. А. Ларин, заключалось в том, что необходимо тесно связывать диалектологию и историю языка. Диалектология, по мнению Бориса Александровича, является надежной базой и важнейшим орудием при исторических изысканиях в лингвистике и при комментировании и интерпретации письменных памятников. «Мы теперь считаем, — писал Б. А. Ларин, — важнейшими источниками исторического и теоретического языковедения изустный диалект крестьянства прежде всего, а затем изустные диалекты, которые существуют наряду с литературным языком в городе, в городском населении. Эти изустные диалекты по своей структуре, по своему составу представляют для историка больший интерес, чем письменные памятники, хотя бы потому, что они дают более достоверные факты. При изучении диалекта на каждом шагу есть возможность провести проверку, эксперимент, что делает лингвистику более точной, чем другие гуманитарные науки, тогда как в сфере письменных памятников мы гораздо более беспомощны и почти лишены этой возможности проверки и эксперимента... Если бы в наших руках были только письменные источники, только то немногое, что сохранилось от первых веков развития нашей письменности, то можно сказать с уверенностью,

¹ Ларин Б. А. Материалы... С. 99.

² Там же. С. 101–103.

³ См., например: Ларин Б. А. Об атласе русского языка и современной диалектологии // Уч. зап. Ростовского-на-Дону гос. пед. ин-та. 1939. Т. 1. С. 108.

⁴ Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря. Л., 1961. С. 3.

что мы никогда не имели бы надежды полного понимания наших старых текстов»¹. <...>

Значительное место в диалектологической деятельности Б. А. Ларина занимала так называемая полевая работа. Первоначально в одиночку (1910-е — начало 20-х годов), а позже во главе лингвистического коллектива он отправлялся в экспедиции, чтобы на месте собрать, исследовать, проверить изучаемый им языковой материал. Как бы подводя итоги своей более чем тридцатилетней практики, Борис Александрович сформулировал семь важнейших особенностей советской лингвистической географии². Следует отметить, что Б. А. Ларину принадлежит приоритет во внедрении таких важных принципов работы в экспедиции, как: 1) привлечение к сбору материала большего количества научных работников, студентов, сельской интеллигенции; при этом Борис Александрович считал, что материалы, добытые в научных экспедициях, богаче, достоверней тех, которые получены в экскурсиях специалистов-одиночек; 2) изучение диалектов в их динамике (т. е. требование производить запись не только от лиц, принадлежащих к старшему поколению, но и от лиц среднего поколения и от молодежи); 3) требование записывать не только диалогическую речь и хозяйственную терминологию, но и повествовательную речь и фольклор (еще в 1926 г. в статье «Заметки по литовской диалектологии» Б. А. пропагандирует этот принцип); 4) необходимость пристального изучения взаимодействия областных говоров с социальными диалектами и литературным языком и 5) подробное обследование говоров фабрично-заводских поселков, мелких городов и райцентров. Разработка последних наряду с диалектологией городской, по мнению Б. А. Ларина, будет иметь первостепенное значение для истории образования литературных и общенациональных языков. Кроме чисто практических целей (сбор свежего материала) экспедиции, как считал Б. А. Ларин, имеют огромное значение для воспитания ученых-лингвистов. В тезисах доклада «Об экспедициях Герценовского института 1930, 1936, 1937, 1938 гг.» Борис Александрович писал: «Организация диалектологических экспедиций ведет с необходимостью к отбору лингвистов среди студенчества, облегчает и стимулирует первые опыты самостоятельной научно-исследовательской работы и студентов, и аспирантов, и младших членов кафедры языка вуза. Диалектологические экспедиции как полевая работа лингвистов имеют целью собирание свежих научных материалов, но вместе с тем являются и научно-производственной практикой и студентов, и преподавателей. Они дают широкие

¹ См. *Ларин Б. А.* Об атласе русского языка и современной диалектологии. С. 110–111.

² *Ларин Б. А.* О принципах составления атласа славянских языков // Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1949. Вып. 14. № 97. С. 30–32.

возможности применения как теоретико-лингвистических знаний и научных навыков, так и педагогического и пропагандистского мастерства...»¹.

Придавая огромное значение работе в экспедиции, Борис Александрович уделял большое внимание подготовке ее участников. Задолго до выезда в экспедицию диалектологи должны были пройти основательную теоретическую и практическую подготовку (изучить известные фонетические и грамматические особенности избранного говора, ознакомиться с имеющимися лексикографическими трудами по избранной теме, тщательно изучить вопросник и приобрести прочный навык в транскрибировании; по доступным источникам ознакомиться с бытом населения избранного района). При приезде на место тщательно выбирались деревни, отвечающие наилучшим условиям диалектологической работы. Особое внимание уделял Борис Александрович умению вести беседу с крестьянами. Только тогда, когда между собеседниками возникают взаимопонимание и взаимоуважение, может успешно проходить диалектологическая работа. Первое время группа под руководством Б. А. Ларина работала в одном пункте: Борис Александрович лично учил вести беседу и делать записи, а вечером того же дня обрабатывать материал. Категорически возражал Борис Александрович против записей по памяти, что невольно могло привести к искажениям. «Нет такой школы, которая стремилась бы и могла бы предохранить от недосмотров и искажений семантических — даже индивидуального порядка, не говоря уже о тех, какие неизбежно являются при интерпретации сельского диалекта на каком-нибудь литературном языке»². Поэтому все записи и толкования должны неоднократно проверяться и исправляться в процессе работы. С целью выявления наиболее точных данных диалектолог должен получить сведения от широкого круга носителей диалекта. После краткого периода совместной работы участники экспедиции разъезжались по различным населенным пунктам (не более двух в одну деревню). Борис Александрович как руководитель постоянно посещал своих подопечных, не только помогая правильно и плодотворно вести сбор материала, но и направляя исследовательскую мысль, побуждая привлекать различные филологические сведения, делать сопоставления и выводы. Часто в экспедициях рождались темы самостоятельных научных работ. Благодаря неутомимой деятельности Б. А. Ларина экспедиции превращались в хорошо организованный семинар; материалы, добытые в таких поездках, отличались достоверностью и богатством.

¹ Архив Б. А. Ларина. Хранится у вдовы Н. Я. Лариной. В настоящее время ведется его разбор и описание.

² *Ларин Б. А.* Материалы по литовской диалектологии // *Язык и литература*. Т. 1. Вып. 1–2. С. 94–95.

ПСКОВСКИЕ ГОВОРЫ В ПОМОЩЬ ПОНИМАНИЮ ПСКОВСКИХ ДОКУМЕНТОВ ПРОШЛОГО¹

Б. А. Ларин выдвинул идею словаря нового типа, каким явился ПОС: в словаре по возможности полно отражается вся лексика, зафиксированная в псковских говорах и попавшая а поле зрения собирателя. Такое отражение материала позволяет выяснить соотношение общерусского и местного, развитие семантики на фоне того, что имеется в литературном языке. ПОС — одновременно и исторический словарь данного региона. Благодаря сведениям из памятников псковской письменности выясняется историческая перспектива развития, сохранения или исчезновения отдельных лексем или явлений².

Сейчас, когда активно разрабатываются проблемы лингвогеографии³, развития исторической диалектологии⁴ и воссоздания историко-культурных зон при учете данных многих наук, преимущественно гуманитарных⁵, ПОС дает возможность сопоставить в синхронии и диахронии прежде всего лексические, фразеологические факты, даже грамматические, фонетические данные Псковского региона. Отсылки *ср.* в словарных статьях фактически собирают не только лексические, но и лексико-словообразовательные синонимы и параллели. Например: *ср. пуп, пупок; винтик, винток* к 1-му значению 'стержень со спиральной нарезкой для закрепления чего-н. (используется как регулирующая деталь в прялке, плуге и т. д.)', в целом повторяющему общерусское значение у слова *винт* (4, 21); такого соответствия нет в литературном языке; значит, ПОС зафиксировал лексико-словообразовательное своеобразие народной речи.

¹ Костючук Л. Я. Псковские говоры в помощь пониманию псковских документов прошлого // Псковские говоры: синхрония и диахрония. Псков, 2003. С. 135–147.

² Ларин Б. А. [Вступление] // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. I. Л., 1967. С. 3.

³ Вендина Т. И. Этнолингвистика, аксиология и словообразование // Слово и культура. Т. I. М., 1998. С. 39–48; Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб., 1995; Толстой Н. И. Язык и культура // Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

⁴ Ср.: Герд А. С. Историческая диалектология и историческая география (на материале псковских и новгородских говоров) // Псковские говоры. Oslo, 1997; *Он же*. Славянская историческая диалектология и история регионального языка // Слово и культура. Т. I. М., 1998. С. 78–84.

⁵ Основания регионалистики / под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб., 1999; Очерки исторической географии: Северо-Запад России. Славяне и финны / под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб., 2001.

Установлению парадигматических синонимических отношений служит и способ толкования некоторых лексем через «То же, что» Ср.: слово *долбёха* в 1-м значении поясняется как ‘то же, что *долблёнка 1*’, т. е. ‘сосуд, выдолбленный из цельного куска дерева, деревянная миска, чашка’ (9, 126, 127).

Значимой оказывается подача в заголовке некоторых единиц через союз *и*: не только случаев типа *молодой* и *молодый*, но и типа *жерреб* и *жеребий*, ср.: *дерн*, а и *дернь*, я, м. (9, 48): *докуда* и *докуды*, нареч. (9, 122); *докуль* и *докуле*, нареч. (9, 122). В такой трактовке заголовка словарной статьи отражается, например, особенность специфического варьирования некоторых лексических единиц (ср. *лех* и *леха*, различающиеся родом, но имеющие одинаковую звуковую форму прежде всего в предл. п. (*на лехе*). Без определения к словоформе контекст не позволит отнести фонетический комплекс к разным словарным статьям, т. е. к разным словам, в зависимости от рода).

Большую роль в понимании некодифицированной диалектной речи играет последовательная фиксация соответствующих вариантов (через помету *Var.* с абзаца в конце словарной статьи): так читатель узнаёт, что *вляпиться* — это *вар. к влепиться*; *влятывать* — *вар. к влётывать*; *вместе, у вместе* — *вар. к вместе* и др.

Разработка теории вариантности слов применительно к диалектному языку — это особая проблема. Помимо фактического признания вариантности важно выработать систему подачи, отражения вариантов в лексикографической практике: так, яканье типа [*вясна*], как регулярное фонетическое изменение облика слова в некоторых говорах, специально не отражается в структуре словарной статьи, помимо подачи в примерах. Важно отличить фонетические варианты от грамматикализовавшихся явлений, когда можно говорить не просто о замене звуков, а о системном использовании той или иной морфемы в данных говорах; ср: *звар* ‘вареная смола, вар’, *зварить* ‘приготовить на огне для еды’ (9, 279). При этом бывает необходимо в результате изучения установить причину грамматикализации явления. Так, признание в диалектах приставки *з-* вместо общерусской *с-* в сильной позиции приходит как осознание влияния белорусского (а в нем — польского) языка в русских говорах южных районов на псковской территории: *звернуть*¹ ‘изменить направление своего движения, свернуть’ (*Сюда зверниш.* Вл.). Однако грамматикализация фонетико-словообразовательного явления позволяет ему распространиться и на другие районы, расширить свое влияние на псковское словообразование. Так, слово *звернуться* ‘прийти, приехать обратно; возвратиться’ зарегистрировано не только в Вл., Нев., Себ. р-нах, но и в Гд. (*Некоторые зварнулись обратно после немцэф, некоторые нет*) (12. 287).

Выяснение конкретной реализации лексических и фразеологических единиц в текстах современной диалектной речи или в текстах

исторических памятников для исследователей и для лексикографов составляет одинаковые трудности: тексты представляют особую языковую систему, «отстоящую» от носителя современного литературного языка или на несколько столетий, или на территориальное «расстояние» говоров. От понимания роли слова в тексте (сочетание рассматриваемой единицы с другими словами, учет иногда этимологических особенностей единицы для установления системы лексико-семантических, лексико-грамматических и лексико-словообразовательных связей) помогает и установить статус, и определить лексическое значение единицы, что важно также для лексикографической практики. <...>

Известно, что 35 опубликованных псковских грамот XIV–XV вв. — это документы, касающиеся землепользования, той важной проблемы, которая была чрезвычайно значима для Пскова, его населения и всех слоев общества. Все эти документы сохранились в составе юридических дел XVII в., когда возникала необходимость решить спорные земельные вопросы: кто-то в XVII в. претендовал на определенные земельные владения, а исконные владельцы (что закреплено в документах XIV–XV вв.) в качестве защиты своих прав ссылались на подлинные документы нескольковековой давности. И не просто ссылались, а в качестве доказательства своего права прикладывали копии, выписки, пересказы этих деловых памятников (только один раз, в отличие от других случаев, приложили подлинную грамоту — № 33 в публикации)¹. Сведения об этом факте, с одной стороны, поражают тем, что люди, отдавая должное значимости документов, хранили их несколько веков из поколения в поколение в качестве неопровержимого доказательства своей связи с землей как собственностью. С другой стороны, сохранность документа: и копия — список (а иногда и несколько списков) с него — или выписка из него объективно представляют ценный источник для изучения языка прошлого: возможность сопоставить тексты, сравнить отдельные единицы текстов, представленных рукою разных писцов в разные периоды — от XIV–XV до XVII в.

Обратим внимание на те случаи, которые наиболее трудны для понимания, поскольку иногда они не имеют аналогов в других источниках, и на некоторые из тех, которые уже оказались зафиксированными в ПОС. <...>

Слово *крой*, встретившееся в пяти грамотах (№ 7, 9, 12, 16, 26), известно только по псковским грамотам (в публикации Л. М. Марасиновой и в ГВНП). Анализ текстов предполагает, что это слово прежде всего означает ‘незасеянный участок земли между двумя угодьями; межа’ и как метонимически развившееся значение имеет

¹ См.: *Спелова М. А.* Псковские грамоты как лингвистический источник (на основе публикации Л. М. Марасиновой): дипломная работа. Псков, 2003. С. 138. [Рукопись хранится на кафедре русского языка ПГПИ.]

такое, как ‘любой предмет на этом участке, служащий знаком границы участков; межевой знак’¹. Итак, со значением ‘межа’ можно воспринимать слово **крой** в контекстах типа: *А завод той земле изо мха с Офонасом **кроем** до Ульяниных **кроев**, какъ оне со Ульяною **кроими** да в ручей и ручьем вниз до Степанове **меже**, с Степаном **кроими** да Иветове **кроими** до Ермолиных **кроев**...* (№ 1). В таком тексте как синонимы выступают слова **крой** и **межа** по отношению к земельному участку, принадлежавшему Степану (*до Степанове **меже**; с Степаном **кроими***). Контекст из грамоты № 26 подтверждает, что речь идет о меже, поскольку указывается размер (*по три сажени мѣрных*) того, что служит границей между участками в виде незасеянного участка земли (это межа-крой): *а обод той земль из Бойницы реки кроими по три сажени мѣрных по обе стороны реки. Имя **крой**, безусловно, связано со словом **кроити** по отношению к выделению земельного надела, т. е. развивается переносное значение от исходного производящего **кроити** в значении ‘делать выкройку из материала’. Значение ‘межевой знак как ориентир на меже’ проявляется в контексте типа: *А положишиа между промежу себя... от межи через угол до ветши в сулицу [= улице], из улице въ новую борозду и новую бороздою... в берозовый **крой**, от берозового **кроя**..., ... въ старый **крой** въ яблан, из яблану в липу, из липе в сосновый **крой**, от соснового **кроя** огородю в новии **крой** в липовый пень и новым **кроими** в машок* (№ 9).*

Оказывается, что такое важное понятие, как межевая граница, иногда отмечаемая и отличаемая соответствующим знаком, называется словом **крой** только в псковских документах, не фиксируется ни в исторических словарях, ни у В. И. Даля.

Неоднократно используя слово **крой** в указанных значениях, псковичи тем самым утвердили статус этого слова как особого терминологического названия при определении земельных отношений². Однако в грамоте № 10, духовной старосты, вместо слова **крой** используется слово **край** для указания границы определяемого в завещании участка: *а из ручья **по краю**, а **краемъ** в Бѣлое озерко, а из Бѣлова озерка **по краю** в Долгое озеро, а из Долгово озера **по краемъ** в островъ. Указание границ в этом документе сопровождалось использованием не только обобщенного по значению **край** ‘граница, черта’ (ср. *грань, граница* в других грамотах³; видимо, написание **край** появилось по созвучию со своеобразным **крой**), но и более понятного **межа**: *межа пошла в чисть и в мохъ; а из озера по городовую **межу** по Радилову **краю** в Черную рѣку. Таким**

¹ Ср.: Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XVII вв. М., 1966. С. 183.

² Ср.: Снетова Г. П. Термин в старорусском языке: статус, типология, структура // Русский язык: история и современность. Сборник научных трудов: К 85-летию кафедры русского языка. Тверь, 2002. С. 155–163.

³ Ср.: Марасинова Л. М. Указ. соч. С. 184.

образом, в псковских грамотах обнаружены разные слова, отражающие одно и то же понятие ‘граница’, при назывании в документах границ участков. <...>

С глагольным корнем связаны и слова *заор* (м. р.), *заора* (ж. р.): сема ‘пахать’ содержится в корне *ор-*, а приставка *за-* имеет пространственное значение. Оба слова в ПОС поясняются как ‘край вспаханного поля, пашня’ (ПОС 12, 19) (ср. в СлРЯ XI–XVII вв. 5, 253: место, где кончается пашня и начинается твердая необрабатываемая земля, овраги и т. п.). До недавнего времени мы соглашались с таким толкованием обоих слов в ПОС. Но дополнительный анализ контекстов обнаружил, что это значение бесспорно прежде всего для контекста в грамоте № 13: *А межа той пожни от броду по заорь*. Второй же контекст: *...подле Фларевной пожни межа ямами и камением до заоре* (№ 28) — свидетельствует, что существительное ж. р. в род. п. имеет другое значение: не ‘край’, а скорее всего ‘овраг’, так как слово находится среди других обозначений неровностей на земле (межа с ямами и камнями тянется до оврага).

Судя по описанию положения земель в грамоте № 9, выясняется, что они находятся недалеко от реки Дубенка. Поэтому слово *прислон* в контексте: *дата... землю свою ниву на прислоне у Заборовского пути, и другую ниву над Дубенкою* (№ 9) — означает возвышенный берег или склон горы (примеры из КПОС фиксируют такие значения).

Если современные псковские говоры поддерживают те или иные семы в значениях слов, обнаруженных в псковских грамотах, то это помогает атрибутировать лексемы из памятников с неизменным выяснением реалий по текстам и с учетом современной топографии, а значит, помогает установить, насколько точно носители языка прошлого отражали в документах участки действительности. Тем самым благодаря выяснению плана содержания и плана выражения у важных для понимания текста лексем можно воссоздать и языковую картину мира прошлых веков.

Покажем значимость этого на таких словах, как *слопина* и *стержень* из грамоты № 1. Лексема *слопина* на первый взгляд непонятна в обоих планах, а лексема *стержень* как будто вполне знакома современному читателю: *А межа той земли от Великой рьки до Мирожии рьки, а Исаковицкою межею в слопину, а от слописе да в камень, что в слописе, а от камня в Вьгликою рьку по стержень, а стерженем [до] того ж логу...* И в то же время без специальных сопоставлений многое неясно. Псковские слова *слопень*, *слопенюга*, отмеченные и Далем, означают ‘болван, дубина’ (ср. Даль 2, 223), но это значение не соответствует контексту грамот. Без указания места Даль фиксирует широко распространенное значение ‘дубина, стяг, шест’, которое могло бы соответствовать названию предмета-ориентира границы по направлению от межи. Л. М. Марасинова, признавая, что «значение слова неясно», предполагает: «...возможно,

следует читать “*Слопину*”¹, т. е. не является ли это слово топонимом. Однако контекст: ...*а от слопине да в камень, что в слопине* — не позволяет принять ни одно из приведенных значений. И тогда, по нашему мнению, возникает следующее предположение: возможно, слово *слопина* — описка слова *слотина* (вместо буквы *т* была в прошлом написана или современным исследователем прочитана буква *п*?). Слово *слотина* было известно и В. И. Далю в значениях ‘небольшое, но вязкое болото’; ‘крутоберегая низменность с родниками’ (2, 223), т. е. корень *слот-* связан с семьей ‘мокрый’. Тогда реалия, названная непонятным словом *слопина* вместо более вероятного *слотина*, входит в систему реалий, обозначаемых в грамоте словами *мох*, *река* и под.». Подстановка выясненного значения «объясняет» и название камня в болотистом месте как ориентира границ земельному участку. Итак, данные говором и специфика контекста помогли «исправить» план выражения и после этого понять план содержания необходимой для восприятия текста лексической единицы. Что же за участок действительности приоткрывается, если слово *стержень* (обозначается какой-то объект в Великой реке) понять как ‘ось, вокруг которой что-л. вращается’ (Даль 4, 323)? Даль и Срезневский при рассмотрении слова *стержень* делают отсылку к слову *стрежень* (‘редина и самая глубина, быстрое течение реки’, этимологически связывая со словами *стремить*, *стремнина* (Даль 4, 337; Срезневский 3, 513, 587). Поиски этимологии слова, учет исторического явления метатезы помогли понять, что речь шла о границе угодьям и по середине Великой реки.

Чтобы понять древние тексты, особенно такие, как псковские грамоты, в которых отражаются и соответствующие диалектные явления, необходимо проводить и фонетико-словообразовательный анализ. Так, в грамоте № 1 отмечено слово *стариска*: *Се купишиа... землю и лесъ и стариска и прикреми над Великою рѣкою*. Видимо, и в прошлом оно было неясно, так как отмечен вариант прочтения в одном из списков как *старика*, что совершенно затемняет понимание текста. Что же такое *стариска*? Скорее всего, данное слово должно быть связано с «водно-земельной» лексикой: это может быть уменьшительно-ласкательное образование *старичка* от *старица* ‘бывшее, покинутое русло реки’ (Даль 4, 317) при историческом чередовании *ц/ч* (старица как пригодное для обработки земельное угодье). Вместо звука [ч] произносился звук [ц] как отражение псковского цоканья (ср. в этой же грамоте *от встѣх плесковиць* вместо *плескович*). Получившееся сочетание [цк] (= [тск]) упрощалось за счет выпадения одного из взрывных элементов [т], что оставило [ск]. Возможность такого процесса подтверждается словом *двориско* в грамоте № 5: вероятно, первоначально было или *дворишко* (тогда могла наблюдаться характерная для псковских говором мена [ш])

¹ *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты... С. 47.

на [с]), или *дворичко* при последующем цоканье ([ч] — [ц]) с указанным упрощением групп согласных ([тск] — [ск]).

В грамоте № 1 наблюдается еще одно типичное псковское морфологическое явление: вин. п. существительного на *-а* при переходном глаголе совпадает с им. п. (*купиша... стариска*).

Обнаружены в псковских грамотах специфические термины, касающиеся земельных участков, и редкие слова, известные, видимо, и в прошлом местным говорам: ср. лексема *сутки* (№ 27) или как обозначение участка на земле, предполагающее смы 'стыкать', 'угол' (ср. Даль 4, 365), или как слово в значении сенокосный 'пай' (ср. Даль 4, 364) (подобный факт требует дополнительных исследований и сопоставлений, для чего у нас имеется соответствующий материал).

Есть наименования участков земли, характеризующиеся яркой метафорой, например, по признаку формы земельного участка, *клинец* (№ 9) (суффиксальное образование, известное и современным псковским говорам, но не отмеченное Далем); *клетка* (№ 24). Метонимический перенос, вероятно, можно признать у слова *кол* в контексте: *А межа пожни по дубь да по крою на коль да пирошковичь пожне* (ГВНП, № 345). Тонкие предметы типа палки могли служить мерой пахотных наделов¹. Метонимия обычно менее ярко проявляется сдвиг в значении у слов; поэтому в системе обозначения ориентиров возможно признать и слово *кол*. Но предложно-именная конструкция *на кол* способна передавать и расстояние, на которое распространяется участок границы: кол как вертикальный предмет может служить мерой расстояния.

Обнаружены суффиксальные образования от известных корней, но неизвестные современным говорам и памятникам: ...*черницамь ходити в томь ободу и в польсье, а на бережье имь черницам не надобе* (№ 10) (бесспорно, речь идет о береговой части владений, о берегу).

Псковские грамоты дают богатый материал разных уровней для выяснения развития значений, изменений языковых фактов на протяжении веков (диахрония) на соответствующем временном отрезке в зависимости от особенностей речи и от компетенции составителей документов.

Привлечение материалов современных псковских говоров и других памятников псковской и другой письменности к иллюстрации семантики прежде всего лексических единиц, представленных в Псковском областном словаре с историческими данными, а также специальное изучение памятников — серьезное основание для выявления общерусских и местных региональных фактов²; для обна-

¹ Романова Г. Я. Наименования мер длины в русском языке. М., 1975. С. 116.

² Ковалых Е. В. Общерусское и региональное в языке псковских монастырских хозяйственных книг XVII века: дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2000.

ружения подвижных и стабильных языковых процессов; для выяснения динамичных изменений не только на протяжении веков, но и в синхронном состоянии языка, а также для понимания системности в пределах каждой из сфер русского языка (диалектного языка, литературного языка; разных жанров письменного языка, зафиксированного в памятниках) или для уяснения универсальности языковых фактов (конкретное, уникальное явление или тенденция в функционировании или в развитии явления).

От частных фактов — путь к общим выводам. И в то же время знание общих закономерностей облегчает и оправдывает поиски конкретных фактов.

Псковские грамоты, исследуемые не фрагментарно, а в полном объеме (системно и структурно), позволяют дополнить историческую языковую картину носителей той разновидности русского языка, которая оказалась зафиксированной в псковской деловой письменности (актовой ее разновидности).

О. Ю. Крючкова, В. Е. Гольдин

**РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ГОВОРЫ
КАК НАЦИОНАЛЬНОЕ БОГАТСТВО И НЕОБХОДИМОСТЬ
НОВОЙ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ
В РОССИИ (рукопись)¹**

Отношение к русским народным говорам и направленная на них языковая политика нашего государства в течение последних 150 лет существенно менялись.

С середины XIX в. в российском обществе наблюдался бурный рост интереса к народной культуре и в том числе — к русским диалектам. Специалисты, филологи-любители, многие просто грамотные люди увлеченно собирали местные слова, описывали региональные особенности быта, обычаи, верования и другие элементы народной культуры. Во II пол. XIX — нач. XX в. публикуются региональные (по отдельным губерниям) и сводные словари диалектных слов, создается шедевр русской лексикографии — уни-

¹Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е. Русские народные говоры как национальное богатство и необходимость новой культурно-языковой политики в России (рукопись) // Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты. Саратов, 2010. С. 103–107.

кальный «Толковый словарь живого великорусского языка» в 4 томах (1863–1866) В. И. Даля. В это время на говоры смотрят как на самую богатую форму русского языка и живое воплощение русских национальных черт, воплощение духа народа. *«Живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, цельность и красоту, — писал В. И. Даль, — должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи...»*. Передовые деятели образования, ученые-педагоги, методисты в этот период рекомендуют наряду с литературным языком изучать в школах и диалектную речь, знакомить учащихся с богатствами местных говоров, с народной культурой [Чернышев 1970].

Такое положение сохранялось до середины 20-х гг. XX в. С изменением отношения государства к крестьянам, когда крестьянство в целом стало рассматриваться как косная масса с мелкобуржуазным мировоззрением, препятствующая прогрессивному развитию общества, когда развернулись коллективизация крестьянских хозяйств, борьба с кулачеством и другие инициированные советской властью реформы сельской жизни, формируется и резко отрицательное отношение к диалектам как к речевому выражению крестьянского мировоззрения.

В соответствии с этой укрепившейся в XX в. традицией сознательно регулируемый (кодифицированный) литературный вариант русского языка противопоставлялся всем остальным его вариантам в качестве безусловно высшей, единственно правильной и абсолютно универсальной формы, способной эффективно заменить собой любые другие варианты русского языка, в том числе народные говоры, и не только в коммуникативных сферах, специфичных для литературной речи (наука, образование, политика, государственное администрирование и под.), но и во всех других. Народным говорам отводится роль «низших», «неправильных», «ограниченных» форм языка.

Вследствие такого взгляда на состав русского языка школе не предписывалось развивать интерес к местной речевой культуре, раскрывать перед детьми стройность и красоту диалектной речи, объяснять школьникам особую важность живых, стихийно развивающихся сельских говоров для русской культуры в целом. Обучая школьников литературной речи (обучение литературной речи, безусловно, необходимо), школа не учила детей при этом гордиться замечательной речью их родителей и бережному отношению к своему родному говору, не дополняла литературным языком уже имеющуюся у школьников языковую компетенцию, а замещала говор литературным языком, то есть искореняла в сознании школьников первоначально усвоенную ими речь вторичной речью, что, как известно, ведет к серьезным негативным последствиям психологического, интеллектуального и морального характера [Калнынь 1991; Касаткин 1993].

Школьники, а за ними и старшие поколения сельских жителей приучались стесняться родной речи, считать ее, а вместе с ней и себя примитивными, «серыми», нуждающимися в отречении от речевых и других жизненных традиций предков, в «подтягивании» к обычаям и стандартам городов. В результате резко снижалась самооценка сельских жителей, затруднялась их социальная ориентация, прерывались многовековые культурные традиции, разрушалась связь поколений, деревенский дом постепенно утрачивал роль главного семейного центра: уходя из него, люди теперь все чаще уже не возвращались. Как справедливо утверждалось на Всесоюзной лингвистической конференции 1991 года, посвященной состоянию русского языка и русистики, такое положение во многом являлось «результатом той политики в отношении крестьянства России, которая проводилась в 30–70-е годы» [Калнынь 1991: 229]. При этом «социальное давление на крестьянство России сопровождалось формированием официального негативного отношения к народной духовной культуре, в том числе и к языку крестьянства» [Калнынь 1991: 232], что находило проявление в языковой и культурной политике государства.

Современному российскому обществу достались от советской эпохи и все еще окончательно не изжитая традиция негативного отношения к диалектной речевой культуре, к ее носителям, жителям русских сел, и сформированный в результате такого отношения комплекс неполноценности у жителей деревни. Ср.: *Мы и говорить-то не умеем...* ; — *А кто это у вас на фотографиях, таких красиво оформленных?* — *Да уж красиво! // по-деревенски все!* (с. Белогорное Саратов. обл.). Городские, по оценке жителей села, обладают более высоким уровнем знаний и культуры. Ср.: городскую внучку 5 лет бабушка демонстрирует гостям и уговаривает прочесть стихотворение: *не стесняйся / ты у нас гороцкая // (гостям) она гороцкая / все знает // [о внучке] с армии приходчи уже / третий годик // не женивши / не пьет / не курит / парень-город // ... свой / а город-парень!* (д. Верховье Волог. обл.).

Конечно же, понимание питающей силы народной речи всегда было свойственно русской интеллигенции. Привлечь уважительное, понимающее внимание общества к народной речи и к ее носителям старались писатели, особенно писатели-«деревенщики»; А. И. Солженицын в специальной работе [Солженицын 1990] страстно призывал расширять возможности русского языка, используя богатства народной речи, в том числе — диалектной; выдающийся слаvist Н. И. Толстой создал учение о речевых культурах и рассматривал народные говоры как самостоятельный тип национальной речевой культуры [Толстой 1991]; диалектологи собрали огромный научный материал о различных сторонах диалектной речи, опубликовали и продолжают накапливать и публиковать ценнейшие

собрания диалектной лексики, создали уникальный «Диалектологический атлас русского языка», пытались популяризировать знания о русской народной речи [см., например: Язык русской деревни 1994].

Однако, хотя в последние десятилетия отношение к диалектной речи стало меняться (в диалектах все чаще видят одно из необходимых коммуникативных средств и ценнейший компонент национальной культуры), без специальной помощи государства и широкого общественного движения за толерантность речевой коммуникации существенно изменить отношение к деревне и ее речевой культуре едва ли удастся. <...>

Проводить ту или иную языковую политику, то есть осуществлять сознательно организуемое воздействие на языковую ситуацию внутри страны, а по возможности и за ее пределами, вынуждено каждое государство. И если внешняя языковая политика России становится все явственнее и определеннее, то о внутренней языковой политике, особенно в части территориального разнообразия русского языка, этого сказать пока нельзя.

Специалистами в области речевой коммуникации не раз отмечались существенные различия между языковой политикой в отношении к территориальным разновидностям речи (территориальным диалектам) в таких государствах, как, например, Великобритания, Германия или Япония, и в современной России. В упомянутых странах с не менее глубокой, чем в России, языковой традицией, принимаются специальные меры по поддержке территориальных диалектов: поощряются СМИ, публикующие часть материалов на местной речи, выделяется телевизионное время для вещания на диалектах, организуется знакомство учащихся с народными говорами их регионов. Результатом такой языковой политики является то, что общество чрезвычайно ценит местные говоры как общественное богатство, как яркое выражение национальной самобытности народа и живую основу национально-языкового развития. Образованные носители литературных языков в этих странах гордятся параллельным владением местной речью и даже в публичных выступлениях не упускают возможности демонстрировать с его помощью свой патриотизм и речевую толерантность. Вот как пишет, например, об отношении к диалектам в современной Японии В. М. Алпатов: *«Сейчас не только не пытаются искоренять диалекты, но их считают национальным достоянием, активно изучают, а записи хороших носителей исчезающих традиционных диалектов хранятся наравне с записями голоса крупных артистов. В школах теперь вводится специальный курс правильной речи на диалекте той местности, где находится школа»* [Алпатов 2008: 33].

Языковая политика, поддерживающая территориальные диалекты национального языка, не только разумно сохраняет это ценное

достояние общенациональной культуры, но и способствует обогащению национальных литературных языков, увеличивающих за счет диалектной подпитки свою коммуникативную гибкость, мобильность, живое обаяние.

<...>

Эффективность культурно-языковой политики зависит от многих факторов, но в первую очередь — от степени научной обоснованности политики, от адекватности ее базовых понятий той социально-исторической и культурной системе, к которой данная политика применяется.

Научная обоснованность культурно-языковой политики толерантности определяется сегодня следующими факторами:

— Получила развитие новая концепция языковой ситуации в России; в ней преодолена жесткость литературноцентрического подхода к соотношению идиом в составе русского языка.

— Анализ языкового сознания носителей диалектов сделал особенно заметной специфичность языковой «картины мира», воплощенной в диалектной речи, и позволил оценить ее важность как компонента национальной культуры.

— Разработаны принципы лингвокультурологического анализа говоров; в русской диалектологии совершился переход от преимущественно структурного анализа диалектной речи к коммуникативному и лингвокультурологическому; выполнен конкретный лингвокультурологический анализ ряда говоров, на базе которого возможна разработка принципов школьного изучения местных говоров на специальных уроках, а также в кружках и факультативных курсах.

— Делается все больше попыток осмысления принципов культуры речи с позиций коммуникативной толерантности.

— Растет общественный интерес к отражению истории в народном сознании, вызвавший поток публикаций «народных документов», дневников, воспоминаний и т. п. — в том числе — сельских жителей.

— В последние годы начали активно разрабатываться электронные диалектологические корпуса, сохраняющие в машиннообрабатываемой форме значительные массивы диалектной речи. Недавно открытый в составе Национального корпуса русского языка (www.ruscorgo.ru) и постоянно пополняющийся диалектный подкорпус (ДК НКРЯ) включает диалектные тексты, записанные на разных территориях России, и при его значительном наполнении будет давать представление о русском языковом ландшафте.

На основе другой научной идеологии строится Саратовский диалектологический корпус (СДК), который создается в Центре изучения народно-речевой культуры Саратовского университета. СДК включает комплекс лингвистических, культурологических, истори-

ко-этнографических сведений о каждом отдельном говоре. В результате каждый включенный в корпус говор представлен не отдельными иллюстративными материалами, а как целостное культурно-коммуникативное образование.

<...>

— Появились регулярные научно-популярные издания (выпускаемые в твердом и электронном вариантах), пропагандирующие богатство народной речи, раскрывающие своеобразие культурной и речевой народной традиции (например, фольклорнодиалектологический альманах «Слово», издаваемый в Амурском гос. университете, журнал «Живая старина» — издание Центра русского фольклора, альманах «Живое слово» — издание Волгоградского гос. педагогического университета).

— В целом ряде вузов созданы и активно работают лаборатории и центры, основной целью которых является сохранение и изучение народно-речевой культуры (например, Центр изучения народно-речевой культуры в Саратовском гос. ун-те, лаборатории региональной лингвистики в Амурском гос. ун-те и Волгоградском гос. пед. ун-те, лаборатория диалектной лексикографии в Томском гос. ун-те и др.).

<...>

Культурно-языковая политика, специально направленная на повышение внимания к русской народной речи, приобретает особую значимость сегодня, в условиях нарастающего «языкового нигилизма». Небрежение народной речевой культурой — то начальное звено в языковом и культурном сознании, которое девальвирует национальную самооценку, снижает престиж родного языка, способствует выдвиганию импортированных языков на роль наиболее престижных идиом.

Культурно-языковая политика толерантности, направленная на сохранение русских народных говоров, поощрение интереса к народно-речевой культуре и повышение ее общественного статуса, несомненно, будет способствовать сохранению идентичности русской культуры, духовному самоутверждению народа, достижению единства в русской культурно-коммуникативной среде, повышению внутренней и внешней оценки русского мира и, в конечном итоге, формированию того яркого, привлекательного образа России, значение которого осознано сегодня как важная государственная задача.

Вопросы и задания

1. Как менялось отношение к русским народным говорам на протяжении XIX–XXI веков?
2. Какой должна быть языковая политика в отношении территориальных диалектов и почему?

ТЕКСТОВЫЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ КОРПУС КАК МОДЕЛЬ ТРАДИЦИОННОЙ СЕЛЬСКОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

1. Введение

В лингвистике уже разработаны принципы построения текстовых корпусов как коммуникативных моделей (Британский национальный корпус, Национальный корпус русского языка и др.). Наряду с такими корпусами, представляющими функционирование национальных языков в различных сферах общения, необходимы также и корпуса, моделирующие коммуникацию в отдельных языковых сообществах, выделяемых в рамках национального языка. Важнейшими языковыми образованиями такого типа являются диалекты.

Создание диалектных текстовых корпусов имеет особую значимость для диалектологии, ограниченной до последнего времени кругом источников. Основным источником диалектологии до недавнего времени оставался материал, собранный по специальным вопросам и представленный в картотеках, словарях, атласах. Специфика материала определяла и особый, периферийный, статус диалектологии в составе русистики, значительно сужала круг решаемых диалектологией задач, ограничивая диалектологическую проблематику в основном сферой системно-структурного своеобразия русских народных говоров. Первичный же диалектный материал, имеющийся в различных диалектологических центрах, во-первых, все еще мало доступен широкому кругу исследователей, а во-вторых, в том виде, в котором он обычно существует (без специального аннотирования), не может быть использован с максимальной пользой.

Корпуса диалектной речи, отражающие коммуникацию на диалекте в том или ином конкретном населенном пункте и сохраняющие в машиннообработываемой форме значительные массивы связанной речи, являются основным источником изучения коммуникативной специфики диалектов. Использование материалов таких корпусов дает возможность не ограничиваться отдельными примерами, а переходить к выявлению общих принципов, тенденций,

¹ Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е. Текстовый диалектологический корпус как модель традиционной сельской коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.). Вып. 7 (14). М.: Изд-во РГГУ, 2008. <http://sarteorlingv.narod.ru/dialekt/SDK.html>

действующих в диалектной коммуникации, позволяет составить целостное представление о специфике традиционного сельского общения, построить симметричное литературному языку описание диалектной речи.

2. Характеристика имеющихся диалектных корпусов

Мысль о необходимости создания машинного фонда диалектных текстов была высказана еще в 1980-х г. А. С. Гердом и аргументирована В. Е. Гольдиным¹. Однако до сих пор в отечественной и зарубежной лингвистике отсутствуют крупные корпуса диалектной речи, моделирующие коммуникацию на диалекте.

В настоящее время существует ряд корпусов, репрезентирующих отдельные элементы диалектной речи: зарубежные корпуса диалектных текстов (например, Helsinki corpus of English dialects, Kirk's Northern Ireland Transcribed Corpus of Speech (NITCS), IViE (Intonational Variation in English) corpus, BBC Voices); диалектный подкорпус в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ); лексико-грамматическая база данных (ЛГБД) по говору с. Пустоша Шатурского р-на Московской обл., включающая тексты — образцы речи носителей говора².

Основная задача диалектного подкорпуса НКРЯ заключается в представлении диалекта как специфической территориальной разновидности общенародного языка. Диалектный подкорпус НКРЯ включает текстовые фрагменты различных говоров (напр., говоры Архангельской области, Волгоградской, Рязанской, Вологодской областей), выделенные на тематической основе (быт, гадание, обычаи, жизнь и др.). Методической основой корпуса является последовательное сравнение диалекта с литературным языком (прежде всего в области морфологии и лексики): «в диалектном подкорпусе специально отмечаются отличия от литературного языка»³. Для этой цели при разметке корпуса используется ряд дифференциальных помет, фиксирующих параметры, по которым диалектная текстоформа отличается от соответствующей ей литературной формы (пометы *dialmorph*, *diallex* с их последующей конкретизацией);

¹ Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. М., 1986. С. 72; Гольдин В. Е. К проекту текстового диалектологического подфонда машинного фонда русского языка // Доклады Третьей Всероссийской конференции по созданию машинного фонда русского языка. М., 1990.

² Тер-Аванесова А. В., Крылов С. А. Лексико-грамматические базы данных как инструмент диалектологического описания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог 2006». М.: Изд-во РГГУ, 2006.

³ Летуший А. Б. Корпус диалектных текстов: задачи и проблемы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 215.

подробнее о диалектном подкорпусе НКРЯ в сопоставлении с Саратовским диалектологическим корпусом см. в работе О. Ю. Крюковой¹.

ЛГБД по говору с. Пустоша отличается ориентацией на один конкретный говор и имеет целью «исчерпывающее описание говора в рамках определенного корпуса текстов»². Аннотированный диалектный корпус говора с. Пустоша дает сведения о фонетической, морфологической и лексической специфике текстовых словоформ говора. В корпусе, как и в НКРЯ, использована сравнительная методика описания диалекта, при которой диалектная специфика рассматривается в качестве «отклонений» от литературного аналога.

Таким образом, имеющиеся диалектологические корпуса объединяет дифференциальный подход к диалекту, направленный на выделение элементов, отличающих диалект от литературного языка. Диалектологические корпуса, построенные на дифференциальной основе, демонстрируют территориальное варьирование национального языка, но дают ограниченное представление о традиционном сельском (диалектном) общении как о целостном культурно-коммуникативном феномене.

3. Саратовский диалектологический корпус (СДК)

3.1. Принципы организации корпуса

В Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского создается мультимедийный диалектологический текстовый корпус, целью которого является презентация диалекта как целостного культурно-коммуникативного образования, построение модели традиционного сельского общения на диалекте. СДК базируется на представлении о диалекте как о самодостаточной коммуникативной системе, полно обеспечивающей коммуникативные потребности в условиях традиционного сельского общения. При создании корпуса реализуется недифференциальный подход к диалекту, при котором рассмотрение диалектной речи в ее отношении к литературному языку не является основной задачей.

Каждый отдельный говор в СДК образует самостоятельный подкорпус. В настоящее время корпус включает 3 самостоятельных подкорпуса: подкорпус говора с. Белогорное Вольского района Саратовской области, подкорпус говора с. Земляные Хутора Аткарско-

¹ Крюкова О. Ю. Электронный корпус русской диалектной речи и принципы его разметки // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. Т. 7. Вып. 1.

² Тер-Аванесова А. В., Крылов С. А. Лексико-грамматические базы...

го района Саратовской области и подкорпус куста сел Мегра Вытегорского района Вологодской области (состав подкорпусов может увеличиваться).

Задача создания модели традиционной сельской коммуникации требует разработки специальной программы, обеспечивающей репрезентативность включаемого в корпус материала. Общим принципом формирования текстовой базы корпуса является принцип полного и адекватного отражения в корпусе специфики диалектного общения. Реализация данного принципа предполагает наполнение каждого подкорпуса разнообразным значительным по объему текстовым материалом, репрезентирующим:

- важнейшие типы диалектной речи (речь бытовую, фольклорную, речь в условиях официального, обрядового общения);
- различные формы речи (диалог, полилог, монолог);
- разнообразную тематику сельского общения;
- социальную дифференциацию носителей говора (по полу, возрасту, профессии, уровню образования).

Для построения коммуникативной модели речевого общения в конкретных условиях жизни конкретного речевого коллектива необходим учет социокультурных условий бытования говора. Решение этой задачи осуществляется путем включения в состав каждого подкорпуса многообразной нелингвистической информации: фотографий, видеоиллюстраций, схем, карт, сведений исторического, социокультурного характера, демографических, этнографических, географических данных. Часть данной информации соотнесена в корпусе с текстовыми модулями, другая часть образует отдельный информационный блок <...>

Мультимедийная организация электронной базы корпуса позволяет получать на выходе как отдельные кванты содержащейся в корпусе информации, так и информацию комплексного характера, переходить от одного информационного блока к другому.

3.2. Представление в корпусе диалектной речи

В отношении текстовой (основной) части диалектологического корпуса необходимо решение следующих принципиальных вопросов:

- 1) способ хранения диалектной речи в базе корпуса;
- 2) способ членения потока речи;
- 3) способ символьной записи (расшифровки) устной диалектной речи.

Решения, принятые в СДК:

1. Основная единица базы СДК — «запись» / «текст» — хранится в трех видах: в виде звукового модуля, в виде текстового модуля с символьной расшифровкой аудиозаписи и в виде текстового модуля с размеченным текстом. От текстовых модулей возможен переход

к звуковым модулям и наоборот; программное обеспечение корпуса дает также возможность одновременного воспроизведения аудиозаписи, символьной расшифровки диалектного текста и размеченного текста. В последнее время архив СДК пополняется видеозаписями диалектной коммуникации, значимость которых велика ввиду наиболее полной фиксации коммуникативной ситуации и соотношения между вербальным и невербальным компонентами общения. При наличии видеозаписи звуковой модуль может быть заменен видеомодулем, также программно связанным с текстовыми модулями.

2. Проблема членения речевого потока решена в корпусе в соответствии с принципом максимального приближения модели прототипическому объекту — естественной коммуникации на диалекте. Границы «записи» /«текста» определяются с помощью формального критерия непрерывности общения, так что речевые фрагменты аудио / видеофайла и текстовых файлов полностью совпадают и соответствуют зафиксированному звукозаписывающей и видеоаппаратурой непрерывному фрагменту общения. В результате применения данного критерия границы звуковых и текстовых модулей не зависят от таких параметров, как смена темы, жанра, формы речи, изменение коммуникативной ситуации и числа участников коммуникации.

3. Расшифровки звучащей диалектной речи приводятся в близкой к орфографической символьной записи, с отражением лексических и грамматических особенностей диалектной речи. Регулярные фонетические явления (например, характер безударного вокализма, диалектные различия в области консонантизма, такие как диалектное произношение /г/ или /л/) в символьных расшифровках не отображаются. Отражение получают лишь лексикализованные фонетические особенности (типа топерь, кстить, Рожество, Паска).

Пример символьной расшифровки диалектного текста в СДК:

вот это у нас образа / оне называются старообрядческие / поморские / вот наша вера какая / мы не монашки / мы не какие поповцы / и не это... вот оне эти вот / монашки-ти / оне... как сказать... оне... тоже беспоповцы / но... у них брак / и считается за грех / оне называются безбрачные // оне вот доживают / до шестьдесят лет / женищина / если с мужчиной живёт / это было раньше / и у них закон такой / доживают до шестьдесят лет / она сносит кануны / и говорит / вот / Ваня там или Вася / всё / я больше прекращаю с тобой жизнь жить.

Отсутствие фонетической транскрипции в символьных записях восполняется включением в СДК звуковых модулей. Параллелизм текстовых модулей и аудио-/ видеомодулей обеспечивает максимальную достоверность фонетической информации, возможность ее наиболее объективного использования в диалектологических исследованиях.

Символьная расшифровка звучащей речи требует также решения целого ряда частных проблем, таких как возможность и характер

использования знаков препинания, обозначение неразобранных фрагментов речи и недоговоренных слов, дифференциация речевых отрезков, принадлежащих диалектологу и диалектоносителю, а также разным диалектоносителям, способ подачи необходимых для понимания текста комментариев. Принятые в связи с данными вопросами решения зафиксированы в специальной инструкции по расшифровке и разметке диалектных текстов СДК <...>.

3.3. Многоуровневая разметка текстов и типы программно обрабатываемой текстовой и метатекстовой информации

Аннотирование текстовой базы корпуса проводится путем многоуровневой лингвистической параметризации диалектных текстов и их метаописания, представляемого в отдельных файлах.

Виды осуществляемой в СДК разметки символьных расшифровок диалектных текстов: 1) пословная лексико-морфологическая разметка; 2) жанровая разметка; 3) тематическая разметка.

Характер разметки определяется реализованным в СДК недифференциальным подходом к диалекту и регулируется следующими положениями:

- все бытующие в говоре языковые формы (совпадающие и не совпадающие с литературными) являются элементами диалектной языковой системы данного говора;
- устное диалектное повествование носит принципиально политематический характер и отличается нечеткими тематико-жанровыми границами.

Названные положения обуславливают особенности проводимой в СДК лексико-морфологической, жанровой и тематической разметки.

Пословная лексико-морфологическая разметка в СДК, полно описывающая все морфологические (классификационные и словоизменительные) признаки текстовой формы и семантику лексических диалектизмов, во многом опирается на принципы, выработанные при разметке текстов в НКРЯ. Разметка проводится с помощью автоматического анализатора с последующим ручным редактированием. Вместе с тем недифференциальный характер СДК обусловил ряд отличий при лексико-морфологической разметке текстов: отказ от дифференциальных помет, применяемых в НКРЯ; характер подачи начальной формы; введение зоны литературных соответствий.

Отказ от дифференциальных помет при пословной лексико-морфологической разметке в СДК не исключает, однако, возможности поиска текстоформ, отличающихся по какому-либо признаку от литературных словоформ. Возможность такого поиска обеспечивается специальной маркировкой не соответствующих литературной норме единиц знаком «*», помещаемым в дополнительной зоне разметки.

Начальная форма восстанавливается в СДК на основе конкретной текстоформы, например для текстоформы *ходилась* приводится начальная форма *ходитья*, для *посклизнулся* — *посклизнуться*, для *куды* — *куды* и т. д.

<...> Для облегчения поисковых запросов в лексико-морфологическую разметку вводится зона литературных соответствий, идущая в разметке вслед за начальной формой. Литературное соответствие при грамматических, лексических и словообразовательных диалектизмах выполняет также функцию семантической перекодировки. Информативным является и отсутствие литературного соответствия, причиной которого могут быть неясность значения нелитературного слова либо языковая лакуна. В первом случае в зоне литературного соответствия ставится знак вопроса, во втором — тире (прочерк). <...>

Ввиду нечеткой выделимости в диалектной коммуникации целостных в жанровом и тематическом отношении отрезков речи и многочисленных жанрово-тематических переходов и наложений жанровая и тематическая кодировки диалектного текста проводятся на основе предельно обобщенной (не конкретизированной) рубрикации. Элементами жанровой параметризации являются, например, «рассказ-повествование», «рассуждение», «описание», «сказка», «песня», «пословицы, поговорки», а элементами тематической рубрикации — такие темы, как «семья», «обряды, обычаи, приметы», «здоровье и лечение», «религия», «природа», «происшествия».

С каждым текстом связаны 3 модуля метатекстового характера:

1) модуль с метаразметкой текста, элементами которой являются сведения об информантах, о времени и месте записи текста, о конкретной ситуации общения, об адресатах речи, об упоминаемых в тексте лицах, о времени описываемых в тексте событий (до революции; революция и Гражданская война; коллективизация; Великая Отечественная война; послевоенный советский период; постсоветский период), перечень представленных в тексте тем и перечень жанров;

2) модуль, содержащий биографию информанта, восстанавливаемую по текстовым данным;

3) иллюстративный модуль (фотографии информанта, фотоиллюстрации к данному тексту).

Таким образом, обработка каждого текстового модуля для включения его в СДК завершается формированием папки со следующим набором разноформатных модулей: аудио- / видеомодуль, 4 текстовых модуля (символьная расшифровка аудиозаписи, размеченный диалектный текст, метаописание текста, биография информанта), 1 иллюстративный модуль.

Все элементы пословной лексико-морфологической разметки, жанровой и тематической кодировки диалектных текстов, а также метатекстовая информация являются параметрами поисковых запросов и образуют программно связанное целое.

4. Заключение

Образуя содержательно и программно связанное мультимедийное средство, СДК дает возможность получать комплексную информацию о говоре и условиях его бытования. Электронный диалектологический корпус, моделирующий традиционную сельскую коммуникацию на диалекте, является принципиально новым источником изучения диалектной речи, соответствующим современным требованиям науки о русских народных говорах. Создание СДК и других текстовых диалектологических корпусов будет способствовать приобщению диалектологии к современной научной лингвистической парадигме и построению такой русистики, в которой изучение основных языковых страт (литературной и диалектной речи) находилось бы в необходимой и корректной корреляции.

А. И. Лебедева

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ПСКОВСКОЙ МИКРОТОПОНИМИКОЙ¹

Разработка вопросов топонимии приобретает все более широкий размах во многих западноевропейских странах. Особенно большое внимание топонимии уделяется в Польше, Чехословакии, ГДР. За последние годы интерес к топонимии пробудился и в нашей стране. Ярким свидетельством этого являются I и II Республиканские топонимические конференции Украины, проходившие в декабре 1959 г. и октябре 1962 г. в Киеве, а также совещание по вопросам топонимии в Москве в мае 1962 г. В этом совещании, как и в конференции в Киеве, приняли участие ученые трех специальностей: языковеды, историки и географы.

Огромное значение для лингвистов имеет изучение микротопонимии, т. е. названий мелких географических объектов (небольших возвышенностей, полей, лугов, лесов, болот и т. п.). Эти топонимические термины находятся на грани собственных и нарицательных имен. Большая часть их возникла как имя нарицательное, затем, в силу частого повторения в употреблении, закрепились как наименование объекта, т. е. превратилась в имя собственное, стала топонимом. Имя нарицательное может выйти из употребления, а собственное

¹ Лебедева А. И. Из наблюдений над псковской микротопонимикой // Из истории слов и словарей. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. С. 90–96.

продолжает существовать еще длительное время. Поэтому микропонимия является важнейшим источником для изучения лексики говоров и словообразования в диалектах¹.

В данной статье рассматриваются несколько топонимов, записанных автором, а также собранных участниками диалектологических экспедиций в Псковскую область. Для сопоставления использована картотека «Псковского областного словаря» (сокращенно ПОС), а также показания различных словарей. <...>

<...> В названиях водных источников встречаем слова *гремяк* и *гремятец*: «г *гр'ем'аку'хад'ил'и* / там ступ'ен'к'и зд'еланы / еть кл'уч в л'есу» (Опоч. р-н, д. Деревеньки, 1961); «пáчкьфь из *гр'ьм'áцца* / с тр'ох м'астóф пáчкьфкь събира́йць» (Печ. р-н, д. Давыдов конец, 1960). Состав этих слов такой: *грем* + *-як* (ср. *кругляк*, *косяк* и др.); форму *гремятец* следует рассматривать как уменьшительную от *гремяк* (*гремятец* = *грем* + *-як* + *-ец* → *гремячец* → *гремятец*).

В псковских говорах мы находим слово *грём* с такими значениями: 1) 'кочка, холм, возвышенность': «тут рúч'еј и тут руч'еј / а зд'ес' ф с'ер'ед'ин'е гр'óмышек / гр'ом такуј /»; 2) 'канава': «*гр'ем* — зам'эжык такуј / кана́ва / анну́ и ту́жа».

В просмотренных нами словарях слово *грем* (*грём*) не встречается. Только у Куликовского: *грём* вместо *гром*; также 'грохот, шум' (Кулик., 17). Но это значение слова *грём* (гром) никакого отношения не имеет к нашему слову. Подвысоцкий приводит сочетание: *Гремучий ручей* — источник, образовавшийся, по народному поверью, от громового удара. Повсем. (Подвыс., 35). У Даля со ссылкой на Грота находим такое указание: *Грёмяч* — народное название ключа. Возможно предположить, что в псковских говорах существовало два значения слова *грём*: 1) 'ключ, ручей'; 2) 'возвышенность'. Значение 'канава' — позднее, оно могло возникнуть из обозначения пересохшего, заросшего травой ручья. Суффиксальных образований в псковских говорах не встретилось.

Интересно слово, встретившееся в названии леса — *Грóмышш* (Опоч. р-н, д. Максимиха, 1948). В этом слове мы можем выделить корень *гром* + суфф. *-ышш* (ср. камыш). Слово *гром* в псковских говорах употребляется с тем же значением, что и в литературном языке, но от этого слова нельзя образовать существительное с суффиксом *-ышш*. В псковских говорах есть слово *громья* с собирательным значением 'кочки на лугу, на болоте'. И слово *громышш* в названии леса можно было бы истолковать как 'лес, выросший на болотистом, покрытом кочками месте'. Однако можно допустить и другое тол-

¹ О значении топонимии для исторической диалектологии и областного словаря см. статьи: А. И. Лебедева. Значение топонимии для исторической диалектологии // Уч. зап. ЛГУ. 1960. № 267. Серия филолог. наук. Вып. 52; *ее же*. Значение топонимии для областного словаря. Слово в народных говорах русского Севера. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. С. 26–40.

кование этого слова, сравнив его с древнерусским *грѣмь* = *громь* (В.) ‘куст’: «звѣзды рече спадут акы листове съ виничного *грѣма*» Ио. екз. Шест.; *грѣмие* = *громие* (В.) — кустарник — низкое дръво акы громие. Ио. екз. Шест. (Срезн., I, 601). Следовательно, *громьш* ‘низкий лес, кустарник’.

В словаре И. И. Срезневского *громь* и *грѣмь* рассматриваются как однокоренные образования. Вероятно, и для псковских говоров возможно такое сравнение, тем более что отмечены и совпадающие значения: *грѣм* ‘возвышенное место, чаще в лесу’ и *гром* (*громья*) ‘кочки на лугу, болоте’ (чередование *о* // *е* обычно в русском языке). <...>

<...> В качестве названия берега встретилось слово *угородище*: «угръдъ ишише / йтъ б’ѣрик п’ешшаныѣ / софс’ѣм бл’ижи к Кобыл’юу гъродъ ишшу / с полк’илум’итра от Кобыл’ја» (Гдовск. р-н, д. Самолва, 1960).

Состав этого топонима ясен: *огород* + суфф. *-ище* (ср. *городище*, *селище*, *печище* и др.). *Огородище* — ‘место, где был огород’. Слово *огород* широко распространено в псковских и других русских говорах. Можно предположить и другое значение слова *угородище*: *угородище* ‘место вокруг городища’ (ср. *огуменник* ‘площадь, окружающая гумно, огороженное место вокруг гумна’, Кулик., 69). Срезневский приводит слово *огородище* без указания значения: «*огородище*: межа ниже Луского ручья по старому огородищу въ Паритово озеро» (Новг. Купч. XIV–XV в. Срезн., II, 606). <...>

<...> В названии наволока встретилось слово *плешан*. *Плешан*, наволок: «бзал’ица / ѣта тѣже бстраф / там наволо́к такѡѣ / называѣцца *пл’ешан*» (Гдовск. р-н, д. Самолва, 1960) (*наволо́к* чаще всего употребляется со значением ‘мыс’ или, реже, ‘груда камней на дне моря, озера’).

Состав этого слова совершенно ясен: существительное *плешь* + суфф. *-ан*. С этим суффиксом образуются имена существительные, обозначающие лиц по какому-либо характерному признаку (ср. *брюхан*, *горлан* и др.).

Вероятно, по внешнему признаку (‘гладкая ровная поверхность или поверхность, лишенная растительности’) и назван этот наволо́к. Однако в псковских говорах и в просмотренных нами словарях такого образования с корнем *плеш-* мы не встретили. В картотеке ПОС отмечены слова: *плешь*, *плешина*, *плешатый* в значении ‘плешивый’. В других словарях: *плешатой*, *плешатый* (Опыт, 160; Подвыс., 123), *плешатый* (Доп., 183), *плехавина*: 1) ‘голое место на земле’, 2) ‘островок, не заливаемый водой’ (Васнецов, 212), *плешивина* (Доп., 183). В словарях Добровольского и Носовича приводится только слово *плешь* в общеупотребительном значении. У Смирнова и Богораза нет вообще слов с корнем *плеш-*. В словаре Преображенского отмечены слова: *плешь*, *плешина*, *плешивый*, *плешиветь*, *плешивость*, *плешак*, *плешивец*; *плехан*, *плеханка*

(Преобр., 81). Ближе всех к нашему слову стоит *плекáн*, образование с тем же суффиксом, но с другой согласной: *плек-* (имеем чередование *x // и*). Такое же образование отмечено и в словаре Куликовского: *плекáн*, *пlesháтый* в значении ‘плешивый’ (Кулик., 83). Преображенский указывает, что образования с корнем *пlesh-* широко распространены во всех славянских языках: бел. *пльшь*, *пльшокъ*; др.-русск. *пльшь*, *пльшивъ*, *опльшивъти*; ст.-слав. *пльшь*, *пльшивъ*; словен. *plěš*, *plěšast*, *plěsec*; *plěhi* ‘прыщи’; болг. *пльшивъ* ‘плешивый, безлесный’; сербо-хорв. *пleshив* ‘плешивый’; *пleshивац*, *пleshина*; *пleshивица* (название многих гор в Далмации и Хорватии); чеш. *pleš*; *plešuvу*, *plešaty*, *plchý*, *plchavý*, *plechatý*; *plešina*, *plešivina*, *plešivec* и др.; польск. *plesz*, *pleszowaty* ‘плешивый’; в-луж. *plech* (Преобр., 81).

Однако ни в одном из славянских языков нет образования, подобного нашему.

Мы рассмотрели лишь некоторые местные названия. Количество подобных примеров можно было бы значительно увеличить. Но и этих примеров вполне достаточно для того, чтобы показать, какой богатый лексический материал можно извлечь из топонимики, насколько расширяет она наше представление о словообразовательных возможностях русских народных говоров. Тщательное изучение географических названий, особенно мелких географических объектов, т. е. микропонимики, дает возможность восстановить целый ряд забытых слов и утраченных словообразовательных моделей.

И. С. Лутовинова

СОВРЕМЕННАЯ ПСКОВСКАЯ ЛЕКСИКА. ДИАЛЕКТ? РЕГИОЛЕКТ?¹

В ряде лингвистических работ 90-х гг. XX в. заявляется о тенденции формирования в рамках «новых диалектов» «региолетов»², которые приходят на смену традиционному территориальному диалекту. «Региолект, — пишет А. С. Герд, — это особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты

¹ Лутовинова И. С. Современная псковская лексика. Диалект? Региолект? // Псковские говоры в свете актуальных проблем диалектологии. Псков, 2007. С. 147–150.

² Трубинский В. И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. Псков, 1991. С. 156–162.

диалекта, но развились свои новые особенности»¹. По его мнению, региолект — это форма языка, с одной стороны, не достигшая статуса стандартного литературного языка, а с другой — в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием. Таким образом, на смену «старым крестьянским диалектам приходят новые формы разговорной речи. Диалекты не умирают, а трансформируются в региолекты»².

Возникают вопросы: что же это за новые формы разговорной речи? Что за явление трансформации диалектов в региолекты? И что же стоит за термином *региолект*?

Согласно классическому определению территориального диалекта, он является разновидностью языка (в частности русского), на нем общаются местные жители, он характеризуется единством языковой системы по определенному комплексу признаков (фонетических, грамматических, лексических).

В 60–70-е гг. XX в. появляются научные работы, в которых провозглашается переход традиционных территориальных диалектов в полудиалекты — языковые структуры, представляющие «собой сплав сосуществующих языковых элементов диалекта и литературного языка»³.

Следует указать, что такой «сплав» можно отметить и в текстах, записанных, например, А. А. Шахматовым в начале XX в.

И такое же состояние — сплав литературного языка, просторечия и диалекта — можно отметить, например, на территории современной Псковской области, разговорная речь которой (в основном лексика) является предметом исследования ученых С.-Петербургского университета (Межкафедральный словарный кабинет имени проф. Б. А. Ларина) и Псковского государственного педагогического университета (кафедра русского языка), которые составляют Псковский областной словарь.

Б. А. Ларин в 1963 г. так определил тип словаря: «региональный словарь на широком историческом фоне». Как известно, Псковский областной словарь — словарь определенного региона, полный по своему составу, т. е. включающий всю лексику, которая записана на данной территории: это и слова литературного языка, и просторечия, и диалектная лексика. Следует напомнить, что имеется в виду область, а не города, входящие в регион (Псковская область). Возможно, что термин *региолект* и подойдет для обозначения словарного состава областной лексики. Хотя А. С. Герд в понятие «*региолект*»

¹ Герд А. С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. I. М., 2000. С. 45–53.

² Трубинский В. И. Яркоразличительные черты русских региолектов // Псковские говоры: синхрония и диахрония. Псков, 2003. С. 306–313.

³ Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология. М., 1979.

включает речь жителей городов, поселков городского типа, с одной стороны, а с другой — речь всех жителей, например «России к северо-западу от Москвы», т. е. нескольких областей, им предлагается еще более широкое понимание региолекта. И, наконец, еще более удивительной представляется мысль о том, что региолектом пользуется местная по происхождению интеллигенция. Остается все же неясным, каково же толкование региолекта согласно теории А. С. Герда. Еще более трудно согласиться с определением региолекта как новой языковой системы. И совсем не понятно, о какой трансформации идет речь. Причем трансформация (преобразование) языковой системы должна происходить на всех языковых уровнях. Оставим в стороне фонетический и грамматический уровни и остановимся на анализе лексического уровня. Предлагаемый материал представляет записи разговорной речи на территории Псковской области за последние три года (2002–2005 гг.). Нет сомнения в том, что слова литературного языка, просторечные слова представлены достаточно объемно. А как обстоит дело с диалектной лексикой? Диалектное слово — «слово, имеющее локальное распространение и в то же время не входящее в словарный состав русского языка (в любую его разновидность)». И в тематических беседах, и в репликах у диалектоносителей зафиксировано достаточно большое количество диалектизмов всех типов. На каждой странице рабочей тетради отмечено по 15–20 диалектизмов. Какие же типы диалектизмов представлены? 1. Собственно лексические диалектизмы — это местные слова, корни которых отсутствуют в литературном языке, или диалектные производные от корней, представленных в литературном языке. Например, *соборня* ‘скопление людей’: *Тут са́мая сабарня́, там в Шу́рихи спако́йна; обрядиться* ‘совершить уход за скотом’: *За афца́м па́том, снача́ла на́да тут абрядица́, фсех обрядить, весь скот; развэ́дрить* ‘о погоде. Стать ясной, солнечной’: *Развэ́дрила, пайду памидуры аткрю́ю*. 2. Лексико-словообразовательные диалектизмы — это местные слова с теми же корнями, имеющие то же лексическое значение, что и в литературном языке, но с другими аффиксами. Например, *ловко́нный* ‘очень ловкий’: *Он ы гото́вит, и фсе́ лафко́нный; подзае́ться* ‘заязвиться’: [в разговоре о Пугачевой:] *Ано́ мне нра́вилася, а сейча́с па́дзае́лася; большу́льный* ‘очень большой’: *Го́ра-то большу́льная*. 3. Семантические диалектизмы — это слова, тождественные по звуковой форме соответствующим словам литературного языка, но отличающиеся от них значениями. Например, *бить* ‘убивать, охотиться’: *Для себя тиху́нько бьют на охуте; уби́ть* ‘ударить’: *Спи́ну-та я уби́л то́жы кре́пка*. 4. Фонематические диалектизмы — это слова, совпадающие по значению с соответствующими словами литературного языка, но отличающиеся от них фонемами. Например, *слых* ‘слух’: *И па́том слых́ был, што он умё́ришы; плак* ‘плач’: *Ну, те́тка Зин, то́ка бис пла́ка, неко́му ма́й слёзы на́да; терра́шка* ‘терраска’ и др.

Большинство из просмотренных диалектизмов имеет изоглоссу не только на территории Псковского региона, но и в других русских народных говорах.

Следует отметить, что и грамматических (диалектных) черт тоже достаточно много в текстах. Например: Он и нако́ся, и награ́бля, а я тиска; Пап, пачиму плёнка убрата; Што́-та были работать при́гна-ты; Азяра́, го́ры, лес; Там тиня́ не́ту.

Очень распространены формы *смо́гии*, *вы́шедши*, *у́ехамши*. Например: Можя, там ужé лежат здóхшы пёрцы; Периката́фшы весь ф снигу́; Туалёт-та у ниё ф старану́, то́жя раздыр́явифша.

Распространены и сочетания словоформы *бы́ло* (среднего рода прошедшего времени) со страдательным причастием (*бы́ло* *взят*), и сочетания словоформы прошедшего времени от глагола *быть* со словоформой прошедшего времени от соответствующего глагола (Он *был* к нам за́ехал).

Многочисленны образования с суффиксом *-ин(а)*: *обувина*, *кожурина*, *вишеннина*, *тынина*, *свяклиннина*, *таблетиннина* и много подобных примеров.

Лексические факты не позволяют судить о какой-либо трансформации в диалектной системе, а также о приобретении новых форм.

Диалект же будет существовать до тех пор, пока будут носители и их преемники.

К сожалению, деревня исчезает в силу экономической, политической и демографической ситуации: *Дерёвня нарушы́лись, кое-где оста́лся ад́ин стар́ик да два; У нас хоть ма́ленькие дярёвни снача́ла бы́ли, а пато́м фсе́ призагло́хло*. Но если деревня есть, то есть и диалект.

Материал, который просмотрен за последние три года, записывался от людей разных возрастов — от 50 до 80 лет, а также от сорокалетних и тридцатилетних. И любая возрастная категория хорошо владеет и литературным языком, и просторечием, и диалектом. Последнее позволяет считать, что речь этих людей можно назвать *региолект*ом (в плане совокупности всех пластов лексики).

Трансформированных же форм на лексическом уровне обнаружить не удалось. А диалект по-прежнему занимает свое место в речи крестьян. Фонетические особенности (наличие аканья и оканья в отдельных районах псковских говоров), грамматические факты (как на синтаксическом, так и на морфологическом уровне) подтверждают традиционные характерные для среднерусских говоров особенности.

ИСТОРИЯ КРАЯ В НАРОДНОМ СЛОВЕ (РУССКИЕ ГОВОРЫ КАРЕЛИИ)¹

Говор как источник изучения истории края

Русские говоры Карелии, их современное состояние, внутритерриториальные отличия на разных уровнях, историческая интерпретация диалектных явлений на этой относительно ограниченной территории давно привлекают внимание исследователей. В частности, П. Н. Рыбников, характеризуя олонецкое наречие во 2-й половине XIX в., сделал вывод о том, что «влияние корелов и чуды, побежденных предками русских олончан, новгородцами... и с каждым годом более и более сливающихся с русским населением, обнаружилось не в произношении звуков или наплыве финских слов, а в ударении»². Говоры Заонежья неоднородны по типу вокализма, в них выделяются екающий и якающий диалекты³. По-разному пытаются объяснить происхождение явления, называемого *ляпаньем*, *лясаньем*, *заонежским яканьем*, — переходе гласного [e] в [я] после мягких согласных при перетяжке ударения на предшествующий слог (*в лесу́* → *в лясу*, *веду́* → *вяду*) — влиянием карельского языка, происхождением говора Заонежья из псковских акающих говоров⁴, внутрисистемными отношениями⁵. Видимо, следует учитывать и тот факт, что подобное явление наблюдалось и в древнейшую эпоху, в частности, при заимствовании общеславянских слов типа **verteno* в прибалтийско-финские языки — фин. *värttinä*, карел. лив. *värtin*, вепс. *värtic* ‘веретено’. Большинство исследователей считают, что «на рубеже VIII–IX вв. прибалтийские финны вступили в контакт с восточными славянами. Правда, некоторые ученые полагают, что эти контакты начались значительно раньше. Так, карелы называют Россию словом *Venäjä*, которое первоначально означало название одного из славянских племен —

¹ Михайлова Л. П. История края в народном слове (Русские говоры Карелии). Петрозаводск, 2004.

² Рыбников П. Н. Об особенностях Олонецкого наречия // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. III. Петрозаводск, 1991. С. 271.

³ Ардептов Б. П. К изучению заонежского диалекта // Уч. зап. Кишиневского ун-та. Т. X. Кишинев, 1955. С. 86–89.

⁴ Гринкова Н. П. К изучению олонецких диалектов // А. А. Шахматов. 1864–1920. Сб. ст. и материалов. М.–Л., 1947.

⁵ Колесов В. В. Фонетические условия заонежского «яканья» // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.

венедов, живших на Висле еще до VIII в.»¹. Решение вопросов истории формирования русских говоров Карелии, их лексического состава требует внимания к комплексу явлений, отражающихся в словарных связях с другими русскими говорами (в этом отношении исключительно важны сведения, представленные в этимологическом диалектном словаре А. С. Герда²), в совпадении отдельных слов каких-либо тематических групп или целых лексико-словообразовательных объединений в славянских и прибалтийско-финских языках и др. В промысловой лексике рыбаков Беломорья основным источником признается древняя терминология, занесенная новгородцами, но важную роль сыграли и заимствования из финноугорских языков.

Вопросы формирования говоров Заонежья, Беломорья, истории диалектных границ вокруг Онежского озера освещаются в ряде работ А. С. Герда³. Опираясь на многочисленные исследования, А. С. Герд выделяет историческую диалектную зону Верхней Руси — зону псковско-новгородско-тверского единства, которая «должна быть приурочена к эпохе IX–XIII вв. — периоду особого сближения в этих районах различных волн восточных славян, предков будущих севернорусов, ко времени до начала феодальных обособлений Пскова, Смоленска, Твери, Полоцка»⁴. Он считает диалектную зону Верхней Руси, включающую территории вокруг Чудского оз., оз. Ильмень и Селигер, прародиной всех севернорусских диалектов; отсюда по рекам Шелони, Волхову, Свири и другим «началось в XI–XII вв. освоение и всей Верхней Волги, и Приладожья, и Обонежья, и Заволочья, и Беломорья»⁵.

В данном разделе мы представим некоторые материалы, свидетельствующие о говоре как источнике изучения истории края.

Современная система говора (Водлозерье)

По классификации русских говоров 1915 г. территория Водлозерья относится к олонецкой группе говоров северного наречия. В совре-

¹ Керн Г. М. Карельский язык // Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 72.

² Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры. Вып. 6. СПб., 1995; Вып. 7. СПб., 1999.

³ Герд А. С. К истории образования говоров Заонежья // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л., 1979; К истории образования говоров Беломорья // Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии. Вологда, 1987; *Он же*. К истории диалектных границ вокруг Онежского озера // История русского слова: Проблемы номинации и семантики. Вологда, 1991.

⁴ Герд А. С. К реконструкции древнерусских диалектных зон: Верхняя Русь (к понятию «Русский Север») // Псковские говоры и их носители (лингвотопографический аспект). Псков, 1995. С. 13.

⁵ Там же. С. 14.

менное северное наречие она не вошла в связи с позицией составителей карты 1965 г., ориентировавшихся на лингвогеографические данные. Новое деление охватывает территорию, ограниченную линией Петрозаводск — Каргополь. Известно, что севернорусское наречие отразило языковые процессы, протекавшие в разных говорах русского языка, как это убедительно показано авторами монографии «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров по материалам лингвистической географии»¹. <...> Выяснение характера языковых явлений на такой замкнутой территории, как Водлозерье, может способствовать решению вопроса о путях проникновения русского населения и межэтнических процессах, проходивших в данной зоне. <...>

Проанализируем материал диалектологических экспедиций студентов Карельского педагогического университета в д. Куганаволок в 1983 и 1990 гг., а также некоторые данные 1993 г., собранные фольклористами и этнографами ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Среди фонетических особенностей водлозерского говора выделяются аффрикаты нечистого звучания: литературному звуку *ц* соответствует *ц* с призвук *ч* — *ц'*, а литературному *ч* — средний между *ч* и *ц*, а также *ч''*; при этом наблюдаются и чистые звуки — *ц* и *ч*.

Кра́я застру́ат, э́тот конéцц-от. Ц'áповица — где к говённому-то в́язу идё́т, чтобы́ по́лоз-то не отоше́л. Пили́ли са́мы луч'кóм. Дóц'ери со́рок лет. Научи́сь ты катáть ва́ленки. Все прирвё́цця. Егóвой дóц'ки скатáла (валенки. — Л. М.). Двухса́ра ви́ц'а (Л. Н. Сухова, 1920 г. р., д. Келкозеро). <...>

Особый характер аффрикат, а именно шепелявое *ц* (*ц'*), отмечался еще в XI–XII вв. на северо-западной и западной территории в памятниках Новгорода, Пскова, Смоленска, Полоцка. «Группа периферийных говоров северновеликорусского наречия складывается, прежде всего, на основе древненовгородского диалекта — это новгородская, поморская (архангельская), олонецкая и вологодско-вятская группы»². Лингвисты отмечают, что собственно новгородские черты, сложившиеся к рубежу XIV–XV вв., неодинаково развивались в группах севернорусского наречия. К тому же различия в судьбе отдельных диалектных объединений севернорусского наречия возникли и «в результате взаимодействия с системами диалектов других языков, прежде всего финской группы»³. К таким явлениям многие относят и цоканье. Что касается исследуемого водлозерского говора, то очевидной становится задача более детального, более точного выявления закономерностей употребления звуков *ц*, *ч*, *ц'*, *ч''*, для чего

¹ Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров по материалам лингвистической географии. М., 1970.

² Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972. С. 144.

³ Там же.

необходимы дополнительные систематические записи архаического слоя говора.

На месте древнего звука, обозначаемого буквой «ять», в некоторых случаях под ударением наблюдается *и*:

йízдил, сйízдил, не смй́йу сйízдит, сй́йали, дй́ти, цвйт, вси, всйх, но: сено, все, дой́здишь, хлёба в пост не й́ли, смела, дётушки (из записей 1983 г.). <...>

В целом обнаруживается тенденция произношения на месте старого «ять» звука *е* перед твердыми согласными, *и* — перед мягкими, в позиции же конца слова произносится *и* и *е* — иначе говоря, в водлозерском говоре наблюдаются черты, присущие олонечкой группе северного наречия.

Среди **морфологических особенностей** выделяется такая, как отсутствие конечного *-т* в формах 3 л. ед. и мн. ч. глаголов; причем эта форма употребляется наряду с имеющими на конце *-т*.

Сичás дивья́, корóв подбóят — и домóй, аппарáтами дóя. Наб, налад́ится к хорóшему погóдью, так проростё́ отáва. (Отава) — ско́шена травá, когдá идёт вторóя травá на мёсте ско́шеной. <...> (из записей 1983 г.).

<...> Проявляется четкая зависимость форм от спряжения: глаголы I спряжения не имеют конечного *-т* только в ед. ч., глаголы II спряжения — только во мн. ч. <...>

	I спр.	II спр.
ед. ч.	<i>идё, скáже</i>	<i>сид́ит, в́идит</i>
мн. ч.	<i>мо́гут, берóут</i>	<i>во́зя, бо́ля</i>

<...> Данная языковая особенность делает очевидной связь водлозерского говора с новгородскими.

В плане становления системы временных форм глагола в водлозерском говоре небезынтересна форма прош. времени мн. ч. на *-ы* в соответствии с литературной на *-и*. В говоре сосуществуют обе формы. Формы на *-ы* отмечены в 1983 г. в речи лишь нескольких пожилых жителей, носителей архаического слоя говора:

Са́мы ро́стили и пахáлы, все дёлали, хлеб неклý. Без хлёба то́же жы́ли. Сёяли рожь, жы́то, пше́нйчу, горо́хи... робóтали мно́го (Е. Т. Марчихина, д. Куганаволок). *Ра́ньше сохáмы пахáлы деревя́нными, при́узами молот́или. Косáмы косй́ли* (К. И. Коломеева, д. Куганаволок). <...>

Вполне допустима мысль о тенденции новой парадигмы прош. времени, состоящей лишь из четырех форм — *пахал, пахала, пахало, пахали* (где в трех случаях *л* твердое, в одном — *л* мягкое), — к выравниванию основы на твердый согласный *-л*, как это имеет место в соотношении форм местоимений — *он, она, оны; сам, сама, само, самы*. <...>

Для исследуемого говора характерно также отсутствие интервокального *-й-* с последующей ассимиляцией и стяжением гласных. Касается это довольно большой группы форм прилагательных:

им. пад. ед. ч. ж. и с. р.	<i>-айа</i>	<i>-а</i>	<i>-оіе</i>	<i>-о</i>
вин. пад. ед. ч. ж. р.	<i>-уіу</i>	<i>-у</i>		
им. пад. мн. ч.	<i>-ьіе</i>	<i>-ы</i>	<i>-иіе</i>	<i>-и</i>

Примеры:

Где какá деревня, там такá порédня. У сіверика (название северного ветра) ба́ба кривá, не ході́л домо́й к но́чи, к но́чи стихáл. Какі́ го́ды-то бы́ли, хлѣбнуто солѣного до слѣз. Какú пѣнзю получаю́: хлѣба на де́нь госпóднь одна́ мѣлостыня́ нужнá. Сѣйгод естъ я́год, цѣло болóто куко́льков, по оборо́шам и пройде́шь, мѣлку я́году соберѣ́шь. <...>

Особое внимание обратим на такого рода явления в глагольных формах <...>.

<...> В. Г. Орлова, анализируя данные лингвогеографии, разные случаи выпадения *-й-* и последующих изменений, считает возможным предположить, что «очагом этого явления была примерно та часть территории сложившегося к к. XIV в. Великого княжества Московского, на которой расположены такие современные области, как Московская, Владимирская, Ивановская, Горьковская, т. е. современная Владимиро-Поволжская группа среднерусских говоров»¹. На территории Ладого-Тихвинской группы в пределах Онежской подгруппы и новгородских говоров это явление распространилось позднее, «уже в период освоения новгородской территории после покорения Новгорода, в частности и при значительном перемещении населения с центральных территорий Великого княжества Московского»².

Из фонетических явлений обратим внимание также на переход ударного гласного [á] → [ǎ] в позиции между мягкими согласными, обнаруживающийся в некоторых словах и формах, напр.: *креж, опѣть, порédня, заготовлѣется*, но: *хозяйство, взять*.

Данное явление в единичных словах отмечено почти на всей территории русских говоров, однако имеются и компактные зоны распространения отдельных слов и форм — это северовосточная и рязанская зоны. Замена букв *я* и *а* буквой *е* «наблюдается (правда, в небольшом объеме) в новгородских и псковских памятниках, которые отражают говоры, легшие в основу северновеликорусских»³.

¹ Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров... С. 275.

² Там же. С. 176.

³ Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965. С. 136.

Показательным в отношении связей Водлозерья с другими русскими территориями в прошлом является лексический материал. Жизнь слова в географическом пространстве непосредственно связана с его историей. В Водлозерье, например, довольно разнообразна лексика, отражающая старую систему землепользования: *ни́ва* ‘разработанный для посева участок леса’, *пал* ‘участок, на котором выжжены остатки леса’, *ле́дина* ‘лес, вновь выросший на месте бывшей подсеки’, *чи́ща* ‘расчищенный из-под леса участок, используемый для сенокоса’, *ре́пище* ‘подсека, на которой сеяли репу’, *горо́ховище* ‘место, где сеют горох’.

Ни́ва — где вырубали лес и рожь се́яли. Пал — это когда пали́ли лес, выкорчёвывали дере́вья для поса́дки хлэ́ба, но сна́чала се́яли ре́пку. Все се́яли вру́чную. Тепе́рь местá запу́стоше́ны. В крeжáх б́или ле́дины. Ле́дина — ра́ньше ви́рублено, берéзник. Пойде́шь тудá за гриба́ми.

Ягодные местá — Под Ни́вой назывáли, то, что за по́лем; а еще Изóтихина чи́ща — это по́лосы, где вы́чистили лес. Лю́ди назывáли и мы зовём.

Спра́шивают, не ходи́ла ли в ре́пище, горо́ховище? Пой знáт, что ходи́ла.

Раз мы шли на отхóд коси́ть се́но. С котóмками проши́ли через бо́лото. Полдн́я покоси́ли, оста́вили одну́ фата́нку и ушли́ на Ке́ду коси́ть. Де́дко сходи́л на по́жню. Она́ была́ сгра́блена, у медве́дя все кúчи раски́даны.

В последнем примере обратим внимание на название реки Кéда, связанное с именем нарицательным *кéда* прибалтийско-финского происхождения. Ср. данные словаря географической прибалтийско-финской лексики: ск. *keto, kedo*, ливв., люд. *kedo* ‘заросшая подсека, поляна, залежь’. Ср. фин. *keto* в том же значении. Как отмечают составители словаря, «слово заимствовано в русские говоры Карелии: *кедовина* пуд., прион. ‘бывшая подсека, заросшая лесом’, *кядовина* петрозав. ‘лесная чаща’ <...>.

Большая же часть терминологии землепользования, характерная для говоров Водлозерья, является русской по происхождению. Установление ареала бытования этих слов в недавнем прошлом (что, как правило, отражено в архаическом слое говора) и в древние периоды истории может способствовать решению вопроса о формировании русского населения Водлозерья. <...>

В описываемом говоре сохраняется слово *печи́ще* ‘часть деревни, имеющая особое название и, видимо, обособленная в хозяйственном плане’. Печище как объект известно лишь в двух деревнях Водлозерья, и у каждого из объектов, у каждой части деревни, есть собственное название: *Го́ра* и *Подго́ра* в д. Путилове, *Огнилова Го́ра*, *Кúдрилово*, *Де́шалово*, *Пбдо́горье*, *Ито-го́ра* в д. Коскосалма. Выделяя эти именованья печищ, А. В. Окунев подчеркивает, что «они, видимо, были обособлены в хозяйственном плане. У каждого печища

было свое место заготовки дров, сенокошения, рыбной ловли, для занятий земледелием»¹.

Можно предположить, что названия печищ возникли так же, как и названия деревень. Их связь с именем владельца того или иного участка, важного в хозяйственном отношении, довольно отчетливо обнаруживается в топонимах с элементами *-ово*, *-ино*, *-овская/-овское*, *-инская/-инское*. В XVI в. слово *печище* имело значение 'небольшая северная деревня, преимущественно заброшенная; бывшее родовое поселение большой семьи', а также, уже в XVII в., 'земельное угодье, относящееся к такой деревне', как это засвидетельствовано памятниками письменности: «А та у меня дрвня Олутинская и Дыренокское *печище* не продано, ни заложено никому». — Кн. Солев. вотч. креп., около 1559 г. [СЛРЯ XI–XVII вв., XV: 40]. Возможно, на территории Водлозерья *печище* представляло собой бывшее родовое поселение большой семьи <...>.

С указанным кругом значений слово *печище* встречается преимущественно в севернорусских говорах, в частности, в архангельских говорах *печище* — 1) 'деревня' Шенк., 'одна или несколько деревень, объединенных общим земельным владением' Пинеж., 'деревушка в 3–6 дворов', 'отдаленная от других селений деревня; отдаленный поселок'; 2) 'сельская община'. Ср. в великолукских говорах *печище* — 'место, где находится дом с хозяйственными постройками, садом и огородом; усадьба' [СРНГ, XXVII: 6–7]. Известное олонечким и архангельским говорам *печище* 'место, где когда-то было жилье, деревня' отмечено также в вологодских, ярославских, тверских и московских говорах. Пудожское *печище* 'часть деревни, имеющая общую долю полей и угодий' выступает, видимо, в качестве эквивалента к более распространенному на Севере слову *деревня* 'земельное угодье (с поселением на нем)', 'двух-четырёхдворная деревня'. В к. XV в. в памятниках Центра слово *печище* употребляется в одном ряду с такими словами, как *отчина* и *дедина*: «Обиды деи великие чинятся... поймают у них сильно их дедины и отчины, печища, реки и озера и куньи участки» — Жалованная (подтвердительная) грамота великого князя Ивана Васильевича жителям Перми Вычегодской, 1484–1485 гг.²

А. И. Копанев приводит примеры из памятников письменности XVI в.: «С пожни с Плоской в Сосновце за дань и за оброк и за всякие подати 4 алтына к *печищу* к *Новгородову* к деревне», «к деревне *Шоломовцову* *печищу*», «давати в *Козановскому* *печищу*», «живу яз на Ильинской деревне, а Волотуха *нашего* *печища* *Шестьдньговского*». (В последнем случае речь идет о спорной земле — Волотухе, владель-

¹ Окунев А. В. Этнографический отчет об обследовании деревень Куганаволокской волости. Петрозаводск, 1993. С. 11. (Хранится в ИЯЛИ КарНЦ РАН.)

² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. Т. III. М., 1964. С. 308.

цем которой некогда был *Василий Степанов сын Шестьдёнгов*.) Он обращает внимание на совпадение значений термина *печище* в двинских актах и актах Центра, где «он тогда означал или место бывшего очага, или земли бывшей деревни. Печище — земли деревни»¹.

Следовательно, предварительные наблюдения приводят нас к выводу о сохранении в говорах Водлозерья термина *печище*, отражающего принципы организации землепользования деревни XV в., исторически связанного с говорами Центра.

В составе лексики говоров Водлозерья содержатся своеобразные слова, отсутствующие в других русских говорах. Они представляют значительный интерес в плане определения историко-этимологических связей с другими языками и диалектами, установления путей проникновения их на территорию Водлозерья. Поставим своей задачей описание семантики и географии некоторых лексем, отмеченных нами в последней экспедиции в д. Куганаволок летом 2000 г. Беседы проводились в основном с коренными жителями преклонного возраста, речь которых отличается значительной степенью сохранности архаических черт на разных уровнях, в особенности на лексическом. Привлекает необычайная выразительность народного слова, речевых оборотов, которыми изобилует водлозерский диалект.

Остановимся еще на нескольких словах, известных водлозерскому говору. *Готяжók* ‘тесьма, которой привязывается волокно к прялке’:

Спица у прялки, у спицы колечко и потом готяжók; этим готяжókом шерсть привязывают к прялицы. Готяжкí — не верёвочка, а как тесьма (д. Куганаволок).

Ср. *готя́жка* ‘шнурок, ленточка или тесьма, употребляющиеся для украшения’ в пинежских говорах, *готя́шка* ‘шнурок, ленточка, на которой носится нательный крест; гайтан’ в северных говорах [СРНГ, VII: 100]. Пудожским и онежским говорам известно *готя́шка* ‘подвязка для чулок’ [СРГК, I: 383]; однако заметим, что данное слово иллюстрируется формами множественного числа. В СРГК приводится также омоним *готя́шка* ‘длинный стебель’, известный пудожским, онежским, каргопольским говорам, и прилагательное *готя́ный* ‘длинный’, отмеченное в онежских говорах [там же]. Вероятно, родственным является псковское *го́тень* ‘шнурок для нательного креста’ [ПОС, VII: 157]. В другой огласовке — с гласным *а* — в псковских говорах отмечены: *гатяжók* в опочецких и новоржевских, *гатяшók* в пушкиногорских в значении ‘застежка на платье’ [СРНГ, VI: 153]; *гатяшók* известно также в значениях: ‘шнурок, веревочка’ в новоржевских, бежаницких, опочецких, пушкиногорских, ‘шнурок для башмаков’ в пушкиногорских и ашевских [ПОС, VI: 144].

Два варианта *гатя́н* и *готя́н* в говорах северо-восточной зоны: в значении ‘плетеный шнурок или тесьма; гайтан’: *гатя́н* — в бело-

¹ *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 126–128.

зерских, *готян* — в шенкурских, онежских, вятских; *готян* ‘шнур’ — в печорских, ‘тонкий и мягкий стебелек травы подорожника’ — в онежских говорах [СРНГ, VI: 153]. Вполне закономерно сравнение с *гатан* ‘гайтан; шнурок для креста’ в жиздринских / калужских говорах [СРНГ, VI: 152]. В последнем случае имеет место утрата звука *-j-* в общеизвестном слове *гайтán* ‘плетеный шнурок или тесьма’, которое сопоставляется с турецким *çaitan* ‘бахрома, шнурок, шелковый или бумажный’ [БАС, III: 19]. М. Фасмер считает, что слово *гайтán* ‘лента, тесемка или шнурок, на котором носят нательный крест; фитиль’, имеющее такие «народные варианты, как *гавитán*, *гаветán*, *гитán*, *гантán*, *готян*, арханг. (Подв.), др.-русс. *гаитань* (грам. 1503 г.) ... укр. *гайтán* ‘пояс с сумкой, обитой гвоздями’, является заимствованным из греч. от ср.-лат. *gaitanum* ‘пояс’, возможно, галльск. происхождения» [Фасмер, I: 384]. Семантически очень близко ст.-польск. *gat* ‘пояс, набедренная повязка’ — к. XV в. [ЭССЯ, VI: 109].

В русских говорах Карелии и сопредельных территорий известен целый ряд фонетических вариантов слова *гайтан*: *гайтán*, *гайтян*, *гайтén*, *гайтáн*, *гатян*, *гойтян*, *голтян* в значениях — ‘то (шнурок, тесьма, тонкая бечевка, цепочка), на чем носили нательный крест’ в прионежских, медвежьегорских, тихвинских, волховских, подпорожских, каргопольских, череповецких, ‘полоса материи, перекинутая через плечо для поддержания поврежденной руки’ в подпорожских, ‘ремень’ в лодейнопольских, ‘кольцо, сделанное из березовой ветки и употребляемое для соединения бревен’ — в онежских [СРГК, I: 323].

Каргопольским говорам известно *гайтъян* ‘тесемка’, медвежьегорским — *гайтъяшек* ‘то же, что гайтан’, онежским — *гайтъяшек* ‘шнурок у ботинка’ [там же].

В н. XIX в. русскому просторечию было известно ласк. *гайтъяшек* ‘гайтанчик’; в современных псковских / пустошкинских говорах — *гайташók* ‘поясок, пояс; гашник’, в архангельских / шенкурских говорах в к. XIX в. зафиксировано *гайтáшка* ‘веревочка, которой привязывается горло вересчанки к палочкам, составляющим ребра этого рыболовного снаряда’; в повенецких — *гойтян* ‘шнурок, гайтан’, в беломорских — *гойтян* ‘веревка, стягивающая чупу (одну из частей сети)’ [СРНГ, VI: 102].

Следовательно, заимствованное из греческого языка слово *гайтан*, пришедшее, по всей вероятности, с принятием христианства в русский литературный язык, претерпело изменения фонетического, семантического и морфемного характера: 1) многие говоры усвоили в качестве корневой морфемы *гайт-*, преобразовавшейся в *гат-*; 2) северные говоры имеют междialeктные варианты корней в виде *гойт-* и *гот-*, чаще в безударном положении, что может объясняться влиянием полного оканья; 3) в говорах развилась система значений, отражающих особенности отдельных конкретных реалий, в ко-

торых используются шнурок, тесьма, лента; 4) в говорах возникли новые слова с известными русскому языку суффиксами, а также своеобразными диалектными суффиксами типа *-яжок*, *-яшек*, *-яшка*.

Отмеченное в водлозерском говоре слово *готяжб́ок* ‘тесьма, которой привязывается волокно к прялке’, связывает непосредственно водлозерские говоры с псковскими. <...>

Не рассматривая характерные черты других лексических групп, заметим, что их изучение с учетом особенностей хозяйственно-экономического уклада, быта, материальной и духовной культуры, этнического самосознания местного населения представляется важным для организации историко-этнографического комплексного исследования Водлозерского национального парка. Назрела необходимость создания сравнительного диалектного словаря Водлозерья с целью выявления лексических связей данной относительно замкнутой территории с другими диалектными объединениями. Сравнительный диалектный словарь может отражать: 1) черты материнского русского говора; 2) бывшие контакты пришлого русского населения с нерусскими, по преимуществу прибалтийско-финскими, народами; 3) своеобразную лексику описываемой зоны, занимающей определенное место во внутрорегиональном членении (по Карелии и сопредельным территориям). Такой словарь должен, на наш взгляд, содержать данные памятников письменности.

Ценнейшим источником изучения истории и культуры края является также местная топонимия, в том числе и ее верхний, русский/славянский слой. Выделим ряд микропонимов, в образовании которых определенную роль сыграли имена нарицательные, обозначающие географические или хозяйственные объекты:

Ельское погостье, Ельское устье, Золотое болото, Митькин бор, Щелёйная поляна, Горбатая поляна, Сельга, Далёкое поле, Под Нивой, Изотихина чюща, Сухой наволоок, Верхняя вадюга, Нижняя вадюга, Митькино болото, Ива́нково болото, Аглимох, Ва́ришмох, Пи́замох, Го́ра, Подго́ра, Ре́болахта, Анто́нов луг, Заамба́риха, Загуме́ниха, Па́лостров, Ка́менки, Обод, Зи́мник.

Своеобразными являются и местные регионально-групповые прозвища:

А еще в каждой деревне были свои обзýвки: Загорье вачугами звали, Гумарнаволоок кужами звали, Варештильда — звали кошелí, Вачилово — клецицы звали, а вот рыкуны звали Кóлгостров. В Канзанаволоке звали всех безбожниками, потому что там коммунистов много было (из записей 1990 г.). Кóскосалма — «Черныйши», Пёлгостров — «Верёвочники», Рагуново — «Катанёжники», Чюяла — «Лопотáи»¹.

¹ Окунев А. В. Этнографический отчет об обследовании деревень Куганаволокской волости. Петрозаводск, 1993. С. 41. (Хранится в ИЯЛИ КарНЦ РАН.)

Фиксация всей микротопонимии и антропонимии — одна из неотложных задач, от решения которой зависит создание местного водлозерского ономастикона, отражающего историю края в именах собственных.

В говоре Водлозерья происходят сложные процессы, ведущие к образованию нового слова, отсутствующего в других русских говорах. В частности, отметим ряд любопытных употреблений прилагательного *коньдорóдный* в значении ‘обладающий какими-л. отрицательными качествами’ и наречия или слова категории состояния *коньдорóдно*, образованного от него: «*Коньдорóдно* одетось-то, неприглядно. *Коньдорóдна* корова-то выпущена [о тощей корове]». «*Коньдорóдно* платье-то сошито, нехороше, некрасиво [платье] в деревнях называли». «Сенокосная пора за окном, а погода-то *коньдорóдна-то* стоит. Сегодня *коньдорóдно-то* на улице [о непогоде]. *Коньдорóдно-то* в избе [не прибрано]». «Ой, *коньдорóдна* девчонка-то идёт [худенькая]». «Ай, *коньдорóдно-то* вышло у меня сегодня белое [выпечка], хоть в стену кидай [невкусное]». «*Коньдорóдна-то* книга стала [грязная, рваная]» — запись 2000 г.

В одном случае отмечено выражение усиления отрицания признака, обозначенного последующим словом, в отрыве от прилагательного *недорóдный*, которое уже содержит отрицание: «*Конь* она *недорóдна-то* стала, что чудо, толстая».

В говоре представлено целостное употребление именно слова *коньдорóдный* (-о), и носители говора обычно не допускают вставки какого-либо другого слова между его составляющими. Следовательно, начальное *конь-* в данном случае является эквивалентом словообразовательной приставки *не-*.

Для всех контекстов со словом *коньдорóдный* (-о) характерно наличие экспрессивности и эмоциональности, выражаемое такими дополнительными показателями, как междометия *ай, ой*, частица *то*, соответствующая интонация. Основным выразителем коннотативного семантического компонента в слове *коньдорóдный* является начальное *конь-*, восходящее к отрицательной частице, которая «придает следующему за ним наречию (точнее, слову. — Л. М.) противоположный смысл» [СРГК, II: 417]. Составители СРГК отметили наличие такой частицы лишь при наречии, но, как показывает материал, она может употребляться и при прилагательном, и при категории состояния: «Платье-то у тя *конь красиво* [некрасивое]». «Идти вот *конь близко* [далеко]». «Тяжело за водой сходить, а озеро-то вот *конь далёко* [близко]». «Куча сена вот *конь мала* [большая]» — запись 2000 г.

Попытаемся высказать предположение о том, каким образом у слова *конь* могло возникнуть значение отрицания. В н. XX в. в пудожских говорах бытовало выражение *конь дорóдно* в значении ‘как нехорошо, как плохо’, наряду с *конь хúdo* ‘как хорошо’; определительное наречие *конь* ‘как, насколько’ было известно также

тихвинским говорам [СРНГ, XIV: 276]. В настоящее время наречие *конь* ‘как, насколько’, ‘так’, ‘очень’ известно в плесецких, каргопольских говорах Архангельской области и в подпорожских говорах Ленинградской области; *конь* в качестве условно-временного союза бытует также в плесецких и каргопольских говорах [СРГК, II: 417]. По семантике *конь* совпадает с союзом и наречием *коль*, зафиксированном в смежных говорах [там же: 398]. Отметим лишь как факт трудно поддающееся объяснению фонетическое изменение конечного *-л’* → *-н’*.

В говоре Водлозерья отрицательная частица *конь* еще обнаруживает семантические связи с наречием *конь* ‘как, насколько’, ‘очень’. В сочетаниях типа *конь близко* ‘далеко’, *конь красиво* ‘некрасиво’ первый компонент сохраняет значение высокой степени проявления признака, второй же — содержит смысл, противоположный понятийному содержанию нейтрального слова (*близко*, *красиво*), который обычно вкладывается при неодобрении, ср. разг. *хорош*, *хороший* ‘очень сомнительных достоинств (с оттенком иронического неодобрения)’ в литературном языке [БАС, XVII: 399]. Обычно все случаи употребления с *конь-* и *конь* имеют неодобрительный оттенок.

Постоянная препозиция наречия *конь* ‘как, насколько’ по отношению к слову, иронически обозначающему противоположный смысл в сравнении с его первичным значением, приводит к изменению семантики слова *конь*, и именно последнее приобретает функцию иронического отрицания, сохраняя при этом усиленное значение. В результате таких преобразований меняется лексико-грамматический разряд слова: наречие переходит в отрицательную частицу.

На следующем этапе происходит переосмысление начального *конь-*: оно воспринимается уже не как часть бывшего словосочетания *конь дородно*, а как приставка в слове *коньдорóдно*.

Возможно, образованию самостоятельного слова *коньдорóдный* способствовало и то, что в пудожских говорах слово *дорóдный* (как и слово ‘хороший’ в литературном языке) имеет систему значений, отражающих положительные качества кого-, чего-либо: ‘красивый, мужественный’, ‘взрослый’, ‘значительный по размеру, крупный’, ‘богатый’, ‘хороший, добротный’ [СРГК, I: 489]. А если принять во внимание приведенные нами записи, то следует в целом видеть обобщенное значение у слова *дорóдный* — ‘обладающий каким-л. положительным качеством’ <...>.

Таким образом, возникновение относительно нового слова *коньдорóдный* в водлозерском говоре сопровождается несколькими процессами: 1) замена конечного *-л’* звуком *-н’*, в чем можно видеть фонетическое «отталкивание» диалектного наречия *конь* от известного, семантически и грамматически адекватного *коль*; 2) употребление сочетания *конь дорóдный* как устойчивого, не допускающего разрыва и перестановки компонентов; 3) воздействие отрицательной

коннотации, свойственной основному слову сочетания при неодобрении, на семантику первого компонента ('как, насколько', 'очень' → 'вовсе не', 'совсем не'); 4) изменение лексико-грамматического статуса первого элемента сочетания — переход наречия в частицу; 5) возникновение самостоятельного слова *коньдорóдный* лексико-синтаксическим способом; 6) восприятие начального компонента *конь-* как префикса с отрицательным значением. <...>

Итак, предварительные наблюдения и анализ некоторых особенностей водлозерского говора свидетельствуют о генетической неоднородности говора, его связях в прошлом с новгородскими и ростово-суздальскими говорами; имеют место также факты языкового родства с юго-западными и западными говорами русского языка. Прибалтийско-финское влияние обнаруживается на фонетическом уровне, но особенно ярко проявляется лексическая интерференция, включая и ономастику. Для воссоздания историко-культурных процессов, проходивших в течение веков на территории Водлозерья со времени славянских поселений, необходимо, на наш взгляд, выполнить, по меньшей мере, три задачи: 1) систематизация фонетических, морфологических и синтаксических особенностей говора, что требует полной фиксации естественно звучащей речи диалектоносителей; 2) подготовка материалов для сравнительного диалектного словаря Водлозерья, включающего исторические данные; 3) создание водлозерского ономастикона.

Внутрирегиональные лексические различия русских говоров Карелии

<...> Медвежьегорские говоры обнаруживают четкие лексические связи с псковскими, тверскими, новгородскими говорами (*гамéза*), псковскими и тверскими (*кóлызень*), только с псковскими (*закóр, дуброви́ца*), с южнорусскими диалектами (*вíдебнуть*), с южнославянскими языками (*бадéть*). Пудожские говоры лексически объединяются с тверскими, псковскими, брянскими, смоленскими и другими южнорусскими говорами (*грéбовать*), ярославскими (*закалды́га*), только с псковскими (*грúдка*). Русские говоры Беломорья, имея в своем составе рефлексy древних славянских корней типа **vъrg-*, характеризуются наличием субстратной лексики карельского и саамского происхождения (*áлажда, вáнделица*). Субстратная лексика имеет место и в других микрозонах (медв. *кéбовать, кéнжа*).

Следы балтийского влияния отражены в таких словах, как кем. *бáндить*, пуд. *двóрить*. Древние германские элементы, проникшие через польский и белорусский языки, обнаруживаются в медв. *задыгáть*, пуд. *гурмовáть, дяжiнина*. Большая часть русских по происхождению слов восходит к праславянскому.

Анализ лексики с собственно лексическими диалектными морфемами по микроронам внутри Карелии в целом подтверждает высказанные А. С. Гердом основные положения о путях формирования лексического состава русских говоров Карелии. <...>

Взаимодействие прибалтийско-финских и славянских языков (названия руки)

Лексика русских говоров Карелии и соседних прибалтийско-финских / финноугорских языков ярко свидетельствует об их контактах в древнейшую эпоху. Примером такого взаимодействия могут служить названия руки в говорах Севера и Северо-Запада. Выделим славянские по происхождению слова, обозначающие руку. К ним относится *какúля, какúлья* 'рука' в медвежьегорских говорах, ср. *кóкуль* 'палец' в пудожских говорах [СРГК, II: 316]. О. Н. Трубачев относит к родственным н.-луж. *kokula* 'дуга, ярмо воловьё', 'скоба', в.-луж. *kokula* 'изгиб, крюк' и считает, что **kokul'a* образовано с помощью суффикса **-ul'a* и входит в группу родственных образований с общим семантическим компонентом 'скручивание, сгибание' [ЭССЯ, X: 118]. Родственным является экспрессивное, переносное *кóбра* 'о руке' в подпорожских и лодейнопольских говорах [СРГК, II: 391]. В тихвинских говорах бытует слово *кара́бали* 'неловкие, неумелые руки' [СРГК, II: 328], по образованию связанное с глаголом *кара́бать* 'грубо, неумело что-л. перебирать, трогать', известным тихвинским говорам [НОС, IV: 20] и входящим в этимологическое гнездо с основой **(s)krbh-* 'крутить, скрючивать, скручивать, съезживать' [ЭССЯ, XI: 54]. Видимо, в эту же группу входит и слово *куро́рга* 'что-н. искривленное, скрюченное' в онежских говорах; приведенная иллюстрация содержит характеристику руки: «*Кокорю́рга рука была после ранения, вся скрюченная*» [СРГК, III: 25]. Семантически близко слово *колгúша* 'искалеченная рука или нога' в вытегорских говорах [СРГК, II: 397]. На наш взгляд, в этом слове можно выделить этимологический корень *-лг-* (← *-лъг-*), вариант которого проявляется в таких лексемах, как *колы́га* 'крутой изгиб (санных полозьев, ободов, обручей и т. п.)' в вологодских [СРНГ, XIV: 206] и *шалы́га* 'посох с загнутым к руке концом' во владимирских говорах [Даль, IV: 619]. <...>

Приведенные материалы подвергают сомнению некоторые существующие этимологии, в частности слово *кобра* [Фасмер, II: 220]. Совпадение фонемного состава, семантики, частично структурных элементов представленного лексико-семантического комплекса, охватывающего славянские и финноугорские / прибалтийско-финские языки, ярко свидетельствует о длительном сосуществовании носителей этих языков на значительной по охвату территории Восточной Европы в отдаленный доисторический период. <...>

Словари

- БАС — Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1956.
- НОС — Новгородский областной словарь. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–8. Л., 1967–1990; Вып. 9–12. СПб., 1994–1996.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–18. М., 1975–1992.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–4. СПб., 1994–1999.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–32. М.; Л./СПб., 1965–1998.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1–27. М., 1974–2000.

Вопросы и задания

На каких языковых уровнях можно проследить взаимодействие русских говоров между собой и с соседними неславянскими говорами?

Э. М. Мурзаев

СЛОВАРЬ НАРОДНЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ¹

Введение

<...> В 1915 г. Л. С. Берг обратил внимание на ценность сборов диалектной географической лексики и указал на исключительное ее богатство в России. Местную географическую терминологию Л. С. Берг назвал «народной кустарной наукой»².

¹ *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. С. 5–11.

² *Берг Л. С.* О русской географической терминологии // *Землеведение*. Т. 22. М., 1915. Кн. 4. С. 99–101.

В нашу эпоху неизмеримо выросли исследования народных географических терминов и собственных географических названий (что неотделимо друг от друга). <...>

Народные термины — неисчерпаемый источник пополнения научной терминологии, что легко подтверждается частыми примерами. Достаточно вспомнить такие геоморфологические и ландшафтные нарицательные названия, как *гряды, сопка, грива, полонина, голец, яйла, тайга, тундра*. Последние два ныне стали международными. Даже многочисленные научные термины, часто встречающиеся в русской литературе и воспринимаемые как иноязычные, восходят к народной лексике. Например, *морена* — «совокупность рыхлых несортированных обломков горных пород, отложенных движущимся ледником, создающим гряды, холмы, плоские скопления камней, валунов, мелкозёма». Возраст этого термина в науке превышает уже 200 лет. Его корни — во французской крестьянской лексике Швейцарских Альп, где слово *moraine* употреблялось для обозначения гряды или вала из камней и земли у конца ледникового языка. В геоморфологии и вулканологии известен термин *кальдера* — «котловина на вершине вулкана», «большой кратер», «вулканическая впадина». Но испанское *caldera*, португальское *caldeira* — «котёл», «очаг». В сербо-хорватской карстоведческой литературе есть термин *богач* — «узкий карстовый провал», куда уходят поверхностные воды; «особо узкие трещины на поверхности земли». Слово это заимствовано из турецкого языка: *bogaz* — «горло», «ущелье», «пролив», «устье реки». *Гамада (хамата)* — «каменистая пустыня», поверхность которой покрыта щебнем, галькой или обнаженными скальными породами, откуда мелкие фракции вынесены ветрами. Слово арабское — *hamada*. Этот же язык дал и другой международный термин — *сахель* — «полупустыня», переходная полоса между пустынями Сахары и саваннами. Арабское *sahel* — «окраина», «край», «берег».

Процесс перехода народных географических терминов в научную терминологию продолжается и в наши дни, что наиболее ярко проявляется в советских национальных республиках, где ученые вводят их в специальную литературу. В ряде случаев они точно и предметно информируют о содержании и нюансах географического объекта, природного явления, процесса. Так, например, гидрологи охотно приняли среднеазиатский термин *карасу* (иногда в форме *карасучные воды*) для родниковых вод, выклинивающихся в подгорных равнинах на рубеже с низкогорьями; для грунтовых вод, образующих при выходе на дневную поверхность небольшие речки. Ныне стали хорошо известны и другие национальные термины: якутский *алас*, туркменский *такыр*, карельская *лайда*.

Народная географическая терминология закономерно и активно участвует в формировании имен собственных — топонимов. Кажется, во всем мире нельзя обнаружить топонимические системы,

которые строились бы без таких терминов. Следует согласиться с мыслью, высказанной П. Я. Черных: «Номинативная предметная лексика в сущности является терминологической лексикой» (Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956. С. 22). Однако нужно оговориться, что не все местные термины могут целиком или частично пройти путь от нарицательного к собственному имени. Метеорологическая лексика не обладает заметной топонимообразующей активностью. Наоборот, геоморфологическая широко привлекается для номинации как положительных, так и отрицательных форм рельефа. Названия местных ветров: *шелоник*, *сарма*, *баргузин*, *сантас*, *афганец* — не стали топонимами, они сами возникли в результате детопонимизации исходных собственных имен: реки Шелонь бассейна Ильмень, рек Сарма и Баргузин, впадающих в Байкал, перевала Сантас на Тянь-Шане, страны Афганистан. Зато *камень* или *гора* породили множество географических названий в формах исходного апеллятива (гора Камень, населенный пункт Гора) с суффиксами (Каменка, Каменск, Горск), с префиксами (Подкамень, Пригорки), в словосложениях (Каменогорск), в словосочетаниях (Красный Камень, Зеленая Горка).

В местной терминологии сохранились многие архаичные слова, присущие только отдельным диалектам, позволяющие судить об истории языка, языковых контактах, ареалах термина, о смысловых сдвигах, что важно не только для лингвистов, но и для географов.

И понятно, что не случайно в Советском Союзе в последние годы опубликованы монографические исследования народной географической лексики. Вспомним книги: Н. И. Толстого «Славянская географическая терминология» (М., 1969); М. Ф. Розена «Словарь географических терминов Западной Сибири» (Л., 1970); И. Я. Яшкина «Беларускія геаграфічныя назвы» (Минск, 1971); Э. А. Григоряна «Словарь местных географических терминов болгарского и македонских языков» (Ереван, 1975); Л. Г. Невской «Балтийская географическая терминология» (М., 1977). Кроме того, в ряде периодических изданий и сборников можно обнаружить немало словарных публикаций, посвященных географической терминологии отдельных национальных республик или областей зарубежных стран. Главное управление геодезии и картографии СССР издало около 20 работ на эту же тему, из которых своей полнотой выделяется книга В. И. Савиной по Ирану¹. Немало исследований по народной терминологии опубликовано и за рубежом. <...>

¹ Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимию Ирана / сост. В. И. Савина. М.: Наука, 1971.

РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1918–1959)¹

Традиции изучения диалектов русского языка, задачи и перспективы русской диалектологии можно считать в известной степени определившимися уже в начале XX в. Еще в 1903 г. в России был создан научно-организационный центр для руководства этой работой — Московская диалектологическая комиссия Академии наук, в составе которой работали виднейшие языковеды-русисты, неоднократно лично проводившие диалектологические обследования и создавшие образцовые для того времени работы, посвященные описанию говоров, а также выпустившие в свет в 1915 г. «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» с приложенным к нему «Очерком русской диалектологии».

В послереволюционный период, начиная с 1921 г., продолжались диалектологические экспедиции, велась публикация материалов, собранных ранее при подготовке «Опыта диалектологической карты» и представлявших собою ответы корреспондентов на программы, рассылавшиеся в течение ряда лет Московской диалектологической комиссией². <...>

В 1927 г. в отчете о деятельности Постоянной комиссии по диалектологии русского языка (как именовалась в это время б. Московская диалектологическая комиссия) ученый секретарь Комиссии И. Г. Голанов писал, что выпуск в свет «Опыта диалектологической карты» сам по себе также являлся своего рода диалектологической программой, приглашавшей и далее собирать сведения о говорах в качестве поправок к нему. В том же отчете он указывал: «В 1919 г. было намечено составление диалектологического атласа великорусских говоров, который должен состоять из ряда карт, где будет обозначено распространение отдельных диалектологических явлений или комплексов сходных черт»³.

¹ Орлова В. Г. Развитие русской диалектологии в советский период (1918–1959) // История русской диалектологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 67–97.

² Публикация материалов проводилась в виде двух серий: 1) «Труды Московской диалектологической комиссии». Вып. 8 вышел в 1919 г., вып. 9 (с изменением названия серии — «Труды Постоянной комиссии по диалектологии русского языка») — в 1927 г., вып. 10 — в 1928 г., вып. 11 — в 1930 г. и вып. 12 — в 1931 г.; 2) «Материалы для изучения великорусских говоров». Вып. 11 вышел в 1922 г.

³ Краткий очерк деятельности Постоянной комиссии по диалектологии русского языка за 12 лет // Труды комиссии по диалектологии русского языка. Вып. 9. Л., 1927. С. 10.

С тем же интересом к географическому распространению отдельных диалектологических явлений было связано проведение специальных экспедиций, ставивших своей целью установление границ этих явлений¹.

Таким образом, идея создания атласа русских народных говоров не только выдвигалась членами Московской диалектологической комиссии, но ставилась ими на реальную почву. <...>

I

<...> Важно отметить, что к послереволюционному периоду относится расширение рамок диалектологических исследований в территориальном отношении. В круг изучения вовлекаются народные говоры Сибири и Дальнего Востока, в ряде случаев имеющие сложную историю формирования. <...>

Важно также отметить, что в ходе развития диалектологии русского языка на протяжении советского периода все решительнее выдвигалось требование учета всей системы описываемого говора, а не одних лишь его «особенностей», «отклонений» и «неправильностей». По отношению к фонетике говоров все более укрепляется подход к звуковому строю как к системе фонем, выступающих в определенных соотношениях, имеющих закономерности употребления, характерные для тех или иных говоров. При характеристике системы языка диалектов выдвигается требование учета связей, имеющихся между разными сторонами языка — фонетикой, морфологией, лексикой, синтаксисом. <...>

II

<...> Привлечение диалектных данных при изучении истории тех или иных явлений по памятникам письменности практикуется весьма широко в исследованиях послереволюционного периода. Таковы, например, многие исследования С. П. Обнорского, в которых он систематически и очень широко использует как архивные, так и опубликованные диалектные данные. <...>

История звуков *в* и *ф* строится почти исключительно на диалектных данных и в работе В. Г. Орловой², где устанавливается классификация русских народных говоров в зависимости от характера употребления в них губных спيرانтов и дается историческое истолкование этой классификации. <...>

В. Г. Орлова занимается в дальнейшем вопросом об употреблении аффрикат во всех основных диалектных группах русского языка,

¹ Голанов И. Г. Несколько данных к вопросу о географическом распространении диссимилятивного аканья // Сборник ОРЯС АН. 1928. Т. LI. № 3.

² Орлова В. Г. Губные спيرانты в русском языке // Труды Института русского языка АН СССР. 1950. Т. II.

привлекая данные памятников письменности. История употребления аффрикат рассматривается в связи с процессом образования русских народных говоров¹. <...>

В двух статьях В. Н. Сидорова² специально рассмотрению подвергается система яканья некоторых среднерусских говоров, сохранивших в пределах системы умеренного яканья следы различия предупредных гласных по их происхождению, наподобие того, как они различаются в севернорусских говорах, и представляющих, по терминологии автора, «первичное умеренное яканье». В результате анализа доказывается, что умеренное яканье в среднерусских говорах сформировалось в процессе перестройки на южнорусский лад системы севернорусского ёкающего предупредного вокализма.

Из числа работ, в которых обобщаются диалектные данные, характеризующие фонетический строй и подготовленные в более позднее время, выделим те, которые строятся уже на основе материалов, собираемых для диалектологических атласов, что помогает их авторам сочетать изучение внутренних закономерностей явлений с наблюдениями над характером территориального размещения отдельных разновидностей того или иного явления. Это делает подобные работы тесно связанными с рассмотрением соответствующих исторических процессов даже в том случае, когда авторы непосредственно не ставят таких задач. К таким работам относятся статьи Т. Г. Строгановой. <...>

Говоря об использовании диалектных данных для разрешения вопросов исторической морфологии, следует прежде всего отметить «Именное склонение в современном русском языке» С. П. Обнорского³. <...>

В работе С. П. Обнорского «Очерки по морфологии русского глагола» (М., 1963) собрано большое число данных, характеризующих употребление глагольных форм в говорах русского языка. <...>

Использование диалектных данных для решения вопросов истории языка преимущественно по линии исторической морфологии и исторической фонетики. Изучение диалектной лексики и синтаксиса явно отставало. <...> В связи с этим до сих пор остаются единичными работы типа «Очерков по синтаксису русских народных говоров» А. Б. Шапиро⁴.

¹ Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.

² Сидоров В. Н. О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах // Известия АН СССР, Отд. лит-ры и яз. 1951. Т. X. Вып. 2; *Он же*. Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. 1952. Вып. II.

³ Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1. Л., 1927; Вып. 2. Л., 1931.

⁴ Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М., 1953.

Стремясь к систематическому описанию синтаксиса простого предложения в говорах, А. Б. Шапиро делает ряд интересных наблюдений (например, наблюдения над некоторыми явлениями в области согласования подлежащего и сказуемого, в области предложений с существительно-местоименной конструкцией, наблюдения над особенностями употребления некоторых частиц и союзов, характеристика отрицательных предложений и др.). Интересна также классификация двусоставных предложений.

Постепенное, хотя и недостаточное накопление диалектных данных по лексике и синтаксису происходило в процессе собирания материалов для атласов русских народных говоров, а также при описании отдельных говоров или их групп. <...>

В вышедшей значительно позднее статье И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко авторы имели уже возможность обобщить данные, собранные при подготовке атласов, о характере территориального распространения синтаксических явлений в говорах к западу и юго-западу от Москвы, а также дать анализ материала по некоторым синтаксическим явлениям¹. <...>

III

К числу работ, обобщающих накопленные диалектологические материалы для истории языка, относятся и такие, в которых ставится проблема происхождения русского языка и его говоров. <...>

На основе обобщения многообразных диалектных данных русского языка шло рассмотрение процесса формирования определенных групп говоров, а именно русских говоров Сибири, в работе А. М. Селищева². <...>

Образование говоров русского языка в Сибири рассматривалось А. М. Селищевым в тесной связи с развитием языковых процессов, пережитых этими говорами в новых условиях. Эти новые условия создавались в процессе взаимодействия южнорусских, севернорусских и среднерусских говоров, вступивших на новых территориях в совершенно иные сочетания, чем это имеет место в Европейской части СССР. Определенные языковые процессы были вызваны к жизни тем широким переходом на русский язык иноязычного населения, который развернулся в Сибири начиная с XVII–XVIII вв.

Исследование и анализ накопленных диалектологических данных представлены также в работе Р. И. Аванесова «Вопросы образования

¹ Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. О некоторых синтаксических явлениях в говорах юго-западных и центральных областей к западу от Москвы // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. 1956. Т. X.

² Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1921.

русского языка в его говорах»¹, где указанный вопрос рассматривается в связи с параллельными процессами образования белорусского и украинского языков².

<...> В работе Р. И. Аванесова показано, что особенности современных русских говоров и, в частности, их современную группировку нельзя выводить непосредственно из племенных диалектов периода первоначального обособленного существования восточных славян. Между современными и древними племенными диалектами лежит эпоха феодальной раздробленности, эпоха образования централизованных государств, вызвавшая к жизни образование территориальных диалектов.

Ряд наблюдений над современным территориальным распределением некоторых языковых черт русского и белорусского языков автор работы связывает с историческими данными о передвижении соответствующих групп населения. Так, распределение на территории современной Белоруссии таких языковых черт, какими являются произношение несмягченных согласных перед гласными переднего ряда и цеканье — дзеканье при произношении согласных в том же положении, связывается с историческими данными о движении с юга украинского, т. е. южнорусского населения, а с востока на запад — восточнорусского населения (под давлением монголов). С древними передвижениями населения связывается и убывание диссимилятивного аканья и яканья в направлении с востока на запад.

Наконец, при рассмотрении проблемы северновеликорусских говоров в работе выделяются средневеликорусские говоры первичного и вторичного образований. Вместо учения об основе и наслоениях, представленных с традиционной точки зрения в любом средневеликорусском говоре, предлагается оценивать различные группы средневеликорусских говоров с учетом конкретно-исторического процесса их формирования. В зависимости от исторических условий в различных группах средневеликорусских говоров может быть представлено различное соединение языковых черт.

Само собой разумеется, однако, что круг вопросов, затронутых в данной работе, должен быть пересмотрен после того как проведено картографирование диалектных данных на основной территории Европейской части СССР. Новые диалектологические источники и карты атласов позволяют полнее вскрыть взаимодействие между основными диалектными группами русского языка в ходе их развития, показать процесс образования русского языка как единого, взятого во всем многообразии его говоров.

¹ См.: Вестн. МГУ. 1947. № 9.

² См. Аванесов Р. И. К вопросам образования русского национального языка // Вопросы языкознания. 1953. № 2; *Он же*. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности // Вопросы языкознания. 1955. № 5.

IV

В определенной связи с общим ходом развития диалектологических исследований в советский период стоит и появление учебников по русской диалектологии. На основе анализа и обобщения материалов, собранных еще при подготовке «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» и опубликованных в значительной части, как уже говорилось выше, после Великой Октябрьской социалистической революции, строится ряд учебников, по характеру своему близко стоящих к тому «Очерку русской диалектологии», который был выпущен авторами «Опыта диалектологической карты» одновременно с выпуском в свет самой карты. Таковы учебники Е. Ф. Карского¹, С. А. Еремина и И. А. Фалева², И. Г. Голанова³, из которых первый отличается большим удельным весом привлекаемых фактов украинского и белорусского языков.

Следует также отметить очерки русской диалектологии, включавшиеся в курсы по истории русского языка Н. Н. Дурново⁴. Н. Н. Дурново впервые в пособии учебного типа дал формулировку ряда классификационных признаков русских диалектов и, в частности, детальную классификацию типов яканья, построенную на основе специального исследования того же автора⁵. Во «Введении в историю русского языка» дана карта, отражающая исследовательскую работу автора над диалектологическими материалами по южновеликорусскому наречию в период после выхода в свет «Опыта диалектологической карты».

В 1949 г. были опубликованы «Очерки русской диалектологии» Р. И. Аванесова (ч. I), учебное пособие для филологических факультетов университетов и факультетов русского языка и литературы педагогических институтов, в котором автор книги имел возможность использовать также и диалектные данные, собранные в послереволюционное время, в том числе собранные им самим в течение многих лет наблюдений. <...>

¹ *Карский Е. Ф.* Русская диалектология. Очерк литературного русского произношения и народной речи великорусской (южновеликорусских и северновеликорусских говоров), белорусской и малорусской (украинского языка). Л., 1924.

² *Еремин С. А., Фалев И. А.* Русская диалектология. Хрестоматия с кратким очерком диалектологии и программой для собирания материала по народным говорам. М.; Л., 1928.

³ *Голанов И. Г.* Русская диалектология. М., 1929. На правах рукописи (в 4 вып.).

⁴ *Дурново Н. Н.* Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924; *Он же.* Введение в историю русского языка. Вгю, 1927.

⁵ *Дурново Н. Н.* Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. I: Южновеликорусское наречие // Труды Московской диалектологической комиссии. 1917. Вып. 6; 1918. Вып. 7.

V

Для советского периода развития диалектологии русского языка, пожалуй, более всего характерно изучение диалектов русского языка методами лингвистической географии. Как уже говорилось выше, необходимость подобного изучения подчеркивалась еще в первое послереволюционное десятилетие Московской диалектологической комиссией.

<...> В 1936 г. выходит «Вопросник для составления диалектологического атласа русского языка»¹. <...>

По первому изданию «Вопросника» было организовано диалектологическое обследование говоров в районе озера Селигер, проводившееся в течение трех лет. <...>

В 1944 г. при возобновлении работы над атласами пришлось составлять широкий план работы. Учитывая, что на Европейской части СССР предстояло обследовать около 10 000 населенных пунктов, эту территорию разделили на 11 относительно самостоятельных атласов.

Научная работа подобного масштаба с привлечением сил всех филологов-русистов нашей страны требовала программы, которая критически обобщала бы все предшествующее развитие русской диалектологии и строилась бы на общепринятых в русской науке основаниях.

«Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», вышедшая первым изданием в 1945 г.², снабжена статьями инструктивно-методического характера и как документ, утвержденный Институтом русского языка Академии наук СССР, стала обязательной для всех организаций, работающих над атласом. <...>

Не охватывая всех языковых диалектных явлений, данная «Программа» включает, однако, большинство из них, а именно те, которые могут дать изоглоссы на картах атласа. «Программа» предусматривала в построении вопросов все важнейшие различия диалектов русского языка без выделения каждого из его наречий или каких-либо групп говоров, являясь, таким образом, программой для изучения любых говоров русского языка.

Каждое явление, представленное в «Программе», разработано путем постановки вопросов и подвопросов так, что ответ должен дать всестороннее освещение явления и указание на его реализацию

¹ «Вопросник для составления диалектологического атласа русского языка» в дальнейшем, с 1936 до 1945 г., издавался несколько раз в Ленинграде и на местах.

² Программа вышла в издании Ярославского государственного педагогического института (Ярославль, 1945), Московского государственного университета (1946) и Издательства Академии наук СССР (М., 1947).

в разных фонетических, морфологических и синтаксических условиях или разного рода лексемах. <...>

Работа по собиранию сведений для атласов русских народных говоров с каждым годом привлекала все большее число участников. Среди филологов нашей страны быстро и широко распространилось понимание важности для дальнейшего развития науки о русском языке такой задачи, как создание атласов. Популярность этой работы объяснялась и тем, что она открывала возможность включать в разрешение научной проблемы огромного значения не только силы преподавателей и аспирантов высших учебных заведений, но и студентов филологических факультетов. Студенты — участники диалектологических экспедиций получают при сборе материала для атласа навыки непосредственного наблюдения живой речи, овладевают приемами лингвистического анализа собранного материала и его описания.

Развертывание работы над атласами русских народных говоров потребовало, чтобы постоянно функционировал ряд организационных центров, руководящих этой работой.

Общее руководство подготовкой атласов на территории Европейской части СССР вел после лингвистической дискуссии 1950 г. Институт языкознания АН СССР в Москве (позднее Институт русского языка), организовывавший также экспедиционное обследование, хранение материалов и составление карт для нескольких атласов. Наряду с этим работало несколько межобластных кабинетов, некоторые из них организовали полное обследование территорий, находившихся в их ведении. <...>

Следует вообще сказать, что создание диалектологического атласа русского языка, требовавшее обследования методом непосредственного наблюдения многих тысяч населенных пунктов, стало возможным лишь благодаря широкому участию филологов нашей страны — членов кафедр ряда высших учебных заведений, аспирантов и студентов.

Сложившейся традицией стало и проведение ежегодных диалектологических совещаний в Москве, на которых представители многих вузов решали вопросы планирования работы по подготовке атласов, обменивались научными результатами этой работы. <...>

В результате этой приобретенной огромной размах работы к концу 1950-х годов оказываются обследованными по сетке 15–20 км говоры населенных пунктов центральных районов Европейской части СССР. Часть этих материалов уже картографирована: подготовлены атласы центральных областей к востоку и западу от Москвы, атлас северо-западных областей (территории, окружающие Новгород, Ленинград, Псков), а также атлас юго-западных областей (Курск, Орел).

В 1957 г. вышел из печати «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» под редакцией Р. И. Аванесова. <...>

Как отмечалось в рецензиях на атлас, его карты доказывают, что, несмотря на длительные и в ряде случаев глубокие процессы междиалектных смещений, реально существуют не только произношение отдельных слов, но фонетические и грамматические изоглоссы, отражающие языковые явления, не связанные с определенным кругом лексики. Рецензенты единодушно признали большое значение вышедшего атласа, принципиальное отличие его методики от других лингвистических атласов и тот факт, что выход в свет диалектологического атласа, в основе которого лежит учение о системном характере языка, открывает новую страницу как в изучении русского языка, так и в разработке общей теории лингвистической географии. Отмечалось также значение русских диалектологических атласов для разрешения многих проблем сравнительного славянского языкознания. <...>

Не следует также забывать, что в процессе подготовки атласов собрано огромное количество ответов на вопросы «Программы», которые, взятые сами по себе, также имеют большое значение и ждут своей публикации.

Не только русская диалектология, но и история русского языка, история русского народа и некоторые другие научные дисциплины получают при этом в свое распоряжение материал огромного значения. <...>

Н. С. Сергиева

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ОКРАИННЫХ ГОВОРОВ РУССКОГО СЕВЕРА¹

При изучении фонетики народных говоров перед современным исследователем стоят задачи не столько выявления и описания диалектных черт, сколько их правильной интерпретации. Действительно, типологические особенности фонетического строя русских говоров достаточно подробно описаны, особенно в связи с созданием ДАРЯ. При изучении говоров территорий позднего заселения исследуются в основном процессы трансформации исходных диалектных черт в зависимости от условий бытования диалектов на новой территории и связь с материнскими говорами.

¹ Сергиева Н. С. Особенности развития окраинных говоров русского Севера // Динамика русского слова. СПб., 1994. С. 38–42.

Диалектный текст может рассматриваться с разных точек зрения. Историк языка ищет в нем следы минувших эпох, поскольку диалекты показывают в пространственной проекции ряды изменчивости, которым в истории языка соответствуют последовательные стадии звукового изменения. Кроме того, в говорах представлена «живая жизнь» языка: социально обусловленные преобразования диалектных систем осуществляются с большой степенью интенсивности и доступны наблюдению. В 1971 г. В. В. Колесовым было предложено понятие исходного и вторичного диалектных признаков, используя которые можно дать адекватное описание современных диалектных систем и происходящих в них преобразований.

Исходный (основной) диалектный признак характеризует конкретную диалектную систему как замкнутое целое, не затронутое внешними воздействиями. В этой системе имеются некоторые типы фонологических противопоставлений, основанные на определенных фонетических коррелятах. Вторичный диалектный признак возникает на основе столкновения диалектной системы с качественно иной системой и отражает промежуточный этап субституции нового фонемного противопоставления диалектными фонетическими средствами. На этом временном противопоставлении между фонологическим отношением и фонетическим выражением строятся все фонемные преобразования диалектной системы. Столкновение происходит по наиболее важным признакам системы, воплощающим общерусские тенденции языкового развития и составляющим динамическую часть системы.

Среди говоров территорий позднего заселения на Европейской части России следует особо выделить окраинные говоры русского Севера, к которым относятся русские говоры Мурманской, Архангельской областей, Карелии, а также русские говоры Республики Коми, которые послужили материалом настоящего исследования. На особый характер говоров Европейского Севера указывали авторы «Русской диалектологии» 1965 г., мотивируя ограничение территории неравномерным характером размещения русского населения и чередованием с населением, нерусским по языку, а также отсутствием лингвистических атласов северных областей, отмечая древний по времени появления характер русского населения. Пестрота диалектного ландшафта наблюдается именно к востоку от условной границы, отделяющей русские говоры исконной территории от всех прочих.

Действительно, процесс формирования русских диалектов на Европейском Севере России не был столь сложным и многоступенчатым, а лингвистический ландшафт не отличается такой диалектной пестротой, как в Среднем и Нижнем Поволжье или Сибири. Ранняя колонизация и сравнительно однородный состав населения в значи-

тельной степени снимают вопрос о процессах междиалектного смешения, которые обычно активно проявляются в говорах территорий позднего заселения.

Специфической чертой развития многих окраинных северных говоров является их маргинальный контакт с диалектами финно-угорских языков. Подобным образом выглядит современная языковая ситуация, однако следует заметить, что контакт с финно-угорскими языками в некоторой степени «исконен» для говоров Русского Севера и уходит корнями в давние времена. Вопрос о роли финноугорского субстрата в формировании и развитии русских диалектов неоднократно рассматривается в лингвистической литературе.

Окраинные северные говоры являются продолжением периферийных говоров исконных территорий, сохраняющих наиболее архаические особенности своей фонетической системы, что неоднократно исследовано и подтверждено на историческом и диалектном материале. <...>

Направления развития современных диалектных систем достаточно ясны. В области вокализма — это усвоение пятифонемной системы с утратой противопоставления гласных в безударном положении, в области консонантизма — формирование корреляций по мягкости–твердости и звонкости–глухости, охватывающие максимально возможное число фонем. Наиболее выразительно динамические процессы в окраинных северных говорах, сохраняющих палатальный ряд, протекают именно в области консонантизма, особенно на тех участках консонантной системы, где пока наблюдаются наиболее яркие отличия от общерусской модели развития.

В современных исследованиях по диалектной фонетике отмечается, что выдержанного типа неразличения аффрикат ни одна диалектная система уже не сохраняет, либо содержатся указания на «беспорядочное смешение». Подобные утверждения имеют под собой основания, однако в исследуемых диалектах исконный тип неразличения аффрикат сохраняется в речи носителей архаического слоя говора, особенно если в ситуации общения не участвует носитель литературного языка. Вместе с тем в любом диалектном тексте прослеживается разрушение исконной одноаффрикатной системы. Рассмотрение указанного явления в аспекте орфоэпии позволяет выявить «давление» нормативной системы, проявляющееся в усвоении оппозиции /ц/ : /ч/ и ускоряющее этот процесс. Особенности его протекания определяются исконным типом неразличения аффрикат, а также конкретными условиями функционирования диалектов. В ходе становления новой оппозиции с различием аффрикат необходимо выработать два ДП: мягкости–твердости и локального ряда. Диалектная система формирует вторичные диалектные признаки.

Для систем с мягким цоканьем следующие:

Основной признак
/ц"/

Вторичный признак
[ч]
([с"], [т"], [ч"]) → /ц/ : /ч'/

Появление [ч] твердого или [ч] полумягкого, более типичного для севернорусских говоров, отмечалось издавна в говорах с мягким цоканьем, причем первоначально в словах, проникших в говор из литературного языка. В дальнейшем лексическая зависимость утрачивается, позиционная также. Это уже фонологическая субституция /ц/ : /ч'/, основанная на фонетических возможностях самой диалектной системы.

Явление «дезаффрикатизации» согласных аффрикат, широко представленное на других территориях как утрата затвора и последующий этап реализации общерусских тенденций языкового развития, в данных диалектных системах проявляется факультативно.

Факультативна реализация [ч"], представленная только в русских вычегодских говорах (немногочисленные примеры типа **в'инч"и**, <...> **кол'ч"о**), находящихся в условиях контакта с нижевычегодским диалектом коми языка.

В говорах с мягким цоканьем видим следующее:

Основной признак
/ч'/

Вторичный признак
[ц'] → /ц/ : /ч'/ ([ч']/

Усваивая двуаффрикатную систему, диалектная система вырабатывает вторичный диалектный признак [ц'], [ц"], образуя внешне как бы беспорядочное смешение аффрикат. Факультативный [ч] лексикализован: **попуч'ик**, **попуч'айа машына**, **роббч'ий**. Вторичные диалектные признаки здесь не так разнообразны.

Шепелявенье мягких зубных согласных [с"] и [з"] зафиксировано во всех русских говорах Республики Коми. Это очень устойчивое фонетическое явление, которое можно наблюдать у носителей говоров независимо от возрастной группы. Шепелявое произношение мягких свистящих является также особенностью местного просторечия, проявляется в русской речи носителей коми языка. Различия в фонетической реализации незначительны и касаются в основном степени проявления шепелявости в разных говорах, где представлены палатальные аллофоны разных типов. Наблюдается также спорадическое смешение свистящих и шипящих: **до штáрос"ти**, **ошбб'енно**, **тоз"е**, **с"ёрс"**, **су́стрый**, **посáзono**, **ш'ел'совет**.

В процессе формирования корреляции согласных по мягкости–твердости в системе продолжают сохраняться старые противопоставления согласных по ряду. После отвердения шипящих (а шипя-

щие в исследуемых говорах твердые, с ясно выраженным задним фокусом), /с"/ и /з"/ стали противопоставляться фонемам /ш/, /ж/, так же как /с/, /з/ противопоставляются /ш/, /ж/; и это различие по ряду сохраняет свою релевантность до фонологического оформления противопоставления твердых и мягких согласных, в связи с чем сохраняется и противопоставление слогов в целом как «диезный» / «бемольный»: з"ив'от, з"ен'шына, шел'сов'ет, ран'с"е: посазоно, сустрый, жонт'ик, вшо.

«Смешение» свистящих и шипящих, а также шепелявые свистящие в некоторых положениях в русских говорах Республики Коми являются вторичными диалектными признаками, вырабатываемыми в процессе формирования корреляции согласных по мягкости–твердости.

Основной признак
/с"/, /з"/

Вторичный признак

[с], [з]
([ш'] [ж'] → /с"/, /з"/
[шц] [ж])
[с"] [з"]

Далее происходит утрата палатальной артикуляции и сдвиг в переднеязычную зону. Это изменение не фонемное, а связано с изменением ДП. На исследуемой территории указанный процесс протекает вяло, невыразительно, по сравнению с интенсивностью утраты цоканья. В этом случае сохранение основного диалектного признака было поддержано и в определенном смысле законсервировано благодаря соседству диалектов коми языка. Для указанного изменения уместно применение латентной перефонологизации, которая представляет собой чисто функциональное преобразование, когда парадигматически противопоставление твердых и мягких свистящих уже оформилось, но фонетически реализуется старыми средствами. Так что с фонологической стороны признак палатальности может квалифицироваться как основной, но фонетически он уже вторичен. В силу причин, указанных выше, шепелявенье устойчиво в речи носителей говоров старшего, среднего и даже молодого поколений. <...> Эта фонетическая особенность привычна на территории Республики Коми, и трудно предположить ее скорую утрату. «Скрытый период» преобразования в этом случае будет довольно длительным.

Аналогичным образом протекают процессы преобразования на других участках консонантизма исследуемых диалектных систем: становление оппозиции /л/ : /л"/, где [i] и [y] выступают как вторичные признаки; включение фонемы /в/ в корреляции по твердости–мягкости и звонкости–глухости (основные этапы этого процесса отражают говоры); фонологизация /j/; становление противопоставления мягких и твердых губных согласных с использованием линейного ДП мягкости.

Опыт русской диалектологии¹

I

Наречие великорусское

Русская диалектология имеет много прав на внимание.

1. Каждый из нас, как русский, обязан обладать хотя бы самыми общими сведениями о том, что такое русский язык, как говорят под Новгородом, под Тулой, около Вильны, Полтавы.

2. Занимающиеся историей русского языка имеют особенную потребность в знакомстве с диалектологией. Интересуются ли они историей звуков и форм, или следят за судьбами синтаксических явлений словарного материала, все равно, — они могут найти в современных русских народных говорах то, что давно исчезло из говора образованного общества, и таким образом получить ясное представление о прошлом нашего языка. Например, мы не имеем теперь в своем говоре мягкого Ц, которое было (как показывают памятники) в древнерусском языке, обращаясь к народным говорам, в некоторых из них мы встречаемся с этим Ц и таким образом составляем себе понятие о качестве древнего звука.

3. Те, которые изучают древние памятники нашей письменности (как литературные, так и исторические, юридические), чрез изучение диалектологии почерпают средства к пониманию текста памятников. Значительное число слов, прежде употреблявшихся во всем русском языке и нашедших себе место в памятниках, теперь у нас, в нашем говоре, неизвестно, но остается в употреблении в других говорах. Таким образом, знакомство с говорами дает нам возможность определить значение этих слов. Например, в Русской Правде мы находим слово ОЛЕКЪ: «аже бчелы выдереть, то 3 гривне продаже, а за медь, — оже будут бчелы не лажены, то 10 кунь, будеть ли ОЛЕКЪ, то 5 кунь». Костромской и шуйский говоры объясняют нам это слово. В них ОЛЕК = почин сотов. Следовательно, Русская Правда противопоставляет улью, полному меду, не подрезанному, «не лаженному», — улей с небольшим количеством меда, оставленным для пчел на зиму. Или, в Слове Даниила Заточника мы читаем: «дивья за буйномъ кони паствити, а за добрымъ княземъ воевати». Слово БУЯН в говорах значит: гора, холм. Итак, фразу Слова мы можем перевести: хорошо за горой коней пасти (т. е. в укромном, прикрытом от ветра месте). Конечно,

¹ А. И. Соболевский Опыт русской диалектологии. Наречия великорусское, белорусское и малорусское. Киев, 1911. С. 1–4.

не все слова наших памятников сохраняются в говорах; так, слово ТЫЛЪСНЬ Русской Правды пока еще ни в одном говоре не нашлось. Но зато и значение этих слов останется неизвестным, если лучшая разработка диалектологии не даст ключа к их пониманию.

4. Диалектология имеет некоторое значение как вспомогательная наука при изучении истории. Историк беспрестанно сталкивается с такими вопросами, на которые нет ответов в летописях и документах, но которые могут быть разрешены современными говорами. Например, существует вопрос о населении верхнего Поволжья, нынешней Ярославской и Костромской губерний, какого оно происхождения, откуда пришло и к какому большому городу первоначально тянуло. Обыкновенно отвечают на этот вопрос так, что-де Поволжье было заселено выходцами из новгородской области и первоначально должно было тянуть к Новгороду. Но большая часть говоров названных губерний довольно ясно отличается от говоров древней новгородской земли и новгородских колоний (в них нет мены Ц и Ч); напротив того, они близки к говорам средней Руси (Московской, Тульской и соседних с ними губерний). Следовательно, вопрос о происхождении поволжского населения должен быть разрешен иначе: Поволжье заселилось с юга и его жители никогда не тянули к Новгороду, а составляли одну область с Москвой, Муромом, Рязанью.

Мы не хотим приписывать знакомству с диалектологией какого-либо значения для нашего литературного языка и не думаем, чтобы диалектический материал мог пригодиться для обогащения и вместе сохранения чистоты литературного языка. Нет сомнения, вместо того чтобы заимствовать новые слова из иностранных языков, — было бы для нас несравненно полезнее брать подходящие по значению слова из своих диалектов. Но мы сомневаемся, что такое пользование было часто возможно. Дело в том, что то русское, чего нет в нашем говоре и что есть в соседнем, обыкновенно кажется нам смешным или даже достойным насмешки. Мы не удерживаемся от улыбки, когда герой «Жениха из ножевой линии» (Чернышева) говорит ХОТИТЁ; нам немножко смешно, когда герой «Бешеных денег» употребляет слово ШАБЁР. Что касается до простого народа, то он почти всегда насмехается над своим соседом, имеющим какие-нибудь, хотя бы и незначительные особенности речи, «дразнит», преследует его особыми поговорками с этими особенностями (вроде: *куриЧа на улиЧе яйЧо снесла*), дает ему насмешливые прозвища (вроде: *яГун*, от формы родительного падежа *яГо* = его, с Г вместо *яВо*, с В), вообще обнаруживает к диалектическому материалу полную нетерпимость.

Наша задача — указать главные особенности русских говоров в звуках и формах, на основании почти исключительно печатного материала. Последний так скуден и отрывочен¹, а часто и стар, что

¹ Мы до сих пор еще не имели специалистов по русской диалектологии. Ученые занимались ею в самых редких случаях и притом наскоро, проездом, ухватывая лишь

наш очерк русской диалектологии не имеет притязания на полноту ни в каких отношениях. Мы убеждены, что нам не пришлось воспользоваться даже всем тем, чем можно было бы воспользоваться, но что зарыто в разных провинциальных «памятных книжках», календарях, газетах. Издание в свет настоящего очерка должно показать, какие говоры до сих пор остаются науке неизвестными и для каких она владеет данными неполными и неверными.

<...>

Вопросы и задания

Как ученый оценивает значение науки русская диалектология?

А. И. Сологуб

Об эволюции новгородского диалекта¹

Известно, что исконной территорией новгородского диалекта являлась территория вокруг озера Ильмень и Новгорода.

В период XIII–XV вв., характеризующийся бурным расцветом Новгородской культуры и интенсивной колонизацией Новгородом новых территорий, черты новгородского диалекта в связи с расселением его носителей получают широкое распространение по северной части территории русского языка.

К концу XV в. новгородский диалект занимал территорию от Нарвы до Великого Устюга.

В процессе дальнейшего исторического развития новгородский диалект на разных частях его территории переживает различные изменения, связанные с особыми историческими и языковыми условиями.

случайно встретившиеся черты. Этнографы обращали на говоры крайне мало внимания, и мы имеем ряд хороших сочинений по этнографии, где нет никаких замечаний по диалектологии или помещены самые ничтожные. Помещики, священники, уездные учителя и т. п. народ, если делали наблюдения над говорами, им отлично знакомым, то не могли — вследствие отсутствия какой-либо подготовки — дать сколько-нибудь полный и ясный отчет об особенностях этих говоров, а иногда даже изобразить их звуки. Вообще мы имеем чрезвычайно мало описаний говоров. Обыкновенно мы должны извлекать данные из песен, сказок и т. п. сырого материала и беспрестанно подвергаться опасности увидеть диалектическую особенность в простой описке или опечатке.

¹ Сологуб А. И. Об эволюции новгородского диалекта // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности: Мат-лы к межвузовской научной конференции. Череповец, 1970. С. 35–43.

В конце XV в. Новгород теряет свою силу и независимость и попадает под московское влияние. С этого времени новгородский диалект вступает во взаимодействие с говорами ростово-суздальского диалекта, которое носило различный характер и давало различные результаты на разных его территориях.

В наибольшей степени воздействию ростово-суздальского диалекта подверглись говоры древнейшей части территории новгородского диалекта, расположенной вокруг г. Новгорода и оз. Ильмень, где было сосредоточено ремесло, торговля, высшие достижения культуры новгородской республики и ее политический центр. Именно на этой территории, по свидетельствам историков, произошло сильное изменение состава населения, связанное с выводом новгородцев и привозом крестьян с центральных территорий Московского государства.

В современных новгородских западных среднерусских говорах, расположенных на старой территории новгородской метрополии, полностью отсутствует целый ряд черт древнего новгородского диалекта. Так, в области вокализма в этих говорах не отмечают произношения *o* закрытого, дифтонга *yo* в соответствии исконному *o* под восходящим ударением, лишь в рассеянном распространении и только на части территории — к югу от р. Луги — известны в этих говорах случаи произношения *u*, редко дифтонга *ue*, *e* закрытого в соответствии исконному *ъ* и всегда в сосуществовании с *e*, не отмечено здесь также изменения *a* в *e* между мягкими согласными, тенденцию к которому, видимо, имел древний новгородский диалект, совершенно единичны случаи «неперехода» *e* в *o* перед твердыми согласными под ударением в корнях слов, а также в суффиксах существительных и прилагательных.

Из числа характерных черт консонантизма современными новгородскими говорами утрачено цоканье, губной спирант *в* имеет губно-зубное образование во всех возможных позициях, и лишь единичные и имеющие рассеянное распространение случаи произношения *x*, *xв* в соответствии *ф* и столь же единичные случаи мены *у* на *в* в начале слова (*фчитель* и под.) свидетельствуют о наличии губно-губного спиранта в прошлом; отсутствует в новгородских говорах и чередование *л* с *у* неслоговым в конце слога и слова.

Изучение материалов лингвистической географии показало, что по основным чертам языковых комплексов в наибольшей степени связаны с новгородским диалектом современные Ладого-Тихвинская и Вологодская группы говоров.

Ладого-Тихвинская группа говоров расположена на территории, сопредельной с территорией новгородских говоров, и исторически входила в состав основной территории Новгородской земли. Видимо, этим объясняется наибольшая близость по характеру языкового комплекса ладого-тихвинских говоров с соседними новгородскими говорами. Эта близость прослеживается как в судьбе древних языковых

особенностей в тех и других говорах, так и в том, что по ряду более поздних языковых переживаний они иногда входят в одну общую сферу. Однако более периферийное положение ладого-тихвинских говоров по сравнению с новгородскими говорами определило своеобразное развитие этих говоров, с одной стороны, а также открыло возможность их включения в общие процессы языкового развития с говорами, расположенными к востоку от них, с другой стороны.

Наличие подобных условий обеспечило, например, несколько большую сохранность в ладого-тихвинских говорах древних новгородских черт, исчезнувших в современных западных среднерусских говорах. Так, например, в ладого-тихвинских говорах отмечено хотя и не последовательно, употребление *в* билабиального, наличие случаев произношения *е* и *о* закрытых в соответствии исконным *е* и *о* под восходящим ударением, несколько лучше, по сравнению с западными среднерусскими говорами, сохраняются в ладого-тихвинских говорах такие западно-северные инновации, ранее, видимо, известные всем новгородским говорам, как чередование *л* с *у* неслоговым в конце слога и слова, сохранение твердых звуковых сочетаний *шч*, *ждж* в соответствии долгим мягким шипящим и др. Показательным при этом является также и то, что в ряде случаев ладого-тихвинские говоры представляют продолжение развития ряда исконных новгородских особенностей (ср. произношение *я* в соответствии *е* во всех возможных позициях, наличие более напряженных и более закрытых гласных *о* и *е* и др.).

Связи ладого-тихвинских говоров с говорами центральной новгородской территории не прерываются и в более позднее время, когда говоры северного наречия, взятые в целом, теряют подобный контакт и в них приобретает ярко выраженное преобладание распространения собственно-местных черт. Об этом свидетельствует, например, то, что инновации, распространяющиеся на новгородскую территорию с юга, получают некоторое распространение и к востоку, но преимущественно не далее пределов Ладого-Тихвинской группы (ср. распространение форм *йон*, *йона*, *йоны*, членных форм *тая*, *тое*, *тые*, деепричастий в функции сказуемого (*поезд ушовши* и под.), конструкций с предлогом *с*, *з* в случаях типа *приехал с города* и др.).

Сохранение тесных связей с говорами центральных новгородских территорий повело в дальнейшем к тому, что в ладого-тихвинских говорах почти не развивались собственно местные инновации, истоки которых не были бы заложены в древнем новгородском диалекте.

Об укреплении связей с говорами восточных территорий и тем самым о включении ладого-тихвинских говоров в состав сформировавшегося северного наречия русского языка свидетельствует тот факт, что ряд инноваций северо-восточного происхождения получает распространение и на территории ладого-тихвинских говоров, не захватывая при этом территории центральных новгородских

говоров (ср. произношение *и* в соответствии *е* под ударением и в 1-м предударном слоге перед мягкими согласными, упрощение групп согласных в сочетаниях *ст, сътъ* на конце слова, форм типа *цып-лятко* — *цыплятка, братовья, деревья*, форм собирательных существительных типа *зятьё, косьё*, словоформ *крестьяна, деревён*).

С усилением московского влияния на территорию ладого-тихвинских говоров получают распространение многие черты ростово-суздальского происхождения. Видимо, с этим связано развитие произношения *о* в соответствии *е* в 1-м предударном слоге (*нёсу* наряду с *несу*) в ладого-тихвинских говорах, утрата цоканья, изменение *ого* (*оюо*) в *-ово*, устранение различия *ть* и *е*, утрата интервокального *ј* в формах глаголов и прилагательных, употребление комплекса форм местоимений 1–2 л. ед. ч. и возвратного, при котором наблюдается совпадение основ у местоимения 2 л. и возвратного и различение окончаний в формах род.-вин. п. и дат.-предл. п.; распространение энклитических форм *мя, тя, ся* (род.-вин. п.), *ми, ти, си* (дат.-предл. п.), распространение в ряде говоров этой группы прогрессивного смягчения задненёбных согласных после парных мягких согласных, *ј* и *ч*, наличие частицы *са* в формах возвратных глаголов и др.

Говоры Вологодской группы расположены на территории новгородской колонизации, в Заволочье. Как показывают данные лингвистической географии, вологодские говоры сохранили тесную связь с говорами новгородской метрополии лишь на первоначальных этапах своего существования, примерно до XVI в.

Именно в этот период на территорию вологодских говоров проникают и получают относительно широкое распространение ранние новгородские инновации, ставшие характерными для северного наречия в целом (такие как, например, наличие *т* твердого в формах 3 л. ед. ч. и мн. ч. глаголов, ассимиляция согласных по признаку назальности в сочетании *-бм-* и др.), а также ранние инновации обще-западного происхождения, иногда преимущественно сохраняющиеся в пределах данной группы, как, например, чередование *л* с *у* неслоговым или употребление форм косвенных падежей местоимения 3 л. ед. ч. ж. р. без начального *-н-* и др.

Однако в сравнительно раннее время вологодские говоры теряют указанную связь с говорами новгородской метрополии и становятся в достаточной степени обособленными, получая возможность самостоятельного, собственно местного развития. В пользу такого предположения свидетельствует прежде всего то, что целый ряд сравнительно поздних обще-западных инноваций, характерных для современных новгородских и ладого-тихвинских говоров, в своем распространении уже не известен на территории современных вологодских говоров (ср., например, такие явления, как йотация начального гласного местоимений 3-го л. (*йон*) и под., как членные формы местоимений типа *тая, тое, тые*, формы дат. п. ед. ч. ж. р. типа *к жены*, ассимиляция согласных *дн > нн* и др.).

С другой стороны, об этом свидетельствует также и то, что некоторые более поздние новгородские инновации, а также те юго-западные инновации, которые в относительно позднее время распространялись в северном и далее в восточном направлении, получают уже значительно менее последовательное распространение на территории вологодских говоров.

К числу подобных явлений относятся такие, например, как произношение твердых губных на конце слова, совпадение форм дат. и тв. п. мн. ч. существительных и прилагательных и др.

В создававшихся условиях обособленного развития вологодских говоров, с одной стороны, хорошо сохранялось архаическое состояние ряда черт, а с другой — возникали предпосылки для своеобразного развития некоторых тенденций, характерных для этих говоров, как новгородских по происхождению, или для дальнейшего развития тенденций общерусского характера.

В связи с этим именно в говорах Вологодской группы полностью сохраняются некоторые черты, которые были общими для ростово-суздальского и новгородского диалектов, т. е. черты северного территориального подразделения взятого в целом и в дальнейшем наиболее последовательно сохраняющиеся в говорах северного наречия русского языка. Так, в вологодских говорах сохраняется лучше, чем в каких-либо других, и целый ряд древних особенностей новгородского диалекта: например, цоканье в его наиболее архаической разновидности (мягкое цоканье), различия в произношении звуков в соответствии исконным *e* (из *e*, *ь*) и *ь*, *o* и *o* закрытого; случаи произношения *e*, не перешедшего в *o* под ударением перед твердыми согласными.

На основе самостоятельных процессов развития данных говоров, которое не исключало взаимодействия их с соседними говорами, черты новгородского происхождения могли развиваться на данной территории своеобразными путями, что приводило к возникновению явлений, могущих считаться собственно вологодскими. Так, характерное для западных говоров русского языка, в том числе и новгородских, чередование *л* с *у* неслоговым, первоначально имевшее ряд ограничений морфолого-лексического характера, в вологодских говорах развивается в имеющее фонетический характер чередование *л* — *у* неслоговое перед согласными и на конце слова. Кроме того, вологодские говоры, возможно, при взаимодействии с иноязычной средой, развивают произношение *l* среднего, замещающего *л* велярный в положении перед гласными непоследнего ряда. В результате указанных процессов и возникает своеобразная система употребления смычнопроходных боковых согласных *l* — *у* неслоговое, не имеющая столь последовательного распространения на других частях территории говоров русского языка. То же можно сказать о развитии в вологодских говорах в ходе их самостоятельного развития систем ударенного и безударного вокализма, для которых наи-

более характерно развивавшееся только в данных говорах, в отличие от всех других говоров русского языка, собственно фонетическое чередование *a* с *e* в зависимости от твердости или мягкости последующего согласного, существовавшее ранее, видимо, лишь в виде тенденции в новгородском диалекте.

Исторически пережитое основными носителями вологодских говоров взаимодействие с носителями ростово-суздальского говора имело в основном равноправный характер. В результате такого взаимодействия в системе вологодских говоров могли вырабатываться особые, качественно отличные от исходных, именно для них характерные явления, формирующиеся, однако, как правило, на основе закономерностей системы, испытывающей воздействие. Так, например, уже указывалось, что для ряда вологодских говоров является характерным различие *e* и *ь*, *o* и *o* закрытого при преобладающем произношении *и* в соответствии исконному *ь* под ударением перед мягкими согласными. Однако при этом в тех же говорах в их современном состоянии произношение *и* в соответствии *ь* в безударном положении, находит более слабое отражение, что можно связать с воздействием говоров ростово-суздальского типа. С другой стороны, при преобладающем в настоящее время произношении *o* в соответствии исконным *ь*, *e* под ударением перед твердыми согласными (случай типа *нес*, *свекла* сохраняются только реликты), в первом предударном слоге преимущественно произносится *e*: *несу*. Такой разрыв в произношении ударенного и предударного слогов появился в вологодских говорах, видимо, после того, как в них распространилось изменение *e* в *o* под ударением перед твердыми согласными, что также могло быть связано с воздействием говоров ростово-суздальского происхождения. Не получает в вологодских говорах столь значительного развития, как, например, в ладого-тихвинских говорах, и лабиализация *o* в предударных слогах. На основании имеющихся материалов можно предположить, что распространение ростово-суздальских, а в дальнейшем московских инноваций на территорию вологодских говоров имело место в основном в период до XVII в., причем на протяжении этого периода оно меняет свой характер, постепенно начиная отражать влияние языка Московского государства как становящегося общенародным, т. е. уже вне связи с непосредственным взаимодействием двух различных диалектных систем.

Примером распространения наиболее ранней инновации ростово-суздальского происхождения может служить характер употребления губных спирантов. Рано сложившееся в ростово-суздальских говорах употребление губно-зубных спирантов и привело, видимо, к возникновению характерного для вологодских говоров комплекса их употребления, для которого характерно употребление *в* — перед гласными, но у неслоговое (наряду с *в*) — перед согласными и на конце слова, при возможности произношения *ф* в сильной позиции.

Сравнительно ранним было и распространение такого ростово-суздальского по происхождению явления, как утрата смычного элемента в звуковых сочетаниях *жсьдьж*, *штиш*, следствием чего было появление в вологодских говорах долгих мягких шипящих согласных. Достаточно рано начинает распространяться на территорию изучаемых говоров, видимо, и форма род.-вин. п. местоимения 3 л. ед. ч. женского рода *её*, которая широко захватывает всю южную часть территории вологодских говоров (островками она отмечена даже и на севере), распространение же старой формы *ея* представлено только в пределах территории, где резко преобладала новгородская колонизация, т. е. на северной части территории группы.

Ростово-суздальские по происхождению языковые явления проникают на более северные территории, в том числе и в пределы вологодских говоров, и в последующие более поздние периоды, т. е. в период становления Московского государства. Оживление в распространении инноваций этого рода наблюдается особенно после XV в., т. е. после того, как новгородские территории вошли в состав Московского государства. К этому времени мы бы отнесли распространение на вологодскую территорию формы им. п. мн. ч. местоимения 3 л. *оне*, а также распространение форм глаголов и прилагательных с утратой интервокального *j*, или вновь возникавшие формы 1 и 2 л. личных и возвратного местоимений (*меня*, *тебя*, *себя*, *мне*, *тебе*, *себе*). Примерно в этот же период наблюдается распространение на территорию вологодских говоров ассимилятивного смягчения задненёбных согласных, которое захватывает южную часть данных говоров.

Благодаря наличию особых условий относительно самостоятельного существования вологодские говоры смогли развить целый ряд именно им присущих инноваций. К наиболее ранним из них можно, видимо, отнести такие, как образование формы повелительного наклонения *лег*, *легте*, замена *л* велярного *l* средним, образование форм род. п. ед. ч. ж. р. относительного и указательного местоимений *тыйе*, *одныйе*, образование охарактеризованного выше комплекса губных спирантов.

Образование инноваций продолжается на этой территории и в более позднее время. К их числу можно отнести такие, как произношение твердого велярного *л* в сочетаниях *лн*, *лш*: *болно*, *большой*, образование форм дат.-предл. п. ед. ч. существительных с мягкой основой с окончанием *-е*: *в грязе*, *по грязе*, образование форм инфинитива типа *пекти*, произношение шепелявых звуков в соответствии с, з, образование полумягких и твердых согласных в соответствии исконно мягким, образование форм сравнительной степени с суффиксом *-яе* (*тепьяе* и под.), образование парадигмы спряжения у глаголов с основой на задненёбный согласный с чередованием твердого и мягкого задненёбного в основе.

Вопросы и задания

1. Какие группы говоров исторически возникали на базе новгородских диалектов?

2. Какие черты (фонетические и грамматические) являются общими для новгородских говоров, а какие отличают их друг от друга и почему?

С. Н. Темняткин

(д. Мартыново Мышкинского р-на Ярославской обл.)

ДИАЛЕКТ КАК СИМВОЛ СЕЛЬСКОЙ ТЕРРИТОРИИ¹

Я — кацкарь. Живу на западе Ярославской области, на речке Кадке, вдоль течения которой еще в XV веке сложилась одноименная волость — Кадка. В самом конце XVI столетия ее сменил Кацкий стан, но кацкари оттого не перевелись, ибо уже вполне самоопределились.

Во всяком случае противопоставление себя соседям («я — *кацкарь*, а все остальные — *заволóсные*») могло сформироваться только в волостную эпоху. Тогда же, без сомнения, получил свое обличие и кацкий диалект, вобравший в себя черты как исчезнувшего языка финно-угров мерян, так и речевые особенности славян-кривичей. Конечно, несладко приходилось бесписьменному кацкому диалекту, но он выжил. Перемог даже то опасное для него время, когда после отмены крепостного права чуть ли не половина кацкарей подалась в города, ворачиваясь в родные края только летами да по старости.

В советские, послевоенные уже годы кацкий диалект попал в поле зрения ученых дважды. Н. Д. Русинов и О. В. Соцкова подтвердили своеобразие говора жителей бассейна реки Кадки, но всерьез заниматься им не стали.

Однако судьба дала кацкарям еще один шанс: в конце концов они заинтересовались собой сами. В 1992 г. в Кацком стане начала выходить газета «Кацкая летопись», а следом и Музей кацкарей открылся, и краеведческие Кацкие чтения стали ежегодно собираться. При Мартыновском доме культуры успешно заработал кацкий народный театр, в школах приступили к преподаванию кацковедения, а в детских садах — к занятиям по кацковедению. Плюс различные мероприятия, фольклорные праздники... Наконец, в 1999 г. неравнодушные к отчуждению краю кацкари объединились в имеющую статус

¹ Темняткин С. Н. Диалект как символ сельской территории // В. И. Даль и русская региональная лексикология и лексикография. Ярославль, 2001. С. 52–57.

самостоятельного юридического лица организацию Клуб «Кацкая летопись».

Все эти процессы в той или иной степени в 90-е годы затронули всю Русь-матушку, но только в Кацком стане произошел феномен, аналогов которому, кажется, нет — возрождение диалекта.

Отчего же именно сейчас, на заре XXI века, в глубинном российском Кацком стане вновь оказался востребован диалект? Причин я нахожу несколько.

Первое. Отказ от государственного пропагандирования (в первую очередь на телевидении и в периодике) национальной русской культуры. Особенно остро это чувствовалось в первую половину недавних 90-х годов, когда деревня пережила самый настоящий культурный шок. «Голубой экран» день и ночь транслировал иностранные фильмы с иностранными же проблемами; даже дикторы перестали говорить по-русски, обрушив на головы несчастных сельчан бесчисленные *ваучеры, импичменты, шопы, коммюнике* — слова, выпадающие из строя русской речи по одному только звучанию своему. В Кацком стане попросту перестали относиться к литературному языку как к единственно правильному. Авторитет литературного языка заметно снизился, как следствие — исчез стыд за свою деревенскую диалектную речь. Появились даже такие люди, которые отказались употреблять давно уже обруселые *календарь, термометр, эпидемия*, нарочито заменяя их *численником, градусником, поветрием*.

Второе. Изменилась экономическая ситуация на селе. Все советские годы государство отучивало деревню крестьянствовать; дело дошло до того, что к началу перестройки не все сельчане на своих подворьях держали коров, овец, свиней, а уж кур — совсем немногие. Стиралась грань между деревней и городом в быту, стиралась и в речи.

Перестройка же и последующие за ней события вновь научили сельчан заниматься исконным крестьянским трудом. С возвратом традиционного хозяйствования возродились и почти полузабытые диалектные слова. Теперь уже каждый кацкарь чуть ли не с пеленок снова (как и сто лет назад) знает, что такое *поко́н* ‘род, племя’, *по́роз* ‘некастрированный баран’, *моло́снина* ‘молочные продукты’, *забе́ла* ‘сметана’, *вы́тоить* ‘родить’ и т. д.

С повышением цен на продукты вернулись на кацкие столы не требующие денежных трат *со́чни, наливу́хи, преже́нцы́, щи купоро́сные* и иже с ними. Почти исчезнувшая из Кацкого стана лошадка вернулась, «прихватив» с собой *за́пряг* ‘сбрую’, *о́брать* ‘уздечку’, *мушту́к* ‘недоуздок’, *про́ймы* ‘вожжи’ и пр.

Более того, диалект начал наступление на литературный язык и за пределами Кацкого стана. Сейчас, когда снова стало выгодно сеять лен, едут со всех концов страны учиться этому у кацкарей (а кацкари сеять лен никогда не прекращали). И вот вместе с агро-

техническими приемами «разъезжаются» по белу свету кацкие *гор-стўики* ‘снопы’, *взнімки* ‘охапки льняной тресты, из которых вяжут лен’, *побстати* ‘ряд поставленных в слонки (т. е. укладки) горстушек’ и другие диалектные слова.

Вернувшиеся из полузабытья слова можно сыскать буквально во всех областях традиционного хозяйствования и во всех сторонах народного быта.

Третье. Деревня не может существовать без диалекта в принципе, если она, как Кацкий стан, нормально живет и развивается. Все дело в разнице мышления: городской человек и сельчанин думают по-разному, по-разному воспринимают окружающий их мир. У сельчан особое мышление; я называю его «мифологичным». Помните, мифами первобытный человек объяснял происхождение и устройство мира. Притом для него была чрезвычайно важна каждая деталь. За каждым словом стояла целая система образов, которую ни в коем случае нельзя было нарушить и которая, к сожалению, нам теперь уже почти недоступна. Большой русский язык, как и любой литературный, слишком абстрактен для деревенского человека, привыкшего мыслить конкретными образами.

Скажем, *чайник*. Для кацкаря это слово очень общо — кацкари говорят либо *кипятбишник* (чайник, в котором кипятят воду), либо *заварнік* (чайник для заваривания). Или *костёр*. Ну как может употреблять это слово кацкарь, если костры бывают очень разными. Для него чрезвычайно важно, что это *палюшка* — маленький костерок, *грудок* — костер средних размеров или *тёплина* — большущий кострище.

С мифологичностью мышления связана и другая особенность речи деревенских жителей. Вслушайтесь, как говорят кацкари: *Принеси водички* (а не воды); *наколи дровец* (а не дров); *затопи печку* (а не печь). Причем *водички* кацкари, как правило, натаскивают на неделю, *дровец* запасут не на одну зиму, ну а *печка* занимает пол-избы... И тем не менее употребление уменьшительно-ласкательных форм не знает предела! Отправьтесь с кацкарем... ну хотя бы на сенокос. «*Сколько накосил-то?*» — «*Да чего там, грудки две...*» А потом возить эти грудки две — два дня. Нет, не так — *денька два*.

Употребление слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами связано с менталитетом кацкарей — подобные слова служат своеобразным оберегом: надо приуменьшить предмет, чтоб не сглазили! Потому-то и не собирается «умирать» в Кацком стане целая группа диалектных слов вроде *острамок* и *омёт*.

«Что такое *острамок?*» — спросите вы. «*Маленький воз*», — будет ответ, но... Но слово *воз* кацкарями фактически не употребляется: каким бы большим ни был воз, его называют только *острамок*. То же и с *омётом*: несмотря на то, что это, по утверждению кацкарей, всего лишь *небольшой стожок*, кацкари не стесняются называть *омётом* самые большие стожища...

До тех пор, пока мифологичность будет оставаться присущей мышлению деревенского человека чертой, будет жить немалая толика диалектных слов.

Четвертое и самое важное заключается в обязательной самоидентификации, выделении себя из окружающего населения. И в самом деле, что заставляет кацкарей и сейчас говорить, например, *неспíха*, а не *бессонница*, *полетáвка*, а не *бабочка*, *лядéть*, а не *болеть*, *пáножиться*, а не *есть*. Ведь литературные соответствия этим диалектным словам знают все от мала до велика! Только желание быть непохожими на других!

Рассудите сами, что может служить символом города? Великолепной архитектуры здание, прекрасная скульптура, блистательные театральные и прочие коллективы, учебные заведения, наконец. Ну а деревня чем может похвастаться? Чем ей удивить окружающий мир? Только собственным языком может быть она привлекательна для приезжих людей!

Таким образом, возрождение, пусть частичное, родного диалекта стало для кацкарей вопросом жизни и смерти, несмотря на то что за окном заря XXI века!

Л. Н. Гумилев в свое время предложил теорию пассионарности. Когда изменяются условия существования этноса, писал он, происходит так называемые этнический толчок, приводящий к рождению некоторого количества людей с новым генетическим признаком — пассионарностью: биологической установкой прожить бурную, яркую жизнь, увлечь народ на достижение высокой цели и для этого не жалеть ни себя, ни других. Таких людей Гумилев называл пассионариями. Похоже, подобный всплеск пассионарности и переживает сейчас Кацкий стан. Кацкие пассионарии видят возрождение родного края не только в восстановлении экономики и культуры, но и родного диалекта. Знакомят с ним ребят еще самого младшего возраста.

Так, в детском садике «Капелька» воспитатели и ребята с большим удовольствием разучивают смешные диалоги, составленные из кацких диалектных слов. В кацких школах диалект изучается наиболее полно. Особенно на уроках кацковедения, преподавание которого рассчитано на три года. Все это время ученики знакомятся не только с историей, культурой, бытом, природой, географией родного Кацкого стана, но и фольклором и диалектом кацкарей — изучают и лексику, и фонетические, морфологические, синтаксические его особенности.

Допустим, параграф «Кацкий похоронный обряд» в 8-м классе содержит такие диалектные слова: *лядéть* ‘болеть’, *отодубеть*, *опнáться* ‘выздороветь’, *храбрец* ‘предсмертный вздох’, *копалá* ‘те, кто копают могилу’, *гробовые* ‘взносы сельской общины на похороны’, *срýда* ‘одежда’, *оннодбмцы* ‘живущие в одном доме’, *сомустítь* ‘смутить, соблазнить’. Слова, конечно, не предназна-

чены для обязательного заучивания, но программа составлена так, что они постоянно встречаются в последующих параграфах, а также во всевозможных играх, кроссвордах и других интересных заданиях.

И все это — что очень важно — происходит при полной поддержке взрослого населения. В 1995–1998 годах самой популярной в газете «Кацкая летопись» была рубрика «Великий могучий кацкий язык», в которой из номера в номер печатался кацкий словник. Читатели внимательнейшим образом с ним знакомились, исправляли или дополняли, если где-то была неточность в толковании, и сообщали свои слова:

— А у нас в семье оконной стёкло называют *голубина*. Мы ёго ишло от бабки Парасковьи слышали. Та строжила: *«Тише, черти, рукам-то рахайтеся — голубину разобьёте!»*

Все диалектные слова тут же заносятся в картотеку при Музее кацкарей. На сей момент в ней далеко за тысячу карточек. И она продолжает пополняться. Вот последняя запись: «В библиотеку, тяжело дыша, вошла А. И. Судакова: “Что-то я нонче и читать не могу, словно ногой обошло!” — “А что значит ногой обошло, Анна Игнатьевна?” — “Дак вот если дом долго не могут продать, то и говорят: дом-от мёртвой ногой обошло...”»

Нельзя сказать, чтобы диалектам в русском языке не повезло: они собираются, изучаются, обсуждаются на всевозможных конференциях. Вместе с тем установившееся в обществе отрицательное отношение к говорам не исчезает. Причем, что особенно горько, не только со стороны горожан, но и самих носителей диалектов. Целые поколения сельских жителей, начиная, наверное, с мрачных 1930-х годов, сознательно отказываются от языка своей малой родины.

А из-за границы между тем приходят противоположные сообщения. Так, в школах ряда французских провинций, например, введен факультатив по родному диалекту, отметка за который ставится в аттестат. В Германии и Швейцарии вообще принято литературно-диалектное двуязычие и постоянное общение на диалекте в семье.

Валлийцы, жители английского Уэльса, в быту общаясь на английском, учат свой язык в школе так, как обычно учат иностранные языки, общаются и поют на нем по праздникам, устраивают конкурсы на знание валлийского языка.

Нечто похожее, как видите, сложилось и у нас, в Кацком стане. Конечно же, кацкари не отгородились высоким забором от норм литературного языка, в меру своих сил и способностей стараясь ими овладеть; вместе с тем растет интерес к собственному диалекту, без которого не может быть той самобытности, самодостаточности, культурной независимости, которыми так дорожат кацкари. Выходит, диалект стал большим символом маленькой сельской территории под названием Кацкий стан.

Н. И. Толстой

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹

<...> В последние годы диалектология стала многоаспектной и разносторонней наукой, в которой применяются различные методы и ставятся разные задачи в зависимости от целей и масштабов исследования.

Длительное время диалектология была наукой описательной. Диалектолог фиксировал те или иные факты или явления отдельных говоров, групп говоров, наречий. Эта описательность осталась ей присуща во многом до сих пор, хотя сами способы и методы дескрипции уже не прежние, — они выступают в ином плане. Диалектология прошла путь от описания путем сравнения с литературным языком, который служил тем самым моделью для всех диалектов конкретного языка, от описания часто фрагментарного, отрывочного, до описания полного, системного, охватывающего всю структуру диалекта и все его языковые уровни. Такая дескрипция, однако, возможна лишь для одного говора, для одной и притом минимальной диалектной единицы. Всякое описание нескольких или большого числа диалектных единиц, как бы они структурно или формально ни были близки друг к другу, есть уже сравнительная дескрипция, но дескрипция сравнительно-типологическая или сопоставительная, а не сравнительно-историческая. Сравнительно-типологическое описание может быть подчинено задачам типологического рассмотрения или классификации диалектов и задачам сравнительно-исторических исследований, т. к. отдельные блоки и звенья разных диалектных, хотя и близкородственных систем могут из-за неравномерности развития отдельных уровней и компонентов уровней диалекта (языка) рассматриваться как факты, отражающие диахронический процесс, проецированный в территориально-ареальном плане («развернутая в пространстве диахрония»).

Все это свидетельствует о том, что в диалектологии (впрочем, так во многом и при одновременном анализе большого числа языков) расширение задач исследования ведет не только к большему охвату материала, но и к выработке более сложных методов (способов) или комбинации методов (способов) исследования. При лингвистическом изучении достаточно крупных диалектных массивов возможно и даже, видимо, необходимо выделение отдельных диалектов в каче-

¹ Толстой Н. И. Диалектология в этнолингвистической перспективе // Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1982. С. 3–7.

стве моделей (или эталонов для сравнения) для описания и сопоставления с другими типологически близкими или почти идентичными диалектами, однако выбор таких диалектов не может быть произвольным <...>. Он должен вестись с учетом всего диалектного ландшафта описываемого языка, и модель сначала должна вырабатываться (выявляться) на основе индуктивных операций с массовым материалом, а затем она уже может использоваться для дедуктивного проецирования на тот же материал, для дедуктивных приемов анализа материала.

Несмотря на значительные успехи синхронной диалектной фонологии, морфонологии и морфологии, наиболее развивающейся областью в последние годы была диалектная лексикология (семасиология) и лексикография. Бурное развитие этой диалектологической дисциплины объясняется, видимо, рядом причин. Во-первых, обилием новых очень важных для многих научных аспектов данных и их относительной неисчерпаемостью, во-вторых, ценностью лексических данных для сравнительно-исторических, и в том числе и этимологических штудий, в-третьих, важностью диалектно-лексических фактов и отношений для теоретической семасиологии и семантики, в-четвертых, значимостью этих данных для решения внешелингвистических (исторических, этнографических и др.) проблем и задач. Именно этот последний момент сближает диалектологию с фольклором, этнографией, наукой о народной культуре во всех ее проявлениях, расширяет горизонты диалектологии и требует от диалектолога комплексного подхода к предмету исследования, к диалекту. <...> Изучение устойчивого и архаического слоя диалектной лексики, самого ценного для сравнительно-исторических и даже теоретико-семасиологических штудий, невозможно без рассмотрения инвентарного фонда и структуры базисных для этой лексики предметов, действий и явлений, без исследования и учета внелингвистических показателей — быта, нравов, обычаев, предметов сельского обихода и труда. Определение диалекта поэтому, видимо, не должно ограничиваться лишь пучками изоглосс. Для этой цели не менее существенны изопрагмы и изодоксы (линии, разграничивающие формы и элементы материальной и духовной культуры), дополняющие изоглоссы или их определяющие, если изглоссы-изолексы оказываются словесным выражением предметов и явлений материального быта и духовной жизни народа.

Положение, выдвинутое в 60-х годах нашего века о «противопоставленных» и «непротивопоставленных» диалектных различиях, вело к резкому сокращению исследуемого в лингвогеографическом аспекте материала и к опасной боязни всего этнографического (хотя сама диалектология должна и может рассматриваться как часть более общей дисциплины — народоведения-этнологии). <...> Параллельное или одновременное лексикологическо-этнографи-

ческое изучение необходимо хотя бы для того, чтобы выявить особенности бытования слова и реалии (принцип *Wörter und Sachen*) и обосновать разграничение двух планов, если оно требуется. <...> Отрицать целесообразность и научную значимость языковедско-этнологического картографирования фактов достаточно трудно и малопродуктивно, после того как в зарубежной науке уже почти полвека существует и энергично развивается практика создания именно объединенных лингвистическо-этнографических атласов. Достаточно указать на польский атлас языка и народной культуры Великопольши (авторы З. Соберайский и Я. Буршта), французские серийные и многотомные лингвистические и этнографические атласы Гасконии (автор Ж. Сегю), района Лиона (автор П. Гардетт), Центрального Массива (автор П. Нотон), Шампани и Бри (автор П. Бурсело), Альзаса (авторы Э. Бейер и Р. Мацен), испанский атлас того же рода Андалузии (автор Л. М. Альвар), итальянский и южношвейцарский (авторы К. Яберг и Я. Юд) и др. Есть «комплексные» лингвоэтнографические карты и в отечественном историко-этнографическом атласе «Русские» (М., 1967).

<...>

Особенно плодотворным и важным представляется нам комплексное, или, лучше сказать, — синкретическое, изучение диалектов и народной духовной культуры. Возможность использования тождественных понятий и методов исследования (в том числе и сравнительно-исторических, ареалогических, картографических) применительно к языку и к духовной культуре закономерна потому, что язык есть составная часть и орудие культуры и как таковой может описываться через признаки, общие для почти всех явлений культуры. Кроме того, общность применяемых к языку (диалекту) и к культуре (народной культуре) понятий может проистекать из одинакового взгляда на эти феномены как на семиотические (как на знаковые системы), описываемые при помощи одного и того же логического аппарата. На этом основании можно ставить вопрос о создании синкретических лингво-фольклорно-этнографических исследований, описаний, атласов, словарей, что явилось бы новым словом не только в русской и славянской, но, пожалуй, и в мировой лингвистической (филологической) среде.

Этнолингвистическая перспектива ареальных, ареально-типологических и ареально-исторических разысканий сыграет большую роль в исследованиях этногенетической направленности, в трудах, ставящих своей задачей реконструировать язык, быт и религию древних славян. История языка не есть только история его внутреннего развития, развития структуры, форм, их значений и функций, но и история его внешней эволюции, связанной с историей этноса, с жизнью этноса, с материальной и духовной культурой. Этнолингвистика и диалектология — надежная «лопата для историка».

В. И. Трубинский

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ РУССКИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ В XX СТОЛЕТИИ¹

Еще совсем недавно, несколько десятилетий тому назад, «самым нижним слоем» разговорно-устной разновидности русского национального языка, ее своеобразным «основанием», были крестьянские говоры (здесь мы вновь используем, вслед за В. М. Жирмунским, понятие «вертикальной» протяженности языка, соотносимое с понятием протяженности «горизонтальной», т. е. территориальной, географической).

И вот ныне, в начале XXI столетия, когда число неграмотных и малограмотных пожилых крестьян-диалектоносителей предельно сокращается, «нижележащими» по отношению к устно-разговорной стихии, как мы об этом уже писали, одни лишь полудиалектно-просторечные сферы, которые еще в недалеком прошлом воспринимались как *п е р е х о д н ы е* от частных диалектных систем крестьянских говоров к литературному языку.

Впрочем, таковыми (переходными!) остаются они и поныне: они действительно включают переходные идиолекты разной степени олитературирования. Это речь прежде всего жителей деревень, причем не только грамотных крестьян, но и местных по происхождению учителей, врачей, агрономов, работников административных учреждений и т. д., а также жителей многочисленных поселков и малых городов России на территории раннего заселения².

И все-таки, как отмечают некоторые исследователи, уже сейчас заметны признаки стабилизации низшего слоя полудиалектно-просторечных сфер, идущего на смену русским крестьянским говорам. По сути дела, происходит то, что свойственно и другим языкам современных высокоразвитых этносов. Новые территориально-системные образования, которые называют обычно «региолектами», охватывают, как правило, ареалы смежных старых диалектов. Сразу же оговоримся, что, называя эти территориальные образования «новыми», мы отнюдь не считаем их «вновь возникшими» (они существуют давно), а имеем в виду лишь то, что они в *п е р в ы е* становятся *с а м ы м н и ж н и м с л о е м* русской разговорной стихии, постепенно замещая собой крестьянские говоры.

¹ Трубинский В. И. О некоторых особенностях развития русских территориальных диалектов в XX столетии // Псковские говоры в свете актуальных проблем диалектологии. Псков: ПГПУ, 2007. С. 264–266.

² Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб., 2005. С. 22–23.

Это «замещение» является немаловажным фактом в развитии русских территориальных диалектов конца XX и начала XXI столетий. И тут, естественно, возникает вопрос: а что именно в этом «замещении», какой его признак следует считать самым значимым? Ответ, как нам представляется, здесь может быть только такой: самое главное, что происходит при «замещении» и что уже свершилось, — это *деморфологизация* (почти полная!) различительных диалектных черт.

В самом деле, региолекты наследуют от крестьянских говоров многочисленные фонетические, лексические и синтаксические явления, но отторгают, как правило, черты центрального (морфологического) языкового уровня. В речи грамотных региолектоносителей невозможны, принципиально неприемлемы выражения типа *замахал рукам* или *идёт по воды...*

Поскольку же мы ведем сейчас речь о развитии русских территориальных диалектов в XX веке, то не можем не упомянуть здесь и о процессе, прямо противоположном тому, о котором только что говорилось.

Как мы уже писали об этом¹, в конце позапрошлого столетия не было даже намека на развитие в русских крестьянских говорах каких-то новых явлений, тем более на уровне морфологии... И вдруг... вот уже в середине XX в. в русских крестьянских говорах Северо-Запада началось интенсивное развитие новой чисто диалектной и, что особенно примечательно, морфологической структуры. Началось становление конструкции с неизменяемой причастной формой пассива-перфекта на *-и, -т*, т. е. конструкции с неизменяемым кратким страдательным причастием, как бы застывшим в форме мужского рода. Вот примеры: *Дровишки, слава богу, распилен* (Чудовск. р-н, Новг. обл.); *А овцы-то у меня загнан, бежать надо* (Солецк. р-н, Новг. обл.); *Туды к берегу вся трава скошен*; *У меня наткан половики* (Славк. р-н, Пск. обл.). Это были примеры без связки. А вот и с глагольной связкой: *Щётка куда-то была запихан* (Холм. р-н, Новг. обл.).

И связка здесь почти всегда координирует с именем. Подобная координация плюс полное отсутствие в русских говорах конструкции типа *траву скошен* не оставляет сомнений в том, что эта конструкция не безличная, а двусоставная (личная) — и не только в варианте *трава скошен*, но и в такой форме, как *дровишки распилен*.

Об этом необычном явлении в развитии русских народных говоров свидетельствует также в своих работах З. М. Петрова².

¹ Трубинский В. И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984. С. 118–123. *Он же*. Феномен бурного развития новой чисто диалектной структуры в XX столетии // Материалы XXXIV Международной филологической конференции (Филологический факультет СПбГУ, 14–19 марта 2005 г.). Вып. 16: Русская диалектология. СПб., 2005. С. 57–60.

² Петрова З. М. О синтаксических и морфологических обязанностях причастий в псковских говорах // Уч. зап. ЛПИ. 1962. Т. 225. С. 133–142.

Заметим тут же, что это, прямо скажем, уникальное диалектное явление, которое смогло развиться и утвердиться в русском языке середины XX в. и которое, стало быть, обладает в говорах русского Северо-Запада несомненной жизненной силой, проявило полную нежизнеспособность за пределами крестьянских говоров — в языковых сферах, близких к литературной разговорной речи, и тем более в ней самой.

Таковы, на наш взгляд, наиболее примечательные моменты в развитии русских территориальных диалектов, которые можно было наблюдать в прошлом веке.

В. И. Трубинский

ЯРКОРАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ РУССКИХ РЕГИОЛЕКТОВ¹

Вот уже и покидают русский язык старые крестьянские говоры, которые еще вчера представляли собой относительно стабильные и ненарушенные частные диалектные системы (ЧДС). Окончательно сложившиеся к концу XIX в., эти системы еще два-три десятилетия тому назад служили своеобразным «основанием», «подножием», «самым нижним слоем» разговорно-устной разновидности русского национального языка. Причем основанием особым, отличающимся от других подсистем и стилей языка наибольшим числом черт собственно языковых и, стало быть, большей самодостаточностью, своей слишком заметной нефункциональной природой.

Отныне, с началом ухода названных систем, уже не столь далеко от своего завершения, «нижележащими» по отношению к устно-разговорной форме литературного языка становятся в русской разговорной стихии одни лишь полудиалектно-просторечные сферы (ППС), которые еще недавно воспринимались как переходные от ЧДС к литературному языку. Они-то и представляют сегодня, по сути дела, весь остальной, кроме литературно-разговорной речи, устно-разговорный континуум современного русского языка. Они включают переходные идиолекты разной степени «олитературирования». Переходная сущность ППС проявляется в большей неустойчивости их узуса (по сравнению со множеством ЧДС начала и середины XX в.), в более или менее явных признаках сосуществования

¹ *Трубинский В. И.* Яркоразличительные черты русских региолектов // Псковские говоры: синхрония и диахрония. Псков, 2003. С. 306–113.

в них разноуровневых диалектных явлений с их литературными эквивалентами.

Однако уже сейчас заметны признаки стабилизации «низшего слоя» ППС. Его идиолекты перестают быть сугубо переходными, временными, подвижными. Выравниваясь, они трансформируются в системы более устойчивые, менее склонные к изменениям, в системы новых диалектов. А это значит, что русские диалекты как таковые не исчезнут. Уходят старые, грядут новые. Грядут, вопреки действию внешних деструктивных сил, о котором справедливо говорят диалектологи. Собственно происходит то, что присуще и другим языкам современных высокоразвитых этносов. Новые территориально-системные образования — «интердиалекты» или, как их чаще называют, «региолекты» (хотя оба эти понятия не вполне идентичны), охватывают обычно ареалы ряда смежных старых диалектов.

Что же представляют собой современные русские региолекты, которые мы только что отождествили с «нижним слоем» ППС? Это речь жителей деревень, причем не только грамотных крестьян, но и местных по происхождению учителей, врачей, агрономов, работников административных учреждений и т. д., жителей многочисленных поселков и малых городов России на территории раннего заселения¹. Словом, это речь многомиллионного контингента русских людей — местных уроженцев обоего пола и разных возрастов, имеющих обычно среднее или неполное среднее образование. Добавим, что «городское просторечие» к данному «слою», равно как и к понятию «региолект» прямого отношения не имеет.

О формировании конкретных региолектов говорить пока еще трудно, возникающие в этой связи проблемы должны быть взвешенно соотнесены с комплексом вопросов и постулатов, касающихся региональных вариантов русского литературного языка. Очевидно лишь то, что новые территориально-системные образования, которые еще предстоит достоверно установить, опираются на вполне определенные различительные черты, которые они избирательно наследуют от уходящих ЧДС.

Характер данной избирательности уже был рассмотрен нами, пока, правда, в самых общих чертах². Возобновляя здесь его обсуждение, повторим для начала простую, на наш взгляд, истину: избирательность эта прямо обусловлена степенью устойчивости диалектных явлений.

Это значит, что в реальном составе переходных идиолектов остаются (перенимаются) от идиолектов крестьян старшего поколения только те диалектные явления, которые составляют вместе со своим литературным эквивалентом (противопоставляясь ему не «внутрисис-

¹ Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб., 1995. С. 10–13.

² Трубинский В. И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение / под ред. Л. Я. Костючук. Псков, 1991. С. 156–162.

темно», а «межсистемно») относительно «высокие» межсистемные вертикальные различия (МВР)¹, т. е. различия, проекции которых располагаются на вертикальной шкале («шкале-диалектизации», «шкале-характеристике»², «шкале-переходе») достаточно «высоко».

Здесь мы вновь обращаемся к понятию «вертикали», уже введенному в наш научный обиход вслед за В. М. Жирмунским. Это понятие поможет нам лучше характеризовать и проследивать степень устойчивости диалектных явлений. Оно удобно и тем, что его можно при необходимости соотнести с понятием «междиалектное соответствие» («соответственное явление», по Р. И. Аванесову), которое не без оснований именуют иногда различием «горизонтальным».

Коротко о сущности МВР. Речь идет о языковом различии, которое в значительной степени совпадает с обычным, общепринятым понятием конкретного различия между данной ЧДС и системой литературного языка (отмечается, скажем, общеизвестный факт различия в окончании между формой дат. п. ед. ч. *сестры* в данном говоре, например в одном из псковских, и соответствующей формой *сестре* в литературно-разговорной речи). Однако полного тождества здесь нет. МВР — это не просто различие в системе, которое обнаруживается при сопоставлении самых крайних сфер («слоев») разговорной стихии (т. е. языка диалектов и устно-разговорной разновидности литературного языка) безотносительно к понятию (и факту) языковой «непрерывности» между ними. МВР — это прежде всего различие в реальном языковом континууме широкой переходной полосы, разделяющей обе сферы. Континуум понимается нами как непрерывное многообразие, которое свойственно этой полосе и которое в вертикальном плане проявляется в постепенности, много- и мелкоступенчатости и, что особенно важно, в относительно неизменной последовательности перехода от конкретной ЧДС к литературному языку.

Речь, таким образом, идет о различии в конкретной вертикали континуума — различии, которое способно, при условии воспроизведения континуума в виде плоскости или линии, предстать соответственно в линейном или точечном изображении.

Итак, МВР могут быть более и менее «высокими». А обозначение границы распространения «вверх» отдельных диалектных явлений в конкретной вертикали континуума — это ведь не что иное, как установление степени их устойчивости.

Теперь коротко о диалектных чертах, наследуемых региолектами от старых ЧДС. Имеет смысл подразделить их на ярко- и слабо-различительные. Яркоразличительные (термин «яркодиалектные» здесь

¹ Подробнее об МВР см.: *Трубинский В. И.* Очерки русского диалектного синтаксиса. СПб., 1984. С. 50–69.

² *Коготкова Т. С.* Литературный язык и диалекты // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 104–152.

также был бы у места) делятся в свою очередь на две группы. Первая — это явления «просторечно-диалектные» (термин Р. И. Аванесова) или, иначе, «вторично-диалектные» (термин В. М. Жирмунского), представляющие собой небольшое число действительно ярких, но коммуникативно безопасных фонетических диалектных особенностей. Вторая группа — явления собственно диалектные, в большинстве своем грамматические и поэтому коммуникативно не безвредные, слаборазличительные же черты, пока еще малоизученные, составляют группу довольно объемную. Это — ряд не слишком бросающихся в глаза, хотя в языковом отношении весьма существенных фонетических и грамматических (прежде всего, синтаксических) диалектных особенностей.

Объект нашего внимания в настоящей статье — явления ярко-различительные. Окинем их самым беглым взглядом в указанной последовательности. Начнем с явлений «просторечно-диалектных». Они образуют вместе со своими литературными эквивалентами самый «высокий» ряд МВР.

На первом плане здесь, вне всяких сомнений, — характер вокализма в предударных слогах после твердых согласных, а именно те МВР, «нижний» член которых — различие гласных неверхнего подъема [o] и [a] как основной признак безударного вокализма. В одних континуальных вертикалях — различие только в первом предударном слоге после твердых согласных: *пѣкОситѣ... рѣспАхатѣ... надо* (неполное оканье); в других — также и во втором предударном слоге и в заударных слогах после твердых согласных: *пѣкОситѣ... рАспАхатѣ... надо* (полное оканье). «Верхний» же член — неразличение тех же гласных в тех же позициях; *пѣкАситѣ... рѣспАхатѣ... надѣ* (аканье литературного образца). МВР, образуемое подобными членами, как уже установлено, — одно из «самых высоких». Впрочем, становится все более заметным замедление проникновения полного оканья в речь региолектоносителей. Подтверждение этого находим в новой монографии О. А. Лаптевой. Севернорусский тип вокализма в региональной речи носителей литературного языка, как свидетельствует исследовательница, представлен в основном явлениями первого предударного слога. Для речи севернорусов «обычна утрата полного оканья как явления очень ярко нелитературного, бросающегося в глаза»¹.

Что же касается моделей вокализма с неразличением гласных нижнего и среднего подъема (т. е. аканьем) — моделей, характерных для ППС Юга Европейской части России и так называемой «среднерусской полосы» (территории акающих среднерусских говоров, включая говоры псковские), то они, хотя и создают довольно «высокие» МВР, остаются все-таки в большинстве своем не ярко-, а слабо-различительными. Это и понятно: ведь «верхний», литературно-

¹ Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана. М., 2001. С. 365.

разговорный, член подобных МВР здесь — тоже определенная разновидность аканья. Правда, некоторые из этих моделей, как нам представляется, могут быть все же отнесены к подразделению явлений, о которых идет сейчас речь. Трудно, например, не считать яркоразличительной диалектной особенностью те недиссимильативные типы яканья, в которых общим вариантом звучания для этимологических гласных неверхнего подъема в предупредительном слоге является гласный [а] (из речи учительницы населенного пункта к югу от Великих Лук Псковской обл.: *ПринЯси лЯкарства... принЯсѣи?*.. — сильное яканье). Тем более, когда подобное яканье обнаруживается вдруг в речи интеллигентного человека и когда сразу же становится ясно, откуда он родом. Справедливо было бы, видимо, отнести сюда и те модели, в которых названный общий вариант оказывается не обязательным, а преимущественным (яканье ассимилятивно-диссимильативное в его разновидностях: яканье кидусовского, култуковского, новоселковского и ореховского подтипов; яканье гдовское).

В числе наиболее значимых фонетических черт данного подразделения отметим фрикативное образование звонкой задненёбной фонемы [ʒ] и ее чередование с [x] в конце слова и слога: *ноги* — *ноХ*, *абажгусь* — *абжохся*. МВР, в котором эта особенность выступает в качестве «нижнего» различительного элемента, можно было бы характеризовать как одно из «самых высоких». Перекрывает ли оно по уровню («по высоте планки») упомянутое ранее МВР, образуемое различением безударных гласных неверхнего подъема после твердых согласных? Говорить о превосходстве того или другого МВР здесь крайне затруднительно. Ведь проекции обоих этих «предельно высоких» МВР даже в принципе не могут быть сопоставлены по уровню. Не могут по той простой причине, что сосуществование оканья и фрикативного [ʒ] (не морфологизованного и не в словах церковно-книжного происхождения) в одной и той же континуальной вертикали практически исключено. Звук [ʒ], соответствующий северному и литературному взрывному [ʒ], распространен в южнорусских ЧДС и на юге северо-западного региона, южнее 50° с. ш., т. е. только в говорах акающих.

Отметим как весьма существенное и такое межсистемное соответствие того же ряда «нижний» элемент — отсутствие [j] («йота») в интервокальном положении, явление ассимиляции и полного стяжения образующихся при этом сочетаниях гласных. Особенно важной представляется здесь последняя стадия процесса в глагольных формах: *знат*, *понимат*, *глазет* и т. п. «Верхний» член данной оппозиции — отсутствие случаев выпадения [j], сопровождаемых последующим уподоблением и стяжением гласных. Подобное МВР можно характеризовать как достаточно «высокое», но располагающееся, по нашим данным, несколько «ниже» только что упомянутых различий, образуемых при участии оканья и фрикативного [ʒ].

Заметим, однако, что МВР, в котором организующий его элемент (явление полного стяжения гласных в окончаниях прилагательного: *тепла погода, в нову избу* характеризуется еще более «низким» местоположением в континууме. И полной уверенности в том, что это последнее явление остается в языке региолектов, у нас нет.

К особенностям данной группы может быть также отнесено употребление губных спирантов юго-западного типа: распространение неслогового [j̥] (в ряде ЧДС — билабиального [w] в конце слога и слова [ср.: *траВа*, но *траўка*; *дроВа*, но *дроў* (род. п. мн. ч.).

К тому же ряду различительных черт принадлежат, как можно полагать, отдельные коммуникативно не ущербные «фонетизированные» диалектизмы в области морфологии. Например, вопросительное (также неопределенное и отрицательное) местоимение *что* в его диалектном варианте: *чо (чо-то, ничо)*, получившее распространение не только в северо-восточных ППС, но и в городской литературно-разговорной речи, в частности, в речи высокообразованных жителей Перми¹.

Проекции упомянутых нами МВР располагаются в большинстве своем в самой верхней части вертикальной шкалы. Сами же МВР находятся «выше» переходного континуума, фактически уже в пределах устно-разговорной разновидности литературного языка. А это значит, что существует немалый контингент бывших диалекто- и полудиалектоносителей, которые, получив высшее образование и овладев несколькими стилями кодифицированного литературного языка, не оказались, однако, в состоянии (и это закономерно) освободить свои идиолекты от явлений только что рассмотренных и им подобных.

Собственно диалектные яркоразличительные явления отличаются от «просторечно-диалектных» своей «первично-диалектной» природой. Они, как уже было сказано, коммуникативно не безвредны. Поэтому именно они в массе своей покидают язык вместе со старыми крестьянскими ЧДС. Нас же интересуют сейчас те из них, которые не уходят, а наследуются региолектами.

Обратим вначале внимание на то, что проекции МВР, образуемых «уходящими» яркодиалектными явлениями, входят в состав «нижнего» (самого большого по числу отраженных в нем разноуровневых различий) пучка проекций. Что же касается проекций тех МВР, которые создаются собственно диалектными элементами интересующего нас подразделения (т. е. явлениями яркоразличительными, остающимися в региолектах), то они, хотя и принадлежат данному пучку, однако располагаются, как можно наблюдать, немного «выше» его «сердцевины» (т. е. центральной, наиболее плотной ее полосы), в его, если можно так выразиться, «верхней периферии». Проекции

¹ *Ерофеева Т. Н.* Локальная окрашенность литературной разговорной речи. Пермь, 1979.

эти (а их не так уж много) словно бы отрываются от их основного пучка. Прослеживается при этом разная степень их «отрыва вверх», о чем свидетельствуют, например, следующие вполне установленные факты.

В диалектах узкого Северо-Запада (и прежде всего в псковских говорах) существует МВР, которое создается позднейшей грамматической инновацией — конструкцией с неизменяемым предикативным страдательным причастием прошедшего времени, как бы застывшим в форме мужского рода: *сено накошен, овцы загнан*. Проекция этого различия лишь ненамного продвинута «вверх» относительно плотного «центра» пучка. И все же можно, видимо, говорить об особом положении этой структуры среди собственно диалектных яркоразличительных явлений, о ее большем или меньшем проникновении в ППС (в определенных территориальных пределах). Об этом можно уже судить по результатам исследований русских говоров Северо-Запада¹.

В том же северо-западном регионе, в ППС псковских и новгородских, бытует МВР, образуемое при участии оборота, включающего другое неизменяемое и тоже предикативное отпричастное образование — форму на *-ши* (из речи работницы почты д. Ремда к северу от Пскова: *А ты я вижу ужэ и приадефши*; есть у нас немало примеров употребления подобного образования в речи учителей — жителей деревень к югу от г. Луги Ленинградской обл.). Его проекция, по нашим данным, отходит от той же средней линии в «верхнем» направлении на гораздо большее расстояние. Создается даже впечатление, что она вообще не принадлежит этому пучку, а существует отдельно от него.

Столь явное отклонение проекции от центра пучка отражает следующую реальную ситуацию. Существует на территории распространения данной структуры (и прежде всего в Псковской обл.) довольно большой контингент представителей ППС, речь которых на настоящем этапе уже почти свободна от ярких первично-диалектных явлений, но которые продолжают употреблять результатив на *-ши*, правда, только в редуцированном его варианте. Редукция же выражается в значительном сужении в полудиалектной речи круга мотивирующих его глаголов. Заметно ослабевает при этом в складывающейся новодиалектной системе еще наблюдаемая в ЧДС относительная строгость внутрисистемной оппозиции «результатив на *-ши* / аорист на *-л*».

К числу яркоразличительных первично-диалектных явлений синтаксического уровня, получивших распространение в ППС и создающих, стало быть, довольно высокие МВР, можно также отнести конструкции типа *трава косить, надо шапка*.

¹ Петрова З. М. О синтаксических и морфологических особенностях причастий в псковских говорах // Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1962. Т. 225. С. 171–192.

И, наконец, еще одна значительная по объему группа явлений, которые, несомненно, входят в разряд остающихся в региолекте яркоразличительных черт. Это лексические единицы, имеющие ограниченную территорию распространения и не относящиеся ни к одной из общерусских форм языка. Региональная речь, как справедливо заметил А. С. Герд, «довольно устойчиво хранит старые локальные наречия, прилагательные, отдельные глаголы, частицы, в особенности образные выражения, фразеологизмы, но еще более активно порождает большое число локальных новообразований, глаголов, наречий, прилагательных по типовым морфологическим моделям»¹. Интересны приведенные исследователем примеры употребления в речи учителей г. Медвежьегорска (Карелия) таких диалектных слов, как наречие *порато* 'очень', прилагательное *баской* 'красивый', существительное *челнок* 'торговец'.

Можно не сомневаться, что основной массив диалектной лексики в картотеке основанного Б. А. Лариным Псковского областного словаря с историческими данными также остается в региолекте. <...>

Н. К. Фролов

СТАТУС МИКРОТОПОНИМИИ В СИСТЕМЕ ТОПОНИМИИ²

Русская топонимия представляет собой разноярусные географические названия, обозначающие естественноприродные или созданные руками человека топографические (орографические, гидрографические, ойконимические) объекты. Особенности географических объектов положены в основу тематической дифференциации топонимических классов (гидронимы и их разновидности — гелонимы, потамонимы, лимнонимы, пелагонимы и океанонимы; ойконимы и их разновидности — комонимы и астионимы, а также агронимы, дромонимы, оронимы, хоронимы и др.), которые в совокупности являются материальной основой топонимической системы региона.

Прежде всего уточним значение некоторых упомянутых терминов. Термин «топонимическая система» как «определенным образом организованная совокупность топонимов данного этноса для дан-

¹ Герд А. С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. I. / ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН; под ред. Л. П. Крыгина. М., 2000. С. 48.

² Фролов Н. К. Избранные работы по языкознанию. Т. 2. Топонимика и этнонимика. Тюмень: ТГУ, 2005. С. 283–292.

ного времени на данной территории» можно считать, несмотря на отдельные расхождения, достаточно устоявшимся в отечественной ономастике. <...>

Общие положения о системности языка, его лексики, в том числе и топонимической, однако, еще не раскрывают отношений, существующих между топонимической и лексической системами того или иного языка. Топонимическая система территориальна. Это система локально ограниченной, пестрой по языковой принадлежности, специфической лексики для обозначения региональных географических реалий с их групповыми и бинарными противопоставлениями и соответственно — противопоставлениями разрядов топонимов, объединенных в однородные ряды или на основе тематической группировки классов объектов, или на основе смежности семантических и словообразовательных признаков лексики. Последнее важно для установления взаимосвязи отдельных топонимов, их системной организации. Системное описание топонимии <...> требует признания динамической синхронии, дающей возможность отличать и выделять в пределах системы реликтовые и новые элементы, требует учета семантических и структурных особенностей, имеющих совершенно определенную экстралингвистическую (социально-экономическую, историко-географическую) обусловленность.

<...> Региональная, в частности, нижеобская топонимическая система представляет собой своеобразный «слоеный пирог», в котором заложены общественно-экономические этапы развития многих этносов, их языковые и прочие контакты.

На наш взгляд, определение топонимической системы через призму синхронии не может быть признано окончательным и удовлетворительным, поскольку топонимическая система — это исторически сложившаяся совокупность географических названий на определенной территории, являющаяся составной частью лексической системы одного и более языков. Описание этой системы на синхронном уровне дает возможность судить о функционировании топонимов лишь в определенный период, тогда как формирование топонимии — процесс длительный и непрерывный. Поэтому интерпретация топонимической системы не может не быть диахронической, что и подтверждается исследовательской практикой.

Каждая региональная топонимическая система обладает исторически сложившимся лексическим составом или набором топонимов, отличающихся своеобразием семантико-словообразовательных средств языка (языков и их диалектов) того этноса (этносов), который принял участие в ее формировании. Топонимия Нижнеобского региона в лингвоэтническом отношении представляет собой сочетание названий русского, тюркского и финноугросамодийского происхождения. Совершенно естественной в этой связи является постановка вопроса о соотношении терминов «топонимическая система», «топонимия», «микротопонимия», внутренним содержанием которых является

представление о локально-этнической и языковой принадлежности географических названий. Уточнение дефиниций этих терминов вполне очевидно. Иерархически термин «топонимическая система» — понятие родовое, а «топонимия» как подсистемная совокупность различных по языковой принадлежности групп топонимов — понятие видовое. Так, подсистема русской топонимии базируется на названиях, образованных от русских и обрусевших корневых морфов с помощью словообразовательных средств русского языка. <...>

Составной частью русской и другой топонимии является микро-топонимия. Известны десятки попыток дать дефиницию микро-топонимии и микро-топонимов. Микро-топонимия — «совокупность микро-топонимов», <...> «совокупность названий малых географических объектов», <...> «совокупность географических названий, известных только ограниченному кругу людей, живущих рядом с называемыми небольшими объектами — выгонами, пашнями, угодьями, болотами, балками, урочищами, оврагами, курганами, колодцами, излучинами небольших рек, зимовьями, ручьями и т. п.» <...>

Не менее многочисленны дефиниции микро-топонима. Микро-топонимы — это «индивидуальные названия небольших природных и искусственно созданных объектов. Обычно это первичные названия, соотносящиеся с видом или свойством называемого объекта», это первичные адъективные и субъективные имена (*черная, белая, ель, клен, брод, болото*), «названия мелких объектов, известных обычно небольшому кругу местных жителей». Микро-топонимы — это «названия, функционирующие в пределах лишь одной микро-системы». <...> «Микро-топоним — собственное имя (чаще) природно-географического объекта, (реже) созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления: функционирующее лишь в пределах микро-территории, известное узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого микро-объекта, в т. ч. микрогидроним, микроойконим, микроороним, микрохороним, названия урочищ, хозяйственных угодий, микро-сооружений (колодцев, мостов, будок, вышек, зимовий, кордонов, охотничьих домиков и т. п.)». <...>

Нет нужды комментировать достоинства или недостатки каждой из предлагаемых дефиниций, имеющих как некоторое сходство, так и расхождения, особенно касающиеся предмета микро-топонимии. Перечень объектов, названия которых относятся к микро-топонимии <...> еще не установлен, так как состав микро-топонимии в каждом конкретном случае зависит от физико-географических особенностей территории, от ее заселенности и степени хозяйственного освоения. К числу отличительных черт и признаков микро-топонимов в их совокупности относят также исторически сложившуюся и развивающуюся системность <...>, близость к именам нарицательным, проявляющаяся в широком использовании местных географических терминов и ориентировочных названий, пограничное связующее положение между собственными и нарицательными именами. Микро-топонимы

характеризуются непродолжительностью существования, неустойчивостью, постоянной сменяемостью <...>, особенностью функционирования и образования, соотносительностью с понятием <...>.

Столь широкий круг специфических показателей микротопонимии, лингвистических и экстралингвистических, свидетельствует о наличии в языке особого разряда топонимической лексики, несмотря на расплывчатость границ этого разряда, неоднозначность его интерпретации.

Это позволяет считать микротопонию особым подклассом топонимии, таким же «дочерним ее образованием», как гидронимия или оронимия. <...>

Большое внимание исследователей к названиям микрообъектов объясняется важностью изучения этого пласта лексики, помогающей установить истоки способов и принципов топонимической номинации, визуальные процессы перехода нарицательных имен в собственные, являющиеся первичными описательными наименованиями, способными отражать сущность географической реалии, ее отличительные приметы, местонахождение, отношение к духовной и материальной культуре. <...> Микротопонимия, будучи совокупностью названий мелких географических объектов, объединяет не один, а несколько топонимических классов с элементом «микро-». Следовательно, микротопонимия образует особый ярус в топонимии, поэтому не может стоять в ряду дочерних, как ойконимия, гидронимия и пр., топонимических классов, располагающих автономными обозначениями микрообъектов. Попытки определить положение микротопонимии в топонимии путем ограничения состава или перечня объектов, их гипертрофированных признаков, таких как размер, величина, форма или устойчивость и неустойчивость наименования, степень известности и др., вряд ли получат положительное разрешение, поскольку все это в определенной мере приложимо как к топонимии, так и к микротопонимии.

Легко заметить в этой связи недостатки тематических классификаций микротопонимов, представляющих, скорее, перечни лексических групп, характеризующих микрообъекты той или иной местности. Естественным и логичным оказался перенос понятия «микро-» из реальной сферы членения географических объектов в сферу их обозначения: известный крупный объект именуется топонимом, малый объект местного значения — микротопонимом. Но сопоставимость объектов еще не приводит к аналогичной сопоставимости принципов их номинации. Мнимая бинарность терминов «топоним» и «микротопоним», пожалуй, этим и ограничивается. Неоправданность такой бинарности очевидна, если обратиться к языковым средствам выражения уменьшительности.

Значение уменьшительности в русском языке исторически выражалось словами а) с объективной, размерной семантикой, б) со смешанной, объективно-субъективной семантикой, в) с чисто оценочным

значением. <...> Все эти слова образуются с помощью суффиксов *-ка*, *-ко*, *-ок*, *-ек*, *-ик*, *-цо*, *-це*, *-ец*, *-ица*, *-ище*, *-енька*, *-онька*, *-онок*, *-енок*, *-ик*, *-очка*, *-ечка* и др. Объективная уменьшительность никогда не может быть выражена уменьшительным словом, <...> в нем всегда будет присутствовать оттенок эмоциональной окраски. Деминутивными коррелятами топонимов *Бор*, с., *Узкая*, р. последовательно нужно бы признавать лексикализовавшиеся топонимы *Борок* (*Борки*), д., *Узенькая*, рч., тогда как в топонимической классификации топонимам *Бор*, *Борки*, д., р., с. противопоставляются микротопонимы *Бор*, лес, *Борки*, угодье, т. е. идентичные по семантике и структуре слова.

Несоответствие плана содержания и плана выражения терминов «микротопоним», «микротопонимия» вынуждает искать другие пути для определения статуса лексики, служащей для обозначения локальных географических объектов. Являясь особой лексической группой, географические названия выполняют свои назывные, адресные и прочие функции независимо от величины или известности объекта. <...>

Региональная топонимическая лексика с достаточной очевидностью представляет собой синтез топонимических пластов, среди которых можно выделить общеупотребительные, или узуальные, названия, широко известные в системе общерусской топонимии. Так, топонимы *Горки*, д., р., *Ямки*, с., оз., *Быстрая*, р., д., *Ивановка*, д., *Преображенка*, с., *Щучье*, оз., *Рыбное*, с. весьма типичны для большинства топонимических регионов. Следующий пласт составляют обрусевшие субстратные топонимы, запечатлевшие следы былых этнических миграций: *Обь*, р., *Иртыш*, р., *Тюмень*, гор., *Урай*, гор., *Надым*, гор. Входящие в этот ярус пласты узуальных географических названий стали достоянием русского литературного языка. Второй ярус топонимической системы представлен локальными русскими и обрусевшими названиями, известными в топонимии Западной Сибири и прилегающих к ней территорий. В основном это семантические диалектизмы типа *Курья*, д., пос., оз., зал., где *курья* — «продолговатый речной залив» (Даль, II, 225), в местных говорах «широкая, небольшая по длине протока», «залив, образуемый паводковыми водами», то же, что и *сор*. *Колок* — «отдельная рощица, лесок, лесной остров» (Даль, II, 140), в местных говорах «осиновый или березовый участок леса», «второй молодой лес», «залесенный участок покосов», то же, что и *кокуй*.

Более значителен пласт узколокальных топонимов, представляющих собой лексические диалектизмы и функционирующие в пределах микрорегионов: *Скородум*, д., *Одина*, д., *Гляден*, д., *Посол*, д., р., *Падун*, р., д., в том числе словообразовательные диалектизмы: *Нагорка*, д., *Заостровка*, д., *Омутинка*, д., *Юганка*, р., *Пешка* (*Оленок*), д., *Вновьскородум*, д. Отличительной особенностью названий второго яруса является их соотнесенность главным образом с географическими объектами местного значения или микрообъектами,

названия которых функционируют лишь в кругу жителей близлежащих поселений. Лексической базой таких названий служат местные географические термины, личные имена, фамилии, прозвища местных жителей, качественные, относительные и притяжательные прилагательные, числительные или их синтаксические комплексы.

По языковой структуре названия микрообъектов подразделяются на простые (однословные): *Арыбко*, место рыбной ловли, *Бездонка*, оз., *Бельники*, ур.; сложные (однословные): *Белоярка*, р., *Долгоплесо-во*, оз., пок.; составные: *Аремзянский Мост*, р., *Баженова Лужайка*, угодье, *Два Кедра*, оз., *За Бабьими Перевисьями*, оз., *Круглые Кусты*, сеноугодье. Последний тип названий исключительно продуктивен.

Узколокальные географические названия, идентичные местным апеллятивам или номенам (термин А. В. Суперанской), такие как *Мох*, бол., *Торфяник*, бол., *Согра*, д., *Елань*, д., *Заимка*, д., *Кулига*, д. и подобные, занимают пограничное положение среди местных онимов и номенов, поскольку детерминологизация номена в одних случаях еще не завершилась, а его топонимизация отражает живую связь с исходным апеллятивом или легко восстанавливается.

Местные географические онимы, назовем их **диалектонимами**, являются фактом общенародного языка, тогда как наиболее устойчивый, закрепившийся в процессе языкового нормирования пласт узуальных топонимов является составной частью русского литературного языка. Статус диалектонимов аналогичен статусу диалектной лексики. Диалектная лексика — неистощимый источник лексики литературного языка. Местная топографическая лексика по мере ее топонимизации — материальная база диалектонимии.

Подавляющее большинство наименований микрообъектов восходит к диалектонимам — топонимизированным или находящимся на стадии топонимизации местным географическим номенам, собственным именам, другим пластам топонимообразующей лексики в ее возможных сочетаниях. Диалектонимы, в свою очередь, — основной источник топонимов. Диалектонимия и топонимия в их совокупности определяют специфику региональной топонимической системы.

Подведем некоторые итоги. Региональная топонимическая система — это исторически сложившаяся на определенной территории, внутренне организованная совокупность географических названий, являющаяся составной частью лексической системы одного и более языков. Региональная топонимия есть сочетание функционирующих на отдельной территории географических названий, обозначающих различными языковыми средствами неоднородные топографические объекты. Составляющие топонимию разряды географических названий далеко не равнозначны по своему статусу в литературном языке. Выделяется устойчивое ядро общеупотребительных или узуальных топонимов, представляющих собой верхний ярус нормированных названий. Нижний ярус топонимии принадлежит местным географическим онимам или диалектонимам, обозначающим те или

иные географические объекты локального значения. Традиционное членение географических названий на «топонимы» и «микротопонимы» следует признать противоречивым. Это противоречие основано, во первых, на неопределенности содержания географических терминов «объект» и «микрообъект»: в топографической практике именуемые топономастами микрообъекты — *урочище, угодье, лог, поле, дуг, залив, болото* и некоторые другие зачастую по своим размерам превышают такие поименованные объекты, как *озеро, протока, село*. Во-вторых, значение «микро», приближающееся к значению «маленькое», «уменьшенное» в применении к противопоставлению «топонимия — микротопонимия», никак не подтверждается языковыми средствами. Ср.: *Борки, пос., оз. — Борки, роща, выпас*. Там, где идет речь о деминутивном словопроизводстве, ср. *Бурая, р., — Буренька, рч., Соленое, оз., — Солоноватое, оз., Шумиха, р., — Шумишка (Скакунка), р.*, приходится иметь дело с лексикализованными топонимообразованиями — топонимами субъективной оценки, иногда неправильно квалифицируемыми как метафорические наименования. В-третьих, любые разряды топонимов — ойконимы, гидронимы, агронимы и др. — независимо от величины, известности или устойчивости обозначаемой реалии, нуждаются в дальнейшем терминологическом упорядочении.

Термин *диалектоним* (местный географический оним) обозначает совокупность названий географических объектов эндемического характера, в том числе водных, луговых и других урочищ, а также хозяйственных угодий, получивших наименование, функционирующее среди местных жителей отдельных населенных пунктов или их частей. Лексической базой диалектонимов являются как местные номены, представляющие собой семантические, лексические и прочие диалектизмы, так и общерусские географические термины, используемые обычно в сочетании с антропонимами и апеллятивами атрибутивного значения.

П. Я. Шюц

РУССКИЙ ЯЗЫК В СИБИРИ¹

...Русский язык в Сибири испытал какое-то странное изменение. Не буду говорить здесь о местностях, представляющих свои идиотисмы; сделаю несколько общих беглых замечаний.

¹ Шюц П. Я. Русский язык в Сибири // Северная пчела. 1839. № 44. Печ. по изданию: Цомакион Н. А. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. Красноярск, 1960.

Разговор вообще речитативный или нараспев. Строение речи неправильное, выговор слов извращенный. «Я был **вставши**. **Чего-то** мне привидилось. **Чего** это мне **доспелось**, не понимаю. Я к **имя** пришел, прошу **достать огня на свечку**. Я расстроился мыслями» и проч.

Чего везде употребляется вместо **что**. **Чего он делает? Чего говорят? Чего он пишет?**

Доспеться имеет два значения: или выражает действие: «Я вам доспею крепчайшие ворота», или страдание: «Чего мне доспелось?», т. е. что со мной сделалось, случилось?

Превосходная степень имеет странное произношение и окончание: **прекраснеуший, крепчауший, ужаснеуший**.

Имена прилагательные женского рода употребляются все в усеченном окончании: быстра река, негодна лошадь.

Для означения величины и силы в превосходной степени есть особенное слово: **матерый, матереуший, матерящий**: матереуший медведь, матерящий, прематерящий воз.

Предлог **ПО** употребляется вместо **ЗА**. «Я спосылаю по его», т. е. я пошлю за ним; «я пойду по воду», я пойду за водой; «сбегай по его», сходи за ним.

Раз-другой употребляется при удостоверении и соответствует: неужели вы думаете, сомневаетесь, как же, помилуйте: «Умеешь ли ты это сделать? — Я раз-другой дельвал, т. е. неужели вы думаете, что я не в состоянии этого сделать...»

Доброта или ценность какой-нибудь вещи выражается словом **славнецкий**: у него славнецкие кони, славнецкая девочка.

Для означения расстояния употребляется: **дивно, дивняжно**. Далеко ли мне еще ехать? Дивно, дивняжно, т. е. далеко, довольно далеко.

Если же нужно выразить прошедшее время, то говорят: **ланись, ланской**. Помнишь ланись он у меня брал деньги? Хлеб ланской. Чей это такой? — Ланской. То есть: Кто это? — Тот самый, которого вы видели в прошедший раз.

Глаголы в настоящем времени второго и третьего лица всегда выговариваются усеченно: он не знат, чего болтат; он гулят, играт, зеват. Ты знашь, куда идти? Ты умешь?

Ну, на употребляются при каждом слове. Вы не забудете, **чего** я вам говорил? — **На** (протягивая). Умеешь ли ты это сделать? — **На**.

При вопросах или недоумениях прибавляют: **ну**. «Ты обедал?» — **Ну** (не протягивая и коротко). «Этой дорогой я пройду туда?» — **Ну**.

Если вас не понимают и вы принуждены несколько раз повторять или объяснять ваши слова, то понявши несколько раз говорят: **ну, ну, ну**.

Мальчи ужЕ выражает обдумывание и медленность: «Искал, искал, нигде не нашел. Мальчи ужЕ, я у него спрошаю. Подай скоряй. Мальчи ужЕ».

Некоторые слова выговариваются особенным образом: **колды**, **толды**, вместо когда, тогда; **мамынька** вместо маменька; **гумага** вместо бумага.

Когда хотят выразить страх, грусть или неудовольствие, говорят: «Ах, тошно мне, ах, тошнёхонько мне, ах, тошно мнечиньки тошнёхонько, ах, ёчиньки».

Уменьшительные слова очень употребительны: рученька, ноженька, глазеньки, телятишки...

Божбы в Сибири нет. Все объяснения у сибиряков основываются на слове, которое у них свято.

Негодование или гнев также имеют особенные выражения: Будь ты проклят, чтобы тебя язвило, пятнало, стреляло, черна ты немочь, подь ты в Телецкое озеро.

<...>

К этой статье имеется примечание редакции:

«Статья сия доставлена нам почтенным врачом, литератором П. Я. Шюцом, долгое время служившим в сибирских губерниях, и по обязанностям службы изъездившим мало известную нам Сибирь, как говорят, вдоль и поперек...»

Вопросы и задания

Какие особенности диалектной речи привлекли внимание автора? К каким уровням системы они относятся?

Вопросы и задания к разделу

1. Определите значение русской диалектологии для истории русского языка, лингвогеографии, топонимики.
2. Какова история развития русской диалектологии начиная с конца XIX в.?
3. Как формировались русские диалекты и что служило основанием для диалектного противопоставления?
4. На примере диалектов, изучаемых в вашем вузе, покажите, как в них отражается история края.
5. Каково было представление о соотношении литературного языка и народных говоров в первой половине XIX в.?
6. Что такое концепт в диалектной речевой культуре?
7. Чем интересны говоры Русского Севера?

ФОНЕТИКА

Л. И. Баранникова

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ГОВОРЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Глава IV. Изменения в диалектных фонетических системах¹

1

Уже отмечалось своеобразное положение с изменениями фонетических диалектных систем: интенсивность происходящих изменений, с одной стороны, и устойчивое сохранение ряда фонетических диалектных различий — с другой. Указывалась и зависимость этого своеобразия от места фонетической системы в языковой структуре и своеобразия самой системы. <...>

Сравнивая изменения фонетической системы с изменениями в лексике, замечаем, что особенности изменения фонетической системы обусловлены: а) отсутствием прямой непосредственной связи с внеязыковой действительностью и б) более строгой организацией самой системы. <...>

На изменение диалектных фонетических систем известное влияние оказывает и та перестройка речевого сознания, роль которой в лексических изменениях была столь значительна. В фонетических процессах роль данного фактора проявляется значительно слабее, хотя все же проявляется. В диалектологической литературе не раз отмечалось, что в первую очередь устраняются диалектные фонетические различия, которые легко осознаются на слух, такие как произношение **е** вместо **а** между мягкими согласными (*зет*²), цоканье и подобные² заметные отличия от нормированной литературной речи. <...>

¹ Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967. С. 122–179.

² См.: Орлова В. Г., Строганова Т. Ю. Закономерности развития диалектов русского национального языка // Изв. АН СССР, ОЛЯ. 1961. Т. 20. Вып. 5. С. 411.

Если невозможна сознательная перестройка принципов организации фонетической системы, то в усвоении слов в литературном оформлении момент сознательности несомненно присутствует. <...>

Влияние литературного языка как бы помогает выявить и усилить основные тенденции развития русского языка в диалектах. Внутреннее развитие отдельных диалектных фонетических систем имеет общие тенденции с развитием других систем и русского языка в целом. В этом и проявляется подчиненный характер диалектных систем общезыковой системе. В современных условиях влияние литературного языка как бы способствует усилению этих тенденций. В выделении, обозначении этих общих тенденций между диалектологами есть некоторые различия¹, но наличие таких тенденций признается всеми.

Проявление этих тенденций имеет решающее значение для определения характера современных изменений в диалектных фонетических системах. При изменениях диалектных фонетических систем отчетливо проявляется взаимодействие двух факторов: внутреннее развитие системы и влияние литературного языка. В ряде случаев направление действия этих двух факторов совпадает, тогда процесс идет очень интенсивно, его движение по направлению к слиянию с нормами литературного языка проступает очень отчетливо. Примером может служить развитие многих переходных среднерусских говоров. В других случаях есть значительные различия в проявлении тенденций, обусловленных внутренним развитием диалектов и связанных с влиянием литературного языка. Примером может являться изменение говоров с разными типами диссимилятивного яканья, когда внутренние тенденции развития направлены в сторону появления ассимилятивности и, следовательно, расширения сферы употребления гласного *а*, тогда как воздействие литературного языка приводит к расширению сферы употребления гласного *и*. В таких случаях и развиваются особенно сложные и своеобразные процессы изменения диалектных фонетических систем, появляются своеобразные переходные типы.

Антиномия внутреннего развития диалектной системы и воздействия литературной нормы — один из важных факторов развития современных говоров. При этом важно, что противоречивость двух указанных тенденций относительная, так как система литературного языка и системы диалектные являются разными вариантами реализации общезыковой системы. Это и определяет возможность столь сильного воздействия литературного языка, в котором общезыковые тенденции выявлены наиболее отчетливо.

¹ См., например, подчеркнуто фонологический подход у К. В. Горшковой: *Горшкова К. В. О типе монографического описания диалекта в связи с проблемой национального языка как целого // Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962. С. 77.*

Уже указанные обстоятельства определяют сложность изменений, происходящих в фонетических диалектных системах. Эта сложность еще более усиливается сложностью, многоступенчатостью структуры диалектных фонетических систем.

В разных диалектных фонетических системах преобладают многоплановые противопоставленные различия, которые имеют не только последовательное членение (оканье — аканье, затем аканье недиссимилятивное — аканье диссимилятивное, затем диссимилятивное аканье жиздринского типа и диссимилятивное аканье архаического типа¹), но и более сложное, перекрещивающееся (различия в произношении долгих шипящих не только по твердости — мягкости, но и по наличию — отсутствию смычки, в результате **шш** противопоставлено и **ш'ш'**, и **шч**, и **ш'ч'**; различия в произношении аффрикат: по твердости — мягкости, наличию — отсутствию смычки, зубному или нёбному образованию и т. п.). В таких условиях особенно ясно проявляется зависимость изменения одного звена от изменения других звеньев, во-первых, и, во-вторых, сами изменения приобретают сложный характер, появляется ряд переходных, промежуточных ступеней.

Сложность изменения диалектных фонетических систем объясняется также их разнообразием. Именно в фонетике наиболее велики и существенны диалектные различия. Степень различий и характер различий отдельных фонетических систем по сравнению с системой литературного языка очень разнообразны, поэтому и пути их изменения, пути сближения с литературным языком разные. <...>

Конечно, все звенья фонетической системы взаимосвязаны, но все же степень их связи и взаимозависимости не одинакова. Так, отчетливо выделяются две части фонетической системы: вокализм и консонантизм. Вокализм говоров характеризуется значительно большей сложностью (большинство различий имеет противопоставленный, многоступенчатый характер), взаимосвязанностью и взаимозависимостью частей. Здесь по существу нет звеньев, которые в какой-то степени не были бы связаны со всеми другими. Правда, ударенный и безударный вокализм обладают известной самостоятельностью, но все же связь их, взаимозависимость несомненны. Иное положение в системе согласных. Здесь меньше сложных многоступенчатых звеньев, слабее связь между отдельными звеньями. Различия в строении двух разных частей фонетической системы определяют и различия в особенностях их развития, в особенностях их изменения в современных условиях. <...>

Поскольку наиболее сложный характер имеет система гласных, с анализа особенностей ее изменений и следует начать.

¹ О третьем типе не говорим, так как он, по-видимому, не имеет широкого распространения. См.: Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М.: Наука, 1964. С. 39.

Из имеющихся в нашем распоряжении материалов наиболее отчетливо севернорусская фонетическая система представлена в говорах восточной части Вологодской области <...>. Отмечалось большее сохранение старых черт в говорах данной территории, чему способствует их расположение в стороне от железной дороги <...>, слабое развитие других путей сообщения. Для этих районов типичны небольшие по величине села (18–20 хозяйств), население которых сохранило много старых черт в быту, одежде. Среди лиц старше 40–45 лет преобладают неграмотные и малограмотные. Многие никуда из села не выезжали.

Но и жители этих сел в современных условиях испытывают влияние литературного языка, так как почти во всех селах есть школы (начальные), большинство сел радиофицировано <...>.

В таких условиях фонетическая система говора сохранилась довольно устойчиво. <...>

Ударенный вокализм <...> говоров в их современном состоянии характеризуется наличием пяти гласных фонем: **а, о, е, и, у** и следами присутствия в прошлом еще двух фонем: закрытых гласных **о** и **е**.

Следы **о** закрытого незначительны, представлены лишь единичными примерами (*куот*, <...> *доруошка*)¹. <...> Следы **е** закрытого сохранены более отчетливо, особенно в положении между мягкими согласными. Если в положении перед твердым согласным лишь в отдельных случаях отмечается реализация гласного на месте старого ятя не в **е**, а в **и** (*хлитца*, *к сосиду*, *в лис*), то в положении перед мягкими согласными такие случаи составляют значительную величину, а в ряде пунктов реализация гласного на месте старого ятя в **и** встречается даже несколько чаще, чем в **е**. <...>

Очевидно, различие открытых и закрытых гласных среднего подъема имело место в прошлом, но уже оказалось почти утраченным к нашему времени. Причем эта утрата произошла не в последнее время, а значительно раньше, так как, если бы утрата закрытых **о** и **е** была делом последнего времени, она сопровождалась бы, очевидно, и изменением других сторон говора, чего, однако, не произошло. <...>

Случаи употребления **о** закрытого (*О*) лишь в отдельных пунктах составляют значительную величину. <...> Особенно часто **о** закрытое отмечалось в таких словах, как: *хорошО*, *хорОший*, *дорОга*, *огорОд*, *корОва*, *горОх*, *готОв*, *двОр* и т. п. <...>

Иное положение в говорах, где *О* встречается редко. Прежде всего обращает внимание значительное разнообразие вариантов его

¹ По техническим причинам о закрытое будем передавать знаком *О*, е закрытое знаком *Е*.

реализации: *О* (гласный типа *о*, но более высокий по подъему), *о'* (звук, приближающийся по типу к *у*), *у^о*, *уо* (дифтонг с более высокой степенью подъема в начале артикуляции и понижением к концу)¹. Примером могут служить <...>: *пОмнит, студ'Оно, двОр, гОрница, горОху, повОжники, погОда; хоруюшыј, коруюва, шыруокју, горуох; потум, мну^ого, корув, ху^од'ат, вун* (вон).

Выделить в таких говорах ведущий вариант произношения трудно, как трудно часто разграничить на слух сами варианты. <...>

Закрытое *е* сохранилось шире, и системность его употребления проступает отчетливее. Реализация *Е* возможна в разных вариантах: *е, и, ие, Е*, соотношение которых различно в разных позициях.

Перед мягкими согласными во всех говорах преобладает вариант *и* или абсолютно <...>, или весьма значительно <...>.

Вариант *е* встречается значительно реже и главным образом в словах, где ударенный гласный в других формах слова оказывается в положении перед твердым согласным, таких как: *ветер* (ветра), *месте* (место), *хлебец* (хлеб), *спели* (пел) и т. п.², что позволяет говорить об аналогии. <...> Заметно повышение частоты случаев произношения *е* в словах с последующим мягким *ч* или *щ* из *ч* (*речка, речку*)³. Возможно, это связано с особой судьбой согласного *ч* в говорах⁴.

Вариант *ие* перед мягкими согласными отмечен лишь в типичных случаях (от 2 до 5) в отдельных говорах (Васильевское, Шиченьга) и без какой-либо системы (*сиејут, звиер'а*). Вариант *Е* не зафиксирован.

Иная картина в положении перед твердыми согласными, ведущим вариантом в данном положении оказывается звук *е* <...>. В языковом отношении варианты с *е* и *и* равноправны: нет зависимости ни от фонетического окружения, ни от характера самих слов (лишь слова *нет, он ест, ехать* несколько чаще отмечаются с *и*). Можно говорить и о несколько большей частоте *и* у отдельных лиц старшего поколения, но проведено это весьма непоследовательно. Формы с *е* и *и* переплетаются в речи одних и тех же лиц, употребляясь в одних и тех же словах⁵. Равноправность двух фонетических вариантов проявляется также в том, что произношение с *и* хотя и значительно реже,

¹ Обратный тип звучания — *оу* встречается очень редко.

² На такие случаи приходится в разных говорах от 68 до 74 процентов всех случаев произношения *е* перед мягкими согласными на месте старого ятя.

³ В Липовице при абсолютном преобладании *и*, в данном слове из 17 случаев употребления в 10 *е*.

⁴ См.: Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М.: АН СССР, 1959.

⁵ Показателен в этом отношении, например, отрывок, записанный в Шейбухте от Пилогина (71 год); «*Фс'о врем'а з'дис'. Так и жьыв'ом... лит сорок. Из јолова леса сам строил. В ызбе и зиму и лито. Куда јихат', тут и жьыв'ом. Бывало орат' појду и с собој... В лесу-ть и медведи и зајцы и белки. Векшеј ил' билкој... Ну случис' грозовоје лето...*».

но все же встречается в речи представителей передового слоя говора. Вариант *Е* встречается редко, и практически его трудно отличить от *и*. Редко наблюдается и дифтонгическое произношение; <...> встречается главным образом в односложных и двусложных словах: *ниет, хлиеп, вьера, диела*. Поскольку такое произношение <...> сочетается с общей устойчивостью сохранения особого гласного на месте старого ятя (в отличие от других пунктов, он здесь возможен и в конечном открытом слоге: *гдие, мни, теби, гди*) и значительными следами *о* закрытого, можно думать, что это старая для говора черта. <...>

Значительные следы *О* и *Е*, а также особенности их утраты в говорах центральной части Вологодской области позволяют считать, что <...> в данных говорах исчезновение *Е* и *О* происходило в более позднее время и, хотя оно вызывается теми же общими тенденциями развития русского языка, интенсивность его именно в последнее время связана с воздействием фактов внеязыковой действительности, вызвавших возросшее влияние литературного языка. <...>

Различение *е* и *е* закрытого оказывается неустойчивым в положении перед твердым согласным и сравнительно устойчивым перед мягкими, что, можно думать, связано с характерным для данных говоров выделением позиции между мягкими согласными как позиции с сильной аккомодацией гласных. С выделением позиции между мягкими согласными связаны и встречающиеся в отдельных говорах единичные случаи произношения *и* на месте старого *е* и *е* из еря: *дин', сил'ский, пич', двир'* и т. п.

С воздействием соседних мягких согласных принято связывать и характерное для вологодских говоров изменение качества фонемы *а* в положении между мягкими согласными, сближение с *е*, что приводит к широкому появлению форм типа: *нет', грес', в грезе, снели, гулет'* и т. п. Данное произношение широко распространено во всех рассматриваемых вологодских говорах. <...>

Нам кажется, что обе устойчивые особенности ударенного вокализма вологодских говоров — сохранение *и* в соответствии со старым ятем именно между мягкими согласными и изменение *а* между мягкими согласными в звук типа *е* — связаны с общим для русского языка постепенно развившимся процессом аккомодации гласных последующему и предшествующему мягкому согласному. В литературном языке это приводит к образованию у гласных *i*-образного приступа¹, в отдельных говорах процесс идет дальше и приводит к изменению качества звуков (*нет'*), сохранению *и*, очевидно, усилению, более узкого, *i*-образного звучания гласных, появившихся в силу других причин на месте старого ятя. Иначе говоря, именно то, что данные явления получили известную поддержку со стороны общезыковых традиций, обеспечило их большую устойчивость.

¹ См.: Матусевич М. И. Качественные оттенки русских ударенных гласных фонем с артикуляционной точки зрения // Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена. Т. 248. Л., 1963.

Таким образом, в изменении ударенного вокализма в севернорусских говорах отчетливо проявилось взаимодействие общеязыковых и частных диалектных тенденций, что привело к неравномерному изменению отдельных звеньев ударенного вокализма при едином, в целом, направлении этих изменений.

Сложнее изменения безударного вокализма, так как он и сам по себе сложнее и в нем сильнее проявляется взаимодействие противоборствующих тенденций.

3

Основной принцип севернорусского безударного вокализма — последовательное различие гласных неверхнего подъема — во всех вологодских говорах проведен полностью и проступает весьма отчетливо. Отдельные случаи его нарушения в положении после твердых согласных, такие как произношение **о** на месте этимологического **а** (*рукова, страдали, трова, продовали, похат', зостали* и т. п.) или **а** на месте **о** (*сасунчик, скатины, выгараэт, пагода, наминали, горат* и т. п.)¹, а также редкие случаи редукции **о** и **а** во 2-м предупредном и заударных слогах (*ньсыпат', пьнимат', нитък, малъ, боръны* и т. п.) настолько малочисленны, что не могут еще быть показателями начавшегося изменения прежней системы.

В положении после мягких согласных картина более сложная: здесь возможно сосуществование нескольких вариантов произношения, по-разному сочетающихся в разных говорах. Для безударного вокализма в положении после мягких согласных в вологодских говорах характерно, во-первых, последовательное разграничение безударных гласных нижнего и среднего подъема и, во-вторых, различение позиций перед твердыми и перед мягкими согласными, причем второе различие для изучения процессов изменения системы предупредного вокализма оказывается более существенным, чем первое.

По характеру произношения гласных первого предупредного слога перед твердыми согласными говоры неоднородны. Одни из них характеризуются наличием в данной позиции пяти гласных: **а, о, е, и, у**, <...> другие только четырех: **а, е, и, у**. <...>

В говорах второй группы встречаются отдельные случаи употребления **о**, но они единичны, составляют не более 1–2 процентов². Во всех обследованных пунктах записано только 67 примеров с **о**, чаще всего на месте **е** (*с'остра, прив'одут, исп'оку, т'опло, п'орстом*), реже на месте старого ятя (*р'оку, л'осу, м'остам, Св'отланка*)

¹ О наблюдающихся в отдельных говорах единичных случаях особого произношения предупредного **о** (О, у и т. п.) не говорим, так как число их очень ограничено.

² В Васильевском на 350 случаев с предупредными **е, е** из ятя и **а** лишь 4 с **о**, там же в передовом говоре 1 с **о** на 134 примера. Только в Полозове их несколько больше.

и совсем редко на месте **а** (*пл'осат'*). Характерно, что в 36 случаях **о** стоит после губных согласных (*п'орстом, п'отух, в'одо, пом'орла*), в 12 — перед слогом с ударенным **о** или **у** (*н'осло, д'оржу, т'опло*), т. е. в $\frac{2}{3}$ случаев можно говорить о лабиализующем влиянии других звуков.

В другой группе пунктов, знающих в предупредительном положении гласный **о**, он выступает как вариант к **е**, т. е. встречается в тех же позициях, но с некоторыми особенностями. Характерно, что во всех пунктах возможно появление **о** не только на месте старого **е** и **е** из *еря*, но и *ятя* (*м'остам, р'ока, л'осах, приб'огла, в'одо, в'осы* и т. п.), однако такие случаи все же реже. <...>

Звук **о** на месте **е** и **ь** также встречается реже, чем **е**. <...> Есть некоторые основания говорить о преимущественном употреблении **о** после губных согласных (*в'осна, св'озут, св'окров, п'окут, в'орсты*). <...>

Меньшая распространенность произношения с **о** на месте старого *ятя*, связь его преимущественного употребления с особыми фонетически ограниченными условиями, появление прежде всего в пунктах, говоры которых подверглись большим изменениям <...> — все это позволяет, во-первых, считать вариант произношения с **о** более новым для говоров; во-вторых, видеть в его появлении и распространении (проникновении и в слова со старым *ятем*) отражение процесса утраты различия **е** и **Е**, т. е. того же процесса, который наблюдался в ударенном положении. Но в данном случае процесс охватил лишь гласные среднего (**е**) и верхнесреднего (**Е**) подъема, почти не затронув гласный нижнего подъема (**а**). Хотя единичные случаи появления на месте **а** гласных **о** и особенно **е** и **и** (*питнацат', пит'сот, питно, петнацат'* и т. п.) возможны, но редки и ограничены часто лишь числительными¹.

<...> Наблюдается значительное расширение сферы употребления гласного **и** за счет вытеснения **е** на месте старого **е** и **е** из *ятя*, т. е. отмечается произношение: *риви, привиди, визит'о, дивизирик, синник, принис'от, звиреј, дириг'анно* и т. п. <...>

Важно отметить, что различия в употреблении разных вариантов (**е** и **и**) на месте старого **е** (*нисе, вид'от, вира*) и старого *ятя* (*рике, биги, змија*) нет <...>.

В каком бы направлении ни шли изменения, разница между положением перед твердыми и перед мягкими парными согласными, которая отчетливо проступала и в ударном вокализме, всегда не только сохраняется, но еще усиливается.

Отсюда следует, во-первых, наличие несомненной связи ударенного и безударного вокализма данных говоров и, во-вторых, устойчивое сохранение противопоставления позиции перед твердыми и

¹ Появление **и** на месте **е** и **Е** также встречается редко, главным образом в новых для говора словах (*тираса, притсидател'*).

перед мягкими согласными. Именно эта тенденция нам представляется решающей в развитии безударного вокализма данных говоров, а ее реализация уже приводит к совпадению гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге, т. е. к сближению с системой литературного языка. Но источник этого сближения в данном случае — не просто воздействие чуждой говору системы позиционных отношений, а внутреннее развитие системы позиционных противопоставлений, характерных для говоров. Если бы дело было только в прямом воздействии системы литературных отношений, процесс перестройки захватил бы и положение после твердых согласных и другие безударные слоги, тогда как этого не происходит.

Таким образом, в случаях, когда изменениям подвергается устойчивая система, однородная в своих основных чертах в значительной группе говоров, решающее значение имеет не прямое влияние извне, а вызванное им усиление действия внутренних тенденций развития системы. В то же время начавшееся изменение, приводящее к появлению новых отношений между гласными, новых чередований (ср. появление отношений *н'осу* — *неси* или *н'иси* и *н'атак* — *пети* или *пити*) в дальнейшем неизбежно приводит к развитию нового типа безударного вокализма, к разрушению старой системы.

4

Иное положение наблюдаем в переходных говорах, возникших на севернорусской основе и сохранивших неполное оканье. <...>

Примером могут быть окающие говоры Саратовского Поволжья, принадлежащие к говорам владими́ро-поволжского типа. В их ударенном вокализме различается пять гласных фонем: **а, о, е, и, у**; следов особых закрытых *о* и *е* и существенных различий между говорами в ударенном вокализме не обнаруживается. В безударном положении последовательно различаются первый предударный слог, знающий после твердых согласных фонемы **а, о, и (ы), у**, после мягких — **а, е, и, у** и редко **о**, и остальные безударные слоги, в которых гласные неверхнего подъема совпадают в одном варианте — широко редуцированным гласном среднего ряда и подъема **ъ** после твердых согласных и узком переднерядном редуцированном гласном **ь** (во многих говорах близком к ослабленному **и**) после мягких согласных. <...>

Значительно сильнее различия между пунктами в степени сохранения переходного окающего вокализма: во многих пунктах он уже начинает уступать место вокализму акающему. В отдельных говорах разрушение неполного оканья проступает слабо, в других проступает сильнее, охватывая до $\frac{1}{4}$ случаев употребления **о, а** в первом предударном слоге. Особенно заметно вытеснение окающего произношения акающим в говорах, расположенных в стороне от основ-

ного окающего массива и подвергающихся сильному воздействию соседних акающих говоров <...>. Анализ особенностей разрушения неполного оканья показывает зависимость этого процесса как от внешних, так и от внутренних факторов. Зависимость от внешних факторов проявляется, во-первых, в том, что оканье интенсивнее исчезает в говорах, сильнее подвергающихся влиянию литературного языка и других говоров; во-вторых, в том, что оканье в системе одного и того же говора интенсивнее разрушается у лиц, в силу особенностей своей работы, своего образования сильнее испытывающих воздействие литературного языка. <...>

Влияние внутренних факторов проступает в наличии зависимости утраты предударного **о** от фонетических условий: **о** быстрее исчезает перед слогом с ударенным **а** и, наоборот, дольше сохраняется перед слогом с ударенным **о**, т. е. наблюдаются элементы ассимиляции предударного гласного гласному ударенного слога. <...> Можно думать, что развитие предударного вокализма этих говоров идет в сторону *аканья с ассимилятивным оканьем*. Однако интенсивное влияние литературного языка, ускоряющее процесс перехода к литературно-нормированной акающей речи приводит к нарушению намечающейся переходной системы, к появлению случаев совпадения **а** и **о** и в положении перед ударенным **о**¹. В некоторых окающих говорах <...>, где оканье в первом предударном слоге еще вполне устойчиво, можно говорить о развитии *оканья с ассимилятивным аканьем*, так как немногочисленные случаи совпадения предударных **о** и **а** наблюдаются главным образом в положении перед ударенным **а**. <...>

Своеобразное развитие в результате сочетания внутренних тенденций и внешнего влияния получает и предударный вокализм после мягких согласных. <...>

В одном и том же говоре, у одних и тех же лиц возможно произношение перед твердыми согласными: *з'орна, в'осна, н'осу* и столь же часто или даже чаще: *зерна, весна, несу, уб'огат, гн'оздо, б'огут* и рядом значительно чаще и в более разнообразном круге слов: *стена, петух, клевы*. Существенных различий в произношении гласных на месте старых **е** и **я**, как видим, нет, хотя все же **о** на месте **я** несколько реже. Следует учесть, что не во всех словах со старым **я**ем одинаково часто произношение с **о**. Очень редко **о** в словах *лес* (единичное *л'оса*), *хлеб, река, место*, несколько чаще, в словах *ведро, слепой, беда, двенадцать* и особенно в словах с корнем **бег-** (*б'огу, уб'огаит* и т. п.)².

¹ Подробнее см.: *Баранникова Л. И.* Гласные фонемы неударяемых слогов в севернорусских говорах Саратовского Заволжья // Уч. зап. Саратовского пед. ин-та. Вып. 20. Саратов, 1958.

² О различной судьбе старого **я** в разных группах слов на материале говоров, близких к анализируемому, см.: *Скобликова Е. С.* О судьбе этимологического **я** в пер-

Наиболее интересным моментом, нарушающим одну из традиционных севернорусских моделей предупредного вокализма, является возможность употребления на месте этимологических **е** и **е** из ятя гласного **а**, свидетельствующая о начавшемся процессе совпадения гласных неверхнего подъема (обратные случаи, т. е. появление **е** и **и** на месте **а**, встречаются более редко). Случаев появления **а** меньше в говоре глухих сел, в которых и оканье устойчивее <...>, и больше в говорах крупных сел с заметно изменившимся составом говора <...>.

Рассмотренные факты позволяют утверждать, что даже при сильном влиянии извне при изменении фонетических явлений, имеющих строго системный характер, большая роль принадлежит действию внутренних закономерностей, определяющих строение данной системы. Действие внешних факторов оказывает определенное влияние на развитие системы, изменение ее строения, но не разрушает его полностью, а как бы взаимодействует с ним, что приводит к образованию целого ряда переходных типов, переходных явлений. <...>

Один из типичных образцов южнорусского вокализма представляют курско-орловские говоры. <...>

Особый интерес представляет система безударного вокализма. В положении после твердых согласных в подавляющем большинстве говоров отмечается недиссимилятивное оканье, иногда с незначительными следами диссимиляции. <...>

Появление гласного **а** в слоге перед ударным **а**, несомненно, свидетельствует о начавшемся процессе разрушения диссимилятивного оканья, причем идет это разрушение, очевидно, в двух направлениях: увеличивается число случаев употребления в данной позиции гласного **а** и происходит изменение старого гласного, приближение его по звучанию к **а**, но еще нет полного слияния с последним. <...>

Нарушение принципа диссимиляции наблюдается в большинстве анализируемых говоров, проявляется оно в появлении **а** перед гласным нижнего подъема и **и** перед гласным верхнего подъема, т. е. в развитии фактов ассимилятивности. Однако наложение ассимилятивности в разных говорах приводит к разным результатам. В большинстве говоров намечается движение к умеренному типу яканья через различные переходные ступени, в некоторых же говорах уже можно говорить о развитии ассимилятивно-диссимилятивного яканья. Последнее наблюдается главным образом в говорах, в которых есть основания предполагать щигровскую основу.

Переход от умеренного яканья к иканью проявляется в постепенном увеличении фактов произношения с **и**, появлении **и** не только

вом предупредном слоге перед твердым согласным в говорах владими́ро-поволжской группы // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 3. Изд. АН СССР, 1962.

перед мягкими, но и перед твердыми согласными, т. е. перестройка старой системы сводится по существу к расширению сферы употребления одного из звуковых вариантов. Конечно, и здесь идет изменение одного из важных принципов старой системы — утрачивается различие между положением перед твердым и перед мягким согласным, но в данном случае изменение все же меньшее, чем при разрушении диссимилятивного яканья. Очевидно, и здесь взаимодействуют внутренние закономерности системы и внешние факторы (влияние литературной нормы), но в данном случае влияние последних оказывается сильнее, хотя и здесь происходит не прямое усвоение литературной нормы, а перестройка под ее влиянием старой диалектной подсистемы. <...>

7

Своеобразным изменениям подверглась в [вологодском] говоре и группа смычно-проходных боковых сонантов. Очевидно, в прошлом для исследуемых говоров было характерно противопоставление **l**, выступающего в варианте **w**¹, и **л'**. Но в настоящее время строгость отношений нарушена, во-первых, появлением новых вариантов: **л'** теперь противопоставит не только **l** и **w**, но и **л** и **Л** (звук, средний между **л** и **l**, т. е. звук с очень слабой веляризацией), и, во-вторых, нарушением четких позиционных соотношений между отдельными вариантами: **л**, **Л**, **w** и **l** могут употребляться в одной и той же позиции. <...>

Значительным изменениям подвергаются и другие особенности консонантной системы вологодских говоров. Анализируемым говорам свойственно ассимилятивное смягчение **к** после мягких согласных, но смягченное произношение **к** всюду выступает наряду с твердым, т. е. произношение типа **вал'к'ом** и **вал'ком** выступают как сосуществующие варианты. <...>

В других случаях различия в соотношении вариантов с **к** и **к'** имеют, несомненно, новое происхождение. Так, в большинстве пунктов с говорами, характеризующимися мягким цоканьем с редкими отступлениями от него, наблюдается зависимость частоты употребления **к** или **к'** от предшествующего согласного: после **ц'** в соответствии с **ч** чаще **к'**, после **ч** чаще **к**. <...>

9

Рассмотрение изменений диалектных фонетических систем обнаруживает сложность и своеобразие происходящих процессов. Если явления, связанные с отдельными словами (произношение

¹ Знак **l** передает полумягкое **л** («европейское»); **Л** — звук средний между **l** и **л**, **w** — звук, близкий к неслоговому **y**.

типа *дира, дирка, вышня, високий*) или небольшими группами слов (*нутр 'о, комар', дупл 'о* и под.) исчезают сравнительно быстро, хотя и не всегда последовательно (и на севере и на юге возможны случаи, когда такое диалектное произношение изолированных слов почему-либо задерживается в отдельных говорах, сохраняясь иногда даже в речи носителей их передового слоя), то явления сложные, многоступенчатые, связанные с основными закономерностями диалектных фонетических систем, исчезают значительно медленнее, причем их исчезновение приводит часто к значительной перестройке фонетической диалектной системы. Можно сказать, что изменение отдельных звеньев системы неизбежно ведет и к изменениям всей системы. И это вполне естественно, так как в процессе взаимовлияния диалектов взаимодействуют не отдельные звенья систем, а сами системы, в которые эти звенья входят. Это ярко проявляется на примере изменения безударного вокализма и ряда явлений консонантной системы (произношение аффрикат, губных фрикативных согласных, смычно-проходных боковых сонорных согласных и т. д.).

Степень утраты старых фонетических особенностей и появления новых, интенсивность происходящих изменений определяются в первую очередь степенью влияния литературной нормированной речи, т. е. в конечном счете внеязыковой действительностью, поэтому в фонетически однородных, но находящихся в разных условиях говорах степень разрушения старой системы и усвоения новой окажется различной. Вместе с тем как утрата старого, так и усвоение нового зависят и от общей близости взаимодействующих систем. Чем эта близость больше, тем процесс перехода к новому осуществляется легче. Поэтому переходные среднерусские говоры, даже оказавшись в сравнительно неблагоприятных условиях (небольшие пункты со слабым влиянием литературной речи), легче усваивают новые черты, чем говоры южнорусского типа с их существенно отличающимися от литературной речи фонетическими системами. Большую роль играет и широта распространения тех или иных фонетических черт, общность их для значительного массива говоров. <...>

Усвоение нового происходит как путем прямого заимствования элементов другой системы, так и путем развития новых элементов, переходных от старой системы к новой. В первом случае в систему говора проникают вместе со словами, усваиваемыми в литературной форме, отдельные элементы системы литературного языка (например, **л, ч, г** и т. п.), постепенное накопление которых в конце концов приводит к изменению характерных для системы говора отношений (например, вместо противопоставления **л' — л, w** развивается противопоставление **л' — л**), т. е. к изменению самой старой системы. Во втором случае перестройка системы говора происходит путем развития промежуточных переходных звеньев,

облегчающих путь к усвоению новой системы (развитие ц', полумягкого л и т. п.). Путь перехода зависит часто от интенсивности влияния нормированной речи: при более интенсивном влиянии идет прямое усвоение элементов нормированной речи, при менее интенсивном — появляются различные переходные элементы (см. выше об утрате цоканья в разных говорах Вологодской области). Поэтому в говорах, где влияние литературного языка начало ощущаться раньше, еще в досоветский период, и было более слабым, чаще наблюдается второй путь; в говорах, попавших в сферу очень интенсивного влияния литературного языка в последнее время, — первый.

Но решающее значение в выборе пути происходящих изменений принадлежит собственно языковым особенностям — характеру взаимодействующих систем.

1. Если взаимодействующие фонетические системы близки друг к другу, имеют большое количество сходных звеньев, то при переходе от старой системы к новой не развивается третьей промежуточной системы, а наблюдается последовательное вытеснение элементов старой системы новыми, приводящее к переходу на новую систему (переход от одного типа диссимилиативного яканья к другому, — от умеренного яканья к иканью и т. п.).

2. Если взаимодействующие системы далеки друг от друга, построены на разных принципах, определяющих характер звуковых изменений, то переход к новой системе связан с развитием новых закономерностей, представляющих собой переплетение старых и новых черт (например, переплетение принципа диссимилиации и умеренного яканья в умеренно-диссимилиативном и диссимилиативно-умеренном яканье) или появление новых элементов, равно отсутствующих во взаимодействующих системах (развитие умеренного яканья при взаимодействии севернорусского вокализма с вокализмом литературного языка и акающих говоров).

Но каким бы путем ни шло изменение, системе говора всегда принадлежит активная роль: она не просто усваивает новое, а активно взаимодействует с ним, изменяя усваиваемые элементы и меняясь сама.

Современные условия развития говоров определили особо значительную роль воздействия фонетической системы литературной нормированной речи, но важно учесть, что такое воздействие отвечает внутренним тенденциям развития диалектной системы. Влияние литературного языка часто лишь усиливает, ускоряет ход изменений, уже имевший место в развитии той или иной диалектной системы (утрата закрытых о и е, утрата цоканья и т. п.). Происходит это потому, что подчиненный характер диалектной системы определяет наличие в ней общих тенденций с тенденциями развития литературного языка, в котором находит наиболее полное выявление общее направление развития языковой системы в целом.

РАЗЛИЧИЯ В СТЕПЕНИ ВОКАЛИЗОВАННОСТИ СОНОРНЫХ И ИХ РОЛЬ В ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И ПЕРИФЕРИЙНЫХ ГОВОРОВ¹

В результате изучения лингвистического ландшафта русского языка, представшего на картах диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ), было обнаружено новое важное противопоставление говоров — центральных и периферийных. Впервые эти термины появились в разделе «Диалектное членение русского языка» (авторы К. Ф. Захарова и В. Г. Орлова) в книге «Русская диалектология» (М., 1964, под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой)². С тех пор важность этого противопоставления для исторической диалектологии русского языка вырисовывается все явственнее, перерастая в своем значении рамки одного русского языка.

Большой заслугой авторов «Диалектного членения» было уже само обнаружение этого противопоставления, так как оно не лежало на поверхности, не выступало с той определенностью, как те противопоставления, на которых базируется выделение основных единиц диалектного членения. Нужна была особая зоркость и опытность лингвогеографов, чтобы заметить некую закономерность в том разнообразии ареалов диалектных явлений, наплывающих с севера, запада и юго-запада по направлению к центру, но оставляющих в каждом отдельном случае этот центр свободным, — вернее, занятым другим членом междиалектного соответствия, как правило, совпадающим с явлением литературного языка.

Центральные говоры в этом противостоянии характеризуются всегда, так сказать, отрицательно, занимая большую или меньшую территорию в зависимости от того, насколько широко распространены в каждом данном случае (т. е. при каждом междиалектном соответствии) периферийные явления. В минимальном варианте центральные говоры занимают территорию, окружающую Москву, и ближайший к ней северо-восток, являющийся частью говоров Владимиро-Поволжского типа. Максимальный вариант демонстрирует их значительное расширение во всех направлениях: в этом случае они занимают все восточные среднерусские говоры и широкую полосу примыкающих

¹ Бромлей С. В. Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров // Диалектография русского языка. М., 1985. С. 8–31.

² См. также: Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970. Далее эту работу сокращенно именуем «Диалектное членение» и цитируем по этому изданию.

к ним территорий — до подковообразной линии Тотьма — Тихвин — Селигер — Ржев — Калуга — Рязань — Касимов.

Что касается периферийных говоров, то авторы «Диалектного членения» подчеркивают индивидуальный характер распространения каждого из явлений этой группы и то, что ни одно из них не распространено на всей периферии. Они лишь в целом, в своей совокупности, занимают всю территорию периферии.

Важно подчеркнуть и вытекающую отсюда ареальную характеристику явлений центра: имея свою собственную территорию, куда не заходят явления, свойственные периферии, явления центра в то же время как бы пронизывают периферию, господствуя на отдельных ее частях или выступая на ней в качестве сосуществующего (факультативного) варианта, наряду с вариантом периферийным. <...>

Понятие «центральные» говоры уже родилось <...>. По своему происхождению они, в соответствии с уже установившимся в науке мнением, являются преемниками бывшего ростово-суздальского диалекта. <...>

Центральные говоры, в своем ядре — наследники говоров Ростово-Суздальской земли, характеризуются в работах К. В. Горшковой как говоры в фонетическом строе по преимуществу консонантные, с максимальным количеством (как и в литературном языке) согласных фонем. В формировании их системы важную роль сыграло раннее развитие категории твердости–мягкости согласных, последовательно реализуется оппозиция по звонкости–глухости. Существенно и то, что согласные в них утратили лабиовелярность.

В противовес этому в говорах северо-восточной периферии (современных вологодских) — наследниках новгородских — эти консонантные признаки оказались не такими продуктивными. Здесь до сих пор фиксируется меньшее число согласных, парных по твердости–мягкости (и меньшее число соответствующих сильных позиций), отсутствуют полная соотносительность у согласных, парных по глухости–звонкости. Согласные сохраняют лабиовелярность.

Эти явления в области консонантизма центральных и периферийных говоров находятся в закономерных связях с их вокализмом. В центральных говорах развилось противопоставление гласных по лабиализованности–нелабиализованности (что реализовалось в переходе [e] > [o] перед твердыми согласными) и были утрачены гласные среднего подъема ([e] и [o]). В противоположность этому в архаических системах говоров современной северо-восточной периферии до сих пор (в разной мере) сохраняются прежние отношения.

<...> Факты неполного смягчения согласных в периферийных русских говорах ставятся при этом в прямую связь с соответствующими явлениями украинского языка и белорусских говоров.

<...> Становится все более очевидным по преимуществу архаический характер тех черт, которыми в выявленном противопоставлении характеризуются периферийные говоры, их связь с общевос-

точнославянским (древнерусским) состоянием. Черты же, специфические для центральных говоров, в этой оппозиции предстают как новообразования, возникшие в свое время в восточной части восточнославянской территории — бывшей окраине славянского мира. Связь с важнейшими глубинными процессами, имевшими некогда место в восточнославянской языковой области, как раз и определяет важность обнаруженного в 60-е годы диалектного противопоставления, ставшего известным как противопоставление центра и периферии на территории древнейшей русской колонизации.

<...> Обращает на себя внимание, что многие явления из комплексов, характеризующих порознь центральные и периферийные говоры, по существу демонстрируют разное поведение сонорных согласных в двух этих типах говоров, связанное с их большей вокализированностью в периферийных говорах и, наоборот, большей шумностью в центральных. <...>

Наиболее очевидным примером в этом смысле является разная реализация губного спиранта. В центральных говорах соответствующая фонема реализуется губно-зубным [в], проявляющим себя в одних положениях как шумный согласный (ср. наличие в конце слова и перед глухими согласными глухой пары — [ф]), в других — как сонорный, перед которым звонкие и глухие шумные различаются (ср. перед гласными и сонорными: [с во]дой — бе[з во]ды, [с вр]а-чѹм — бе[з вр]ачѹ). В периферийных говорах — эта фонема представлена сильно вокализированным губно-губным сонорным [w] или неслоговым гласным [ў]. Распределение этих звуков в соответствии с фонетическими позициями в слове в разных говорах юго-западной зоны различное. С губно-губным качеством этого спиранта связано отсутствие в фонетической системе фонемы [ф], которая в заимствованных словах заменяется звуками [х] или [хв]. Большую сохранность реализации губного спиранта звуками [у], [ў] и [w] имеем в говорах юго-западной периферии, где эта фонема в начале слова широко фиксируется и как чистый гласный [у] (*удова, унук*), проявляя себя, таким образом, как полновесный сонант. В значительной части этих говоров (а особенно это характерно для говоров северо-восточной периферии, знающих подобную реализацию губного спиранта) имеет место переход к употреблению губно-зубной спирантной пары [в] — [ф]; однако характерно, что в промежуточной стадии этого процесса фиксируется губно-зубной **сонорный** [в], проявляющий себя в таком качестве не только перед гласными и сонорными, как в литературном языке, но и перед шумными, ср. неоглушение такого звука перед глухим (*лѹ[вк]а, [в ш]кѹлу* и т. п.). <...>

Твердому л в периферийных говорах северо-востока и юго-запада (в двух оторванных друг от друга ареалах) в позиции конца слова и слога соответствует гласный [ў] или губно-губной [w]. Оба ареала этого явления накладываются (частично или полностью) на соответствующие ареалы, где [в] также может быть представлена губно-

губными звуками. На северо-востоке (вологодские и Кировские говоры) [л] — более сонорный, чем на юго-западе (русско-белорусском и русско-украинском пограничье), так как здесь в качестве его замен звуки [ǰ] и [w] (а также сонорный [в]) встречаются не только в конце слова и слога, но и перед гласными непереднего ряда ([ǰ] *бшадь*, [w] *бшадь*, [в] *бшадь*), т. е. звуки на месте *л* и на месте *в* факультативно совпадают.

Характерное для северо-восточного ареала распространение [л] «среднего» (не свойственного юго-западному ареалу), признаваемое позднейшим, стоит, по нашему предположению, в прямой связи с возможностью замены *л* твердого во всех позициях этими более вокализованными вариантами, которые в прошлом, по-видимому, были представлены более последовательно. <...>

Предположение о сильной вокализованности *л* в говорах северо-восточной зоны подтверждается также тем, что в подавляющей части этих говоров распространено явление отвердения [л'] в сочетаниях с [н] и [ш]. Известно, что чем звучнее сонорный, тем легче он утрачивает свою мягкость. Эту закономерность, помимо отвердения [л'] в указанных сочетаниях, отражает отвердение [р'] в белорусском языке, отвердение [н'ш] в периферийных говорах русского языка и целый ряд других факторов.

Разную степень сонорности, как известно, может иметь и фонема [j]. <...>

В центральных говорах встречается замена звуком [j] мягкого фриктивного задненёбного звука [γ']. Этому явлению посвящена специальная статья Р. И. Аванесова, пафосом которой является доказательство того, что в отличие от литературного языка, где [γ] и [j] различаются (ср. различие в произношении словоформ *о боге* с [γ'] и *о бое* с [j]), в некоторых южнорусских говорах на месте [γ'] может произноситься [j], ср. *júr'a*, *pajúp* (*гурия, погиб*) и др. <...>

Если перед гласным (в примере “з г'яйцами”) такая степень шумности [j] может факультативно проявляться как звонкость, то в конце слова она (также факультативно, чаще в конце синтагмы, в условиях эмфазы) оборачивается глухостью; ср. звук типа средненёбного мягкого *х* ([x'']) в случаях типа *открб[x'']*!¹ Звук [x''] в соответствии с [j] слабосонорного качества является аналогом других глухих сонорных в позиции конца слова после согласных (*ос[тр]*, *во[пл']* и т. п.).

В говорах периферийного типа [j], наоборот, проявляет значительную вокализованность. Ее можно усмотреть в свойственной севернорусским говорам черте фонетики — утрате интервокального < j > в определенных условиях. Именно высокая степень вокализо-

¹ Для обозначения мягких среднеязычных пользуясь способом Р. И. Аванесова. Звук [x''] охарактеризован им как «безголосое *j*». Карта 69. Вып. I ДАРЯ (рукопись Ин-та русского языка АН СССР) показывает, что и звуки [к''] и [г''] на месте *к'* и *г'*.

ванности этой фонемы, реализующейся по преимуществу неслоговым гласным [й] со слабо выраженной артикуляцией трения (и несколько пониженного образования, приближающегося к [о]), приводит в этих говорах к его утрате в части интервокальных позиций.

Высокой сонорностью [j] можно объяснить и его способность выступать в определенных позициях в соответствии с мягким губным спирантом, причем только в тех говорах, где соответствующая фонема реализуется губно-губным [w]. Возможность такой мены характеризует в основном вологодские говоры и говоры Рязанской Мещеры, как раз те, которые являются наиболее яркими представителями говоров периферийного типа. Сама же способность [j] выступать на месте [w'] — звука высокой степени сонорности, в любой из систем обладающего большей сонорностью, чем [j], недвусмысленно свидетельствует и о высокой сонорности [j] в этих системах.

<...> В системах консонантного типа сонорные в соседстве с шумными частично теряют свою звучность, спирантизируются. Степень их оглушенности, например, в позиции конца слова после согласного может приводить к их утрате в этом положении, ср. произношение *ру*[п'] (*рубль*), *жи*[с'] (*жизнь*). В периферийных говорах обнаруживается другая модель их поведения в тождественных условиях. Здесь проявляется обратная тенденция — к усилению их звучности, что приводит к развитию побочной слоговости, ср. характерное для этих говоров произношение тех же словоформ: *ру*[бл'] или *ру*[бл'], *ру*[б'л'], *жи*[з'ьн'] (если это существительное не оформляется в соответствии с топом склонения на -а: *жизня*). Особенно сильно развитие побочной слоговости проявляется в периферийных говорах западного типа, ср. наличие именно здесь компактных ареалов произношения словоформ типа [ал']*ну* ([ил']*ну*). [ар]*жи* ([ир]*жи*), хотя в некоторых случаях подобное поведение сонорных фиксируется и шире, почти повсеместно (например, в словоформах [пъш]еница, [арж]аной), что может объясняться достаточно давним возникновением соответствующих фактов, — до того, как тенденция к консонантизации повлияла на сонорный. Лишний же слог со временем закрепился в фонемном составе слова уже вне зависимости от качества сонорных в соответствующих говорах.

В середине слов в сочетаниях шумных согласных с сонорными и в сочетаниях двух сонорных в периферийных говорах представлены результаты активных некогда процессов, среди которых преобладает ассимиляция, ср. долгие сонорные на месте сочетаний звонких взрывных с сонорными, объединенных местом образования: [дн] > [нн] (*ла*[нн]о, [бм] > [мм] (о[мм]ан); разнонаправленные преобразования сочетания [л'н'], ср. [л'л']аной, где [л'н'] > [л'л'] и *пра*[н'н']ик, где [л'н'] > [н'н']. Особо — бо[л'л']о, где осуществилась прогрессивная ассимиляция еще и по мягкости ([л'н] > [л'л']), а также бо[н'н']о, где [н'н'] из исходного [л'н] возникнуть не могло и, видимо, представляет более позднее изменение [л'л'] > [н'н'].

Как ассимиляция в сочетаниях двух сонорных [н'ј] и [л'ј] началась, по-видимому, в свое время (после утраты редуцированного перед [ј]) и процесс в словах типа *весéлье*, *свинья́*, широко известный западным говорам и имеющий рассеянное распространение в северных. В настоящее время такое произношение охватывает и сочетание других мягких согласных с [ј] (т. е. также *плá[т'т']е*, *колó[с'с']а* и др.). Однако есть ряд фактов и соображений, позволяющих предполагать, что на сочетания других мягких согласных такое произношение распространилось позже и не как фонетический процесс, а как фонетическая модель произношения этих сочетаний в определенных положениях в слове. <...>

В периферийных говорах сонорные согласные претерпевают не только ассимилятивные, но и различные другие изменения, проявляя исключительную неустойчивость, вариабельность. Эта вариабельность проявляется, однако, преимущественно в мене сонорных на сонорные же. Замена сонорных на звуки того же класса, причем чаще всего в соседстве с сонорными, имеет определенную упорядоченность: взаимозаменяться в тождественном окружении могут определенные звуки. Чаще всего наблюдается взаимная мена сонорных [н'], [л'], [ј], ср. примеры типа *пéсе[л']ник* (*песенник*), *мошé[л']ник* (*мошенник*), *племя́[л']ник* (*племянник*), *пра́[й]ник* (*пральник*), *швé[л']ня* (*швейня*), *са́[й]ник* (*санник*), *колыба́[й]ка* (*колыбалка*) в говоре, где л «среднее».

Эти же сонорные могут заменять друг друга и между гласными и на конце слова, ср. примеры типа *рассто[л'á]ние* (*расстояние*), *мо[л]асты́рь* (*монастырь*), *карто́фей* (*картофель*). Ср. др.-рус. варианты *бо[јá]рин* и *бо[л'á]рин*, видимо, того же происхождения.

Только в этих положениях — между гласными и на конце слова — отмечается мена [р'] и [л'], ср. *косты́[р']* (*костыль*), *моты́[р']* > (*мотыль*), *ва́[л']ежки* (*варежки*), *пехтё́[л']* (*пехтерь*), а также упомянутые выше мены [w'] и [ј], ср. *руко[w']áтка* (*рукоятка*), *сыра[w']éжки* (*сыроежки*), *можже[w']éльник* (*можжевельник*)¹, *жне́[й]* (*жневь*), *карто́[й]* (*картовь*) и мена [л] на [w] — *[w]áмпа* (*лампа*), *бра[w]á* (*брала*) и т. д.

Реже мена сонорных отмечается в соседстве с несонорными, например *крь́[м]ка* (*крынка*), *кос[л']éвице* (*косьевице*), *брю́к[л]а* (*брюква*), *о[в]ша́нник* (*омшанник*), *ж[в]и́твина* (*жнитвина*).

Отдельные слова, отражающие мену сонорных (ср. *я́рма[н]ка*, *прó[л]убь*, *фё́[р]ша[л]²*), носят просторечный характер и распростра-

¹ О последних двух словах см.: *Касаткин Л. Л.* О фонологическом содержании звука [ј] в некоторых русских говорах // Исследования по фонологии. М., 1966. С. 367. Сноска 23. Единично мена [w] — [ј] отмечается в сочетаниях, ср. *поло[й]ник*.

² Преимущественно подобным фактам — мене сонорных в соседних слогах и ее закономерностям, посвятил одну из своих заметок по русской диалектологии «К диссимляции согласных в русском языке» С. П. Обнорский (см.: *Slavia*, ČPSF, 1922, XI, 1).

нены шире, не только в периферийных говорах. Подобные факты наблюдаются и в литературном просторечье (ср. *неврастé[й]ник*, *мошé[й]ник*). В целом же массовый характер мены сонорных в различных условиях с преобладанием процессов ассимиляции — признак периферийных говоров, и в первую очередь, их северных представителей.

Все эти явления имеют непосредственную связь с высокой степенью вокальности сонорных, свойственной этим системам <...>.

Включение в анализ различий в степени вокализованности сонорных позволяет подвести под признак «вокальность ~ консонантность» практически все явления, которые авторами диалектного членения перечисляются в качестве характерных черт фонетики говоров центрального и периферийного типов и которые в отношении периферийных говоров представлялись случайными и разрозненными. Совокупные данные, относящиеся к поведению в этих говорах сонорных согласных, позволяют утверждать, что периферийные говоры представляют собой определенное лингвистическое единство, выражающееся в большей их вокальности по сравнению с центральными.

Важно подчеркнуть, что все явления исторической фонетики, которые свидетельствуют о повышенных свойствах вокальности языковых систем, основной областью своего распространения имеют юго-запад древнерусской территории, где происходило формирование черт, на основе которых выделились украинский и белорусский языки. Русским говорам свойственна только часть этих явлений (сочетания мягких согласных типа *сви[н'н']я́*, *весé[л'л']е* на месте *тѣј*, *лѣј* и др., рефлексy с гласными [ы] и [э] на месте сочетаний редуцированных с [j]: *мыю*, *молодэй* и т. п.), причем все они характеризуют периферийные говоры. <...>

Вопрос о сравнительной вокальности ~ консонантности говоров может быть рассмотрен в аспекте строения звуковых цепей. Интересно, что и в этом плане различия русских говоров (всерьез, правда, еще не изучавшиеся) имеют определенную связь с выявленным противопоставлением центральных и периферийных говоров. Те периферийные говоры, которые были охарактеризованы как наиболее вокальные (и тем самым наименее консонантные), т. е. говоры северо-восточной зоны, с точки зрения строения звуковых цепей являются наиболее вокальнонасыщенными. Можно привести целый ряд явлений (конечно, далеко не исчерпывающий), из которых многие относятся к флексиям, иллюстрирующих более вокальное, чем в других говорах, строение однотипных морфов. Помимо явлений «зияния гласных», возникших вследствие выпадения интервокальных согласных *j* (*дél[ae]т*, *зн[áa]т*, *бél[aa]*), *w* (*д[éу]шка*, *кор[бу]шка*, *сам[оá]р*, *пр[ái]льно*, *дёр[eo]*), *γ*(*к[об]*, *т[об]*), это особенно дает себя знать в строении флексий, где сохраняются старые структуры с сохранением конечных гласных (утраченные в других говорах) или

былой двусложности, ср., например архаичные формы инфинитива типа *ходить*, типа *класти*, типа *стричи*, формы повелительного наклонения типа *стани*, *броси*, старые формы нетематических глаголов *даси*, *еси*, формы им. падежа ед. числа *мати*, *дочи*, двусложные окончания в форме род. падежа ед. числа женск. рода прилагательных (*у молодье жены*) и местоимений (*у одные девки*), формант сравнительной степени *-ее* в качестве единственного, без конкурентной формы на *-ей*¹. Весьма симптоматично в интересующем нас смысле широкое употребление в говорах этого региона вокализованных вариантов предлогов *ко*, *во*, *со*; выступающих здесь в более разнообразных контекстах, — не только перед словами, начинающимися с определенных сочетаний согласных (*ко мне*, *со снохой*, *во рту* и под.), как это имеет место в большей части русских говоров (в том числе и всех центральных), но и перед словами, начинающимися с одиночных согласных (*ко полю*, *во лесу*, *со тобой* и под.). В своей совокупности явления подобного рода значительно отличают периферийные говоры в их северо-восточном варианте от остальных говоров русского языка значительно большей насыщенностью звуковых последовательностей гласными.

Нет сомнений в связи этих явлений с законом открытого слога, определявшем вплоть до падения редуцированных высокую вокальную насыщенность звуковых цепей древнерусского языка. Система, характеризовавшаяся таким строением слога, должна была, конечно, обладать и сильно вокализованными сонорными, о чем свидетельствует уже то, что из всех согласных только сонорные были разрешены в ней на конце слога, — тем самым они как бы приравнивались к гласным. <...>

Явления, связанные в той или иной мере с повышенной вокальностью диалектных систем, в настоящее время значительно потеснены признаками, свидетельствующими о развивающейся тенденции к повышению в диалектных системах черт консонантного строя². Характеризуя русские периферийные говоры, признаки высокой вокальности связываются при этом всегда с восточнославянским западом, — с украинским языком, частично с белорусским, где они распространены, как правило, в качестве господствующих, больши-

¹Преимущественное сохранение двусложных окончаний твор. падежа ед. числа существительных и прилагательных (*водю*, *с большою* и т. д.) свойственно в основном говорам юго-западной периферии.

²При общей архаичности явлений, связанных с повышенной вокальностью диалектных систем, следует помнить, что процессы, в которых обнаруживаются потенциальные возможности систем вокального типа, могли проявляться и в эпоху после падения редуцированных, т. е. относиться к инновациям. О сложном взаимодействии процессов, связанных своим происхождением как с центральными, так и с периферийными говорами на разных этапах истории русского языка см.: Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М., 1968. С. 183–188.

ми целостными ареалами. В пределах русского языка наиболее архаичной зоной в этом смысле, как неоднократно подчеркивалось, является русский север и, в особенности, северо-восток. Недаром по этим признакам уже давно было замечено сходство говоров севернорусского наречия с украинским языком, в наибольшей степени выделяющимся своей вокальностью. Белорусский же занимает промежуточное положение: он делится на более консонантный северо-восток и менее консонантный юго-запад, хотя в целом проявляет заметно большую вокальность (по крайней мере, по поведению сонорных), чем русские говоры центра. <...>

Вопросы и задания

1. Какие говоры относятся к центральным и какие — к периферийным?
2. Как вы понимаете вокальность и консонантность сонорных в периферийных говорах?
3. В чем проявляется большая вокализованность сонорных в периферийных говорах?

Е. Г. Булова, Л. Л. Касаткин

ЧУХЛОМСКОЕ АКАНЬЕ¹

В северо-западной части Костромской обл. в окружении окающих говоров есть так называемый Чухломской акающий остров. Аканье здесь распространено почти во всем Чухломском р-не, в значительной части Солигаличского р-на и отмечено в пограничных с ними частях Буйского и Галичского р-нов.

Первые сведения об аканье в этих говорах относятся к 1821 г.²
<...>

В 1962 г. мы вместе с А. С. Феоктистовой, тоже работавшей тогда в секторе диалектологии Института русского языка АН СССР, собирая в Костромской обл. материал для «Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы», побывали на территории акающего острова. В двух населенных пунктах: д. Шартаново тогдашнего Судайского, ныне Чухломского р-на и д. Дудино

¹ Булова Е. Г., Касаткин Л. Л. Чухломское аканье // Диалектологические исследования по русскому языку. М.: Наука, 1977. С. 64–85.

² Нерехотский Н. Слова, употребляемые жителями города Чухломы и его уезда, собранные учителем гимназии Николаем Нерехотским // Труды Общества любителей российской словесности. Ч. XX. М., 1821. С. 150.

Чухломского р-на — мы обнаружили, что имеющееся в говоре этих деревень аканье и яканье носят диссимильативный характер. Из Шартанова мы привезли магнитофонные записи примерно на час звучания, отражающие это явление.

Диссимильативность — черта очень важная в характеристике безударного вокализма. Это одна из наиболее существенных черт, по которым классифицируются современные акающие говоры. Известно также, что большинство диалектологов и историков русского языка считают эту черту признаком наиболее архаичной системы, а недиссимильативное аканье и яканье признают результатом позднейшей трансформации диссимильативного. В Шартанове и Дудине мы были не первыми диалектологами. <...>

Мы считали необходимым продолжить наблюдения над чухломским говором, чтобы выяснить степень распространенности обнаруженной нами диалектной особенности.

В 1973 г. мы в течение двух недель проводили запись диалектного материала в Чухломском р-не. Мы побывали в пяти населенных пунктах, записали в полевые дневники и на магнитную ленту речь около тридцати жителей этих и соседних деревень. <...>

Деревни, выбранные нами для обследования, — это старые населенные пункты с коренным русским населением, расположенные в центре акающего острова. <...>

Записи, сделанные нами в деревнях, наблюдения наши над речью случайных попутчиков в автобусе, в магазинах, на улице, подтверждали наши первоначальные наблюдения: чухломское аканье и яканье характеризуется диссимильативностью. Черту эту нельзя считать новой: она типична для речи всех слоев населения. Характерна она и для более пожилых местных жителей, основных наших информантов, в том числе и таких, которые родились в 90-х годах XIX в. Таким образом, диссимильативное аканье и яканье, конечно, были в чухломских говорах и в XIX в., и в начале XX в. <...>

Обследованные нами деревни Солигаличского района расположены на северо-западной и западной окраинах акающего острова. Система безударного вокализма этих говоров отличается от Чухломских отсутствием диссимильации. По-видимому, говоры эти недавно перешли от оканья к аканью: сквозь недиссимильативное аканье и умеренное яканье отчетливо проступает севернорусское различие гласных неверхнего подъема. Это проявляется в следующем. После твердых согласных на месте <o> может изредка произноситься [o] в безударных слогах. На месте <o, a> в 1-м предударном слоге перед разными ударенными гласными произносится часто [ъ], раствор рта вообще небольшой, гласные в этой позиции «поджатые». После мягких согласных перед твердыми на месте <e, o, a> возможны разные звуки от [e] до [a], но [e, æ] чаще на месте <e, o>, [a] — чаще на месте <a>. Между мягкими согласными на месте этимологических e, ъ, a обычен [e], на месте ъ обычен [и]. <...>

По рассказам многих жителей подобные говоры распространены на всей западной части акающей территории Солигаличского р-на. Отличаются от этих говоров, в частности, говоры деревень Лосевского сельсовета Солигаличского р-на, которые характеризуются теми же чертами, что и чухломские говоры. <...>

Обследованные чухломские говоры характеризуются большим единообразием безударного вокализма. <...>

В чухломских говорах представлено диссимилятивное аканье белорусского, или жиздринского, типа и диссимилятивно-умеренное яканье особого типа, который можно назвать чухломским.

Диссимиляция в общих чертах проявляется здесь в том, что перед ударенным [а] гласные фонемы неверхнего подъема совпадают в гласном звуке среднего подъема — [ъ] после твердых согласных и [е] после мягких перед твердыми, а перед остальными ударенными гласными — в звуке [а]. Кроме того, звук перед ударенным [а] значительно короче звука, выступающего перед другими ударенными гласными.

Характерная особенность этого типа вокализма в том, что диссимиляция и после твердых, и после мягких согласных проявляется лишь на фонетическом уровне. Фонологически же такой тип аканья не отличается от недиссимилятивного, а тип яканья не отличается от умеренного. В первом предударном слоге после твердых согласных позиционно обусловленные звуки [ъ] и [а], а после мягких согласных перед твердыми — звуки [е] и [а] воплощают одну и ту же архифонему, соответствующую всем гласным фонемам неверхнего подъема и равным образом противопоставленную остальным двум фонемам, выступающим в этой позиции: <i>i</i> и <i>u</i>. Набор дифференциальных признаков этой архифонемы один и тот же после твердых согласных и после мягких перед твердыми.

В настоящее время чухломское аканье не представляет собой чистого типа: на месте гласных фонем неверхнего подъема после твердых согласных перед ударенным [а] появляется возможность произношения не только [ъ], но и [а], а перед остальными ударенными гласными, кроме [а], иногда отмечается и [ъ]. Таким образом, [ъ] и [а] в этой позиции перестали быть позиционно обусловленными вариантами, а имеют характер лишь позиционной прикрепленности¹. Точно так же после мягких согласных перед твердыми перед ударенным [а] уже отмечается не только [е], но иногда и [а] и, следовательно, эти звуки тоже утратили свою позиционную обусловленность.

В результате этого звуки [ъ] и [а] после твердых согласных и [е] и [а] после мягких перед твердыми превращаются в факультативные

¹ О позиционной прикрепленности см.: *Леньковский А. Б.* Об изучении процессов развития в живой диалектной речи // Тезисы докладов на X Диалектологическом совещании 11–14 мая 1965 г. М., 1965. С. 19.

варианты, что создает предпосылку для вытеснения одного варианта другим. Возможно, что «неупорядоченность» в произношении [e] или [a] в других безударных слогах после мягких согласных не перед мягкими отражает именно такое состояние. <...>

Диссимилятивно-умеренное яканье чухломского типа отличается от уже известного диалектологам типа диссимилятивно-умеренного яканья, характерного для Верхне-Днепровской группы говоров, тем, в каком звуке воплощаются гласные неверхнего подъема после мягких согласных перед твердыми в позиции перед ударенным [a]. Как уже говорилось, в чухломском типе этим гласным бывает обычно [e], в Верхне-Днепровском типе этим гласным бывает [и].

Разница эта не только фонетическая, но и фонологическая: произношение [и] приводит к совпадению в этой позиции гласных фонем неверхнего подъема с фонемой <и>, чего нет в чухломском типе.

Верхне-Днепровское диссимилятивно-умеренное яканье можно рассматривать как тип, представляющий следующую ступень развития по сравнению с чухломским типом. Переход от произношения [e], выступающего на месте гласных неверхнего подъема в какой-либо из позиций, к [и] пережили или переживают сейчас многие акающие говоры (ср., например, переход от еканья к иканью в литературном языке).

Однако для чухломского типа есть и еще один возможный путь развития: превращение его в умеренное яканье (замена [e] на [a] после мягких согласных перед твердыми перед ударенным [á]). И та, и другая тенденция наблюдается сейчас в чухломских говорах, хотя признаков превращения чухломского яканья в умеренное отмечено нами больше.

Таким образом, есть основания считать, что диссимилятивно-умеренное яканье Верхне-Днепровского типа могло развиваться из яканья чухломского типа. Из этого же типа в некоторых говорах могло возникнуть и умеренное яканье. <...>

Аканье — единственная несеве́рнорусская черта чухломских и солигаличских говоров, а «по всем остальным чертам своего строя эти говоры... являются типично северновеликорусскими»¹. Однако исследователями отмечаются здесь и другие черты, характерные для южнорусского наречия.

Из черт, известных в качестве признаков южнорусского наречия, в исследуемом говоре можно обнаружить лишь отдельные элементы, очень редко встречающиеся и почти незаметные среди безусловно господствующей неюжнорусской нормы.

К таковым принадлежит фрикативный звонкий задненёбный [ɣ] в соответствии с [ɣ] литературного языка. Примеры произношения

¹ Орлова В. Г. Разработка исторической фонетики русского языка по данным диалектов // Славянская филология. IV Международный съезд славистов. М., 1958. С. 167.

[γ] (не в словах с корнями *бог-*, *благ-* и других церковно-книжного происхождения или в словах *бухгалтер*, *ага*) встречаются исключительно редко. <...>

Следует заметить, что единичные случаи употребления [γ] изредка встречаются и за пределами акающего острова в окружающих севернорусских говорах. <...>

Подобную же картину представляет <т'> в окончании глаголов 3 лица ед. и мн. ч. При подавляющем преобладании <т> иногда встречается <т'>. <...> Нужно отметить, что формы 3 лица глаголов с <т'>, хотя и в крайне незначительном количестве, но все же встречаются в севернорусских говорах за пределами интересующей нас территории: в Вологодской, Ярославской, Архангельской, Костромской областях¹.

Спорадически попадают также в костромских акающих говорах отдельные факты, не характерные для севернорусских говоров, но известные на разных территориях южнорусского наречия. Так, <...> отмечена форма *свекровья*, характерная для центральной части территории южного наречия². В материалах, собранных Московской диалектологической комиссией, имеется записанная в Чухломском у. форма *свекры*³, имеющая четко очерченный ареал распространения в Восточной (Рязанской) группе южного наречия, а также отчасти в Тульской группе межзональных говоров группы Б⁴. <...>

Довольно широко употребляемое здесь окончание <-у> в форме предложного падежа ед. ч. встречается и у существительных с ударением на основе (напр., на *льнозавуду*, <...> в *своём разуму*). <...>

Отмечается иногда в Чухломском р-не слово *еще* с фонемой <е>: *ишишэ*, *иш'иш'э*⁵. По данным материалов Диалектологического атласа русского языка, такое произношение широко распространено на западе: в основном в пределах Западной и Верхне-Деснинской групп южного наречия и Псковской группы среднерусских говоров. В других местах произношение *ещ[э]* встречается очень редко, особенно редко — всего в нескольких разрозненно расположенных населенных пунктах — на территории севернорусского наречия. <...>

Каждому из упомянутых фактов в отдельности нельзя придавать большого значения, однако в совокупности они составляют определенный комплекс и могут быть учтены при исследовании проблемы

¹ См.: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / под ред. В. Г. Орловой. М., 1970. С. 196–197. Карта № 58.

² Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. С. 82; *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970. С. 65 (карта № 8). С. 131.

³ См.: Труды МДК. 1930. Вып. II. № 81.

⁴ *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Указ. соч. С. 65, 133.

⁵ Имеются в виду не случаи энклитического употребления слова в аллегровом стиле речи, а полное произношение при наличии на слове самостоятельного ударения.

происхождения костромского аканья. Следует в этой связи обратить также внимание на тот факт, что акающий остров выделяется среди окружающих его говоров еще рядом особенностей помимо системы вокализма безударных слогов. Как показывают материалы и карты Диалектологического атласа русского языка, некоторые явления (в основном из области лексики) образуют здесь ареалы, совпадающие в большей или меньшей степени с территорией аканья в Костромской обл. Одни из этих явлений за пределами рассматриваемой территории почти не встречаются, другие характеризуются своими, не совпадающими друг с другом, зонами распространения.

Наиболее близка к изоглоссе аканья изоглосса распространения слова *летйна* в значении ‘ботва огурцов, гороха, картофеля, свеклы или одной-двух из этих культур’. <...> Это слово, насколько мы можем судить, практически присуще только данной территории. Семь случаев фиксации его, кроме показанных на нашей карте, относятся к Ростовскому, Даниловскому, Середскому, Некрасовскому р-нам Ярославской обл. и к Лальскому р-ну Кировской обл. <...>

В территорию костромского аканья приблизительно вписывается изоглосса распространения слова *илык* в качестве названия старинного женского головного убора. <...> В говорах северного наречия его не отмечают (единственный раз — в Горьковской обл.), зато оно встречается в ряде говоров южного наречия: в районе Курска, Старого Оскола, Воронежа, Липецка, Борисоглебска, в нескольких районах Рязанской обл. Спорадически отмечено оно и в среднерусских говорах, в основном в акающих. <...>

Можно отметить еще слово *бьяет*, т. е. ‘блеет’ (об овце), которое понемногу встречается в разных местах, в том числе в виде единичных случаев и в севернорусских говорах, но наиболее широко известно в южных областях: Орловской, Курской, Белгородской, отчасти в Брянской и Воронежской. Некоторая не слишком интенсивная локализация этого слова заметна в западных районах Московской обл. и соседних с ними районах Смоленской и Калининской областей. <...>

Намного интенсивнее, чем в окружающих говорах, представлено во всем акающем острове употребление форм женского типа склонения от существительных мужского рода с суффиксами *-ушк-* и *-ушк-*. Как показывают данные лингвистической географии, женский тип склонения у этих существительных господствует (с определёнными исключениями) в южном наречии и среднерусских говорах¹. Для этой же территории в основном характерна флексия <-и> в формах именительного падежа множественного числа существительных

¹ Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / под ред. В. Г. Орловой. М., 1970. С. 154. Карта № 43.

среднего рода и в слове *ворота* (*о́кны, сёлы, воро́ты*)¹ — явление, которое обнаруживается и в акающих говорах Костромской обл. при отсутствии его в непосредственном окружении.

Наконец, для акающего острова характерно значительное распространение словоформы *свадьбёй* — родительный падеж мн. ч., которая за пределами этого района известна главным образом в двух довольно определенных ареалах. <...>

Наконец, следует упомянуть об употреблении в акающем острове стяженных форм 1 лица ед. ч. и 3 лица мн. ч. глаголов с основной настоящего времени на безударное [aj] (*дúму, задёрживу, дúмут, рабóтут, выскáзывают, поддёрживут, бéгут, сдёдут, вытáскивут, оплáчивут* и т. п.), что является характерным для среднерусских говоров, главным образом для восточных. Явление это <...> возникло при столкновении говоров, знавших стяжение гласных в результате выпадения интервокального [j] (т. е. севернорусских), и говоров, не знавших его (т. е. среднерусских и южнорусских). <...>

Таковы отличия акающих говоров Костромской обл. от соседних с ними севернорусских говоров. <...> Можно предполагать, что более углубленное изучение уже имеющихся записей диалектной речи этого района и дальнейшие специальные наблюдения доставили бы еще дополнительные факты, подтверждающие лингвистическое своеобразие этого района и дающие материал для территориальных сопоставлений при исследовании вопросов историко-диалектологического характера.

Однако и обнаруженные факты дают основание для некоторых выводов об истории чухломских говоров. Эти говоры, очевидно, сложились в результате взаимовлияния севернорусской и южнорусской систем. На это указывают многие севернорусские черты говоров и перечисленные выше особенности, которые, по-видимому, необходимо расценивать как остатки или следы южнорусских черт.

Вероятно, правы были те исследователи, которые считали, что аканье принесли сюда переселенцы из южнорусских областей. Наиболее подробно рассмотрел этот вопрос Н. Н. Виноградов, предполагавший, что аканье принесли сюда вотчинники и помещики, получившие здесь в начале XVII в. земли и перебравшиеся сюда со своими семьями и дворовыми². Время появления здесь аканья подтверждают и исследования Л. П. Греховой, установившей, что примеры аканья в местных рукописных текстах появляются с 20-х годов XVII в.³

¹ Образование севернорусского наречия... С. 151, карта № 41.

² Виноградов Н. Н. Причины и время возникновения аканья в Чухломском крае // Изв. ОРС. 1918. Т. XXII. Кн. 2. С. 14 и сл.

³ Грехова Л. П. К истории аканья в костромских говорах // Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской. 1964. Т. 148. Вып. 10. С. 502.

**О ВТОРОЙ ПАЛАТАЛИЗАЦИИ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ
СОГЛАСНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГОВОРОВ)¹**

1. Переход заднеязычных согласных в свистящие осуществлялся в славянских языках в трех возможных позициях: а) перед гласными переднего ряда дифтонгического происхождения; б) в сочетаниях с *в'* (**кветь* и под.); в) после верхних гласных переднего ряда² (так называемая третья палатализация).

Смягчение заднеязычных в первой из этих позиций относят к тем изменениям, которые охватили все славянство³; изменения второго типа представлены у южных и восточных славян, но отсутствуют в западнославянской группе языков; изменения третьего типа не проведены последовательно ни в одном славянском языке, но более полно они отражены в языках южнославянской группы.

2. Гласные переднего ряда, вызывавшие переход предшествующих заднеязычных в свистящие (первая из названных трех позиций), относились либо к корню слова, либо, гораздо чаще, к флексии. В первом случае смягчение охватывало все однокоренные слова со всеми формами словоизменения: *цѣна* (<**кена* <**койна*) — *цѣны* — *цѣною*, *цѣнити*, *цѣнный*; *цѣльй* — *цѣлого*, *цѣлити* — *цѣли*, *цѣловати*. Во втором случае, если согласный переднего ряда относился к флексии, а заднеязычный, подвергавшийся смягчению, стоял в конце основы, палатализация происходила только в отдельных формах слова, при соответствующих флексиях: *рѣка*, *рѣкы*, но *рѣцѣ*; *реку*, *рекуть*, но *рѣци*. В пределах парадигмы возникало чередование согласных *к / ц*, *г / з* (<**дз*), *х / с*.

В современном русском языке вторая палатализация представлена только в тех немногих корнях, где заднеязычный находился перед корневым гласным переднего ряда; *цѣльй*, *цена*, *цѣвка*, *цѣп*, *цѣдить*,

¹ Глушкина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. П. Псков, 1968. С. 20–43.

² Неясно, действительно ли таковы позиционные условия смягчения заднеязычных в словах *овца*, *отец* и др., но для вопросов, рассматриваемых в этой статье, это несущественно, поэтому здесь приводится общепринятая трактовка «третьей» палатализации.

³ В западнославянских языках на месте древнего **x'* находим *ш*, как и по первой палатализации. Предполагают, что первоначально у всех славян по второй палатализации был переход **x' > c'*, а изменение *c' > ш* — более позднее западнославянское явление. См.: Ван-Бейк Н. К истории фонологической системы в общеславянском языке позднего периода (Slavia. Roč. 19. Seš. 3–4. Praha, 1950. S. 309); Furdal A. Rozpad jezyka praslowianskiego w swietle rozwoju glosowego. Wrocław, 1961. S. 26.

*серый, седой*¹. Что касается случаев второго типа, то перед флексией в конце основы находим не свистящие, а заднеязычные: *на руке, о волке, пеки* и т. п. Историки русского языка объясняют сохранение *г, к, х* перед флексиями более поздним выравниванием основы по аналогии, под воздействием форм других падежей: *рука, рукой, отсюда и руке*².

3. Историки русского языка давно обратили внимание на примеры с заднеязычными вместо ожидаемых свистящих в формах склонения в древнейших новгородских памятниках (самый ранний пример — *Дьмькъ* в Новгородской Минее 1096 г.). Б. М. Ляпунов высказал даже предположение, что в некоторых восточнославянских говорах на севере второе смягчение заднеязычных, может быть, с самого начала не охватило форм склонения из-за противодействия других падежей. К этой мысли присоединяется П. Я. Черных³.

Берестяные грамоты, ставшие достоянием науки последних лет, позволяют уверенно заключить, что отсутствие второго смягчения в падежных формах было в древнем новгородском диалекте не исключением, а нормой с самого начала письменного периода. Ср. *на отроке* (гр. 241, рубеж XI–XII или нач. XII в.), *ко Оуике* (гр. 114, вторая пол. XII в.), *к Лоукъ* (гр. 156, нач. XII в.), *Кузеке* (дат. п. от *Кузька*, гр. 163, сер. XII в.), *къ Коулотъкъ* (гр. 105, XI или нач. XII в.), *по великъ д(ьни)* (гр. 380, XII в.⁴), *на Онегъ* (1181–1182 г.) и др.⁵

В берестяных грамотах более 20 примеров без второй палатализации заднеязычных (там, где ее можно было бы ожидать) и только в трех случаях, причем в поздних грамотах, вместо заднеязычных

¹ Этимология слов *серый* и *седой* не вполне ясна, но соотношение западнослав. *ш* с южно- и восточнослав. *с* (чешск. šerý, šedý, польск. szary, szady) заставляет предположить начальное **хай-* (ср. *Vaillant A. Grammaire compare des langues slaves*. Т. I. Lyon, 1950. С. 50). Переход *з > з* (< дз) по второй палатализации известен в слове *зело*, не употребляющемся в современном русском языке (в словарях оно дается с пометой: церк.-книж., устар.).

² *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907. С. 213; *Шахматов А. А.* Историческая морфология русского языка. М., 1957. С. 326; *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 202 и мн. др.

³ «Возможно, впрочем, что в некоторых севернорусских говорах в склонении существительных с основой на К, Г, Х под влиянием других падежей согласные К, Г, Х доисторического времени сохранялись без изменения в Ц, З, С — в нарушение закона так называемого «второго смягчения» (*Черных П. Я.* Историческая грамматика русского языка. М., 1954. С. 174).

⁴ *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953 (гр. № 1–10); *Арциховский А. В., Борковский В. И.* То же (из раскопок 1954–1954 гг.). М., 1958 (гр. № 84–136); То же (из раскопок 1955 г.). М., 1958 (гр. № 137–194); То же (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963 (гр. № 195–318); *А. В. Арциховский.* То же (из раскопок 1952 г.). М., 1954 (гр. № 11–83); То же (из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963 (гр. № 319–405).

⁵ Вкладная посадника Ивана Фомина Муромскому монастырю. Обонежье // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 284.

находим свистящие: *a na to poslušъ* (гр. 36, сер. XIV в.), *возми сапозъ* (гр. 4, XIV), *владыцъ* (дат. п. гр. 244, нач. XV в.). *Владыка* — церковный термин, *a na to poslušъ* (-и?) — юридическая формула, оба примера не показательны для живой речи; форма *сапозъ* (-и?) в вин. п. не закономерна, вряд ли и она отражала живую речь.

В новгородских и псковских летописях¹ примеров со второй палатализацией в конце основы значительно больше: летописи написаны более традиционным литературным языком. Тем не менее, и по данным летописей видно, что вторая палатализация в формах склонения была особенностью книжного, традиционного языка, а не живой местной речи². Отсутствие палатализации в летописях чаще проявляется в личных именах и топонимах, особенно местного характера, в обиходной лексике. Ср. в *Смольньскъ*³ (Новг. летопись; под 1145 г.), по *Лугъ* (под 1240 г.), в *Полотьскъ* (под 1239 г.), на *Дубинкъ* (под 1310 г.), на *Опочкъ* (Пск. 2-я лет., под 1314 г.)⁴. Показательная запись под 1293 г. при *посадницъ Еске* (Пск. 2-я лет., список XV в.): в обозначении официальной должности находим свистящий — официально-книжная форма, а рядом в собственном имени сохраняется заднеязычный.

Эти данные древней новгородской (и отчасти псковской) письменности позволяют заключить, что вторая палатализация в конце основы перед флексией не была свойственна местной живой речи русского Северо-Запада с самого начала письменного периода истории русского языка⁵.

¹ Псковские грамоты известны только начиная от XIV в., поэтому данные из них здесь не приводятся. Они не противоречат тому, что сказано о новгородских грамотах.

² Формы повелительного наклонения глаголов с основой на заднеязычный не встретились ни в грамотах, ни в летописях. Вряд ли, однако, формы глагола отличались в этом отношении от форм имени.

³ Новгородская первая летопись старшего извода (Синодальный список). М.; Л., 1950.

Исследователи отмечают особое положение *ск* в истории второй палатализации, но в древней новгородской письменности слова на *-скъ* не составляют исключения. (О судьбе сочетания *ск* с новыми *ъ* и *и* в разных славянских языках см. в книге: *Shevelov G. I. A prehistory of Slavic*. New York, 1965. P. 297–299.)

⁴ Псковские летописи / под ред. А. Н. Насонова. М., 1955.

⁵ В берестяных и других грамотах (в меньшей мере — в летописях) широко отражены такие диалектные морфологические образования, как им. ед. м. р. на *-е* у существительных с основой на *-о* и род. ед. на *-ъ* у существительных с основой на *-а* твердой разновидности. Среди примеров много таких, где основа оканчивается на заднеязычный (в берестяных грамотах их около 30). Им. ед. м. р.: *замъке* (гр. 247, XI в.), *се Жядъке* (гр. 235, сер. XII в.) и др.: род. ед. у *владыкъ* (гр. 155, первая пол. XII в.), *от Дрочке* (гр. 87, XII в.), *до Черехе* (Пск. 2-я лет., под 1308 г.) и др. Утверждению диалектных форм на *-ке*, *-къ* в этих двух падежах могло способствовать отсутствие второй палатализации и привычная поэтому сочетаемость заднеязычных с передними гласными в этом диалекте (сочетание других согласных с этими флексиями не должно было представлять каких-либо трудностей).

4. Если бы отсутствие второй палатализации проявлялось в новгородско-псковском диалекте только в формах словоизменения, это действительно можно было бы приписать действию аналогии, хотя необычным представлялось бы такое раннее ее проявление (предположение Б. М. Ляпунова и П. Я. Черных об исконной непоследовательности фонетического процесса второй палатализации, на наш взгляд, не убедительно). Однако вторая палатализация отсутствует в северо-западных говорах русского языка и в таких случаях, где нельзя предположить позднейшее восстановление заднеязычных под влиянием других форм слова. Это слова, где палатализация должна была осуществляться не в конце основы перед флексией, а в начале слова (или корня слова). В северо-западных говорах широко представлены такие лексемы, сохраняющие исконный заднеязычный перед *e* (<*e* <**oj'*>).

а) *Кеж* «процеженный раствор овса, муки» — ср. общерусск. *цеж*. М. Фасмер сопоставляет *цеж* и *кеж* с глаголом *цедить*, где **к* > *ц* по второй палатализации перед *e* из дифтонга, но не объясняет, почему в слове *кеж* сохранился заднеязычный². А. Подвысоцкий в Словаре областного архангельского наречия приводит оба звучания, по-видимому, не отождествляя их этимологически (*цеж* написано через *ъ*, как и *цедить*, а *кеж* — через *e*): *кеж* — «употребляемый для приготовления киселя отстой ржаных высевок», а *цеж* — «выпаренный из брусники и подслащенный патокою или медом сок, с которым едят толокно»³. Г. И. Куликовский вслед за В. И. Далем приводит для олонекского наречия только *кеж*, *кежь* — «сырая овсянка, людское питье и конское пойло на холодной воде»⁴.

В экспедициях последних лет форма *кеж* записана в Каргопольском, Волосовском, Няндомском, Приозерном районах Арханг. обл., в Медвежьегорском р-не Карело-Финской АССР (олонецкие говоры), в Пск. обл. (Гд. и Пл. р-ны)⁵.

Вторая палатализация в формах склонения в новгородской и псковской письменности рассматривалась в курсовой работе студ. Псковского ГПИ Г. П. Мягченковой (тезисы опубликованы в сб. «Научно-теоретическая конференция преподавателей и студентов». Новгород, 1965). Здесь частично использованы материалы этой работы.

¹ В статье рассматриваются данные Псковской области и старой Новгородской земли (включая территорию ее северной колонизации). Использованы картотеки диалектной лексики Московского и Ленинградского университетов, Псковского и Новгородского педагогических институтов, картотека Словаря русских народных говоров (Ленинград), а также диалектные словари. Сведения по Новгородской и Калининской областям любезно сообщены доцентом Новгородского ГПИ В. П. Строговой.

² *Vasmer M. Russisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1950–1958. С. 286, 548.*

³ *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 65 и 186.

⁴ *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонекского наречия. СПб., 1898. С. 35.

⁵ Районы Пск. обл. обозначены сокращенно (см. в конце статьи список сокращений).

Из олонецких говоров русского языка слово *кеж* проникло в соседние западно-финские языки — карельский и олонецкий. По мнению И. Калимы, русское *цеж* (звучание *кеж* ему неизвестно) не могло бы превратиться в карельское *kieza* и олонецкое *kiezu*, так как русский звук *ц* никогда не заменяется в этих языках звуком *к*. Калима предполагает, что источником карельского и финского заимствования послужило неизвестное ему русское слово *кеж*, которое восходит к *цеж*, причем *ц* по непонятным для него причинам перешел в *к*. «Насколько известно, ни в одном русском диалекте нет фонетического перехода *ц->к* перед следующими гласными, но несомненно есть единичные случаи *к-<ц* в этом положении, так *кивец* и *кивца* (олон.) ‘ткацкая катушка’, ср. *цевка*, *цывца*»¹.

Действительно, никакого обратного перехода звука *ц* в *к* здесь не могло быть, такого перехода не знают ни русский, ни другие славянские языки.

Другие слова этого корня с начальным *к*-: *кедить* ‘цедить’ — Пск. обл., Гд. и Полн.; *кедилка* и *кедушка* ‘цедилка’ — Гд.

б) *Кевка* (и ум.-ласк. *кевочка*) ‘шпулька’, ср. общерусск. *цевка*, записано в Няндомском р-не Арханг. обл., Сланцевском р-не Ленингр. обл., Гд. и Ляд. р-нах Пск. обл.; *кэвца́* (и *кевечка*) в том же значении — в Медвежьегорском р-не Карело-Финской АССР, в Кар., Кр., Ляд., Н-Рж., Оп., Остр., Палк., Печ., Пл., Порх., Пск., Пушк., Сл., Сош. С. р-нах Пск. обл.; *кэвэц* (и *кíвец*) в том же значении — в Прионежском р-не Карело-Финской АССР, в Дн. и Стр. р-нах Пск. обл.

Кэвца́ ‘деревянная игла для вязания сетей’ — Оп. р-н Пск. обл.

Кевь ‘ручка цепа’ — Печ. р-н Пск. обл.; *кево́к* в том же значении — Сл. р-н Пск. обл.; *кеви́на* — Поддарский р-н Новгород. обл., Гд., Ляд., Оп., Остр., Палк., Порх., Пушк., Сл. С. р-ны Пск. обл.).

Кэвэц ‘бьющая часть цепа, било’ — Кр. и Сл. р-ны Пск. обл.

Кэвэц ‘острый молоток, которым отбивают жернова’ — Стр. р-н Пск. обл.

В «Словаре Олонецкого областного наречия» Г. И. Куликовского отмечены *кивца́*, *кивэчка*, *кивэц* ‘катушка ниток, вложенная в челнок’.

в) *Кеп* ‘ручная молотилка, цеп’, ср. общерусск. *цеп* — Палк. р-н Пск. обл.; в том же значении *кепо́к* — Остр. р-н.

Кеп ‘ручка цепа’ — Остр., Палк., Печ. р-ны Пск. обл.; в том же значении *кепо́к* — Сл., *кепи́ц* — Пав. и Стр. р-ны Пск. обл.

Кеп ‘бьющая часть цепа, било’ — Гд., Пск., Сл. С. р-ны Пск. обл.; в том же значении *кепо́к* — Кар., Кр., Локн., Н-Сок., Оп., Остр., Пушк., Себ. С. р-ны Пск. обл.; *кепéц* — Маловишерский, Поддорский, Чудовский р-ны Новгород. обл., Гд., Н-Рж., Остр., Палк., Порх., Пушк. С. р-ны Пск. обл.; *кепéтик* — Ляд. р-н. Пск. обл.

¹ *Kalima I. Etymologische Streifzüge // Finnisch-ugrische Forschungen. XX. Helsingfors, 1929. S. 128–130.*

В словаре Г. И. Куликовского *кепéц* — ‘цеп молотильный’.

В русском литературном языке *цеп* (*цепы*) имеет и другое значение: «Преимущ. мн. В ткацких станках — нить или круглая палка, употребляемая для сохранения параллельности основных нитей ткани (тех.)»¹. У В. И. Даля: «*Цепы, цепки* ниченки ткацкого стана, чрез кои, для подъема подножкою, пропускаются нити основы. Цепками зовут каждый подъемный ряд ниченок...» (Даль, IV, 579)².

В северо-западных говорах в этом термине также сохраняется начальный звук *к*.

Кеп, кепы́ и киты́ — Пинежский р-н Арханг. обл., Мошенский и Опеченский р-ны Новгород. обл., Гд., Дн., Кар., Палк., Печ., Пл., Порх., Пск., Сл. С. р-ны Пск. обл.; *кепук, кепки* — Маловишерский р-н Новгород. обл., Дед. и Остр. р-ны Пск. обл.

Кепки́ ‘шпульки’ — Оп. р-н Пск. обл.

Кепца́ ‘шпулька’ — Сер. р-н Пск. обл.

Чтобы получить тот или иной рисунок ткани, ткут в разное количество нитов. Такое тканье называют *пяти-, шести-* и более — *ке́пным*, а полученную ткань — *пяти-, шести-* и более — *ке́пиной* (Бологовский р-н Калининской обл., Любытинский, Маловишерский, Окуловский, Опеченский, Старорусский, Чудовский р-ны Новгород. обл. — обычно с огласовкой *кип-*, повсеместно в Пск. обл.)³.

У Даля приводится *кеп, кепы* с пометой *сев.* <...>

Слово *кепа* ‘ткацкие ниченки’ употреблено в челобитной 1622–1623 гг.⁴

Почти все эти термины известны и в общерусском варианте, с начальным *ц*, причем нередко — в речи одних и тех же людей. Носители говора сами ощущают эту вариантность и постепенное вытеснение местных образований⁵.

5. В славянских языках известно всего несколько корней, в которых произошла вторая палатализация начального согласного. В русском языке переход начального **к* > *ц* перед гласным переднего ряда наблюдается в пяти корнях: *цевка* (*цевье, цевина* и др.), *цедить цезж, цедилка, целый* (и этимологически родственные *целить, целовать*), *цена, цеп*⁶. Из этих пяти корней три корня (лексем значительно больше) представлены в современных северо-западных говорах с началь-

¹ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1935–1940.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4.

³ Записанные в Пск. обл. формы *восникепина, усникепина, восникетна, винкепина* вызваны, по-видимому, деэтимологизацией этого слова.

⁴ Астраханские акты (картотека Древнерусского словаря в Институте русского языка, Москва).

⁵ Так, например, в деревне Лосицы (Ляд. р-н Пск. обл.) записано: *Кевйчки — титерь цэфка гаварят*.

⁶ Кроме того, переход начального **к* в *ц* известен в германских заимствованиях: *църкы, цъсарь* (и *цъсарь*).

ным *к*. Обращает на себя внимание то, что все слова, сохранившие в архангельских, олонечких, новгородских, калининских, псковских говорах начальный заднеязычный перед *е* (<*Е* из **oj*), относятся к сельскохозяйственной и ремесленной терминологии, тогда как слова, известные здесь только с начальным *ц*-, то есть в общерусском значении (*цена, целый*), не связаны специально с сельским бытом.

Показательно также, что в говорах сохранилась только лексика с начальным *к*'-, а два других заднеязычных в такой же позиции не сохранились. Слова *серый, седой, зело* не относились к сельскохозяйственной терминологической лексике, поэтому архаические местные звучания этих слов с начальными заднеязычными легко могли быть вытеснены общерусскими формами. Но вполне возможно, что в северо-западных говорах эти слова вообще не были употребительны. Заметим, что и теперь в псковских говорах литературным *серый* и *седой* соответствует местный эквивалент *сивый* (*сивое сукно, сивый конь, сивые волосы*). Для истории второй палатализации на русском Северо-Западе более показательны формы с начальным **кЕ*-.

Современные северо-западные говоры — результат многовекового взаимодействия разных языковых норм, разных систем, в первую очередь — системы своей и системы ведущего диалекта, теперь — литературного языка. Закономерно, что в процессе междиалектного языкового взаимодействия местные слова, связанные с бытом, ремеслами, хозяйством, проявляли большую устойчивость и меньше вытеснялись общерусскими вариантами¹. Сохранение начального *к*- именно в словах терминологического характера свидетельствует об исконности этого местного звукового явления.

В современных новгородских говорах лексика с начальным *к*- вместо общерусского *ц*- встречается гораздо реже, чем на периферии бывшей Новгородской земли. Но, как известно, нивелировка говоров Новгородской области под воздействием различных факторов сказалась и на других диалектных явлениях². Впрочем, диалектологи, уже знакомые с сохранением начального *к*- и специально «разыскивающие» это явление, находят в последние годы все больше примеров и в самой Новгородской области.

Показательно, что в Калининской и Новгородской областях в ткацкой терминологии обычно употребляют общерусское *цеп, цеты (цыты)*, но полотно, вытканное при помощи нескольких цепов, называют не только *-цыповиной*, но и *-киповиной*: *Цыты — это ниченки; ф шэсь цыпоф — шэстикиповина, восьмикиповина — в восемь*

¹Выход за пределы местной речи мог осуществляться не только в непосредственных контактах с носителями других диалектов, но и благодаря распространению письменности. Вероятность употребления в письменности таких слов, как *целый, целовать (крест), церковь, цена* и под., несравненно больше, чем слов *цеп, цевка, цеж*. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас памятники северо-западной письменности.

²Ср.: Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959. С. 81.

цыпоф, а не *китоф* (дер. Берёзовский Рядок Бологовского р-на Калининской обл. Последнее замечание о *китах*, вероятно, ответ на вопрос диалектолога). Звук *ц* проник в обозначение, принятое в русском повсеместно (*цен*), тогда как производное от него местное образование нередко сохраняет звук *к*-.

6. Рассмотренный материал приводит к заключению, что в северо-западных говорах русского языка¹ не произошел переход заднеязычных в свистящие перед новыми гласными переднего ряда. Такие древние новгородские звучания, как *Дъмъкъъ*, *на отроке* и подобные — явления того же порядка, что и *кеж*, *кеп*, *кевка*. Это не новообразования, вызванные аналогией, а исконные местные формы. Только под воздействием письменного литературного языка, сложившегося в Древней Руси на основе киевской традиции не без влияния старославянского языка, в более поздние новгородские грамоты проникают отдельные формы со свистящими вместо заднеязычных в конце основы (главным образом, в книжной лексике). В летописях традиционных литературных форм больше, но и там они не являются господствующими.

Во всех славянских языках сфера использования этого чередования сократилась за счет исчезновения некоторых древних форм со свистящими: многие языки используют в им. мн. м. р. флексию вин. п. (ср. *-кы* > *-ки* вместо древнего *-ци* в русском): в болгарском исчезли флексии косвенных падежей, а вместе с ними и формы *руцѣ* и под., и т. д.² Кроме того, известную роль должна была сыграть и аналогия, поскольку в системе любого языка заложена тенденция выровнять основу в пределах парадигмы. В результате свистящие, чередующиеся с заднеязычными, встречаются в славянских языках в небольшом круге форм (от одной до четырех)³. Только в русском языке аналогия привела к полному исчезновению этого чередования как грамматического явления (в отличие от ближайше родственных белорусского и украинского, где грамматическое чередование *к/ц*, *з/з*, *х/с* сохраняется).

Такая полная (и притом ранняя) реализация тенденции к выравниванию основы, наблюдающаяся в русском языке, требует объяснения. По нашему мнению, его можно найти в изложенных выше фактах.

При формировании собственно русского языка в московской речи встретились «общерусские» формы склонения с морфологическим чередованием заднеязычных и свистящих и северо-западные формы

¹ Современные обозначения языков и говоров используются для дописываемой эпохи условно.

² О чередовании заднеязычных и свистящих в современном болгарском см.: Bernard R. Quelques observations sur la seconde palatalisation en bulgare moderne // Сборник в чест на академик А. Теодоров-Балан. София, 1955.

³ Г. И. Шевелов (*Shevelov G. I.* Op. cit. P. 296) приводит таблицу распространения этого чередования в современных славянских языках.

без такого чередования. Общеславянская тенденция к унификации основы была поддержана северо-западными говорами, не знавшими второй палатализации. Диалектное явление оказалось в русле общего движения языка. Поэтому оно не только не было вытеснено, а, напротив, дало толчок к морфологическим новообразованиям в русском языке в целом. В московской письменности постепенно утверждается склонение существительных без чередования заднеязычных со свистящими. Формы на *-цѣ* (x), *-зѣ* (x), *-сѣ* (x) от основ на *к*, *г*, *х* становятся принадлежностью книжного языка, устойчивых формул и выражений, а в конце концов совсем исчезают из русской письменности¹. В «Российской грамматике» Ломоносова (1755 г.) для дат. и предл. п. приводится только форма *рукѣ*, общая для всех стилей².

Северо-западное начальное *ке-*, не дававшее чередований, имело иную судьбу. Это было не морфологическое, а чисто лексическое местное явление. Взаимодействие с другими диалектами, в первую очередь — с ведущим диалектом в его устной и письменной форме, привело к распространению в северо-западных говорах лексики со свистящими вместо заднеязычных (по-видимому, возникла вариантность только для слов с начальным *ке-*, так как лексики с начальными **₂E*, **₃E*, где *E < *oi* в этих говорах, вероятно, и не было). При этом наибольшую устойчивость проявили местные термины сельского хозяйства и ремесла (*кевина*, *кепы* и под.); несколько менее устойчивыми оказались слова, не имеющие терминологического характера, но широко употребляемые в сельском быту (*кедитъ*, *кедилка*, также рассматриваемые ниже *кет*, *квести*); полностью вытесненными оказались местные формы тех слов, которые никак не связаны специально с сельским бытом и часто встречаются в литературном книжном языке (*цена*, *целый*, также рассматриваемое ниже *звезда* и др.).

7. Вторая палатализация осуществлялась также в сочетаниях **кв'*, **зв'* перед гласными переднего ряда³. Западные славяне сохра-

¹Г. О. Винокур относит исчезновение форм *рукѣ*, *нозѣ* и под. «в основных областях Московского государства» в XV в. (Винокур Г. О. История русского литературного языка // Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 58).

Б. Г. Унбегун заметил определенную последовательность в вытеснении форм со свистящими из московской деловой письменности: раньше других утверждаются формы на *-кѣ* (x) и *-хѣ* (в XVI в. они являются безусловно господствующими), несколько позднее — формы на *-зѣ* (x), дольше задерживаются формы предл. п. мн. ч. на *-сѣх*, хотя встречаются и образования на *-хѣх*. (Напомним, что в XVI в. сама флексия *-ѣх* для предл. п. мн. ч. становится традиционной, ее вытесняет новая флексия *-ах*, перед которой не могло быть чередования заднеязычных со свистящими.) (Unbegaun B. La langue russe au XVI-e siècle. Paris, 1935. P. 236–243). А. Исаченко объясняет более раннее вытеснение *к/ц* отвердением *ц* (Issatschenko A. Der grammatische Wechsel k/c, g/z im Russischen // Slavia. 1936–1937. Roč. XIV. S. 43–44).

²Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 442.

³Для **кв'* нет достоверных примеров. Обычно сюда относят старосл. форму им. п. мн. *вьсьви*.

нили в этих сочетаниях заднеязычный согласный: польск. *gwiazda*, *kwiat*, чешск. *kwelba* и под. У южных и восточных славян произошло смягчение, но у последних оно представлено не повсеместно: укр. *kwit*, белор. *кветка*, русск. диал. *квет*, *квелить* «дразнить, доводить до слез», «плакать, хныкать»¹ и др.

Сохранение начального *кв'- известно в северо-западных говорах русского языка на той же территории, где сохраняется начальное *кЕ-. В Словаре Г. И. Куликовского (олонецкие говоры) находим *квести*, *квет*, у А. Подвысоцкого (арахангельские говоры) — *квилкой* «чувствительный» (о язве, нарыве), «плаксивый, недотрога» (о человеке). *Квести*, *квет*, *пустокветный* и т. п. отмечены в разных районах Карело-Финской АССР, в Новгородской обл., псковских говорах: *Рош кветёт*, *бес кветá ништо ни рожаица* (Гд. Подборье); *Квиткí квятею*; *и в огороде угуры, тыквы квятею, и в ызбы на окошке квятею* (Гд. Подолешье).

Слова с этим корнем широко употребительны в народной речи, поэтому местное звучание (*квет-*, а не *цвет-*) держится довольно устойчиво. Тем не менее в речи носителей любого говора, где есть *квет-*, можно услышать и общерусское *цвет-*. Оба звучания могут соседствовать в речи: *Цвятоф многа, но ня фси даю плоды, это пустоквет* (Гд. Подолешье); *Агуры цвяли сваи, а ф том поли ззди сажына, так ишо ни квитеют, квета нету ишо* (Гд. Чудская Рудница). *А нойма жыву — как ф квятах цвяту* (Оп. Рунихино).

Сочетание *звЕ- предполагается в слове *звезда*. В отличие от *квет* и его производных, круг возможных употреблений слова *звезда* очень узок. По своему значению оно специально никак не связано с сельской жизнью, не относится к сельской терминологии. Поэтому, если звучание *звезда* и было в прошлом известно северо-западным говорам русского языка, в которых мы находим *квет*, *квелить*, то общерусское *звезда* должно было легко вытеснить местную форму с начальным *з*. Таким образом, отсутствие формы *звезда* в этих говорах не исключает возможности того, что оно было там в недавнем прошлом. А. А. Шахматов пишет о единичных случаях произношения этого слова с *зв-* в украинских и белорусских говорах и рассматривает их как результат

Не вполне ясно, перед какими передними — из дифтонга **oj* или независимо от происхождения — заднеязычные в этих сочетаниях переходили в свистящие. Так, в работах последних лет: А. Фурдаль предполагает смягчение *кв, *зв перед *ě* и *i* из дифтонгов (*Furdal A. Rozpad języka prasłowiańskiego w świetle rozwoju głosowego*. Wrocław, 1961. S. 23); по мнению М. Юрковского, смягчение происходило перед всеми гласными переднего ряда, как вообще при второй палатализации (*Jurkowski M. Losy prasłowiańskich grup *kv', *gv', *xv' - // Z polskich studiów slawistycznych. Seria 2. Językoznawstwo*. Warszawa, 1963. S. 63); по мнению Х. Бирнбаума, трудно решить это на известном материале (*Birnbaum H. Zu urslav. kv- // Scando-Slavica*. Т. 2. Copenhagen, 1956. S. 35–36). Вопрос труден и потому, что неясен круг примеров с этим явлением.

¹ Для *квелить* Даль называет губернии Волог., Нижегород., Орл., Тамб., Ярослав., для *квет* — Ворон., Кур., Пск., Смол., Тул. (II, 103–104).

польского влияния; но форма *гвязда* в записанной Гильфердингом онежской былине представляется Шахматову неясной¹.

Возможно, что тщательные розыски еще обнаружат в русских говорах звучание *гвезда*. В. И. Чернышев записал в Пушкинском (теперь — Пушкиногорском) р-не Пск. обл. слова местного жителя: «Гвязда гаварили старики в старину, таперь пашло: звезда». «Самому мне, — добавляет В. И. Чернышев, — не удалось услышать такой формы»². Форма, записанная Гильфердингом, также могла быть отражением старой местной особенности, сохранившейся к этому времени только в фольклорной традиции.

Таким образом, три корня, наиболее важно отражающие древние сочетания *кве-*, *зве-*, представлены теперь (или были представлены в прошлом) в северо-западных говорах с начальными заднеязычными³.

Другие слова с начальными *кв-/цв-*, *зв-/зв-* (и *хв-/св-*) менее показательны для истории второй палатализации: они экспрессивны или звукоподражательны (*хвистеть*, *кvikать* и др.) и потому могут нарушать обычные звуковые соответствия⁴; кроме того, в них не всегда ясно происхождение последующего гласного⁵.

Отсутствие единства в отражении древних **кв'-*, **зв'-* у восточных славян давно стало предметом споров и обсуждений. А. А. Шахматов видел в укр. и белор. *квіт*, *кветка* полонизмы, а русск. диал. *квет* объяснял действием аналогии (влиянием *квту*, где не было *E < *oj*)⁶. В последние годы, в связи с общим изменением взглядов на дробление славянских диалектов дописьменной поры, все чаще высказывается мысль о том, что восточн.сл. *кве-*, *зве-* — не новообразования, а след общей дописьменной изоглоссы, объединявшей северо-западные говоры восточных славян с западнославянскими диалектами⁷. Такое толкование русск. диал. *квет*, *квететь*, *квелить* и т. д. представляется вполне убедительным.

¹ Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915. С. 106. В современных укр. и белор. языках используется слово с другим корнем: *зірка*, *зорка*.

² Чернышев В. И. Говор Пушкинского района // Язык и мышление. Вып. VI–VII. М.; Л., 1936. С. 112.

³ Изоглосса начального *кве-* в русском языке выходит далеко за пределы этих говоров.

⁴ См.: Jurkowski M. Op. cit. S. 57.

⁵ Неясна этимология русских диалектных *гвездануть/звездануть*, *озвездить/озвездить*, *гвоздануть* ‘ударить, стукнуть’ (см. о них у Даля, Преображенского, Фасмера). Ненадежность подобных экспрессивных слов для разысканий по исторической фонетике можно иллюстрировать псковским *гвякнуть* ‘стукнуть, ударить’: *Как гвякну тябя шяс!* (Пск. Хохловы Горки). Вполне вероятно, что этимологически слово связано с *гвякнуть*, но здесь не предполагается общеслав. **звъ* (ср. *звон*).

⁶ Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода... С. 106.

⁷ См. Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. I. Lyon, 1950. С. 56; F. V. Mareš. Vznik slovanskeho fonologickeho systemu a jeho vyvoj do konce obdobi slovan-

Таким образом, в северо-западных говорах русского языка обнаруживаются следы отсутствия второй палатализации и непосредственно перед гласными переднего ряда, и в сочетаниях *кв'-, гв'-'*.

8. Второе смягчение заднеязычных — один из последних процессов, носящих общеславянский характер. Отсутствие этого смягчения в северо-западных говорах русского языка могло быть обусловлено ранним переселением отдельных групп славян на окраинную для славянства территорию и некоторым ослаблением языковых контактов с другими славянами.

В связи с этим возникает вопрос о датировке как второй палатализации, так и появления славян в районе Ильменя и Волхова, у реки Великой и Псковского озера. Если поселение здесь славян предшествовало или совпадало во времени с действием второй палатализации, наше предположение становится более достоверным.

Датировка второй палатализации, так же как и других дописьменных языковых процессов, представляет большие трудности. В статье, специально посвященной этому вопросу, Т. Лер-Сплавинский основывается на том, что среди слов со второй палатализацией есть несколько германизмов (*црькы, цъсарь и цъсарь* и др.), а германские племена находились в тесном контакте со славянами во II–IV вв. до н. э.¹ Эту датировку принимают и многие другие языковеды.

Но был ли переход заднеязычных в свистящие в германских заимствованиях синхронным проникновению этих слов в речь славян²? Для такого утверждения, как нам кажется, нет достаточно убедительных данных. II–IV вв. можно рассматривать только как *terminus*

ske jazykove jednoty // Slavia. Roč. 25. Seš. 4, Praha. S. 470; *Он же*. Палатализация славянских велярных и альвеолярных согласных в сочетаниях с u–v... // Cercetari de linguistica. 1958. III. Cluj Supliment. S. 346–348; *Porzezinski V.* O stosunkach wzajemnych jezykow zachodnioslowianskich // Slavia occidentalis. T. 3/4. Poznań, 1925. S. 223; *Финн Ф. П.* Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 174–181, 221; *Furdal A.* Op. cit. S. 23–24, 33 (автор говорит о древнем новгородском диалекте, сблизившемся с западнославянскими); *Jurkowski M.* Op. cit. S. 58, 63 (по мнению М. Юрковского, восточнослав. *кв'-, гв'-, хв'-'* — это архаизмы, результат старой лехитско-западнорусской изоглоссы, хотя нужно учитывать и польское влияние). *Шевелов Г. И. (Shevelov G. I.)* A prehistory of Slavic. 1965. P. 301) предполагает, что *квѣ-, гвѣ-* сохранились у восточных славян только в древнем киевском диалекте; *квет(ка)* в Опочке, Острове, Туле, Повенце (б. Олонецкая губ.) и Архангельске — результат миграции из древних киево-польских говоров, а русск. *кветить* возникло из-за смешения форм с *ѣ:ъ*. Такая миграция слова, общепотребительного в народной речи, сомнительна; кроме того, и значительный круг слов с *кве-* заставляет думать об исконности этого явления в северо-западных говорах.

¹ *Lehr-Splawinski T.* Proba datowania tzw. II palatalizacji spyglosek tylnojęzykowych w języku prasłowiańskim // Studia s filologii polskiej i słowiańskiej. I. Warszawa, 1955.

² Ср. историю **mj, *dj*: в течение длительного периода существовали, по-видимому, смягченные *m', d' (<*mj, *dj)* и лишь впоследствии они перешли в другие звуки. См., например: *Furdal A.* Op. cit. S. 18, 69–71; *Bidwell Ch. E.* Slavic Historical Phonology in Tabular Form. The Hague. P. 11–12.

post quem — временную границу, раньше которой переходное смягчение заднеязычных в этих германизмах может быть исключено.

Вторую палатализацию приурочивают к такому раннему времени еще и потому, что перед новыми гласными переднего ряда она проявилась у всех славян одинаково и, следовательно, протекала еще до выделения славянских диалектов.

Однако общность процесса второй палатализации (как известно, общность эта не абсолютна) еще не является основанием для такой датировки. Наличие диалектов не исключает возможности сходных изменений. Можно считать несомненным только то, что процесс второй палатализации имел место после II в. н. э. (он распространился на германизмы, вошедшие в славянские языки во II–IV вв.) и ранее IX в. (к началу письменного периода он уже был завершен).

Отсутствие второй палатализации в северо-западных говорах русского языка подсказывает более определенную датировку этого явления. Археологи и историки в большинстве считают, что славяне осели в районе Ильменя, Псковского и Чудского озер в VI–VII вв.¹ На этом основании полагаем, что вторая палатализация протекала не во II–IV, а в VI–VII вв. (возможно, у южных славян она началась несколько раньше и осуществилась более полно)². Так как у славян было в это время диалектное расслоение, вторая палатализация протекала не вполне единообразно, возникли изоглоссы: западнослав. *ш* < **х*’, *шче* < **скЕ*³, западно- и отчасти восточнославянское сохранение заднеязычных в сочетаниях *кв*’-, *зв*’-. Наиболее последовательно проведена вторая палатализация непосредственно перед новыми гласными переднего ряда. Но, как показал приведенный материал, те славяне, которые рано осели на русском Северо-Западе (будущие новгородцы и псковичи), по-видимому, не пережили этого смягчения и в самом общем его виде перед гласными переднего ряда. Этому могли способствовать возникшие на месте нового рас-

¹ *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956. С. 127; *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 75. П. Н. Третьяков говорит о середине I тысячелетия н. э. (*Третьяков П. Н.* Итоги археологического изучения восточнославянских племен // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961. С. 309, 315, 316). По мнению известного эстонского археолога Х. А. Моора, кривичи начинают появляться на границе с юго-восточной Эстонией уже с V в., а примерно к VI в. славяне расселяются на территории Псковской и Новгородской земли (*Моора Х. А.* Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956). Более позднюю датировку находим у С. М. Середонина в книге «Историческая география» (Пг., 1916. С. 140), у Ю. В. Готье в книге «Железный век в Восточной Европе» (М.; Л., 1930. С. 208).

² К такой датировке, но по другим причинам, приходит Г. И. Шевелов в упомянутой выше работе (Р. 303). А. Р. Экблом относит вторую палатализацию к самому концу предписьменного периода, к VIII — нач. IX в. (*Eksblom R.* Die frühe dorsale Palatalisierung im Slawischen. Uppsala, 1951).

³ Об этой изоглоссе см.: *Lehr-Splawinski T.* Jedna z izofon polnocno-zachodnio-slowi-anskich // *Slavia occidentalis*. Т. 10. Poznań, 1931.

селения тесные контакты с западнофинскими языками, в звуковой системе которых были возможны сочетания заднеязычных согласных с передними гласными¹.

9. Представленный здесь материал позволяет заново обратиться к одному из наиболее сложных и спорных вопросов исторической фонетики — к вопросу о происхождении новгородско-псковского цоканья. Цоканью, в частности, новгородско-псковскому, посвящена большая литература, высказаны, с разной степенью убедительности, разные взгляды. Наметившиеся разногласия и сомнения можно сформулировать вкратце: субстратное явление или внутренний процесс? Если субстрат, то какой?

В монографии о русских аффрикатах *ц* и *ч* В. Г. Орлова объясняет возникновение цоканья в русских говорах большой физиолого-акустической близостью этих звуков, то есть внутренне-звуковыми причинами, не связанными с финским субстратом². Такая попытка найти причины цоканья в фонетическом строе самого древнерусского языка несомненно должна привлечь историков русского языка. Но в этой концепции остается неясным очень существенный вопрос: почему только в отдельных диалектах близость *ц* и *ч* привела к их неразличению? В. Г. Орлова отводит финский субстрат на том основании, что он не мог отразиться в речи таких больших и значимых в русской народности диалектных групп; кроме того, интенсивные языковые контакты славян с финнами возникли, как считает автор, лишь после XII в., когда цоканье уже существовало. Однако данные археологии и истории языка свидетельствуют о значительно более ранних контактах между восточными славянами и финнами³.

На наш взгляд, нельзя объяснить возникновение цоканья только внутренними причинами — слабой противопоставленностью *ц* и *ч* в системе фонем или их артикуляционно-акустической близостью. Эти внутренние причины были общими для всех славян, между тем цоканье — диалектное явление, известное главным образом

¹ О вероятности таких контактов между племенами свидетельствуют данные археологии: при раскопках найдены сельскохозяйственные орудия, заимствованные западными финнами у восточных славян на побережье Чудского озера в середине I тысячелетия н. э. (см. *Моора Х. А.* Указ. соч.).

² *Орлова В. Г.* История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.

³ Ср. рецензию В. И. Лыткина на книгу В. Г. Орловой (Известия АН, ОЛЯ. Т. XX. Вып. 1. М., 1961).

Г. И. Шевелов также отвергает роль финского субстрата в происхождении цоканья, но более осторожно и по другим причинам. По его мнению, в области фонетики славяне не испытывали воздействия финнов: наиболее типичные особенности финской фонетики (фиксированное ударение, прогрессивная гармония гласных в слове, отсутствие оппозиции по голосу и др.) не отразились в славянских диалектах; кое-что сближает фонетический строй финнов и славян, но причины этого сходства автору неясны: неясно для него и происхождение севернорусского цоканья, вызванного, по-видимому, какими-то внутренними условиями (*Shevelov G. I.* Op. cit. P. 623–624).

в окраинных диалектах. По-видимому, внутренние условия, благоприятствовавшие возникновению цоканья, должны были получить поддержку во внешних для истории языка обстоятельствах, в столкновении разных языковых систем. Не случайно И. А. Бодуэн де Куртене, А. А. Шахматов, А. М. Селищев и другие слависты искали и ищут объяснения цоканья в субстрате¹.

В разных славянских диалектах, на разных территориях могли быть различные конкретно-исторические условия, приведшие к сходному результату. В псковско-новгородском диалекте цоканье могло возникнуть и без финского субстрата, но все же, по-видимому, не по внутренним причинам. Северо-западные говоры, не пережившие второй палатализации и потому имевшие в составе фонем только одну глухую аффрикату, контактировали с близкими по строю восточнославянскими диалектами, в которых были обе аффрикаты. Контакты между сходными системами близкородственных диалектов ведут к взаимопроникновению языковых элементов более незаметно для говорящих; такое взаимопроникновение может оказаться более органичным, глубоким и менее «болезненным» для языка, чем при контактах между совершенно различными языковыми системами, например славянской и финской.

Чуждая северо-западному диалекту аффриката *ц* могла отождествиться с имеющейся в этом диалекте аффрикатой *ч*, наиболее близкой к *ц* артикуляционно-акустически; существенно при этом и то, что в той системе, где были обе аффрикаты, они были слабо противопоставлены одна другой. В этих условиях в диалекте, имевшем одну аффрикату, чуждый звук *ц* мог легко отождествиться с *ч*².

Но, как известно, фонема *ц* появлялась в славянских языках в трех возможных позициях, а пока речь шла о сохранении *к* в новгородско-псковском диалекте только в двух позициях: перед новыми гласными переднего ряда и перед *в'*. Не появилась ли, однако, в этом диалекте фонема *ц* и в третьей возможной позиции, то есть в результате так называемой третьей палатализации?

Условия переходного смягчения заднеязычных в словах *овца*, *отец*, *стеся*, *польза* и др. до сих пор нельзя считать вполне установленными. Помимо некоторых суффиксов и итеративных глаголов, «третья» палатализация наблюдается только в отдельных немногих словах. В русском языке глаголы на *-цать* (*мерцать*, *бряцать*, *отрицать* и т. п.) являются принадлежностью книжного языка, они не

¹ А. М. Селищев считает, что соканье, шоканье, мазуренье, цоканье возникают только там, где есть неславянский субстрат. «Мы обозрели результаты изменения шипящих и свистящих согласных в разных славянских областях» (А. М. Селищев. Соканье и шоканье в славянских языках // *Slavia*. Roč. 10. Seš. 4. С. 738. Praha, 1931).

² На связь между цоканьем и сохранением *к* перед *e < ě* указывает, не развивая своей мысли, М. Ф. Семенова в статье «По поводу двух фонетических явлений русских и латышских говоров Латгале» (сб. «*Rakstu krajums*», Riga, 1959. P. 598). Автор приводит форму *кявина*, сосуществующую с *цавьё*, *цавинка*.

свойственны ни северо-западным, ни другим местным говорам (ср. пск. *мярькаты*). Суффиксы *-ика/-ица*, *-ьк (и-ьк)/-ц* известны на Северо-Западе в общих звучаниях: *земляника/-ица*, *черника/-ица*, *матика/-ица* ‘мать’, *улика/-ица* ‘улица’, *калика/-ица* ‘брюква’, *валенок/валенец*, *венок/венец*, *дождёк/дождец*, *полотенек/полотенец*, *гребок/гребец*, *кепок/кепец*, *кевка/кевца*, *грабельки/грабельцы*, *сливки/сливцы* (*Паеш-тахть слифицьф*. Палк. Анашкино), *вальки/вэльцы*, *платико/платице*, *маселько/масельце*, *салько/сальцо* и *сальце*, *накёки/наконец* и мн. др.

За тысячу лет письменной истории русского языка в именном словообразовании произошло много изменений, одни суффиксы заменились другими, более продуктивными, поэтому первоначальные звуковые отношения оказались скрытыми под более поздними пластами словообразовательных и лексических процессов. Трудно установить исторические причины такого параллелизма в использовании суффиксов с элементами *к* и *ц* в северо-западных говорах не только в одной и той же части речи, но даже в одних и тех же словах. Возможно, что параллельные формы появились в результате расширения функций какого-либо суффикса, более позднего обобщения одного из вариантов¹. Но возможно также, что в северо-западных говорах один вариант (с элементом *к*) сохраняет старое местное звучание, а второй (с *ц*) появился в результате контактов с другими диалектами, с книжным языком, а потом стал продуктивным и начал теснить формы на *к*².

История этих суффиксов во многом неясна. Более показательны для истории этого явления в северо-западных говорах те немногие слова без суффиксов *-ьк/-ьц* и *-ик/-иц*-, в которых также должна была осуществиться «третья» палатализация. Показательно, что в этих говорах сохраняются (или были известны в недавнем прошлом) имена с заднеязычными вместо ожидаемых свистящих. Повсеместно распространено *стега* (у Даля — с пометами *пск.*, *кур.*, *зап.*); в псковских говорах известно *польга* (у Даля — *сев.*, *вост.*); Даль приводит *нельга* и *льга* ‘нельзя’, ‘можно’ с пометой *сев.*, ср. *нелга* в Синод. сп. Новгород. лет. (под 1128 г.). Можно полагать, что это не новообразования, а древние формы, сохранившие заднеязычный согласный. В псковских говорах распространено слова *месяк* (*месик*) ‘месяц’. Последний, заударный гласный трудно идентифицировать этимологически, здесь может быть иной суффикс, чем в общеслав. *месяц*. Однако в общем перечне форм без «третьей» палатализации

¹ Г. И. Шевелов полагает, что *-ьк-* в словах *кружок*, *скачок* появился вместо *-ьк-*, потому что после заднеязычных обобщился уменьшительный суффикс, вызвавший первое смягчение, причем это произошло тогда, когда третья палатализация уже прекратилась; ср. *ручка* и т. п. (*Shevelov G. I. Op. cit. P. 341–342*).

² Можно привести отдельные примеры, свидетельствующие о продуктивности суффикса *-ец (-ц-)* в современных псковских говорах: *костомец* (Н-Рж., Пск.), *туфельцы* (Оп., Остр., Печ.) и др.

это слово также следует учесть. Наконец, отметим древненовгородское звучание местоимения *весь*: *вхоу* (Вкладная Варлаама Хутынского монастырю, около 1192 г.¹) и *къ вьхемо вамо* (берест. гр. № 87, XII в.), *вхе поль* (Синод. сп. Новгород. лет., под 1217 г.)².

Помимо этих диалектных форм в псковско-новгородских говорах есть и те слова без «третьего» смягчения, которые в таком звучании свойственны русскому языку в целом: *ольха*, *серьги*, фольк. *баба-яга*.

Разумеется, вопрос о «третьей» палатализации в северо-западных говорах русского языка не может быть так легко решен на основе приведенных примеров. Но крайне ограниченное отражение этой палатализации на рассматриваемой территории совершенно очевидно³. Основываясь на данных этих диалектов русского языка и на показаниях других славянских языков, Г. И. Шевелов вполне убедительно, на наш взгляд, заключает, что географический центр третьей палатализации находился у южных и юго-западных славянских племен; с юга инновация распространялась на север и восток, причем у восточных славян менее затронутыми оказались самые северные и, возможно, западные племена: чем дальше от центра, тем менее фонетическим оказывалось это явление, распространявшееся уже через отдельные слова⁴.

Таким образом, есть основания предполагать, что древний новгородско-псковский диалект не знал и «третьей» палатализации, а следовательно, не пережил перехода к >ц ни в одной из трех возможных позиций.

Противопоставление фонем *ц* и *ч* используется в современном русском языке в очень слабой степени⁵. В древности, после появления *ц* по «третьему» смягчению, оппозиция *ч* : *ц* использовалась в боль-

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 161.

² В тексте летописи — *все поль*, но буква *с* переделана из подскобленной буквы *х*. Следует заметить, что причины перехода *х* > *с* в этом местоимении не вполне ясны. Смягчение могло быть вызвано не предшествующим редуцированным, а, как считают некоторые историки языка, последующим *ě* (по второй, а не «третьей» палатализации). В таком случае *с* в ед. ч. появляется по аналогии с формами мн. ч.

Г. И. Шевелов приводит еще тверс. *вьгде* «везде», предположительно — из **вьхьде* (Shevelov G. I. Op. cit. P. 339)

³ И. Грицкат-Вирк считает, что прарусским народным суффиксом был *-к-*, но старославянская традиция, очень сильная в русском языке, мешала ему обнаружиться во многих словах; по его мнению, восточнославянские и лехитские языки не пережили переходного смягчения заднеязычных по «третьей» палатализации, так как заднеязычный, подвергшийся первоначально непереходному смягчению после верхних передних гласных, снова отвердел в этих языках в результате диссимиляции с предшествующим смягченным согласным. (Грицкат-Вирк И. Још о трећој палатализацији // Јужно-словенски филолог. XIX. 1–4. Београд, 1951–1952.)

⁴ Shevelov G. I. Op. cit. P. 346.

⁵ Немногие примеры такого различия (*чех* : *чех*, *челá* : *цела*, *чокать* : *цокать*) приведены в статье: Veyrenc J. A propos des affriquées en russe // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. T. 60. Fas. 1. Paris, 1965. P. 117.

шом круге слов, но тоже ограниченно, главным образом в противопоставлении двух лексико-грамматических образований: притяжательных прилагательных на *-ьч-* (< **ькј*) и соответствующих существительных на *-ьц-* (< **ьк-*): *отьчь* — *отьць*, *чловѣчи* — *чловѣци* и под.¹ Существенной роли в процессе коммуникации это противопоставление, по-видимому, не играло. Неясно также, было ли это противопоставление лексически реальным в конкретных языковых системах восточных славян, использовались ли в них параллельно формы существительных с «третьей» палатализацией и краткие формы притяжательных прилагательных от этих же существительных. Поэтому проникновение слов со звуком *ц* в новгородско-псковский диалект и артикуляционно-акустическое сближение *ц* с имевшейся в этом диалекте фонемой *ч* не должно было вести к развитию омонимии, к каким-либо помехам в речевом общении.

Звук *ц*, фонетически отождествлявшийся с местной аффрикатой *ч*, проникал в диалект через слова, или неизвестные ранее новгородско-псковским говорам, или известные в другом, местном звучании (с фонемой *к'*). При этом сфера употребления *к'* становилась более узкой, а функции аффрикаты расширялись². Легче других могли проникать в диалект те слова с *ц*, которые не были связаны с местным бытом, ремеслами (*церковь*, *отец*³) или выходили за пределы местного общения (*цена*). Что касается слов активного местного употребления, они сохранили (и частично, как мы видели, сохраняют до сих пор) смягченный заднеязычный. Естественно, что междиалектными контактами не были затронуты и грамматические формы с *к'* в конце основы перед некоторыми падежными флексиями (*рукѣ* и под.), в том числе и диалектные формы им. ед. м. р. на *-ке* и род. ед. *-а* основ на *-кѣ*.

Таким образом, цоканье должно было распространиться на все слова с *ч* (поскольку в новгородско-псковском диалекте отражен общеславянский переход **к' > ч* и восточнославянский переход **tj > ч*), но далеко не на все слова и формы, где в славянских языках предполагается переход **к' > ц*.

¹ См.: Вейк Н. ван. К истории фонологической системы в общеславянском языке позднего периода // *Slavia*. Roč. 19. Seš. 3–4. Praha, 1950. P. 309; *Shevelov G. I. Op. cit.* P. 305.

² Об артикуляционных особенностях этой аффрикаты трудно судить уверенно. Предполагают, что это была мягкая аффриката зубного образования, типа мягкого *ц*. В. Г. Орлова в упомянутой выше работе рассматривает современные разновидности неразличения *ц* и *ч* как результат различных изменений мягкого цоканья. См. также: Колесов В. В. К исторической фонетике новгородских говоров: автореф. дис. ... канд. Л., 1962. С. 18–19. Распространение мягкого *ц*, а не *ч* может быть объяснено так называемым гиперизмом, нередко возникающим при усвоении чуждого для данной языковой системы звучания.

³ *Отец* в новгородско-псковском диалекте — по-видимому, книжное, литературное по происхождению (а отчасти и по современному употреблению) слово. Г. И. Шевелов приводит примеры с *к*, которые известны в диалектах Коми АССР (*отук* ‘самец животных’) и в Рязанской обл. (*отьк* ‘отец’) (*Shevelov G. I. Op. cit.* P. 346).

Возникнув в таком значимом и большом диалекте, цоканье могло распространиться за пределы первоначальной территории. Близкое звучание и слабая противопоставленность в системе фонем должны были благоприятствовать распространению цоканья и в тех соседних с новгородско-псковским диалектом говорах, которые пережили процесс второй палатализации и первоначально различали *ц* и *ч*. Цокающие говоры занимают бóльшую территорию, чем говоры, в которых предполагается отсутствие второй палатализации (на основе форм *кеп*, *кевина* и т. п.), они охватывают не только Новгородскую и Псковскую, но еще и Смоленскую землю¹. Следует, однако, помнить, что отсутствие второй палатализации обнаружено почти случайно, в экспедициях по изучению местной лексики, а не древних фонетических процессов. Программа для «Атласа русских народных говоров» не включала соответствующих вопросов. В будущем наши сведения о говорах без второй палатализации могут обогатиться.

10. Подведем итоги. Северо-западная группа восточных славян, начавшая с середины I тысячелетия н. э. заселять территорию будущей Новгородской и Псковской земли, не пережила вместе с другими славянами процесса второй палатализации. Условием для этого было крайнее положение этой группы и, как следствие, некоторое ослабление контактов с другими славянами. Известную роль в сохранении заднеязычных перед новыми гласными переднего ядра могло сыграть соседство с прибалтийско-финскими языками, знавшими такие сочетания. Остальные кривичи пережили, по-видимому, процесс второй палатализации вместе с другими славянами. Говоры Смоленской области, насколько известно, не отличаются в этом отношении от литературного языка²; в белорусском языке вторая палатализация сохранилась полнее, чем в русском³.

Поскольку в новгородско-псковском диалекте не было второй палатализации, он имел только одну аффрикату *-ч-*, а не две, как другие славянские диалекты. Взаимодействие с последними и усвоение лексики с аффрикатою *ц* привело к замене чужеродного звука своим, то есть к неразличению двух аффрикат. Слабая фонологическая противопоставленность аффрикат в диалекте-источнике благоприятствовала такой субституции⁴.

¹ В. Г. Орлова называет те районы, куда смоляне и новгородцы принесли с собой цоканье (Указ. соч. С. 109 и сл.).

² В картотеке Смоленского областного словаря отсутствуют слова с начальным *к-* в рассмотренной позиции (об этом любезно сообщила доцент Смоленского ГПИ А. И. Иванова).

³ Ср.: Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. АН БССР. Мінск, 1963. В дат. и предл. п. существительные ж. р. с основой на *з, к, х* сохраняют заднеязычные перед *-е < ъ* только в говорах, соседящих с русским языком (карты № 65, 66).

⁴ Речь идет о новгородско-псковском цоканье. Разумеется, в других говорах цоканье могло возникнуть и позднее и по другим причинам (например, под воздействием финских языков).

Цоканье, по-видимому, обусловлено не только историей второй палатализации заднеязычных, но и хронологически связано с ней как последующее звено в развитии звуковой системы новгородско-псковского диалекта.

Контакты новгородско-псковского диалекта с соседними говорами и с ведущим диалектом меньше отразились на местных сельскохозяйственных и ремесленных терминах, на словах обиходного употребления. Так сохранились до наших дней *кевина, кевьё, шестикетина, кепок, кеж, кветы, квететь* и т. д. — в отличие от *цена, церковь, целый, звезда, отец*, которые известны теперь только в общерусском звучании, со свистящими.

Устойчивым оказалось и морфонологическое своеобразие северо-западного диалекта, также обусловленное отсутствием второго смягчения, — сохранение заднеязычных в падежных формах перед гласными переднего ряда из дифтонгов. Эта особенность последовательно отражена в древних памятниках новгородско-псковской письменности. Поскольку сохранение заднеязычных при склонении обеспечивало единое звучание основы во всей парадигме, эта диалектная особенность оказалась созвучной общерусской тенденции к выравниванию основы. Быстрая и последовательная реализация этой тенденции в русском языке донационального периода может быть объяснена участием новгородско-псковского диалекта в формировании общенародного русского языка. Уже не обусловленное фонологически чередование заднеязычных согласных со свистящими было полностью устранено из русского языка.

Районы Псковской области

Гд. — Гдовский	Палк. — Палкинский
Дед. — Дедовичский	Печ. — Печорский
Дн. — Дновский	Пл. — Плюсский
Кар. — Карамышевский	Порх. — Порховский
Кр. — Красногорский	Пск. — Псковский
Локн. — Локнянский	Пушк. — Пушкиногорский
Ляд. — Лядский	С. — Сланцевский
Н-Рж. — Новоржевский	Себ. — Себежский
Н-Сок. — Новосокольнический	Сер. — Серёдкинский
Оп. — Опочецкий	Сл. — Славковский
Остр. — Островский	Сош. — Сошихинский
Пав. — Павский	Стр. — Стругокрасненский

Д. К. Зеленин

**ВЕЛИКОРУССКИЕ ГОВОРЫ С НЕОРГАНИЧЕСКИМ
И НЕПЕРЕХОДНЫМ СМЯГЧЕНИЕМ ЗАДНЕНЁБНЫХ
СОГЛАСНЫХ В СВЯЗИ С ТЕЧЕНИЯМИ ПОЗДНЕЙШЕЙ
ВЕЛИКОРУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ¹**

Предисловие

<...> Но пока русская диалектология все еще разрабатывается только, так сказать, с двух своих концов: с одной стороны изучается современное состояние русских говоров, данные XIX–XX вв., с другой — исследуется, по памятникам, начальная история тех же говоров, факты XI–XV вв. Промежуток между двумя этими моментами, средние века русской диалектологии остаются наименее выясненными. <...>

Предлагаемая работа имеет свою цель пролить некоторый свет на историю этих именно средних веков русской — в частности, великорусской — диалектологии. Автора одинаково интересуют и лингвистическая, и этнографическая стороны вопроса. Но лингвистическое прошлое исследуемого явления (неорганического и непереходного смягчения задненёбных в великорусских говорах) очень несложно и просто; зато этнографическая, внешняя история данного диалектического явления чревата выводами.

Картина современного распространения великорусских говоров с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных поражает исследователя своею неправильностью и причудливостью. Тут представлены говоры самых разнообразных типов, но почти ни один из них не вошел целиком, а только частями.

Историческое прошлое того населения, которое является теперь носителем этой своеобразной диалектической черты, должно выяснить, где и при какой обстановке оно могло усвоить данную черту. В результате исследования должны более или менее определенно выясниться группировка и взаимоотношение разных великорусских говоров в период распространения среди них данной диалектической черты, т. е. в XV–XVII вв.

Для достижения отмеченной цели мы поступаем так: изложив все имеющиеся фактические данные относительно распространения в известной местности изучаемого диалектического явления, мы стараемся выяснить, как давно живет теперешнее население в данной ме-

¹ Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913. С. XIII–XVI, 1–32, 533–534.

стности, откуда оно сюда пришло и, главное, каким культурным влияниям подвергалось в разное время. Культурные влияния — с которыми так необходимо считаться диалектологу всегда и везде — выяснялись нами, главным образом, при помощи этнографических и исторических данных. Одновременное изучение каждой данной местности с трех сторон — диалектологической, этнографической (культурно-сословной) и исторической (историко-колониционной) — давало возможность поверять и взаимно дополнять одни данные другими, через что выводы, конечно, выигрывали в своей прочности. <...>

Фактических данных у меня меньше, чем было бы желательно; особенно мало параллельных диалектологических и этнографических описаний одних и тех же местностей: часто, зная говор того или иного селения, мы не знаем его прошлого и быта, и наоборот. <...> Я избрал такой план своей работы: для каждой данной местности я излагаю сначала все известные факты о говорах с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных, потом — этнографические и исторические сведения, и в заключение объясняю появление в данном говоре неорганического и непереходного смягчения с точки зрения своей гипотезы. Основные же положения моей гипотезы следующие: неорганическое смягчение было одною из отличительных особенностей говора Московских «детей боярских»; от них эту черту переняли низшие разряды военно-служилого сословия, слывшие потом однодворцами и передавшие свой говор некоторым из своих соседей. Из своей предполагаемой колыбели (местности около Коломны или Рязани) неорганическое и непереходное смягчение задненёбных рано проникло в Москву, откуда потом распространялось, как черта модная, на севере и на юге — вместе с общим культурным влиянием политического центра. Когда население южновеликорусской степи, спасаясь от набегов крымцев и ногаев, прихлынуло за Оку, тогда оно здесь перемешалось с северновеликоруссами и части последних передало интересующую нас черту своего говора. Из Ростовско-Суздальской области поток поздней колонизации унес рассматриваемую диалектическую черту на Сухону и на Вятку, а отчасти и на Белое озеро. Коноводы и бурлаки на Волге и некоторых других больших реках, бежавшие из Москвы старoverы и переселяемые помещиками крепостные из южновеликорусских губерний были второстепенными факторами распространения интересующей нас черты. <...>

В начале своей работы я смотрел на нее как на первый том целого ряда исследований, посвященных отдельным явлениям великорусской диалектологии. После неорганического смягчения задненёбных, черты новейшей и наиболее ясной, должны были следовать говоры с неслоговым *ŷ*, затем — говоры с произношением *с* вм. *ц*, говоры кагокающие и т. д. Но теперь, когда для первого тома потребовалось десять лет, я уже оставил эти свои намерения. <...>

17 октября 1913 года.

Введение

1: Задача и метод работы. — 2: Источники. — 3: План

§ 1. Задача нашей настоящей работы — проследить ход и историю постепенного распространения в различных великорусских говорах одной диалектической черты, а именно неорганического и непереходного смягчения задненёбных звуков, попросту говоря — «мягкого *к*» (в таких случаях, как *Ванькя*, *чайкю*).

Область распространения этой черты в великорусских говорах очень велика. На севере она простирается до Пустозерска Архангельской губернии и до Вельского уезда Вологодской, на юге — до Кавказа (казаки Ставропольск. губ.), Дона (донские казаки-верховцы) и великорусских слобод Харьковской губернии, на востоке — до Енисея и на западе — до границ Черниговской губернии. Правда, в эти пределы входят также и отдельные, одиноко стоящие островки интересующей нас черты; но если взять и одну только область непрерывного, сплошного распространения *м. к* (мягкого *к*), так и тогда мы увидим громадную полосу, тянущуюся на карте от Воронежской губернии до Вологодской и от Орловской до Вятской.

Уже одна обширность этой области говорит о том, что *м. к* встречается в говорах не одного какого-нибудь типа, а в говорах очень разнообразных. И действительно, *м. к* мы видим одинаково как в говорах акающих, так и в окающих, в говорах цокающих и не цокающих, в говорах дзекающих (сицкари Моложского уезда), в говорах, в которых гласные *е* и *и* не смягчают предшествующей им согласной (полехи Калужской губ.), и т. д. и т. д. Словом, область распространения *м. к* не совпадает с областью распространения ни одной другой диалектической черты в великорусских говорах.

Очевидно, интересующая нас диалектическая черта жила какой-то особенной жизнью; история и условия распространения ее были какими-то иными.

Наши изыскания в этом направлении привели нас к выводу, что область распространения *м. к* в большинстве случаев совпадает с границами тех мелких этнографических групп, на которые делится теперь великорусское племя; появление же и обособление этих мелких этнографических групп обусловлено, в свою очередь, прежними историко-колониционными и культурно-сословными отношениями. Здесь же, значит, нужно искать и те причины, которые определили собою ход и историю распространения в говорах изучаемой нами диалектической черты.

<...> Лингвистическая сторона избранной нами задачи проста и понятна, и сама по себе, без историко-этнографического освещения, дать ценных выводов не может. Мы, кроме того, убеждены, что без историко-этнографического освещения черта эта — говоря точнее: ее распространение — и не может быть понята. Что же было необ-

ходимо сделать в лингвистическом отношении, то мы сделали, главное — собрали весь имеющийся диалектологический материал по данному вопросу.

<...> Выяснение этнографического деления великоруссов на мелкие группы в связи с историческими причинами этого деления может и вообще иметь очень большое значение для русской диалектологии. Вполне удовлетворительной классификации великорусских говоров до сих пор нет; главные пункты имеющихся классификаций (виды аканья, цоканье, великорусское дзеканье) висят, так сказать, в воздухе, географически не фиксированы. Попытка сопоставить диалектологическое деление с историко-этнографическим во всяком случае не лишня. Быть может, этому принципу принадлежит будущность.

Что же касается до исторической диалектологии, то для ее задач историко-этнографическое изучение мелких подразделений великорусского племени — дело первой необходимости: только оно может заполнить ту — никем не пройденную пока — пропасть, которая отделяет собою два этапных пункта наших диалектологов: а) XIX век, для которого известна картина живых говоров, и б) IX век, к которому относится известная этнографическая картина летописца Нестора. До сих пор эту пропасть наши диалектологи заполняли лишь соданиями своего творческого воображения. <...>

§ 3. Область распространения в великорусских говорах м. к резко распадается на две половины: 1) область говоров акающих, южно-великорусских, и 2) область говоров окающих, северновеликорусских. Мы будем рассматривать эти половины отдельно, сначала первую — юг Великороссии, где нужно предполагать и исходную точку исследуемого нами явления. В рамках же каждой из двух указанных половин мы воспользуемся, в целях практического удобства, обычным административным делением, и рассмотрим интересующие нас явления по отдельным губерниям. При этом мы начинаем в обоих случаях с губерний, лежащих на крайних точках интересующей нас области: это ближе ведет нас к цели — установить направление и условия распространения интересующей нас черты. <...>

I. Физиология неорганического смягчения задненёбных

<...> «Мягким к» (м. к) мы для краткости называем неорганическое и непереходное смягчение задненёбных звуков в таких случаях, как *Ванька*.

Физиологическою причиною м. к служит так называемая прогрессивная ассимиляция звуков, т. е. тот вид уподобления звуков, когда известный звук уподобляется своим качеством не следующему за ним (это будет ассимиляция регрессивная) звуку, а звуку предшествующему. <...> В случае *Ванька* конечное *а* сделалось мягким под влиянием предшествующего ему мягкого *к*, а это

последнее смягчилось под влиянием предшествующего ему мягкого *н*. Физиологически такое явление очень понятно: органы речи, приняв данное положение при артикуляции известного звука, остаются в этом положении на некоторое время и после произношения этого звука, во время произношения следующих за ним звуков, хотя эти последние данной артикуляции совсем не требуют. При произношении палатального *н* кончик языка приблизился к мягкому нёбу (*velum palati*) и, вместо того чтобы опуститься, остался в приподнятом положении также и на время произношения следующего за *н* звука *к*; язык в данном случае, так сказать, поленился или, быть может, обнаружил недостаточную подвижность — причины, как видим, вполне понятные, но не неустранимые; вот почему черта эта физиологически совершенно не необходима, не обязательна: человек, в говоре которого обычно наблюдается неорганическая палатализация звука *к*, всегда может произнести этот звук, в том же самом сочетании и положении и без такой палатализации. С другой стороны, и у человека, которому данное произношение вообще чуждо, оно может встретиться, так сказать проскользнуть незаметно.

Другие звуки, кроме задненёбных, также поддаются прогрессивной ассимиляции, хотя и не часто. В великорусских говорах нам известен ряд случаев прогрессивной ассимиляции звука *н* и один случай — звука *д* и *з*: в Белозерском уезде встречается произношение *льдю*, *льдём*, *льню* <...> в Тихвинском: *больнё*, *сильнёй*, в Череповском: *льдю*, *льдём*, *льню*, *больня*, *я больня*, *больние* *вм.* *больные*, *я вольня*, *сильни* <...>, в Весьегонском: *больнё*, *льню* <...>, в Пошехонском: *больнё* <...>, в Мышкинском: *льню*, *льни* <...>, в Пошехонском: *в пользю* <...>, в Холмогорском: *кольнюл* <...>; о случаях *кажний* (=каждый) и *колодний* см. в Слов. II Отд., т. 4, с. 84 и 1528. <...>

§ 5. Закон неорганического смягчения задненёбных можно выразить в следующих словах: когда сочетанию задненёбный + твердый гласный непосредственно предшествует палатальный согласный или йот, тогда под влиянием прогрессивной ассимиляции задненёбный становится также палатальным и смягчает следующую за ним гласную.

Чаще всего встречается это смягчение в сочетаниях: *нька* (*нько*, *ньку*), *лька*(*о*, *у*), *д(т)ька*(*о*, *у*), *с(з)ька*(*о*, *у*), *йька*(*о*, *у*); несколько реже в сочетании *чка* (*чко*, *чку*): есть говоры, в которых рядом с *нька* и т. д. сохраняется *чка*, хотя *ч* произносится с обычною мягкостью. <...>

§ 6. Смягчение других задненёбных встречается несколько реже, конечно, только потому, что меньше встречается слов с требуемым для него сочетанием звуков. <...> В Буйском у. отмечено: *дерьгать*, *с деньгям*, *деньгю*, *деньгёй*, *дерьгю*, *дерьгяешь* <...>, в Костромском: *четверьгём*, *кочерьгёй*, *дерьгать* <...>, в Владимирской губ.: *зерьяло* <...>, в Костромском еще: *с. Шунья*. <...>

§ 7. Мягкое *x* встречается главным образом в слове *верх* (чаще произносится с мягким *p*, следствием чего и является смягчение *x*): *на верху* в Богородицком у. <...>, Вологодском <...>, *верхём* в Орловском у. <...>.

§ 8. Хотя изучаемая нами палатализация задненёбных и носит общепринятое название «непереходной», но иногда и она бывает *п е р е х о д н о ю*: смягченное *k* переходит в *t*. Это довольно обычное явление в Ярославской губ., особенно в Ростовском у.; в Рыбинском у.: *Катьтя*, *Дарьтя*, а по аналогии и *Зиньтя* (уменьшит. христианские имена; <...>); в Переяславском у. Владим. губ.; в гор. Галиче: *Ваньтя* <...>.

Обычно переходная палатализация звука *k* наблюдается там, где в *t* переходит и обычное м. *k*, т. е. где говорят *тислый* вм. *кислый*, *тинуть*, но и это не всегда, бывает и так, что произношение *тислый*, *тинуть* и т. п. в говоре обычно, а переход интересующего нас м. *k* в *t* совершенно неизвестен <...>, что доказывает, конечно, новизну здесь м. *k*.

Что касается переходного смягчения звука *g*, то оно дало йот; произношение *Олья* вм. *Ольга* встречается довольно часто в великорусских говорах <...>.

II. История неорганического смягчения задненёбных

§ 11. Изучаемое нами великорусское смягчение задненёбных может быть названо «третьею палатализацией задненёбных в славянских языках». Первые две палатализации произошли еще в праславянскую эпоху, хотя и в очень отдаленное одна от другой время; они отразились во всех славянских языках. Обе первые палатализации были переходными; первая дала в результате смягчения задненёбных шипящие звуки: *ч*, *ж* и *ш*, вторая — свистящие: *ц*, *з* (зело, а не земля) и *с*. Следы первой палатализации можно видеть в случаях: *чадо*, заимствованное из германского *kind*, зват. пад. *Боже*, слова: *жена*, *червь* и др. Следы второй: *церковь*, *цена*, *бози*, *звезда* (польское *gwiazda* и вообще западнославянское слово, соответствующее русскому *звезда*, не подверглось палатализации, из чего можно заключать, что вторая палатализация происходила в самом конце праславянской эпохи, когда отдельные языки уже отделялись от своего общего корня), упомянутое уже нами выше (§ 4) *князь*, *отец*, цсл. и малор.-белор. *в руке*, *на версе*. Первая палатализация была только регрессивною, вторая — как регрессивною (*цена*, *бози*), так и прогрессивною (*отець*, *князь*).

Указанные палатализации — первая и вторая — устранили из славянских языков сочетания: задненёбный + палатальный гласный, и русский язык в наследство от праславянского таких сочетаний не получил. Здесь доказательство того, что изучаемое нами явление

никоим образом не может быть отнесено к праславянской эпохе: если бы в праславянскую эпоху существовала форма *донькя*, то она перешла бы в **доньчя* (при первой палатализации) или же в **доньця* (при второй палатализации); между тем ничего подобного в русских формах мы не видим.

Мало того, на основании изложенных фактов можно смело заключать, что сочетания вроде *кя*, *кю*, *гя* и т. п. (т. е. и рассматриваемое нами явление) и не могли появиться в русском языке *вскоре* после выделения его из славянского праязыка. Такого рода сочетания были тогда совершенно чужды, не свойственны русскому языку, в котором не было тогда даже сочетаний *ки*, *ги* и т. п.: *кислый* звучало *кыслый*, *Киев* — *Кыев* и т. д. Между тем произношение вроде *Ванькя* и т. п., где мягкость *к* не была физиологически необходимою, могло возникнуть только при том условии, если в данном языке сочетания задненёбный + палатальный гласный обычны и ухо говорящего к таким сочетаниям вполне привыкло. <...>

Для нас особенно важно знать, что данная замена в произношении задненёбных требовала весьма продолжительного времени; в этом можно видеть доказательство того, что неорганическая палатализация задненёбных не могла возникнуть в глубокой древности, напр. в XII или XIII веке.

О том же свидетельствуют и данные письменных памятников. Несомненные случаи м. *к* в памятниках начинают встречаться лишь с самого конца XV века.

Случаи эти вообще очень немногочисленны: писцы легко избегали в письме такого рода ошибок. <...>

§ 12. <...> Древнейший из вполне достоверных известных нам случаев относится к 1500 г. <...>

Следующий по времени случай относится к 1510 году, к Рязанской области. <...> Рукоприкладство к этой записи одного из послухов гласит: «К сей записи яз Ларкя послух руку свою приложил» <...> Запись писана, по всей вероятности, в Рязани. Мы не знаем, был ли «Ларкя» (Ларя Фролов сын Бачманого) Рязанским уроженцем, но узнаем из записи, что он принадлежал к сословию «детей боярских», а эти последние находились тогда обычно на военно-сторожевой службе в украинских городах, к числу коих принадлежала и Рязань. В качестве военнотруженика человека Ларя был, конечно, местным жителем.

Из данной «записи» можно с уверенностью заключать, что в говоре «детей боярских» (это было особое сословие) — предков нынешних однодворцев — уже в самом начале XVI века было м. *к*. <...>

§ 13. До сих пор мы имели дело со случаями, относительно которых почти не может быть сомнения в том, что они отражают м. *к* говора писцов. Теперь переходим к случаям сомнительным, относительно которых возможны споры. <...>

В списке «Домостроя» XVI в. (издание Забелина) встречаются написания: *легонке*, *толке*, *колке*, *сколке*. Из них наибольшего вни-

мания заслуживает первый случай, *легонке*. Что до написаний *колке*, *толке*, то они встречаются в рукописях XVI в. нередко. Между прочим и в грамоте Новгородского архиепископа Геннадия 1490 г. читаем: «и толке покаются, да будут милости достойны» <...>.

Эти формы объяснял неорганическим смягчением задненёбных А. А. Шахматов. И для случая *легоньке* это, мы думаем, верно. Что касается до *толке*, *сколке*, то для них возможны иные объяснения, более вероятные. В малорусских говорах встречаются формы *тілке*, *стіке*, *скіке*, хотя неорганическое смягчение задненёбных малорусскому наречию не свойственно. Акад. Шахматов склонен теперь объяснять данные формы из местного падежа *тольце*, что представляется нам наиболее вероятным. <...>

Главные положения

1. Неорганическое и непереходное смягчение задненёбных согласных в русском языке никогда не было племенной чертой, т. е. не было свойственно всем великоруссам или всем вятичам и т. п. как таковым. Появившись не ранее XV столетия, названное диалектическое явление распространилось в разных говорах, как черта культурная и модная.

2. Неорганическое и непереходное смягчение задненёбных появилось впервые в южновеликорусском, акающем говоре, вероятно, где-нибудь около Коломны или Рязани. Проникновению этой диалектической черты в северновеликорусские, окающие говоры много способствовал прилив (в XV–XVII вв.) тесного крымцами и ногами населения из южновеликорусских степей к р. Оке и в местности на север от Оки, когда в междуречье между Окой и Волгой произошло смешение южновеликорусских и северновеликорусских элементов. Отчасти вследствие того же самого прилива населения с юга на север, а отчасти и вследствие общего смешанного характера своего населения, Москва довольно рано усвоила указанную диалектическую черту и в качестве политического и культурного центра немало способствовала перенесению этой черты с юга на север.

3. В южновеликорусских говорах неорганическое и непереходное смягчение задненёбных распространили главным образом военнослужилые люди (предки однодворцев), заимствовавшие эту диалектическую черту от детей боярских. Здесь это была черта *с о с л о в н о г о г о в о р а*, и распространению ее много содействовало сознательное подражание низших разрядов сословия (приборных военнослужилых людей) высшему разряду (детям боярским). Одновременно с говором детей боярских низшими разрядами военнослужилого сословия усваивался и московский дворянский костюм (см. § 21).

4. Другие пути распространения неорганического и непереходного смягчения задненёбных были общими для юга и севера <...>.

О ФОНЕМЕ /γ/ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ
В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ ПРОИЗНОШЕНИЯ [j]
В ИМЕНИ ОЛЬЯ (ОЛЬГА)¹

В ряде севернорусских и среднерусских говоров распространено женское имя *Олья*. Связь этого имени с именем *Ольга* несомненна. Чем же объясняется особенность фонетического облика слова — произношение [j]² на месте [γ]?

А. А. Шахматов³, а затем и Д. К. Зеленин⁴ связывали произношение *Оль[j]я* с прогрессивным ассимилятивным смягчением задненёбных согласных (произношение *Вань[к']я, день[г']ям, наверх[х']ю* и т. п.), не объясняя никак при этом своей точки зрения⁵. В комментарии к карте 57 «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» указывается, что в слове *Ол'яа*, отмеченном «в говорах со взрывным образованием г... звук *й* нельзя рассматривать как результат фонетического изменения мягкого г»⁶. Действительно, в севернорусских и среднерусских окающих говорах прогрессивное ассимилятивное смягчение звонкого задненёбного дает обычно мягкий [г']: *день[г']ям, кочерь[г']я, четверь[г']я, серь-[г']я* и т. п., и только в слове *Ольга* возможно *Оль[г']я* и *Оль[j]я*. Поэтому можно предполагать, что [j] в слове *Оль[j]я* возник либо в результате нефонетической замены /г/ на /j/, либо в результате

¹ Касаткин Л. Л. О фонеме /γ/ в севернорусских говорах в связи с историей произношения [j] в имени Олья (Ольга) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967. С. 177–193.

² Кроме [j], здесь могут произноситься и другие звуки, воплощающие в русском языке фонему /j/, в частности [j̥]. Однако, как показал О. Брок, в русском языке не существует четкого разграничения этих звуков (см., например: Брок О. Об исчезновении междугласного *i, j*. // Сборник, посвященный... Ф. Ф. Фортунатову. Варшава, 1902. С. 134), поэтому разницей между ними здесь можно пренебречь.

³ Шахматов А. А. Курс истории русского языка (читан в Петербургском университете в 1909/10 уч. г.). Ч. II. [литогр. изд.]. СПб., 1910. С. 583.

⁴ Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913. С. 15.

⁵ Сопоставление ареалов прогрессивного ассимилятивного смягчения задненёбных и произношения *Оль[j]я* стало возможным только в результате картографирования материалов, собранных для «Атласа русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы». Раньше для такого сопоставления не хватало сведений о распространении обоих этих явлений, главным образом сведений о распространении произношения *Оль[j]я*.

⁶ См.: Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. С. 592.

фонетического изменения в [j] звука, отличного от [г]. В соответствии с первой точкой зрения [j] может объясняться, например, обобщением форманта /-ja/ в женских именах (ср.: *Авдотья, Аксинья, Дарья, Марья, Настасья* и др.) и перенесением его на имя *Ольга*. При таком объяснении замена /-га/ в этом имени на /-ja/ никак не может быть связана с прогрессивным ассимилятивным смягчением задненёбных согласных. Однако в этом случае остается неясным, почему указанная «генерализация» форманта /-ja/ произошла только на данной территории и отсутствует на других территориях. Вторая же точка зрения, связанная с предположением А. А. Шахматова и Д. К. Зеленина, объясняет близость изоглоссы произношения *Оль[j]я* к изоглоссе прогрессивного ассимилятивного смягчения задненёбных согласных <...> и поэтому имеет гораздо больше оснований.

Приняв предположение А. А. Шахматова и Д. К. Зеленина, мы, таким образом, неизбежно должны сделать следующий вывод: в период, когда прогрессивное ассимилятивное смягчение задненёбных было живым фонетическим процессом, задненёбный в слове *Ольга* по крайней мере в части севернорусских говоров отличался от звонкого задненёбного в словах *деньгам, кочерьга, четверьга, серьга* и т. п. Отличался он, конечно, и от [к], [х], которые при смягчении давали [к'], [х'].

Кроме [г], [к], [х], в русских говорах и литературном языке употребляется еще четвертый задненёбный: звонкий фрикативный [γ]. Известно, что на месте этого [γ] в ряде русских говоров произносится [j] в тех позициях, где твердым согласным соответствуют парные мягкие¹. Следовательно, [г] и [j] в таких говорах связаны как члены фонетического чередования.

Таким образом, одним из вопросов, требующих рассмотрения, является следующий: мог ли в слове *Ольга* произноситься в севернорусских говорах звонкий фрикативный [γ]? Положительное решение этого вопроса дает, с нашей точки зрения, достаточно оснований для ответа на вопрос о происхождении [j] в слове *Оль[j]я* в говорах, знавших некогда прогрессивное ассимилятивное смягчение задненёбных согласных. <...>

Произношение [г] или [γ] в сильной позиции считается одной из важнейших черт, по которым выделяются севернорусское и южно-русское наречия. <...>

Целый ряд фактов, однако, свидетельствует о том, что в говорах может быть две «звонкие» «задненёбные» фонемы — /г/ и /γ/. Прежде чем рассматривать эти факты, обратимся к рассмотрению вопроса о [г] и [γ] в литературном языке.

¹ См.: *Аванесов Р. И.* О качестве задненёбной фрикативной согласной перед гласными переднего ряда в русском языке // Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. № 2. М., 1952 (автор подводит итог спорам, которые велись между крупнейшими русскими лингвистами по поводу качества этого звука).

<...> Так, [ɣ] возможен в междометии *господи*, в существительных *господь*, *бога* (и в других косв. падежах), *благо*, прилагательном *богатый* и производных от них. Кроме того, [ɣ] наряду с [г] может произноситься в наречиях на *-гда*: *когда*, *тогда*, *всегда*, *иногда* и производных от них¹. Произношение [ɣ] в этих словах вытесняется произношением [г] <...>.

<...> Однако есть несколько слов, которые в литературном языке произносятся только с фрикативным звуком: *бухгалтер*, *ага*, *ого*, *эге*, *гон*². Звук [ɣ] в этих словах, находясь в сильной позиции, может воплощать только фонему / ɣ /, отличную от других «задненёбных» фонем³.

Произношение в литературном языке [ɣ] в одних словах наряду с [г] в других отмечалось еще в середине XVIII в. Тредьяковским, Ломоносовым, Сумароковым. Говоря о произношении [ɣ] и [г] в литературном языке той эпохи, Д. Н. Ушаков признает, что «произношение ɣ вместо ɣ захватывало еще в половине XVIII века громадное количество слов». С его мнением совпадает мнение А. А. Шахматова о том, что «в старших периодах» слов с фрикативным звонким «было несомненно больше; и в конце слышалось х, не к, в языке образованных лиц: *порох*, *сапох*, *друх*».

Ученые XIX века также говорят о наличии [ɣ] наряду с [г] в современном им литературном языке. Много внимания, в частности,

¹ *Аванесов Р. И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956. С. 144; Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник / под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959.

² То, что этот фрикативный звук в последних четырех словах иногда описывают как задненёбный (см.: Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник. С. 682), а иногда как фарингальный (см.: *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. С. 56), не меняет, вопреки мнению Д. Уорда (*Ward D.* Is there a phoneme ɣ in Russian? // *La maître phonétique. Troisième Série.* N 112. Juillet-Décembre. 1959. P. 30), существа дела, так как разница между задненёбным и фарингальным его образованием не имеет фонологического значения, тогда как фрикативность его, воплощая признак дифференциальный, фонологически существенна (ср.: *Trubetzkoy N.* Zur Entwicklung der Gutturale in den slavischen Sprachen. Сборник вь честь на проф. Л. Милетичь... София, 1933. С. 268).

³ На основании слова *бухгалт'ьр* признает наличие в литературном языке особой фонемы /ɣ/ и Д. Уорд (*Ward D.* Op. cit. P. 30–31). А. А. Реформатский считает, что «фрикативный [ɣ] мог бы быть фонемой только в том случае, если бы [г] и [ɣ], встречаясь в той же позиции, различали слова; в действительности же тот, кто произносит [блʉ́атэц] *богатый*, не произносит [благатѣ] и наоборот (или же произносит безразлично то одно, то другое без смысловой дифференциации)» (*Реформатский А. А.* Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, и их варьирование в современном русском литературном языке // Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. № 8. М., 1955. С. 10). См. критику Л. Р. Зиндером подобного взгляда, «согласно которому для возникновения фонемного противопоставления необходимо и достаточно существование хотя бы одной минимальной пары» (*Зиндер Л. Р.* О минимальных парах // Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии, 20–23 мая 1963 года. Тезисы докладов. М., 1963. С. 28–29).

этому различию уделяет Я. К. Грот. В своих работах он неоднократно указывает на существование четырех задненёбных звуковых единиц: к — г — х — ħ (так Я. К. Грот обозначает звонкий фрикативный задненёбный звук).

<...>

...В русском литературном языке еще в XVII в. наряду с фонемой /г/ существовала фонема /γ/. Изменения в литературном языке позднейших эпох вплоть до настоящего времени не привели к утрате фонемы /γ/, хотя и очень сильно изменили ее частотность. Так, если в XVIII в. фонема /γ/ отмечается в довольно большом количестве слов, то со временем происходит перераспределение между сферами употребления /г/ и /γ/: фонема /γ/ постепенно вытесняется фонемой /г/¹.

В современных севернорусских и среднерусских говорах, так же как и в литературном языке, существует наряду с [г] и произношение [γ] в сильной позиции. Такой [γ] отмечается в этих говорах чаще всего 1) в словах *господи, господь, господин, государь, бога, богатый, убогая, благо* и производных от них; 2) в звукоподражательных словах и словах эмоционального характера типа *гоготать, горготать, реготать, гукать, гумкать*; 3) в окончании родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода прилагательных и местоимений *-ого (красного, того...)*².

Произношение [γ] в словах первой и второй групп, распространенное по всей территории севернорусского наречия, свидетельствует о наличии в этих словах фонемы /γ/. Произношение [γ] в морфе *-оуо*, известное ряду севернорусских говоров, в части этих говоров может быть позиционно обусловленным: в таких говорах в соответствии с [г], произносимым не между гласными, в позиции между гласными произносится [γ] (*но[γ]а, на-[γ]олову, стрó[γ]о, кру[γ]бм* и т. п.)³. <...>

Говоря о *γ* (*h*), А. А. Шахматов имел в виду прежде всего произношение морфа *-оуо* (род. п. ед. ч. муж. и ср. рода прилагательных и местоимений). Существует две точки зрения относительно происхождения этого *γ*⁴. Согласно одной из них, *γ* в *-оуо* восходит еще к праславянскому языку. Согласно другой точке зрения, *γ* в *-оуо* возникает

¹ Говоря об употреблении [γ] в некоторых словах в современном русском литературном языке, Д. Н. Ушаков пишет: «Мои наблюдения показывают, что перед нами последние остатки разрушающейся и почти разрушившейся традиции».

² Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. С. 137–138; Кузнецов П. С. Русская диалектология. С. 73; Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964. С. 72.

³ Там же; см. также: Плотникова З. К. К вопросу об окончании род. пад. ед. ч. муж. и среднего рода местоимений и сложных прилагательных // Изв. ОРЯС. 1922. Т. XXIV. Кн. I. С. 287 и сл.

⁴ Подробнее о них см.: Толкачев А. И. Об изменении *-ого > -ово* в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода членных прилагательных и

в севернорусских говорах в результате фонетического ослабления *g* (*z*) взрывного, этот процесс может быть датирован древнерусской эпохой, так как в памятниках XV в. отмечаются уже примеры написания *в* в этом окончании (*-ово*), а согласно указанной точке зрения, изменение происходило следующим образом: *ого* > *оуо* > *оо* > *ово*.

Кроме того, [ɣ] в севернорусских говорах древнерусского языка произносился, видимо, в словах типа *господь*, *господин*, *государь* и т. п. Свидетельством такого произношения считается пропуск буквы, обозначавшей звонкий задненёбный (написания типа *ѡсподаро*, *ѡспожино*, *разнѣвасо* вместо *гѡсподаро*, *гѡспожино*, *разнѣвасо*), так как «пропустить легче *z* при фрикативном его произношении, чем при взрывном (в силу слабости артикуляции)»¹. Такой пропуск буквы *z* отмечается уже в южнорусских памятниках XII в. и с XIV в. в севернорусских.

Свидетельством фрикативного произношения звонкого задненёбного в отдельных словах может служить также следующее. В некоторых говорах современного русского языка отмечено произношение [j] вместо [ɣ'] перед гласными переднего ряда². В качестве «объективных данных, свидетельствующих о том, что на месте фонемы *γ* перед гласными переднего ряда может звучать по говорам *j*», Р. И. Аванесов, в частности, приводит примеры малограмотных записей из сочинений школьников: ошибки одного типа, где «можно отметить обозначение *j* вместо *z*»: *Турьенев, деньи, на дорои, иря*; другого типа, где «мы находим *z* вместо обозначения *j*»: *воробьги, воробги, братьги, гих, гим*. <...> Тот же прием для передачи начального *j* наблюдается, напр., у школьников с. Падмозера (Заонежье): *кошка гимала мышей* — в говоре, где заведомо нет разницы между *j* в положении перед гласными переднего ряда и тем согласным, который слышится там в этом же положении на месте *z* взрывного»³.

Ошибки этих же двух типов мы находим и в древнерусских памятниках. Так, с одной стороны, встречаются написания *ана рѣина*, *кнаина*, *аньель*, *у ѣваньѣслихъ* и т. п., а с другой стороны, написания

местоимений русского языка // Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960. С. 235 и сл.

¹ Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963. С. 89. Ср. у Е. Ф. Будде: «Едва ли не следует признать звук *γ* рядом со звуком *z* еще в общерусскую эпоху во всех говорах, по крайней мере, для некоторых слов: почему, напр., теперь в северновеликорусских говорах... где исключительно мы слышим звук *z*, говорят рядом с этим: *оспода*, с *осподами*, причем я иногда слышал оттенок звука *γ* в начале этих слов (Будде Е. К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896. С. 182).

² См.: Аванесов Р. И. О качестве задненёбной фрикативной согласной перед гласными переднего ряда в русском языке. С. 34–41.

³ Плотникова З. К. К вопросу об окончании род. пад. ед. ч. муж. и среднего рода местоимений и сложных прилагательных. С. 302.

генварь, гета, алилуѣа, юргевъну и т. п. Происхождение ошибок обоих этих типов также может быть объяснено произношением [ɣ], чередующегося перед гласным переднего ряда с [j]¹.

При таком произношении буква *г* могла обозначать как звук [ɣ], так и звук [j], причем, как правило, *г* обозначала [ɣ] перед гласными /а/, /о/, /у/, а [j] перед гласными /и/, /ѣ/, /е/: *нога* (но[ɣ]а) — *ноги* (но[j]и), *бога* (бо[ɣ]а) — *о богъ* (о бо[j]гъ) и т. п. Но звук [j] имел и другое обозначение. Так, перед /е/, /а/, /у/ [j] мог обозначаться при помощи йотации гласной буквы: *ѣго*, *ѣзыкъ*, *стою* ([j]ѣго, [j]ѣзыкъ, сто[j]ю) и т. п., а перед /и/, /ѣ/ не получать особого обозначения: *ихъ*, *мои*, *тогъ* ([j]ихъ, мо[j]и, то[j]гъ) и т. п. Таким образом, оказывалось, что звук [j] в одной и той же позиции мог обозначаться двояко: перед /е/ — о го ([j]ѣго) и *гетманъ* ([j]етманъ), перед /и/, /ѣ/ — *ихъ* ([j]ихъ), *мои* (мо[j]и), *тогъ* (то[j]гъ) и *гибель* ([j]ибель), *ноги* (но[j]и), *ногъ* (но[j]гъ). <...> Так появлялось написание *г*, соответствовавшее этимологическому *г*, и написание, обозначающее [j] в соответствии с этимологическим звонким задненёбным. Такие ошибки могли возникнуть только в том случае, когда /j/ и «звонкая» «задненёбная», обозначающаяся буквой *г*, в определенных позициях не различалась. А это могло быть, очевидно, только при фрикативном произношении звонкого задненёбного — [ɣ]. То, что такие ошибки отмечаются не только в южнорусских памятниках, но уже в XIII в. и в севернорусских, свидетельствует о наличии фонемы /j/ в севернорусских говорах древнерусского языка.

По единодушному мнению русских ученых, начиная с Ломоносова, произношение [ɣ] в русский литературный язык проникало из церковнославянского. Эта особенность церковнославянского консонантизма, отличавшая его от старославянского, сформировалась в Киеве. <...> Такое произношение сохранилось в церковнославянском языке вплоть до настоящего времени. Причем это проявляется не только в том, что «некоторые священники, читая евангелие и произнося церковные молитвы, систематически произносят *г* как *γ* (*h*): *нога*, *град*, *уробех*, *улас*, *уолубъ* и т. д.», но и в том, что в среде духовенства вообще распространено произношение *γ*. <...> Однако

¹ Е. Ф. Будде писал по этому поводу: «Известная надпись ана рѣина (Anna regina) дочери Ярослава Мудрого, бывшей замужем за Франциском I, на монете не могла быть осмыслена без знания физиологии произношения $g = \gamma$, $\gamma' = j$, без знания соотношения между др.-русской графикой и живыми звуками русского языка в его наречиях (в частности, в южнорусском наречии). Ср. древн.-моск. *кнѣзя* или современное ю.-в.-р. «ножи» = ноги и под.» (Будде Е. Ф. Лекции по истории русского языка. С. 63). (Впрочем, написание *рѣина* могло отражать также и старофранцузское произношение этого слова; см.: Мельников Е. И. О языке и графике подписи Анны Ярославны 1063 года // Славянское языкознание. М., 1959. С. 116.) А. П. Сумароков считал, что «генварь выдумали старинные подьячие, находя в литере *г*, когда она как латинское *h* произносится, некое величество и пышность» (Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений... Ч. X. М., 1787. С. 41–42).

слова с /γ/ из церковнославянского языка проникали не только в литературный язык: «Язык Киева в обоих его видах — язык городских классов и язык духовенства — переходил отсюда в другие центры Древней Руси, а из этих центров он различными путями просачивался и в деревенскую среду, в самую толщу народных масс»¹. Этим и объясняется произношение [γ] в таких словах, как *бо[γ]а*, *бо[γ]атый*, *[γ]осподь*, *[γ]осподин* и другие «церковнославянские», отмеченное в севернорусских говорах в материалах атласов русских говоров и многих других диалектологических описаниях. Причем в большинстве случаев слова эти в говорах уже не имеют стилистической окраски «церковных», или «книжных», или «городских».

Кроме таких слов, в русском литературном языке до недавнего времени употреблялись слова *дѣ[γ]оть*, *лѣ[γ]ок*, *мя[γ]ок*, *но[γ]оть*, а также *ко[γ]да*, *то[γ]да*, *все[γ]да*, *ино[γ]да* и некоторые другие, отмеченные с [γ] и в ряде севернорусских и среднерусских говоров. Обращая внимание на эти слова, Е. Ф. Будде писал, что они «не книжные, а потому их нельзя считать заимствованными из церковнославянского, а следует в них видеть элемент народный, отчасти чисто фонетической природы»². В части этих слов, а именно в словах на *-[γ]да*, широко распространенных и в севернорусских и среднерусских говорах, происхождение [γ] может быть объяснено диссимиляцией, в других словах [γ] является результатом заимствования их литературным языком из южнорусских говоров. Так же непосредственно из южнорусских говоров, а не через церковнославянский язык, могли заимствоваться некоторые слова с [γ] и среднерусскими, а затем и севернорусскими говорами.

В севернорусских и среднерусских говорах, таким образом, /γ/ в одной части морфов может объясняться как собственно северно- или среднерусская черта (например, в *-оγо*), а в другой части морфов — как черта заимствованная. В большинстве случаев эти заимствования — из южнорусского наречия древнерусского, старорусского или современного русского языка³ и почти все они церковнославянизмы. Одним из таких заимствований, вероятно, было имя *Ольга*⁴.

Произношение *Оль[γ]а* отмечено в ряде севернорусских и среднерусских говоров, обычно знающих [γ] также и в словах типа *господь*, *бога* и других «церковнославянских». <...>

¹ Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916. С. 82–83.

² Будде Е. Ф. Очерк истории современного литературного русского языка (XVII–XIX век) // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 12. СПб., 1908. С. 37.

³ Хотя могут быть и заимствования иноязычные — например, *боуатьрь*; см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964.

⁴ О том, что *Ол'γа* — слово «церковного происхождения», пишет, в частности, Д. В. Бубрих (см.: Бубрих Д. В. Фонетические особенности говора с. Пустошей Ягодинской волости Судогодского уезда Владимирской губернии // Изв. ОРЯС. 1913. Т. XVIII. Кн. 4. С. 329, 342).

Имя *Ольга* не славянское, оно восходит к скандинавскому *Helga*. Впервые в русской истории имя *Ольга* встречается как имя великой княгини, жены Игоря. В течение нескольких последующих столетий имя это употреблялось очень редко и, вероятно, только в княжеских семьях. Отмечено, что в эпоху Киевской Руси существовало разделение личных имен на имена княжеские и имена, употреблявшиеся остальными людьми. Княжеские имена были принадлежностью только княжеских семей и не использовались в другой среде. Такое положение существовало почти до XV в. Однако и в последующие века *Ольга* как имя лица не княжеского происхождения было чрезвычайно редким.

Объясняется это, вероятно, следующим. В соответствии с церковными правилами новорожденного обычно называли именем того святого, день памяти которого приходился на восьмой день после рождения ребенка. Дни памяти святых были утверждены церковью и входили в святцы, или месяцеслов, в порядке месяцев и дней года. Несмотря на то, что великая княгиня Ольга была признана святой, вероятно, еще в Киеве, в период домонгольский, общерусское почитание ее было узаконено церковью только в середине XVI в. Кроме того, «для празднования памяти святого нужна была служба ему, а равно требовалось, чтобы написано было (существовало) и его житие». Между тем только с XV в. получили распространение написанные Пахомием Логофетом службы вел. кн. Ольге и ее житие, вошедшее в XVI в. в известные Четьи-Минеи митрополита Макария.

Однако часто в один день поминалось несколько святых. Так было и 11 июля, когда кроме Ольги поминалась также и Евфимия. В этом случае преимущество давалось тому имени, которое входило в народный сельскохозяйственный календарь. Имя *Евфимия* входило в народный календарь и было гораздо более употребительным, чем *Ольга*, не вошедшее в этот календарь.

Таким образом, имя *Ольга* не было народным именем, оно проникло в севернорусские говоры под церковным влиянием и в качестве церковнославянской приметы могло сохранять произношение фрикативного [γ].

Свидетельством такого произношения может служить также то, что имя *Олег*, парное к имени *Ольга*, произносилось в Москве в XVI в. с фрикативным согласным на конце. <...>

Итак, севернорусским говорам издавна был свойствен в сильной позиции звук [γ], воплощавший фонему /y/. С этим звуком произносилось и имя *Ольга*. В тех позициях, где твердым согласным соответствовали мягкие, звуку [γ] соответствовал [j]. Поэтому, когда в севернорусских говорах возникло прогрессивное ассимилятивное смягчение задненёбных согласных, то, наряду с *Вань*[к'я], *день*[г'я]м, *наверь*[х'ю] и т. п., появлялось и *Оль*[j]я.

Однако в современных говорах слово *Оль*[j]я отмечено и на территории, где нет других следов прогрессивного ассимилятивного

смягчения задненёбных, т. е. нет примеров типа *Вань[к']я*. В этих говорах произношение *Оль[j]я* могло возникать, вероятно, двумя путями. Во-первых, слово *Оль[j]я* в такой фонетической оболочке могло заимствоваться некоторыми говорами, не знавшими прогрессивного смягчения задненёбных, из говоров, которым было свойственно это изменение. В другом случае в говорах, переживших некогда процесс ассимилятивного смягчения задненёбных, происходил отход от данного диалектного явления, т. е. происходила замена звуков, возникших в результате этого процесса, звуками, бывшими на их месте до него. В результате все слова типа *Вань[к']я*, *день[г']ям*, *наверь[х']ю* начали вновь произноситься как *Вань[к]а*, *день[г]ам*, *наверь[х]у*, и только слово *Оль[j]а* сохранилось без изменения.

Отход от результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения задненёбных согласных происходит в настоящее время, очевидно, во всех говорах, знающих это явление, а в ряде говоров этот отход уже завершен. Об этом свидетельствует следующее. В ответах на «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» и в других описаниях говоров приводятся, как правило, для характеристики одного говора не только примеры с мягкими задненёбными после мягких согласных (*Вáн 'к'а* и т. п.), но и соответствующие примеры с твердыми задненёбными (*Вáн 'ка* и т. п.), а это значит, что в таких говорах уже не существует исключительного произношения мягких задненёбных после мягких согласных, но, наряду с мягкими, в этой позиции произносятся уже и твердые задненёбные. Кроме того, нередко указывается, что мягкие задненёбные после мягких согласных произносятся только стариками или что местные жители помнят такое произношение, но сами произносят твердые задненёбные. В ряде случаев при первичном обследовании населенного пункта отмечается произношение мягких задненёбных после мягких согласных, а при повторном обследовании, проведенном через несколько лет, — только твердых задненёбных в этой позиции. <...>

Сохранение результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения задненёбных только в слове *Оль[j]я* — это типичный случай лексикализации фонетического явления.

<...>

Вопросы и задания

1. Что такое прогрессивное ассимилятивное смягчение задненёбных согласных?
2. Как проявляется фонема *з* в севернорусских говорах?
3. Что такое лексикализация фонетического явления?

В. В. Колесов

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОНЕТИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТНЫХ ПРИЗНАКОВ¹

Памяти академика
Виктора Максимовича Жирмунского

Описание диалекта на данном этапе развития диалектологии требует последовательного разграничения явлений языка и речи, явлений продуктивных и непродуктивных, явлений центральных и периферийных, функционально важных и второстепенных. Только такое описание позволит адекватно представить диалектную систему как целое, а не некий набор экзотических «диалектных черт». Сложность описания такого типа увеличивается в связи с необходимостью учитывать факторы междиалектного общения и интенсивного воздействия на говоры со стороны литературного языка. Эта проблема неоднократно обсуждалась. Сделаны удачные попытки классификации диалектных различий, в частности звуковых². Однако для некоторых типов исследования результаты подобных работ оказываются недостаточными.

Если подходить к изучению диалекта с точки зрения его места в составе национального языка, то оказывается необходимым в конкретной диалектной системе разграничивать основные диалектные и вторичные диалектные признаки. Такое разграничение позволит глубже понять специфику и динамику диалектной системы.

Предварительно различие между основным и вторичным диалектным признаком можно сформулировать следующим образом. Основной признак характеризует конкретную диалектную систему как замкнутое целое, не затронутое внешними воздействиями. В этой системе имеются некоторые типы фонологических противопоставлений, основанные на определенных фонетических коррелятах. Вторичный признак возникает на основе столкновения диалектной системы с качественно иной системой и отражает промежуточный этап субституции нового фонологического противопоставления диалектными фонетическими средствами. На этом временном противоречии между фонологическим отношением и фонетическим выражением строятся все фонемные преобразования диалектной системы. Из основных признаков складывается стабильная часть преобразующейся системы, вторичные признаки составляют ее динамическую часть. <...>

¹ Колесов В. В. Фонологическая характеристика диалектных признаков // Вопросы языкознания. 1971. № 4. С. 53–65.

² См. коллективный труд «Вопросы теории лингвистической географии» (под ред. Р. И. Аванесова), М., 1962.

Правда, при этом возможны некоторые технические затруднения, связанные с тем, что диалектная система обычно изучается не изнутри, а исходя из представлений исследователя о соответствующих литературных явлениях. Примеры заблуждений, связанных с этим, хорошо известны. Длительное время считалось, например, что севернорусское изменение /a/ > /e/ в положении между мягкими согласными всегда является позиционным (произношение [з'эт'] «зять», [гр'ес'] «грязь» и под.). Слушая диалектную речь, диалектолог фиксировал только те изменения, которые он мог уловить, исходя из осознаваемых им различий его собственного (литературного) произношения. Таким образом, диалектологами отражались лишь некоторые особенности диалектной речи, каким-то образом связанные с возможностями эталонной литературной системы. <...> В другом случае севернорусское [e°] воспринималось и записывалось как /o/ — на том основании, что вместо диалектного [н'е°с] наблюдатель слышал свое собственное [н'ос]. В приведенных примерах [з'эт'] представляет собою неточное отражение диалектного признака <...>, а [н'ос] — искаженное и ошибочное толкование диалектного признака. Первое затушевывает реальное соотношение фонем в говоре, тогда как второе приписывает говору несуществующие отношения.

Вторичные признаки обычно возникают на основе столкновения диалектной системы с литературной или инодиалектной системой как результат некоторых расхождений между ними. Это хорошо известно «наличие таких членов соответственного явления, один из которых является в собственном смысле диалектным, другой — свойственным не только диалектам, но, что особенно важно, и литературному языку. С точки зрения генетической, это может быть результатом влияния литературного языка... или результатом взаимодействия диалектов»¹. Приводимый пример (фонема /г/ литературного языка соответствует /г/ в северных и /γ/ в южных говорах) — это только самый простой и бесспорный случай, связанный с наличием в контактирующих системах двух эквивалентных фонем, которые отличаются друг от друга признаком, нерелевантным для них. Возможное преобразование системы не должно здесь встретиться с особыми затруднениями.

Все значительно усложняется там, где такое преобразование связано с отработкой нового (или утратой старого) различительного признака, а также с изменением позиционного разграничения. На конкретном примере удобно показать возникающие при этом сложности.

Характерной особенностью среднерусских говоров на всей территории их распространения является палатализованная фрикатива после взрыва, т. е. произношение типа [г'с'и]хо, [д'з'ен'] и т. д.

¹ Вопросы теории лингвистической географии. С. 14.

Взрывной элемент здесь преобладает, определяя характер звучания, и имеет множество оттенков; фонологически это не аффрикаты, как в белорусском, а очень палатализованные зубные, взрывные. Более слабая палатализация зубных в южнорусских и севернорусских говорах никогда не приводит к такому результату. Вместе с тем, в северных говорах на пограничье со среднерусскими, например во владимирских говорах, подобное произношение постепенно распространяется — и наоборот, в среднерусских говорах, окончательно отошедших от прежней севернорусской системы (некоторые калининские, смоленские, псковские и др.), прежде отмечаемая там фрикация /t'/ /d'/ теперь не регистрируется. В сибирских говорах среднерусского типа независимо от европейских среднерусских развивается подобная же фрикация палатализованных смычных зубных согласных.

На всей территории распространения среднерусских, а также в некоторых соседних с ними северных и южных говорах на месте палатализованных /с'/, /з'/ слышится мягкий, переходящий в шепелявое [ст], [жж] (в транскрипции [с''1 [з'']): ко[с''ил] [с''е]но, [д''ес''ат]ь, в[с''о] и т. д. Такое произношение возможно только в говорах с отвердевшими шипящими, поэтому указанные фонемы не пересекаются с ними, однофокусные альвеолярные /с''/, /з''/ всегда ограничены от двуфокусных шипящих /ш/, /ж/ и от зубных /с/, /з/. Отличие от палатализованных свистящих типа литературных /с'/, /з'/ заключается в отсутствии «йотовой артикуляции». Поэтому-то наблюдатели часто воспринимают /с''/, /з''/ как полумягкие или даже твердые. Такое расхождение между действительным и реально воспринимаемым носителем литературного языка произношением обратным образом указывает на попытку выработать какой-то новый, ранее несвойственный диалектной системе более четкий принцип различения «мягких» и «твердых» согласных: в литературном языке это действительно различие по мягкости — твердости, а в говоре различие тех же фонем идет по другому признаку (по месту образования).

Наконец, в тех же среднерусских говорах вместо характерного для архаических говоров севернорусского типа произношения [кы]слый, [гы]бель распространяется произношение [т''и]слый, [д''и]бель.

Как бы мы ни относились к различным принципам составления диалектных карт Московской диалектологической комиссии и нового академического Атласа, сравнение границ среднерусских говоров на карте 1915 г. и теперь¹ показывает, что за половину века территория распространения говоров со среднерусскими особенностями неуклонно увеличивалась и притом преимущественно за счет севернорусского наречия.

¹ См.: Русская диалектология. М., 1964.

Если иметь в виду даже самые северные говоры Европейской части РСФСР, не имеющие непосредственного контакта с южнорусским наречием, и даже севернорусские по происхождению говоры Сибири и Дальнего Востока (все они отражают тот же путь изменения), окажется, что исконные севернорусские говоры на всем пространстве их распространения независимо от типа контактирующих систем имеют общую тенденцию к переходу в среднерусский тип.

Среднерусские говоры справедливо не получили статуса самостоятельного наречия, потому что внешним образом они напоминают просторечие, а внутренне представляют собою наиболее динамичную сферу национального языка. В среднерусских говорах, подобно просторечию, больше, чем в севернорусских или южнорусских, чуждых литературной норме продуктивных диалектных особенностей, которые утратили связь с определенными территориями и стали в некотором смысле общерусскими; они и отражают общерусские тенденции фонетического изменения. Динамичность среднерусских говоров определяется постоянным движением диалектной системы в сторону изменяющейся общерусской нормы. В деталях эта норма не совпадает с канонической литературной, поскольку гораздо последовательнее реализует общерусские тенденции фонологического развития. Например, в соответствии с этими тенденциями древнерусская аффриката /ш'т'ш'/, в современном русском языке ставшая сочетанием двух фонем, во всех типах говоров дает именно /шш/ ([шшук'и] [ишшез'л'и]), а не сохраняет, подобно литературному канону, позиционные (или факультативные) варианты типа [ш'ш'] и особенно [ш'ч'].

В этом смысле характерны и приведенные выше субституты палатализованных фонем литературного языка. В среднерусских говорах с противопоставлением /т/ — /т'с'/, /д/ — /д'з'/, /с/ — /с'ш'/, /з/ — /з'ж'/, /к/ — /т'/, /г/ — /д'/ отражено становление общерусской корреляции согласных по мягкости — твердости, которая до недавнего времени отсутствовала в севернорусских диалектных системах¹, определив, между прочим, все синтагматические особенности вокализма. Реализации /т'/ как [т'с'], /с'/ как [с'ш'] и т. д. — это и есть вторичные диалектные признаки, характерные для развивающейся диалектной системы.

Вторичный признак включается в конкретную диалектную систему и приобретает фонологические характеристики. В одном и том же фонетическом контексте одинаково отличная от литературной особенность может реализоваться как основной, или вторичный, или даже просторечный признак. Произношение среднеязычных [h] [h̃] на месте /к/, /г/ после исконно палатальных согласных — основной диалектный признак; произношение заднеязычных средненёбных

¹ См.: Горшкова К. В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси. М., 1968.

[к'] [г'] в том же сочетании — вторичный диалектный признак; произношение заднеязычных задненёбных [к] [г] с продвижением последующего гласного вперед — признак просторечия. <...>

Среднеязычные на месте /к'/, /г'/ фонетически представляют собою палатализованные [т'] [д']. Можно предполагать и диалектное произношение среднеязычных [с'] [з'] на месте литературных /с'/, /з'/ . Однако собиратели пишут о шепелявом произношении этих свистящих, отмечая даже их полумягкость, т. е. подчеркивают вторичные фонетические признаки, ничего не говоря о возможных основных, присущих диалектной системе. Не исключено, что на каком-то этапе развития говора все обсуждаемые здесь согласные являлись палатальными, т. е. среднеязычными по месту образования. Косвенно на это указывает <...> наличие палатальных /н"/, /л"/ при отсутствии йота в наиболее архаических диалектных системах¹. Это основные диалектные признаки, но они не всегда отражаются в записях, потому что диалектолог не делает различия между основными и вторичными признаками: различие /н/ — /н'/ как /н/ — /н"/ и различие /с/ — /с'/ как /с/ — /с'ш'/ он ставит в один ряд, хотя в первом случае сохранилось старое различие, а во втором произошло изменение в средствах различения.

Таким образом, палатальные [h ħ] соотносятся с общей системой диалектного консонантизма, тогда как заднеязычные [к' г'], являясь субститутами литературных /к'/, /г'/, уже разрушают целостность исходной диалектной системы и включают в нее новый признак, связанный с дополнительной йотовой артикуляцией. Это постепенно приводит к разрушению палатального ряда, следовательно, является преобразованием на фонологическом уровне. В отличие от этого, литературному [ол'ка], [ол'га] в просторечии может соответствовать [ол'кă], [ол'gă]. Аллофон [ä], возможный в системе литературного языка, встречается в позиции, в которой он недопустим согласно литературной норме — после прежнего среднеязычного, а не между двумя мягкими согласными. Исходная диалектная особенность выражена факультативно и притом возможностями самого литературного языка и по этой причине не является ни фонологической, ни диалектной.

Далее, сопоставляя фонетические эквиваленты литературным /т' д'/, /с' з'/, /к' г'/, видим, что их противопоставление непалатализованным парным согласным осуществляется по разным признакам: /т/ — /т'/ противопоставлены по способу образования ([т] — [т'с']), /к/ — /к'/ — по месту образования ([к] — [т']), /с/ — /с'/ также по месту образования, но с двумя смещенными точками ([с'] — однофокусный альвеолярный). Место образования как основной признак, субституирующий литературную йотовую артикуляцию, избрано

¹ См. также: Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969. С. 64 и сл.

по той причине, что в самой диалектной системе по этому признаку уже строились сходные исконные противопоставления типа /н/ — /н'/ или /л/ — /л'/». Кроме того, в исходной системе имелись и другие противопоставления по месту и способу образования (ср. /к/ — /т/ и под.), но они не охватывали конкретно данных, интересующих нас здесь элементов системы, т. е. [т] — [ц'] (так как перед этим /ц'/ > /ц/), [с] — [с'ш'] (так как несколько раньше /ш'/ > /ш/), [к] — [т] и пр., а различие между альвеолярным и дорсальным образованием являлось чисто фонетическим.

Когда же возникла потребность в реализации нового противопоставления, диалектная система на первых порах использовала собственные возможности. Отработка нового различительного признака происходит путем совмещения фонетически различных, но фонологически непротиворечивых признаков. Это не что иное, как фонетическая субституция, определяемая возможностями самой диалектной системы, усиление различительной силы прежнего аллофона или, говоря столь же описательно, сосредоточение внимания на признаке, прежде несущественном. Если рассматриваемым вторичным признакам или части их действительно предшествовали диалектные единицы палатального ряда, то фонетически ассимиляция представляет собою разложение палатальных («сверхмягких») в интересах их совпадения с позиционно смягченными («полумягкими»), которые становятся «мягкими»). В таком случае этот первый этап фонематического изменения представляет собою не просто замещение прежних аллофонов [с] и [с''] в фонеме [с'ш'], противопоставленной /с/ <...>, но и разрушение палатального ряда, без чего невозможно в дальнейшем образование общего различительного признака по «йотовой артикуляции». Объективно, таким образом, противопоставление фонем имеется с самого начала, поскольку указанные единицы употребляются в одинаковых фонетических условиях: [зат] — в[з'ж'ат], [так] — [т'с'ак] «тяг» и т. д.

Так как в данном случае постепенно образуется коррелятивная цепь, должны быть и объективные проявления вновь образующихся отношений. Они и появляются в виде нейтрализации противопоставления по признаку, лежащему в основе оппозиции: в слабой позиции (в конце слова и перед передними гласными) возможен только немаркированный член оппозиции. В литературе хорошо описано несколько среднерусских говоров с «отверждением» /т'/, /с'/, /к'/ в слабой позиции. Фонологически это нейтрализация вновь возникающей оппозиции. Новое для диалектной системы здесь в том, что возникает позиция неразличения фонемного противопоставления — объективное указание на то, что такое противопоставление действительно возникло. Особенности диалектной системы диктуются и установление типов слабой позиции: в литературном языке неразличение /т/ — /т'/ возможно только перед /е/ и перед некоторыми согласными, а в говоре — перед всеми немаркирован-

ными гласными, т. е. перед передними гласными и перед вокалическим нулем (= конец слова). Строго говоря, это еще не завершенная корреляция, поскольку коррелятивные цепи организуются на основе общего для всех пар различительного признака, а вновь возникшее диалектное соотношение согласных такого признака пока не имеет. <...>

Особенно выразительно это показывают губные согласные, которые позже всех остальных включаются в корреляцию по мягкости — твердости. Происходит это потому, что у губных по сравнению с язычными дольше сохраняется преобладание слабых позиций над сильными (например, позиция конца слова). Фонетическим эквивалентом литературному противопоставлению /п/ — /п'/ в такой системе является [п:] — [пí]: [па]па — [пí]тый. Поскольку в говоре с палатальным рядом (а все севернорусские говоры в конечном счете восходят к такой системе) йот не является самостоятельной фонемой, при образовании корреляции по данному признаку йот используется в качестве линейного различительного признака, субституирующего «йотовую артикуляцию» литературного языка. Для губных согласных — это и есть единственная возможность субституции, определяемая диалектной системой <...>. Запоздывание противопоставлений типа /п/ — /п'/ связано с характером субституции: не один элемент, а два элемента, линейное сочетание. Впоследствии, после отработки общего различительного признака, эта субституция разрушается, вернее, лишается своей различительной силы, уходя в область фонетического варьирования, потому что и в литературном языке мягкость губного фонетически определяется характером перехода к следующему гласному¹. Следовательно, уже сама отмеченность различения двух единиц ([п]) — [пí]), его осознанность делает его фонематическим фактом — с точки зрения диалектной системы.

Описанное здесь изменение зафиксировано, например, в пустошенском говоре Владимирской области: еще Д. В. Бубрих отмечал дифтонгоиды ia, io íй после «мягких» согласных, а повторное изучение этого говора 45 лет спустя обнаружило полное соответствие литературной норме, т. е. противопоставление типа /п/ — /п'/².

Соединяя все типы «мягкостной субституции» говора в одну систему, можно выявить общее для всех них свойство: они действительно нацелены на реализацию нового фонемного противопоставления, которое уже имеется в изменившейся диалектной системе, и с этой точки зрения они фонематичны. Чтобы отработать общий

¹ См.: Зиндер Л. Р., Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А. Акустическая характеристика различия твердых и мягких согласных в русском языке // Вопросы фонетики. Л., 1964.

² Бубрих Д. В. Фонетические особенности говора с. Пустошей // ИОРЯС. 1913. XVIII. 4. 1913. С. 334–335; Бедняков А. С. О некоторых фонетических явлениях в говоре с. Пустошей // Уч. зап. МОПИ. 1957. 48: Труды кафедры русского языка.

для всего коррелирующего ряда различительный признак, сначала необходимо разрушить сходный с ним или адекватный ему старый признак, который в изменившихся условиях становится узколокальным и ограниченным по своей различительной силе. В приведенном примере: на пути образования общего различительного признака по мягкости — твердости стоит противопоставление среднеязычных согласных другим группам согласных.

Общий признак противопоставления появляется на следующем этапе в результате отработки аллофонного варьирования. В данном случае речь идет о дополнительной йотовой артикуляции, которая представляет собою обычный для литературного языка коррелят противопоставления по мягкости — твердости. В среднерусских говорах, утрачивающих фрикацию палатализованных зубных, наряду с [т'с'] и под. позиционно возможны [т'] и под. Например, в слабой позиции становится возможным палатализованный вариант соответствующего согласного; по своему признаку именно он и является общим для всех противопоставлений <...>.

Общий фонетический коррелят нового дифференциального признака формируется в слабой позиции — парадоксальный факт, уже замеченный специалистами по исторической фонологии. Только после этого происходит перераспределение позиций по общерусскому типу с одновременным ограничением числа слабых позиций. Изменение завершается утратой (сначала, может быть, факультативной) вторичных диалектных признаков и на фонетическом уровне.

Дальнейшие изменения касаются уже обогащения коррелятивной цепи. В корреляцию включаются все новые и новые пары. Разная степень развития говора определяется, между прочим, и количеством таких пар. При этом характерно, что отличающиеся по своим признакам эквиваленты литературных фонем изменяют свое качество сначала у палатализованного парного согласного. Хорошо известно, например, что в противопоставлении билабиальных /w/ — /w'/ губно-зубную артикуляцию раньше всего получает /w'/: образуется противопоставление /w/ — /w'/. То же самое в оппозиции /l/ — /l'/: она может замениться на /l/ — /l'/. В южнорусских говорах замена /γ/ на /г/ также начинается с парного палатализованного, и в переходных системах возможно отношение /γ/ — /г'/. Замена апикальной артикуляции на дорсальную у переднеязычных согласных также прежде всего касается палатализованных членов противопоставления. Став всеобщей коррелятивной связью, противопоставление по мягкости — твердости перекрывает многие другие диалектные особенности и направляет развитие диалектной системы по общерусскому типу. Однако последовательность изменения имеет общую закономерность: никогда одновременно не изменяется больше, чем один признак, и всегда сначала изменяется более важный признак.

Рассмотренную здесь последовательность развития можно иллюстрировать и на других особенностях среднерусских говоров,

а также на говорах, отражающих начальные стадии отхода от севернорусской системы. Приведенные примеры развития вторичных признаков в фонемном составе отдельных слов (произношение слов типа *Олька, Ольга*) или в образовании новых для говора коррелятивных цепей (формирование оппозиции по мягкости — твердости) представляют собою крайние по важности типы развития отдельной конкретной системы: наиболее существенны вторые, тогда как первые — наименее значительны. <...>

Примером синтагматического изменения фонем является распространение аканья. В безударных слогах в положении после твердых согласных неверхние гласные получают позицию неразличения: /o/ и /a/ совпадают в /a/. В отличие от предыдущего изменения, здесь преобразование начинается сразу со второго этапа; это и естественно, потому что при образовании коррелятивного ряда вторым этапом является синтагматическое изменение. Пример с развитием аканья в среднерусских говорах показателен в том отношении, что оканье относится к числу наиболее устойчивых диалектных черт. Особый характер ударения и принципиально иное, чем в акающих говорах, соотношение между гласным и согласным в слоге препятствует воздействию акающего говора на окающий. Развитие аканья также определяется последовательными изменениями самой окающей системы вокализма.

Прежде всего, происходит изменение характера ударения с образованием относительно слабых и относительно сильных слогов (редукция). Такое положение наблюдается в среднерусских говорах с неполным оканьем. На этой основе развивается редукция заударного, а затем и предупредного /o/, которая не нарушает принципа оканья, потому что /o/ и /a/ по-прежнему различаются в безударных слогах. Однако редукция подготавливает переход к неразличению /a/ и /o/, потому что старое противопоставление [a] — [o] сменяется фонетически более слабым противопоставлением [a] — [ъ] ([ъ] и [a] близки артикуляторно и акустически и в некоторых позициях могут чередоваться друг с другом). Неопределенность такого коррелята фонемы /o/ приводит к колебаниям в записях: его обозначают иногда как [ъ], [аъ], [оа]. Говоры с таким «ослабленным» противопоставлением безударных /a/ и /o/ отмечены в южной части Вологодской области, на юге Кировской и Пермской областей, в Костромской и Ярославской областях, в Удмуртской АССР. В более южных частях восточных среднерусских говоров наблюдается следующий этап изменения — появление [a] на месте /o/ только перед ударным /a/ (шатурский тип ассимилятивного аканья, распространенный в говорах к востоку от Москвы, в Калининской области, в Саратовском Заволжье и т. д.). Говоры Псковской области дают и другие типы возможной отработки аллофонного варьирования, т. е. другие этапы развития нового аканья. Полновское и гдовское аканье также образуют позиции неразличения в предупредном слоге в зависимости

от следующего гласного: в Гдовском районе перед верхними и нижними, в Полновском — перед верхними. В некоторых сибирских говорах среднерусского типа /o/ и /a/ различаются только в слоге перед ударным /o/. На основании диалектологических данных можно предполагать, что и более южные псковские говоры совсем недавно характеризовались аканьем гдовского типа, но теперь здесь распространено уже сильное аканье. Другими словами, в этих говорах окончательно сформировалось неразличение /o/ и /a/ во всех безударных слогах. В начале века отмечалось различение предупредных /o/ и /a/ как [á] и [a] в говорах Калининской области, а теперь эти говоры — акающие.

Таким образом, на основе качественной редукции безударных гласных (вторичный диалектный признак) постепенно утрачиваются качественные различия между гласными в этой позиции. Раньше всего совпадение /o/ и /a/ происходит в заударной позиции, но и здесь не может быть речи о чисто количественной редукции заударного /o/, несмотря на его записи как [ъ]: [с'илам] — [хл'ебом]. Количественная редукция последовательно охватила бы все гласные в данной позиции, а не только /o/. Еще О. Брок показал, что [ъ] в такой записи обозначает ненапряженное [o], но все-таки /o/¹. Качественная редукция уменьшает напряженность артикуляции, а это приводит к последующим изменениям безударных гласных, начиная с широкого аллофонного их варьирования (/o/ как [ou], [o], [oa], [ьо], [ao]). Фонологический смысл этого изменения достаточно ясен: ни в одной позиции невозможна утрата сразу двух признаков, дифференцирующих /o/ и /a/ — сначала нейтрализуется более важный для системы признак лабиальности (качественная редукция в оппозиции [аъ] — [a]), затем — подъема (аканье: [a] — [a]). Обаяние графического знака не должно приводить к недоразумениям: [ъ] — это только более или менее удачная попытка передать нелабиализованный гласный среднего образования и среднего ряда.

При замене ДП в одиночном противопоставлении сталкиваемся с теми же особенностями, которые характеризуют начальные этапы становления коррелятивного ряда. Пределы аллофонного варьирования также ограничиваются характером и системой дифференциальных признаков. В севернорусских говорах нейтрализация $z, k > k$ выделяет /x/ из числа фонем, парных по признаку голоса, что приводит к широкому варьированию /x/, к большому разбросу факультативных и позиционных аллофонов, а вместе с тем и к позиционным изменениям согласных в соседстве с ним. Наоборот, в южнорусских говорах нейтрализация $\gamma, x > x$ выделяет из коррелятивного ряда по данному признаку фонему /к/ — с аналогичными последствиями.

¹ См.: Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // Сб. ОРЯС. 1907. Т. LXXXIII. С. 11.

Эти последствия оказываются существенными в дальнейших преобразованиях оппозиции. Севернорусские говоры в южнорусском окружении дают [γ] как аллофон фонемы /г/; южнорусские говоры в севернорусском окружении дают [г] как аллофон /γ/. Однако в обоих случаях аллофонное распределение подчиняется общим правилам: [г] — аллофон фонемы в сочетании с согласным, [γ] — аллофон фонемы в сочетании с гласным (иногда также в сочетании с сонорным), ср. [γадък] — [уладък] — [гд'е]. Особенно интересны южнорусские говоры с заменой /γ/ на /г/: общерусский эквивалент появляется здесь прежде всего в слабой позиции. Это вторичный диалектный признак, на котором строится все дальнейшее фонемное преобразование, приводящее в конечном счете к появлению оппозиции /г/ — /к/. При этом в качестве просторечной особенности еще долго может сохраняться старый член оппозиции /х/ — /г/ в позиции неразличения, т. е. /х/.

Этот пример снова возвращает нас к разграничению основных и вторичных диалектных признаков.

Таким образом, фонологические признаки говора входят в одну из двух групп признаков, не совпадающих с орфоэпической нормой общенационального языка — основных или вторичных. Приведенные выше примеры возможных изменений диалектной системы показывают, что в результате таких изменений сохраняется специфически диалектная система, отличающаяся от литературной. Она определяется свойственной ей суммой основных и вторичных диалектных признаков, указывающих на разные пути и различную интенсивность разрушения исходной диалектной системы. Преимущество такого подхода к синхронному описанию диалектной системы заключается в возможности совместить в описании ее архаические особенности и признаки, указывающие на сближение говора с литературной нормой, не ограничиваясь (в зависимости от целей исследования) только теми или другими. Различение основных и вторичных признаков позволяет описать систему изнутри и вместе с тем представить основные линии ее фонологического развития.

Названные типы фонологических признаков имеют существенные различия, которые можно сформулировать следующим образом.

Основной диалектный признак — особенность исходной фонологической системы с характерным для данного говора фонетическим выражением этой системы. Пример: различие /о/ и /а/ во всех позициях (оканье) или противопоставление /к/ — /г/ в севернорусских говорах — с характерными для этих оппозиций фонетическими коррелятами и вытекающими из этого правилами аллофонного варьирования.

Вторичный диалектный признак — новый элемент фонологической системы, выраженный старыми, свойственными диалекту, фонетическими средствами. Пример: утрата ДП по лабиализации

в противопоставлении /o/ — /a/, но отсутствие нейтрализации в пользу одного из членов оппозиции.

На всех этапах анализа необходимо строгое разграничение фонемного и аллофонного уровней и одинаковое внимание к ним обоим. Их выделение облегчается фактом совмещения двух самостоятельных систем с характерными для каждой из них различительными средствами; нужно иметь в виду, что аллофонное варьирование одной системы может оказаться противопоставлением фонем в другой и наоборот. Конкретное описание таких особенностей удобно вести на уровне дифференциальных признаков и их фонетических коррелятов — их наличие или отсутствие определяет и пределы аллофонного варьирования, и фонемный статус отдельных единиц системы. Именно в таком смысле и существенно разграничение вторичных и основных признаков диалекта.

Основные признаки определяются фонологической системой данного говора и имеют свое аллофонное варьирование (легко обнаруживаемое при сопоставлении с аллофонным варьированием в литературной системе). Вторичные же признаки, возникая из столкновения с другой системой основных признаков, представляют собою результат субституции вновь образующихся фонологических отношений. Это определяет важнейшее отличие вторичного диалектного признака: масса переходных фонетических вариантов, в том числе и позиционно обусловленных, и факультативных. Так, утрата мягкого цоканья происходит в говорах различными путями, но общим в отработке оппозиции /ч' / — /ц / является то, что данное противопоставление, войдя в систему говора, фонетически выражается отличным от литературного языка образом, например противопоставлением в сильной позиции [т''1 — [ц'] или [т''] — [ц] или [ч'] — [ц']. Неопределенность субституции объясняет многообразие вариаций и в слабых позициях. В столкновении с литературной нормой происходит не простое «навязывание» говору новой системы противопоставлений — литературная система как авторитетный представитель национального языка определяет характер оппозиций, а диалектная система выявляет возможности выражения этой новой системы.

Не должно возникнуть впечатления, будто вторичные диалектные признаки возникают только под влиянием внешних факторов, в результате столкновения двух систем. Сама диалектная система продолжает развиваться, в новых условиях спонтанно образуя «внутренние» вторичные признаки. Пересечение основных и вторичных признаков — сложная сеть фонологических и фонетических факторов изменяющейся системы. Стержнем, объединяющим разного происхождения вторичные признаки, являются общерусские тенденции языкового развития.

Сказанным определяется еще одна особенность вторичных диалектных признаков: они не имеют четких синхронных изоглосс.

Если тем не менее большинство таких признаков, — хотя и не компактно, с разрывами, указывающими на различную интенсивность изменения, — сосредоточено на территории распространения среднерусских говоров, это не противоречит сказанному. Среднерусские говоры в массе своей представляют собою переходные к общерусской системе говоры. В этом, между прочим, их особое значение в образовании общенационального эталона — литературного языка. Среднерусскими являются не только подмосковные или калининские говоры — такими же среднерусскими следует считать все прочие, например сибирские или дальневосточные говоры со сходной суммой вторичных признаков. Историческая тенденция достаточно ясна: все большее число севернорусских по происхождению говоров становится и будет становиться среднерусскими.

Отсутствие изоглосс вторичных признаков объясняется разнонаправленностью и разновременностью развития отдельных сторон конкретной диалектной системы. Данной особенностью вторичные признаки также сближаются с просторечными, которые и пополняются в основном за счет вторичных признаков говора. Однако с фонологической точки зрения основные и вторичные диалектные признаки одинаково противопоставлены признакам просторечия и литературной нормы, которые не формируют диалектную систему. Если последовательно развить эту мысль, окажется, что все описанные выше этапы диалектного изменения объясняются и контролируются не столкновением говора с литературной нормой или с соседним говором, как обычно признается, а общерусской тенденцией к определенной системе противопоставлений. Выявление вторичных диалектных признаков как частный случай всегда связано с осуществлением общерусских тенденций развития.

Якающие говоры переселенцев с юга, длительное время находившиеся в севернорусской екающей среде, развивают не ожидаемое в таком случае севернорусское еканье, а иканье. Хотя в некоторых случаях в качестве переходного этапа и отмечается «еканье», но это скорее переходное различие /a/ — /и/ в безударном слогe <...>. Так же изменяется и севернорусский говор в соседстве с южнорусским или даже с украинским — развитие безударного вокализма после мягких согласных идет в сторону иканья, т. е. к полной утрате всякого различия безударных гласных в положении после маркированного по основной оппозиции согласного. Изменения вокализма начинаются после окончательной отработки новых консонантных различий, в любой конкретной системе русского языка являющихся основными. Другими словами, последовательность субституций в говоре диктуется относительной важностью изменения — механическое «влияние» литературного языка не требовало бы такой избирательности со стороны фонологической диалектной системы. Приведенные в статье примеры

свидетельствуют о том же: общее направление диалектного развития и последовательность этапов этого развития заданы общерусской тенденцией.

При разграничении основных и вторичных признаков говора не всегда можно довольствоваться сведениями об общем направлении диалектного развития в связи с общей линией развития фонологической системы общенационального литературного языка. Приходится проводить и ряд дополнительных исследований. Исходная система говора довольно точно определяется на основе изучения исторических памятников, старых диалектных записей данного говора, на основе внутренней реконструкции современного говора в его сопоставлении с родственными. Каждая из этих проблем может стать темой самостоятельной статьи. Совпадение всех полученных таким образом данных оказывается существенным в установлении важных особенностей исходной фонологической системы.

Имеется еще одна возможность определения интенсивности в развитии вторичных признаков: статистическое обследование говора. В. Дорошевский видел в таком исследовании даже возможность определить «диахронический коэффициент» говора (на фонематическом уровне) и предлагал метод картографирования статистических данных¹. Статистический подсчет аллофонного варьирования в диалектной речи ряда носителей говора в разных условиях говорения с позиционным разграничением и при учете фонологической системы говора в целом дает количественные характеристики разных диалектных признаков, их функциональное отношение друг к другу, определяет их относительную дифференцирующую силу, — другими словами, позволяет представить реальную систему говора с тенденциями ее развития. Не случайно Л. И. Баранникова, интересуясь путями диалектного развития, не смогла пройти мимо статистической обработки диалектных записей и дала удачный образец подобного исследования².

Описание единиц диалектной системы в их иерархии кажется перспективным еще в одном отношении: последовательно и всесторонне проведенное, оно позволит решить вопрос о квалификации многих диалектных явлений, в последние годы так плодотворно зафиксированных в научной литературе. Многие недавние открытия преимущественно касаются именно вторичных диалектных признаков, т. е. свидетельствуют о современном этапе развития говора. Поразительный факт их обнаружения в наши дни объясняется не невнимательностью прежних собирателей, а тем, что современные говоры находятся на ином этапе развития.

¹ *Doroszewski W.* Pour une représentation statistique des isoglosses // BSLP. 1935. XXXVI, 106. 1. P. 28–42.

² *Баранникова Л. И.* Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967.

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ МЯГКОГО ЦОКАНЬЯ¹

<...> Наиболее широкое распространение получило объяснение возникновения цоканья на основе взаимодействия русского языка с другими славянскими и неславянскими языками. Так, в «Очерке древнейшего периода», труде, в котором автор, А. А. Шахматов, подвел некоторые итоги предшествующих изысканий, изложена, например, гипотеза ляхского происхождения цоканья. <...>

Убедительная критика этой гипотезы как со стороны метода ее построения в собственно языковедческом плане, так и со стороны трактовки А. А. Шахматовым фактов истории народа дана Р. И. Аванесовым, который рассматривает при этом и вопрос о так называемом «ляшском» происхождении других черт, характерных уже, собственно, для белорусского языка.

Допущение, сделанное А. А. Шахматовым относительно того, что цоканье — доисторическая черта в развитии русского языка — возникло под влиянием мазурения, имевшего место в языке племен ляхского происхождения, не кажется нам достаточно убедительным еще и потому, что все более и более можно считать установленным позднее время возникновения мазурения, при котором в одних и тех же говорах сочетается замена *ć* на *c*, *š* на *s*, *ž* на *z*.

Некоторые лингвисты, занимавшиеся изучением генезиса мазурения, связывали его с процессами перехода определенных, а именно прусско-литовских, групп к польскому языку. Временем развития мазурения, являющегося результатом процессов этого рода, с известными колебаниями считают XII–XIII вв., а иногда и более позднее время, что вполне совпадает с историческими данными о времени ассимиляции пруссов и ятвягов. <...>

... Таким образом, едва ли представляется возможным объяснять возникновение такой древней доисторической черты, как цоканье, в связи с развитием мазурения, представляющего собой в польских народных говорах позднюю, во всяком случае не доисторическую по времени своего возникновения, черту.

Нельзя, кроме того, не принять во внимание уже приводившиеся <...> данные о том, что шепелявое произношение свистящих согласных отсутствует в подавляющем большинстве цокающих говоров. На тех территориях (как, например, на территории юго-восточных цокающих говоров), где представлено и цоканье, и шепелявое

¹ Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959. С. 118–140.

произношение свистящих согласных (в русском языке наблюдаемое обычно только в соответствии мягким свистящим согласным), оба эти явления имеют глубоко различный характер распространения, что свидетельствует об их различном генезисе. Следует также учитывать, что шепелявое произношение могло развиваться лишь при наличии современных мягких свистящих согласных, что заставляет принимать во внимание сравнительно поздние процессы развития категории твердости–мягкости в восточнославянских языках. Таким образом, цоканье русских народных говоров представляет собой и с генетической точки зрения и с точки зрения системы соответствующих современных отношений иное явление, чем мазурение в польском языке.

Наряду с допущением ляшского происхождения цоканья А. А. Шахматов допускал также и возможность финского происхождения этого явления. <...>

В изложении взглядов А. А. Шахматова по вопросу о западно-финском происхождении цоканья обращают на себя внимание мотивы, приводившие А. А. Шахматова к необходимости иноязычного объяснения генезиса цоканья, тем более, что эти мотивы сформулированы самим А. А. Шахматовым: «Предположение о том, что смешение *č* и *ć* в севернорусских говорах черта заимствованная, представляется мне необходимым потому, что иначе трудно понять это явление. Если бы *č* перешло в *ć* по той или иной физиологической причине, то непонятно было бы, как же могло сохраниться в тех же говорах *č* и даже получить распространение насчет *ć*: если бы *č* и *ć* совпали в одном звуке (скажем, *с* шепелявом), то неясно, каким образом отдельные севернорусские говоры пришли к изменению *ć* шепелявого в *č* и *ć* и к смешанному употреблению этих звуков».

Таким образом, причина, приводившая А. А. Шахматова к выводу о том, что цоканье является чертой заимствованной, заключалась <...> в том, что закономерности и отношения, существующие между разными видами употребления аффрикат в процессе их развития и более поздней трансформации, в частности, в цокающих говорах, оставались для него неясными, а это, в свою очередь, определялось, в конечном счете, уровнем развития русской диалектологии того времени. Выше мы видели, что только обращение к значительным по объему систематически собранным диалектным данным, картографирование и сравнительно-историческое изучение соответствующих материалов позволяют понять и оценить, с точки зрения соответствующих тенденций развития, смысл и внутреннее значение сосуществования по говорам цоканья и чоканья, взаимной мены аффрикат и других случаев их употребления. Именно в связи с этим не только в работах А. А. Шахматова, но и в работах других ученых наблюдалась уже упоминавшаяся выше <...> тенденция — все виды и случаи современного употребления аффрикат возводить к доистории.

Огромная работа по изучению и обобщению диалектных данных, которая была проведена членами Московской диалектологической комиссии при подготовке «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе», в отношении употребления аффрикат не привела в полной мере к выяснению соотношений, существующих между типами и видами употребления аффрикат в хронологическом плане. В большей степени результат обобщения диалектных данных, собранных в дореволюционный период, отразился во «Введении» Н. Н. Дурново.

Здесь мы впервые находим, хотя в ряде случаев еще недостаточно развернутые, указания, общий смысл которых сводится к тому, что различные случаи диалектного употребления аффрикат следует по-разному оценивать с исторической точки зрения. Так, например, Н. Н. Дурново указывает, что говоры, в которых представлено одновременно употребление *ц* вм. *ч* и *ч* вм. *ц*, все же «восходят к говорам, в которых *č* и *ć* совпали». Указаны в данной работе и такие особенности употребления аффрикат, которые должны быть признаны реликтами цоканья: произношение *ц* в причастиях, различение твердых *ч* и *ц* в северновеликорусских говорах.

Все эти и подобные им указания особенно важны в связи с тем, что они знаменуют собою отход Н. Н. Дурново от наметившейся в работах А. А. Шахматова тенденции проецировать в доисторию все современное многообразие употребления аффрикат. Эти указания важны также и потому, что направляют внимание исследователя на изучение истории употребления аффрикат в различных говорах русского языка с последующим сравнением полученных данных, так как только в результате такого изучения может сложиться полная и развернутая оценка разных фактов современного употребления аффрикат с исторической точки зрения.

Неслучайным, по-видимому, является и то обстоятельство, что иноязычное объяснение происхождения цоканья не привлекает внимания Н. Н. Дурново. Считая мазурение древним по происхождению, Н. Н. Дурново, тем не менее, скептически относится к ляшской теории происхождения цоканья. «...Мы не располагаем данными, — пишет он, — чтобы решить, является ли совпадение *с* и *č* в с.-в.-р. и совпадение свистящих и шипящих в мазуракающих говорах польского языка результатом их общей жизни в доисторическую эпоху или возникли в них независимо в одном от другого, потому что эти явления произошли до появления древнейших письменных памятников сев.-русских и польских, а других старых черт, сближающих с.-в.-р. наречие только с вост.-польскими говорами, мы не знаем».

Укреплению той точки зрения, что цоканье в русских народных говорах является иноязычным по происхождению, немало способствовала появившаяся в свет в 1931 г. работа А. М. Селищева «Соканье и шоканье в славянских языках».

В этой работе А. М. Селищев объединил под общим названием «соканье и шоканье» и факты замены свистящих шипящими в славянских языках (шоканье), и факты обратной замены шипящих свистящими (соканье); что же касается «мены» аффрикат *ц* и *ч* (т. е. факторов цоканья), то эта мена, как об этом свидетельствует представленная в работе классификация материала, также расценивается, с точки зрения автора работы, как соканье (в том случае, когда *ч* заменяется аффрикатой *ц*), либо как шоканье (когда *ц* заменяется на *ч*), или представляет случай смешанного употребления шипящих и свистящих. Подобное рассмотрение всех данных явлений в одном плане тем более вызывает недоумение, что в той же работе А. М. Селищев показал различный генезис этих явлений в разных славянских языках.

В качестве самостоятельной разновидности цоканья, характерной для отдельных славянских языков или их говоров, А. М. Селищев выделяет совпадение *с* и *щ* в *с*, по распространению которого он как бы объединяет нижнелужицкую и восточнолужицкую языковую группу с северо-восточными говорами белорусского языка. Равное и самостоятельное значение придается им и совпадению *с* и *щ* в *с* (чоканью), распространение которого он считает характерным для других северно- и среднерусских говоров (выше было показано, что чоканье в качестве самостоятельного вида употребления аффрикат не типично для каких бы то ни было северновеликорусских говоров, тем более для их отдельных групп). Выделяется в самостоятельную рубрику и соотносится с определенными группами говоров и так называемое «смешанное употребление *с* и *щ*» <...>.

Таким образом, для А. М. Селищева, как и для А. А. Шахматова, любые случаи совпадения *ц* и *ч* в одном звуке (т. е. цоканье твердое или мягкое, чоканье или взаимная мена аффрикат), очевидно, имеют равноценное значение не только для характеристики современного состояния тех или иных групп, но и с исторической точки зрения.

<...>

Влияние на русский язык различных финских языковых групп (значительно отличавшихся друг от друга по характеру своего строя в тот период, когда финны вступают во взаимодействия со славянами) представляется А. М. Селищеву единым на всей территории ныне цокающих говоров. По его мнению, это влияние всюду приводило к возникновению соканья и шоканья (т. е. в том числе и цоканья); «сдвиги в рядах свистящих и шипящих» он связывает как с воздействием западных финнов, так и финнов, живших в бассейне Волги и Оки. Таким образом, можно считать, что уже в работах А. М. Селищева, сторонника иноязычного происхождения цоканья, представлен такой вариант гипотезы об иноязычном происхождении явления, при котором делается допущение, что цоканье, несмотря на внутреннее единство его разновидностей на различных территориях, возникло разными путями, под влиянием различных финских языков.

По мере обогащения русской диалектологии сведениями о все новых и новых говорах русского языка и по мере уточнения данных о характере территориального распространения некоторых языковых явлений, в том числе и цоканья, снова поднимается вопрос и о происхождении этого последнего. Выявление значительного количества цокающих говоров на юго-востоке Европейской части СССР, о реальном распространении которых раньше не было достаточно определенных данных, создавало, пожалуй, наиболее серьезный повод для того, чтобы снова задуматься над отношением различных цокающих говоров русского языка друг к другу с генетической точки зрения.

Обращало на себя внимание то обстоятельство, что в территориальном отношении юго-восточные цокающие говоры были оторваны от цокающих говоров северо-востока, поскольку между ними находилась полоса говоров с различием *ч'* и *ц*. Выявилось, что на юго-востоке эти говоры имеют компактную территорию своего распространения в пределах южной части Владимирско-Поволжской группы северновеликорусского наречия и примыкающих к ней средневеликорусских говоров, для которых цоканье раньше считалось нехарактерным.

Кроме того, и сами встречающиеся здесь разновидности цоканья, нередко отличающиеся и по типу фонетических отношений и по самому характеру звучания аффрикат от северо-восточных разновидностей цоканья, казалось, свидетельствовали о том, что цоканье здесь по своему происхождению явление особое, не связанное с цоканьем северо-восточного типа.

Этот новый этап в изучении данных об употреблении аффрикат в русском языке получил известное отражение в работах Р. И. Аванесова, продолжающего в основном в освещении данного вопроса традицию иноязычного объяснения происхождения цоканья, идущую от А. А. Шахматова и А. М. Селищева, с характерным для последнего допущением того, что цоканье возникало в пределах русского языка на разных территориях в разное время в результате взаимодействия с различными (западными и восточными) финскими языковыми группами.

<...> Р. И. Аванесов допускает роль финского субстрата в возникновении цоканья еще в племенных диалектах восточных славян эпохи, непосредственно предшествующей историческому периоду. Он указывает: «С своей стороны словене и значительная часть кривичей пережили важное новообразование: звуки *ч* и *ц* у них совпали в одном звуке (мягкой свистящей, возможно, шепелявой аффрикате), т. е. появилось цоканье. Этот процесс совершился в связи со смешением с иноязычным финским элементом, но имел определенные основания в самой фонетической системе».

В данном высказывании речь идет, таким образом, о возникновении цоканья на протяжении доисторического периода, когда могло

иметь место лишь взаимодействие северной и северо-западной групп восточнославянских племен (словен и кривичей) с определенными, а именно западными, финскими языковыми группами соответствующего периода.

Важно подчеркнуть, что в данной работе, как и во всех последующих, Р. И. Аванесов считает, что первоначально возникавшим видом цоканья всегда было мягкое цоканье. Этим точка зрения Р. И. Аванесова выгодно отличается от точки зрения А. А. Шахматова и А. М. Селищева, не делавших различия в историческом отношении между существующими современными разновидностями цоканья.

Но, с другой стороны, в той же работе, а также и в некоторых более поздних работах, связанных с анализом изоглосс подготавливаемых атласов, Р. И. Аванесов высказывает предположение, что цоканье могло возникать и вне связи с теми процессами совпадения аффрикат, которые были пережиты древними восточнославянскими племенными диалектами.

Так, он считает, например, что цоканье на юго-восточных территориях, в центре которых находится так называемая рязанская мещера, может и не иметь ничего общего по своему происхождению с цоканьем в псковских говорах. В псковских говорах цоканье — результат смешения с племенами балтийских финнов; в юго-восточных говорах его происхождение определяется, по мнению автора, специфически рязанской, мещерской, подосновой.

В одной из своих последних статей, посвященных анализу изоглосс «Атласа центральных областей к востоку от Москвы», на территории которого полностью находится юго-восточная группа цоканящих говоров, Р. И. Аванесов, отмечая, что западная граница цоканья близко подходит здесь к границе иноязычных (финских) племен с древними восточнославянскими племенами, пишет: «Указанные географические данные подтверждают мнение о том, что цоканье не может считаться специфической особенностью того или иного племенного восточнославянского диалекта, что оно образовалась на путях скрещиванья с русским языком иноязычных финских племен, однако по внутренним законам русского языка. Можно считать установленным, кроме того, что цоканье на территории его сплошного распространения (в пределах картографируемой территории) образовалось на месте, а не занесено с севера, так как примыкающие к территории цоканья северные районы как раз обычно лишены цоканья»¹.

Отсутствие специальных исследований, посвященных изучению диалектных данных об употреблении аффрикат, вело, очевидно, к тому, что основные положения гипотезы, согласно которой цока-

¹ Аванесов Р. И. Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей // Известия Академии наук СССР, Отд. литературы и языка. 1952. Т. XI. Вып. 2. С. 169–170.

ные возникало в разное время на разных территориях в результате взаимодействия русского языка с различными неславянскими (финскими) языками, были сформулированы лишь в виде общих предположений и утверждений, оставлявших неясным ряд вопросов.

<...>

В вопросе о происхождении цоканья нам кажется более вероятным I предположение о возникновении цоканья в результате изменения звуков, носящего спонтанный характер, связанного с изменением их качества. Подобная точка зрения и оценка процессов совпадения аффрикат не была чужда также и сторонникам иноязычного происхождения цоканья. Так, А. А. Шахматов <...> считает допустимым переход *ч* в *ц* по физиологическим причинам, хотя и испытывает при этом затруднение в объяснении большого количества разновидностей цоканья, которые он признавал одинаково древними.

Мы видели также, что Н. Н. Дурново, глубоко обобщивший данные современной ему диалектологии, не обращался к гипотезе об иноязычном происхождении цоканья.

Роль моментов физиологического характера в возникновении цоканья подчеркивает обычно и Р. И. Аванесов <...>, указывая, однако, при этом, что действие законов этого рода приводило к возникновению цоканья лишь при определенной поддержке со стороны процессов межъязыкового взаимодействия.

Поднимая вопрос о том, почему взаимодействие славянских и финских языков приводило именно к возникновению цоканья и не затрагивало других сторон системы языка, Р. И. Аванесов считает, что «ответ на это может дать функциональное изучение, учет того места, которое занимают *ч* и *ц* в фонетической системе славянских диалектов давнего времени, и ее дальнейшей эволюции». Указывая далее, что аффрикаты *ч* и *ц* исторически являющиеся комбинаторными вариантами фонемы *к*, исконно были недостаточно противопоставлены друг другу и не употреблялись в тождественных фонетико-морфологических условиях, Р. И. Аванесов подчеркивает, что «различение *ч* и *ц* было лишено, таким образом, семасиологической нагрузки... Поэтому социальная ценность их различения была незначительна». Данные обстоятельства делали *ч* и *ц*, по мнению Р. И. Аванесова, «слабым звеном в фонетической системе славянских языков» и содействовали совпадению этих звуков при смешении русского языка с языком (диалектом), знавшим одну аффрикату.

Действие собственно физиологических моментов Р. И. Аванесов учитывает лишь на втором плане: «К этому следует добавить, что по своим физиолого-акустическим свойствам *ч* и *ц*, при мягкости последней, были весьма близки: они отличались, видимо, лишь местом взрыва — приподнятого кончика языка с альвеолами (при *ч*) или передней части языка (при опущенном кончике) с верхними зубами (при *ц*)».

<...>

...Цоканье выступает перед нами как результат замены ч' на ц' при наличии высокой степени палатализации обоих этих звуков в любом положении в слове, независимо от занимаемого фонетического положения или принадлежности к определенным морфемам. Замена эта имела место не во всех говорах русского языка; к этой замене могла привести та артикуляционная близость ч' и ц', роль которой при возникновении цоканья уже подчеркивали исследователи.

А. И. Сологуб

ЯВЛЕНИЯ ИЗ ОБЛАСТИ ВОКАЛИЗМА¹

§ 1. Изменение гласного /а/ после мягких согласных в /е/ в положении перед последующими мягкими согласными

Гласный *a*, находящийся в указанном положении, в части говоров русского языка чередуется с /e/: ср. /n'am'ый — /net'/, в/з'am'ый — в/зет'/ и под.

Данное явление в качестве собственно фонетического, не ограниченного факторами лексического или морфологического характера представлено двумя ареалами, условно назовем их северо-восточный² и рязанский. Наряду с этим во многих говорах отмечают чередование *a* с *e* в отдельных, повторяющихся из говора в говор на изучаемой территории, словах, каждое из которых имеет при этом достаточную определенность своего распространения, таких как *опять*, *племянник*. По говорам известны также факты чередования *a* с *e* в единичных словах, не повторяющихся из говора в говор, распространение каждого из которых не имеет достаточной определенности. Данное явление может быть отмечено по говорам лишь в основах инфинитивов глаголов II спряжения типа *кричать* и (реже) типа *дышать*: *крич'й/ть*, *дыш'й/ть* и т. п.

Возможность регулярного фонетического чередования *a* с *e* в говорах с различием гласных отмечают как под ударением, так и в пер-

¹ Сологуб А. И. Явления из области вокализма // Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970. С. 17–29.

² О данном явлении в говорах северо-востока см.: Преображенская М. Н. Чередование *a/e* как фонетическое явление в вологодских говорах // ИАН. 1965. Т. XXIV. Вып. 4. С. 321–328.

вом предударном слоге, а в говорах с неразличением только под ударением. При этом оно может выступать: а) в корнях слов: *з/р'аз/ный* — *з/р'ис'/ /п'ат/ый* — */нет'/* и т. д.; б) в личных формах и в формах, образованных от основы прош. времени глаголов с инфинитивом на *-ать*: ср. *зу/л'ал/*, но: *зу/л'йт'/*, *зу/л'л'и/*, *зу/л'л'й/у* и т. д.; в) в окончаниях определенных форм мн. числа существительных с мягкой основой: ср. *д/н'ам/*, *гвоз/д'ам/*, но *д/н'йм/и/*, *гвоз/д'йм/и* и т. д.; г) в форме 3 лица мн. числа глаголов II спряжения при наличии окончания *т'* в данной форме: *они су/д'йт'/*, *гово/р'йт'/*, ср. *они су/д'ат/*, *гово/р'ат/* при окончании *т*. Именно в таком кругу случаев данное чередование как фонетическое явление и отмечают в пределах северо-восточного и рязанского ареалов с указанными отличиями, обусловленными общим характером системы этих говоров. На северо-востоке, в основном на территории Вологодской группы говоров, явление широко известно как под ударением, так и в первом предударном слоге безразлично к лексике, в которой оно реализуется. При этом следует отметить, что ареал чередования *а* с *е* в первом предударном слоге несколько шире, чем ареал того же явления под ударением. Это объясняется возможностью распространения произношения */e/* в соответствии */a/* в первом предударном слоге вне прямого отношения к рассматриваемому фонетическому чередованию.

Из числа указанных выше морфем, в которых выступает данное чередование, в говорах северо-востока оно может отсутствовать в форме тв. п. мн. ч., если она совпадает с дат. п. мн. ч. Тем самым чередование */a/* с */e/* в этой форме выступает только в той части говоров северо-востока, в которой распространены формы тв. п. мн. ч. с окончанием *-ами*: *гвоз/д'йм/и/*, *ко/н'йм/и/*, *по/л'йм/и* и т. п. В говорах северо-восточной территории весьма последовательно распространены и те случаи, которые на других территориях выступают как лексикализованные или морфологизованные: инфинитивы типа *кру/ч'йт'/*, произношение слова *оп'ять* с гласным *е* в корне — *о/п'йт'/*; реже отмечают в этих говорах слово *племянник* с гласным *е* — *плем'енн/ик* <...>. В качестве буквально единичных отмечены в говорах этой территории случаи с гласным *и* в соответствии *а*: *о/п'ит'/*, */с'ьд'ет* (= сядет) <...>. Поскольку на той же территории отмечено произношение */u/* в соответствии *ь* и *е* в положении перед мягкими согласными, в этих случаях можно видеть распространение возможности произношения */u/* в соответствии гласному *е* любого происхождения.

<...>

На территории говоров северо-востока фонетическое чередование *а* с *е* сочетается с таким явлением, как наличие суффикса, производимого как */ae/*, в формах сравнительной степени — *мен/л'ай/е*, *бел/л'ай/е* и т. п., т. е. с явлением, которое внешне прямо противоположно указанному чередованию.

<...>

Возможно, что известную связь с фонетическим чередованием *a* с *e* имеют те распространенные в рассеянных по территории говорах случаи произношения *e* вм. *a*, которые отмечены в отдельных словах, но не являются лексикализованными в собственном смысле слова, хотя подобные слова иногда и повторяются из говора в говор, но каждое из них не занимает в своем распространении определенной территории.

<...>

Как уже указывалось, произношение */e/* в соответствии */a/* может наблюдаться и в собственно лексикализованных случаях, в словах *опять* и *племянник*, а также в случаях морфологизованных — в инфинитивах глаголов II спряжения с основой на согласный *ч* или на твердые шипящие согласные.

<...>

Наличие гласного */e/* в глаголах типа *кричѣть*, *стучѣть*, известных также и в северной части говоров белорусского языка, должно, видимо, получить разное объяснение в говорах разных территорий.

В пределах северо-восточного ареала употребление и распространение этих форм совпадает с фонетическим чередованием */a/* с */e/*, находясь с ним в полном соответствии: *крич'а/л*, *крич'а/ла*, но *кричѣт'/*, *кричѣл'/и*.

Наличие форм типа *кричѣть*, *стучѣть* на остальных территориях, на которых фонетическое чередование */a/* с */e/* отсутствует, определяется, видимо, причинами аналогического характера, на что указывает и возможность употребления в них форм типа *кричѣл*, *стучѣл* и форм типа *дышѣть*, *держѣть*, хотя и отмечаемых sporadически в единичных говорах.

Внутреннее единство данного явления в говорах двух оторванных друг от друга территорий, северо-восточной и рязанской, а также возможность произношения */e/* в соответствии */a/* в различных единичных словах, отмечаемая в говорах, разбросанных по широкой территории, могут, видимо, свидетельствовать о наличии в прошлом во многих говорах русского языка тенденции к усиленному продвижению *a* в более переднее и верхнее положение перед мягкими согласными. При этом, может быть, становится допустимым предположение о том, что такая тенденция была особенно присуща новгородскому говору (или также и соседнему с ним смоленскому). На основании такого предположения стало бы понятным наиболее последовательное развитие изучаемого явления в говорах северо-востока, продолжающих и в других отношениях развитие характерных особенностей древнего новгородского говора. Данные лингвистической географии подтверждают мнение П. С. Кузнецова, включающего данное явление в число процессов, следовавших за падением редуцированных гласных: «Такое изменение (речь идет

об изменении $a > e$. — *А. С.*) также, возможно, представляет собой последствие падения редуцированных, или, во всяком случае, падение редуцированных подготовило для него почву. Смещение гласного *a* вперед и вверх в особенности легко и далеко осуществляется в закрытом слоге, когда на гласный воздействуют с двух сторон мягкие согласные, принадлежащие к тому же слогу, что и гласный... Закрытые же слоги устанавливаются, как известно, лишь в результате падения редуцированных»¹. <...>

Оформление данного фонетического явления в говорах северо-востока, где оно известно как одно из наиболее характерных явлений ударенного и предударного вокализма, могло протекать и на протяжении XIV–XV вв.; его развитию на данной территории сопутствовало развитие (или стабилизация) и других черт новгородско-смоленского происхождения, как, например, мягкого цоканья, губно-губного *w*; чередования /л/ с /w/ и др.

С представлением о том, что в говорах северо-востока чередование /а/ с /е/ устанавливалось в достаточно давнее время, согласуется и возможность распространения в этих говорах /е/ по аналогии также и перед твердыми согласными, свидетельствующая о том, что данное явление не представляет собой живого фонетического процесса. Этим объясняется и распространение здесь форм сравнительной степени типа *ско/р'а́й/е*, *бе/л'а́й/е* и под., становившихся продуктивными, по мнению С. В. Бромлей², в XVII–XVIII вв.

Аналогичным, видимо, было и развитие говоров в междуречье Оки — Клязьмы на территории Рязанской Мещеры, население которой долгое время было обособленным от других территорий. Наряду с чередованием /а/ > /е/ эти говоры знают и мягкое цоканье и губно-губное /w/. Наличие в них этих черт уже связывали с распространением здесь населения с более западных территорий, в частности, из пределов Смоленского княжества³, что могло иметь место лишь в достаточно раннее время, а именно до образования Литовского государства.

Торможение развития изучаемой черты в смоленских говорах могло иметь место уже после их включения в Литовское государство, а на центральных территориях новгородских говоров в процессе общей нивелировки местных черт под московским влиянием. В результате этих процессов следы явления сохраняются только в отдельных словах и разрозненных говорах.

¹ Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963. С. 134.

² Бромлей С. В. История образования форм сравнительной степени в русском языке XI–XVIII вв.: канд. дис. М., 1954. С. 424–430.

³ Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959. С. 112–117.

Ф. П. Филин

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ АКАНЬЯ¹

Среди множества диалектных различий произношение неударяемых гласных в фонетике восточнославянских языков занимает особое место. Как известно, среднерусские и южнорусские говоры, а также и белорусский язык, значительно отличаются от других славянских диалектов (в том числе севернорусского наречия и украинского языка) в произношении неударяемых **о** и **е**. Звуки **о** и **е** неударяемые нередко произносятся, как **а** и **'а**. Явление это в специальной литературе носит название аканье (яканье). <...>

Аканье и другие явления в произношении неударяемых гласных представлены в различных говорах неодинаково. А. А. Шахматов, Н. Н. Дурново, А. М. Селищев и некоторые другие исследователи поставили вопрос о классификации типов аканья в специальных монографиях и статьях. Прежде всего было обращено внимание на произношение звуков в первом предударном слоге. Произношение звука **а** в первом предударном слоге, соответствующего **о** в неакающих говорах, распадается на две группы случаев: 1) звук **а**, соответствующий **о**, употребляется постоянно вне зависимости от каких-либо фонетических условий; 2) употребление звука **а** зависит от характера ударяемого гласного. Произношение **'а**, соответствующего **е**, более разнообразно: здесь наблюдаются три группы случаев: 1) **'а** произносится постоянно, независимо от каких-либо фонетических условий; 2) **'а** произносится в зависимости от ударяемого гласного; и 3) **'а** произносится в зависимости от твердости или мягкости последующего согласного.

Можно наметить следующие типы аканья и яканья: 1) аканье и яканье полное: **вада́**, **каро́ва**, в **вад'е́**, **с'ало́**, два **с'ала́**, на **с'але́** и т. п.; 2) аканье и яканье диссимилятивное, которое в свою очередь разбивается на ряд подтипов (в восточнобелорусских говорах **а** и **'а** произносятся обычно в тех случаях, если под ударением стоит не **а**, а какой-либо другой звук; в противном же случае в первом предударном слоге будет **ы** (**ь**) или **и** (**ь**): **вадо́й**, к **ваде́**, **траво́й**, к **траве́** и т. п., но **выда́** (**вьда**), **трыва́** (**трыва**)); Л. Л. Васильев в обоянском говоре установил яканье, которое зависит от старой открытости или закрытости ударяемого звука²; существуют и другие подтипы дис-

¹ Филин Ф. П. К вопросу о происхождении аканья // Диалектологический сборник. П. Вологда, 1941. С. 147–167.

² Васильев Л. Л. Гласные в слоге под ударением в момент возникновения аканья в обоянском говоре // Известия ОРЯС. 1904.

симилятивного яканья¹; 3) аканье и яканье ассимилятивное: звук **а** (**'а**) произносится лишь в том случае, если под ударением **а**, иначе же в первом предударном слоге будет **ы** (**ь**) или **и** (**ь**): **вада́**, два **с'ала́**, но **выд'ой**, на **с'ил'е́**; 4) умеренное яканье: **'а** произносится, если последующий согласный твердый: **с'ал'о́**, **н'асу́**, **в'ала́** и т. п.; если же последующий согласный мягкий, то произносится **и**: **нис'и́**, **вид'и́**, к **вис'н'е́** и т. д. Когда мы говорим о типах аканья и яканья, то нужно иметь в виду, что обычно эти типы представляются в языке непоследовательно. В любом говоре имеется немало исключений из общего правила. Особенно «несистематичны» типы диссимилятивные. Помимо того, что диссимилятивные аканье и яканье в своем распространении очень часто не совпадают друг с другом, помимо того, что большинство диссимилятивных типов относится не к аканью, а к яканью (после твердых согласных в говорах, где встречаются эти типы, обычно полное аканье), даже в архаичной речи, где мы ожидаем большей последовательности в употреблении диалектных черт, диссимиляция часто перебивается другими принципами произношения гласных в первом предударном слоге. Этот факт мы отмечаем здесь особо, поскольку он будет для нас важен при рассмотрении гипотез о происхождении аканья. <...>

Несколько слов о территориальном распространении отмеченных выше типов аканья и яканья (этот вопрос при постановке проблемы происхождения аканья имеет очень большое значение). Более или менее четких границ распространения различных типов аканья и яканья не существует: интенсивные передвижения населения в среднерусских и южнорусских областях, а также и в районах Белоруссии, имевшие место в прошлом, привели к весьма сложным диалектным смешениям. <...>

<...> Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют наметить районы преимущественного распространения типов аканья и яканья. Полное аканье имеет наиболее широкое распространение: оно наличествует в белорусском литературном языке и значительной части говоров (северо-западные, западные, центральные говоры, отчасти восточные и южные), в русском литературном языке, в подавляющем большинстве среднерусских и южнорусских диалектов. Диссимилятивное аканье и яканье встречается в восточнобелорусских и некоторых окраинных южнорусских говорах. Ассимилятивное аканье отмечено как сравнительно редкое явление в центральных среднерусских говорах (Калининская и Московская области). Что касается собственно типов яканья, то географическое распределение их приблизительно таково: полное яканье, т. е. произношение **'а** в первом предударном слоге вне зависимости от каких-либо фонетических условий (**в'асна**, **в'асне́**), довольно

¹ Об этом см. статью: *Селищев А. М.* Заметки по великорусской диалектологии // *Slavia*. 1927. Rocnik. VI. Seš. 2–3.

обычно в группе так называемых южнорязанских говоров, а ост-ровками встречается в южном наречии повсюду, затем в западной части белорусского языка и в псковской группе говоров. Отметим, что территория распространения полного яканья разрывается на две части: восточную (южнорязанскую) и западную (белорусско-псковскую).

Умеренное яканье чаще всего наблюдается в центральной группе говоров южного наречия (Тульская область, часть Орловской и некоторые другие районы).

Произношение **о** и **е** в других неударяемых слогах представляется иным, чем в первом предударном слоге: во втором предударном слоге (если он не начинается с гласного) в акающих говорах имеются три варианта, соответствующих звуку **о** в окающих диалектах: в одних говорах чаще употребляется **а** (**галава́, палучи́л**), в других **ы** или редуцированный гласный (**гылава́, пылучи́л, гылава́, пьлучи́л**). Три варианта имеются и в произношении **е**: **а, и, ь: с'ам'ана́, с'им'ана́, с'ьм'ана́**. Все три отмеченных варианта обычно не зависят от каких-либо фонетических условий. В заударных слогах также появляются то **а** или **'а**, то **ы (ь)** или **и (ь)**. Географическое распространение типов произношения гласных в неударяемых слогах (кроме первого предударного) совершенно не изучено. Впрочем, можно отметить, что произношение **а** чаще наблюдается в восточной части южного наречия, а **ы** — в западной ее части. Редуцированные гласные шире всего распространены в центральной группе среднерусских говоров и в литературном произношении. Таково фактическое положение дел.

О происхождении аканья было высказано немало гипотез. Все эти гипотезы, авторы которых стоят на позициях «праязыковых реконструкций», имеют один общий исходный пункт: современные аканье и оканье в восточнославянских языках развились из более древнего, ранее единообразного оканья. Насколько удовлетворительно доказывается и конкретизируется это общее положение, мы увидим ниже.

В специальной литературе наиболее широкое распространение получили три группы гипотез.

Представители первой из них, основываясь на общем предположении, что современные диалектные особенности развились путем дробления «праязыка», опираются исключительно на данные письменности (аканье в письменных памятниках находит свое отражение только с XIV столетия), представители второй связывают происхождение аканья с редуцией неударяемых гласных и усилением ударения, наконец представители третьей (лингвисты, примыкающие к фонологическому направлению) считают аканье продуктом смены фонологического противопоставления «музыкальное ударение — неударяемость» новым противопоставлением «экспираторное ударение — неударяемость».

На первой гипотезе подробно останавливаться нет никакой необходимости, поскольку представители ее оперируют лишь простым констатированием фактов, односторонне истолкованных, и не дают собственно лингвистического анализа.

Е. Ф. Будде, который придерживался первой отмеченной выше гипотезы, в одной из своих работ писал следующее: «Оканье по памятникам русской письменности несравненно древнее аканья, т. е. произношение неударяемого звука **о** согласно с правописанием является существенно возможным для древнерусского человека до конца XIII, начала XIV столетия, что видно из полного отсутствия в памятниках письменности какого бы то ни было указания на расширение в произношении неударяемого **а** (иначе бы оно отразилось в правописании)»¹.

Таким образом, по Будде, аканье возникает только в первой половине XIV столетия.

<...> При внимательном рассмотрении географического распространения дошедших до нас письменных памятников XI–XIII ст. становится ясно, что данные древнерусской письменности не могут свидетельствовать о позднем происхождении аканья. Все дошедшие до нас древнерусские памятники XI–XIII ст. написаны на территории акающих говоров (среднерусских и южных). От старой письменности, существовавшей на территории теперешнего южнорусского (акающего) наречия, к сожалению, ничего не сохранилось. Правда, известно несколько памятников, написанных в XIII ст. в пределах современных акающих диалектов. Это — Рязанская Кормчая 1284 года и западнорусские грамоты XIII–XIV ст.

Однако Рязанская Кормчая 1284 года является копией с киевского оригинала, написанной в Рязани киевлянином, следовательно, в этом памятнике мы не имеем права отыскивать отражение аканья. Что касается западнорусских грамот, то они были написаны в земле потомков кривичей (говоривших на окающем диалекте), юго-западная часть которых лишь в сравнительно позднюю эпоху вошла в тесный союз с западной частью среднерусского населения, следовательно, и в этих грамотах аканье никак не могло найти своего отражения.

Кроме того, нельзя не учитывать и социальную окраску древнерусского литературного произношения. Окающее киевское произношение получило общерусский характер и прочно установилось в языке грамотных людей того времени, поддерживаемое особым церковнославянским произношением. Естественно, что иное произношение считалось нелитературным, как бы «низким». Перемена произошла лишь в Москве. Население Москвы как нового общерусского центра сложилось на базе соединения северян с южанами.

¹ Будде Е. Ф. Главнейшие черты народного русского говора в Казанской губернии // Русский филол. вестн. 1894. № 5.

В язык Москвы мощным потоком влились южнорусские диалекты, а вместе с ними и аканье. Однако, как уже отмечалось некоторыми лингвистами, аканье долго не уступало своего места. Среди московских книжников XIV ст. акали преимущественно южане, вышедшие из трудового населения. Представители южнорусского духовенства, придерживавшиеся традиции, так же окали, как обычно окали еще сравнительно недавно служители культа, выходцы из районов с чисто акающими говорами.

Кроме вышесказанного, важно учесть также неоспоримые выводы А. А. Шахматова, который, основываясь на сравнении белорусских и южнорусских говоров, пришел к заключению, что аканье относится к числу диалектных явлений, существовавших задолго до XIV столетия.

Представители второй и третьей гипотез о происхождении аканья, базируясь на теории эволюционного развития фонетической системы восточнославянских языков, проектируют весьма сложные схемы изменения неударяемых гласных, подкрепляя их сравнительным фонетическим анализом.

Автором второй гипотезы, связывающей происхождение аканья с редукцией неударяемых гласных, является А. А. Шахматов. А. А. Шахматов неоднократно видоизменял свои взгляды на происхождение и развитие аканья, но основа «редукционной» гипотезы сохраняется во всех его исследованиях, касающихся рассматриваемого здесь фонетического явления. Известно, что А. А. Шахматов делил древнерусские диалекты на три основные группы: севернорусскую, восточнорусскую или среднерусскую (предок теперешних южнорусских и белорусских говоров) и южнорусскую (из которой развились современные украинские говоры).

В своем «Исследовании в области русской фонетики»¹ А. А. Шахматов представляет себе происхождение аканья в виде следующей гипотезы.

В общерусском «п्राязыке» существовало музыкально-экспираторное ударение, которое позже сменяется ударением экспираторным. Усиление ударения повлекло за собою ослабление «экспираторного веса» гласных неударяемых слогов, за исключением гласных первого предударного слога, которые, наоборот, получили некоторое усиление. В общерусском «п्राязыке» **о** и **е** в первом предударном слоге были звуками, склонными к **а** (**о^а**, **е^а**). При смене музыкально-экспираторного ударения экспираторным и усилении гласных первого предударного слога, **о** и **е**, склонные к **а**, изменились в среднерусских говорах в **а** (усилению подверглась, по Шахматову, та часть звука **о** или **е**, «которая была ближе всего к ударению»)².

¹ Шахматов А. А. Исследование в области русской фонетики. Варшава, 1893.

² Там же. С. 256.

Что касается говоров севернорусских, то в них имело место явление обратного порядка: **о** и **е**, склонные к **а**, по большей части утратили свой открытый характер и изменились в звуки закрытые. Так произошло современное оканье. Что касается звуков **о** и **е** открытых в других неударяемых слогах, то в результате их частичной редукции они совпадают с звуком **а**. В качестве доказательства существования **о** и **е**, склонных к **а**, и в древних северных говорах, входивших в состав общерусского «п्राязыка», А. А. Шахматов приводит следующие факты: 1) наличие в некоторых современных олонцевских говорах, входящих в состав северного наречия, **о** и **е**, склонных к **а**; 2) употребление в отдельных северных говорах форм типа **плѣтишь** (**плѣтишь**), **посѣдит** (**посѣдит**) и т. п. Однако оба эти явления не могут подкрепить предположение Шахматова: происхождение олонцевских говоров до сих пор остается неясным, и их принадлежность к древней группе нужно еще доказать; что же касается форм типа **плѣтишь**, то они возникли не фонетическим путем, а в результате аналогии.

В другой, более поздней своей работе «Русское и словенское аканье»¹ А. А. Шахматов усматривает в прежних своих гипотезах целый ряд слабых мест и выдвигает новую гипотезу. «Приписав изменение неударяемых гласных экспираторности ударения, можно ли думать, что в среднерусском его сила была значительнее, чем в других областях речи, и что именно особенное усиление ударяемого слога повлияло на особенное, неизвестное в других наречиях, ослабление слогов неударяемых? Раньше я отвечал на эти вопросы утвердительно, но теперь вижу, что не имею для этого достаточных оснований»². Во-первых, в северном наречии и украинском языке ударение не слабее среднерусского. Во-вторых, остается совершенно неясным, почему редукция с предполагаемым последующим изменением не коснулась гласных **и**, **у**, **ы**. В-третьих, редукция распространилась на гласный **а**, но лишь только в известных случаях. Но, критикуя старую гипотезу о происхождении аканья из оканья через редукцию неударяемых гласных, Шахматов вовсе не отказывается от попыток объяснить возникновение аканья чисто фонетическим путем. В указанном выше исследовании он предлагает новую гипотезу, в конечном счете основывающуюся все на том же усилении ударения. «Не подлежит сомнению, — пишет Шахматов, — что эти изменения (появление аканья и редуцированных гласных. — *Ф. Ф.*) находятся в зависимости от ударения»³. В «общерусскую эпоху» произошли усиление ударения и ослабление неударяемых гласных. У среднеруссов ослабление неударяемых гласных было

¹ Шахматов А. А. Русское и словенское аканье // Русский филол. вестн. 1902. Т. XVIII.

² Там же. С. 35.

³ Там же. С. 34.

неодинаковым по отношению ко всем звукам. В среднерусских говорах существовали закрытые и открытые гласные. После ослабления неударяемых слогов границы между открытыми и закрытыми гласными начинают стираться. На первый план выступают процессы ассимиляции. Закрытые **и, у, ѣ, ъ, ь, а** в некоторых положениях и **о, е** получили перевес над открытыми **а, о** (в конечном открытом слоге и перед слогом с **а**) и **е** (в том же положении, что и **о**). «Под влиянием этого в среднерусских говорах появилось стремление произносить неударяемые гласные одинаковым образом, а именно закрыто, вследствие перевеса закрытых гласных над открытыми»¹. Но звук **а** не мог стать закрытым, так как это противоречило бы его природе (на русской почве). Звуки **о** и **е** в указанных положениях также не могли изменяться в закрытые в связи с их зависимостью от характера последующего согласного и положения в конечном открытом слоге. Однако **а, о, е** открытыми оставаться не могли, поэтому в языке создаются компромиссные формы: **а, о, е** редуцируются и совпадают в одном глухом звуке, в котором уже не отмечались открытые и закрытые оттенки. «Так явились в общесреднерусскую эпоху: **трава́, свату́ю, прѣдали, тѣста** (род. ед.), **старика́, вода́, весна́, слова́** (им. ед.), **река́, реко́ю, гнездú, ви́дел** и т. д.»². Из этих редуцированных гласных впоследствии различными путями и появляется аканье. В частности, возникновение аканья в случаях, когда редукция захватывала гласные в двух рядом стоящих слогах, по Шахматову, происходит следующим образом. В словах типа **голова**, изменившейся в **галава́**, глухой гласный первого слога оказался в сильном положении, в результате чего появилась тенденция ставить на этом гласном побочное ударение. Но это нарушило бы «гармонию слова», в связи с чем глухой, находящийся в сильном положении, по необходимости должен был быть ослаблен путем усиления глухого во втором слоге. Однако усиление глухого второго слога тоже нарушило бы «гармонию слова», поэтому усиление экспираторности заменяется образованием на месте редуцированного гласного звука **а**. Так возникает произношение **галава́**, в котором имеется аканье.

Приведем здесь третий вариант гипотезы А. А. Шахматова, данный им в «Очерке древнейшего периода истории русского языка»³. По мнению Шахматова, в восточнорусском наречии в связи с усилением ударения неударяемые гласные широкого образования **а, о, ѓ, ѓ, ѓ** подверглись редукции, поскольку по самой природе своей они были краткими (за исключением **а**, которое сначала было долгим, но позже сократилось). На месте **а** и **о** после твердых согласных

¹ Шахматов А. А. Русское и словенское аканье... С. 38.

² Там же. С. 39.

³ Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11. Пг., 1915.

появился редуцированный **а**, на месте **а** после мягких согласных **о**, **ѳ** и **я** — редуцированный **ε**. Таким образом; из **вода**, **хвали**, **сторона**, **вѳлосы** и т. п. образовались **вада**, **хвали**, **старана**, **вѳлосы**; из **перѳ**, **берѳ**, **ведѳ** — **перѳ**, **берѳ**, **ведѳ** и т. п.

В восточнорусскую эпоху происходит также уничтожение противопоставления долгих и кратких гласных под ударением, причем долгие гласные сократились. Это сокращение повлекло за собою удлинение **а** и **ε** в первом предударном слоге, которые изменились в **а** и **'а** (**а** в некоторых диалектах изменился в **е**). Что касается **а** и **ε** перед ударяемыми краткими (широкими) гласными, то они остались без изменений. Таким образом, появилось аканье диссимилятивного характера. Другие типы аканья появились в более позднее время. Из всего этого следует вывод, что среди акающих говоров нужно признать «наиболее архаичными те, в которых чередование гласных неполного образования и гласной **а** зависит от природы ударяемой гласной, ибо подобное различие гласных в предударном слоге должно быть признано более древним состоянием, чем то однообразие, которое наступало, в силу естественного влияния звуковой аналогии (подчеркнуто мною. — *Ф. Ф.*), в других говорах»¹. Замена звуков **а** и **ε** звуком **а** (**'а**) в других неударяемых слогах также явление позднее. А. А. Шахматов заявляет: «Не сомневаюсь в том, что в этом отношении произношение московского наречия, где находим **а** и **ε** в таком положении, более архаично, ибо, конечно, следствием закона о редукции должен был быть переход **а**, **о** в **а**... Если на месте **а**, **ε** находим диалектически звук **а**, то это может быть следствием только той или иной позднейшей причины».

Таким образом, «п्राязыковая» гипотеза приводит А. А. Шахматова к заключению, что в отношении системы неударяемых гласных говоры с диссимилятивным аканьем, расположенные в смежных между русским и белорусским, русским и украинским, областях, центральные переходные говоры, диалекты среднего и нижнего Поволжья и частично владими́ро-суздальские говоры являются наиболее архаичными. Говоры с сильным аканьем и яканьем наиболее поздние (А. А. Шахматов указывает на юго-западное наречие белорусского языка как на область, в которой аканье как явление заимствованное было особенно подвержено действию аналогии, в связи с чем оно и получило свою современную форму).

Предположение Шахматова о происхождении новых **а** и **'а** неударяемых из редуцированных **а** и **ε** должно быть подвергнуто решительному пересмотру. Редукция неударяемых гласных, следствием которой была потеря звуками **а**, **о** и **ε** в известных положениях их индивидуальных особенностей и изменение их в глухие **а** и **ε**, явление более позднее, чем аканье. Аканье и редукция неударяемых гласных имеют особое, не связанное друг с другом происхождение.

¹ Шахматов А. А. Очерк... С. 339.

Можно думать, что развитие редукции неударяемых гласных в русском языке началось после исчезновения древнерусских ъ и ь. Звуки ъ и ь были особыми фонемами в системе звуков древнерусского языка. Их исчезновение дало толчок к усилению ударения и сокращению гласных неударяемых слогов. Поскольку ъ и ь, как особые фонемы, в языке уже не существовали, редукция неударяемых гласных стала использоваться как одно из допустимых фонетических средств языка. Однако редукция неударяемых гласных не развивалась вне времени и пространства; для ее распространения нужны были особые благоприятные условия. Такие условия создавались в первую очередь в новых говорах, возникавших на базе скрещения окающих и акающих диалектов. Язык Москвы как основного культурного центра русских с XIV столетия вырос на базе окающих северных и акающих южных говоров. В московском литературном языке оформляется качественно новая система неударяемых гласных, как бы наиболее приемлемая для всех русских, поскольку в ней сглаживались диалектные противоречия севера и юга. Прекрасным средством для «снятия» этих противоречий явилась редукция неударяемых гласных: во втором предударном и в заударном слогах развиваются нейтральные звуки ъ и ь.

Не случайно, что редукция неударяемых гласных (за исключением первого предударного слога) наиболее развита именно в литературном языке, а также в большей части переходных среднерусских говоров, образовавшихся в позднее время из скрещения окающих и акающих диалектов. В связи с влиянием аканья нужно поставить и так называемое владими́ро-сузда́льское оканье, в котором неударяемые о и е не в первом предударном слоге подвергаются сокращению. Исторически такое явление вполне объяснимо: владими́ро-сузда́льская область долгое время была опорной базой Московского государства, на территории которого, в связи со все более усиливающимся участием в культурной жизни Москвы южного акающего населения, происходило образование особого речевого койне. Весьма характерно, что редукция неударяемых гласных получила еще большее, чем во владими́ро-сузда́льском диалекте, развитие в окающих средне- и нижево́лжских говорах, говорах совсем позднего происхождения: на среднем и нижнем Поволжье окающие говоры находятся в теснейшем взаимоотношении с акающими, в результате чего в них происходят заметные процессы сглаживания диалектных противоположностей (не только в фонетике; в лексике проникновение южнорусских слов в окающие говоры и обратное заимствование протекают особенно интенсивно, что я имел возможность наблюдать при обработке лексикологических материалов во время подготовки исследования по диалектной лексике).

Большинство говоров южнорусского наречия имеют относительно слабую редукцию неударяемых гласных и более слабое, чем в литературном языке, ударение. Этот факт диалектологами отмечал-

ся неоднократно. Редукция неударяемых гласных в этих говорах стала развиваться более быстрыми темпами совсем недавно, в связи с усилением влияния литературного языка. Интересны в этом отношении наблюдения Н. М. Каринского. Н. М. Каринский изучал говор д. Ванилова бывш. Бронницкого уезда Московской губ. в 1903¹ и в 1932 гг.²

В своих наблюдениях он пришел к следующему выводу: архаичный говор д. Ванилова (широко распространенный в 1903 г. и исчезающий в 1932-м) хотя и имеет случаи ослабления неударяемых гласных, «однако по своей системе он еще далек от говора редукционной системы»³. Наоборот, передовой говор, складывающийся на базе литературной речи и местных диалектных особенностей, имеет ярко выраженную редукцию неударяемых гласных. В нем «редукция встречается в громадном числе случаев и во всех грамматических категориях»⁴. Такое же явление я наблюдал за последние годы в акающих говорах Дубенского и Тульского районов Тульской области.

Из всего этого можно сделать следующие выводы: 1) редукция неударяемых гласных получила наибольшее свое развитие в говорах поздней формации, созданных в результате скрещения и взаимовлияния окающих и акающих диалектов; в старых же акающих говорах (говоры рязанские, тульские и др.) редукция и усиление ударения выражены не более сильно, чем в окающих говорах новгородского типа; 2) редукция неударяемых гласных и усиленное экспираторное ударение в современном русском языке явление жизненное, вытесняющее через влияние литературного языка архаичную нередуцированную систему.

Сравнительное изучение акающих диалектов, анализ их происхождения позволяет нам уверенно заявлять, что редукция неударяемых гласных явление более позднее, чем аканье. Замечательно, что и в «московском наречии» редуцированные гласные легко восстанавливаются при полном произношении: **ѣ** восстанавливается через **а**, **а** **е** — через **и** или **е** (**стьранá** — **старанá**, **льсавѣс** — **лисавѣс**, **л'есавѣс**). Этот факт можно объяснить лишь тем, что редуцированные гласные образовались из **а**, **е** или **и** (**а** не наоборот). Не менее важным является и то обстоятельство, что редукция неударяемых гласных известна и северному наречию, но там она отнюдь не привела к возникновению аканья. Редукция неударяемых гласных в окающих северных говорах появилась, по-видимому, в то же самое время, что и в южном. Б. М. Ляпунов в своем «Исследовании о языке

¹ См.: *Каринский Н. М.* О говорах восточной половины Бронницкого уезда // Известия ОРЯС. 1903. Т. VIII. Кн. 1 и 2.

² См.: *Каринский Н. М.* Очерки языка русских крестьян. М.; Л., 1936.

³ Там же. С. 35.

⁴ Там же. С. 51.

Синодального списка первой Новгородской летописи»¹ отметил отражение этого явления в новгородских грамотах второй половины XIII ст. Поскольку редукция появляется в северных и южных говорах в одну и ту же эпоху и при одинаковых условиях (после падения глухих), то мы ожидали бы распространения аканья и на севере. Однако этого не произошло и не могло произойти, так как аканье и редукция гласных по своему происхождению — явления совершенно различные.

Иное освещение в общей системе гласных акающих говоров должны получить и типы так называемого диссимилятивного аканья. Происхождение их связано с утратой различия краткости и долготы гласных. Однако утрата этого противопоставления отнюдь не влекла за собою неизбежное появление диссимилятивного аканья. В подавляющем большинстве восточнославянских диалектов чередование неударяемого **а** и **’а с ь** и **ь** отсутствует, хотя процесс утраты краткости и долготы совершился всюду. Для возникновения диссимилятивного аканья нужны были особые условия. Что это были за условия? Достаточно взглянуть на карту диссимилятивного аканья, чтобы убедиться, что оно встречается в окраинных говорах южного наречия и белорусского языка. Оно не свойственно говорам, расположенным в районах, в которых старое южнорусское население проживало постоянно. Диссимилятивное аканье развивалось в говорах поздней формации, образовавшихся при значительном влиянии украинских диалектов. В украинских говорах развитие экспираторного ударения после падения глухих вызвало дифтонгизацию **о** и **е** долгих; в них же развились из **ъ** и **ь** недифтонгические **о** и **е**, как и во всех других восточнославянских диалектах. При соприкосновении акающих говоров с украинскими окающими особого типа, в которых наличествовало различие долготы и краткости, пусть в ином виде, чем в древнерусском языке, в пограничных акающих диалектах появляются новые отношения — различные типы диссимилятивного аканья и яканья. Интенсивные передвижки населения в районах образования диссимилятивного аканья и постоянный наплыв переселенцев с севера не позволили «отстояться» вновь возникшим типам. Отсюда пестрота этих типов, отсюда множество исключений из общих правил.

Говоры с диссимилятивным аканьем на той же почве образовались и в белорусском языке, причем в связи с некоторым передвижением населения они распространились и далее, на северо-восток, отделив белорусские диалекты с полным аканьем от южнорусских диалектов того же типа (чему благоприятствовали известные политические события, оторвавшие западную часть среднеруссов от восточной). По гипотезе А. А. Шахматова сильные аканье и яканье в белорусских

¹ *Ляпунов Б. М.* Исследование о языке Синодального списка первой Новгородской летописи. СПб., 1900.

диалектах явление наносное, образовавшееся в результате смешения среднерусской системы неударяемых гласных с южнорусской (украинской). Однако Шахматов почему-то оставил в стороне сильно акающие говоры южнорязанского типа, которые в прошлом были распространены гораздо шире, чем в настоящее время. Наличие говоров южнорязанского типа, очень близких по аканью и яканью к говорам центральным и западнобелорусским, не позволяет рассматривать белорусское аканье как явление наносное, неместное. (Но было так, как было.)

Особо слабым местом в гипотезе А. А. Шахматова является объяснение происхождения недиссимильативных типов аканья, которое он выводит из диссимильативной системы. Он ограничивается в своем «Очерке» лишь ссылкой на аналогию; расширение аканья произошло будто бы под влиянием аналогии. Однако он не указывает на конкретные причины этой аналогии. По нашему же мнению, диссимильативное аканье, наоборот, является более поздним по сравнению с аканьем полным. Это положение подтверждается не только ярко выраженным смешанным характером диссимильативных говоров (причем смешение это произошло в относительно недавнее время), не только невозможностью доказать происхождение недиссимильативного аканья из диссимильативного, но и данными южнорусской письменности. В памятниках XIV века и более позднего времени, в которых отражается аканье, мы не находим чего-либо похожего на более или менее устойчивое чередование гласного **а** (**’а**) с глухими **ъ** и **ь**.

Несколько слов о гипотезе происхождения аканья, представленной в работах фонологического направления. В 1929 году в Праге вышла книга Р. Якобсона «*Remarque sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves*»¹. Автор этой книги критикует «редукционную гипотезу» А. А. Шахматова и выдвигает предположение, что аканье, представляя собою явление в изменении системы неударяемых гласных и акающих, и окающих говоров в целом, появляется в результате смены противопоставления «ударение музыкальное — неударяемость» противопоставлением «ударение напряженное — неударяемость». После развития нового ударения появляется тенденция упростить систему неударяемых гласных, причем неударяемые **о** и **е** в известных условиях совпадают с **а**. Однако гипотеза Якобсона, опирающаяся на тот же возведенный в абсолют метод «праязыковой» реконструкции, в какой-то степени объясняет лишь диссимильативное аканье и совсем не объясняет аканье других типов.

Р. Якобсон, увлеченный своими широкими сопоставлениями и противопоставлениями, не учитывает ни конкретной истории русских диалектов, ни фактора речевого скрещения.

¹ Travaux du cercle linguistique de Prague, 2. Prague, 1929.

<...> Для меня представляется бесспорным, что аканье и оканье относятся к числу явлений, сосуществовавших в различных диалектах восточных славян еще задолго до возникновения славянской письменности. Разумеется, что древние аканье и оканье были далеко не тождественными современным. Оба явления в позднее время получили расширение за счет иных звуков (напр., **о** и **е** из старых **ъ** и **ь** в акающих говорах в известных условиях изменились в **а** и **'а**, окончания среднего рода **о** и **е** также во многих говорах стали звучать, как **а**, и т. д.). <...>

А. А. Шахматов

ОЧЕРК ДРЕВНЕЙШЕГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Отдел VI. Древнерусские наречия

<...>

Глава III. Явления севернорусские¹

§ 480. <...> Севернорусское наречие исконно распадалось на восточную и западную ветви; отличительные особенности говоров, входивших в состав западной ветви, заимствованы ими главным образом от тех ляшских племен северной части современной Белоруссии и Псковской области, которые смешались с насевшими на них севернорусами. Рассмотрю сначала общие всему северному наречию явления, а затем явление западных его говоров. <...>

Смешение ч и ц

§ 482. Одной из древнейших и типичнейших особенностей севернорусского наречия было смешение *č* и *ć*. Судя по некоторым современным говорам, можно думать, что *č* и *ć* собственно не смешивались, но перешли в один общий звук, средний между *č* и *ć*, следовательно, в *ć* шепелявое; но рядом существуют говоры, которые действительно смешали этимологические *č* и *ć*, сохраняя раздельность обоих звуков, но употребляя их несогласно с этимологией; наконец, видим

¹ Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Репринтное издание. М., 2002. (Петроград, 1915). С. 317–325.

говоры, в которых \acute{c} было вытеснено \acute{c} , а также и такие, где произошло обратное этому вытеснение. Обращаясь к памятникам, видим, что и они свидетельствуют как о смешанном употреблении $ч$ и $ц$, так и о вытеснении $ч$ через $ц$ и, наконец, о вытеснении $ц$ через $ч$. Соображая все это, приходится искать такое объяснение рассматриваемому явлению, которое выяснило бы его во всем его разнообразии. Всего естественнее предположить здесь наличность иноязычного влияния, и именно ляхского. Севернорусы, двигаясь из среднего Поднепровья вверх по Днепру в северное Поднепровье и в озерную область, должны были встретить на своем пути ляхские племена, радимичей и другие племена, населявшие современную Белоруссию. Пробиваясь через ляхов, севернорусы могли смешаться с ними, увлекая их в дальнейшие движения, ассимилируя их себе, но и воспринимая некоторые черты и от них. Ляхские племена восточной отрасли принадлежали, конечно, по своему говору к племенам мазуракающим, т. е. изменившим \check{c} , \check{z} , \check{s} в c , z , s ; рядом существовавшие здесь \acute{c} , \acute{z} , \acute{s} произносились ими, как всеми вообще поляками, шепеляво. Результатом смешения русских племен с подобными польскими было в некоторых из них шепелявое произношение \acute{c} , \acute{z} , \acute{s} и смешение \acute{c} с шепелявым \acute{c} , замена \acute{c} звуком \acute{c} шепелявым; другие русские племена, не усвоивая себе \acute{s} , \acute{z} шепелявых, заменили однако свое \acute{c} шепелявым \acute{c} ; третьи, под указанным иноязычным влиянием, не усвоивая себе вообще шепелявого произношения, смешали этимологические \acute{c} и \acute{c} (не различавшиеся в мазуракающих говорах). Таким образом общим для всех севернорусских говоров явлением было смешение \acute{c} и \acute{c} ; некоторые из них смешали \acute{c} и \acute{c} в звуке \acute{c} шепелявом; что до шепелявого произношения \acute{s} и \acute{z} , то оно, как увидим, было усвоено только крайними говорами севернорусского наречия.

П р и м е ч а н и е. Предположение о том, что смешение \acute{c} и \acute{c} в севернорусских говорах черта заимствованная, представляется мне необходимым потому, что иначе трудно понять это явление. Если бы \acute{c} перешло в \acute{c} по той или иной физиологической причине, то непонятно было бы, как же могло сохраниться в тех же говорах \acute{c} и даже получить распространение насчет \acute{c} ; если бы \acute{c} и \acute{c} совпали в одном звуке (скажем \acute{c} шепелявом), то неясно, каким образом отдельные севернорусские говоры пришли к изменению \acute{c} шепелявого в \acute{c} и \acute{c} и к смешанному употреблению этих звуков.

§ 483. Памятники доказывают, что смешение \acute{c} и \acute{c} было чертой, исконно свойственною севернорусскому наречию. Оно находится в древнейших памятниках новгородского письма, кроме Остр. ев. <...> В Минее 1096 г. <...>. В Минее 1097 г. <...>. Для XII в. укажу напр. на Стих. 1157 года <...>. От XIII в. до нас дошло несколько новгородских грамот; все они смешивают $ч$ и $ц$; напр., догов. 1265 г. <...>; догов. 1270 г. <...>. От XIV в. до нас дошли новгородские летописи: Синодальный список во всех трех частях своих представляет смешение букв $ч$ и $ц$.

§ 484. Явление это не ограничивалось одной Новгородской областью. Мы находим его на Северной Двине, что видно из многочисленных грамот XV в., — в Суздальской области, что видно, например, из Лавр. летописи <...>; также из Синод. рукописи 1296 года, писанной в Сузд. области, — в Вологде, Ростове, Ярославле.

<...>

§ 485. Современные севернорусские говоры сохраняют эту черту древности до сих пор. Среди них имеются говоры, преимущественно цокающие, далее такие, которые заменяют преимущественно *ц* на *ч*, наконец, говоры, представляющие на месте *ч* и *ц* один общий звук — шепелявое *č*.

Среди севернорусских говоров многие не смешивают *č* и *ć*. Думаю, что различие обоих звуков, этимологическое их восстановление совершилось под влиянием восточнорусских говоров. Так, напр., в приокской области, быть может, издревле существуют говоры, не допускающие смешения *č* и *ć*, весьма часто эта черта сопровождается другою, чуждою севернорусскому наречию, а именно: редукцией неударяемых и непредударных *о*, *е*, *а*. Из приокской области шла одна из колонизационных волн, наводнивших Северо-двинский край: отсутствие смешения *ч* и *ц* во многих говорах Архангельского и Холмогорского уезда, так же как, напр., переход в них конечного *о* в *а*, естественно признать следствием влияния этой колонизационной волны.

Диалектическое отверждение конечного *t'* в 3 л.

§ 486. Современное северновеликорусское наречие противопоставляется соседним наречиям — белорусскому и южновеликорусскому последовательно проведенным во всей его области отверждением *t'* из *t'ь* в 3 л. ед. числа. Равным образом находим *t* вместо *t'* в 3 л. мн., но в одном из современных говоров (в Заонежье) *t'* держится здесь до сих пор, однако, только в окончании *-ut'* (рядом *-at*). Памятники не позволяют признать это явление предшествующим образованию великорусских (т. е. общих севернорусскому и восточнорусскому наречиям) особенностей. Можно указать ряд новгородских памятников XIV–XV вв., сохраняющих *t'* (пишется *-ть*), напр., Синод. список Новгор. летописи, новгородские договорные XIII–XIV вв., Белозерскую уст. гр. 1488 г. <...>, и мн. др.; равным образом упорно держится *t'* на Сев. Двине в XV в. и даже в XVI в. Тем не менее глубокая древность явления свидетельствуется, во-первых, широким распространением его в совр. северновеликорусской области; быть может, оно отчасти объясняется тем, что твердое *t* в 3 л. упрочилось в центральных говорах великорусских (напр., в московском); во-вторых, показаниями памятников, представляющих *-ть* уже с XIII в. <...>

§ 487. Отверждение *t'* произошло фонетически и указывает, вероятно, на общее стремление заменять в конце слова мягкие согласные

твердыми, если этому не препятствует влияние аналогии со стороны случаев, где мягкость согласных защищена положением перед гласной; так в инф. t' сохраняется под влиянием — $t'í$ (*братъ*, ср. *нести́*); в им. ед. мягкие согласные сохраняются под влиянием косв. падежей (*krov'*, ср. *kroví*), и т. д.

Примечание 1. В некоторых памятниках *-ть*, может быть, обязано влиянию церковно-слав. оригинала или церковной речи, где *-ть* (отсюда t) могло держаться искони. — Отвердение t' в 3 л. известно и в северномалор. и в галицких говорах.

Примечание 2. Возможно, что вытеснению t' через t содействовала связь с формой указат. местоимения *ть*. На это указывало бы, во-первых, диалектическое *-то* в 3 л. ед.: *идёто*, *ходито* (уже отсюда o проникло во 2 л.: *идёшо*); во-вторых, также и то, что, судя по указанному выше говору Заонежья, твердое t явилось раньше в 3 л. ед., позже в 3 л. мн. Этот говор наблюдается в северной части Петрозав. уезда и прилегающей к нему части Повецкогo уезда: *жнуть*, *насаживать*, *жмутъ*, *доставаютъ*, *могутъ*, *гребутъ*, *навезутъ*, *придутъ*, *едутъ*, *выпишутъ*; в сказке: *идуть*, *стучать*, *гремят* *калики* *перехожии* (Шахм.); *цитають*, *играють*, *давають*, *поють* (Рыбников).

<...>

Диалектическое изменение ъ в і

§ 492. Монофтонгизация *ъ* в *е* в севернорусском наречии может представляться чертою, общею этому наречию с восточнорусским. Но переход *ъ* в *і* характеризует ряд диалектов севернорусских, лишь спорадически появляясь в восточнорусских (южновеликорусских) говорах (имею в виду здесь, конечно, только ударяемые слоги). Это дает основание думать, что севернорусское *ъ* исконно отличалось по звуку от восточнорусского *ъ*. Последнее, как кажется, сохраняло дольше других наречий то исконное различие в произношении *ъ*, которое зависело от положения его в слове <...>. Вероятно, что общерусский праязык сохранял произношение *ie* в конце слова и перед мягкой согласной, рядом с *eä* перед твердою согласною; отсюда, как увидим, в восточнорусском *ê* перед мягкой согласной, *e* — в конце слова и перед твердой согласной. Севернорусское наречие изменило, как кажется, *ie* в конце слова и перед мягкой согласной в *iê*, а *eä* перед твердой согласной в *ie*, т. е. заменило вторые части обеих сложных гласных более закрытыми звуками: общер. *měara*, *mîérilь*, *gubie* перешли в *mîera*, *mîêril*, *gubiê*. Такое предположение объясняет, как кажется, ту различную судьбу, которую имело *ъ* в севернорусских говорах. Мы находим здесь, во-первых, говоры, изменившие *ie* в *e* открытое, а *iê* в *ê* закрытое; во-вторых, говоры, изменившие *ie* в *e* открытое, а *iê* в *i*; в-третьих, говоры, изменившие *ie* и *iê* в *ê* закрытое; в-четвертых, говоры, изменившие *ie* и *iê* в *i*. Рассмотрение всех этих явлений входит в задачу специального исследования о великорусском наречии. <...>

§ 494. Приведу примеры для *и* вместо *ѣ* из древних севернорусских памятников. Новгород. ев. 1355: <...> *человиком*, <...> *железными*, <...>. Ев. до 1362: *оприснок* <...>. Требник гр. Шереметева XIV в.: <...> *в страни*, *въсхоти* <...>. Двинск. гр. XV в. № 28: *сина*, <...> *в рицки*, <...>. Новгород. лет. по Арх. сп. XVI–XVII в.: <...> *билому*, *без отмины*, <...>. Сб. XVI в. Соф. № 1448: <...> *висть*, <...> *сивере* <...>.

Волог. евангелие XVI в. Синод. арх. № 58, как показал Л. Л. Васильев, представляет такой говор, где *ѣ* перед твердыми согласными звучит как *е*, а перед мягкими как *и*: *бес*, *гнев*, <...> *хлиби*, *винець* <...>.

Примечание. Замена *и* через *ѣ* на письме доказывает произношение *ѣ* как *и*. В ряде памятников, названных выше, замечается это графическое явление, служащее таким образом подтверждением тому, что *ѣ* действительно произносилось их писцами как *и*.

§ 495. Рядом с этими данными находим ряд памятников севернор. наречия, свидетельствующих о раннем совпадении звука *ѣ* со звуком *е*. Так, напр., в Кормчей 1282 года находим: *поръвьтъ* <...>. Во многих двинских грамотах XV в. смешение букв *е* и *ѣ* свидетельствует о совпадении этих звуков, напр. в № 109: *месту*, *владел* <...>.

Примечание 1. Далеко не всякий памятник, смешивающий буквы *е* и *ѣ*, может служить надежным свидетельством в пользу смешения соответствующих звуков в живой речи. Дело в том, что в церковном чтении *ѣ* произносилось как *е*, и это неминуемо вело к смешению их на письме. Вот почему даже в древнейших южных памятниках можно видеть смешение букв *е* и *ѣ*. Смешение *е* и *ѣ* в первых двух частях Синод. списка Новгород. 1-й летописи, содержащих много архаического, перешедшего из древнего оригинала, едва ли не обязано механическому воспроизведению оригинала, при котором *ѣ* передавалось через *е*; третья часть почти свободна от этого смешения. Новгородские договорные XIII в. смешивают *е* и *ѣ* в противоположность позднейшим.

Примечание 2. Можно указать ряд севернорусских памятников XIV и XV вв., где *ѣ* употребляется правильно. Ограничусь ссылкой на новгородские договорные XIV в. или на сорок двинских грамот XV в. из общего числа восьмидесяти: в них не найдем случаев смешения *е* и *ѣ*.

Вопросы и задания к разделу

1. Сопоставьте точки зрения ученых-диалектологов на происхождение аканья.
2. В чем специфика «чухломского аканья»?
3. Какие изменения наблюдаются в области вокализма и консонантизма в русских народных говорах?

МОРФОЛОГИЯ. СИНТАКСИС

Л. И. Баранникова

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ГОВОРЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД¹

Глава V. Изменения в диалектных грамматических системах

1

В диалектных грамматических системах изменения ощущаются слабее, чем в лексике и даже в фонетике. Объясняется это рядом обстоятельств. И прежде всего тем, что различия на уровне морфем (как и фонем) создают значительно меньше затруднений в коммуникации, чем различия на других уровнях. <...>

Меньшая интенсивность в изменении грамматической стороны диалектных систем объясняется и отсутствием прямой связи между грамматикой и внеязыковой действительностью.

Но не только особенности отношений с внеязыковой действительностью и степень коммуникативной значимости определяют меньшую интенсивность изменений грамматической системы. Значительна роль и особенностей ее организации. Грамматические различия в диалектах всегда имеют системный характер, т. е. наличие одних звеньев предполагает и наличие других, соответствующих им. Так, наличие форм *мене, тебе, себе* в родительном – винительном падежах предполагает наличие форм *тобе, собе* в дательном и предложном падежах и, следовательно, особой системы склонения личных местоимений, наличие форм *пекешь, текешь* связано с наличием форм *пекет, пекем, пекете* и также предполагает наличие определенной особой системы спряжения глаголов с основой на заднеязычный согласный. Взаимосвязь отдельных звеньев таких подсистем оказывается весьма прочной, что затрудняет ее изменение. <...>

¹ Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967. С. 180–199.

Диалектные грамматические различия <...> не могут охватывать весь грамматический строй в целом, не могут затрагивать его основные определяющие стороны. Факты русского языка убедительно подтверждают обязательность этих двух условий. Любые два диалекта его отличаются лишь частными элементами грамматической системы и никогда не противостоят друг другу всеми элементами грамматической системы. В любом диалекте имеющиеся в нем диалектные отличия не затрагивают самой системы существующих в языке грамматических категорий. Это в равной степени относится как к именной (категории числа, рода, одушевленности – неодушевленности у существительных), так и к глагольной (вид, залог, время и т. п.) подсистемам. Важно, что совпадающими оказываются не только общие, но и частные грамматические категории. <...>

Наряду с общностью самих грамматических категорий наблюдается и единство их основных значений. Так, например, для всех диалектов русского языка характерно совпадение основных падежных функций. Во всех диалектах широко распространены родительный принадлежности и отношения, сохраняющий значение и при наличии различия в звуковом оформлении (ср. *моей сестре дети*), родительный целого, родительный-определительный, родительный прямого объекта при отрицании и т. п. Отклонения в системе падежных функций (например, наличие именительного прямого объекта — *топить печка*) немногочисленны и не меняют общей картины единства падежных функций. Несколько больше различий в случаях предложного управления (ср. северные: *с Москвы, с города*, где меняется только предлог, или *идти по сестру, по ягоду*, где меняется и падеж и предлог; *говорить об детей, скучать об матери* — характерные для курских говоров и т. д.). Но эти случаи также немногочисленны и не могут считаться серьезным отступлением от общерусской системы предложно-падежных отношений.

Основные различия между говорами связаны с оформлением грамматических категорий, что особенно ярко проявляется в оформлении падежных флексий и личных форм глагола. По своему происхождению такие диалектные флексии представляют собой или остатки старых форм, бывших когда-то общерусскими, или новообразования, возникшие на диалектной почве. Сохранение старых флексий объясняется законом неравномерного развития языка, в результате действия которого старые общерусские флексии могли сохраниться лишь в определенных диалектных системах. Примером таких флексий могут быть: **и** в им. пад. ед. ч. в существительных типа *мать, дочь (мати, дочи)*, **ы** в им. пад. ед. ч. существительного *свекровь (свекры)* и т. п. Оставшиеся от прошлого флексии обычно отмечаются в небольшой группе слов и редко имеют широкое территориальное распространение. Диалектные новообразования являясь результатом а) фонетического изменения старых флексий (*стул'ја, столоw*), б) расширения сферы употреблений одних флек-

сий за счет других (*степя, площадь, нитков, тыкков, всю дверь, ночью* и т. п.), в) взаимовлияния флексий (*к горы, у сестре* и т. п.). Аналогичные явления наблюдаем и в глагольной системе. <...>

2

Примером утраты отдельных звеньев и разрушения системного характера отдельных грамматических особенностей может служить спряжение глаголов с основой на заднеязычный согласный. Особенности в спряжении данной группы глаголов проявляются во многих русских народных говорах <...>.

4

Примером изменения сложных многоплановых противопоставленных диалектных различий в грамматике может быть судьба склонения личных местоимений (и возвратного *себя*) в курских говорах. Совпадая с нормами литературного языка во множественном числе, в единственном числе личные местоимения существенно отличаются как по окончаниям, так и по характеру основы. Типичная в прошлом для южнорусских говоров система отношений¹ в настоящее время уже значительно нарушена, в говорах обнаруживаются различные сосуществующие варианты:

Р.–В. *мене, тебе, себе; меня, тебя, себя*; и редкие *мня, мя*².

Д.–П. *мне, мене; тебе, себе; тебе, собе* и редкие *мни, мени, таби, ти*³.

Тв. *мною, тобою, собою* и реже *мной, тобой, собой*⁴.

Господствующими вариантами для традиционного слоя говора оказываются *мене, тебе, себе* в Р.–В. и *мне, тебе, собе* в Д.–П. В некоторых говорах <...> формы Р.–В. с окончанием **-е** (*мене, и под.*) <...> чаще, чем с **-а** (*меня* и т. п.). В этих же пунктах особенно устойчивы формы с **о** в основе у личного местоимения 2-го лица и возвратного в Д.–П. падежах (т. е. *тобе, собе*) и полностью отсутствуют или встречаются очень редко формы 1-го лица с основой *мен-* (*мене*) в этих же падежах. Видимо, характерная для этих говоров система:

Р.–В. *мене, тебе себе*; Д.–П. *мне, тебе, собе* была нарушена лишь в последнее время влиянием литературной нормированной речи. <...>

¹ См.: Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М.: Наука, 1964. С. 117.

² Очень редко, в единичных случаях.

³ Очень редко, в единичных случаях.

⁴ Поскольку в данном случае различия имеют чисто фонетический характер, они в дальнейшем учитываться не будут.

Характеризуя изменения в диалектных грамматических системах в целом, следует отметить особенно ярко проявляющийся подчиненный характер частных диалектных систем общей языковой. Подчиненность сказывается и в особенностях специфики диалектных систем <...> и в особенностях их современного изменения. Поскольку в грамматических диалектных системах нет решающих коренных отличий, затрагивающих основы этих систем, подобных, например, принципам организации безударного вокализма в фонетических системах, постольку изменения в грамматических системах носят частный характер. Здесь не происходит столь заметных сдвигов, какие характеризуют, например, переход от севернорусского вокализма с его последовательным различием гласных неверхнего подъема к ставшему основой литературной нормы неразличению таких гласных.

Частный характер диалектных грамматических различий определяет и сравнительную медленность происходящих изменений, так как, с одной стороны, эти различия не создают особых преград для коммуникации, с другой — являясь составной частью строго организованных частных подсистем, они тем самым входят в определенную диалектную грамматическую систему и сохраняют свойственную ей устойчивость.

Устойчивость отдельных грамматических явлений определяется шириной их распространения и близостью к просторечию (формы типа *пек'от*) <...>.

В процессе утраты диалектных грамматических особенностей существенное значение имеет широта их языкового распространения: они встречаются или в принципиально неограниченном круге слов, или, наоборот, возможности их употребления ограничены определенной, большей или меньшей, группой слов. В последнем случае грамматические особенности изменяются медленнее, так как носителям говоров реже приходится сталкиваться с несовпадением их речевых норм с литературными нормами. Так, <...> довольно устойчива форма именительного падежа с наращением основы — *матер'*, *доцер'*. <...> Во многих курских говорах, правда, обычно только в традиционном слое, сохранилась характерная для них в прошлом форма винительного падежа *матер'у*, *мат'ир'а* и более редко в именительном — *матер'а* при обычном *мат'*. В алгайских говорах Саратовской области <...> употребляются при *мать*, *дочь* в именительном в косвенных падежах формы *матри*, *матери*, *дочери* (в родительном, дательном, предложном); *матр'ю*, *матир'у*, *дочир'у* в винительном, *матьрьј*, *матр'ьј*, *дочир'ьј* в творительном. Устойчивость подобных форм, вероятно, вызвана их изолированным положением в системе именного склонения. Не случайно их своеобразие сохранилось и в общеязыковой системе.

В процессе утраты отдельных диалектных грамматических особенностей отмечаются те же закономерности, что и в изменении грамматической системы литературного языка. Так, некоторые черты сохраняются лишь в отдельных, ставших устойчивыми оборотах. Примером может быть отмечаемое во многих заволжских говорах, уже утративших окончание *-е* в существительных женского рода с основой на мягкий согласный в предложном падеже, выражение «на моей памяти», «при моей памяти» и т. п. (Ср. *темна вода во облацех и т. п.*)

В этих же говорах отмечались случаи сохранения старой диалектной формы в отдельных словах, как бы выпадающих из общей парадигмы склонения. Примером может быть форма *ночиј*, отмечаемая во многих пунктах рядом с обычными *гр'аз'ју*, *дв'ер'ју* и т. п. В данном случае можно говорить о явной адвербиализации. Возможно процесс адвербиализации имеет место и в форме *ф ст'ен'е*, отмечаемой иногда с окончанием *-е*, наряду с окончанием *и* во всех других словах: *ф пыли*, *на кас'ти*, *ф печи*, *на лошъди* и т. д. Интересно, что подобный процесс получил широкое развитие в наше время в литературном языке¹. Вообще, как уже говорилось, в развитии грамматических изменений особенно заметна общность их направления с изменениями общерусского языка.

Л. Н. Булатова

О СИСТЕМЕ ПАДЕЖЕЙ В РУССКИХ ГОВОРАХ²

Первый вопрос, который встает при описании склонения в какой-либо языковой системе, — это вопрос о составе падежных форм, различающихся в данной системе. Диалектологи, исследующие вопросы склонения в русских говорах, как правило, этого вопроса не ставят, исходя из априорной уверенности в единстве падежных форм для всего русского языка. Основываясь на этой предпосылке, они описывают диалектное склонение в терминах падежной системы, выработанной для литературного языка, обычно отдавая при этом предпочтение шестипадежной системе³.

¹ См.: Русский язык и советское общество. М.: Изд-во Института русского языка, 1966. С. 18.

² Булатова Л. Н. О системе падежей в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973. С. 136–144.

³ Как известно, у русистов нет единого взгляда на состав падежных форм в системе русского литературного языка: есть сторонники шестипадежной, семипадежной и вось-

Используя для описания диалектного склонения падежную систему литературного языка, исследователи интерпретируют несоответствие диалектной формы с той, которая употребляется в аналогичном контексте в литературном языке, одним из двух способов: 1) или как различие в плане выражения одного и того же падежа (например, *жил у сестри́: жил у сестры́* — род. п.; *пошел к реки́: пошел к реке́* — дат. п.; в *Москвѣ: в Москвѣ* — предл. или местн. п.; *сидел с детьм: сидел с детьми* (или *детьми*) — тв. п.); 2) или как различие в управлении в пределах определенных конструкций при общей падежной системе (например, *сесть под дерево* — вин. п.: *сесть под деревом* — тв. п.; *ехать мимо деревню* — вин. п.: *ехать мимо деревни* — род. п.; *возле реку* — вин. п.: *возле реки* — род. п.; *ходить по дворах* — предл. или местн. п.: *ходить по дворам* — дат. п.)¹.

В большинстве случаев эти интерпретации не вызывают сомнений и, по-видимому, могли бы быть подтверждены строгим методом проверки (например, при помощи процедуры, предложенной А. А. Зализняком)². Однако некоторые из приведенных выше диалектных форм, с моей точки зрения, не могут быть удовлетворительно интерпретированы в рамках падежной системы литературного языка ни первым, ни вторым способом, по крайней мере, если речь идет о диалектном языке в целом (необходимость этой оговорки будет разъяснена ниже).

Таковы формы существительных в сочетаниях типа *у жене, косить трава* и, возможно, *по домах*. В функционировании этих форм в говорах наблюдаются закономерности, которые указывают, что эти формы не принадлежат ни одному из падежей, общих для литературного языка и говора. Но выявление этих закономерностей осложняется тем, что они большей частью не носят строгого характера: вследствие широкой вариативности способов выражения одного и того же содержания, типичной для современного состояния всех ярусов диалектных систем, многие диалектные закономерности, и в том числе правила употребления перечисленных выше форм,

мипадежной системы. Семипадежная система обосновывается в книге: Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968. С. 42–44. См. также: Проект программы по русскому языку для средней школы. Объяснительная записка. М., 1972. Шестипадежная и восьмипадежная системы известны достаточно широко.

¹ Некоторые диалектные формы одними исследователями интерпретируются в первом смысле, а другими — во втором. Так, в сочетании типа *косить трава* Ф. П. Филин видит диалектный вариант формы винительного падежа (см.: *Филин Ф. П.* Об употреблении формы винительного падежа в значении аккузатива // Бюллетень Диалектологического сектора Ин-та русского языка. 1947. Вып. 1. С. 17), а И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко — форму именительного падежа (см.: *Кузьмина И. Б., Немченко Е. В.* К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и предикативных наречиях в русских говорах // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964. С. 151–175).

² См.: *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М., 1969. С. 37–42.

являются не абсолютными, а статистическими закономерностями. Однако для правильной квалификации падежной принадлежности этих форм мы должны сначала рассмотреть идеализированные «чистые» случаи.

Интересна в этом отношении форма на *-е* существительных I типа склонения, которая отмечается во многих южнорусских и среднерусских говорах в таких словосочетаниях, где в других говорах и в литературном языке употребляется форма родительного падежа (например, *у жене, из Москве, до войне* и т. п.). В дальнейшем мы будем называть эту форму условно форма типа *у жене*. Как известно, для этой формы характерно употребление в предложных сочетаниях: в одних говорах она употребляется исключительно в предложных сочетаниях¹, в других преимущественно, во время как в беспредложных конструкциях, как правило, употребляется форма на *-и (-ы)*, хотя в ряде говоров наблюдаются и отступления, более частые в одних и менее частые в других говорах.

Представим себе систему, в которой последовательно противопоставляются эти формы². Совершенно очевидно, что в таком случае форма на *-е* и форма на *-и (-ы)* являются разными падежами. Следовательно, шестипадежная система является недостаточной для таких говоров. Если мы будем исходить из восьмипадежной системы, т. е. дифференцировать родительный и партитивный падеж, обнаружится, что форма на *-е* противопоставлена как родительному, так и партитивному падежам. Ср., например, *без воде, у воде и ведро воды, принеси воды* (парт. п.); *у жене, без жене и родня жены* (род. п.); *из свекле — ведро свеклы* (парт. п.), *уборка свеклы* (род. п.).

Не принадлежа ни родительному, ни партитивному падежам, форма на *-е* не может быть в то же время отождествлена и с дательным, предложным или местным падежами, которым она омонимична. В этом можно убедиться, подставив в соответствующий контекст (выражающий, по терминологии А. А. Зализняка, то же состояние) слова других классов, причем выявится набор окончаний, который не будет совпадать ни с набором дательного, ни с набором местного или предложного (изъянительного) падежей.

Приведем фрагмент наборов каждого из падежей, достаточный, чтобы убедиться в их несовпадении. Ср.:

¹ В некоторых говорах форма на *-е* употребляется исключительно или преимущественно с предлогом *у*: см. комментарий к карте № 94–95 «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 662–862). Для нас, однако, это не имеет значения. Важно, что формы на *-е* и формы на *-и (-ы)* связаны с разными синтаксическими конструкциями.

² Такую систему нельзя считать совершенной абстракцией. В материалах атласа многие ответы свидетельствуют о последовательном противопоставлении этих форм, и если в работах, основанных на более обширном материале, предстает обычно более сложная картина, все же нельзя исключать и возможности такой выдержанной системы, по крайней мере, у части носителей в части говоров.

стоял у воде — у моста (или мосту) — у столбов...¹
пошел к воде — к мосту — к столбам...;
увидели на воде — на мосту — на столбах...

Таким образом, в рассмотренном нами «чистом» случае форма типа у *жене* представляет собой падеж, выходящий за рамки восьмипадежной системы. отождествление его с каким-либо из падежей этой системы является грубым нарушением принятого в нашей грамматике принципа описания склонения, согласно которому одни и те же синтаксические значения в одинаковом контексте у любых имен передаются одним и тем же падежом.

Однако, как уже говорилось выше, в реальных говорах отношения между формой на *-е* и на *-и* (*-ы*) сложнее, запутаннее, чем те, которые были рассмотрены нами. Отступления от «чистой» системы, которые встречаются во всех или почти во всех говорах, имеют или одно направление: в предложных конструкциях наряду с формой на *-е* отмечается форма на *и* (*-ы*), или два противоположных направления, в результате чего и в предложных, и в беспредложных конструкциях встречаются оба окончания, хотя и в разных количественных соотношениях. Насколько в этих условиях оправдана трактовка формы типа у *жене* как особой падежной формы?

Представляется, что ответ на этот вопрос может быть различным в зависимости от того, рассматриваем ли мы говор как отдельную замкнутую систему или как разновидность некоторой суперсистемы².

Рассмотрим сначала, какие интерпретации формы типа у *жене* возможны при подходе к говору как к изолированной системе.

При однонаправленных отступлениях от «чистой» системы положение формы типа у *жене* в системе склонения говора можно сопоставить с положением партитивного падежа в системе литературного языка.

Как известно, вопрос о выделении партитивного падежа (2-го родительного) как самостоятельного падежа в системе литературного склонения решается положительно одними исследователями (сторонниками восьмипадежной системы) и отрицательно — другими (сторонниками шестипадежной или семипадежной системы).

По отношению к подобным формам оба решения представляются в принципе правомерными, поскольку само положение такой «факультативной» формы в системе склонения является промежуточным между положением самостоятельного падежа и варианта другой падежной формы: факультативность употребления застав-

¹ Те диалектные варианты падежных окончаний, которые ничего не меняют в соотношении словоформ разных падежных рядов (например, у *столбов* вм. у *столбов*), здесь не приводятся.

² Такой подход к говорам в русской диалектологии впервые разработан Р. И. Аванесовым.

ляет смотреть на такую форму как на вариант той падежной формы, которую она может быть заменена (так, в литературном языке форма существительного на -у в контекстах *стакан чаю, мало сахара* и т. п. может рассматриваться как вариант формы на -а родительного падежа: *стакан чая, мало сахара* и т. п.), но невозможность такой же свободной обратной замены отличает эти формы от обычных вариантов и приближает их к разным падежам (в литературном языке вместо *стакан чаю* можно сказать *стакан чая*, но вместо *вкус чая* нельзя сказать *вкус чаю*).

Возможно также и третье решение вопроса о падежной принадлежности подобных форм: признание сосуществования двух систем, из которых одна различает два падежа, совпадающие в другой системе.

Выбор того или иного решения из всех теоретически допустимых должен определяться в каждом конкретном случае реальным функционированием обеих форм в речи коллектива, язык которого исследуется. Так, например, третье решение оправданно в том случае, когда в языковом коллективе выделяются более или менее отчетливо разные группы, отличающиеся друг от друга употреблением исследуемых форм, причем в речи одной из этих групп противопоставление двух форм выдерживается последовательно. Так, более последовательно противопоставление формы типа *у жене* форме родительного (или партитивного) падежа наблюдается в говорах у старшего поколения, особенно у старых женщин.

При наличии в говоре разнонаправленных отступлений от «чистой» системы (т. е. в тех случаях, когда возможно не только *у жены* наряду с *у жене*, но и *нет воде* наряду с *нет воды*) еще больше оснований, чем при однонаправленных отступлениях, считать обе формы — на -е и на -и (-ы) — вариантами одного падежа, так как обе они возможны в одних и тех же контекстах. Важно, однако, учитывать распределение тех и других отступлений среди разных групп носителей говора.

Таким образом, при описании морфологической системы говора как изолированной системы форма типа *у жене* может быть квалифицирована различно, в том числе и как вариант родительного падежа. Иного подхода требует сопоставительное описание разных говоров или описание отдельного говора в качестве определенного варианта единой системы. В этом случае единая система (метасистема), которая используется как эталон описания¹, должна обязательно включать особый падеж, который манифестируется в форме на -е, независимо от положения этой формы в системах склонения отдельных говоров. При отсутствии в метасистеме соответствующего падежа различия между говорами, связанные

¹ См.: Брамлей С. В., Булатова Л. Н. Об эталоне сопоставительного описания морфологии русских говоров // Вопросы языкознания. 1965. № 4. С. 74–79.

с функционированием формы на *-е*, описывались бы только на уровне организации плана выражения (наличие двух или одного варианта окончаний), что не отражало бы действительной природы данных различий.

Другой диалектной формой, которая не может быть удовлетворительно интерпретирована в рамках падежной системы литературного языка, является форма существительного в сочетаниях *косить трава, сеять мука* и т. п. Не останавливаясь на различном для разных говоров круге конструкций, в которых употребляется эта форма¹, отметим лишь, что даже в тех говорах, где эта форма употребляется в наиболее широком круге конструкций, она лишь в единичных случаях встречается в предложных сочетаниях. Таким образом, данная форма не может рассматриваться в рамках всего диалектного языка как вариант формы винительного падежа (ср. противопоставления *деревня видать* и *пришла в деревню*, *коза кормить* и *сено накосить на козу*, *баня топить* и *итти в баню*). В то же время форма на *-а* в приведенных сочетаниях не может рассматриваться и как форма именительного падежа. В этом случае в говорах должны были бы существовать сочетания типа *видать он*, *накормить ребенок*, *жалеть старики*. Но в сочетаниях с инфинитивом местоимения никогда не употребляются в форме именительного падежа, а одушевленные существительные мужского рода — лишь в совершенно единичных случаях: *надо сторож иметь*, *старики жалеть надо*, *надо ребенок качать*, причем здесь могло сказаться и влияние конструкций с предикативом *надо*, который в некоторых говорах сочетается с именительным падежом имени), обычными же для этих говоров являются сочетания *видеть его*, *накормить ребенка*, *жалеть стариков*². Таким образом, набор окончаний у имен в сочетании с инфинитивом отличается в этих говорах одновременно и от набора именительного и от набора винительного падежей, что заставляет нас видеть в этих сочетаниях особый падеж, не находящий отражения в падежной системе литературного языка³.

Менее ясен вопрос о форме существительного в сочетаниях типа *по домах, по дворах, по годах, по делах* и т. п., которая отмечается в полосе говоров, пограничных с БССР и УССР. В литературе эта форма трактуется как предложный падеж⁴. Такая интерпретация находит поддержку в данных соседнего белорусского языка, где *по* управляет не дательным, а предложным падежом. Однако понимание этой формы как предложного или местного падежа (их разграниче-

¹ См. об этом: Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Указ. соч.

² Там же.

³ При этом не исключена интерпретация формы на *-а* как винительного падежа для отдельных говоров, где и форма на *-а*, и форма на *-у* употребляются и в предложных, и в беспредложных конструкциях более или менее беспорядочно.

⁴ См., например: Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. О различительных явлениях русских говоров в области предложных словосочетаний. М., 1964. С. 322–323.

ние для нас в данном случае несущественно) в русских говорах требует объяснения одного обстоятельства: в русских говорах форма, совпадающая с предложным падежом, в сочетании с предлогом *по* отмечается преимущественно у имен множественного числа.

Фрагментарность материала, которым располагает автор (это прежде всего материалы атласа, где контекст чаще всего недостаточен или вообще отсутствует) не позволяет вынести достаточно обоснованное заключение о том, какие реальные языковые факты отражены в этой особенности материала. Можно высказать лишь некоторые догадки по этому поводу.

1. Известно, что значение конструкций с предлогом *по* даже при наличии одного и того же глагола может быть различным (ср. *ходил по грибы*, *ходил по дворам*, *ходил по двору*). Некоторые из этих значений предполагают множественность предметов (например, то значение, которое имеет конструкция типа *ходил по дворам*). Возможно, что именно в конструкциях с такими значениями употребляется в говорах форма предложного падежа. Поэтому форма предложного падежа в сочетаниях с предлогом *по* отмечается почти исключительно у существительных мн. числа.

2. Возможно и другое объяснение. Конструкции с предлогом *по* в русских говорах отличаются неустойчивым управлением (за исключением конструкций с *по* + вин. п.): одна и та же конструкция употребляется то с дательным, то с предложным падежом. Поскольку у имен множественного числа противопоставленность дательного и предложного падежей выражена ярче (они никогда не имеют омонимичных окончаний в этих падежах) по сравнению с именами единственного числа, из которых многие классы имеют одинаковую форму для предложного и дательного падежей, причем особенно широко эта падежная омонимия представлена как раз в юго-западных и западных говорах, где многие существительные мужского и даже среднего рода имеют в предложном падеже окончание *-у*, так же как в дательном (например, *на быку* и *к быку*; *на плечу* и *к плечу* и т. п.), то естественно, что необычное для носителей литературного языка управление (*по* с предложным падежом вместо дательного) замечается ими прежде всего в формах множественного числа, что и находит отражение в собранных ими диалектологических материалах.

И в первом и во втором случае интересующая нас форма может быть интерпретирована как форма изъяснительного (предложного I) или местного (предложного II) падежа¹.

¹ При этом, если верно первое объяснение, более точное определение падежной принадлежности данной формы невозможно, потому что местный и изъяснительный падежи у существительных множественного числа имеют одинаковые окончания. Если верно второе объяснение, то более точное определение падежной принадлежности формы типа *по делах* возможно при пополнении материала такими существительными, как *лес*, *сад* и т. п., различающими формы изъяснительного и местного падежей.

3. Возможно также, что в некоторых западных и юго-западных говорах сложилось такое соотношение: в сочетаниях с предлогом *по* (кроме случаев, когда он сочетается с винительным падежом) существительные множественного числа имеют такую же форму, как в предложном падеже, а существительные единственного числа — такую же форму, как в дательном падеже. Это означало бы, что в таких говорах сформировался особый падеж, отличающийся и от предложного (изъяснительного или местного), и от дательного падежей.

Предварительно автор отдает предпочтение последнему решению¹, для проверки которого, однако, необходим дальнейший сбор материала. <...>

В связи с теми взглядами на систему падежей в русских говорах, которые выражены в этой статье, считаю нужным вернуться к оценке диалектных различий, данной в книге «Вопросы теории лингвистической географии», одним из авторов которой я являюсь². Хотя в этой работе не говорится специально о диалектных различиях в системе склонения, но из общей характеристики диалектных различий в области форм словоизменения (с. 64–65) следует, что сама система падежей в говорах едина и что различия по говорам относятся только к плану выражения падежных противопоставлений. В какой мере эта точка зрения нуждается в пересмотре?

Общую мысль о значительном единстве грамматических форм в русских говорах, высказанную в этой работе, я по-прежнему считаю верной, хотя это единство понималось нами тогда более прямолинейно, чем сейчас. В частности, в области системы склонения значительное единство русских говоров состоит не в том, что состав падежей во всех говорах одинаков, а в том, что падежи, которые известны не всем говорам, занимают в системе склонения менее существенное место по сравнению с падежами, общими для всего русского языка, прежде всего по сравнению с шестью основными падежами, которые во всех говорах, как и в литературном языке, обладают комплексом черт, который позволяет им занимать как бы центральное место в системе склонения в отличие от остальных падежей, не обладающих этими чертами в полном наборе: 1) каждый из шести падежей представлен в большом числе конструкций; 2) в наборе окончаний каждого из этих падежей те окончания, которыми он отличается от самого близкого к нему набора другого падежа, представлены в многочисленном, в принципе открытом, классе слов; 3) употребление каждого падежа является обязательным, а не факультативным.

¹ См.: Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

² См.: Вопросы теории лингвистической географии / под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962.

Все падежи, выделяемые сверх этих шести, обладают по сравнению с ними известной «недостаточностью» хотя бы по одному из этих признаков: 1) употребляются в очень ограниченном круге конструкций, например «ждательный» падеж¹; 2) окончания (или другие грамматические средства), отличающие набор данного падежа от самого близкого к нему набора другого падежа, представлены в узком круге слов; так, например, местный падеж отличается по форме от изъяснительного только в небольших непродуктивных классах существительных мужского рода (*лес, сад, снег, мох, пол* и т. п.) и существительных III типа склонения с подвижным ударением (например, *грязь, печь* и т. п.); 3) факультативный характер падежа (все специфически диалектные падежи, рассмотренные выше, а также партитивный падеж в литературном языке)².

З. М. Петрова

ПОСЕССИВНЫЙ ПЕРФЕКТ В ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ³

На обороты типа *у меня убрано, у него уехано, у них не ляженось* впервые обратил внимание С. Шафранов⁴, отметив сходство русского оборота, состоящего из родительного падежа субъекта с предлогом *у* и страдательного причастия в безличной форме, с западноевропейском посессивным перфектом. Например, *ich habe gemacht* С. Шафранов переводит предложением *я имею (это) сделанным — у меня сделано*⁵.

Обороты типа *у него уехано* были предметом наблюдений Ф. И. Буслаева⁶, А. А. Потебни⁷ и других исследователей. Ф. П. Филин⁸ и Ю. С. Маслов⁹ приводят новые данные о распространении

¹ См.: Зализняк А. А. Русское именное словоизменение... С. 49.

² В различных говорах положение партитивного падежа в системе склонения различно.

³ Петрова З. М. Посессивный перфект в псковских говорах // Псковские говоры. II. Псков, 1968. С. 118–126.

⁴ Шафранов С. О видах русских глаголов в синтаксическом отношении. М., 1852.

⁵ Там же. С. 10–11.

⁶ Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 382.

⁷ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. II. 2-е изд. Харьков, 1889.

⁸ Филин Ф. П. Заметки о записях материалов по синтаксису // Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР. Вып. 4. М.; Л., 1948. С. 41.

⁹ Маслов Ю. С. К вопросу о происхождении посессивного перфекта // Уч. записки ЛГУ. 1949. № 97. Вып. 14. С. 92.

в русских говорах оборота, состоящего из родительного субъекта и безличной формы страдательного причастия, и называют эту грамматическую конструкцию по аналогии с западноевропейским посессивным перфектом: действие в рассматриваемых конструкциях «приписывается реальному субъекту, подчеркивается его принадлежность к производящему лицу»¹. И далее: «Данная конструкция включает в себе категорию посессивности, уточненную посредством предлога *у*, который указывает на отнесенность действия к реальному субъекту»².

Время возникновения посессивного перфекта в русском языке неизвестно. Как первые его исследователи (С. И. Шафранов, Ф. И. Буслаев, А. А. Потехня), так и более поздние (Ф. П. Филин, В. И. Борковский и др.) считали, что он распространен только в фольклоре и диалектах. В. И. Борковский отмечает, что «данный безличный оборот — новгородская особенность, при этом имевшая место в крестьянских говорах, но не проникшая в письменный язык»³. Ф. П. Филин пишет, что для памятников письменности этот оборот «как будто неизвестен»⁴. Эти сведения требуют уточнений. По наблюдениям А. М. Смирновой, посессивные конструкции встречаются в деловых памятниках XVI в., написанных в разных местах⁵.

В псковских памятниках письменности посессивный перфект также употребляется. Приведем некоторые примеры из различных по жанру памятников. *Тако в нас написано в летописцех с прадеды его и з деды* (Пск. I лет. С. 94). *А с того вашего уложения у нас в чиновник списано слово в слово*⁶. *И о том писано к вам, великим государем, к Москве у меня, холопа вашего, в приказ Большие Казны*⁷. *А у меня, Юстра, помимо сей купчей никому не продано и не поступлено тем местом*⁸.

На основании немногочисленных примеров трудно сказать, был ли посессивный перфект в XVI–XVII вв. явлением диалектным или общерусским. Можно лишь предположить, что в памятники он проник из диалектов.

¹ Филин Ф. П. Заметки о записях... С. 41.

² Там же.

³ Борковский В. И. О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII–XIV вв. // Изв. Крымского педагогического института. 1940. Вып. IX. С. 120.

⁴ Филин Ф. П. Указ. соч. С. 47.

⁵ Смирнова А. М. Безличные предложения в памятниках литературы и деловой письменности XVI века. М., 1955. С. 215.

⁶ Повесть о начале и основании Псковского Печорского монастыря (конец XVI — нач. XVII в.). Псков, 1849. С. 36.

⁷ Дела разрядного приказа, относящиеся к городу Пскову (Псковская писцовая книга №2) // Сборник Московского архива министерства юстиции. Т. VI. Кн. 2. М., 1914. С. 402.

⁸ Книга псковитина, посадского торгового человека Сергея Иванова сына Поганкина (1678 г.). Псков, 1870. С. 33.

О широком распространении рассматриваемой конструкции в русских народных говорах свидетельствуют данные, которые приводят В. И. Борковский¹, П. С. Кузнецов², С. П. Обнорский³. В своих исследованиях они отмечают распространение посессивного перфекта в архангельских, олонечских, вологодских, новгородских, Кировских, псковских и других севернорусских и среднерусских говорах.

Следует отметить, что в исследованиях, касающихся вопроса о природе и распространении посессивного перфекта, не учитывается специфика его в зависимости от территории, грамматической и глагольной системы говора, в котором наблюдается это явление. Между тем учитывать это необходимо, так как посессивный перфект в севернорусских говорах, с одной стороны, и в среднерусских, с другой, — не одно и то же. В севернорусских говорах распространены конструкции со страдательным причастием в возвратной форме (*у них записанось, у нас нанялось, у них не ляженось, у сына заговоренось* и т. д.). Для псковских говоров такие конструкции не характерны. В псковских говорах наряду с безличными предложениями типа *в пастуха идено, хожено в волках* широко распространен посессивный перфект в личных предложениях, и в том заключается существенное отличие псковского посессивного перфекта от севернорусского. Сосуществование отпричастного и посессивного перфектов в псковских говорах также определяет его яркую специфику по сравнению с другими говорами, в которых такого сосуществования не наблюдается⁴.

Материалами для наблюдений над псковским посессивным перфектом послужили записи диалектологических экспедиций Ленинградского университета им. А. А. Жданова в Псковскую область в 1945–1947 гг., а также личные наблюдения и записи автора. Последние записи были сделаны на магнитофонную ленту во время экспедиции в Псковскую область в 1963 году.

Предметом наблюдения в настоящей статье является морфологическая и синтаксическая структура псковского посессивного перфекта, а также его семантика.

Одним из компонентов, составляющих конструкцию с посессивным перфектом, является субъект действия. Его функции выполняет имя в родительном падеже с предлогом *у*. Например: *у вас покушана?* (Пск. Б. Толбицы); *у миня пастранствана* (Сош. Владимирцы); *эва, у миня дана двести рублей* (Эст. Воронья); *у ней*

¹ Борковский В. И. Указ. соч. С. 117–119.

² Кузнецов П. С. К вопросу о сказуемом употреблении причастий и деепричастий в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. III. М.; Л., 1949. С. 77–79.

³ Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953. С. 157–159.

⁴ О территориальном соотношении отпричастного и посессивного перфектов см.: Трубинский В. И. Взаимоотношение лексических и грамматических значений в области глагольных времен // Вестн. ЛГУ. 1961. № 14.

набрана малины три бутылки (Полн. Замогилье); *ф скатины абъедена калосья* (Печ. Кулье).

Известно, что в псковских говорах предлог *у* так же, как и приставка *у-*, может произноситься как *в*: *ф пастуха йдено* (Кар. Замосточье); *паставлена ф председателя* (там же); *ф ката царапана* (Пск. Голодуша) и т. п. Следует признать ошибочным мнение Л. И. Макаровой, что в рассматриваемых случаях имеет место не родительный падеж, а винительный¹.

Определение падежной формы субъекта во множественном числе может вызвать известные трудности. Имеются в виду следующие и подобные им примеры: *в мальчиках дана Ваньки*; *ф кратях праделана* (Остр. Орлово); *в муравьях аклевана* (Пушк. Поляне); *я был уже забрана в немцах* (Пск. Залит); *названа дярвеня в дедах, прадедах* (Полн. Драгодино) и т. п. Внешне формы *в мальчиках*, *в муравьях*, *в немцах* — это формы предложного падежа с предлогом *в*. Предложный падеж обычно имеет значение направления действия, места или времени. Л. И. Макарова считает рассматриваемые примеры формами предложного падежа². Для этого как будто нет достаточных оснований, так как рассматриваемые формы имеют, как и в единственном числе, значение родительного субъекта действия.

Характерная особенность посессивного перфекта состоит в том, что субъект действия обычно выражен в нем одушевленным именем. Это отмечали Ф. П. Филин³ и Ю. С. Маслов⁴. Их наблюдения подтверждаются и псковскими материалами. В роли субъекта действия часто употребляется личное местоимение. Например: *У вас пакушана?* (Пск. Б. Толбицы); *у мяня плат был падвязана; как в яво фсё устроена*. (Кар. Замосточье). В качестве субъекта действия употребляются и существительные — названия лиц: *заведено в детях получше* (Полн. Драгодино); *ай ф пастуха эта йдено? Эта привязёна ф Коли с Ленаграду жонка* (Кар. Замосточье); *ф сасетки паставлена адна харомина* (Латв. Зайцева). В функции субъекта действия могут выступать названия животных: *ф свиньях-та копана* (Нов. Углы); *ф ката царапана* (Пск. Голодуша); *ф катенка вытянута* (Остр. Орлово); *ф скатины абъедена калосья* (Печ. Кулье). Названия неодушевленных предметов в функции субъекта действия встречаются редко, к тому же за названием предмета обычно стоит исполнитель — лицо: *в машинах эта зделана фсё* (Пск. Патрово).

Кроме субъекта действия, в состав посессивной конструкции входит страдательное причастие. В севернорусских говорах в по-

¹ Макарова Л. И. Некоторые особенности предикативного употребления краткой формы страдательных причастий прошедшего времени в русских народных говорах // Уч. зап. Балашовского педагогического института. 1956. Т. I. С. 173.

² Макарова Л. И. Указ. соч. С. 182.

³ Филин Ф. П. Заметки о записях... С. 42.

⁴ Маслов Ю. С. К вопросу о происхождении... С. 96.

сессивных конструкция причастие употребляется в безличной форме, то есть в форме среднего рода (*ухано, ночевано, взято* и т. п.). Сложнее обстоит дело в псковских говорах. Поссесивный перфект в них употребляется как в личных, так и в безличных предложениях. Одним из компонентов поссесивной конструкции личного предложения является подлежащее, с которым согласуется сказуемое-причастие. Такие примеры встречаются: *шмотки-то обои ф крёсной унесёны* (Полн. Замогилье); *фси ф салдата уташишоны* (Эст. Березье). Но в псковских говорах наблюдается утрата страдательными причастиями форм словоизменения. Нормой для псковских говоров является форма застывшего причастия на *-но, -то* (в акающих говорах — *-на, -та*) или на *-н, -т* независимо от рода и числа существительного. Ср.: *лес навожена, дом паставлена, нага сломан была, двирёнка аткрыт, адеяла выткан, слова дан, туфли были взят, цашки паставлен, акопы были накопана, выпалата фсе гряды* (Остр. Орлово). Те же застывшие формы причастий употребляются в функции главного члена безличных предложений. Ср.: *може гаварён, да я забыла* (Пск. Патрово); *маннай крупы взят* (Кар. Замосточье); *этым писан?* (там же); *вот в этом письме писан* (Н-Рж. Черноярово).

В поссесивных конструкция употребляется одна из застывших форм страдательного причастия. Выбор той или иной формы причастия находится в зависимости от типа предложения, в которое входит поссесивный перфект. В безличных предложениях с поссесивным перфектом чаще наблюдается форма на *-но, -то*, хотя возможна и вторая застывшая форма (на *-н, -т*): *в ей куплена на кофту; ни патпахан в мамы, мусарна; убран в нас; знаю, што у тибя аплочен; у меня рас праехана* (Кар. Замосточье); *в яво натрапляна; у нас для палатенцаф выткана* (Остр. Орлово) и т. п.

В личных предложениях с поссесивным перфектом одинаково часто употребляются обе застывшие формы, независимо от рода подлежащего: *в мя ф катки паставлена малошник* (Кар. Замосточье); *в зятя в маво мост зделана; няценье в Нюшки привязён; ей адеяла в брата куплен* (Остр. Орлово).

Для характеристики поссесивного перфекта интересны наблюдения над порядком слов в предложении. В предложениях с поссесивным перфектом без подлежащего на первом месте обычно стоит субъект действия, или во всяком случае субъект предшествует сказуемому. Ср.: *у меня там смолата* (Остр. Орлово); *в яво пахана* (Гд. Лунёвщина); *у мяня поработано; в Маскву в их штоль подана; утрам-та в мя рана была надоен* (Кар. Замосточье). Сказуемое, предшествующее субъекту, воспринимается как инверсия, вызванная какими-либо причинами: вопросительной интонацией, особенностями порядка слов сложноподчиненного предложения: *ай была убран у вас са стала-та? а ты как хошь гавари, што нидашишопан ф тябя* (Кар. Замосточье). В личных предложениях с поссесивной конструкцией

на первом месте стоит либо субъект действия, либо подлежащее: *у мяня плат был надвязана* (Кар. Замосточье); *у яво фсе́ была с сабой складен*; *у маей сястры нявеска взят была* (Остр. Орлово); *билет у ей уже взята* (Печ. Городище); *жерди накладена ф самаво* (Сер. Аксентьево); *чай в мя горячий паставлена* (Кар. Замосточье).

Рассмотрев структурные особенности посессивного перфекта, можно поставить вопрос о том, является ли он единой формой для выражения времени или описательной конструкцией, компоненты которой в той или иной мере независимы друг от друга.

А. А. Потебня не считал возможным признать обороты типа *у меня убрано*, *у него уехано* единой формой. По мнению А. А. Потебни, русские обороты с настоящим и прошедшим глагола (то есть с нулевой связкой и со связкой *было*) нельзя отделить от таких же оборотов с будущим: *у меня будет убрано*. «Между тем, — пишет Потебня, — устранение различия во времени между причастием и глаголом, с ним сочетаемым, хотя само по себе еще не может произвести такого сочетания в одну форму, но составляет одно из условий такого слияния»¹. Для псковских говоров противоречия, о котором пишет Потебня, не существует. В системе глагольных времен псковских говоров имеются условия для слияния вспомогательного глагола и причастия в единую форму. Обороты типа *у меня убрано*, *у него уехано* в псковских говорах не употребляются со связкой будущего времени. Противопоставления времен здесь нет: конструкция с нулевой связкой обозначает перфект, то есть актуальное прошедшее, а со связкой в прошедшем времени — плюсквамперфект.

А. А. Потебня не считал рассматриваемые обороты единой формой также потому, что в них, по его мнению, наблюдается «уравнение страдательного причастия с прилагательным»². «Такого уравнения, — пишет А. А. Потебня, — не бывает там, где образовалась одна форма: причастие на *-л*, как причастие, остается бесчленным»³. Но в псковских говорах нет членных страдательных причастий, а нечленные утратили формы словоизменения и превратились в застывшие формы. Таким образом, создалось условие для образования единой формы времени — закрепление за застывшей формой причастия функции части сложного глагольного времени. К этому следует добавить еще один признак, определяющий структуру рассматриваемой конструкции: закрепление за субъектом действия определенной позиции — первого места в предложении, или, точнее, предшествования сказуемому.

Таким образом, обороты типа *у него уехано*, *у меня сделано* в псковских говорах есть все основания считать единой глагольной формой.

¹ Потебня А. А. Из записок... Т. II. С. 143.

² Потебня А. А. Указ. соч. С. 143.

³ Там же.

Семантику посессивного перфекта раскрывают оба слагаемых этого термина. Как и отпричастный перфект (*он уехавши, она проснувши*), посессивный перфект обозначает результат в настоящем действия, совершившегося в прошлом. Посессивность означает принадлежность действия (состояния) реальному субъекту действия. Действие представляется как принадлежащее субъекту, находящееся в его владении. Но значение посессивного перфекта в русских народных говорах обычно шире. Как указывает Ю. С. Маслов, лежащая в основе русского посессивного перфекта посессивная идея «несводима к реальному обладанию предметом... но должна пониматься значительно шире, может быть, как определенная заинтересованность лица в действии или в его результате, как нахождение действия в сфере субъекта»¹.

В псковских говорах значение посессивного перфекта находится в прямой зависимости от переходности и непереходности глагола, от которого образовано причастие, от наличия или отсутствия в предложении подлежащего, то есть реального объекта действия. В зависимости от этих условий можно выделить следующие типы конструкций с посессивным перфектом: I. Тип безобъектный. В нем выделяются два подтипа: а) безобъектный непереходный, б) безобъектный переходный. II. Тип объектный.

I. а) Безобъектный непереходный тип посессивного перфекта. В псковских говорах он распространен сравнительно нешироко. Рассматриваемый тип посессивного перфекта может обозначать состояние в результате длительно или многократно повторявшегося в прошлом действия: *у меня пороботано* (Кар. Замосточье); *плакана в мяня много* (Гд. Байдаково); *у мяня пастранствана* (Сош. Владимирцы). Иной оттенок значения имеют следующие предложения с безобъектным посессивным перфектом: *в яво* (лося. — З. П.) *натрапляна* — *куды зделана трапина, ён сваей путёй и пастрадал* (Остр. Орлово); *хожена в валках* (Пушк. Поташово); *ай ф пастуха эта йдено?* (Кар. Замосточье). В приведенных примерах внимание концентрируется на результате совершившегося действия. Речь идет о следах, которые оставили на дороге лось, волки, пастух.

С семантикой безобъектного непереходного посессивного перфекта связано безразличное отношение причастия к виду. Как можно заметить, в приведенных примерах причастия образованы как от глаголов совершенного, так и несовершенного вида. В рассматриваемых случаях перфект обозначает вообще результат протекавшего в прошлом действия, независимо от того, представляется ли оно как законченное или как незаконченное.

Субъект действия в конструкциях с безобъектным непереходным посессивным перфектом всегда обозначает активного деятеля.

¹ Маслов Ю. С. К вопросу о происхождении... С. 96.

б) Безобъектный переходный посессивный перфект. Этот тип посессивного перфекта в псковских говорах имеет более широкое распространение по сравнению с непереходным. Он может иметь такое же значение, как и безобъектный непереходный: *у меня-та многа вижана* (Печ. Городище); *ф каво эта прайдёна? ф крата* (Кар. Замосточье); *грип, как прайдёна ф черва, так ни паложьши* (там же).

В данных примерах посессивный перфект — это способ передачи результативности действия, совершенного активным деятелем. Однако в безобъектных переходных конструкциях идея посессивности выражена не всегда достаточно отчетливо. Действие может представляться не как принадлежащее непосредственно субъекту, а как совершенное в интересах субъекта. Ср.: *у меня там смолата; у нас для палатенцаф выткана; ва фсих пасеяна на перву схватку* (Остр. Орлово); *в нас так настроен* (Гд. Наумовщина). В приведенных примерах *у меня, у нас, ва фсих, в нас* — не сами реальные деятели, а лица, в интересах которых, для которых совершено действие, при этом и сами эти лица могут принимать участие в действии.

II. Объектный посессивный перфект. Тип посессивного перфекта с грамматическим подлежащим в псковских говорах распространен значительно шире безобъектного. Смысловые отношения между тремя компонентами посессивной конструкции, одинаковые в своей основе, могут иметь различные оттенки.

Смысловые отношения между субъектом, сказуемым и объектом действия могут быть аналогичными отношениям этих компонентов страдательного оборота в литературном языке. Например: *я вижу, што ни в яво писана писня* (не им писана) (Пушк. Кошкино); *это у ейнава кавалера было дано ф стирку мыльце* (ее кавалером дано) (Сош. Сергино); *а патом бабышка была взята у немцыф* (была взята немцами) (там же); *эта маи деньги сопственны, в Витиньки даны* (Витенькой даны) (Кар. Замосточье); *фсе гаваря, што кукушка патеряна в матки* (потеряна маткой) (Остр. Орлово).

Отличаются оттенком значения объективные конструкции, в которых родительный субъекта обозначает лицо, испытывающее на себе результат действия, лицо, для которого кем-то совершено действие. Ср.: *а валаса в ей фсе астрижен* (Кар. Замосточье); *в яво фси рёбра поломан; у вас ни абрезан волосы* (Остр. Орлово); *в Гали галава была выбрита* (Гд. Лунёвщина); *в ей двор харашо накрыта* (Кар. Замосточье).

Таким образом, конструкции с посессивным перфектом, имеющие общее значение результативности действия, отличаются оттенками значения в зависимости от переходности и непереходности глагола, от которого образовано причастие, от наличия или отсутствия подлежащего.

Чтобы определить место посессивного перфекта в грамматической системе псковских говоров, следует рассмотреть его в соотношении с отрицательным перфектом. Нет никакого сомнения в том, что оба они сосуществуют в псковских говорах, составляют единую залоговую и временную систему внутри глагольной системы псковских говоров.

В. И. Трубинский

ДЕЕПРИЧАСТНЫЙ ПЕРФЕКТ¹

Общая характеристика конструкций с предикативным деепричастием

§ 1. Вводные замечания. В современных северо-западных русских говорах имеет большое распространение конструкция с неизменяемой формой краткого действительного причастия прошедшего времени на *-ши* (чаще именуемой деепричастием), употребляющейся в функции глагольного сказуемого со значением перфекта, типа *он вставши, цвет облетевши, они были в соревнованье включивши*.

В лингвистической литературе этой диалектной конструкции посвящено немало страниц. <...>

Эта конструкция в ее современном виде возникла, как полагают, в относительно поздний период в псковско-новгородской диалектной стихии. Поэтому она особенно характерна для говоров «узкого» Северо-Запада, т. е. говоров Псковской, Новгородской, Ленинградской, части Калининской и части Смоленской областей, а также для русских говоров Карелии и прибалтийских республик. <...>

Общая изоглосса оборота указывает на его присутствие также и в южном наречии (в западной его части), в том числе в ряде говоров Брянской, Орловской и Курской областей. Однако оборот предстает здесь как явление лексически значительно суженное. <...>

В местах наибольшего распространения предикативного деепричастия довольно явственно различаются псковско-новгородская (основная) и селигеро-торжковская его разновидности. <...>

§ 2. Псковско-новгородский тип деепричастного перфекта. Данный (основной) тип оборота с формой сказуемого на *-ши* располагается на территории «узкого» Северо-Запада <...>. Это конструкции

¹ Трубинский В. И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984. С. 156–167.

типа *отец вставиш*: *Дали трахторну телегу, начальник военкомата помок, што отец погитши, брат погитши, я онна* (Ладва Прион. Кар.); *Девушки-то никуды не ходили, фсё писаньем заняфшы* (Шуя Прион. Кар.); *С ей мы дружыли ишио малиньки были, а теперь сроннифшы, она замуи за мово брата вышеццы* (Сабицы Луж. Лен.); *Доложно быть, сварифшы* (о яйцах) (Устюцкое Пест. Новг.); *Ступайти, байня сегонни добро вытопифшы, задáцца* (= поддать пару) *добро можно* (Чудская Рудница Гд. Пск.). Со связкой *быть* в форме прошедшего времени: *Теперь я в городе не бывала, а вот врач была́ з городу приехатшы, во какй облатки привезла* (Шуя Прион. Кар.); *Все были абабрафшы ф троицу* (обобратся — ‘уйти всем дочиста’) (Ремда Сер. Пск.).

Производящими здесь в подавляющем большинстве являются непереходные глаголы совершенного вида, включая возвратные, которые в формах данного деепричастия утрачивают частицу *-ся* (*занявши* от *заняться*, *сроднивши* от *сродниться*). В псковских и новгородских говорах отмечено около полутора тысяч глаголов, образующих сказуемое на *-ши*. Наиболее употребительные среди них: *прийти, уйти, приехать, уехать, собраться, жениться, помереть, сгореть, убечь, встать, остаться, устать, родиться, привыкнуть, выпасться, вырасти* и др. (ср. образуемые от них деепричастия: *пришодши, ушодши, приехавши, уехавши, собравши, женивши* и т. д.). Установлено, что деепричастный перфект образуют не все непереходные глаголы совершенного вида, а, как правило, те из них (составляющие, впрочем, значительное их большинство), которые способны выражать осуществленное изменение в состоянии или пространственном положении деятеля. Значение это выражается обычно достаточно ярко: *Вы устафшы, решыла вас не трубачить* (= не будить, не тревожить) *севонни утром* (Пришвино Новорж. Пск.) (глагол *устать* обозначает осуществленное изменение в физическом состоянии одушевленного субъекта); *Яны́* (цыгане) *и здесь приписафшы ф калхози* (Слобода Сл. Пск.) (глагол *приписаться* обозначает осуществленное изменение в общественном положении субъекта-лица); *Рош-то вы́колосифшы, грибы-колосовикй доложны быть* (формой глагола *выколоситься* выражено совершившееся изменение в физическом состоянии неодушевленного субъекта); *Сматри-кас малец-ть твой бухнуфшы ф канаву и не фстать* (Лужок Луж. Лен.) (глагол *бухнуть(ся)* обозначает осуществленное изменение в пространственном положении (пробывании) субъекта) и т. д.

Замечено, однако, что деепричастие на *-ши* в указанных говорах не может быть образовано от сравнительно небольшой части непереходных глаголов сов. вида — тех, что выражают действие, не меняющее состояния или местоположения его производителя. Это в основном глаголы начинательного, накопительного и одноактивного способов действия (*заблестеть, заговорить, загреть, задро-*

жать, закричать, закурить, залаять, набедокурить, нагрязнить, напакостить, наплескать, наследить, напоятать, болтнуть, вздохнуть, глянуть, крикнуть и т. п.): невозможны конструкции **он заблестевши, *он заговоривши* и т. д. Отмечены вместе с тем некоторые образования на *-ши* от глаголов несов. вида (*бывши, живши, евши, шовши, спавши, болевши, работавши, стоявши, ходивши, плакавши, знаяши* и др. — первые четыре формы наиболее употребительны).

Круг глаголов, производящих рассматриваемую форму, в значительной степени обуславливает своеобразие ее семантики. Наличествующий результат действия, выражаемый перфектом на *-ши*, мыслится обычно как состояние (или пространственное пребывание) предмета, обозначенного подлежащим. Однако в отличие от перфекта с суффиксами на *-н-*, *-т-*, обладающего довольно широкой гаммой оттенков временных значений (особенно в двусоставных конструкциях), образование на *-ши* в говорах псковских и новгородских характеризуется, как правило, непроцессуальностью, статальностью значений. Так что оно не в какой-то своей части, а почти в полном объеме может быть определено как результатив, т. е. форма, обозначающая «состояние предмета, которое предполагает предшествующее действие».¹ <...>

Рассмотрим последовательно семантику данного оборота в его основном, «несвязочном» (1), и «связочном» (2) вариантах.

1) Образование на *-ши* с нулевой связкой, как специализированная форма результатива, не способно выступать в значении чисто аористическом. Невозможны предложения типа **Он приехавши, а потом снова уехавши*, где сама последовательная смена фактов прошлого предполагает аористическое значение форм прошедшего совершенного. Согласно псковской и новгородской диалектной норме здесь обе формы сов. вида должны быть не на *-ши*, а на *-л*: *приехал, уехал*. Лишь они могут выражать неактуальное кратковременное действие в прошлом. Более того, образование на *-ши* не употребляется, как правило, и в значении близком к аористическому при одновременном сохранении перфектности значения (т. е. актуальности результата действия для момента говорения). Почти не встречаются в текстах высказывания типа **Он уехавши вчера утром, *Она заболевши сегодня ночью* (ср. указанную выше широкую возможность подобного употребления образований на *-н-*, *-т-*, *-но-*, *-то-*, не утрачивающих перфектности значения: *Жердь-то иишио вчерась приташишен, во у згароды* (Слобода Сл. Пск.) и под.) В таких случаях используется общерусская форма на *-л* (*уехал, заболела*), но уже в чисто аористическом значении. Перфектное значение

¹ Недялков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций (результатив, пассив, перфект). Л., 1983. С. 7.

формы на -л при обстоятельстве, называющем время действия, здесь, в отличие от причастных конструкций, уже невозможно.

Имеет, таким образом, место структурно-языковое противопоставление друг другу двух непереходных форм сов. вида — результативной на -ши и процессуально-аористической на -л (заметим как важное, что обе они — формы актива и что, следовательно, временная оппозиция не осложнена здесь преобразованиями конверсивного характера). Показательны те редкие случаи, когда функции обеих форм, образованных от одного и того же глагола, прослеживаются в одной фразе: *Филипа сейчас нет, уехавши, раненько уехал* (Ремда Сер. Пск.); *У ее сын маблизавáвши, ноне весной маблизавался* (следует понимать «демобилизровался») (Лужок Луж. Лен.).

Данное противопоставление в значительной степени подменяет собой в указанных говорах существующую в системе времен русского глагола оппозицию «перфект на -л — аорист на -л». <...>

Субъектнорезультативное значение сказуемого на -ши правомерно усматривать в любой нераспространенной конструкции типа *он вставши*, независимо от лексического значения «производящего» непереходного глагола сов. вида. Результативную сущность подобных форм помогает иногда увидеть контекст: *Глянула в окно, а он пришотши и сидит себе на заваленки, раскуривае* (Котьково Тихв. Лен.). <...>

2) Образование на -ши со связкой *был (была, было)* — *отец был вставши* — так же, как и форма на -ши с нулевой связкой, не приобретает, по нашим наблюдениям, чисто аористического значения. Невозможно: **Он был вставши ровно в шесть*. Этим данный результатив-перфект принципиально отличается от форм на -н, -т в аналогичном связочном варианте общерусской конструкции (*изба была поставлена*) или в диалектных двусоставных: *В четверк бѣла послан* (о посылке) — смысл: «в четверг отправили» (Гальчиха Сл. Пск.). <...> Рассматриваемому варианту оборота с деепричастием <...> свойственно обычно длительно-результативное значение, уже отмеченное выше для бессвязочного варианта: *Я фстафшы была, как Павел-то проснулся* (Снопово Тихв. Лен.) — смысл: «я бодрствовала в тот момент, когда проснулся Павел»; *Трахтор долго сломафшы был, справили топерь* (Самолва Гд. Пск.) и т. п. В диалектологических работах подобное значение называют иногда значением плюсквамперфекта <...>.

Употребительность связочного варианта конструкции в северо-западной диалектной речи достаточно велика. В экспериментальных записях жанра непринужденной беседы эти обороты составляют, как правило, от 20 до 35 % от общего числа конструкций с формой сказуемого на -ши. Наличие этой формы обуславливает неупотребительность в псковской и новгородской речи конструкций с прошедшим несовершенным на -л в плюсквамперфектном значении. Вместо обычных в литературно-разговорной речи конструкций типа

он вчера приходил или *она сейчас прибежала* употребляют *он вчера был пришедчи, она сейчас была прибежи* и т. п. <...>

Лексическое совпадение последней [конструкции] с перфектом, ее тесная связь с ним, а также ее большая продуктивность и функциональная выразительность оправдывают взгляд на нее как на особую временную форму. А более строгое соответствие аналитической формы новым нормам предикативного деепричастия наводит на мысль о более позднем становлении ее как временной формы в русских говорах Северо-Запада сравнительно с перфектом на *-ши*.

§ 3. Селигеро-торжковский тип деепричастного перфекта.

Данный вариант перфекта на *-ши*, наиболее далекий от литературной формы, представлен формой деепричастия-пассива в конструкции типа *пол помывши: Контора запёрши* (Тупиково Торж. Калинин.); *Корова напоивши* (Перелесово Вышн. Калинин.) — пример из материалов, собранных для Диалектологического атласа; *Целую ночь лил* (дождь), *та-то хоть кучка* (колотых дров) *была прикрывши* (прикрыта брезентом) (Макарьино Торж. Калинин.). Граница ареала конструкции примерно такова: оз. Селигер — г. Боровичи — г. Бежецк — г. Калинин — оз. Волго — оз. Селигер.

Формы на *-ши* рассматриваемой разновидности полностью синонимичны перфекту-пассиву на *-н, -т* (*помывши* = *помыт*, *запёрши* = *заперта*, *напоивши* = *напоена*; *была прикрывши* = *была прикрыта*), и их трудно истолковать иначе, как образования от глаголов переходных. Они тоже обладают перфектным значением, к которому добавляется, однако, и залоговое значение пассива (носителем нового состояния как результата предшествующего действия является здесь уже не субъект, а предмет, обозначающий реальный объект действия).

Если основной, псковско-новгородский тип деепричастия на *-ши* определен выше как специализированная форма субъектного результатива (см. § 2), то данный тип можно было бы характеризовать как результатив объектный. Но настолько ли полно, как в основном типе, выражаются здесь результативные свойства? <...>

Похоже, что перенос формы на *-ши* в сферу переходных глаголов и вытеснение ею страдательных причастий на *-н, -т* означали одновременно и семантическое сближение рассматриваемого новообразования с основной формой предикативного деепричастия — субъектным результативом, который не принимает, как правило, процессуальных значений.

Что касается связочного варианта *пол был помывши*, то здесь так же, как и в соответствующем субъектнорезультативном обороте *отец был вставши*, не отмечено случаев с аористическим значением формы на *-ши*. Ср. записанный нами единственный пример, где форма деепричастия, благодаря творительному орудному, близка к подобному употреблению: *Вокзал был бомбой разрушфши* (Тупиково Торж. Калинин.). <...>

Отсутствие оппозиции «результатив на *-ши* — аорист соответствующего глагола на *-л*» — предстает как существенный признак, отличающий объектный результатив селигеро-торжковского типа от субъектного. Лишь последний является членом подобного противопоставления. Следует также различать оборот *пол помывши* и ту близкую к нему на первый взгляд разновидность оборота *он вставши*, где форма на *-ши* (как правило — при неодушевленном субъекте) лишь до некоторой степени сближается семантически с объектным результативом: *Колесо-то, видишь, сломавши* (Оскуй Чуд. Новг.); *Не знаю, потерявши где-то (носок), за сундуком, можа* (Островцы Гд. Пск.); *Как дровы-та берёзавы, дак ы хлебы харашо прapéкишы* (Слобода Сл. Пск.); *А на нашем мальце, дак што на огне фсё гори (= горит): опять сапоги разорвафшы* (Пустошка Луж. Лен.) (по значению формы на *-ши* близки здесь к страдательным причастиям *сломано, потерян, пропечен, разорваны*).

Эти конструкции отличаются от оборота *пол помывши* (*контора запёрши, корова напоивши, кучка (дров) прикрывши*) тем, что результатив на *-ши* сохраняет в них внутрисистемную соотносительность с параллельной аористической формой непереходного глагола на *-л* (*-л*ся): *колесо сломавши — ...сломалось, носок потерявши — ...потерялся, хлебы прapéкишы — ...пропеклись, сапоги разорвавши — ...разорвались* и т. д. Ср. отсутствие подобной пары для объектного результата в страдательной конструкции: *пол помывши — *...помылся, контора запёрши — *...заперлась* и т. д. Это свидетельствует о непереходности глагола, образующего форму на *-ши* в конструкции *колесо сломавши* и под., и ее субъектно-результативном характере. Подобные конструкции неотделимы от рассмотренной выше (§ 2) основной разновидности оборота с деепричастием-перфектом и составляют в псковских и новгородских говорах до 7% от общего числа представляющих ее фактов. Что же касается результата-перфекта селигеро-торжковского типа *пол помывши*, то он отмечается в этих говорах довольно редко.

§ 4. Функциональные разновидности деепричастия на *-ши*. Кроме рассмотренного двусоставного оборота с нулевой и отвлеченной глагольной связкой (*он (был) вставши*), представляющего, как было сказано, чрезвычайно продуктивную и абсолютно господствующую разновидность узко северо-западного диалектного деепричастия-перфекта на *-ши*, тем же говорам знакомы и другие его функциональные варианты, не вполне соответствующие той квалификации, какая была дана этому образованию выше, и менее употребительные в речи. Поскольку же наибольшее число известных вообще современным русским говорам разновидностей деепричастия-сказуемого бытует в говорах южной Гдовщины, то именно они послужили для нас основным иллюстративным материалом. Отмечено следующее употребление образований на *-ши*.

I. Деепричастие на *-ши* в сочетаниях с формами глагола *быть* (помимо уже рассмотренной плюсквамперфектной формы *был вставши*): 1) в малопродуктивных образованиях прошедшего сложного (*бывши* + деепричастие и *бывал* + деепричастие): *Мы полоскались, а он (вертолет) на островах сефши быфши, я ижна гóлову перекóрнула, убоаяся* (Подборовье Гд. Пск.); *Бывали и да таво дажыфши, што ни лошади, ни каровы* (Чудская Рудница Гд. Пск.); 2) в сочетании со словом *есть*: *Каторы есь видилínки-ть (= кустики) астафши, там будут угурцы* (Ремда Сер. Пск.) <...>; 3) в непродуктивной перфектной конструкции со значением кратности (*бывает* + деепричастие): *Филип ретка рассердифши бывае, фсегда смирный, навóльцыстый (= покладистый)* (там же); 4) в составе своеобразного «второго будущего»: *Робёнак буде затряхнуфши (затряхнуться 'убиться насмерть'), упадёт и буде убифши* (Подборовье Гд. Пск.). В данном аналитическом образовании деепричастие, как и в основной форме, обозначает общее состояние или пребывание субъекта, возникшее в результате совершенного действия. Однако состояние это (как правило, вместе с его причиной — действием) мыслится в момент высказывания как предстоящее, как «имеющее наступить» в будущем. <...>

II. Деепричастие на *-ши* в синтаксической функции связки: 1) в сложном сказуемом: *Нонец яны боле здать абязафши* (Слобода Сл. Пск.); 2) в составном сказуемом с однотипным деепричастием в качестве присвязочного члена: *А ё ль в Ренды́ (в д. Ремда) жы́хари (= жители) што не згарефши-та астафши?* (Чудская Рудница Гд. Пск.); 3) в составном сказуемом с причастием в качестве присвязочного члена: *У меня забалела карова, пришол веле-тинар: «У тебя быфши выпушшена вон, она простудилась, нада хины»; Вот Мельникаф, тот акуратный, а тоже бывши трéпанный в драки-та* (Ремда Сер. Пск.); 4) в именном составном сказуемом: а) с существительным в им. падеже в качестве присвязочного члена: *Угаль-та каминный дабываю (добывают), дак эта дёрива быфши, быфши лес* (Подборовье Гд. Пск.); б) с существительным в тв. падеже: *Ф турецку вайну ён быфши старинным афицерам, в ево заслук многа* (Ремда Сер. Пск.); в) с полным (или стяженным) прилагательным в им. падеже: *Как вечер, так драка, што в ей (= у неё) в рукí, тым (= тем) ево и дуге, така здравлюнная быфши бабíиша; Вада тёпла зделафши* (там же); г) с полным прилагательным в тв. падеже: (внучке) *Пакрякивай (= подтягивай) вярёфку накрепчи, тягай, бяссовеснай* (тв. ед. ж. р.) *стафши* (Подборовье Гд. Пск.); д) с кратким прилагательным: *Он вот таким манерам и астафши жыф* (Ремда Сер. Пск.); е) с формой сравнительной степени прилагательного: *И Галя-та, в Астрафцах-та катора, тая (= та) лучшы зделафши* (там же); ж) с предложно-падежным сочетанием: *Большый-та помир, харошый был, в ацца был урадифши* (там же).

III. Деепричастие на *-ши* в синтаксической функции главного члена (или компонента главного члена) односоставного предложения, в том числе: 1) неопределенно-личного предложения: *В Линградита, гаваря, над Нивой катаюцца, госпади исусе, да чаво тока не думашы* (Слобода Сл. Пск.); 2) безличного предложения: а) в однокомпонентном обороте: *Туц нету, гляш, как разладифшы* (Подборье Гд. Пск.); б) в двухкомпонентном обороте (с родительным части): *Летась (= в прошлом году) яблани были как аблітыи кветам, как снега налетешы* (Ремда Сер. Пск.); 3) инфинитивного предложения: *Куды ш ты к прблуды-то (к проруби)? Быть ввалифшы!* (Сабицы Луж. Лен.).

Результативно-перфектное значение деепричастия в односоставных оборотах и аористичность лексически параллельных ему форм на *-л* разграничиваются в речи так же, как это происходит в двусоставных оборотах: *уже разъясневши — как быстро разъяснело*.

IV. Деепричастие на *-ши* в полупредикативной функции: 1) в функции присвязочного члена составного сказуемого при знаменательной связке: *Зарумянефшы, залубенёфшы сидит, как царевна* (Устюцкое Пест. Новг.); 2) в двойственной, предикативно-обстоятельственной функции: *Полный день сидят нагнуфшы* (Черпеса Вел. Пск.); 3) в атрибутивно-предикативной функции в указанных ниже позициях бывших вторых косвенных падежей¹: а) в позиции второго родительного (обычно при отрицательном безлично-предикативном отглагольном слове или безлично употребленном глаголе *быть* при отрицании): *К им ноньма нико́ва нет приехафшы* (Самолва Гд. Пск.); *Фчерась нико́во не было пришотшы* (Душилово Луж. Лен.) <...>; б) в позиции второго дательного: *Зачь́м же туды, там колко разуфшы* (Подолешье Гд. Пск.); в позиции второго винительного: *Куды ш мне таку развалифшы* (о телеге) (Сабицы Луж. Лен.); 4) в функции второстепенного сказуемого: в оборотах типа *взявши вилы, пошел метать* <...>.

Наблюдаемое в новгородских и псковских говорах более или менее полное лексико-грамматическое соответствие всех функциональных разновидностей деепричастия на *-ши*, за исключением формы (IV. 4), основной форме деепричастного перфекта свидетельствует о ее теснейшей внутрисистемной связи с этими структурами.

Вопросы и задания

1. Что такое конструкция с предикативным деепричастием, каковы ее разновидности и ареал?
2. От каких глаголов образуется предикативное деепричастие и какое грамматическое значение выражает?

¹ Подробнее об этих конструкциях см. статью: *Трубинский В. И.* Вторые падежи нечленного действительного причастия прошедшего времени в русских говорах Северо-Запада // Псковские говоры. III. Псков, 1973. С. 117–123.

О ЛЕКСИЧЕСКОЙ БАЗЕ ПРЕДИКАТИВНОГО ДЕЕПРИЧАСТИЯ В ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ¹

Вопрос о специфике и происхождении предикативного деепричастия (*цвет облетевши, он оженивши, она была ушедчи* и т. п.), особенно употребительного в говорах псковских и новгородских, был уже частично освещен в работах А. А. Потебни, Н. Н. Дурново, В. И. Борковского, Ф. П. Филина, В. И. Чернышева, С. П. Обнорского, П. С. Кузнецова, Н. П. Гринковой, в диссертации Л. И. Царевой и некоторых других работах, но специально еще не исследовался. Ограниченность материала, который имелся в распоряжении ученых, исключала возможность выводов, выходящих за рамки предположений.

До сих пор остается неясным, как очерчивается круг глаголов, образующих интересующее нас сказуемое, какие языковые категории или свойства причастны к его образованию. <...>

Предлагаемая статья опирается на обильный свежий материал псковских и ленинградских говоров, накопленный в диалектологическом кабинете Ленинградского университета за последние 15 лет² (включая материал, собранный нами со специальной целью исследования данного явления). Она ставит своей задачей проследить, в плане уже позитивном, действительно ли значение изменения субъекта в каком-либо отношении, причем изменения совершенного, реализованного (т. е. то, что именуют «мутативностью»), является общим и основным свойством глаголов, дающих наше деепричастие.

Впрочем, подлежащее обоснованию положение не является чем-то совершенно новым. Очевидно, именно это свойство предикативного деепричастия имели в виду исследователи, когда в порядке предположения (вследствие ограниченности материала) отмечали как характерное для наших форм значение «признака, состояния как результата действия»³, а для «производящих» глаголов — «значение

¹ Трубинский В. И. О лексической базе предикативного деепричастия в псковских говорах // Псковские говоры. I. Псков, 1962. С. 162–178.

² Речь идет о материалах, собранных экспедициями университета в районах Великолукском, Гдовском, Красногородском, Лядском, Новоржевском, Новоскольническом, Опочецком, Полновском, Псковском, Пустошкинском, Пушкиногорском, Себежском, б. Середкинском, Славковском и Стругокрасненском Псковской области, а также в Гатчинском, Кингисеппском, Лужском, Оредежском, Осьминском и Сланцевском районах Ленинградской области.

³ Борковский В. И. Из наблюдений над языком деревень Вольная Березка и Кирилловщина (Лычковский район) Ленинградской области // Уч. зап. Яросл. ГПИ. Вып. IV: Русское языкознание. 1944. С. 119.

перехода (разрядка наша. — В. Т.) в новое состояние»¹. Эти беглые замечания ученых предвосхищают весьма выразительную закономерность, характеризующую явление, которое теперь, с накоплением большого количества фактов, усматривается достаточно отчетливо.

Заранее заметим, что анализ наш будет не узко лексическим, а таким, при котором обобщенные лексические значения будут рассмотрены в сочетании с семантикой вида и непереходности. Лексические значения «производящих» глаголов чрезвычайно неоднородны и сами по себе никак не обуславливают образования данной формы, о чем свидетельствует произведенный нами специальный «пробный» анализ.

Важным представляется другое, а именно то, что каждый из приводимых ниже глаголов, выступающих в форме деепричастия-сказуемого (а они, в полных перечнях, составляют более 95 % всех зафиксированных нами фактов), обозначает какое-то «осуществленное изменение» субъекта. Какого рода изменение имеется в виду — на это дает ответ вводная (предпосылаемая материалу) характеристика каждой глагольной группы. И поскольку ответ этот имеет, по сути дела, второстепенное значение (он необходим лишь для того, чтобы помочь конкретно представить доказуемое), то деление глаголов на группы предлагается максимально крупное и общее, однако достаточное для того, чтобы наглядно продемонстрировать «мутативность».

Обнаружилось, что в качестве «производящих» в псковских и ленинградских говорах выступают глаголы с общим значением *осуществленного изменения*:

а) в физическом, физиологическом или психическом состоянии одушевленного субъекта, б) в социально-бытовом положении субъекта-лица, в) в приспособленности одушевленного субъекта к явлениям среды, г) во взаимоотношении лиц, д) в физическом положении субъекта относительно другого предмета или среды, е) в физическом состоянии неодушевленного субъекта, ж) в пространственном положении субъекта.

Выделились также глаголы с общим значением: з) осуществленного появления или возникновения субъекта, и) осуществленного исчезновения или прекращения существования субъекта и, наконец, к) глагол *измениться* и ему синонимичные.

Некоторые глаголы заслуживают особого рассмотрения.

а) Глаголы с общим значением осуществленного изменения в физическом (внутреннем или характеризующем лишь внешность), физиологическом или психическом (душевном, интеллектуальном, моральном) состоянии одушевленного субъекта.

¹ Гринкова Н. П. Мстинский говор (Очерки по русской диалектологии. VIII) // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1948. Т. 69. С. 198.

АклагОлиться «спиться»: *яны и не старыи, гот триццати, иныиы стифшы, проста акаголифшы фси там* (из рассказа о прошлом) (Пск.); *взбеситья: у жарьвых сашку кусила собака, фсе спужафшы были, дохтур велел уколы делать, думал, собака верна збесифшы* (Лен.); <...> *завшИветь: загляним бываль к ей, суп варит чорный, што мужычы портки помочьны, ребята фсе зафшыивифшы, мазаны* (Лен.); *завязаться: чево ета (ты) завязфшы севодни?* (Лен.); *загореть: ана загарефшы што цыганка* (Пск.); <...> *заснуть: дет той уш заснуфшы, так фырцы дьк...* («фырчит», храпит) (Пск.); <...> *выйти (из лет): ты-ть с лет выштьшы аль не? никак ты и пасивефшы* (Пск.) <...>.

б) Глаголы с общим значением осуществленного изменения в социально-бытовом (в том числе имущественном, хозяйственном, семейном, общественном и т. д. положении субъекта-лица).

Ввязаться: у будьшника што ль (драка)? а семён-ть зачем вязафшы? (Лен.); *венчаться: я вяцафшы, меня в дом привяли, два брата, две каровы, полная хазяйсвь* (Пск.); <...> *выйти (замуж): жУръва тожса вышфшы в ЛИНтьградИ* (в Ленинграде), *за цёва вышфшы, не знаю* (Пск.); *выйти (из армии): старшый он уже с армии выштьшы да где-ть ф шахтах работае* (Пск.); *демобилизоваться: у её сын маблизавафшы, ноне весной маблизавался* (Лен.); <...> *обмирчитья: войти в мир, в общество: сецас аны (староверы) аммиришЫфшы, не магли ранышы аммиришЫца никак* (Пск.); *обноситья: сафсем абнасифшы, платья куплять надь* (Пск.); <...> *обрядитья: ‘справиться по хозяйству’: я уш абрядифшы, иду на сабранье* (Лен.); *обставитья (мебелью): теперь неплохь аптавивфшы, кровать, стулья, камот* (Лен.); *овдответь: ёна овдовефшы, ковда не помню, вот сына ихнева помню, такой цырёмньватый (чернявый)* (Пск.) <...>.

в) Глаголы с общим значением осуществленного изменения в приспособленности одушевленного субъекта к явлениям среды (изменения, равносильного приобретению или утрате субъектом опыта, навыков, привычки, без конкретизации последних в лексическом значении глагола). *Втянутья: папервьсти-ть им труннавать былъ, а топерь вроди и фтянуфшы (в работу)* (Пск.); *навыкнутья: и шурик и тот навыкшы в етаи дели* (Лен.); <...> *познакомитья: иди говорит горшечки делать, а я ишио и не познакомифшы с етым дельм* (Лен.); *привыкнутья: как падайдё пад басню (подойдет под слово, будет кстати) и скажыш приговорку (поговорку), иныиы тьк привыкшы* (Пск.) <...>

г) Глаголы с общим значением осуществленного изменения во взаимоотношении лиц (одного субъекта-лица по отношению к другому, двух или нескольких субъектов-лиц по отношению друг к другу). *Договоритья: дьгварифшы (они) раныш пь какой цыне прьдавать, так и тьргавали* (Пск.); *скока надо платить мы не договорифшы* (Лен.); *перессоритья: женя са фсем перессорифшы,*

и фсё равно ходит ка фсем (Лен.); признакомить ся: *теремИ-тин-ть жыл заготовитель, ён ка фсем был признакомифшы здесь* (Пск.) <...>

д) Глаголы с общим значением осуществленного изменения в физическом положении одушевленного или неодушевленного субъекта относительно другого предмета или среды. Влипнуть: *кленовыи лисья клали на нижней корацки, фсё были влипшы лисья* (Пск.); воткнуться ся: *была (бревно) спирва в дно ваткнуфшы, а послн сплыла ёнО упать* (Лен.); впитаться ся: *скатерётку-ть и не отмоиш теперь, чернила аны фпитафшы* (Лен.); впить ся: *што думаю сАдее так, а ета клеи в уха фтифшы* (Лен.); завязнуть: *машина севодни ночью была завязшы коло нашева дому* (Лен.) <...>

е) Глаголы с общим значением осуществленного изменения в физическом (качественном, структурном или касающемся только внешнего вида) состоянии неодушевленного субъекта. Вскипеть (скипеть): *чайник скипефшы уже, холонный буде скорь* (Лен.); вспениться ся: *дрожжы маи спенифшы* (Лен.); выгореть: *где на буграх-ть дьк травы уже выгьрефшы и картошки многь сохне* (Пск.); вЫдобреть(ся): *лён уш вЫдабрефшы, харошый нонеч* (Пск.); вызреть: *ишишо цорная-ть (сморода) ня вызрефшы, куды ш яну зелёну-ть, ишишо прОзелень...* (Пск.); <...> засолить ся: *ваше тела нежней, наше-ть застарефшы* (Пск.) <...>

ж) Глаголы с общим значением реализованного изменения в пространственном положении (равно как в пространственной структуре, пространственной позе или форме) одушевленного или неодушевленного субъекта.

Бухнуть (ся): *смотри къс малец-ть твой бухнуфшы ф канаву и не фстать* (Лен.); ввалить ся: *куды ш ты ф кухню-ть ввалифшы, галИк бы взял* (Лен.); взбиться ся ‘взобратся’: *старуха, гьвари, лет шысят, збифшы на яблню* (Пск.); взгромоздиться ся: *видна, ночью лёт шол, льдины згромоздифшы одна нь одну* (Лен.); <...> втиснуться ся: *маладыи вы, праилис бы, а то фтиснуфшы за стол и сидити* (Пск.); выбежать: *раншыи вить лисапетьф не ведали, паехал помню папоф сын дьк фсе были выбежафшы* (Пск.); <...> вылезть: *еть чарвяк, он с веникоф вылишыи* (Пск.); вылететь: *вылетефшы аны (птицы) аттуль (из скворешника), ён порожний* (Пск.); вылить: *и кадушка рассохиы, виш расол-ть вылифшы* (Лен.); <...> вЫтрусить ся: *пастельник рваный весь, в дырях (в дырах), тьлавина саломы вытрусифшы* (Пск.); докатыть ся: *брёвны в рекУ скатывали, а патом баграм спихывали, которы не докатыфшы* (Лен.) <...>

з) Глаголы с общим значением осуществленного появления, обнаружения или возникновения одушевленного или неодушевленного субъекта.

Взяться: *съпаги, бальшыи съпаги — нудаушки, вот я ни знаю с каких врмён взяфшы* (Пск.); *вылупить с я: цыпъуки-ть давно вылуцифшы, падрошыи уш* (Пск.); <...> *нарасти: зАрастель (заросль), балота и толька, лядина, бирязняк, алейняк нарошыи* (Пск.); *на родить с я: вы думаете што человек нарадифшы и фсё?* (Пск.); *настроить с я ‘выстроиться’, ‘появиться’: там полнай пасёлак настроифшы* (Лен.); <...>.

и) Глаголы с общим значением осуществленного исчезновения или прекращения существования одушевленного или неодушевленного субъекта.

Выгулять с я ‘исчезнуть’ (о хмеле): *сам-та выпивае здрава, ишишо не знаю, выгуляфшы ли хмель* (Пск.); *дет с я: где ф теснъм мести мужьки жыва снимаю цасики, яны никуды ни дефшы* (Пск.); *затерять с я: у петьки тожа клешыи куды-та затеряфшы* (Лен.); <...> *околеть ‘издохнуть’: кошка чорная акалефшы* (Лен.); *перейти ‘прекратиться’: сидеть-та уш некали, дош перешоццы* (Пск.); *погибнуть: сынОвья нивеска в лингради, сынок-ть пагиншы* (Пск.); *погИнуть ‘погибнуть’: муш у мя пагинуфшы давно* (Пск.); <...> *спрятать с я: как лёкшы ф травы (о тетереве), кверху лапам, и закрыфшы лисьям, спрятафшы* (Лен.); *умереть: скокъ умёршы-ть* (Пск.). <...>

к) Глагол «измениться» и ему синонимичные.

Взбунтоваться (збунтавацца) ‘прийти в движение’, ‘перемешаться’: *топерь нарот-ть тамаука збунтавафшы, адны суды, други туды, весь нарот перемянифшы, молОды приехали, старыи памёршы* (Пск.); *изменить с я: при моём-ть веке обярунулася (изменилось, переменилось) мнозь слоф, мнозь мнозь обярунуфшы, изменифшы* (Пск.); *фсё так жь нъзываица, этъ в гърадах што (что-нибудь) змянифшы, а в нас фсё так жь* (Пск.); <...> *переродить с я: топерь старых ф той деревни нет, нарот перерадифшы* (Пск.). <...>

При рассмотрении приводимых выше глаголов в их полных перечнях можно убедиться в соответствии каждого глагола вводной характеристике той группы, куда он отнесен. Можно также видеть, что слово «изменение» фигурирует почти в каждой формулировке при характеристике значений глагольных групп.

Замена слова *изменение* словами *появление* или *исчезновение* в формулировках при характеристике двух глагольных групп («з» и «и») не противоречит сказанному, ибо как появление или начало существования, так и исчезновение или конец существования субъекта представляют частные случаи того же изменения в его наиболее радикальной форме (от небытия или отсутствия субъекта — к его наличию, и наоборот).

Особо отметим «производящие» глаголы со значением осуществленного сохранения (неизменения) субъекта или его данного состояния. *Остать с я: паслетки астафшы топерь парней, збор*

христоф, очень мала, аттуль человек, аттуль два и нет, збор христоф астафшы-ть (Пск.); *сохранить ся: а каторы* (деревья) *с семья, тыи уцелели, лес барский весь съхранифшы, топерь ён в нашиъ власти* (Пск.) <...>

Глаголы эти представляются на первый взгляд немутативными. Фактически же они могут быть приравнены только к ярко-мутативным. В самом деле, все глаголы со значением сохранения синонимичны «самому мутативному» глаголу *измениться*, употребленному при отрицании: *не измениться — сохраниться, остаться, уцелеть* и т. п. Не случайно форма *оставши* предстает как одна из наиболее употребительных.

Итак, факт наличия общего семантического элемента, объединяющего группы глаголов, не подлежит сомнению. Однако обнаруживается, что одна из самых крупных глагольных групп (пункт «ж») не вполне удовлетворяет нашей предположительной характеристике. Глаголы эти обозначают изменение не самого субъекта, а лишь его положения в пространстве, чем значительно расходятся по семантике с основной массой производящих глаголов. Материал, таким образом, внес свои коррективы. Выявленное свойство представляет собою, оказывается, нечто не совсем тождественное мутативности в ее обычном понимании (т. е. свойству глагола обозначать какое-то изменение субъекта).

Мы все же оставили, сознавая всю его условность, данный термин для обозначения объективно существующего общего свойства глаголов «базы», которое здесь обнаружилось. Свойство же это можно теперь окончательно определить как способность глаголов обозначать осуществленное изменение в состоянии или пространственном пребывании субъекта.

Отмеченное общее свойство подавляющего большинства «производящих» глаголов является в основе своей лексическим.

Однако наблюдается также известная грамматическая его обусловленность. Так, мутативность не выходит в основном за рамки категории непереходности, которая обуславливает ее, обеспечивая направленность действия на его же производителя. Глаголы *вздвнуться, вырасти, обречьтись, ожениться, побытеть, сгореть, убець* и т. п. мутативны лишь постольку, поскольку непереходны. Как бы ни были лексически результативны переходные глаголы (например, *поймать, ударить, убить* и т. д.), мутативными лексически они быть не могут (за исключением, может быть, единичных случаев).

Итак, ясно, что непереходность, справедливо определенная П. С. Кузнецовым как важная особенность предикативного деепричастия¹, является категорией органически, качественно обу-

¹ Кузнецов П. С. К вопросу о сказуемости употреблении причастий и деепричастий в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 60–61.

словливающей его общее свойство, которое имеет при данном перфектообразовании (т. е. применительно к северо-западному перфекту) принципиальную важность.

Однако по своему объему, по охвату глагольной лексики непереходность гораздо шире мутативности, которая не обнимает и половины всех непереходных глаголов. За пределами ее как основного «производящего» свойства оказываются не только немутативные непереходные глаголы совершенного вида (*взглянуть, заблестеть, заговорить, застучать, крикнуть, навредить, помочь* и т. п.), но и подавляющее большинство непереходных глаголов несовершенного вида, включая и те, которые могут выражать процессуальное изменение субъекта (*вырастать, выходить (замуж), замерзать, затуманиваться, зреть, киснуть, коченеть, ослабевать, отогреться, привыкать, пьянеть, таять* и т. п.). Следовательно, под мутативностью в данном значении термина нужно разуметь свойство глаголов обозначать действие, не просто равнозначное какому-то изменению в состоянии или пребывании субъекта (то было бы свойство чисто лексическое — лексическая мутативность, — в значительной степени совпадающее с непереходностью, которая, однако, шире его: некоторые непереходные глаголы не обозначают изменение субъекта: *говорить, сказать, кричать, крикнуть, блестеть, заблестеть, помогать, помочь* и т. д.), но и способное реально изменить его, то есть достигающее в этом процессе, в этом изменении своего внутреннего предела, что только и может обеспечить начало новому состоянию субъекта.

Таким образом, мутативность как перфектообразующая сила, как глагольное свойство, объективно лежащее в основе образования нашего сказуемого, представляет собою лексическую мутативность в органическом соединении с видовой совершенностью¹.

¹ В лексическом фонде деепричастия-перфекта на *-вши* оказывается, таким образом, основная масса глаголов, дающих в литературном языке формы на *-л* с так называемым «качественным» перфектным значением (*ослабеть, отупеть, повеселеть, побледнеть, пополнеть, постареть, похудеть, похорошеть, поумнеть, располнеть, состариться, вспотеть, покраснеть, похолодеть, проголодаться, взбеситься, заржаветь, обезуметь* и т. д.), а также непереходные глаголы, образующие аналогичные формы с собственно перфектным (результативным) значением (*выйти, поехать, пойти, приехать, прийти, прибежать, убежать, уйти, уехать, договориться, задержаться, наняться, научиться, познакомиться, появиться, привыкнуть, привязаться, присмотреться, сдружиться* и т. п.). Переходные же глаголы, производящие, по мысли Н. С. Поспелова и Г. Ф. Лебедевой, формы на *-л* с тем же, «собственно перфектным» временным значением (*арестовать, взять, вспомнить, выгнать, забить, заплатить, лишить, назвать, напугать, научить, начать, освободить, получить, построить, потерять, починить, принести* и т. п.), остаются вне лексической базы нашего деепричастия (см.: *Лебедева Г. Ф.* Употребление глагольных форм прошедшего времени совершенного вида в перфектном значении в современном русском литературном языке // Вопросы истории русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1959. С. 213, 220).

Не может быть такой силой лексическая мутативность, не сопро-
вожденная совершенным видом (неупотребительны в северо-запад-
ных говорах предикативные деепричастия от глаголов *вырастать*,
выходить замуж, *замерзать*, *зреть* и т. д.).

Не может быть такой силой и совершенный вид при отсутствии
лексической мутативности (невозможны те же деепричастия от
немутативных глаголов совершенного вида, как переходных: *вы-
гнать*, *написать*, *поймать*, *сделать*, *убить*, *ударить* и т. д., так и
непереходных: *взглянуть*, *заговорить* и т. д.).

Итак, совершенный вид является необходимым элементом обще-
го свойства производящих глаголов — мутативности.

Последняя же не есть свойство чисто лексическое, поскольку она
осложнена и обусловлена семантикой грамматических категорий
вида и непереходности.

В свете произведенного исследования, с учетом имеющихся в
литературе сведений о сказуемом употреблении кратких причастий
действительного залога в древнерусском языке, становится очевид-
ным, что стабилизация глагольной базы наших форм осуществлялась
(по-видимому, уже в поздний исторический период) в двух направ-
лениях.

Результат одного из этих процессов, а именно «совпадение с
совершенным видом» уже отмечен Ф. П. Филиным и квалифициро-
ван им как явление новое¹.

Накопленные ныне факты дают возможность констатировать и
другое, как бы перекрестное движение в общем процессе стабили-
зации, приведшее к ограничению «образующей» базы глаголами
непереходными и еще уже — лексически мутативными.

Можно полагать, что становление перфекта на *-вши*, бесспорно
находящееся в тесной связи с развитием в русском языке категории
состояния, осуществлялось по обеим линиям одновременно. В про-
цессе своего формирования, с развитием категории вида, предика-
тивное деепричастие, еще хранящее следы своей атрибутивной
природы, смогло, очевидно в силу этого, взять на себя выражение
лишь наиболее ярких перфектных значений. Эта «яркость» в доста-
точной степени обеспечивается общим свойством глаголов «базы»,
которое в результате анализа определилось как свойство перфекто-
образующее.

¹ Филин Ф. П. Заметки о записях материалов по синтаксису // Бюлл. диал. сект.
Ин-та русского языка. Вып. 4. 1948. С. 32.

ДИАЛЕКТНОЕ КОРНЕВОЕ ГНЕЗДО: ПРОБЛЕМЫ И ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ¹

§ 2. Диалектная лексика в корневых гнездах этимологических исследований

Лингвистические архаизмы различных языковых уровней дольше сохраняются на периферии языковой системы, в диалектах. Это неоднократно отмечали исследователи фонетики, лексики и грамматики русских говоров, часто в комплексе рассматривая явления современных говоров и истории русского литературного языка². В связи с этим диалектная лексика служит необходимым фоном этимологических исследований, выполняя, по определению А. И. Кузнецовой, роль «певца за сценой»³, обеспечивая доказательства исторического морфемного членения и характера образования слов. Не случайно поэтому лексика современных русских говоров на различных основаниях рассматривается в составе исторических корневых гнезд. При всем многообразии исследований данной проблематики можно выделить три основных варианта интерпретации диалектных слов в этимологических исследованиях.

Диалектная лексика может рассматриваться для обоснования этимологии слов литературного языка. По мнению исследователей данного направления, «современный этимолог не может не быть диалектологом» (Л. И. Шелепова), так как «любое словообразовательно изолированное слово предстанет перед нами в качестве определенной словообразовательной модели, как только выйдем за пределы наличной системы современного русского литературного языка в диалекты»⁴. Включение диалектных слов в гнезда однокоренных слов таких исследований служит для обоснования промежуточных шагов словообразовательного процесса, выявления структурной и семантической мотивированности образования слов в истории языка. Далее приведены несколько примеров корневых гнезд, извлеченных из исследований данной проблематики.

¹ Шаброва Е. Н. Диалектное корневое гнездо: проблемы и принципы описания. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Вологда: ВГПУ, 2002. С. 19–21.

² Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1994; Азарх Ю. С. Историческое и диалектное словообразование имен существительных. М., 1996; и др.

³ Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1987. С. 16.

⁴ Шанский Н. М. О реконструкции промежуточных словообразовательных звеньев // ФН. 1962. № 4.

1. **Басня.** Общеслав. Образовано от ныне исчезнувшего глагола *бати* ‘говорить’ (откуда диал. *баять* — тж., ср. чешск. *vati* — ‘говорить, рассказывать’, н-луж. *важ* — тж.) посредством суф. *-сня*. Первоначальное значение — ‘сказка, рассказ’ [КрЭС, 37].

2. Словообразовательное гнездо с вершиной *бать* в диалектной словообразовательной системе¹.

<i>бать</i> → ‘говорить’ урал., пенз.	<i>бах</i> → ‘говорун’ арх., ‘хвастун’ мурм.	<i>бахарь</i> → ‘говорун’ <i>во-</i> <i>лог.</i> , <i>твер.</i> , <i>ни-</i> <i>жегор.</i> , ‘зна- <i>харь’ твер.</i> , <i>ряз.</i>	<i>бахарун</i> → ‘говорун’ <i>петерб.</i>	<i>бахарунья</i> → ‘говорунья’ <i>петерб.</i>
<i>басня</i>				
	<i>баять</i> → ‘говорить’ <i>волог.</i> , <i>костр.</i> , <i>перм.</i> , <i>пск.</i> , <i>смол.</i>	<i>баяние</i> ‘действие по глаголу <i>баять</i> ’		
		<i>баян</i> ‘певец; говорун’ <i>новоросс.</i> <i>баяла</i> ‘говорун’ <i>перм.</i> , <i>вят.</i> , <i>твер.</i> <i>баяк</i> ‘говорун’ <i>влад.</i>		
		<i>обаять</i> → ‘очаровать ре- <i>чами’</i>	<i>обай</i> → ‘насмешник; сплетник; наговор- <i>щик’ пск.</i> , <i>твер.</i> <i>обаюн</i> <i>тобол.</i> <i>обаяние</i>	<i>обайщик</i> ‘балагур’
			<i>обаятель</i> → ‘чаро- <i>дей; колдун’</i>	<i>обаятельный</i>

3. **Вихлять.** Др.-русск. Образовано с помощью суф. *-ати* от *вих-лый*, производного (ср. *кислый*, *тухлый* и т. п.) от *вихати* — ‘колебать’, в диалектах еще известного. Глагол *вихати* посредством суф. *-ати* образован от несохранившегося *вихь* (ср. соответствующие по структуре *смех*, *успех* и т. п.) суффиксального сущ. со значением действия от *вити*. См. *вить*. [КрЭС, 37].

4. Словообразовательное гнездо с вершиной *-вих-* в вологодских говорах².

¹ Шелопова Л. И. Особенности словообразовательной системы говоров и этимология // Ономастическое и диалектное словообразование Алтая. Барнаул, 1985. С. 162.

² Шаброва Е. Н. Вологодские говоры как источник ближайшей этимологии слов литературного языка // Вузовская наука — региону. Вологда, 2002. С. 389–390.

Их производные, отмеченные в литературном языке (*вывихнуть-ся*, *вывих-ива-ть-ся* 1, *вывих-ива-ть*, *вывих-ивать-ся* 2, *вывих*, *под-вывих*, *вывихну-т-ый*, *вывихнут-ость*,

<p>вих-á-ть → '1) выполнять тяжелую физическую работу; 2) приводить в колебательное движение из стороны в сторону, шатать' [СВГ, 1, 72]</p>	<p>вихáть-ся → 'производить колебательное движение, шататься' [КСВГ]; * 'тяжело, интенсивно работать'</p>	<p>вих-ну́-ться 1 'резко наклониться, отклониться от прямого положения' [СВГ, 1, 73] <i>из-вихáться 1</i> 'сильно устать, измучиться' [СВГ, 3, 7] <i>по-вихáться</i> 'понадрываться на тяжелой работе' [СВГ, 7, 80] <i>у-вихáться 1</i> 'устать, утомиться от тяжелой работы' [КСВГ]</p>
	<p>вих-ну́-ть → 'неожиданно сдвинуть с места, наклонить' [СВГ, 1, 72]</p>	<p>вихну́ть-ся 2 'резко наклониться' [СВГ, 1, 73] <i>вы-вихнуть</i> <i>по-вихну́ть</i> <i>под-вихну́ть</i> <i>с-вихну́ть</i></p>
<p>вих-á-ть</p>	<p><i>из-вихáть</i> 'испортить, изломать' [СВГ, 3, 7] <i>из-вихáться 2</i> 'сильно устать, измучиться' [СВГ, 3, 7] <i>от-вихáть</i> 'отломить' [СВГ, 6, 86] <i>раз-вихáть</i> 'испортить, разломать' [КСВГ] <i>у-вихáть-ся 2</i> 'устать, утомиться от тяжелой работы' [КСВГ]</p>	

Исследования другого направления анализируют отдельные исторические гнезда, на равных основаниях рассматривая лексику литературного языка и территориальных диалектов. Недифференцированный подход к изучению семантико-словообразовательных связей однокоренных слов позволяет изучить динамику лексического состава и структуры этих гнезд в русском языке, описать особенности взаимоотношений однокоренных слов на отдельных этапах развития русского языка. Данный подход реализуется в работах Л. В. Соколовской (историческое было так с вершиной *-лук- // -луч-*), Н. В. Галиновой (КГ со значениями «гнуть, вертеть, вить»)¹. На страницах «Этимологического словаря славянских языков» и «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера лексика русских говоров также входит в состав недифференцированных корневых гнезд.

***Vava**: русск. диал. *бава* ж. р. 'довольство' (ряз., Доп. к Опыту 4), *бава* 'забава, игрушки; довольство, достаток, обилие' (Даль I, 89),

повихнуть-ся; подвихнуть-ся, свихнуть-ся, свих-ива-ться, свихну-ви-ийся (прич.-прил), *свих-ива-ть, свихива-ни-е, свих, свихну-т-ый* (прич.-прил.), в диалектном гнезде не приводятся.

¹ Соколовская Л. В. История слов с корнями слов *-лук- // -луч-* в русском языке XI–XX вв. Семантический аспект. Пермь, 1996; Галинова Н. В. Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями «гнуть», «вертеть», «вить» в говорах Русского Севера. Екатеринбург, 2000.

блр. *бава* ж. р. ‘разговор, беседа’ (Байкоу-Некраш. 40), диал. *бава* ж. р. ‘долгая беседа’ (Бялькевич. Магіл. 80), ‘забава, потеха’ (Сцяш-кович. Грод. 42).

Праслав. диал. *vava*: реконструируемое на основе этих вост.-слав. примеров, может быть весьма старым глагольным именем, соотносимым с гл. *vaviti*... Обращает на себя внимание известная архаичность и самостоятельность значений имени — ‘довольство, достаток, обилие’ и лишь отчасти ‘забава, игрушки’ и под., что замечательно, если учесть почти полное возобладание в русск. языке продолжений приставочного **za-baviti (se)* ... с семантикой ‘забавлять, развлекать’ (семантика, близкая к знач. ‘довольство’, косвенно отражена также в приставочных **dobaviti, *pribaviti*)... Фасмер (I, 101) говорит о *-бава* только в составе сложного *забава*, не упоминая наших случаев свободного употребления *бава* [ЭССЯ, I, 168].

Этимологический словарь, по мнению А. С. Герда, может быть составлен не только для общности языков или отдельного языка, но и для отдельной системы говоров. Так, в «Материалах для диалектного этимологического словаря» А. С. Герда определяются время и источники появления слов в системе ладого-тихвинских говоров. В составе корневых гнезд этого словаря рассматривается только территориально ограниченная лексика исследуемой группы говоров.

Список словарей

- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1978.
Доп. к Опыту — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
КрЭС — *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. Т.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.
КСВГ — картотека Словаря вологодских говоров.
СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–8. Вологда, 1983–2001.
Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1986–1987.
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Вып. I–XVII. М., 1974–1992.

Вопросы и задания

Почему диалектная лексика может рассматриваться наряду с общерусской?

А. Б. Шапиро

СТРОЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ¹

Настоящая работа представляет собой введение в изучение синтаксиса современной русской разговорной речи.

Живая разговорная речь, по природе своей диалогическая, формируясь в особых психофизиологических условиях сравнительно с речью письменной (так называемой книжной), характеризуется в синтаксическом отношении многими весьма важными специфическими чертами. Характерные синтаксические черты живой разговорной речи (в которой следует различать ряд жанровых и стилистических разновидностей) с особенной отчетливостью выступают в речи диалектной, сохраняющей до настоящего времени множество древних конструкций, которые вовсе или почти не испытали на себе влияния книжной речи. Однако наша диалектологическая литература, накопившая богатейшие материалы в области фонетики и морфологии, а в последнее время и в области лексики, проявляла чрезвычайно мало интереса к вопросам синтаксиса. Даже те немногие синтаксические наблюдения, которые производились отдельными диалектологами, носили обычно случайный характер и ограничивались очень незначительным кругом вопросов: об отдельных формах согласования, об употреблении падежей при некоторых глаголах, об употреблении некоторых предложно-падежных конструкций, об особых типах безличных предложений и некоторыми другими. Вопрос о строении предложения как самостоятельная проблема не только не разрабатывался, но даже не был поставлен. Таким образом, образовался значительный и серьезный пробел в самой диалектологической науке.

В настоящей работе делается первый опыт систематического описания строения предложения в русских говорах; при этом вместе с описанием ставится и по возможности разрешается ряд общих синтаксических вопросов, возникающих при наблюдениях над диалектной речью. Материалом для исследования послужили собственные многочисленные записи автора работы, произведенные им во время поездок в районы Вологодской, Архангельской и Рязанской областей, а также связные тексты, записанные разными лицами в различных местностях (часть из них была опубликована, многие же сохранились в рукописном виде в архивах и у частных лиц). В той

¹ Шапиро А. Б. Строение предложения в народных говорах (Аннотация докторской диссертации) // Доклады и сообщения Института русского языка. Вып. 1. М.; Л., 1948. С. 165–170.

мере, в какой это представляет интерес для данного исследования, был использован также фольклорный материал. Для подтверждения древности многих синтаксических конструкций привлекался в качестве примеров материал древнерусских памятников — оригинальных, и притом так называемого делового характера.

Диалектная речь использует чрезвычайно разнообразные типы предложений. Однако при всем этом разнообразии наблюдаются некоторые основные особенности, вытекающие, с одной стороны, из того, что содержание речи всегда близко к повседневным жизненным интересам и большей частью непосредственно отражает ход мыслей и переживания говорящих и, с другой стороны, из того, что диалектная речь, как сказано выше, в основе своей диалогична. Этим объясняется прежде всего то, что в диалектах мы наблюдаем сравнительно мало вполне законченных предложений (простых и сложных). Наоборот, высказывания (одного лица или нескольких собеседников) представляют собой как бы сплошной поток, в котором волны непосредственно сменяют одна другую, нередко набегаая друг на друга и друг с другом перемешиваясь и сливаясь. Отсюда очень большое количество предложений неполных, значительное преобладание паратаксиса над гипотаксисом, а также ряд других особенностей, как то: дословное или видоизмененное повторение сказанного предложения или его части; преимущественное пользование формами прямой речи сравнительно с формами речи косвенной; смешение конструкций прямой и косвенной речи и вообще переход от одной синтаксической структуры к другой внутри одного предложения; частые вставки в середину предложения каких-либо замечаний, дополнений, пояснений в виде самостоятельных предложений, разрывающих ткань основного предложения; обилие вводных слов и вводных предложений; чрезвычайное распространение частиц с разнообразными значениями.

Наряду с отчетливо оформленными простыми предложениями в говорах распространены разнообразные типы объединения простых предложений в сложные целые. При этом разграничение сложных и простых предложений часто очень затруднительно и устанавливается исключительно на основании ритмомелодических показателей, так как наличие союзов и относительных слов далеко не всегда означает объединение двух или нескольких предложений в сложное целое, и наоборот, отсутствие союзов и относительных слов далеко не всегда означает отсутствие такого объединения. В качестве сочинительных союзов в говорах употребляются союзы одиночные: *и, да, да и, зато, только, или, вот и, так и*, и союзы повторяющиеся: *да — да..., да и — да и..., ли — ли..., то — то...* Все эти союзы почти в одинаковой степени употребляются во всех русских говорах. Но в части северновеликорусских говоров наблюдается некоторое своеобразие в употреблении союзов *да, да и*, а именно: при одиночном их употреблении союзы эти могут повто-

ряться в конце предложения, присоединяемого посредством данного союза; повторяющиеся *да — да...*, *да и — да и...* иногда ставятся не в начале предложения, а на конце его. Такое постпозитивное употребление союза делает более отчетливым то присоединительное перечисление, которое обычно заключается в соответствующих сложных предложениях.

Употребляемые в говорах подчинительные союзы многочисленны и разнообразны по отношениям между предложениями, ими выражаемым. Одни подчинительные союзы служат для выражения более общих отношений (например, союз *как*, выражающий сопоставление), другие — для выражения отношений более частного характера (например, *если*, *пока*). Роль самого союза при этом не всегда одинакова: в одних случаях отношение между предложениями выражается почти исключительно союзом, в других кроме союза используются в качестве вспомогательных средств также порядок предложений, частицы (*то*, *так*), порядок членов в придаточном предложении. Из употребляемых в говорах относительных слов слово *который* распространено повсеместно, слово же *какой* употребляется почти исключительно в южновеликорусских говорах в том же значении, в каком в северновеликорусских употребляется *который*. Широко используются также относительные слова *кто* и *что*.

Изучение сложного предложения в тех разнообразных типах, какие встречаются в говорах, приводит, кроме уже изложенных, еще к следующим выводам: 1) во многих случаях нет достаточных объективных оснований для различения подчинения и сочинения: по-видимому, этими установленными в традиционном синтаксисе двумя видами отношений между предложениями не исчерпываются все реально возможные здесь отношения; 2) значение союзов, употребляемых для связывания предложений, более специализированно в группе союзов сочинительных и менее — в группе союзов подчинительных; 3) отношения между простыми предложениями, связанными без помощи союзов и относительных слов, нельзя свести только к сочинительному типу: при бессоюзии возможен, в свою очередь, ряд таких конструктивных типов, функции которых состоят в обозначении «зависимости» одного предложения от другого; важнейшими показателями такой «зависимости» являются: соотношения ритмомелодического строя простых предложений, образующих сложное целое, порядок простых предложений, соотношение форм сказуемых в объединяемых предложениях.

В говорах очень широко распространены односоставные предложения, а из них более всего предложения безличные с разнообразными формами выражения главного члена. Предложения двусоставные распадаются по признакам взаимоотношения между формами сказуемого и подлежащего на три основных типа: а) согласованные, в которых грамматическая зависимость сказуемого

от подлежащего выражена согласованием первого со вторым в числе и в роде; б) несогласуемые, в которых, в силу морфологической структуры главных членов (одного из них либо обоих), исключается сама возможность согласования, в) несогласованные, в которых грамматическая зависимость сказуемого от подлежащего не выражена, несмотря на возможность этого, формами согласования первого со вторым.

Преобладающим типом предложения в говорах является предложение неполное, что, как уже сказано выше, объясняется специфическим характером речевого общения между носителями диалектной речи. Можно без преувеличения утверждать, что неполное предложение в говорах представляет собой «нормальный» тип предложения, в то время как предложение полное употребляется лишь в «особых» случаях, например в начале сообщения при необходимости ввести слушателя в суть дела, в рассуждениях и некоторых других.

Частое наличие в диалектной речи элемента экспрессивности приводит к весьма широкому распространению предложений вопросительных и восклицательных, оформленных во всех случаях яркими интонационными приемами, а кроме того, когда это необходимо, также специальными вопросительными словами (местоимениями, частицами и некоторыми другими). Экспрессивный оттенок высказывания находит свои особые приемы выражения также в предложениях отрицательных; сюда относятся: предварение отрицательного ответа на вопрос словом-предложением *нет*, употребление в северновеликорусских говорах сказуемого-глагола в форме многократного вида (*не даывал, не танивал* и т. п.), выражающей полное отрицание.

Стремлением к приданию речи характера большей наглядности и живости следует объяснить частое употребление предложений с существительно-местоименными конструкциями, т. е. предложений, начинающихся с имени существительного, после которого вслед за значительной паузой идет высказывание об этом же предмете, обозначаемом на этот раз соответствующим местоимением. Существует несколько вариантов предложений данного типа, общей характеристикой которого является двустепенность: сперва выдвигается в центр внимания предмет, как бы выставляемый для обозрения, затем об этом предмете высказывается то или иное суждение.

В повествовательном и описательном жанрах диалектной речи говорящие широко используют предложения с однородными членами, соединяя последние друг с другом либо одними только интонационными приемами, либо интонацией в сочетании с союзами. Обращает на себя внимание распространенность парных одноформенных однородных членов, соединенных без помощи союза и представляющих собой сочетания аналогичных или противоположных по значению слов (*любо-дорого, ручки-ножки, взад-вперёд* и т. п.). В части северновеликорусских говоров наблюдается постановка

союзов *да, да и*, изредка *и* после соединяемых однородных членов, а иногда двусторонний охват однородного члена союзом. Функция такого употребления союзов при однородных членах та же, что и при соответствующих конструкциях в союзных предложениях (см. выше).

Потребность для говорящих в эмоциональном и логическом усилении тех или иных элементов высказывания (выделение значения отдельных слов или частей предложения, привлечение внимания слушателя к тому или иному оттенку связи между предложениями, желание показать свое личное отношение к высказываемому) приводит к широкому пользованию частицами и вводными словами и предложениями. Типы частиц, вводных слов и предложений с точки зрения структурной и со стороны значения чрезвычайно разнообразны. Точное разграничение этих классов служебных слов в ряде случаев представляет большие трудности, что свидетельствует об условности и несовершенстве принятой в синтаксической литературе классификации служебных слов и необходимости пересмотра этой проблемы в целом.

Вопросы и задания

Найдите диалектные особенности синтаксиса, указанные в статье А. Б. Шапиро, в диалектных текстах «Хрестоматии по русской диалектологии» (Русская диалектология: учебное пособие. СПб., 2010).

Вопросы и задания к разделу

1. Опишите диалектные особенности в области синтаксиса русских народных говоров.
2. Какие диалектные черты в образовании деепричастий отмечаются в статьях З. М. Петровой и В. И. Трубинского?
3. Происходят ли изменения в области грамматики русских народных говоров?

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ

Л. И. Баранникова

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ГОВОРЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Глава III. Изменения в диалектных лексических системах¹

<...> В современной действительности нет носителей говоров, которые не знали бы, что рядом существуют другие системы, в частности, система литературной речи, и в какой-то форме (активной или пассивной) не пользовались бы иной системой. Отсюда, с одной стороны, неизбежное сопоставление своих норм с другими, с другой стороны, проникновение в одну систему элементов других систем. Учет собственно диалектных и общих элементов в составе диалектной системы становится необходим, так как поведение, отклики их на проникновение иносистемных элементов будут разными.

<...>

Наблюдаемые нами в современных условиях лексические системы уже представляют собой определенный этап развития диалектных систем на пути их разрушения, сближения с системой общенародного языка в ее особой реализации в литературной речи. О структуре лексической системы того или иного диалекта в период его наибольшего развития, в период его наибольшей самостоятельности можем говорить только предположительно на основе изучения современного состояния диалектных лексических систем.

Учитывая функциональную ограниченность диалекта, можно предполагать, что его словарный состав не был очень обширным и равноценным в своих составных частях. В нем широко был развит круг слов, связанных с повседневной действительностью в ее многогранных проявлениях, тогда как лексика специального назначения, в первую очередь терминологическая, была ограничена почти ис-

¹ Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967. С. 81–121.

ключительно сельскохозяйственной терминологией и терминологией ремесел и промыслов, характерных для старой сельской жизни. Сравнительно слабо была представлена общественно-политическая терминология; специальная терминология других типов по существу отсутствовала. Зато широко была развита бытовая терминология. Очевидно, богатой была и нетерминологическая лексика, поскольку до сих пор в говорах сохранилось значительное количество соотносительных слов, выступающих в сложных синонимических или родо-видовых отношениях.

Разнообразной была диалектная лексика и по своей стилевой окрашенности: наряду с лексикой нейтральной, присутствовали и различные пласты эмоционально окрашенной лексики, что подтверждается особенностями современного состояния диалектной лексики.

Естественно, что учет указанных различий в составе диалектной лексики необходим при анализе ее изменений.

Решающим фактором в современных изменениях лексических диалектных систем является, как уже говорилось, внеязыковая действительность. Различные изменения внеязыковой действительности по-разному влияют на изменение разных пластов диалектной лексической системы. Изменения в сельскохозяйственной и общественно-политической терминологии непосредственно связаны с изменением внеязыковой действительности. Изменения в бытовой терминологии связаны не только с изменениями внеязыковой действительности (изменение самих реалий), но и с изменением речевого сознания носителей говора, с появлением сознательного стремления к замене привычных диалектных слов новыми, прежде всего литературными.

Еще ярче роль речевого сознания говорящих проявляется в изменениях нетерминологической лексики. Конечно, указанное изменение речевого сознания говорящих само по себе есть результат изменения внеязыковой действительности, это есть, по существу, проявление процесса стирания различий между городом и деревней; но все же в данном случае внеязыковая действительность влияет не прямо, непосредственно, а через изменение речевого сознания говорящих, что приводит к некоторым своеобразным моментам в изменении диалектных лексических систем¹. <...>

В группе сельскохозяйственных производственных терминов редко наблюдается вытеснение диалектного слова литературным, так как обычно исчезают сами реалии, лишь в отдельных случаях происходит замена слова. Старые разновидности сохи *оралка*, *косуля* и прочие заменяются общим *соха*, диалектные названия рукоятки

¹ См.: Мучник И. П., Панов М. В., Шмелев Д. Н. Характеристика социальных факторов по их воздействию на развитие русского языка советской эпохи // Тезисы докладов на совещании по теме «Русский язык и советское общество». М., 1966. С. 62–63.

косы *напалок*, *напалошник* и т. п. — общим *ручка*; характерное для вологодских говоров название цепа *молотило*, хотя и известно до сих пор, не осознается как старое, уходящее слово, а цеп воспринимается часто как новое слово. <...>

Показателем разрушения системы старой сельскохозяйственной терминологии является и обилие вариантов в составе ее частных звеньев. <...>

Интересны в этом отношении названия частей цепа по материалам «Атласа русского языка говоров центральных областей к востоку от Москвы», карты которого поражают удивительным разнообразием словообразовательных и произносительных вариантов. Каждый из пяти основных типов названий ручки цепа (карта № 203): *кадушка*, *цепильня*, *держалка*, *черен*, *ручка* известен во многих словообразовательных вариантах: от корня **кад-** кроме более распространенных *кадушка* и *кадушечка* еще и *кадка*, *кадочка*, *кадцо*, *кадошка*; от корня **цеп-**, кроме наиболее характерного *цепильня* (с фонетическими вариантами *чепильня* и *тепильня*) отмечены *цепильник*, *цепилка*, *цепина*, *цепилец*, *цепельня*, *цепец*, *тепец*, *чапец*, *цепник*, *цеп*, *цепель*, *цепило*, *цепелина*, *типитина*, *типилка*, *цупилино*, *чапилка*, *чапец*, *оцеп*. Меньше вариантов в образованиях от корней **черен-** (*черен*, *черенок*, *черень*) и **рук-/руч-** (*ручка*, *рукоятка*, *рученок*). При этом в одном и том же говоре возможны как названия, образованные от разных корней, так и образования от одного и того же корня. Например, *кадушка* и *держалка* (д. Полбино Моск. обл.), *кадка* и *держальник* (д. Садки Ульянов. обл.), *кадушка* и *черенок* (Старая Рябка Морд. АССР и Михалковский Майдан Горьк. обл.), *держалка* и *цеп* (Тарасково Моск. обл.). Особенно часто в одном пункте оказываются названия, образованные от других корней и корня **рук-/руч-**¹.

Такое разнообразие вариантов наблюдается не только там, где соприкасаются говоры разного типа, но и в районах с однотипным диалектным составом, например в говорах центральной части Вологодской области², в говорах Курской области³. Меняются сосуществующие варианты названий, сохраняется сам факт сосуществования нескольких вариантов. <...>

Все рассмотренные факты свидетельствуют о том, что действительно старая система сельскохозяйственной терминологии в ее важнейших звеньях разрушается, распадается, утрачивает прежний строго системный характер. <...>

Наряду с разрушением системы старой сельскохозяйственной терминологии идет и переход слов в пассивный языковой запас.

¹ См. подробнее: *Баранникова Л. И.* Некоторые особенности современного состояния диалектной лексики // Вопросы русской диалектологии. Куйбышев, 1965.

² См.: Там же. С. 12.

³ Напр., в д. Нижнее Гурово, с. Муравлево, с. Кшень и др.: *ручка* и *держалень*, *держалка*; в с. Переволочном и др.: *ручка*, *палка*, *держалень* и т. д.

Как правило, старые термины сохранились лишь в памяти носителей традиционного слоя говора, представители передового слоя их уже не помнят или помнят только некоторые. <...>

Утрата старой сельскохозяйственной терминологии вполне естественна. Именно здесь ярко проявляется непосредственное влияние в неязыковой действительности на изменение современных народных говоров. Изменение производственных отношений, производственной техники привело к утрате старой терминологии, замене ее новой, уже не имеющей диалектного характера. <...>

Изменения в бытовой терминологии и нетерминологической лексике несколько иного порядка.

Конечно, и здесь наблюдались случаи, когда исчезали старые слова и появлялись новые, потому что исчезали старые реалии и появлялись новые. Связь языковых изменений с большей или меньшей устойчивостью реалий очень ярко проявляется, например, в названиях одежды в вологодских говорах. В западной части вологодских говоров старый комплекс женской одежды в основном вышел из употребления, заменившись новым «городским» типом, что сразу же сказалось на судьбе данной тематической группы. Сохранились лишь отдельные слова, четкой системы названий уже нет. С устойчивым значением сохранилось только слово *сарафан*. В восточной части Вологодской области старый костюм еще сохранился, его основной комплекс, состоящий из исподки (*исподка*), рукавов и сарафана, держится устойчиво, естественно, что эти слова постоянно отмечались в живом употреблении разных слоев носителей говора. Сохранилось название *кошули, кошульки* — короткой мужской и женской овчинной шубы без сборок и разреза спереди¹, и обобщающее слово *оболочка (оболоука)* как название верхней мужской и женской одежды. Однако появление новых видов одежды и новых названий привело к изменению старых отношений: в некоторых селах (Старина) слово *оболоука* стало называть не только верхнюю одежду вообще, но и короткую теплую одежду — пиджак (*Мужики нос'ат такки: оболукам и пинжакам зовут их*)². <...>

Как уже говорилось, в данном лексическом пласте сильнее сказывается влияние изменения в речевом сознании говорящих, осознанное, а иногда и неосознанное стремление перейти к использованию элементов другой лексической системы. Отсюда широкое проникновение в диалектную систему чуждых ей элементов, что

¹ Даль дает для вологодских говоров значение шубы с борами. Т. 2. С. 183.

² В говорах западных районов редко встречается слово *оболоука* как в значении верхней одежды (ср. в Дороватке: *На оболуки напред'ом. Оболуки соижут в талью. Называли их тепломатом*), так и одной из ее разновидностей (ср. в Воробьеве: *оболоука — это сак, пинжак такой*). Термин «тепломат» широко распространен в говоре с. Дороватки: *тепломаты носили, пал'ты длинные — тепломаты*, а то *жукетоуки* и т. п. *Тепломаты* из *дипломаты* (особого покроя длинное пальто) дает очень интересный пример народной этимологии.

не может не повлиять на состояние лексической диалектной системы и приводит к определенным внутренним языковым изменениям в ней. <...>

Говоря о развитии диалектных лексических систем в современных условиях, очень трудно, а порой и невозможно, разграничить, что идет от развития самой системы, что явилось в результате влияния литературного языка. Объясняется это рядом обстоятельств.

Во-первых, тот факт, что диалектная система подчинена системе общезыковой, есть один из частных вариантов ее выявления, реализации, определяет, как уже говорилось выше, зависимость тенденций развития диалектной системы от тенденций развития общезыковой системы. Поскольку в настоящее время литературный язык занимает ведущее положение в составе общенародного языка, именно в нем наиболее отчетливо проступают ведущие тенденции развития общенародного языка: обязательно должно иметь место совпадение общего направления развития отдельных частных диалектных систем с системой литературного языка. Во-вторых, колоссально возросшая роль литературного языка, его постоянное воздействие на диалекты, проявляющееся в разных формах, не может не оказывать решающего влияния на развитие диалектных систем. В настоящих условиях невозможно представить диалектную систему, особенно лексическую, развитие которой шло бы вне влияния литературного языка. А поскольку и генетически, и по тенденциям развития диалектные и литературные системы имеют много общего, трудно сказать, где процессы, обусловленные внутренним развитием диалектных систем, а где процессы, явившиеся в результате воздействия литературного языка.

Все сказанное, во-первых, требует очень осторожного подхода к выделению элементов, вызванных внутренним развитием диалектной лексической системы, а во-вторых, показывает незначительный удельный вес таких изменений. В перестройке диалектной лексической системы в современных условиях решающая роль принадлежит не им, а процессам, связанным с прямым или косвенным воздействием литературного языка и откликами диалектных систем на такое воздействие.

Как воздействие литературного языка, так и отклики на него диалектных систем могут проявляться в разных формах. Наиболее простой формой воздействия литературного языка оказывается вытеснение диалектного слова литературным или появление нового литературного слова для вновь возникшего понятия. <...>

Особенностью развития языка является строгая постепенность происходящих в нем изменений. Эта особенность очень ярко проступает в изменениях лексики и проявляется в том, что старое и новое слово сосуществует в течение сравнительно долгого времени. Одновременное наличие старого и нового, своего и «чужого», пришедшего из другой лексической системы, не может не отра-

зиться на особенностях диалектной лексической системы¹. В связи с этим диалектные лексические системы подвергаются значительным изменениям, исследование которых представляет несомненный интерес.

Взаимодействие языковых и внеязыковых факторов приводит к сложным изменениям диалектной системы, что проявляется даже в фактах утраты отдельных диалектных слов. Если бы утрата слов связывалась только с внеязыковыми факторами, то, очевидно, в разных говорах она проходила бы в основном одинаково. В действительности даже в говорах, которые можно считать относящимися к одному диалектному типу, а их лексические системы считать вариантами одной общей лексической системы, наблюдаются существенные различия в особенностях исчезновения отдельных диалектных слов. Например, диалектное название хода в подполье, а иногда и самого подполья *голбец* отмечено всюду в говорах Биряковского и Междуреченского районов Вологодской области и почти не отмечено в Лежском. Такое же положение со словами *стая* 'помещение для скота, поставленное под одной крышей с избой', *волоть* 'ботва свеклы, а иногда и картофеля и т. п.'. Но встречаются и слова, прочно сохранившиеся в говорах Лежского района и отмеченные лишь изредка в говорах соседних районов. <...>

Такая же картина и в курских говорах. Слово *емки*, наряду с более распространенным словом *рогач* и появившимся его литературным эквивалентом *ухват*, сохранилось в говорах Черемисинского и Солнцевского районов и отсутствует в других; *невун* при обычных *кочет* и *петух* известно широко только в Нагольном; *упряжка* 'время от отдыха до отдыха' только в Переволочном. Далеко не во всех пунктах сохранились слова *сербит*, *свербит* (чесется), *виски* (волосы), *половень* (помещение для кормов), *игруши* (груши), *козюля* (змея) и т. п.

Естественно, что в районах, где соседят говоры разного типа, такая пестрота будет еще большей².

При всей непоследовательности утраты диалектной лексики в отдельных говорах выступают и общие закономерности этого процесса, обусловленные не только внеязыковыми (утрата реалий, исчезновение старых понятий и т. п.), но и собственно языковыми факторами. К ним в первую очередь относится широта распространения слова. При этом следует учитывать как территориальную широту распространения, так и степень употребительности слова. <...>

Взаимодействие диалектов друг с другом и с литературным языком создает благоприятные условия для появления дублетов, но, как

¹ См.: *Оссовецкий И. А.* Влияние литературного языка на говоры. С. 116.

² См. нашу статью «Изменения в лексике современных народных говоров» (Уч. зап. Саратовского пед. ин-та. Т. 43. Саратов, 1963).

показали проведенные нами наблюдения¹, образование дублетов характерно далеко не для всех пластов диалектной лексики. Очень мало дублетов в сельскохозяйственной терминологии. В этой группе слов дублеты встречаются лишь в названиях некоторых огородных культур (*брюква — буква, буква — галаха, свекла — буряк* и т. п.) и их частей (*ботва — лычь, ботва — волоть, гороховина — кита — китина* и т. п.), а также ряда сельскохозяйственных процессов: *теребить — дергать* лен (в вологодских говорах), *брать — дергать* (в курских). Зато широкие возможности появлению дублетов дает бытовая терминология и нетерминологическая лексика.²

Для появления дублетов и особенно последующего развития синонимов необходимо сравнительно устойчивое сохранение в говоре старых диалектных слов. С редкими исчезающими словами синонимы, как правило, не возникают, а дублетные отношения наблюдаются очень редко и держатся неустойчиво. <...>

Стилистические синонимы распространены шире и часто мало отличаются от дублетов. Стилистические различия связаны прежде всего с широтой сферы употребления слова. Одно из слов выступает как более распространенное, другое характеризуется суженной сферой своего употребления, что проявляется или вообще в более редком его употреблении, или ограниченности применения определенными рамками, т. е. это оказывается связанным с функционально-стилевыми различиями. Например, слова *гребовать, баять, балакать, напахать* (в значении 'нарезать много хлеба'), *захряснуть* 'приостановиться в каком-нибудь деле' во многих говорах Саратовского Заволжья считаются допустимыми только в обыденных беседах. Точно такое же указание на особенности употребления слова *гребовать* имеется и в дер. Новая Пятина Пензенской области³. В некоторых курских говорах такими — только обиходно-разговорными, недопустимыми в рассказе или публичном выступлении — признаются слова *писклята, сербеть*, а иногда и *виски*. Такое ограниченное употребление обычно бывает связано с иронической окраской слова. Чаще всего подобная окраска проявляется в глаголах (ср. *напахать, баять, балакать*)⁴.

Очень часто стилевое разграничение связано с признанием одного из синонимов более культурным, правильным. Естественно, что обычно такую оценку получает литературное слово, но бывают и отступления. Например, в говорах пос. Сядемки и Коповки Пензенской области оценку более культурного слова получил синоним

¹ См.: Бараникова Л. И. К вопросу о диалектной синонимии // Вопросы стилистики. Саратов, 1962. С. 103–110.

² Там же. С. 107–108.

³ См.: Атлас русских народных говоров. Комментарии к карте 235.

⁴ См. в говоре Яблонова Гая: *Ну побаили, а теперь о деле погъворим; Мы не баим, а рьзговаривам, дело тут* и т. п.

хата, а не *изба*. Во многих южнорусских говорах Саратовской области слово *люлька* считают устаревшим, «некультурным», а более «правильным» признают слово *зыбка*; в отдельных говорах более правильным признают *назём*, а «некультурным» *навоз*.

Противопоставлению простого и культурного слова обычно соответствует противопоставление старого и нового слова, причем опять-таки новым иногда оказывается диалектное слово. Так, в некоторых среднерусских говорах Курловского и Гусь-Хрустального районов Владимирской области новым осознается синоним *играть* песни, а старым *петь* песни. Такие же отношения в среднерусском говоре с. Оторма Заметчинского района Пензенской области между синонимами *гребовать* и *брезговать*¹.

Литературно-диалектные синонимы часто различаются эмоционально-экспрессивной окраской, причем обычно экспрессивно-эмоциональную окрашенность приобретает диалектное слово, тогда как литературное остается нейтральным. Например, при нейтральном *очень* в отдельных заволжских говорах *резко* выступает как показатель большей степени присутствия данного качества — «*резко сильный, так уж дальше вроде и некуда, сильнее не бывает*». Подобные отношения и между словами *брезговать* и *гребовать* («особенно брезговать ‘относиться с особенным отвращением’»); *лукать* ‘бросать с особой силой’ («*лукнул — это, если здорово бросил, резко бросил*»), *захряснуть* ‘приостановиться надолго’. <...>

Еще в большей степени на состоянии диалектной системы сказываются изменения в объеме значения одного из столкнувшихся слов, что приводит к перераспределению отношений внутри отдельных лексико-семантических групп.

В лексической системе говора уже есть, например, слово, обозначающее волка — *бирюк*, но в наше время туда проникает и *волк*; какое-то время слова существуют как дублиеты, а затем наблюдается изменение значения одного из них или обоих. В Поволжье слово *бирюк* в разных говорах приобретает новые значения или оттенки значений: ‘крупный волк’, ‘волк-самец’, ‘волк-одиночка’, особенно ‘злой волк’. Изменение значения идет по линии его специализации, сужения. Возможно и развитие переносных, метафорических значений: *бука* — что-то страшное и т. д.² Такого рода изменениям значений подвергаются даже старые сельскохозяйственные термины: *орать* в вологодских говорах не только ‘пахать’, но ‘пахать на первый раз’, ‘пахать под пар’, в говорах к востоку от Москвы это еще и ‘корчевать пни’, ‘пахать сохой, а не плугом’ и т. д. <...>

¹ Другие многочисленные примеры см. в нашей статье «О некоторых особенностях взаимодействия разносистемных лексических единиц...». С. 395.

² Третий ряд значений, а именно ‘угрюмый, злой, недюродный человек’ для Поволжья не характерен.

В отмеченных изменениях диалектных слов отчетливо выступают две особенности: 1) изменения всегда происходят в направлении сужения значения слова, его специализации (ни разу не было отмечено расширение значения); 2) этим изменениям всегда подвергается диалектное, а не литературное слово. Последнее очень важно для уяснения специфики изменения диалектных лексических систем в современных условиях, так как в прошлом могли быть и иные отношения. Когда в диалектную систему, уже имеющую слово с данным значением, приходит слово из литературного языка, то оно, вытесняя прежнее слово или ограничивая возможности его употребления, стремится занять его место в системе. Так, с появлением в южнорусских говорах Заволжья литературного *чесаться*, старое *сербетъ* вытесняется с занимаемого им места в лексической системе, его значение сужается: *сербетъ* — ‘чесать голову’; слово *квельый*, вытесненное литературным *больной* и просторечным *хворый*, стало обозначать неполноту признака, т. е. ‘прихворнувший, приболевший’.

Что подобное изменение — закономерное явление для современных диалектных систем, подтверждается распространением аналогичных процессов в говорах различных территорий. <...>

Столкновение слов из разных лексических систем приводит не только к появлению синонимов, но и к появлению значительного количества омонимов. При этом важно учитывать — действительно ли литературное слово или слово другой диалектной лексической системы вошло в данную систему. Например, наличие в говоре слова *бабка* ‘укладка снопов’ дает появление омонима к литературно-разговорному *бабка* ‘бабушка, старая женщина’ лишь в том случае, если последнее слово войдет в систему говора, сохранив свое значение. <...>

Рассмотрение изменений, происходящих в лексике русских народных говоров, приводит к выводу, что вследствие перестройки внутренней семантической структуры диалектной системы меняется словарный состав диалекта, идет перераспределение соотношения его отдельных пластов. Прежде всего меняется соотношение общеязыковых и собственно диалектных лексических единиц. <...>

Вместе с тем в изменении диалектных лексических систем отчетливо выступает и их своеобразие. Как уже говорилось, диалектные лексические системы не просто усваивают элементы, пришедшие извне, но, откликаясь на эти элементы, перестраиваются, меняются, развивая новое в словах и соотношении слов. При этом конкретное проявление нового в разных диалектных системах оказывается различным, т. е. утрачиваются и появляются вновь разные слова, складываются разные дублетные пары, по-разному развиваются в них синонимические отношения, изменяется значение разных слов и опять-таки по-разному. В то же время в изменении всех диалектных лексических систем много общего. Иначе говоря, изме-

нения разных диалектных лексических систем различаются по материалу, который подвергается изменениям, а следовательно, и по конкретным проявлениям этих изменений; но совпадают по общим тенденциям происходящих изменений, так как причины, их вызывающие, одни и те же. Поскольку лексика теснее всего связана с внеязыковой действительностью, больше всего реагирует на ее изменения, а внеязыковая действительность одна и та же, то в изменениях разных диалектных лексических систем больше сходного, чем различного. В то же время менее строгая системность лексика обуславливает более легкое проникновение в нее элементов извне и облегчает возможность сосуществования этих элементов и их взаимодействие.

А. Ф. Войтенко

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ РЕГИОНА¹

Огромное значение для лингвистической и исторической науки имеет всестороннее обследование территории России всеми средствами, какими располагает диалектология.

Важнейшую роль играет комплексное обследование территории регионов методами лексикографии и лингвистической географии, то есть создание словаря и атласа одного региона. Такое обследование территории любой области выявит и позволит решить всю широту как глобальных, так и частных проблем, стоящих перед современной наукой.

Так, создание регионального «Словаря говоров Подмосковья»² и «Лексического атласа Московской области»³ позволило очертить локальные лексические и семантические зоны Подмосковья, отражающие раннее племенное и более позднее административное членение Древней Руси, дало возможность выявить многообразные словообразовательные зоны на территории Подмосковья, определить локальные лексические зоны и изосемы местных масштабов на фоне более обширных зон, соответствующих племенным подразделениям

¹ *Войтенко А. Ф.* Современный подход к изучению диалектной лексической ситуации региона // ЛАРНГ (Мат. и иссл.). 1998. СПб., 2001. С. 34–39.

² Словарь говоров Подмосковья. 2-е изд. М., 1969. Вып. I. 1995.

³ Лексический атлас Московской области. М., 1991.

и административному членению, позволило очертить лексические зоны на территории более поздних этнолингвистических образований, помогло, наконец, определить локализмы и регионализмы, образующие микрзоны, природа которых коренится в этнической специфике и миграционных процессах. Словарь и Атлас одного региона позволили нарисовать довольно полную картину лексического богатства обследуемых говоров через насыщенную вариативность, представленную комплексом словарных статей и легенд (а также комментариев) Атласа. В обоих трудах показан обширный круг фразеологизмов разных типов, выделяемых преимущественно на базе народной обрядности, и т. п.

<...>

Специфика территории Московской области — в сравнительно ранней славянской колонизации земель, занятых неславянскими племенами, и в формировании государства Древней Руси. С разной степенью четкости языковые единицы, связанные с племенными и этнографическими особенностями, отразились в «Словаре говоров Подмосковья» и на картах Атласа.

<...> Территория Подмосковья характеризуется неоднородностью, что нашло отражение в классификации говоров, заходящих в Московскую область. Это говоры переходные окающие, переходные акающие, южные, которые охватывают земли, принадлежавшие некогда финноугорским племенам — мере, муроме, мещере, мордве, восточным балтам, в частности голяди, а затем сформированным на племенной основе княжествам — Смоленскому, Тверскому, Ростово-Суздальскому, Муромскому, Мещерскому, Рязанскому, Черниговскому, Волоку Ламскому, Дмитровскому уделу, Серпуховскому княжеству, Микулинскому княжеству и спорным землям (Лопасня, Коломна, Верея). <...>

На территории современной Московской области существуют локальные зоны, восходящие как к границам племен, так и к административным границам, а также воссоздающие контуры более поздних этнолингвистических образований.

Менее четкими являются границы локальных зон, совпадающие с границами племен. Это обширные и большие как южные, так и северные зоны. Они соответствуют племенному вятичско-кривичскому подразделению. Таковы обширные южные зоны, представленные изолексами *слободá*, *прýсно*, *брусóчник*, *древнýк*, идущие по линии Можайского, Истринского, Солнечногорского, Дмитровского, Талдомского районов. Большие южные зоны представлены локализацией лексем *казéнка*, *загнётка*, *горнýшка*, *рогáч*, *чáпельник*, *дежá*, *махóтка*, *хлуд*, *облóg*, *колеснý*, *желтýшка*, *молокáшка*, *хмыз*, *толкач*, *конýтчик*, *глухарь*, *синюшкин*, *волчáтник*, *вершýна*, *кóчет*, *подвенéчница*, *обыгрывать неvéсту*, *зóрю провывáть*, *крáсный стол*, которые также располагаются в пределах племенной границы вятичей.

К обширным северным зонам (они названы огибающими) относятся лексемы *огувѣнки, пѣужинок, глядѣльник*, зоны с корневыми морфемами *-мост-, -скрип-, -миг-*.

Большие северные зоны представлены изолексами *подшѣсток, квашня, бѣцен, захлѣстье, черѣд, корѣвка, дѣнька, пѣяница, хлеб с закалом, мѣкальница, плѣуха, подневѣстница, вопѣть, гневѣть невѣсту, княжобѣд*, зоной с дериватами от корневого морфа *-сыр-* и др. В пределах древней кривичской территории выделяются также большие западно-северные зоны, представленные изолексами *сковорѣдень, лошѣло, одѣнок, грабилище, возѣлки, сѣдница, яблочник, одобрѣшники*.

Более четкими являются зоны, соответствующие границам княжеств. Это южные зоны, занимающие территории в рамках бывшего Черниговского, Смоленского, Рязанского княжеств и земель, примыкающих к последним. Таковы изолексы *скуло, моргасик, брусница, подѣна, светѣлка, загатка, корсѣтка, йралка, круговерть, бырь, стрекава, надерны, почення* и др.

Довольно многочисленны западно-северные зоны, расположенные вдоль границ древнего Тверского княжества, включающие изолексы *посѣд, обрез, лопѣточник, обжѣмка, сердѣчник, навѣзная телѣга, толкачик, пашѣнник, хохлѣшник, олѣшник, шѣба, перебоствки* и др. Указанные лексемы функционируют на территории бывших тверских земель — в пределах нынешних Шаховского, Лотошинского, Волоколамского, Клинского районов, захватывая западную часть Дмитровского и Талдомского, а также северную окраину Можайского и значительную часть Рузского и Истринского районов.

Локальные зоны под общим названием северо-восточная полоса, располагающиеся вдоль границ с ярославскими — владимирскими говорами, в большей или меньшей степени соответствуют границам древнего Ростово-Суздальского княжества, заходящего в пределы современного Подмосковья. К этим зонам относятся такие изолексы, как *фитѣльник, спѣлица, мѣчка, глѣдыш, волжанка, холѣй, чѣткая берѣза, гузѣка, гонодѣбель, найл, додѣн, сѣтево, отхожяя, румяна, заручанье, грубѣть невѣсту, куст выкупѣть* и др.

Восточные зоны, представленные изолексами *цѣло, цѣпля, столбун, мастѣшка, полѣвень, ставѣк, бѣсик, снаряда, глѣбник, остѣжье, сѣтовик, мелѣтник, бѣкта, межвѣжник, колеснѣ*, отчетливо очерчиваются в границах древних Муромского и Мещерского княжеств. Все эти зоны уходят за пределы Московской области, что подтверждают словари и картотеки соседствующих регионов.

Отдельный тип зон носит название гуслицких. К последним относится ряд изолексов, определяющих современные границы сравнительно нового этнического образования, зарождение которого относится к XVI в. Выделяется два типа гуслицких зон — локальные

и концентрированные. К концентрированным отнесены изолексы *суи́ло, зуйва, по́шва, моча́га, бокову́шока, сходáтая, откуп дава́ть, пропева́ть невесту* и др. Локальные гуслицкие зоны представлены изолексами *грабу́шка, зелену́шка, капу́стник, хмелевская, корзи́на* и др.

В непосредственной территориальной близости к названным зонам локализуются лексемы, объединенные общим названием раменские зоны (*ла́нка, соба́чка, бли́нки* и др.), включающие в настоящее время территорию трех этнических объединений — Гвоздни, Пятницкого Погоста и Гжели, располагающихся в пределах современного Раменского района, характеризующегося большей, чем остальные регионы Подмосковья, концентрацией населения вследствие развития здесь в советское время промышленности. Малые зоны и микрзоны замыкаются, как правило, пределами Московской области. ... Большое количество лексем, которые образуют локальные зоны, представленные материалами регионального атласа, приобрели статус московских. Таковы: *серебрéние, изобка, жегáльник, соба́чка, куча, дрова́ носить, отхо́жая, зóрю пропева́ть, красное получа́ть, с головы́, тычэ́вник, бе́сик, торфу́шка, карто́шка в шинéли, мгла, мыльы́, прижéмка, нелу́па, капу́стник, синю́шка, пасту́шню плати́ть* и др.

Лексическое чтение московских говоров объясняется связью с племенными и административными границами Древней Руси, которая осуществляется на уровне лексики. Значительная часть лексем, создающих в атласе локальные зоны на территории Подмосковья, относится к южнорусскому и севернорусскому лексическим массивам, обнаруживая принадлежность к кривичской и вятичской территориям, а также соответствуя границам административных единиц Древней Руси — княжествам, княжениям, уделам и более поздним этнолингвистическим образованиям.

Материалы регионального Словаря и Атласа рисуют наглядную картину географии лексем, отражают яркую лексическую пестроту Московской области, богатой окраинными ареалами разных направлений, показывают, что на территории Подмосковья изоглоссы имеют разные конфигурации, но территориальный статус лексем за пределами области определяется преимущественно их принадлежностью к южнорусскому или севернорусскому языковым континуумам.

Вопросы и задания

Какую информацию несет локально представленная лексика?

Н. С. Ганцовская

**ЛЕКСИКА ГОВОРОВ
КОСТРОМСКОГО АКАЮЩЕГО ОСТРОВА:
ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ¹**

Введение

<...>

В междуречье Костромы и Унжи на протяженной территории <...> находится так называемый Костромской акающий остров (далее КАО). Иногда его называют Чухломским по имени его эпицентра. Располагаясь среди «моря оканья», он представляет собой единственный в России по большой протяженности изолированный массив акающих и якающих говоров. Время его возникновения, направление миграции его населения, особенно исходной, породили гипотезы и до сих пор представляют собой загадку: все еще достоверно не установлен его глотто- и этногенез, нет исторических документов и фактов о наличии аканья на данной территории ранее, чем в 20-е годы XVII века <...>.

Акающие говоры в пределах междуречья Костромы и Унжи по территориальному признаку можно уподобить серболужицкому языку, оторвавшемуся от остальной славянской массы языков, издавна соседствующих между собой. Костромские островные акающие говоры расположены на севере центральной части России, в пределах вологодско-вятской группы северновеликорусского наречия. На карте Московской диалектологической комиссии (далее МДК) «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» они помечены цифрой 3, как и восточные подмосковные говоры, и признаны средневеликорусскими. В основном это касалось только их наслоения — фонетического уровня в области безударного вокализма, характеризовавшегося аканьем. Основа же говоров — консонантизм, грамматический строй, лексика — признавалась северновеликорусской.

Мы разделяем точку зрения МДК по вопросу о статусе КАО: это средневеликорусские говоры с северновеликорусской основой и южновеликорусским наслоением, подобные говорам Подмосковья, и полагаем вслед за Н. Н. Виноградовым, что после событий Смутного времени на чухломских и галичских землях «группа помещиков,

¹ Ганцовская Н. С. Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии. СПб.; Кострома, 2007. С. 6–7.

переселившихся в свои новые усадьбы из-под Москвы, сыграла здесь роль закваски и вызвала довольно широкое по пространству и сплошное распространение акающего говора»¹.

Вопросы и задания

Что такое островные говоры и как они возникают?

Л. А. Ивашко

ОТРАЖЕНИЕ ПРАВСТВЕННОГО САМОСОЗНАНИЯ В НАРОДНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ²

Фразеологический фонд любого диалекта содержит единицы, отражающие представление о моральных и нравственных нормах поведения человека³. В псковских говорах имеется ряд устойчивых сочетаний со словом *совесть*: *знать (понимать) совесть* ‘иметь совесть, нравственные принципы’: *Раньше люди совесть знали, не как сяйчас*. Пск. *Раньше совесть знали, позор был, если дэфка ушла* [от мужа]. Вл. *Ана совесть понимала, нахальново ничево ня говорила*. Ляд. Устойчивые выражения могут быть мотивированы требованиями христианской морали: *есть крест на вороту у кого: Есть ли у тебя крест на вороту, што дэфку замуш аддаёш за старава?* Вл.; ср. также волог. *держат крест на вороту*.

Одним из проявлений нравственного самосознания личности является чувство стыда, когда человек негативно оценивает свои поступки, слова и перед самим собой, и с точки зрения отношения к этому других людей. Фразеологизмы, характеризующие это чувство, содержат компоненты *стыд* и *совесть*, причем степень проявления этого чувства может быть различной: *брат за стыд*, русск. гов. Карелии; *ушивать совесть* ‘стыдиться, стесняться’ (*Я дэфкай была, так совість ушивала, стыдна была на людях цылавацца*. Палк.); *со стыбм как с братом* ‘о состоянии стыда, стеснения’,

¹ *Виноградов Н. Н.* Причина и время возникновения аканья в Чухломском крае: отдельный оттиск. Кострома, 1918. С. 13.

² *Ивашко Л. А.* Отражение нравственного самосознания в народной фразеологии // Псковские говоры в свете актуальных проблем диалектологии / под ред. Л. Я. Костючук. Псков, 2007. С. 65–68.

³ Источниками для статьи послужили следующие словари и картотеки: АОС, КПОС, НОС, ПОС, СОГ, СРГК, СРГМ, СРГНП, СРДГ, ССГ, СУМ, ФСБМ, ФСПГ, ФСРГС, *Skorupka S.* Słownik frazeologiczny języka polskiego. T. 1–2. Warszawa, 1974.

волог.; *сѡвѣсть не открѣлась у кого* ‘было стыдно’ (*В мянѣ сѡвѣсть ни аткрѣлась, я пасѡвѣстилась, да так и ни спрасѣла*. Оп.); *изгрѣет сѡвѣсть* ‘о проявлении чувства стыда, неловкости’, русск. гов. Карелии; *стыд падѣт* ‘станет стыдно’, русск. гов. Карелии.

Значение ‘испытать/испытывать сильное чувство стыда’ передают устойчивые обороты *намытъся стыдѡм* (*Прягльядывай, бѣтъка гаварѣт, а то стыдѡм намѡеся*. Беж.); *стыд хлебѣтъ* (*Я не паѣду с табѡй стыт хлебѣтъ*. Палк.); то же ленингр.; *пропѣсть со стыдѣ* (*Так приди к людьм, дак со стыдѣ пропадѣш*. Гд.); *готѡв проломѣтъся скрозь зѣмлю*, русск. гов. Карелии (ср. в литературном языке *готѡв сквозь зѣмлю провалѣтъся*); *сѡвѣсть убѣла*, новг., новосиб., донск.; *сѡвѣсть побѣла (убивѣет)*, арх., ленингр., русск. гов. Карелии; *сѡвѣсть зазрѣла*, донск., забайк.; *сѡвѣсть дозрѣла (узрѣла)* ‘стало очень стыдно, совестно’, донск.; *затрясѣт стыд кого* ‘станет очень стыдно, совестно’, мурм.

Ряд фразеологизмов рассматриваемого микрополя мотивирован мимикой испытывающего стыд человека, особенно активен компонент *глаза* и его синонимы: *стыдѣтъ (простыдѣтъ) глазѣ* ‘испытывать / испытать чувство стыда’, *стыд до глаз*, русск. гов. Мордовии; *глазѣщам стѣдно*, арх.; *имѣть стыд на белѣмѣ* ‘иметь совесть, стыд’, смол. Отмеченный в русских говорах Мордовии фразеологизм *глазѣ зѣбнут* ‘стыдно, очень стыдно’, с одной стороны, отражает древнее синкретически нерасчлененное значение: ‘ощущение холода, боли’ и ‘мучение страха, стыда, позора, чувство стыда’¹, с другой — появляется новая мотивировка: когда человек не чувствует за собой вины, каких-то предосудительных поступков, он спокойно, прямо смотрит в лицо собеседника; в противном случае он смотрит вниз, опускает глаза, прикрывает глаза веками или молча моргает глазами, не зная, что сказать в свое оправдание. Эта мотивировка представлена в многочисленных фразеологических сочетаниях: *глазѣ класть, за глазѣми ходѣтъ* ‘сгорать со стыда, прятать глаза’, арх.; *хоть глазѣ завѣзывает, стѣнок стѣдно* ‘о чувстве сильного стыда’: *А то разговорѣ про нас сичѣс фсѣяково, хытъ глазѣ завѣзывает*. Дед. (‘то же’, донск. *хоть глазѣ завѣзывает*); *Будѣш ты с им гулятъ, ѡжна стѣнак стѣдна будѣт*. Пск.; *мигѣтъ глазѣми*, новг.; *сверкѣтъ глазѣми* ‘испытывать чувство стыда перед кем-н.’, орл. (ср. белор. *очыма блѣскацѣ*); *глазѣ лѣпятся у кого* ‘кто-н. стыдится’, смол. Чувство стыда может сопровождаться и физиологическими ощущениями: *ушѣм гѡрячо*: *Он ей сказанул, так ушѣм была гѡряча*. Пск.

Значение ‘заставить кого-н. испытать чувство стыда’ передают выражения *в стыд вводѣтъ*: *Ты фсѣ мянѣ ф стыт вводѣши*. Остр.; *провѣстѣ в стыд*, русск. гов. Карелии; *сѡвѣсть нагнѣтъ*: *Мѣжу расказѣла, мне сѡвѣсь нагнѣли*: — *Ай, Ольга, гулятъ ходѣши*. Пушк.

¹ Ларин Б. А. Из славяно-балтийских лексикологических сопоставлений (стыд — срам) // Ларин Б. А. Филологическое наследие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 50–58.

Обороты **ввести в совесть, сдвинуть на стыд** выражают большую интенсивность действия — ‘опозорить, осрамить’: *Ты, гаварит, мяня ф совесть ввелá такую, што жыві адна*. Палк.; *Как тебе ни совисна, здынула себя и такой стыт, биссовисница!* Гд. (правда, здесь интенсивность еще подчеркивается определением *такой*); перм. **на стыд вывести** ‘то же’.

Утрата чувства моральной ответственности за свои поступки отражена в устойчивых сочетаниях **из стыда выйти**, русск. гов. Мордовии; **потерять лицо, совесть с булками съесть**, русск. гов. Карелии; **напустить совесть (совести)**, орл.

Резко отрицательную характеристику получает человек бессовестный, бесстыдный, непорядочный: **без креста, креста на груди (на вороту) нет** у кого: *Бес креста сафсэм нарót, бес креста!*. Дн.; *А у каво креста нь груди нет тот и дорьга прадаст*. Печ.; *У тех креста на варапу нет, кто на читьири рубля малако прадаёт*. Локн. (ср. в литературном языке **креста нет на ком**); **рожа без стыда**, орл.; **нет стыда в гляделках** у кого, русск. гов. Мордовии — диалектный вариант общеупотребительного оборота **нет стыда в глазах у кого**.

Метафорические сочетания с компонентом *глаза*, характеризующие бессовестного, наглого человека, можно распределить по трем структурно-семантическим моделям:

1) «Глаза закрыты чем-н., т. е. человек как бы не видит своих безнравственных поступков»: **глаза обуты** у кого: *Вей глаза-та абуты, ни стыда, ни совисти*. Пуст.; ‘то же’ в архангельских говорах и русских говорах Карелии. На этой же образной основе базируется и новг. **глаза попонкой завернуть** ‘потерять стыд’.

2) «Глаза заморожены, т. е. никак не реагируют на поведение человека»: **морóженные глаза**, иркут.; **глаза заморóжены, обморóженные глаза**, перм.; **отморóженные глаза**, русск. гов. Мордовии.

3) «У человека глаза животного»: **глаза собáчы**: *Глазы сабáчы фсё гаваря — «совисти нет у чылавéка»*. Кр.; *Багáтые [гости], хош ня хош, справиш, такй сабáчы глазы, ну, бястужьи, карми́ть на́да*. Палк.; *Придут на свадьбу нипроби́зныи, вазьмут на ура, на ла́пки здыма́ют; ну, глаза ни сабáчы, даш пятёрку или што*. Остр. Эта фразеологическая единица употребляется и как бранное выражение: *Трóе уселись [на велосипед], сабáчы глазы!* Гд. В тверских говорах **буркины глаза** ‘бранно’, вероятно, от **Бурка** ‘чличка бурой собаки’.

В других славянских языках на той же образной основе формируются фразеологизмы другой структурной модели: белор. **у сабакі вачэй (вочы) пазычаць (пазычыць)**; укр. **в сірка очей позичати**; польск. **od psa oczy pożyczyć, psu oczy (s)przebrać** ‘быть бесстыдным, бессовестным’. Собака — сторож, злое животное, но, кроме того, в народных представлениях собака — демоническое животное, связанное с потусторонним миром; неслучайно укр. **псові очі, а чортіві**

душу запродав. Возможно, под влиянием украинского языка в донских говорах употребляется оборот *позы́чить соба́чью шку́ру* ‘потерять совесть’.

В русских говорах Мордовии *со́весть соба́чья (теля́чья)*, в русских говорах Карелии *барáнья со́весть* ‘о бессовестном, нечестном человеке’ варианты *теля́чья*, *барáнья* уже не имеют мифологических корней: человеку просто приписываются свойства животного, у которого не может быть нравственных принципов.

Закончить рассмотрение этого фразеосемантического микрополя хочется, приведя еще один образный фразеологизм, записанный на территории Мордовии: *ба́нка [повитуха] со́весть с пупко́м оторва-ла́ кому* ‘о бессовестном, нечестном человеке’. Единственный приведенный в словаре контекст не располагает к комментариям, но, возможно, речь идет о человеке, в котором отрицательные свойства характера заложены от рождения.

Вопросы и задания

Какие компоненты формируют фразеосемантическое поле нравственного самосознания личности в псковских говорах?

Т. С. Коготкова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ В УСЛОВИЯХ ДИАЛЕКТНО-ЛИТЕРАТУРНЫХ КОНТАКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)¹

В оценке исследователями общего состояния современной диалектной речи взаимодействие говоров с нормализованным литературным языком является общепризнанным².

Рядом с этими оценками появляется и термин «диалектно-литературное двуязычие», который звучит не просто декларативно, а доказывается исследованиями многообразных языковых процессов, пронизывающих все уровни диалектного языка (ср. работы

¹ Коготкова Т. С. Семантические трансформации диалектной лексики в условиях диалектно-литературных контактов (на материале русского языка) // Диалектологический сборник: Материалы IV Диалектологической конференции по изучению говоров и языковых контактов в Прибалтике (октябрь 1972). Вильнюс, 1974. С. 66–77.

² Подборку мнений исследователей по этому вопросу см. в статье: «Литературный язык и диалекты» // Актуальные проблемы культуры речи. М.: Наука, 1970.

Л. И. Баранниковой, Л. М. Орлова, Т. С. Коготковой, Т. А. Ильяшенко и мн. др.).

Акад. В. В. Виноградов, характеризуя современные диалекты, считает, что они «приспосабливаются к национальному языку, постепенно вытесняемые и преобразуемые им»¹. Признавая за ними «качественно иной уровень того же языка», так как они «кишат пережитками прошлого», В. В. Виноградов тем самым как бы отвергает и термин «двуязычие» в приложении к диалектно-литературным языковым контактам, ибо последнее, т. е. двуязычие, невольно предполагает равноправность языковых структур, составляющих это двуязычие. Акад. В. В. Виноградов, бесспорно, прав с генетической точки зрения. Однако, на наш взгляд, близость генетическая и по тенденциям развития, которые свойственны обоим разновидностям русского языка, не может ставить под сомнение самого факта диалектно-литературного двуязычия, если посмотреть на речевую деятельность современных диалектоносителей в ее основной языковой функции — коммуникативной.

Исследования диалектной лексики последних лет, так же как и показания современных региональных словарей, демонстрируют огромный фактический материал, в котором отражается контактная (возникшая в результате контактов носителя диалекта с носителями литературного языка) и односторонняя (осваивается лишь одна языковая система — система литературного языка) характеристики диалектно-литературного двуязычия русского языка². (Особенно много этих данных в исследованиях, связанных с разработкой лексико-вариантных, дублетно-синонимических, омонимических отношений в лексических системах русского диалектного языка.) На лексическом уровне диалектно-литературное двуязычие неизменно и повсеместно сопровождают такие языковые процессы, как семантическая нейтрализация, при которой, как известно, видовые номинации теряют смысловые различия, расширение дублетно-синонимических рядов, рост лексико-словообразовательных единиц. Существенной особенностью указанных языковых процессов является их универсальность, так как именно благодаря ей эти процессы охватывают все предметно-тематические и лексико-семантические группы диалектного словаря. Семантическая нейтрализация слова — неизбежное следствие его устаревания, забвение исконно-диалектного смысла его. Ср. судьбу слова *кулі́га*, описанную Ф. П. Филиным еще в 1936 году: «... у одного крестьянина обозначает запущенную пашню, у второго — боль-

¹ Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М.: Наука, 1967. С. 76.

² Строго говоря, односторонность диалектно-литературного двуязычия требует дальнейшей проверки. Пока еще нет никаких данных о состоянии речевой деятельности носителя литературного языка в момент языкового контактирования с диалектоносителями.

шую площадь земли, третий сам слово слышал, но затрудняется определить его значение, а молодежь его не знает вовсе»¹.

Аналогичные сведения содержатся и в самых последних наблюдениях над диалектами. Так, синонимический ряд *умыва́лка* — *басе́йка* — *вороже́йка* — *лека́рка* в говоре д. Деулино Рязанской области, лексика которого наблюдается нами с 1960 года, сформировался в результате стирания смысловых различий у слов, когда-то называвших деревенских знахарок, врачей, гадалок, различие между которыми теперь затрудняется провести даже представители старшего поколения. Забвение первоначального смысла слова (или ряда близкозначных слов) ведет к появлению у него нового, чаще пейоративного значения. Ср. в рязанских говорах *пасе́стрия* 'неродная сестра' превращается в речи молодого поколения в ироническое обозначение жены, оставленной мужем, или его новой жены²; в горьковских говорах *полóхало* — *пряму́шка* — *панéва* — название части женской одежды начинает означать широкую, плохо сидящую одежду вообще³.

Если диалектно-литературное двуязычие является особым и необходимым этапом в развитии диалектов на их пути сближения с литературным нормализованным языком⁴, то правомерен и такой вопрос: какова же продолжительность этого этапа во времени? Может ли языковед заниматься каким бы то ни было прогнозированием в этом направлении, не рискуя впасть в грубые ошибки? Хотя ответа на сформулированный таким образом вопрос нет и, по-видимому, при недостаточной исследованности для этой цели фактов, пока не может и быть, тем не менее изучение лексико-семантической динамики в русских говорах не лишено лингвистического прогнозирования. Однако это — всего лишь «частные» прогнозы; другими они быть и не могут, так как в исследованиях по диалектной лексике нет ни одной работы, в которой были бы изучены как минимум два синхронных среза лексико-семантической системы, совпадающих в инвентаре (наборе) лексем и семем. Подавляющее большинство работ оперирует одним временным срезом лексики, без сравнения во времени с другим, возможно вывести лишь косвенные и, чаще всего, гипотетические закономерности. При этом исследователь лексической системы диалекта, если он ведет свои наблюдения сам, не может не сделать чисто методологического заключения: синхронное

¹ Филин Ф. П. Исследования о лексике русских говоров (По материалам сельскохозяйственной терминологии). М.; Л., 1936. С. 175.

² Шаратова И. М. О методике собирания и путях изучения терминов родства (на материале рязанских говоров) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970. М.: Наука, 1972. С. 304.

³ Качинская С. Р. Лексическая синонимия в южных говорах Горьковской области (на материале говоров Гачинского района): автореф. дис. ... канд. М., 1972. С. 4.

⁴ Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967. С. 74.

и изолированное (вне плана сравнения с другими говорами) изучение диалектных лексических систем не позволяет установить, что малая употребительность диалектного слова есть затухание его жизни во времени или пространстве. <...>

<...> Возвратимся, однако, к вопросу о продолжительности во времени переходного периода в развитии современных диалектов. В последние годы, годы активной работы по сбору и систематизации местных слов для областных словарей русского языка, в некоторых лексикографических собраниях (картотеках) создались условия для сравнения различных синхронных срезов. Наиболее благоприятные условия для этих исследований можно строить на базе «Словаря русских народных говоров». Как известно, языковые материалы этого лексикографического издания ведут свой отсчет от середины прошлого века и до наших дней. <...>

<...> И тем не менее бесспорно основное — устойчивость местной предметно-тематической лексики предопределена устойчивостью самих реалий. Это можно подтвердить даже на примере сельскохозяйственной лексики, хотя, как уже было замечено выше, именно сельскохозяйственная лексика диалектов подверглась наиболее радикальным изменениям в советский период. Общеизвестно, что генеральное направление в развитии сельскохозяйственной лексики диалектов в наше время — замена ее локальных единиц на единую для всего языка новую производственную терминологию. <...>

<...> Диалектно-литературное двуязычие современных русских говоров манифестируется в многообразных полудиалектных языковых структурах, типичных для нашего времени. Как известно, полудиалект, имея в основе своей организации какой-либо конкретный территориальный диалект, оформляется в качественно новую языковую структуру под воздействием литературного языка. Неизменную поддержку себе полудиалектные структуры находят в социально-возрастном, образовательном и профессиональном расслоении любого диалектного коллектива. <...>

<...> Вернемся к вопросу о продолжительности этапа диалектно-литературного двуязычия в говоре. Характеризуя языковые процессы современных диалектов, М. В. Панов видит конечную цель их — «растворение диалектов в литературном языке», но «до окончания этого процесса еще далеко»¹. С этим мнением трудно не согласиться. Попытаемся обосновать свою точку зрения.

Во-первых, функционально-стилевое расслоение диалектной речи во многом оправдывает сосуществование эквивалентных вариантов, кажущихся на первый взгляд избыточными; ведь в нем, в этом расслоении, намечается отход от конъюнктивного характера распределения вариантов (возможно и то, и другое) к дизъюнктивному (возможно или то, или другое). Другими словами, сам принцип распределе-

¹ Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР. М., 1966. С. 55.

ния функциональных единиц в диалекте становится похожим на нормализованный язык.

Во-вторых, речевой акт, в котором и реализуется диалектно-литературное двуязычие, всегда протекает в форме устной речи. Устная форма речи, как известно, в значительной мере насыщена не только языковыми средствами выражения. Так как природа диалектно-литературного двуязычия всегда контактна, то наличие всех средств выражения, языковых и неязыковых, в речевом акте способствует осуществлению этой контактности. Эти условия благоприятствуют и взаимной замене эквивалентных слов и выражений. В отдельных группах диалектной лексики этот переход от слова диалекта к слову литературного языка (и обратно) активно протекает даже в рамках одного высказывания.

В-третьих, ряд предметно-тематических групп слов в диалекте все еще очень устойчив в силу своей экстралингвистической актуальности. Для них хронологическая регламентация определяется жизнью, «веком» в говоре самой предметной опоры. Но в ряде случаев даже замена реалии не исключает диалектного слова из употребления. Это особенно часто происходит с названиями предметов домашнего обихода, диалектные номинации переходят здесь по функции на современные предметы, что способствует сохранению их в языковой памяти диалектоносителей. (Ср. в говоре д. Деулино предметную отнесенность слов *жаровня* — *сковорода*¹; аналогично и при развитии пейоративной коннотации слова: *костри́ка* — *костричный* ‘отход при обработке льна’ — ‘капризный’ о человеке; *намы́ка* ‘пучок льна или конопля, приготовленной для прядения’ → ‘лохматая голова’².)

В-четвертых, лексические элементы в современном диалекте (= полудиалекте), восходящие к нормализованному литературному языку, т. е. иной лексико-семантической системе, осваиваются говором не всегда до конца. Многочисленны примеры того, как говор осваивает лишь часть смыслового объема литературного слова; или слово живет в диалекте с иной синтаксической валентностью. Другими словами, в условиях полудиалекта культурно-речевая проблема встает особенно остро. (Ср. использование слова «фамилия» при выяснении диалектных слов: *Двѣ фами́льи имѹ* — *питѹх и ко́чѹт*³.) Полудиалект в культурно-речевом отношении так же противопоставлен норме литературного языка, как и диалект⁴.

¹ Козоткова Т. С. К вопросу о дублетно-синонимических отношениях в лексике современного говора // Слово в русских народных говорах. Л.: Наука, 1968. С. 47.

² Чумакова Ю. П. Текстильная лексика говоров района «Богословщина» Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика): автореф. дис. ... канд. наук. Горький, 1966. С. 9.

³ Качинская С. Р. О некоторых особенностях лексических синонимов в южных говорах Горьковской области // Уч. зап. Московского пед. ин-та. № 403. М., 1970. С. 202.

⁴ Козоткова Т. С. Литературный язык и диалекты // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 104–152.

В. М. Мокиенко

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОНТАМИНАЦИИ В РУССКИХ ГОВОРАХ¹

Контаминация — это скрещение двух слов, слияние их в одно со смещением значения. Классический случай контаминации тот, когда оба слова, близкие по значению, соединяются в сознании говорящего в одно. Примером может служить образование современного французского слова *taxiteur* «таксер» — путем скрещения французского *chauffeur (de taxi)* с французским разговорным *taximan*²).

Однако с такими идеальными случаями контаминации мы встречаемся довольно редко. Даже в приводимом примере два слова — источники лексического скрещения — совсем неравноценны с точки зрения употребления. *Chauffeur de taxi* — общеупотребительно, а *taximan* — недавнее заимствование из английского, не успевшее активизироваться. Вероятно, их контаминация обусловлена именно потребностью переосмыслить незнакомую лексему, сделать ее понятной, «французить» англицизм.

В этом плане контаминация и народная этимология — явления одного порядка. Народная этимология, как известно, — это лексическая аналогия, вызванная фонетическим и семантическим сходством слов. Потребность в народноэтимологическом переосмыслении слова появляется обычно в случае, когда оно малопонятно (по разным причинам). Известное лесковское *мелкоскоп* (вм. *микроскоп*) и традиционные *спинжак*, *полуклиника* и *полусадик* позволяют обойтись без дальнейшей аргументации.

Процесс контаминации, следовательно, отражает формальную сущность народноэтимологического переосмысления. Именно поэтому уже в классических трудах Ж. Жильерона и А. До́за по лингвистической географии контаминация и народная этимология рассматриваются комплексно³). В статье термин *контаминация* употребляется именно в этом широком понимании.

Термин *контаминация*, употребленный Ж. Жильероном, — термин медицинский по происхождению (фр. *contamination* — «заражение»). Его выбор не случаен: ведь явления контаминации и народной этимологии

¹ Мокиенко В. М. К вопросу о лексической контаминации в русских говорах // Псковские говоры. III. Псков, 1973. С. 223–231.

² Ducháček Otto. Précis de sémantique française. Brno, 1967. P. 117.

³ Gilliéron J. Pathologie et thérapeutique verbales 111. Paris, 1921. P. 66–70; Thraumaturgie linguistique. Paris, 1923. P. 103; Dauzat A. Précis de la langue et vocabulaire français. Paris, 1949. P. 189 и сл.

логии с легкой руки основателей лингвистической географии получили наименование языковой патологии.

Нельзя, конечно, отрицать, что это явление требует для своей реализации особых условий, которые могут представиться часто лишь при случайном стечении лингвистических обстоятельств. Тем не менее обостренное внимание виднейших лингвистов к этим «патологическим явлениям» и анализ различных аспектов контаминации позволяют говорить об их относительной закономерности и, во всяком случае, об активности в живом употреблении.

Признание «патологичности» этих явлений не помешало Ж. Жильерону и А. Доза придавать контаминации и народной этимологии большое значение для развития диалектного словарного состава.

Н. Крушевский рассматривал народную этимологию и контаминацию как параллель фонетической и морфологической аналогии в лексике¹. В. Махек, как известно, многие свои этимологические гипотезы, до сих пор не опровергнутые, строил именно на предполагаемом контаминировании праславянских лексем.

Основная причина лексической контаминации в народной речи — вполне оправданное стремление проникнуть внутрь слова и тем самым лучше понять (или объяснить другому) его смысл. Это стремление хорошо известно каждому диалектологу-практику по тому факту, что самые удачные толкования мы получаем от информаторов для слов с прозрачной этимологией. Крестьянин с особой охотой объясняет слово, если ему хорошо понятна его внутренняя мотивировка. Из сферы географической терминологии достаточно привести несколько примеров толкования пск. *мох* ‘моховое болото’, при котором неминуемо возникает ассоциация с *мох* ‘Sphagnum’: *Балóта — где бальшой кустáрник растет..., а мох — эта сухое балóта, там мох растёт и клюква, на мху и клюква растёт* (Палк. Марково); *Мох — ня тапúчие балóта, там мхи тягáют* (Н.-Сок. Фетинино); *Мох — ёта бальшóя балóта, а мóхам завут, што с ётава балóта адин мох, а тóрфа мáла* (Себ. Черная Грязь).

В последнем случае реальная мотивировка (моховой покров на мшаре) значительно сдвинута в народном употреблении. Сделан шаг в сторону народноэтимологического переосмысления.

Специфика контаминации в говорах именно в том, что это не столько нарушение определенной культурно-речевой нормы, как это прекрасно показал для литературного языка проф. Р. Р. Гельгардт², сколько включение слова путем его переосмысления в иную, более «актуализированную» систему.

¹ *Kruszewski M.* О «analogii» i «etimologii ludowej» // *Kruszewski Mikolaj.* Wybór pism. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969. Str. 3–12.

² *Гельгардт Р. Р.* Народная этимология и культура речи // *Гельгардт Р. Р.* Избранные статьи. Калинин, 1967. С. 270–306.

Анализ псковской географической терминологии как системы позволяет выявить три основные причины подобного переосмысления:

а) семантическая актуализация слова, внутренняя форма которого в результате этимологических превращений изменилась;

б) усиление «экспрессивности» и образности слова путем скращения двух лексем различного происхождения;

в) лексико-семантическое скрещение слов, близких по форме, но этимологически различных (т. е. контаминация в узком смысле слова).

Первый и второй тип контаминирования близки друг к другу. Их различие — лишь в степени экспрессивности образующегося слова, что, разумеется, для диалектного языка является субъективным критерием.

Рассмотрим каждый из этих типов более подробно.

а) В первом случае происходит переосмысление древнего географического термина на основе современных значений производных того же корня. Наблюдается как бы смена хронологической иерархии: древняя форма семантически актуализируется за счет утраты древней (resp. исходной) внутренней мотивированности.

Псковский географический термин *ржáвец* (*иржáвец*) был дважды записан И. К. Копаневичем как «вязкое, топкое место железобурого цвета, содержащее в себе железную руду». Связь этого определения с современным *ржáвий*, зафиксированная Копаневичем, проявляется и в пск. *ржáвчина* ‘болото красноватого цвета’: *Ржáвчина, ржáвная балóта, с ржáвым цвётам вадá* (Оп. Глубокое). Ср. определение этого диалектизма, данное Бурнашевым: «ржавое болото, в котором есть железняк»¹.

Слово *ржáвец* в значении ‘болото, покрытое слоем грязи бурого цвета’ известно в сев.-рус. говорах (арх., перм.), зап.-ю.-рус. (смол.) и вост.-рус. (рязан.) [КСРНГ]². В то же время для этой лексемы отмечаются и значения ‘ржавчина’, ‘ржавая трава на болотистых местах’ и ‘железисто-песчаная почва’ (арх. и олон.) [КСРНГ].

Слово *ржáвець* (*иржáвець*) в значениях ‘ржавое болото’ и ‘ржавая река’ известно в украинских говорах. По данным топонимии апеллатив *ржáвец* может встречаться в чешских диалектах³ и болгарских. Болгарский акад. географ Ив. Странский, кроме топонимов *Ръждавец, Риждавец* отмечает и апеллативы *ръждавице* «почва желтого цвета» (в Оряховско), *ръявица*⁴.

¹ Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. II. СПб., 1844. С. 172.

² Картотека Словаря русских народных говоров. Словарный сектор Института русского языка АН СССР, Ленинград. Далее — КСРНГ.

³ Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965. С. 72.

⁴ Странски Ив. Български народни названия на почвата според цвета и овлажняването // Известия на Почвения Институт Българске Академии наук. Кн. II. София, 1954. С. 293.

Ср. сербо-хорв. *rђавица* ‘вид глины, ржавчина’, словен. *rjavica* ‘коричневая, почти красная глина’.

Этимологический анализ топонимов, гидронимов и славянских географических терминов этого корня показывает, что лексема *ржавец* образована от праслав. **rъdia*, **rъdianъ* ‘красный, коричневый’. Это подтверждает и длинный ряд славянских терминов со значением «болото», образованных по модели цветообозначения (*болото, бель, руда, рудина, черень* и др.). Семантическое сближение с активно употребительным производным того же корня, но с несколько измененным значением, вызвано стремлением вернуть слову утраченную мотивированность.

Случай подобного соотношения исходного и современного значения можно проследить и на примере географического термина *руда* ‘болото красного цвета’ и ‘речка красноватого цвета’ в славянских языках.

Возникает, вероятно, вопрос, верно ли такие случаи характеризовать как контаминацию или же все-таки считать их особым семантическим сдвигом. Действительно, переосмысление типа *ржавец* ‘ржавое болото’ — это, вероятно, промежуточное звено между закономерным развитием значения и скрещением двух разных лексем. Приводимые примеры, однако, показательны именно потому, что они демонстрируют тесную связь контаминации с другими закономерными семантическими процессами, происходящими в словаре.

Более явный случай контаминационного переосмысления — в объяснении названия дер. Чудская Рудница Гдовского района. Жители деревни рассказывают легенду, что во время Ледового побоища здесь было много крови пролито, а кровь тогда называли *руда*. Это легенда. Настоящая же этимология названия деревни более прозаична. Слово *рудница* можно истолковать либо как географический термин «торфяное болото с красноватым налетом», либо как «небольшая шахта для добычи руды». Народноэтимологические толкования подобного рода часто становятся источниками легенд и мифов. «Мифология — не что иное, как болезнь языка», — писал около 100 лет назад Макс Мюллер¹. Этот лингвистический афоризм подтверждается современными работами по ономастике. <...>

б) К описанному типу близка и контаминация, вызванная стремлением усилить «экспрессивность» диалектного слова. Так, географический термин *гибун* «зыбучее болото», несомненно, образован от глагола *гибать* «прогибаться, колебаться». Об истинности такой этимологии говорит целый ряд терминов с таким же значением, образованный от подобных глаголов: рус. *зыбун, зыбель, тряпина*, словен. *ziba*, сербо-хорв. *биба*, белор. *дрыгва*, чеш. *houраска* и др. Ср. лит. *liuline* от *liuleti* «качать, раскачивать».

¹ Вандриес Ж. Язык. М., 1937. С. 173.

В образовании слова отразилась двойная контаминация: морфологическая — с термином *кипун* «источник» и семантическая, вызванная стремлением к экспрессивности, — с глаголом *гибнуть*. Такая многоступенчатая ассоциативность народного мышления отражается в контексте, который показывает быструю смену семантических связей под влиянием фонетического созвучия: *Кто гаварить кипун, кто гибун, кто зыбэль, зыблеца, скатинина какая попадя, так ой, апасные миста* (Остр. Магиново). Подобное усиление «экспрессивности» слов можно было бы проиллюстрировать анализом примеров целого ряда местных терминов данной лексико-семантической группы.

в) В третьем типе контаминации оба скрещивающихся слова активно употребительны. Формальное сходство и семантическая близость таких лексем ведут к их симбиозу, в результате которого возникает новое слово.

Предметом долгой этимологической дискуссии, например, была древнейшая связь праславянских **logь* (рус. *луг*) и **lôka* (рус. *лука*). Н. П. Гринкова, посвятившая этим словам большой очерк в работе «Вопросы исторической лексикологии русского языка»¹, прекрасно показала их семантическое и формальное переплетение и взаимовлияние.

Псковские термины *луг* и *лука*, записанные в различных контекстах, показывают все большую тенденцию к семантическому сближению. <...>

Во всех типах лексической контаминации подобие форм — необходимое условие семантического сближения. Фонетическая и морфологическая близость вызывают соответствующие семантические изменения. Поэтому при выяснении этимологии контаминированной лексики необходимо учитывать все три аспекта ее образования. Последние хорошо прослеживаются при анализе процесса семантической конденсации. Смысл этого процесса, анализ которого в сфере славянской географической терминологии проводился в особой работе² — в упрощении словосочетания в слово. Так, слово *глушина* — конденсат разных сочетаний: *глухое озеро, глухая береза* (т. е. растущая на глухих местах), болг. *глушина* ‘нива, заглошшая от бурьяна’. Ср. пск. *вязуха, вязель* < *вязкое болото*; *миара, миага* < *моховое болото*; *черень* < *черное болото* и мн. др.

Понимание процесса семантической конденсации помогает точнее раскрыть конкретные этимологические связи слова. Реконст-

¹ Гринкова Н. П. Вопросы исторической лексикологии русского языка // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1962. Т. 231. С. 45–66.

² Мокшенок В. М. Семантическая конденсация и групповой анализ лексики (славянская географическая терминология) // Вестн. ЛГУ. 1968. Т. 14. Вып. 3. С. 117–125.

рукция словосочетаний, легших в основу конденсатов, — это по-иски промежуточного звена в структурном и смысловом развитии слова.

Псковские термины *кисель*, *киселица* «топкая грязь, вязелище» в говорах непосредственно связываются с *кисель* «мучнистый студень» (Даль. II, 110). Вероятно, однако, они образованы от сочетания *кислое болото*, *кислый заболоченный источник*. Ср. пск. термин *кислицина* — «топкое, непроходимое болото» (Гд. Рудница), совершенно не связанное с *кисель* «студень» и сербо-хорв. *киселица*, *кисельяк* «кислый источник»¹). Последние примеры доказывают, что связь с *кисель* «мучнистый студень» — вторичное переосмысление.

Подобные примеры показывают, что механизм контаминации и народноэтимологических переосмыслений заключается в переключении семантических моделей, по которым они образованы. Иногда, что особенно затрудняет этимологический анализ, это переключение происходит в рамках «закономерных» семантических сдвигов. <...>

Слово *жиламуственник* «небольшое болото с никогда не высыхающей водой из-за донных ключей», как вытекает из контекста, — контаминация названия кустарника *жимолости* со словом *жила* «ключ, родник»: *Ами́ара, балóта ма́ленькае, жиламу́ственник, вада́ никагда́ ня высыха́е, как с жы́лы* (Палк. Сидорово).

Контекст хорошо показывает, как случайное ассоциативное созвучие слова *жиломуственник* перебрасывает его из сферы дендрологических понятий в географическую сферу. Однако эта «случайность» в определенной мере может показаться закономерностью, так как она реализуется в рамках типичного семантического перехода «лес» → «болото». Ср. подобную корреляцию этих семем для терминов *бель*, *болото*, *бор*, *гарь*, *дербень*, *дребь*, *заросль*, *ломина*, *омшара*, *олёх* и др.

Для некоторых терминов подобная «закономерность» крайне относительна и спорадична. Приведенный пример усиления «экспрессивности» слова *гибун* — хорошо подтверждает, что «актуализация» внутренней мотивировки и закономерная семантическая модель чаще всего противоречат друг другу. Такой же случай представляет и термин *жа́барина* «болотистое место». Информатор связывает его с *жа́бой*: *Жа́барина така́я, грязь как хвасты́ жа́барины* (Пск. Жидилов Бор). Сопоставление этого термина с рядом слов германского происхождения (ср. нем. *Sumpf* — «болото»), как, например, польск. *zotra*, *zupra*, *zuprawa* «болото»², лтш. *zatra* «большая лужа на дороге» и с рус. диал. *переза́бина* «узкое место речки

¹ Schütz J. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957. S. 66.

² Jurkowski J., Rec.: Niische P. Die geographische Terminologie des Polnischen // Rocznik slawistyczny. 1967. T. XXVIII. Cz. I. Str. 171–183.

или ручья»¹ приводит к выводу, что связь с *жа́ба* — контаминационная. Она не соответствует ни одной из выявленных семантических моделей образования географической терминологии с общим значением «низкое место».

Такое отклонение от типичных семантических моделей и переходов — типичный признак контаминированной лексики. Поэтому ее последовательный семантический анализ нередко становится основным критерием при изучении подобных переосмыслений. Групповое рассмотрение лексики во многом облегчает такой анализ.

Фердинанд де Соссюр считал утрату знаком мотивированности основной тенденцией развития языка. Это положение теперь — и совершенно справедливо — признается большинством лингвистов. Но при изучении языковых процессов, особенно процессов, происходящих в живой народной речи, нельзя не учитывать или недооценивать и тенденцию прямо противоположную — воссоздание и развитие мотивированности. Именно единство этих противоположных тенденций и является внутренним двигателем развития лексического состава. Явления контаминации и народноэтимологического переосмысления, отдельные примеры которых рассмотрены выше, — один из путей воссоздания мотивированности слова.

А. И. Попов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ РУССКИХ ГОВОРОВ²

<...> Одной из основных причин возникновения диалектных особенностей лексического порядка (и не только лексического) являются воздействия иноязычных стихий, влияющих или влиявших некогда на русские говоры той или иной области, т. е. результаты контакта или смешения с другими языками. Такое влияние во многих случаях (особенно на Севере) было обусловлено наличием субстрата — преимущественно финноугорского (а в Сибири и иного) происхождения, что является в целом общеизвестным, но в деталях еще недостаточно изученным фактором образования местных лексических особенностей русских говоров. Исследование затрудняется особенно тем обстоятельством, что древняя картина финноугор-

¹ *Маштаков П. Л.* Материалы для областного водного словаря. Л., 1931. С. 179.

² *Попов А. И.* Некоторые вопросы и задачи исследования лексики русских говоров // Лексика русских народных говоров. М., 1966. С. 5–17.

ских языков была, несомненно, несравненно богаче теперешней — большая часть их ныне исчезла, частично даже в историческое время (меря, мурома, бóльшая часть веси, заволоцкая чудь, мешера, тойма, печора, пинегга, сура и т. д.), исчезают водский и ливский языки, и т. п. Тем не менее многое может быть выяснено средствами родственных (финно-угро-самодийских) языков, сохранившихся до сих пор. <...>

Разумеется, не в одном только субстрате следует видеть причину возникновения лексических особенностей в областных говорах, даже не говоря о специфике внутреннего диалектного развития. Тюркские языки воздействовали — в силу ряда известных исторических обстоятельств — на русский язык и его отдельные говоры в значительной мере другими путями, которые в действительности являются довольно многообразными и настолько сложными, что их трудно уложить в рамки какой-либо определенной общепринятой терминологии (вроде «адстрат», «суперстрат» и пр.).

Тюркские слова проникали и в русскую общенародную лексику, и в отдельные говоры самыми различными путями: и в силу политических обстоятельств, и на основе широких торговых связей — общих и местных, и иными способами. Это проникновение снабдило многие русские говоры весьма значительным числом лексических элементов тюркского (татарского, турецкого, башкирского, чувашского, якутского, кумыкского и пр.) происхождения, а в некоторой степени монгольского и иного. Надо попутно заметить, что мы зачастую сталкиваемся и с особым рода проникновением лексики (в данном случае тюркской) в тот или иной говор через некоторые *социальные* группы населения, особенно через казачество (донское, терское, гребенское, уральское, сибирское), которое вбирало в свой язык многие элементы подобного характера через торговцев и т. д. Это приводит нас к убеждению в важности не только исследования собственно этнических линий происхождения областной лексики, но и изучения тех специфических социальных характеристик, которые в прошлом составляли своеобразие того или другого края. В этом смысле понятно значение, например, таких групп, как казаки, отличавшиеся своими особыми интересами в отношениях к иноязычному (преимущественно тюркоязычному) населению, благодаря чему в местные говоры проникали, помимо обычной (бытовой) лексики, еще военные тюркские термины, слова, относящиеся к коневодству, и т. п.

* * *

В разной степени и в различных размерах ту или иную роль в проникновении иноязычной лексики в областные говоры играли разные социальные группы: торговцы, ремесленники и т. д. Причины этого вполне понятны, так как некоторые специфические виды торговли древней и старой России, и особенно ремесленные центры —

места средоточия мастеров того или другого узкоспециального дела, — исторически складывались по отдельным областям, что влекло за собой распространение части соответствующей профессиональной терминологии в ограниченных областных рамках, хотя частично она становилась, естественно, общенародным достоянием.

Таким образом, роль отдельных общественных групп в выработке лексического запаса той или иной области следует признать достаточно значительной.

Можно бы упомянуть здесь и об арго, о тех искусственных жаргонах, которые применялись бродячими офенями, представителями отдельных профессий и другими общественными прослойками с целью общения внутри этих групп с помощью речи, непонятной для большинства остального населения. Несмотря на тайный характер этой арготической речи, некоторые отдельные элементы ее все же проникали в лексику той или другой области, в которой наблюдались подобные жаргоны. Впрочем, число этих элементов в диалектах весьма незначительно.

* * *

Следует учитывать и еще один источник возникновения или поддержания особого рода лексических диалектизмов — позднее воздействие памятников древней и старинной русской письменности (в том числе церковных), интерес к сохранившимся материалам которой до сих пор не угас среди части населения некоторых северных областей СССР. Речь идет преимущественно о потомках старообрядческого населения Севера и Северо-Запада, являющихся нередко обладателями большого культурного наследия нашего прошлого в виде тех рукописей и старопечатных книг, которые до сих пор в весьма значительном количестве находятся на руках у частных лиц — жителей Приуралья, Припечорья, Псковской области и смежных частей Эстонской и Латвийской ССР, а также и в других местах.

Традиция знакомства с этими письменными материалами во многих семьях еще до сих пор поддерживает или обновляет применение некоторых древнерусских и церковнославянских лексических данных, которые в других местах давно исчезли (или никогда не существовали), а потому могут быть признаны диалектизмами, внедрившимися в говор, так сказать, на литературной основе. <...>

Таковы — в самых общих чертах — основные линии формирования своеобразия в русской областной лексике <...>. Сюда можно было бы прибавить и взаимодействие различных говоров внутри языка, затем — весьма сильное смешение на границах с белорусами и украинцами, влияние некоторых других языков, о которых мы пока не упоминали, — балтийских, молдавского, греческого и т. д., каждого в своей области. Следует учитывать и воздействие чисто географических обстоятельств, способствующих образованию

и закреплению своеобразия диалектной лексики в местностях, ограниченных природными условиями. Отчасти здесь играет роль специфический характер местной природы — флора и фауна, свойства поверхности и т. п.; отчасти способствует длительной сохранности старых особенностей лексического запаса та или иная степень изолированности края от внешних влияний или, наоборот, бóльшая или меньшая связанность этого края речными или иными путями с другими иноязычными или инодиалектными областями. <...>

Следует сказать несколько слов об использовании топонимических данных в историческом картографировании явлений в областной лексике — ее изменений и прошлого состояния, — по крайней мере отдельных элементов, которые могут заметно входить в топографические обозначения. Нет никакого сомнения, что весьма полезным явится нанесение на карты распространения таких терминов, как *наво́лок* (имеет строго определенную и широкую область распространения, на Севере примыкая к прибалтийско-финской топонимике с окончаниями *-не́мь*, *-нема*, *-мина*, *-нима*, *-мена* и т. п. — из вепск. *net'*, финск. *niemi*, эст. *neet* пр.), *узьмень*, *межоки* (*межтоки*), *тереб*, *гремяч*, *лопань*, *плота* и мн. др. <...>

Вопросы и задания

О каких путях возникновения диалектной лексики говорится в статье?

Ф. П. Сороколетов

К ВОПРОСУ О СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ЛЕКСИКЕ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ¹

Для современного языкознания характерно изучение языка, в том числе его лексического состава, как внутренне организованной совокупности элементов, связанных устойчивыми многосторонними отношениями. Язык рассматривается как система, составляющие элементы которой оказывают друг на друга взаимное влияние. Общепринятым стало такое рассмотрение и диалектной лексики.

В исследованиях Р. И. Аванесова, Ф. П. Филина, Б. А. Ларина, Л. И. Баранниковой, Н. И. Толстого и других русских диалектологов

¹ Сороколетов Ф. П. К вопросу о системных отношениях в лексике народных говоров // Диалектная лексика. 1975. Л., 1978. С. 14–24.

подчеркивается, что изучение системных отношений в словарном составе местных говоров является одной из первоочередных задач диалектной лексикологии. <...> Подготовка материалов для областных словарей, лексикографическая обработка диалектной лексики поставили диалектологов перед необходимостью изучать лексику народных говоров с точки зрения ее состава и структуры, изменения и развития в новых социальных условиях. Важнейшее значение приобретают проблемы слова как элемента лексико-семантической системы говора, проблемы эмоционально-экспрессивной и стилистической дифференциации областной лексики, проблема тождества и отдельности слова. <...>

В более конкретном преломлении эти отношения проявляются в объединении слов по тематическим и лексико-семантическим группам, в явлениях синонимии и антонимии, омонимии и многозначности, в родо-видовых отношениях и связях, намечаемых в кругу диалектной лексики, варьировании, стилистической дифференциации, в делении лексики на активный и пассивный запасы и т. п. Здесь намечается параллелизм между лексической системой литературного языка и системой лексики говора. Однако в отличие от лексико-семантической системы литературного языка лексико-семантическая система диалекта характеризуется более тесной связью с возрастной дифференциацией носителей диалекта, наличием большей вариативности, большей подвижностью и проницаемостью, которая связана с воздействием разных форм национального языка (прежде всего литературного языка), другим содержанием синхронного среза. Так, например, считается, что об одной системе диалекта можно говорить только в том случае, если имеются в виду языковые факты, не выходящие за пределы жизни одного поколения. Словарный состав говора, как правило, богат архаическими элементами и активно взаимодействует с лексикой соседних говоров и языков. <...>

В лексической синонимии народных говоров намечается много общего с синонимией в лексике литературного языка, однако многое здесь характерно для диалектной системы. Исследователи отмечают богатство синонимов, и прежде всего словообразовательных синонимов, в говорах. Так, например, в псковских говорах для обозначения неопрятной, неаккуратной женщины имеется более двадцати наименований, полностью совпадающих по смыслу: *грязновка, грязномазка, грязноноска, грязнопятка, грязнуха, замарашка, маза, мазила, непоряха, опущенка, растрепанка* и др. Все слова, входящие в этот синонимический ряд, совпадают не только в значении, они не различаются также и в стилистическом и эмоционально-экспрессивном планах¹. <...> Привлекает внимание широко развитая система сло-

¹ Тарасова М. А. К вопросу об особенностях диалектной синонимии // Вопросы теории и истории языка. М., 1969. С. 279–283.

вообразовательных синонимов: *боронование, боронитва, боронить-ба, боронье; блестящий, блестящий, блестящий, блестящий, блестящий, блестящий* — в псковских говорах. Причем наблюдается нейтрализация, десемантизация суффиксов субъективной оценки, и словообразовательные синонимы теряют различия в эмоционально-стилистическом плане, они образуют разряд так называемых абсолютных синонимов. <...>

Исследователи выделяют целый ряд разновидностей диалектной речи. Так, Л. И. Баранникова говорит о трех функциональных разновидностях диалектной речи: разговорно-бытовой речи, народно-поэтической и «элементах публичной речи». <...>

В говоре выделяются элементы, различающиеся в функциональном, возрастном, социальном отношении, различающиеся по линии: старое (отмирающее) — новое (появляющееся, утверждающееся). <...>

«О дублетах и синонимических отношениях между словами возможно говорить лишь тогда, когда они входят в одну лексическую систему, не осознаются как слова чужого говора, являются равноправными или, точнее, почти равноправными именами лексической системы говора»¹, — пишет Л. И. Баранникова. Это относится не только к синонимическим отношениям, а ко всем явлениям, составляющим понятие «системные связи и отношения». Аналогичное положение наблюдается в лексическом составе литературного языка, где не признаются синонимами слова, относящиеся к различным историческим эпохам (*заявление — прошение — челобитная*), слова, принадлежащие различным областным говорам (*брюква — бухва — калега*). Синонимичными друг другу являются слова, которые представляют неотъемлемую часть словарного состава одной языковой системы.

Не случайно поэтому слова, близкие или тождественные по значению, но распространенные в разных говорах, признаются не синонимами, а «лексическими параллелями», «эквивалентами», «синонимическими соответствиями» и т. п.

Это же, как отмечает Ф. П. Филин, относится и к многозначности, которая проявляется только в пределах «одного говора (или группы близких говоров)», и ко всем другим явлениям, характеризующим существование диалектного слова.

Однако замкнутость отдельных говоров не является абсолютной. Диалектные системы в своем развитии и функционировании всегда зависят от системы того языка, в которую они входят, являясь ее вариантами. Эта зависимость проявляется и в процессе междиалектных контактов. <...>

¹ Баранникова Л. И. О некоторых особенностях взаимодействия разносистемных единиц в современных народных говорах // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 248. Л., 1963. С. 392.

Разные говоры одного и того же языка образуют определенную «систему» (сложную и многообразную систему) и в отношениях между собой, и в отношениях с литературным языком. Это является проявлением их исторической общности, единства их развития в условиях взаимодействия друг с другом и с литературным языком. В условиях многообразных и все расширяющихся контактов нельзя полностью исключать возможность влияния одного говора на другие (влияния непосредственного или опосредованного); все говоры находятся под постоянным и все более возрастающим влиянием литературного языка, что ведет к возникновению общих тенденций и закономерностей языкового развития в народных говорах.

«Поскольку диалектное слово распространено хотя и в различных, но в близко родственных говорах единого русского языка, его значения составляют единую семантическую структуру (если не произошло распада на омонимы), позволяющую говорить об одном, а не о нескольких словах. Самостоятельно возникшие в разных говорах значения диалектного слова всегда имеют один исходный источник (одно исходное значение), поэтому соотносятся друг с другом независимо от того, сохраняется непосредственный контакт между говорами или он утрачен»¹, — пишет Ф. П. Филин. <...>

Открытость диалектной системы приводит к большей проницаемости ее, наблюдаемой на всех уровнях диалектной системы, но особенно сильно и заметно — на лексическом уровне. Последнее обстоятельство приводит к развитию вариантности внутренней структуры диалекта, к появлению значительного количества сосуществующих тождественных элементов. Все это приводит в конечном итоге к тому, что различные диалектные системы одного языка имеют много общих черт и закономерностей. <...>

Особенности функционирования слова в речи, полноту его семантической структуры, особенности соотношения лексического значения с внеязыковой действительностью, многообразные лексико-семантические связи и оппозиции слов (отношения синонимии, антонимии, родо-видовые отношения, мотивацию и словообразовательные связи и т. д., т. е. все, что составляет понятие системных отношений) можно показать только на языковом материале одного говора. Хотя и это не легко. Дело в том, что говор, как самая мелкая, частная единица «диалектного языка», имеет достаточно сложную и многообразную структуру.

Вспомним положение А. Мейе о том, что «говоры вовсе не обладают тем единством, которое им было приписано a priori. Жители одной и той же, пусть маленькой, деревни говорят по-разному в зависимости от возраста, профессии, социального положения и пр.

¹ Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.; Л., 1961. С. 148.

Не все являются местными уроженцами, не все могут с одинаковой верностью сохранять местные особенности речи. Если описание местного говора учитывает все эти индивидуальные различия, оно становится слишком сложным и из него трудно извлечь какую-нибудь пользу для сравнения. Если же эти подробности не учитываются, мы не получаем правильного представления о состоянии говора: многие факты произвольно упрощаются и скорее называются, чем описываются»¹.

Все это делает чрезвычайно сложной и трудной задачу воссоздания и описания системных отношений в словарном составе даже одного диалекта.

Вопросы и задания

1. Представляют ли все говоры одного национального языка в совокупности некое единство? Аргументируйте свой ответ.
2. О каких системных отношениях можно говорить применительно к диалектной лексике?
3. Какие особенности отличают диалектную лексику как систему?

Вопросы и задания к разделу

1. Влияет ли лексика литературного языка на изменение лексического состава говоров?
2. Какова зависимость состава диалектной лексики от хозяйственной жизни и быта крестьян?
3. Что такое фразеосемантическое поле?
4. Расскажите о системных отношениях в лексике русских народных говоров.

¹ Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954. С. 55–56.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Л. И. Балахонова

ИСТОРИЯ СОСТАВЛЕНИЯ «ОПЫТА ОБЛАСТНОГО ВЕЛИКОРУССКОГО СЛОВАРЯ» И «ДОПОЛНЕНИЯ» К НЕМУ¹

В 1852 г. Академия наук издала первый, и до сих пор единственный, сводный словарь русских народных говоров — «Опыт областного великорусского словаря» (далее называется сокращенно — «Опыт»).

Русская диалектология к середине XIX в. постепенно приобретает значение самостоятельной отрасли языкознания. Именно в это время два крупнейших научных учреждения России приступили к систематическому и планомерному сбору материалов по русской диалектологии. Первенство в этом деле принадлежит Второму отделению Академии наук, начавшему собирание областной лексики с 1845 г. Почти одновременно с ним к сбору сведений по русской этнографии вместе с языковыми данными приступило организованное в 1845 г. Русское географическое общество. Работа Академии наук была завершена выпуском в свет «Опыта», который Ф. И. Буслаев в своей рецензии рассматривал как достойное выполнение завещания Ломоносова, предполагавшего написать работу о русских диалектах².

Решение о создании «Опыта» было подготовлено многолетними работами по литературному языку, лексикографической практике Академии наук и всем ходом общественной и литературной жизни России первой половины XIX в. Идея составления полного словаря, включающего всю лексику русского языка, проходит через лексикографические труды Академии наук в XVIII–XIX вв. Однако на практике все ограничивалось каждый раз лишь общими рассужде-

¹ Балахонова Л. И. История составления «Опыта областного великорусского словаря» и «Дополнения» к нему // История русской диалектологии. М., 1961. С. 98–125.

² Буслаев Ф. И. Словарь областных речений великорусского наречия // Известия ОРЯС АН. 1852. Т. I. Кн. 4. С. 167.

ниями о характере словаря, его цели, принципах отбора слов. В конечном итоге в проекты словаря вводился ряд ограничений, касающихся различных лексических разрядов, в том числе и так называемых «провинциальных» слов. <...>

Постепенно при подготовке общих академических словарей для их составителей становится очевидной невозможность создания полного словаря без подготовительной словарной работы, в частности, без создания самостоятельного словаря диалектных слов. <...>

В конце 1841 г. Российская Академия была преобразована во Второе Отделение Академии наук — Отделение русского языка и словесности. В проекте академического устава 1841 г., составленном А. Х. Востоковым и Д. И. Языковым, среди будущих трудов Отделения указывался и «Словарь областных слов». Непосредственным толчком для начала работы над «Опытом» послужили письмо и несколько диалектных слов, присланные в Отделение в 1845 г. капитаном А. Зеленым¹ <...>. Именно это письмо привело к практическим шагам в вопросе изучения диалектной лексики, предпринятым Академией наук, и было официально признано поводом к созданию «Опыта областного великорусского словаря». <...>

С мая 1847 г. до выпуска в 1858 г. «Дополнений» к «Опыту» вся работа над словарем протекала под руководством А. Х. Востокова. По мнению Я. К. Грота, подготовка к изданию «Опыта» отвлекла А. Х. Востокова от занятий, составлявших его настоящее призвание. Действительно, диалектология не входила в круг научных интересов А. Х. Востокова, как это было у И. И. Срезневского, и представляла для него лишь косвенный интерес. Несмотря на это, многими своими достоинствами, особенно в грамматической части, «Опыт» обязан А. Х. Востокову.

Прежде всего А. Х. Востоков определил источники будущего словаря. Наряду со списками лексики, присланными в Академию (в этих списках, хотя и неполно, к началу 1847 г. была представлена лексика 21 губернии), А. Х. Востоков считал нужным использовать также материалы, напечатанные в «Трудах Общества любителей российской словесности». Вместе с тем А. Х. Востоков совершенно исключил многочисленные списки областных слов, печатавшиеся с начала XIX в. в различных журналах, губернских ведомостях и т. п., избрав, таким образом, как заметил позже в своей рецензии Ф. И. Буслаев, лишь материалы «из первых рук». Несколько позднее появился третий источник «Опыта»: начиная с 1848 г. словник его постоянно пополнялся лексическими материалами, которые имелись у членов Отделения (особенно материалами И. И. Срезневского

¹ Капитан-лейтенант А. Зеленый, служивший в Морском кадетском корпусе, с 1844 г. принимал участие в работе над «Словарем церковнославянского и русского языка», давал толкование терминов кораблестроения и мореплавания.

и М. А. Коркунова) и были собраны ими в разное время или выписаны из различных источников. В будущий словарь А. Х. Востоков предлагал вместе со словами русских говоров включить также украинский и белорусский языки, которые он рассматривал, в согласии со взглядами своего времени, как наречия русского языка. <...>

В 1844 г. А. Х. Востоковым был написан первоначальный план построения словаря. Исходя из этого плана, «Опыт» должен был отличаться от публикаций областной лексики Обществом любителей российской словесности лишь следующим: 1) все слова располагаются в общем алфавитном своде; 2) одно и то же слово, употребляемое в разных губерниях, помещается «однажды, с указанием, где и в каких значениях употребляется»; 3) «простонародные» слова, уже напечатанные в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г., не повторяются в «Опыте», если не имеют ни в каком из говоров особого значения или оттенка его; 4) все слова сопровождаются грамматическими пометами по образцу «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г.¹ Начиная работу над «Опытом», А. Х. Востоков предполагал ограничиться соблюдением только этих четырех правил, перепечатав все материалы в том виде, в каком они были присланы, исправляя лишь «явные ошибки и несообразности в значении и правописании». <...>

На заседаниях Отделения обсуждались как принципиальные вопросы составления «Опыта», так и практические правила внешнего оформления. Наиболее активное участие в обсуждении и исправлении словарных статей принимали академики М. А. Коркунов (ставший в 1849 г. соредктором А. Х. Востокова), М. А. Березников, И. С. Бутков, И. И. Давыдов. Совершенно особая роль принадлежит И. И. Срезневскому, внесшему, по справедливому замечанию Я. К. Грота, «новую жизнь в Отделение»².

Ученому, необычайно разностороннему по своим научным интересам, крупнейшему знатоку русской и славянской филологии, И. И. Срезневскому были действительно близки интересы русской диалектологии, в глубоком изучении которой он видел важнейшее средство научного познания языка. И. И. Срезневский придавал очень большое значение работе над «Опытом»: «...богатство языка, разнообразие его общего и местного развития и степень его

¹ Начиная составление «Опыта», Отделение рассматривало его лишь как дополнение к «Словарю церковнославянского и русского языка» 1847 г. В отчете за 1847 г. сообщалось, что в «Словаре церковнославянского и русского языка» помещены те из областных слов, которые были встречены в языке книжном. «Что касается обширнейшей их части, оно [Отделение] предположило заняться ею особенно и со временем составить из них дополнение к своему словарю, в такой мере полное, как только средства позволят» (Журнал Министерства народного просвещения. 1848. Ч. LVII. Отд. III. С. 27).

² См. Грот Я. К. Пятидесятилетие Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. 1841–1891 // Сборник ОРЯС АН. 1892. Т. LIII. № 1. С. 10.

подчиненности другим языкам можно видеть всего более из словарей областных наречий и говоров», — писал И. И. Срезневский в 1851 г.¹

В течение многих лет И. И. Срезневский собирал для словаря материалы по русской диалектологии. В его архивах сохранились записи большого числа слов, относящихся к разным русским говорам. Из словарных запасов И. И. Срезневского в «Опыт» было заимствовано более трех тысяч слов. Собранные И. И. Срезневским извлечения из двадцати тысяч русских пословиц также были использованы в «Опыте» в качестве иллюстраций к словам. <...>

В отличие от А. Х. Востокова, который только архаическую часть диалектной лексики считал важной для исследований², И. И. Срезневский признает научную ценность за всеми областными словами: «Слова областные все любопытны для филолога, одни как материал для историко-лингвистических исследований, другие для объяснения древних памятников языка»³. И. И. Срезневскому был в высшей степени чужд взгляд многих ученых-языковедов первой половины XIX в., которые рассматривали диалекты как «искажение», «порчу» литературного языка в устах крестьянских масс. «Исследователь беспристрастный смотрит на каждое из местных наречий с одинаковым уважением и любопытством как на местное историческое явление жизни народной», — писал И. И. Срезневский⁴. <...>

Научные установки И. И. Срезневского в отношении областных словарей, в разное время им выдвинутые и частично продуманные в самом процессе подготовки «Опыта», можно свести к трем основным пунктам: 1) широкое использование в семантической характеристике слов этнографических фактов, связанных со значением слова и иллюстрирующих это значение, 2) широкое привлечение произведений устного народного творчества в качестве иллюстративного материала, 3) установление возможной полноты географических показаний. <...>

И. И. Срезневский неоднократно выступал в Русском географическом обществе, членом которого он был, с докладами о важности изучения говоров в аспекте их территориальной дифференциации.

¹ См.: *Срезневский И. И.* Замечания о материалах для географии русского языка // Вестник имп. Русского географического общества. 1851. Ч. I. Кн. 1. Отд. V. С. 18–19.

² Как видно из сохранившейся части первоначального предисловия к «Опыту», написанного А. Х. Востоковым, вся лексика, вошедшая в словарь, разделяется им на два класса: первый из них составляют слова, «кои по неправильности состава и уродливости своей не заслуживают внимания»; второй класс образуют слова, «кои могут служить к обогащению языка». Сюда относятся те из областных слов, которые ранее принадлежали всему языку, но исчезли из общенародного употребления и сохранились только в говорах. См.: Архив АН СССР. Ф. 108. Оп. 1. № 284. Л. 1.

³ Там же. № 108.

⁴ См.: *Срезневский И. И.* Указ. соч. С. 4.

Так, он первый обратил внимание членов Общества «на географию русского языка — предмет любопытный и новый для изучения»¹. <...>

Подготовливая «Опыт», Отделение поддерживало связь со многими лингвистами или просто знатоками родного языка. Наиболее продолжительной была связь с В. И. Далем, ставшим корреспондентом Академии еще в 1830-е годы. <...>

Интерес к еще не вышедшему «Опыту» был так велик, что в Отделение стали приходить письма от крупнейших филологов того времени с предложениями посильной помощи в проводимой работе. <...>

В 1851 г., который явился годом завершения основной части «Опыта» (отпечатано было 30 листов из 35), работа, связанная с ним, не затихла, но, наоборот, значительно усилилась. Это объясняется не только тем, что первая книга «Опыта» не исчерпала всех запасов слов, присланных корреспондентами Отделения и внесенных его членами, и нужно было готовить к изданию «Дополнение», но и тем, что работа над «Опытом» породила ряд научных проблем, направленных на дальнейшее изучение живой народной речи, решением которых и занялось Отделение наряду с окончанием «Опыта».

Так как при подготовке «Опыта» одной из самых больших трудностей для его составителей было выяснение этимологии областных слов, что порождало много других затруднений и ошибок, то Отделение занялось изучением происхождения областных слов и прежде всего тех, которые были заимствованы из других языков и сохранились только в говорах; слов, которые в разных местностях России служили «крепкими памятниками старых судеб ее». С этой целью Отделение обратилось к ряду академиков и профессоров — специалистов по восточным, скандинавским и другим языкам — с просьбой просматривать по мере отпечатания листы «Опыта», отмечая и объясняя те слова, которые, по их мнению, являются заимствованными из других языков <...>.

Другим направлением деятельности Отделения, также связанным с работой над «Опытом», было собирание памятников живого русского языка и народной словесности. В конце 1851 г. И. И. Срезневский составил «Программу для собирания образцов народного языка и словесности»². В «Программе» И. И. Срезневского, обращенной ко всем «сочувствующим нуждам наук», наряду с пунктами, касающимися собирания произведений фольклора, несколько пунктов относились непосредственно к правилам собирания диалектной лексики. В них И. И. Срезневский рекомендует местному

¹ Журнал Министерства народного просвещения. 1852. Ч. LXXIII. Январь — март. Отд. III. С. 49.

² Архив АН СССР. Ф. 1. Оп. 1. № 112. См. также: Журнал Министерства народного просвещения. 1852. Ч. LXXIII. Январь — март. Отд. III. С. 72–75.

наблюдателю не забывать в своих записях: «1) об особенностях выговора, 2) об особенностях форм слов и их изменений, 3) об особенностях сочетания слов, 4) об особенностях в выборе слов и выражений, 5) пространство, в котором этот выговор господствует»¹. <...>

По сравнению с инструкцией 1845 г. «Программа» И. И. Срезневского была большим шагом вперед. В ней уже отражался более глубокий интерес к особенностям русских говоров, интерес не только к лексике, но и к грамматическим и фонетическим особенностям, к географической дифференциации. В своей программе И. И. Срезневский подчеркнул особое значение иллюстративного материала. Он требовал, чтобы на каждое слово было приведено достаточное количество объяснительных примеров. «Чем более таких образцов, — писал он, — и чем они разнообразнее, тем лучше...»².

«Программа» И. И. Срезневского вызвала у широкой общественности большой интерес к собиранию материалов по русской диалектологии. <...>

К концу 1851 г. работа по изданию «Опыта областного великорусского словаря» была в основном закончена: он вышел в конце марта 1852 г. в одном томе, содержащем 18 011 слов на 35 печатных листах. Таким образом, вся работа по составлению и изданию «Опыта» была завершена в 6 лет 3 месяца (считая со времени рассылки первой инструкции в декабре 1845 г.). <...>

Оканчивая издание «Опыта», Отделение ясно видело широкие перспективы, которые открывает изучение диалектологии. Для Отделения были очевидны многие недостатки и ошибки, допущенные при подготовке «Опыта»; на некоторые ошибки указывали корреспонденты и рецензенты. Все это подсказывало необходимость нового издания «Опыта», в котором можно было бы учесть и опыт составителей, и выявленные недочеты. Отделение имело намерение выпустить такое издание, однако первоочередную свою задачу видело в напечатании «Дополнения» к «Опыту», построенного на тех же принципах: «Соединивши в одно целое дополнения Словаря... Отделение получит возможность в новом издании сообщить Словарю окончательные совершенства. Но прежде всего оно позаботится напечатать “Дополнение к Опыту областного великорусского словаря”», — писал в отчете за 1852 г. П. А. Плетнев³. <...>

Подготовка «Дополнения» продолжалась около 7 лет; таким образом, весь областной словарь был создан за 13 лет (с 1846 г. по 1858 г.).

¹ Архив АН СССР. Ф. 1. Оп. 1. № 112. См. также: Журнал Министерства народного просвещения. 1852. Ч. LXXIII. Январь — март. Отд. III. С. 72–75.

² Журнал Министерства народного просвещения. 1852. Ч. LXXIII. Январь — март. Отд. III. С. 73.

³ Там же. Стлб. 36.

Несмотря на многие недостатки, неизбежные в первом опыте словарного труда, охватывающего всю лексику русских говоров, крупнейшие языковеды XIX в. (в том числе Ф. И. Буслаев и Я. К. Грот) рассматривали «Опыт областного великорусского словаря» как один из важнейших памятников деятельности Второго отделения Академии наук, положивший начало новому этапу в развитии отечественного языкознания.

Вопросы и задания

Сопоставьте словари «Опыт» и «Дополнение»; попытайтесь найти связь между этими словарями.

А. А. Бурькин

ПСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЛОВАРЬ И СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»: К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕСЕКАЮЩИХСЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ В ИСТОРИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ¹

Изучение лексики отдельных памятников древнерусского языка с неизбежностью заставляет обращаться к разнообразным историческим словарям либо в целях отыскания сравнительного материала, либо в целях прояснения значений каких-то редко встречающихся слов или слов, недостаточно точно описанных в семантическом отношении. Продолжение исследований лексики «Слова о полку Игореве» в наши дни невозможно без обращения к таким словарям, как Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. и Словарь русского языка XI–XVII вв., хотя, безусловно, при наличии названных словарей не теряет своей значимости и известный труд И. И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка».

Издание специального Словаря-справочника «Слова о полку Игореве», начатое 40 лет назад и продолжавшееся два десятилетия², обогатило опыт русской исторической лексикографии составлением

¹ Бурькин А. А. Псковский областной словарь и Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: к проблеме пересекающихся лексических пространств в исторических словарях // Псковские говоры в свете актуальных проблем диалектологии / под ред. Л. Я. Костючук. Псков, 2007. С. 30–44.

² Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / сост. В. Л. Виноградова. Вып. 1–6. М.; Л., 1965–1984.

словаря языка памятника, дающего подробную разработку значений слов памятника на фоне исторической перспективы. Существование этого словаря, оказывающего неоценимую помощь исследователям языка «Слова о полку Игореве», не только явилось масштабным подведением итогов в изучении лексики «Слова» и лексического состава современных ему памятников, но и значительно расширило возможности для сравнительного изучения, или, как выразился О. Н. Трубачев, «параллельного чтения»¹ различных исторических словарей русского языка старшего периода, содержащих одинаковый материал. Эта возможность может успешно реализоваться в наши дни, когда заверченный Словарь-справочник может не только сравниваться с продолжающимися в издании словарями, но и использоваться при лексикографической разработке материала, поскольку существующие словари оказываются далеко не равноценными в уровне разработки семантики слов и не всегда более поздний обобщающий словарь в этом отношении оказывается лучше, нежели более ранний словарь к одному памятнику (это, в частности, показало обращение к описаниям военной лексики «Слова о полку Игореве» в разных исторических словарях русского языка)².

Как известно, Псковский областной словарь с историческими данными, задуманный Б. А. Лариным и осуществляемый его учениками, занимает особое место как в ряду диалектных словарей, так и в ряду исторических словарей русского языка. В соответствии с замыслом Б. А. Ларина и исполнением этого замысла данный словарь обобщает материал псковских говоров и лексику памятников псковской книжности и письменности. Этот словарь начал выходить в свет в 1967 г., т. е. спустя два года после издания первого выпуска Словаря-справочника, и, следовательно, в основном корпусе Словаря-справочника он не мог быть привлечен в качестве источника. И на момент завершения Словаря-справочника в 1984 г. были опубликованы только первые 5 выпусков ПОС (вып. 5, содержащий статьи до слова *выкушать*, был издан в 1983 г.). В дополнениях к Словарю-справочнику, помещенных в его шестом, заключительном, выпуске оказалась учтенная диалектная лексика брянских говоров, но материалы первых выпусков ПОС в них отражения не получили.

Таким образом, изучение лексики «Слова о полку Игореве» и, в частности, сравнение материала Словаря-справочника с лексикографическими разработками ПОС позволяет одновременно решать две задачи: во-первых, продолжать исследования лексики «Слова»

¹ Трубачев О. Н. Этимологический словарь славянских языков и Праславянский словарь (опыт параллельного чтения) // Этимология 1976. М., 1978. С. 3–17. Перепечатано в кн.: Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004. С. 350–364.

² Бурькин А. А. «А мои ти куряни сво доми кьмети» (Из наблюдений над употреблением военной лексики в «Слове о полку Игореве») // Проблемы диалектной лексикологии и лексикографии. К 80-летию Ф. П. Сороколетова. СПб., 2004. С. 159–185.

на предмет отыскания параллелей к ней в словарном составе позднейших и современных русских народных говоров; во-вторых, исходя из диалектных данных, размещенных вместе с данными региональных памятников псковской письменности, оценивать семантические разработки лексики «Слова» и тем самым видеть текст и содержание памятника в более объемной исторической перспективе. Вспоминая о том, что Мусин-Пушкинская рукопись «Слова о полку Игореве» не без оснований считалась памятником псковской письменности¹, мы можем говорить и о том, что, хотя у нас нет возможности отделить лексику авторского оригинала «Слова» от возможных привнесений позднейших переписчиков, предпринимаемое исследование позволит оценить степень близости лексики «Слова» к словарному составу псковских говоров и тем самым одновременно составить какое-то представление об истории псковских диалектизмов на материале «Слова» и увидеть, в какой мере текст «Слова», созданный в конце XII в. в Черниговской или Киевской земле, был понятен (или был бы понятен) псковичам XV–XVII вв. <...>

Слово **борзый**, являющееся в тексте «Слова» эпитетом к слову **комонь**, обозначающему княжеского коня, в Словаре-справочнике объясняется как ‘быстрый, скорый’. То же для этого слова дает и ПОС в современной части: ‘быстрый, резвый’. <...>

Словосочетание **босый влъкъ**, встречающееся в «Слове» один раз в контексте *Въврѣжеся на бръзь комонь и скочи съ него босымь влъкомь*, вызвало большое количество рассуждений. Словарь-справочник предположительно определяет слово **босый** как ‘белоногий (?)’; сообщает, что это словосочетание отмечено В. И. Чернышевым в псковских говорах. ПОС фиксирует лексему **босый** (вариант к прилагательному **босой**), трактуемую в соответствии с третьим значением как ‘быстрый, резвый’; это значение подтверждается контекстом (со словосочетанием **босый волк**) из псковских сказок, опубликованных В. И. Чернышевым. <...>

Глагол **брехать**, встречающийся в «Слове» один раз в предложении *Лисици брещуть на чръленья щиты* имеет в Словаре-справочнике и в современной части ПОС одинаковое объяснение —

¹ Каринский Н. М. Мусин-Пушкинская рукопись «Слова о полку Игореве» как памятник псковской письменности XV–XVI вв. // Журнал министерства народного просвещения. 1916, декабрь. С. 199–214. Заметим, что довольно сильный контраргумент против нашей гипотезы — это отсутствие в литературе указаний на распространение в Псковской земле произведений, входящих в состав Мусин-Пушкинского сборника: «Повесть об Акире», «Девгениево деяние» и «Сказание об Индийском царстве». Что исключительно важно, «Повесть об Акире» и «Сказание об Индийском царстве» обнаруживаются в конвое «Задонщины», и это дает основания считать, что названные произведения составляли конвой «Слова» с самого момента его создания (см. подробнее: Бурякин А. А. Словарь к «Задонщине»: задачи, проблемы, перспективы // Актуальные проблемы исторической лексикографии и лексикологии: Материалы Всероссийской академической школы-семинара. СПб., 2005. С. 275.

‘лять’. До недавнего времени такая интерпретация этой лексемы была достаточной. Однако в пробном выпуске ЛАРНГ имеется карта № 14 «Издавать громкие, характерные для лисы звуки»¹, и из ее материалов, как и из приведенной цитаты, ясно, что данный глагол обозначает звуки, издаваемые лисицей, а не, например, собакой.

О гнезде слов *буй*, *буесть*, *буйство* в применении к «Слову» написано довольно много; об этих словах писал еще Б. А. Ларин². И мы не будем на них останавливаться. Для нас существенно, что данное гнездо слов из «Слова» полностью документировано историческими материалами ПОС: *буй* — ‘сильный, могучий’, ‘неистовый, необузданный’; *буесть* — ‘заносчивость, тщеславие’; *буйство* — ‘ярость, неукротимость’, ‘бесчинство, насилие’. Все объяснения этих слов в ПОС отражают их смысл и в «Слове о полку Игореве».

Лексема *былина*, встреченная в одном контексте (*Начати же ся тѣи песни по былинамъ сего времени*) привлекает внимание исследователей «Слова» и русской устной фольклорной традиции тем, что совпадает по форме с известным названием эпического жанра. Тем не менее в Словаре-справочнике это слово объясняется как ‘действительное событие’. Ближкое, но еще более точное определение дает ПОС этому слову в современных говорах: ‘то, что происходило в прошлом; бывшее’. Таким образом, то, что слово *былина* как название эпического произведения фиксируется только в XVII в., более не может служить основанием для каких-то сомнений в несоответствии узуса «Слова» лексике русского языка домонгольского периода.

Слово *вежа*, встречающееся в «Слове» один раз (*вежи ся Половецкѣи подвизашася*), определяется Словарем-справочником как ‘кибитка, шатер кочевников’, ‘башня’ (1: 93–94)³. ПОС дает в исторической части для этого слова одно значение — ‘башня, высокая постройка’ (3: 63). Можно констатировать, что перед нами вполне логичное и ожидаемое изменение значения слова, поскольку для псковичей наименования временных жилищ кочевников никогда не были актуальными.

Глагол *вергнуть* (*На седьмомъ въцѣ Трояни връже Всеславъ жребій*) в Словаре-справочнике определяется как ‘бросить, кинуть’, а соотносительный возвратный глагол *вергнуться* — ‘броситься, кинуться’. В ПОС в исторической части глагол *вергнуть* ‘бросить,

¹ Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск. СПб., 2004.

² Ларин Б. А. Из истории слов (*буй* — *погост*) // Слово в народных говорах русского Севера. Л., 1962. С. 3–9; *Он же*. Об архаике в семантической структуре слова (*яр* — *юр* — *буй*) // Из истории слов и словарей. Л., 1963. С. 78–89. Обе статьи перепечатаны в кн.: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. Л., 1977. С. 83–89, 89–100. См. также новое издание: Ларин Б. А. Филологическое наследие. СПб., 2003.

³ Заметим, что употребление слова *кибитка* с толкованием, данным в Словаре-справочнике, не вполне уместно: кибитками называют по-русски свои переносные жилища только калмыки, появившиеся в пределах России только в середине XVII в. Для определения этого слова более подходило бы слово *юрта*.

кинуть куда-нибудь' толкуется с акцентом на семе 'направленность действия'. <...>

Слово *вѣтрило* из контекста *О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, Господине, насильно вѣеши?* определено в Словаре-справочнике как 'ветер'. Псковский диалектный материал дает для слова вѣтрило уточненное значение — 'сильный ветер', что позволяет видеть в тексте памятника («Слова») не словообразовательную, а семантическую игру однокоренными лексическими единицами. <...>

Слово *галица*, неоднократно встречающееся в «Слове» (*а галици свою речь говоряхуть; галици помлькоша*) и отмеченное в Словаре-справочнике в значении 'галка', также зафиксировано в ПОС в словарной статье и для современных говоров, и в исторической части (в Разговорнике Т. Фенне 1607 г.). Оно относится к тем лексическим раритетам, по которым можно проследивать связи «Слова о полку Игореве» с лексикой современных говоров.

Хотя префиксальные глаголы «Слова о полку Игореве» должны сравниваться с аналогичными префиксальными глаголами других источников, для глагола *пригвоздиту* (*Того старого Владимира нельзя бы пригвоздиту къ горам Киевскимъ*) в ПОС обнаруживается интересная параллель: диалектный глагол *гвоздитъ* объясняется как 'вбивать, вколачивать гвоздь, стучать' с цитатами: *Ну што ты там, Шурка, гваздиши; Чаво ты там гваздиши?* Из этих цитат явствует, что данный глагол предполагает прямой объект и должен иметь значение 'прибивать гвоздем, прибивать гвоздями'. Это же значение усматривается и у глагола в приведенном контексте Слова¹.

Слово *гнѣздо*, входящее в число любимых лексических единиц автора «Слова о полку Игореве» (*Дрѣмлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо; аки пардуже гнѣздо; не худа гнѣзда шестокрилицы*), имеет точную параллель в ПОС, где у слова *гнездо* пятым значением отмечено значение 'семья, родня'.

Слово *гоголь*, играющее важную роль в системе сравнений «Слова о полку Игореве» (ср. *бѣлымъ гоголемъ на воду; Стрежаше е гоголемъ на водѣ*), в Словаре-справочнике определено как 'птица из породы уток-нырков', а в ПОС обнаружено, что слово известно современным говорам как 'водоплавающая птица семейства утиных'. Из этих двух определений трудно отдать предпочтение какому-то одному: оба являются приемлемыми.

Слово *година* (*Уже бо, братіе, не веселая година вѣстала*) в Словаре-справочнике подано как 'время, пора', 'год', 'пора суток, час', 'срок'. ПОС и в современных говорах, и в памятниках псковской письменности отмечает четвертое значение этого слова — 'период

¹ В переводе Н. А. Мещерского данная фраза «Слова» выглядит так: «Того старого Владимира нельзя было *прибить гвоздями* к горам Киевским». Но она была изменена при редактировании всего корпуса издания «Слова о полку Игореве», где был помещен этот перевод.

времени, пора, ознаменовавшаяся какими-н. событиями', что, на наш взгляд, гораздо лучше отвечает контексту «Слова».

Для слова **гроза**, которое автор использует в «Слове» с эффектом его многозначности (*устиль... грозою: Грозы твоя по землямъ текутъ*), но не реализует в подходящем отрывке его метеорологического значения (*чръныя тучя съ моря идутъ,... а въ нихъ трепещутъ синиу мльниу*). В Словаре-справочнике отмечены такие значения: 'буря с громом, молнией', 'угрожающая, приводящая в трепет сила; устрашающее превосходство'; оттенки 'угроза', 'страшная кара, наказание'; значение 'ужас'. В ПОС в статье на один из омонимов (**гроза**²) в современных псковских говорах отмечаются такие значения: 'состояние страха, опасения; боязнь чего-н.', 'наказание, кара', 'зловещие слухи (?)', а в псковских памятниках письменности этот омоним зафиксирован и в значении 'состояние страха...' (как и в современных псковских говорах), а также в значении 'то, что внушает страх, ужас; угроза', неизвестном современным говорам. Как кажется, разработка ПОС еще лучше соответствует семантическому синкретизму лексемы **гроза** в «Слове».

Лексема **Дивъ**, представляющая собой одну из этнолингвистических загадок «Слова о полку Игореве», в Словаре-справочнике толкуется как 'какое-то мифическое или реальное существо'. ПОС, где современное диалектное слово **див** также отмечено, дает иное определение — 'герой народных сказок, поверий'. Толкование в ПОС ближе к истине, поскольку в пользу реальности Дива даже для второй половины XII в. нет никаких доводов.

Глагол **докончати** (*Ту пирь докончаша храбриу Русичи*) в Словаре-справочнике определен как 'окончить, завершить'. ПОС, где и в современных говорах, и в псковских памятниках письменности тоже имеется точно такой же глагол **докончатъ** (а совпадение производных глагольных лексем не может не привлечь внимания!), определяет его как 'довести какое-н. дело до конца, закончить'. <...>

Слово **жестокый** (*Утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ*) в Словаре-справочнике объяснено как 'крепкий, твердый, жесткий' с оттенком 'крепкий, сильный (о теле)', что отвечает подаче единственного употребления этого слова в Словаре-справочнике. В ПОС слово отмечено только для современных псковских говоров; некоторые значения у этого прилагательного: 'твердый, крепкий; не мягкий', 'твердый в своих убеждениях; суровый'. <...>

Глагол **заворочати** (*Игорь пълкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода*) в Словаре-справочнике интерпретируется как 'поворачивать назад, в сторону, изменять направление движения'. В этом определении, к сожалению, не раскрыто фактивное значение глагола движения ('заставлять поворачивать назад'). ПОС более точен в трактовке глагола **заворочать** несовершенного вида в современных псковских говорах: 'заставлять вернуться, возвращать'.

Слово **замышление** (*Начати же ся тѣи песни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню*) в Словаре-справочнике определено как ‘замысел, намерение’. Определение этого же слова из псковских памятников письменности в ПОС как ‘что изобретено, придумано (об осадных орудиях, приспособлениях)’ соотносится со вторичными значениями этого слова, отраженными в Словаре-справочнике по материалам других памятников.

Глаголы разных видов **заступати**, **заступити** (*Солнце ему тѣмою путь заступае; и жалость ему знаменіе заступи; заступивъ королеви путь*) определены в Словаре-справочнике соответственно как ‘заслонять, преграждать, загораживать’, ‘преградить, загородить, заслонить’. Как кажется, более точная формулировка значений соотносительных по виду глаголов **заступать** и **заступить** дается в ПОС: ‘загораживать/загородить собой (источник света), заслонять/заслонить’. Правда, последнее определение не вполне соответствует первому контексту из «Слова». В исторической части ПОС есть значения, неизвестные современным псковским говорам: ‘вставать на защиту кого-н., вступаться за кого-н.’ для **заступать**; ‘предохранить, защитить от чего-н. вредного, опасного’ для **заступить**.

Слово **звонъ** (*Ступаетъ въ златъ стремя въ градъ Тъмотороканъ, тоже звонъ слыша давный великий Ярославъ сынъ Всеволожъ; а онъ в Киевѣ звонъ слыша*), играющее важную роль в поэтике памятника и соотносимое с однокоренными (*позвониша заутреню рано*), определено в Словаре-справочнике как ‘звуки, издаваемые чем-л. металлическим’, ‘звон колоколов’. ПОС более издана и избегает тавтологии в трактовке семантики слова **звон** в современных псковских говорах: ‘шум, звук от ударов’, ‘звучание колоколов’; в псковских памятниках письменности ко второму значению отмечены оттенки ‘удары в колокола, оповещающие о чем-н.’, ‘звучание колокола’. <...>

Слово **знаменіе** (*и жалость ему знаменіе заступи*) объясняется в Словаре-справочнике как ‘предзнаменование’, ‘значительное явление природы, предвещающее что-л.’. ПОС дает менее общее, но более подходящее к контексту «Слова» объяснение этой лексической единицы, известной и современным псковским говорам, и псковским памятникам письменности: ‘явление природы, оцениваемое как предвестие какой-н. беды, как дурное предзнаменование’; ‘чудесное явление как вещей знак божественной силы’.

Из лексем, доступных нам для рассмотрения и привлекающих внимание в связи с их функциями в поэтике «Слова о полку Игореве», нельзя не сказать несколько слов о лексеме **комонь** (*Съдлаи, брате, свои бързыи комони; Комони ржуть за Сулою; Комонь въ полуночи Овлуръ свисну; претъргоста бо своя бързая команя*). Это слово обычно определяется как ‘боевой конь’. Однако для «Слова» и современных ему памятников слово **комонь** означает скорее ‘княжеский конь; конь, на котором ездит князь’. В ПОС, где также за-

фиксировано слово *комонь* с пометой «*фольклорное*», содержится интересная подборка цитат из фольклорных записей, содержащих это слово: для этого материала слово *комонь* могло бы означать и 'боевой конь'. <...>

Проведенные сравнения и сделанные наблюдения показывают, что, хотя материалы ПОС не вошли в Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» и в большинстве своем не были вовлечены в круг исследований по лексике «Слова», но составители ПОС так или иначе учитывают лексикографический опыт Словаря-справочника и других исторических словарей русского языка, что способствует улучшению разработки слов. В лексикографическом отношении ПОС занимает ныне очень выгодную позицию по отношению к словарям русского языка XI–XIV и XI–XVII вв., так как он идет вслед за этими словарями, а не опережает их.

Сравнение материалов Словаря-справочника «Слова о полку Игореве» с лексикой, вошедшей в ПОС, как показывают приведенные в настоящей работе примеры, убедительно свидетельствует о том, что язык «Слова о полку Игореве» в лексическом отношении оказывается очень близок к языку памятников псковской письменности, языку псковского фольклора и говорам Псковской земли. Отмеченные сходства особенно убедительно доказываются выявлением параллелей для малочастотных лексем «Слова», встречающихся в тексте один-два раза, и выявлением одинаковых производных форм. Мы не можем утверждать однозначно, что текст Мусин-Пушкинской рукописи «Слова» или ее протографа мог быть переписан в Пскове в конце XV — начале XVII в., хотя этого нельзя и полностью исключать. Но мы с достаточной степенью категоричности имеем право говорить о том, что текст «Слова о полку Игореве», написанный в конце XII в., был абсолютно доступен и понятен псковским читателям XVI–XVII вв.

Сопоставление материалов Словаря-справочника «Слова о полку Игореве» и данных Псковского областного словаря имеет счастливую возможность продолжаться с каждым очередным выпуском ПОС. Но результаты предпринятого исследования подводят нас к неожиданному заключению: каким образом можно объяснить тот факт, что «Слова о полку Игореве», бесспорно южнорусский по своему происхождению памятник, имеет столь много общих лексических элементов с говорами такой территории, как Псковская земля? Ответ на этот вопрос будет, возможно, столь же неожиданным. Вероятно, для русского языка XII–XIV вв. (границы этого синхронного среза можно будет в дальнейшем уточнить) актуальным является диалектное членение не в привычной нам плоскости «по горизонтали» с севера на юг (на севернорусское и южнорусское наречия), а наоборот, «по вертикали», с запада на восток. В этом случае псковские и смоленские говоры, а также говоры Киевской земли и сопредельных княжеств будут объединены в границах *среднеславянского*

(учитывая их связи с западнославянскими языками и языками западной части восточнославянской языковой общности) или *западнорусского наречия*, в то время как говоры к востоку от Москвы могут быть включены в состав *северо-восточнославянского, славяно-финноугорского* (принимая во внимание характер их адстрата и субстрата) или *восточнорусского* наречия. Дифференциация русских говоров в противопоставлении «север — юг» относится к более позднему времени, и она во многом связана не столько с самим фактом монголо-татарского нашествия в первой трети XIII в., сколько с его отдаленными последствиями, которые начали проявляться по крайней мере век спустя.

Вопросы и задания

Приведите примеры лексических параллелей в тексте «Слова о полку Игореве» и в Псковском областном словаре с историческими данными. О чем свидетельствуют совпадения?

Е. З. Васильева

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ «СЛОВАРЯ ОБЛАСТНОГО АРХАНГЕЛЬСКОГО НАРЕЧИЯ В ЕГО БЫТОВОМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ПРИМЕНЕНИИ» А. О. ПОДВЫСОЦКОГО¹

Вводные замечания

<...>

Словарь А. О. Подвысоцкого, изданный II отделением Академии наук в 1885 г., представляет большую ценность, выделяясь среди областных словарей, вышедших в дореволюционное время.

Автор этого словаря — украинец, блестящий знаток не только русского, но и украинского и польского языков. В Архангельскую губ. он переселился в 1873 г. Он изъездил этот край во всех направлениях, бывал на Мурманском берегу и даже прошел Северный Ледовитый океан от Норвегии до Новой Земли. Во время своих

¹ Васильева Е. З. Принципы составления «Словаря областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. О. Подвысоцкого // Слово в народных говорах Русского Севера. Л., 1962. С. 98–121.

переездов, изучая быт народа, он записывал все поражавшие его слова и выражения, поговорки, пословицы, которые в дальнейшем и послужили материалом для его словаря.

Принципы отбора слов

Словарь А. О. Подвысоцкого является областным словарем в узком смысле этого слова, т. е. он включает в основном только диалектную лексику Архангельской области. Общелитературная лексика, как правило, в словаре отсутствует, но слова, которые хоть чем-нибудь отличаются от слов русского литературного языка, включаются в словарь. Здесь мы находим слова, в которых отражаются основные фонетические особенности данного говора, а именно:

- 1) Переход *ъ* в *и* под ударением: *вѣтер*, <...> *місто*, *сѣвер* <...>.
- 2) Переход ударяемого *а* в *е* между мягкими согласными: *взѣть*, *говѣдина* <...>.
- 3) Взаимная мена *ц* и *ч* (цоканье и чоканье): *бѣцка*, *кљѣц*, <...> *птѣча*, *улича*, <...> *отѣч* и другие. <...>
- 4) Отпадение конечного согласного *т* в сочетании *ст*: *гѣрсь*, <...> *стрѣсь*. <...>
- 5) Второе полногласие: <...> *мѣлонья*, <...> *верѣх*.
- 6) Употребление мягкого *р* вместо твердого: *грѣд*, *грѣнка*.

Кроме того, в словарь включены общелитературные слова, но имеющие иное, чем в литературном языке, ударение <...>. Помимо этого, в словарь включается общелитературная лексика, имеющая местные диалектные формы: *мѣти* (мать), <...> *нѣмо* <...> и другие.

В словарь включаются также слова литературного языка, входящие в состав народных пословиц, поговорок, народных поверий, примет, загадок и отдельных выражений:

Б а б а . Пословица: Какова *баба*, такова и слава (Онеж.). <...>

П а с х а . Народное поверье: Если во время заутрени на Св. Пасху лают собаки, то скоту грозит в том году опасность от множества медведей (Пин., Мез.). <...>

Способ подачи материала

<...> Словарь А. О. Подвысоцкого по способу расположения слов относится к первому из указанных типов словарей, т. е. слова в нем располагаются, как правило, в алфавитном порядке. <...>

Морфологические варианты также даются в заголовке. Например: <...> *лопать*, *лопастѣна*, *лопотѣна*, *лопотѣшка*, *лопотѣнка*, *лопотѣ*, *лопотѣе* <...>. Однако затем каждое из этих слов отнесено к разным статьям, толкование слова и здесь дается только один раз.

Иногда в заголовке даются синонимы. <...> *Задóра, занóза* — задорный человек, забияка (Арх., Онеж., Холм., Шенк.). *Медуни́ца, медови́к, буче́нь* — дикая пчела. <...>

Фразеология в словаре А. О. Подвысоцкого дается обычно в одной статье с главным исходным словом. Некоторые же словосочетания, составляющие единые понятия, выносятся в отдельную статью. Здесь могут быть:

1) сочетания существительного с прилагательным, причем опорным словом обычно выступает прилагательное. Например:

Ба́бий у́гол — отделяемое перегородкой или занавеской место в крестьянской избе, за печью, у воронца (Повсем.). <...>

Сою́зное кольцо — обручальное кольцо (Помор.).

2) сочетание двух существительных. Например:

Сва́тья круте́льщица и др.;

3) сочетание глагола с управляемым существительным; опорным словом в этих сочетаниях обычно выступает глагол. Например:

Дава́ть го́лос — говорить, откликаться отзываться.

Обро́нить паруса́ — спустить паруса.

Следует отметить, что подача материала по фразеологическим сочетаниям не имеет у А. О. Подвысоцкого единого выдержанного принципа: часть фразеологических сочетаний дается в отдельных статьях с объяснением значений этих сочетаний, другие приводятся в отдельных статьях без объяснения, но со ссылкой на основное, исходное слово.

Алфавитный порядок расположения слов в словаре А. О. Подвысоцкого сочетается иногда с гнездовым порядком расположения слов. Например:

Ди́вень — диво, чудеса. Отсюда: *ди́вой* — дивный, удивительный; *ди́вненько* — дивно, удивительно (Мез.).

Жи́то — ячмень. Отсюда: *жи́тной* — ячменный; *жи́тница* — а) ячменная солома, б) хлебный амбар; *жи́тник* (уменьш. *жи́тничек*) — ячменный хлеб (Повсем.).

В словаре А. О. Подвысоцкого, как и в других словарях, слова даются в их исходной форме: имя существительное в имен. пад. ед. числа, имя прилагательное в форме имен. пад. мужского рода ед. числа; глагол в форме инфинитива. Но это общее правило у А. О. Подвысоцкого в ряде случаев нарушено. Так, например, имена существительные иногда даются в форме им. пад. мн. числа:

Дере́вни́ (ед. ч. деревня) — деревянные, не подбитые звериною шкурой лыжи (Кол.).

Выбор формы имен. пад. мн. числа как основной формы у А. О. Подвысоцкого оправдан, видимо, тем, что эти существительные употребляются преимущественно в форме множ. числа. Прилагательные даются не в исходной форме тогда, когда они входят в состав фразеологических сочетаний. В этих случаях форма имени прилагательного зависит от существительного, входящего в это сочетание.

Например: *долгие чунки, дорогая трава, костлиное море, кослоённое дерево, косая огорода, летучая рыба, ловёзкие снасти, коротомные деньги, прёсная ша́нга, пушиная земля, разбойные люди* и др.

Не в исходной форме А. О. Подвысоцкий помещает слова общие с литературным языком, но имеющие местную диалектную форму: специальную звательную форму имени существительного (*дру́же* — зват. п. слова: *друг* (Мез.)), остатки двойственного числа в творительном и дательном падежах местоимений и числительных (*на́ма, обéма, однимá*); окончание 3-го лица глаголов в настоящем времени без *т*: *може, е* (есть, имеется).

Пометы

а) Грамматические пометы

<...> Словарь <...> А. О. Подвысоцкого не богат грамматическими пометами. Большинство слов не имеет грамматических помет. Это прежде всего относится к категории имен прилагательных. Имена прилагательные, помещенные в словаре не в литературной форме с безударным окончанием *-ый* в им. пад. мужского рода, а в местной диалектной форме с окончанием *-ой*, не имеют в словаре указаний на форму женского и среднего рода. Например: *дорóдной*, <...> *комóлой*, <...> *отменíтой*, <...> и др.

При некоторых прилагательных, а также наречиях, образованных от качественных прилагательных, иногда дается сравнительная степень. Например:

Ба́ско й, баско́й, басы́стой — красивый, нарядный, прекрасный; *ба́ско, басы́сто* (ср. ст. *басчее, басы́стей*) — красиво, нарядно, прекрасно (Повсем.). <...>

Значительно чаще грамматические пометы встречаются при именах существительных. В ряде случаев, давая слово мужского рода, А. О. Подвысоцкий указывает на возможность образования от этого слова существительных женского рода: *домáшник* (женск. род *домáшница*); *га́дник* (женск. род *га́дница*).

Часто указывается форма множ. числа имен существительных: <...> *ма́рево, марь* (мн. ч. *маревá*), *пíво* (мн. ч. *пивá*), *пустозёр* (мн. ч. *пустозера́*), <...> *ту́ес, ту́ис, ту́яс* (мн. ч. *ту́есья, ту́ясья*) <...>.

В редких случаях имеется указание на форму родительного падежа ед. и мн. числа и твор. пад. мн. числа: <...> *постéль* (род. п. *постéлья*), <...> *за́еч* (мн. ч. *за́ячи*, род. п. мн. ч. *за́ячей*) <...>.

При собирательных именах существительных имеется грамматическая помета (собир.): *бимьё* (собир.), *кытьё* (собир.), *смольё* (собир.).

При существительных с собирательным значением даны слова с вещественным значением: <...> *лисьё* — *лисица*, <...> *я́ме* — *яма*.

В словаре А. О. Подвысоцкого учитываются и возможности образования имен существительных при помощи уменьшительных и увеличительных суффиксов: <...> *рті́на* (увел. слова: *рот*), <...> *варь* (уменьш. *ва́режка*) <...>

При большинстве глаголов имеется указание на вид глагола. <...> Например: *бе́дниться*, *бе́дноваться* (соверш. в. *прибе́дниться*) <...>

Однако указание на совершенный вид дано не при всех глаголах, причем не ясно, чем руководствовался А. О. Подвысоцкий при этом. <...>

В редких случаях указывается форма 1-го лица настоящего времени, прошедшего времени и повелительного наклонения. Например: *бажа́ть* (наст. вр. *бажа́ю*) <...>.

В тех случаях, когда повелит. форма глагола в местном диалекте резко отличается от литературного языка, эта форма глагола выносятся в самостоятельную статью: *пойки* (повел. глагола: *пойти*).

<...>

Таким образом, рассмотрение грамматических помет А. О. Подвысоцкого дает возможность утверждать, что, хотя эти пометы имеются и не у каждого слова, все важнейшие случаи своеобразных грамматических форм архангельских говоров в словаре учтены и в грамматических пометах отражены.

б) Стилистические пометы

Словарь А. О. Подвысоцкого не является словарем нормативным, указывающим сферу употребления того или иного слова. Он фиксирует в основном бытовую крестьянскую речь, а поэтому почти лишен стилистических помет. Здесь отмечаются лишь:

1) слова насмешливые:

Бе с п е л ю х а — небрежная и неряшливая хозяйка (Арх.).

Ла п а́ н — имеющий большие ноги (Шенк.).

2) слова ругательные:

З л о к о м о́ н — злой человек, злодей (Онеж.).

Н е́ с ы т ь — ненасытный, жадный человек (Кол.).

3) шуточные слова:

Б р о д у́ л я — охотник много ходить, бродить (Пин.).

И з к о п ы́ т и т ь с я — разболеться, расхвораться.

Н а ч у́ м к а т ь с я — наестся (Онеж., Шенк.).

4) ласкательные слова:

Бе л е́ ю ш к о — ласкательное в смысле: милый, голубчик (Онеж., Кем.).

Се р е б р и́ н о ч к а — ласкательное выражение в смысле: дорогая моя (собственно: серебряная) (Онеж.) и др.

Словарь А. О. Подвысоцкого включает в себя не только бытовую лексику населения данного края; он достаточно полно отражает также лексику местных ремесел и промыслов, но эти слова не имеют при себе стилистических помет. Только морская терминология, широко представленная в словаре, имеет эти пометы:

В о р о н á (морск.) — гельмпорт, отверстие в судне, где проходит руль (Повсем.)

Н о г á (морск.) — ванта (Помор.)

в) *Географические пометы*

Все слова в словаре А. О. Подвысоцкого снабжены географическими пометами. Те слова, которые распространены и широко употребительны на всей территории архангельских говоров, имеют помету: повсеместно (Повсем.): <...> *жигáло* — жало (Повсем.); <...> *кобáрка, кобра* — пригоршня, горсть (Повсем.) <...>. Слова же, которые распространены не повсеместно, а зафиксированы в каком-нибудь районе (уезде), имеют указание на этот район (уезд):

Б á г р е н ь — прорубленное во льду русло для проводки судна (Онеж., Кем.)

Ч б г л о к — коршун (Арх.).

Определение значений слова и построение словарных статей

Рассмотрим, как объясняются значения слов в словаре А. О. Подвысоцкого. Слова, имеющие одинаковое значение, но различный морфологический состав, толкуются один раз. Например: *адова́, адо́вень, адожнóй*. При этом то слово, которому не дано толкования, снабжается ссылкой на другое слово, значение которого раскрыто. <...>

Лони́сь, лóнской, лонча́к, лонша́к, лони́. Ссылка дается на слово *лони́*. В словарной статье в одну строчку помещаются только два слова *лони́, лонис́сь*. Остальные слова даются внутри словарной статьи, и каждое слово толкуется отдельно.

Лони́, лонис́сь (нар.) — в прошедшем году, прошлый год. Отсюда: *лóнской* — прошлогодний, прошлый; *лонша́к* (уменьш. *лоншачо́к*), *лонча́к, лонща́к* — олень второгоднего возраста (говорится также о домашних животных и о морских зверях) (Повсем.). <...>

Как известно, определение значений слов может быть филологическим и энциклопедическим. В словаре А. О. Подвысоцкого, который по своему типу является толковым, ни тот, ни другой принцип не проведен последовательно. Большинство слов терминологического порядка толкуется А. О. Подвысоцким энциклопедически. Например: *ла́мбы* — лыжи, употребляемые при промысле моржей и тюленей на льдинах в залежках, а также по шугé и н́ласу. Ламбы отличаются от калг тем, что короче и шире их (2 аршина в длину и 6 вершков ширины), не имеют ни пéлгаса, ни мéлгаса и, вместо ремней для обвязывания вокруг ног, снабжаются ременной в виде дуги поперечкой, в которую нога свободно проходит (Кем., Кол., Мез.). <...>

Энциклопедическое толкование мы находим в словах, обозначающих:

названия домашних и диких животных и птиц (*лысун*);
рыб (*нёльма*);
названия орудий труда (*перемёт*);
названия процессов труда (*весновáнье*);
названия предметов материальной культуры (*двор, забóр*);
названия местных обычаев (*борода́*);
названия явлений природы и природных условий (*мо́рок, нýша*).

Энциклопедическое толкование указанных слов оправдывается тем, что обозначаемые указанными словами реалии характерны для севера, т. е. они являются в большинстве случаев местными. В данном случае, естественно, просто филологического толкования слова было бы недостаточно, так как оно не раскрыло бы местные северные понятия. Такой подход к толкованию указанных слов, обозначающих местные понятия, оправдан и самим названием словаря: «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом (подчеркнуто нами. — *Е. В.*) отношении». <...>

Филологическое толкование слов употребляется в тех случаях, когда определение значения слова не требует подробного описания понятия, обозначаемого словом. Сюда относится большинство слов словаря: <...>

Дроби́на — рубленая ржаная солома, которую кладут в чан при заваривании солода на пиво (Онеж.).

Косты́ль — подошва лапы у кошки (Помор.). <...>

Особый интерес в словаре А. О. Подвысоцкого представляет описание многозначных слов. Как правило, автор помещает в словарной статье все значения, сопровождая их фразеологическими сочетаниями, если они имеются. <...>

При распределении значений слова автор проводит определенные принципы: на первое место автор ставит то значение слова, в котором слово употребляется повсеместно.

Дерёвня — 1) Пахотное поле. Отсюда: *дерёвенщина* — невеста, получающая в приданое пахотное поле (Холм., Шенк.). 2) Сельская община.

<...>

Иллюстрация значений

В словаре А. О. Подвысоцкого не каждое слово имеет иллюстративные примеры.

Га́лить — 1) *Га́лить, га́литься* (о детях) — кричать, плакать, капризничать. Отсюда: *взга́лить, взга́литься* — закапризничать, расплакаться, раскричаться (Онеж., Холм., Шенк.). 2) Кричать в сердцах, сердиться. Отсюда: *сга́лить* — рассердиться, взъесться (Пин., Мез.). <...>

Читатель, не находя примеров, вынужден полагаться на автора словаря и принимать на веру данное им определение значений слов. Что касается определения значений терминов, то, если их значения определены энциклопедически, в таких случаях словарная статья не нуждается в иллюстрациях. <...>

Значение словаря А. О. Подвысоцкого <...>

Академик Я. К. Грот указывает, что задача, которую поставил себе составитель, «из живого источника собрать материал областного народного языка в том виде, как он живет на месте и в связи с действующими на говор этнографическими условиями», выполнена успешно. «Это первый целый словарь значительного объема по одному областному наречию»¹. Ценность материалов А. О. Подвысоцкого повышается еще и тем, что весь содержащийся в словаре материал собран из первого источника, из уст народа. Словарь А. О. Подвысоцкого не только полно отражает местную диалектную лексику, но и дает возможность ясно представить быт, обычаи и нравы местного населения, характер их жилищ, ремесел и промыслов. Богатый иллюстративный материал привлекал и будет привлекать внимание не только лингвистов, но и этнографов, историков местного края.

Помимо этого, словарь А. О. Подвысоцкого дает возможность довольно полно представить не только лексический состав диалекта, но и особенности его грамматического строя, а также важнейшие особенности в области фонетики.

Словарь А. О. Подвысоцкого был первым областным словарем в узком смысле этого слова. Он был дальнейшим шагом в развитии русской диалектной лексикографии. По его образцу строились последующие областные словари. Следует отметить, что ни один из последующих областных словарей по существу не поднялся выше словаря А. О. Подвысоцкого. <...>

Вопросы и задания

1. Каково значение словаря А. О. Подвысоцкого для русской областной лексикографии?
2. Какие вы знаете словари севернорусского наречия, составленные по типу словаря А. О. Подвысоцкого?
3. Восстановите свадебный обряд по материалам словаря.
4. Найдите в словаре поговорки.

¹ Грот Я. К. Отчет о присуждении Ломоносовской премии. (Отчеты Пб. АН). С. 130.

ТОЖДЕСТВО СЛОВА КАК ПРОБЛЕМА ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ¹

Современный этап развития русской диалектологии характеризуется значительной активизацией лексикографической разработки словарного состава народных говоров. В ряду несомненных успехов диалектологической науки за последние два-три десятилетия наиболее существенными являются достижения диалектной лексикографии. В настоящее время издано или издается большое количество диалектных словарей разных типов. Каждый из словарей имеет самостоятельное научное значение, но их ценность значительно возрастает в лексикографическом комплексе, представленном словарями различных ориентаций. Диалектные словари, органично сочетающие в себе элементы синхронии и диахронии, занимают особое место в системе словарей русского языка, в совокупности отражающих его историю и современное состояние. Диахронический аспект диалектных словарей связывает их с системой словарей исторического цикла, представляющих историческую лексикографию как жанр, выступающий в триединстве: этимологическая, собственно историческая, диалектная лексикография. Синхронный аспект диалектных словарей (прежде всего региональных словарей полного типа) включает их в систему словарей, отражающих современное состояние языка во всех его разновидностях.

Специфика лексикографируемого объекта, многообразие задач, решаемых диалектными словарями, их пограничное положение между исторической и синхронной лексикографией с одновременным включением в оба жанра — все это ставит перед диалектной лексикографией целый ряд сложных вопросов теоретического и практического характера.

Наиболее существенные проблемы диалектной лексикографии, связанные с определением характера диалектного словаря, получили теоретическое обоснование в ходе дискуссии, развернувшейся в конце 50-х — начале 60-х годов и в конечном итоге показавшей несостоятельность альтернативного решения вопроса: в русской диалектной лексикографии установились как полноправные три типа словаря — дифференциальный, недифференциальный², полудиффе-

¹ Козырев В. А. Тожество слова как проблема диалектной лексикографии // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л., 1986. С. 3–15.

² Соотношение «дифференциальный» — «недифференциальный» (ср. «дифференциальный» — «полный») диалектный словарь ввел в научный оборот Г. Г. Мельниченко (Новый региональный словарь // Русский язык в школе. 1971. № 6. С. 109).

ренциальный. Теоретические основы и принципы составления каждого из них разработаны соответственно Ф. П. Филиным¹, Б. А. Лариным², И. А. Оссовецким³ и нашли реализацию в практической словарной работе: сводный Словарь русских народных говоров (СРНГ) и многочисленные региональные словари, составляемые на дифференциальной основе, Псковский областной словарь с историческими данными (ПОС) и Словарь брянских говоров (СБГ), представляющие собой региональные словари полного типа, Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) (ССРНГ), являющийся полудифференциальным. Однако работа над большинством диалектных словарей приобрела значительную протяженность во времени. Многие исходные установки, сложившиеся на начальном этапе, в процессе длительного периода словарной работы оказались недостаточными в силу причин как теоретического, так и практического характера. По мере продвижения работы над словарями становился все более очевидным тот факт, что конкретный языковой материал оказался значительно сложнее и разнообразнее, чем это представлялось вначале и предусматривалось в проектах, инструкциях, сколь бы глубокими и детальными они ни были. Об этом свидетельствуют те изменения и уточнения, которые появляются в очередных выпусках словарей, а также те публикации, с которыми выступают в научной печати составители и редакторы словарей.

Одной из важных и не вполне решенных проблем диалектной лексикографии является проблема тождества слова. <...>

Предлагаемая статья основана на размышлениях, возникших в процессе работы над СБГ, и представляет собой попытку осмысления тех аспектов проблемы тождества слова, которые непосредственно связаны с лексикографической практикой (в частности, с составлением СБГ как регионального словаря полного типа). <...>

В самом общем виде можно наметить два подхода к подаче вариантов в диалектном словаре. Один из них заключается в том, что «каждый... вариант сопровождается самостоятельной словарной статьей», но при этом «приводятся соответствующие ссылочные указания»⁴, другой выражается в следующем требовании: «разные варианты одного и того же слова должны быть собраны в одной словарной статье»⁵. <...>

Большинство диалектных словарей стремится при отдельной подаче вариантов так или иначе «связать» их отсылочными пометами.

¹ *Филин Ф. П.* Проект «Словаря русских народных говоров». М.; Л., 1961.

² *Ларин Б. А.* Инструкция «Псковского областного словаря». Л., 1961.

³ *Оссовецкий И. А.* Словарь говора деревни Деулино Рязанского района Рязанской области // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964.

⁴ *Филин Ф. П.* Проект... С. 141.

⁵ Пособие-инструкция для подготовки и составления региональных словарей русского языка. М., 1960. С. 228.

<...> Наряду с этим на отсылочные пометы возлагается роль объединения и другие лексические явления, не связанные с вариантностью. <...> Таким образом, разнородным явлениям (вариантности, словообразованию, синонимии) дается одинаковая лексикографическая квалификация. <...>

Установка на сведение вариантов в одной словарной статье представлена меньшим количеством словарей. <...>

Наряду с разработкой вариантности слова, существенные затруднения вызывает разграничение в словаре полисемии и омонимии. Проблема омонимии представляет собой, по словам В. В. Виноградова, «камень преткновения для наших лексикографов»¹. Особенно явно это проявляется в работе по составлению диалектных словарей. <...>

К настоящему времени намечены основные линии разграничения полисемии и омонимии в синхронном плане. Однако нельзя не учитывать специфику диалектного словаря как словаря исторического цикла. Что более существенно в диалектном словаре: выявить и показать в полисемантической структуре генетическую связь между значениями или констатировать в омонимии «разрыв семантической цепи»? Что является более информативным для читателя-специалиста: разведение на омонимы (обоснованное с позиции сугубо синхронного подхода) таких, например, слов, как *горю́ха*¹ ‘зажженная лампа, лампада’ и *горю́ха*² «одинокая несчастная женщина», или разработка их в качестве одного полисемантического слова, указывающая на наличие в семантике исторической преемственности значений? Совершенно очевидна необходимость усиления внимания к этимологическому критерию (разумеется, в его оптимальном для диалектного словаря сочетании с семантическим критерием).

Затронутые в статье вопросы касаются лексикографической техники. И это верно: слитная или раздельная подача тех или иных вариантов, значений — все это, действительно, можно считать техническими «подробностями» словарной работы. Однако не менее верно и другое: этими «детальями» определяется уровень диалектного словаря (и диалектной лексикографии в целом), а значит, в конечном итоге, и уровень диалектной лексикологии как особой лингвистической дисциплины.

Вопросы и задания

1. Какие типы диалектных словарей вам известны?
2. Какие существуют подходы к показу вариантов в диалектных словарях?
3. Как решается вопрос о разграничении полисемии и омонимии при составлении диалектных словарей?

¹ Виноградов В. В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 255.

О НАРЕЧИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

III

По поводу Опыта областного великорусского словаря, изданного вторым отделением Императорской Академии наук

Пора воротиться к Словарю и сделать хотя несколько собственно до него относящихся замечаний; припомню вкратце и то, что говорилось об этом выше:

1) Недостаток общего введения, для объяснения различия наречий, весьма ощутителен.

2) Поэтому и не могло быть принято столь необходимого в подобном труде однообразного правописанья.

3) Приняв правописанье по местному говору, издатели иногда ограничивались одним говором, а иногда, напротив, повторяли одно и то же слово до трех и четырех раз, делая притом еще ссылку последовательно, с одного слова на другое: это затруднительно. Удобнее бы соединить в одном месте все различные произношенья и, пожалуй, разместив сверх того каждое из них, где следует, делать одну общую ссылку на первое.

4) Правописанье по говору не выдержано, а напротив, в весьма многих случаях, от грамотной привычки собирателя, вмешалось правописанье общепринятое. Это в особенности заметно относительно произношенья буквы *о* по двум главным наречиям, и это должно сбить с пути всякого не слишком коротко знакомого с делом.

5) Встречаются небольшие недоуменья в правописанье, например: по какому поводу *порътовать* написано через *ъ*, тогда как ни производство этого слова (нем. *getten*), ни произношенье, ни изменение или замена букв этого не оправдывают? Здесь вместо *ре* произносят также *ра* и *ря*; да в том же словаре глагола *рътовать* нет, а есть *ратовать* и *ретовать*; как же это понять?

6) Не сделано различия между общим в России простонародным языком и местным, или областным, так что к последнему отнесено все то, чего не слыхать и не видеть было доселе на письме или в печати; поэтому:

7) Немалое число речений, приписанных самой ограниченной местности, одной губернии или ниже уезду, употребительны почти

¹ Даль В. И. О наречиях русского языка... // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978.

повсеместно, по крайности по всему объему наречия, к которому названная местность принадлежит.

8) Объяснения не всегда верны и ясны; например: *биленько*, объяснено: приветствие во время стирки белья, в Пермской губ. Но *биленько вам* — общее приветствие прачкам, по всей России, так же точно, как *хлеб-да-соль*, *море-под-коровой* (дойнице), *тоненько-долгенько* (пряхе), и пр.; *буйвище* следовало бы перевести просто погост, кладбище. *Бурлак* и *бурлака* приписаны собственно Шенкурску и Каргополю, а о волжских бурлаках ни слова! *Гребло* объяснено полной мерой; чего? гребло, собственно весёлко, которым стребают хлеб или верхи с меры; в *гребло* или *под гребло* — полная мера. *Грунь*, не скорая ходьба, а *хлынь*, рысца конская. *Заниматься* и в Уфе значит то же, что всюду; мужик, а более дворовый человек, говорят ради вежливости: я этим не занимаюсь, предполагая под занятием этим какое-либо *художество*; но язык *галантерейный*, как Гоголь его удачно назвал, можно бы исключить из словаря, и потому *великатный*, *великатно*, *великатность*, *великатничать*, *ассаментальный*, и тому подобные выраженья, едва ли здесь не лишние. Не знаю также, за что *кошченка* написано *шч*, а не *щ*, и приписано исключительно *Опочке*, хотя и переведено общим словом: *кошка!* Объяснения допущены иногда довольно странные, напр. «*Османуть*, сдать постороннее вещество с чего-либо продолговато-круглого, охватив и проводя по нем сжатую ладонью», не правда ли, ясно? *Османуть* то же что *ошмыгнуть*, обтереть. Вообще объяснения большею частью отрывочны, односторонни, показано одно только частное или переносное значение; взгляд для читателя весьма ограничен; ясно, что слова подбирались и печатались, как были присланы разными лицами, каждый из которых объяснялся по-своему. Местами находим целые изречения, под соответствующим азбучным порядком начального слова, хотя малое число таких поговорок показывает, что это не было принято за общее правило: *В лоны годы*, *В меня придти*, *Мухры пришли*, *Здорово в избу*, *Приехать на всех парусах*, — все это размещено не в виде объяснения слов: *лоны*, *придти*, *мухры* и пр., а каждое изречение в красную строку, по алфавиту, как особое слово. Стало быть и это зависело от первого собирателя, который вероятно надеялся, что запасам его, для печати, будет еще придан более приличный вид.

9) Есть также недоразумения, основанные на неразборчивости присланных из губерний рукописей; например: *пакáче* (получше), ни в каком случае не может говориться во Владимире, при самом низком говоре на *о*; да сверх того здесь вместо *к* надо читать *н*: *поначе*. Равно у нас нет слова *наговка*, ни даже в Ирбите, и надо читать: *начóвка*, *ночóвка*, то есть *но́чвы*, *лоток*. Надо тщательно проследить весь словарь, чтобы распутать все подобные, немаловажные для словаря, промахи, без этого числа их определить нельзя, но их не мало.

10) О неполноте я здесь и говорить не смею: перед нами один только опыт, за который мы должны быть чрезвычайно призна-

тельны, пожелав, чтобы нашлось более подражателей и последователей.

11) Наконец, о неудобстве расположения этого словаря говорено было выше: не знаешь, как приступить, как пользоваться этим дорогим подарком. Гораздо полезнее бы расположить словарь таким образом, чтобы можно было, отыскав, сравнить речения, и этому отвечал бы второй или пятый отдел предположенного мною словаря.

Кончим благодарностью за то, что есть и как оно есть. За Русскую Академию неотъемлемая заслуга, что она первая издала словарь русских областных слов¹.

Июль 1852. Нижний.

О. Д. Кузнецова

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ В «СЛОВАРЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ». ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ²

Сопоставительная практика СРНГ поднимает ряд сложных теоретических вопросов, без разрешения которых невозможно ее совершенствование. Сведения, содержащиеся в изданных и издаваемых диалектных словарях русского языка, результаты многочисленных лексикологических работ не только дополняют информативную сторону Словаря, но и создают благоприятные условия для более глубокого и более тонкого описания диалектной лексики. <...>

Работа над сводным диалектным Словарем связана с решением различных конкретных задач и проблем: так, отбор слов — с проблемой отграничения диалектного от общенародного, орфография заголовка словарной статьи, выбор его формы — с вопросом вариантности, об определении основного варианта.

Множество вопросов возникает при организации словарных статей: прежде всего это вопросы, связанные с проблемой омонимии, точнее, объединения или разъединения нескольких значений в одну или две словарные статьи. Проблема омонимии получает особую специфику из-за сводного характера словаря, описывающего всю

¹ Обзор этот помещен здесь главнейше для того, что в нем разъяснено несколько понятие о наречиях великорусского языка, а понятие это для читателей моего словаря необходимо.

² Кузнецова О. Д. Словарная статья в «Словаре русских народных говоров». Практический аспект // Диалектная лексика—2009. СПб., 2009. С. 43–49.

совокупность русских диалектов (диалектную макросистему) на основании источников, собиравшихся на протяжении двухсот лет.

Изучение диалектного слова в границах диалектной макросистемы требует особого подхода, иного аспекта исследования. Явления макросистемы невозможно рассматривать так же, как явления одной частной системы в силу того, что диалектная макросистема имеет свою специфику: в отличие от микросистемы она лишена коммуникативной функции, что весьма серьезно сказывается на всех ее характеристиках, обуславливает все ее особенности. Кроме того, в ней наличествует семантически или материально взаимоисключающие друг друга лексические единицы, маркированные территориально (сев. **зыбка** — южн. **люлька**).

Естественно, что проблема омонимии в словаре, описывающем диалектную макросистему, должна решаться с учетом этого ее характера.

Словарная статья в сводном диалектном Словаре представляет собой сложную семантическую структуру, в которую сведены все значения общерусского слова, отмеченные собирателями в разных местах, за исключением общерусских значений. Такое объединение, такой свод значений, употребляющихся на разных территориях России, обуславливает своеобразие семантической структуры слова, ее отличие от соответствующей структуры литературного языка.

Семантическая структура диалектного слова весьма специфична: представляя собой в содержательном плане общерусское слово в его диалектной части без литературных значений, она имеет свою самодостаточность и свои особенности.

Русское диалектное слово, употребляющееся в различных говорах русского языка (всех, многих, некоторых или одном) во всех его значениях и оттенках, представляет единую семантическую структуру и описывается в сводных диалектных словарях, начиная с Опыта 1852, в одной словарной статье. Основанием для этого служит единый исходный источник (одно исходное значение), а также то, что разные значения одного слова могут быть соотнесены друг с другом как производное и производящее, независимо от того, сохраняется ли непосредственный контакт между говорами или он утрачен, наличие в основном общих тенденций и закономерностей семантического развития в диалектной макросистеме. <...>

Одна из особенностей диалектной семантической структуры, нередко наблюдаемая, проявляется в большом количестве значений по сравнению с такой же в литературном языке. Так, например, в литературном языке слово **летовать** (простореч.) [БАС, 6: 191] имеет одно значение 'жить где-л. летом, оставаться где-л. на лето', в диалектах же это слово зарегистрировано с шестью значениями: кроме значения, общего с литературным языком (широкого распространения), оно имеет следующие значения: 'заниматься летом каким-н. промыслом вне селения' (Арх., Беломор., Сиб., Краснояр., Камч.),

‘выполнять летнюю сельскохозяйственную работу’ (Челяб., Урал.), ‘оставаться под снегом; зимовать (о поле, хлебе)’ (Ср. Урал.), ‘быть, находиться где-л. в течение года или нескольких лет’ (Орл., Ряз., Ср. Урал., Краснояр.), ‘сидеть без дела’ (Ср. Урал.) [СРНГ, 17: 22].

В этих случаях диалектный лексический материал представляет более полную картину семантического развития слова, чем словарь литературного языка. <...>

Другая особенность заключается в более детальной представленности семантических различий, отображающих различия этнографические.

Особенно показательным в этом плане является слово **летник**, которое в БАС имеет четыре значения, два из них снабжены пометой *обл.*: ‘однолетнее декоративное растение’, ‘летняя женская одежда в Древней Руси’, ‘летняя дорога’, ‘помещение без печи для летнего жилья; летнее жилище, стойбище кочевника’ [БАС, 6: 189]. Сама семантическая структура, взятая из этого словаря, получает объяснение только при знакомстве с диалектным материалом. Последний представлен в СРНГ (вып. 17) девятнадцатью значениями, основная часть которых мотивируется значением слова **летний** ‘относящийся к лету, происходящий, появляющийся летом’: а) ‘то, что используется летом’ (дорога, помещение, одежда), б) ‘тот, кто работает летом’; остальная часть значений мотивируется другим значением слова **летний** ‘южный’, получившим распространение на Севере и в Сибири: ‘южный ветер’, ‘юг’ и др. Таким образом, семантическая структура, представленная в словаре литературного языка, получает логическое оправдание и аргументацию при знакомстве с диалектным материалом, содержащимся в СРНГ. <...>

Значения в семантической структуре диалектного слова располагаются в СРНГ в исторической последовательности и с учетом всех тех закономерностей, которые отмечаются при образовании производных значений и разных лексико-семантических и лексико-грамматических групп слов.

Таким образом, основные особенности семантических диалектных структур в СРНГ можно свести к следующим:

а) наличие большого количества семантических структур, относящихся тематически к крестьянской работе, рыболовецкому и другим традиционным народным промыслам; многие слова этой лексики являются терминами и терминологическими сочетаниями (**переплёт**, **переплётка**, **перепуск**, **перепускное**, **перетяжка**, **перезина**, **пестёрь** и т. п.);

б) в ряде случаев более сложная семантическая структура слов, чем в литературном языке;

в) наличие значений, оттенков и употреблений, вызываемых этнографическими различиями;

г) у слов, совпадающих с литературными: отсутствие определенных звеньев: значений, общих с литературным языком; отсюда —

слабость мотивировочных связей и отношений внутри семантических структур;

д) в ряде случаев — более широкая, более детализированная представленность в них других звеньев, обусловленная, главным образом, этнографическими различиями. <...>

Словари

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–41. М.; Л.; СПб., 1965–2007.

БАС — Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.; Л., 1948–1965.

Вопросы и задания

1. Какие проблемы встают перед авторами сводных диалектных словарей?
2. Какие выводы можно сделать при сопоставлении диалектных слов, описанных в БАС и в СРНГ?

Г. Г. Мельниченко

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ¹

Потерять диалектные слова — это значит потерять для нации, для истории нашего народа, истории его духовной и материальной культуры, его языка значительную часть того, что составляло содержание жизни миллионов людей в течение многих столетий. Вот почему наш долг, наша святая обязанность — сохранить эти неценные сокровища живой народной речи, зафиксировав их как можно полнее и точнее в создаваемых нами областных словарях.

О принципах составления областных словарей

II. Для чего нужны областные словари?

Создание областных словарей потребует значительных сил и средств, поэтому очень важно, чтобы полезность и необходимость таких словарей были понятны не только узкому кругу специалистов, так сказать, энтузиастам этого дела, но и широкой общественности. Это предприятие может быть успешно осуществлено только при

¹ Мельниченко Г. Г. Региональная лексикология и лексикография. Ярославль, 2007. С. 4–140.

условии, если оно будет встречать всемерную поддержку со стороны всех учреждений и организаций, от которых в той или иной степени может зависеть его судьба. <...>

Областные словари имеют целью сохранить и истолковать (объяснить) те слова и выражения (устойчивые словосочетания), которые не вошли в литературный язык и составляют принадлежность народных говоров определенной территории или различных местных говоров языка данного народа. Следовательно, областные словари можно рассматривать как особую разновидность толковых словарей. Само толкование слов в областных словарях характеризуется исключительной конкретностью: оно имеет целью показать, какое значение имеет то или иное слово в данной местности, в данное время, т. е. в момент, когда оно было услышано собирателем словарных материалов от местных жителей. Для чего же нужны словари, которые увековечивают то, что осталось за пределами литературного языка, причем многое из того, что включается в эти словари, никогда не станет достоянием литературного языка и обречено на полное исчезновение? <...>

1. Словарный состав языка народа в целом — чрезвычайно сложное явление, глубоко и правильно понять которое можно только при историческом и разностороннем его изучении, при учете всех его фондов, включая и лексику территориальных говоров, представляющих собою местные разновидности общенародного языка. Диалектная лексика (т. е. лексика, характерная для тех или иных местных говоров) органически связана с лексикой литературного языка, так как подавляющее большинство местных слов образовано от тех же корней, от которых образованы слова литературного языка. Следовательно, нельзя составить полного представления о словарном составе языка народа в целом, о всем многообразии его конкретных проявлений без учета его местных разновидностей, без учета диалектной лексики. Поэтому изучение словарного состава литературного языка будет неполным, недостаточным, если мы оставим в стороне словарные богатства живых народных говоров. Опыт показывает, что почти ни одно серьезное исследование в области лексикологии не может обойтись без привлечения этих материалов.

Лексика самих местных говоров не остается неизменной. Во-первых, происходит вытеснение местных слов словами литературного языка. Этот процесс совершается непрерывно, но протекает он с разной степенью интенсивности в разные исторические эпохи в разных частях страны. Во-вторых, диалектные слова могут утрачивать свой узкоместный характер и переходить в словарный состав общенародного литературного языка. В-третьих, в словарном составе территориальных диалектов происходят по существу те же процессы, что и в лексике литературного языка (утрата устаревших слов, изменение значений слов, появление новых слов, заимствование слов из языков соседних народов и пр.). Изучить эти процессы в местных говорах и выявить их своеобразие — одна из основных

задач языкознания. Для подобных исследований крайне необходимы максимально полные областные словари.

Из этого ясно, что областные словари необходимы прежде всего как источники фактического материала для изучения словарного состава языка народа в целом и отдельных его диалектов в их историческом развитии, а также для изучения различных явлений в области лексикологии и словообразования.

2. История народа, его духовная и материальная культура находят отражение не только в вещах, памятниках письменности, произведениях искусства и пр., но и в живом языке — в словах и определенных сочетаниях слов. Каждое полнозначное слово что-нибудь называет (предмет, действие, состояние, признак предмета и пр.); оно появилось в языке, кем-то создано для того, чтобы служить средством общения, запечатлеть в себе какую-то частицу жизни людей. История слов и история обозначаемых ими предметов и понятий не всегда совпадают, даже, как правило, не совпадают: предмет обычно появляется раньше его наименования, слово же всегда живет дольше, чем предмет, для обозначения которого оно создано¹. Нередко бывает так, что предмет исчезает, и только слово, обозначавшее его, может сообщать последующим поколениям о его существовании в далеком прошлом.

Из этого следует, что из словарного материала, при умелом его использовании, можно почерпнуть много ценных сведений для истории различных сторон жизни народа и прежде всего для истории самих слов, для раскрытия их значения в исторической перспективе. Вот почему к живому источнику народного языка приходится обращаться не только лингвистам, но и этнографам, историкам (особенно при расшифровке древних письменных памятников), литературоведам, писателям, педагогам и вообще всем, кто проявляет глубокий интерес к языку нашего народа, к его быту, его духовной культуре в настоящем и прошлом.

Областные словари нам необходимы и как учебные пособия не только в высшей школе, где изучается диалектология и история русского языка, где ведется научно-исследовательская работа в области языкознания, но и в средней и даже начальной школе, где учителя иногда затрудняются в том, каким словом литературного языка можно заменить тот или иной диалектизм в речи учащихся, как объяснить какое-нибудь местное слово, встретившееся в художественном произведении, прочитанном школьниками, и пр.

Опыт показывает, что без серьезного изучения диалектов нельзя правильно и глубоко понять многие вопросы истории формирования

¹ Обратные явления наблюдаются только в тех случаях, когда по тем или иным причинам происходит переименование предметов, действий, признаков или когда из нескольких наименований в общенародном языке прочно утверждается одно, а все остальные забываются и утрачиваются, как практически ненужные.

русского национального языка, в частности, вопрос о степени участия в этом процессе различных территориальных диалектов.

Следовательно, областные словари необходимы для изучения истории народа и его культуры.

Областной словарь, таким образом, представляет собою огромную научную ценность как сокровищница живого народного языка определенной территории нашей страны в определенную историческую эпоху. <...>

Но с составлением областных словарей нельзя медлить, так как словарный состав языка непрерывно изменяется. <...> Диалектное слово в активном употреблении может просуществовать много веков, но как только оно перестает быть нужным в повседневном общении, оно, будучи никем не зарегистрированным, обречено на полное исчезновение: его помнят обычно одно — два поколения, а затем оно исчезает из памяти народной и, следовательно, язык его теряет навсегда.

Если бы, например, не оказались зафиксированными в письменных памятниках такие слова, как *стрый* (брат отца, дядя по отцу), *уй* (брат матери), *сестричиць* (сын сестры), *сыновець* (сын брата) и др., то, возможно, мы и не знали бы об их существовании в прошлом, так как в живом употреблении они не дошли до нас. Утрата же их принесла бы известный ущерб нашим познаниям относительно прошлого русского народа.

Многие диалектные слова, которыми в прошлом в определенных исторических условиях пользовались широкие массы русского народа, уже безвозвратно погибли для нашей науки, многие утрачиваются местными говорами буквально на наших глазах. Наблюдения показывают, что огромная масса областных слов, имеющих в современных местных диалектах, оставалась и продолжает оставаться нигде не зафиксированной и обречена на исчезновение вместе с исчезновением диалектов. <...>

Многие диалектизмы, связанные со старым бытом, старым укладом жизни и примитивной техникой, стали и практически ненужными, они сохраняются еще как пассивный словарь в памяти стариков и навсегда исчезают из языка вместе со смертью их носителей. <...>

С точки зрения практики повседневного общения многие диалектизмы стали уже ненужными, и поэтому естественно, что с ними без сожаления расстаются их носители. Но с научной точки зрения они получают иной смысл — они приобретают значение исторических памятников и именно поэтому имеют огромную ценность: их нужно тщательно собирать и бережно сохранять на многие века. <...>

III. Нормативные и областные словари русского языка

<...> Областные словари <...> могут быть отнесены к разряду толковых словарей, но от нормативных толковых словарей они отличаются некоторыми особенностями.

1. Они не преследуют цели утверждать какие-то общие нормы. Их задача — показать как можно полнее и точнее то, что есть в том или ином местном диалекте, но не вошло в литературный язык.

Областной словарь должен быть кладовой, в которой в строгом порядке и под соответствующими этикетками, помогающими быстро найти и правильно понять каждый языковой факт, хранится все, что удалось зафиксировать в процессе наблюдения над речью местного населения.

Основное назначение областного словаря — быть справочником по диалектной лексике и источником материалов для всевозможных научных исследований. Чем богаче будет этот источник, тем лучше. <...>

Следовательно, к областному словарю не применимы те ограничения, которые являются обязательными для нормативного словаря. В него включаются все диалектные слова, присущие данному местному говору, независимо от того, употребляют ли их все местные жители или только некоторые из них (слово может быть известно только одному какому-нибудь древнему старику), входит ли то или иное слово в круг общеупотребительной лексики или оно относится только к одной какой-то отрасли труда и пр.

2. Областные словари отличаются от нормативных не только подбором слов, но и характером их толкования.

Одни и те же слова могут повторяться в обоих словарях (только в нормативном такие слова обычно имеют помету «областное»). Областные слова в нормативные словари, как правило, попадают из произведений художественной литературы, поэтому естественно, что на характер их толкования оказывают известное влияние те источники, из которых почерпнуты эти слова. Но дело не только в этом. Нормативные словари как словари общенародного языка, во-первых, избегают большой детализации в объяснении областных слов, не дают целого ряда подробностей, которые могут быть обнаружены в том или ином местном диалекте, во-вторых, указывают на такие значения, которые свойственны одним говорам и отсутствуют в других. <...>

3. При научном исследовании словарного состава нашего языка в целом или отдельных его ответвлений (говора той или иной местности, языка писателя или отдельного произведения и пр.) нередко возникает необходимость иметь максимально точную справку о том, в каких местных говорах имеется то или иное слово и каково его значение в каждом из этих говоров. Таких сведений не содержат и не могут содержать нормативные словари — их можно найти только в областных словарях.

Таким образом, наряду с нормативными словарями совершенно необходимы и областные словари. Они явятся существенным дополнением к нормативным словарям литературного языка <...>. Эти два типа словарей не только не исключают, а, наоборот, взаимно

дополняют друг друга, и существование каждого из них обязательно предполагает существование другого, так как только вместе они могут создать более или менее полное представление о словарном составе языка народа в целом.

IV. Диалектологический атлас и областные словари

Диалектологический атлас и областные словари должны взаимно уточнять и дополнять друг друга. Больше того, успешная работа над составлением областных словарей просто немыслима без учета того, что нам дает атлас.

Уже составленные томы диалектологического атласа русского языка и материалы, накопленные для последующих томов, помогут более правильно решить некоторые вопросы, имеющие большое значение для областных словарей.

1. Одним из труднейших вопросов, которые обязательно придется решать всем составителям областных словарей, является вопрос о разграничении сфер лексикологии, с одной стороны, и фонетики и морфологии, с другой стороны. <...>

Карты лингвистического атласа и материалы, собранные для них, окажут очень большую помощь в решении этого трудного вопроса, так как по ним можно судить о степени и зонах распространения многих явлений из области фонетики и морфологии: по ним будет ясно, что входит в фонетико-морфологическую систему говора, а что уже можно считать лексикализовавшимся. <...>

2. Лингвистический атлас окажет неоценимую услугу в решении вопроса о членении территории при составлении областных словарей. <...>

3. В процессе создания диалектологического атласа накоплено довольно много лексических материалов. <...> Нам кажется, что эти материалы следовало бы пустить в научный обиход и с этой целью издать в виде региональных словарей с таким расчетом, чтобы каждому тому атласа соответствовал определенный словарь, охватывающий лексику говоров той же территории... <...>

V. Возможные типы областных словарей

Все словари, отражающие лексику местных народных говоров, можно рассматривать с двух точек зрения: 1) с точки зрения их содержания и 2) с точки зрения территориального охвата говоров.

Если исходить из того, что территориальные говоры представляют собою местные разновидности общенародного языка, то принципиально кажется возможным, чтобы по материалам местных говоров, как и по материалам литературного языка, создавались самые разнообразные словари, отражающие как лексику того или иного говора в целом, так и отдельные ее стороны (разделы и т. п.).

А. Типы областных словарей по содержанию

По содержанию областные словари могут быть: 1) областными, 2) диалектологическими, 3) отраслевыми (специальными, терминологическими), 4) искаженных слов литературного языка, 5) иноязычных слов, 6) ударений, 7) фразеологическими, 8) топонимическими, 9) историческими, 10) собственных имен людей, 11) синонимическими и сопоставительными, 12) этимологическими.

1. Областные и диалектологические словари

Термин «областной словарь» давно уже вошел во всеобщее употребление. Его широкому распространению особенно способствовало появление в 1852 году «Опыта областного великорусского словаря», изданного Академией наук. <...>

Целесообразно <...> **областным словарем** именовать словарь живого народного языка определенной территории в определенную эпоху. Такой словарь должен иметь целью отразить словарный состав того или иного местного диалекта в полном его объеме, т. е. включая и лексику общенародного языка, которая вошла в обиход типичных представителей данного говора. <...>

Словарь же, который имеет целью отразить только лексические и семантические диалектизмы всех говоров данного языка в целом или только отдельных его территориальных говоров (диалектов), было бы более правильно назвать **диалектологическим**.

Это, собственно, основные типы словарей, отражающих лексику местных говоров, все остальные словари, о которых будет идти речь ниже, можно рассматривать только как их слагаемые.

Считаем необходимым специально остановиться на вопросе о диалектологических словарях, так как именно они, по нашему мнению, и должны составлять в первую очередь. <...>

Дифференциальные диалектологические словари могут быть весьма полезными как справочники, разъясняющие значения слов, отсутствующих в литературном языке или имеющих в нем иные значения, и как источники материалов, необходимых для различного рода сопоставлений при лексикологических (в том числе и этимологических) исследованиях.

Объектом диалектологического словаря должны быть следующие группы слов.

1) **Специфически местные слова** (лексические диалектизмы, так сказать, в их чистом виде), требующие перевода их на литературный язык, вроде таких, как *бурак* ('берестяной сосуд для жидкости), *вотра* (корм для скота), *глобочка* (тропинка), *голбец* (деревянная пристройка к печи в виде лежанки, в которой обычно есть дверь, ведущая в подполье), *горбуша* (вид косы), *додон* (петух) <...> и т. п.

Собирание этих слов должно являться основной задачей составителей диалектологических словарей.

2) Слова, которые в местных говорах имеют не то значение, что в литературном языке: *гροхот* (сенная корзина), *застать* (загнать в хлев; заступиться за кого-нибудь), *котёл* (ведро, у которого верх шире основания) и т. п.

3) В этом словаре должны найти место и слова, отличающиеся своим составом от соответствующих им эквивалентов литературного языка: *взамуж* (замуж), *взойти* (войти), *воспитомка* (воспитанница), *гусиха* (гусыня), *продавцик* (продавец) <...> и т. п.

4) В этот словарь могут войти и слова, которые в местном говоре имеют только иное ударение, чем в литературном языке¹: *бабушка*, *дедушка*, *дбставка*, *Кбстрома* <...> и т. п.

5) Наконец, в этом словаре могут быть и такие слова, которые претерпели те или иные изменения в их звуковом облике. Эти слова могут быть объектом особого словаря — «словаря так наз. неправильностей», но они, нам кажется, могут быть включены и в дифференциальный диалектологический словарь.

Слова, относящиеся к этому разделу лексики, могут представлять большой интерес с точки зрения выявления различных сторон сложного процесса освоения литературной лексики и норм литературного языка носителями местных диалектов.

В этот словарь должны включаться только те слова, которые являются индивидуальными носителями тех или иных фонетических явлений. <...>

2. Отраслевые (специальные, терминологические) словари

Эти словари, как известно, имеют целью представить лексику (терминологию) и фразеологию той или иной отрасли труда (например, рыболовства, охоты, гончарного производства, производства деревянной посуды и домашней утвари, кузнечного дела, льноводства, различных видов рукоделия, огородничества и пр.). В речи населения любого района, любого населенного пункта мы найдем довольно много слов и выражений, относящихся к различным отраслям труда. Для некоторых же мест та или иная отрасль хозяйства является доминирующей. В говорах таких мест специальная лексика данной отрасли хозяйства представлена очень полно и наиболее четко дифференцирована. Поэтому естественно, что отраслевые словари хорошо создавать на основании наблюдений над речью населения, для которого данная отрасль хозяйства, данный промысел, данное занятие являются основным, традиционным, где есть потомственные мастера своего дела.

При составлении словаря той или иной отрасли в одной местности очень трудно, а подчас и невозможно разграничить, что в этом

¹ Но если таких различий в ударении окажется много, тогда целесообразнее отразить их в специальном словаре ударений, о котором будет идти речь ниже.

словаре можно считать специфически местным, а что является общим для всех людей, работающих в этой отрасли. Такое разграничение станет возможным только тогда, когда мы будем иметь отраслевые словари, составленные в различных местах нашей страны. <...>

3. Словари так называемых неправильностей (или словари искаженных слов литературного языка)

Освоение лексических богатств литературного языка носителями местных говоров представляет собою длительный и сложный процесс. Далеко не всегда слова литературного языка, особенно иноязычного происхождения, входят в словарный состав того или иного говора в том же звучании и с тем же значением, как они употребляются в литературном языке. Немало случаев, когда эти слова претерпевают различные изменения, которые с точки зрения норм литературного языка могут быть расценены как неправильности, нарушения этих норм (например, *Главдея*, *каливерт* — конверт, *лисапет* — велосипед, *патихон* — патефон, *полуклиника* — поликлиника, *процезы* — протезы, *трахмал* — крахмал и т. п.).

В этих неправильностях проявляются свои закономерности, отражающие, с одной стороны, приспособление новых слов к привычной фонетической системе и артикуляционной базе носителей данного диалекта, а с другой стороны, они являются показателями, как постепенно перестраиваются фонетическая система говора и артикуляционная база его носителей. Внимательное и разностороннее изучение этих неправильностей позволит установить этапы, закономерности этой перестройки. Поэтому создание специальных словарей, точно регистрирующих эти неправильности, принесет известную пользу при изучении процессов, совершающихся в живых народных говорах. <...>

4. Словари иноязычных слов

Объектом этого словаря должны явиться в первую очередь слова, которые усвоены русским населением той или иной местности в процессе непосредственного общения (контакта) с другими народами (*батман*, *кербрь*, *кортома*, *чапан* и т. д.). В условиях многонационального государства, каким является наша страна, создание подобных словарей будет иметь огромное значение с точки зрения задачи изучения вопроса о взаимодействии живых языков разных народов как в прошлом, так и в нашу эпоху. <...>

5. Словари ударений

Известно, что ударение в русском языке представляет собой чрезвычайно сложное явление, что колебания, неустойчивость ударения во многих словах и формах литературного языка отражают в какой-то мере пестроту ударения в живых народных говорах.

Эта пестрота ударения проявляется иногда при произношении одних и тех же слов в различных местных говорах одного и того же наречия. Так, в пределах севернорусского наречия по-разному произносятся одни и те же диалектные слова: *во́льха* — *вольха́*, *горо́ховина* — *горохови́на*, *но́чвы* — *ночвы́*, *кру́глыши* — *круглы́ши* <...>

Поэтому было бы желательно, чтобы у нас появлялись такие словари по отдельным местным говорам, показывающие как более или менее твердо установившиеся нормы для данного диалекта, так и колебания в них. <...>

6. Фразеологические словари

<...>

Язык народа бесконечно богат тщательно отработанной, отшлифованной фразеологией, которая создавалась, накапливалась в течение веков и составляет неотъемлемую часть его выразительных средств. <...>

Для исследования этой стороны нашего языка нужна тонкая наблюдательность лингвиста и стилиста, вдумчивое отношение к фактам живого языка, хорошее знание быта народа, истории данного края, чтобы отличить индивидуальное от общего, случайное и непрочное от установившегося и широко распространенного, живое от мертвого или вымирающего; чтобы определить место и семантико-стилистические функции различных фразеологических образований в нашем языке, понять фразеологию как систему во взаимодействии и органической связи с другими средствами языка.

Изучение фразеологии живой народной речи может оказать большую услугу делу изучения фразеологических выражений у отдельных писателей и в литературном языке в целом. <...>

7. Топонимические словари

Топонимика, как известно, — это самостоятельный раздел лексикологии, посвященный изучению географических названий. Собранные факты (топонимы) и сделанные на их основании выводы представляют большой интерес не только для лингвистики, но и для других наук (истории, археологии, этнографии). <...> Из этого напрашиваются два вывода: 1) необходимо собрать и издать в виде словаря все то, что уже сделано по изучению топонимики нашей страны; 2) необходимо широко развернуть работу по собиранию новых материалов <...>.

Попутно заметим, что при собирании материалов по топонимике нужно стремиться фиксировать все, что относится к истории возникновения данного наименования, раскрывает его смысл, включая и всякого рода легенды, догадки, факты народной этимологии и пр. <...>

8. Исторические словари

Вопрос о том, какое содержание следует вкладывать в термин «исторический словарь», еще не получил окончательного разрешения. Заслуживает особого внимания и глубокого осмысления следующее замечание по этому вопросу академика Л. В. Щербы:

«Историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось бы не только возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение <...>»¹.

Обычно же термин «исторический словарь» у нас употребляется по отношению к словарям, составленным на основе письменных памятников и, следовательно, толкующих включенные в них слова в соответствии с их функциями в источниках, из которых почерпнуты эти слова². Примером такого словаря может быть известный труд И. И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (1893–1912 гг.). В данном случае мы будем иметь в виду именно этот тип исторического словаря.

Такие словари могут быть источниками не только для истории книжной, но и диалектной лексики, так как последняя находила известное отражение в определенных жанрах письменной речи прошлых веков. Поэтому был бы смысл организовать выборку материалов для исторических словарей из фондов областных и районных архивов. <...>

Нам кажется, что понятие «исторический словарь», применительно к диалектологическому словарю той или иной местности, предполагает включение в словарь и материалов, которые проливают свет на различные стороны истории и быта населения данного края. В таком словаре могли бы быть и слова общенародного языка, но обозначающие какие-либо особенности в жизни местного населения. Такие слова, как *маслодел*, *лоцман*, *шубник*, *огородник* и пр., сами по себе не являются диалектными, и им, собственно, не место в диалектологическом словаре. Но если учесть, что этими словами обозначались характерные профессии отходников определенных уездов старой России, то кажется, что такие слова должны быть включены в местный словарь с соответствующими историческими справками при них.

¹ Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз. 1940. № 3. С. 117.

² Вполне понятно, что к историческим можно причислить не только словари этого типа: ведь этимологические словари по самой своей сущности не могут не быть историческими, реальные словари тоже могут быть отнесены к разряду исторических.

9. Словари собственных имен людей

<...> Собственные имена людей являются объектом того раздела лексикологии, который называется ономастикой <...>. Слова этого разряда в их нормативном виде <...> не имеют никакого отношения к диалектологии <...>. Но если учесть, что в неофициальных формах собственных имен может быть немало местных фонетических и морфологических вариантов, что даже такие неофициальные формы имен, которые можно считать общеизвестными и существующими параллельно в качестве равноправных дублетов, имеют иногда зоны преимущественного распространения¹, то с этой точки зрения внимание к собственным именам кажется вполне оправданным, когда мы решаем вопрос о различных словарях, отражающих словарный состав диалектов.

Словари собственных имен могут представлять интерес с различных точек зрения:

1) с точки зрения выявления закономерностей словообразования и словоизменения в этом разделе лексики говора той или иной территории в определенный исторический период;

2) он может быть справочником, когда в чисто практических целях нужно будет установить, какова же официальная форма того или иного имени;

3) словарь даст материалы, по которым можно будет судить о степени распространенности отдельных имен в той или иной местности в различные исторические периоды, о социальной отнесенности имен (в дореволюционной России), о функциях имен и фамилий в условиях однофамильных и многофамильных поселений, о происхождении многих фамилий и пр.;

4) наконец, словарь собственных имен может представлять интерес с точки зрения изучения стилистики живой народной речи. <...>

10. Синонимические и сопоставительные словари

<...> Известно, что живые народные говоры, как и литературный язык, обладают богатой системой синонимии, являющейся средством выражения различных смысловых, стилистических и эмоциональных оттенков речи. Например: *есть* — *ахлепётывать*, *вархобничать*, *зобать*, *надвигать*, *надобариваться*, *поелозить* и т. д. <...>

Вполне понятно, что нам нужна не только стилистика современного литературного языка, но и стилистика историческая. При разработке последней никак нельзя обойти стилистику живой народной речи, в том числе и территориальных диалектов. <...>

¹ Нам приходилось наблюдать, например, что каждый вариант имени Дмитрий (*Дима*, *Димочка*, *Митенька*, *Митрей*, *Митрий*, *Митрюха*, *Митька*, *Митюха*, *Митюша*, *Митюшенька*, *Митюшка*, *Митя*) оказывается характерным для одной местности и совершенно отсутствует в другой.

Составление областных синонимических словарей должно быть теснейшим образом связано с общей работой по изучению словарного состава местных говоров, по созданию толковых областных словарей. <...>

О сопоставительных словарях

В процессе лексикологических исследований иногда возникает необходимость получить справку, как называется тот или иной предмет в различных местах. Этой цели могли бы служить сопоставительные словари. Из такого словаря можно было бы, например, узнать, что слово *брюква* в разных местах имеет следующие эквиваленты: *брюкма, буква, бушма, галанка, груша, дикуша, калега, ландуха, немка, тебека, шведка* и др.

Таким образом, в этот словарь должны быть включены различные названия одних и тех же предметов (*молотило, приузь, цен*), действий (*брать, дергать, драсть, таскать, теревить лен*), признаков (*вожсеватый, знакомитый, летмянный, людмянный*) и пр.

Такие слова, как правило, являются принадлежностью различных говоров, они обозначают абсолютно одно и то же и не сталкиваются в системе одного говора как синонимы, не могут взаимно заменять друг друга в речи носителя одного и того же диалекта, так как с ними не связаны смысловые и стилистические различия. Не исключено, что даже в одном населенном пункте можно обнаружить несколько наименований одного и того же предмета (*церадак, подволока, потолок*). Это говорит о том, что лексическая система данного говора испытала на себе влияние, с одной стороны, литературного языка и, с другой стороны, — соседних говоров в результате смешения населения. Но даже при наличии нескольких названий одно из них обычно является наиболее характерным для данной местности. <...>

11. Этимологические словари

Специфически диалектные слова не всегда являются объектом этимологических исследований при составлении этимологических словарей литературного языка, поэтому нам кажется целесообразным создание особых этимологических словарей диалектной лексики. В таких словарях должны были бы получить этимологическое истолкование такие слова, как *байстрыг*, <...> *вобжи, волоть*, <...> *выть, глобочка*, <...> *делёнки, елань, завор*, <...> *каржина, кербь, кита*, <...> *кулига*, <...> *ляда*, <...> *мезгирь, морготно, надысь*, <...> *ономнясь, осырок, пелёд*, <...> *прикалиток*, <...> *руно, слетье, тебека*, <...> *чки* <...> и пр.

Таких слов наберется значительное количество, поэтому создание специального этимологического словаря этих слов нужно признать не только желательным, но и необходимым.

Б. Типы областных словарей по территориальному охвату

С точки зрения территориального охвата словари могут быть в основном двух типов: 1) общие, то есть охватывающие лексику всех территориальных говоров (диалектов) данного языка, и 2) региональные, то есть охватывающие только какую-то часть этих говоров.

Региональные словари могут составляться для территорий самых различных масштабов — от одного населенного пункта до нескольких административных областей, в пределах которых распространяются более или менее однородные говоры¹. В соответствии с этим все региональные словари можно разделить в основном на две разновидности: 1) узколокальные словари и 2) словари обширных территорий. <...>

VI. Расположение слов в словаре

В практике русской лексикографии получили широкое распространение два типа филологических словарей: 1) строго алфавитные словари и 2) словари, построенные по гнездовому принципу. Каждый из этих типов словарей имеет свои достоинства и свои недостатки.

1. Алфавитные словари

Эти словари удобны тем, что для быстрого нахождения в них нужного слова в основном требуется знать две вещи: 1) алфавит и 2) правописание той эпохи, когда составлялся словарь (если речь идет о словаре литературного языка). Но такое расположение слов, даже в словарях литературного языка, удобно только в одном отношении — оно облегчает нахождение уже известного читателю слова. Такой словарь не помогает найти те слова, о существовании которых читатель не подозревает. <...>

Если еще учесть, что одни и те же слова в разных областных словарях (а иногда в одном и том же словаре) могут быть написаны по-разному, то из всего этого будет ясно, что строго алфавитный порядок расположения слов, без соответствующих ссылок и указателей, таит в себе значительные неудобства для читателей.

2. Словари, составленные по гнездовому принципу

Сущность гнездового принципа расположения слов в словаре заключается в том, что под заглавным словом располагаются все слова, образованные от данного корня. Сами же заглавные слова располагаются в алфавитном порядке. <...>

Словарь, составленный по гнездовому принципу, требует известной (а иногда и глубокой) ориентации в вопросах словообразования, т. е.

¹ Подробнее об этом см. в разделе XII «Членение территории при собирании материалов для областных словарей».

для пользования таким словарем нужна специальная филологическая подготовка, чего мы не можем требовать от каждого читателя словаря. Слова при таком построении словаря как бы утопают в гнездах, и их не всегда бывает легко обнаружить. В этом заключается большое неудобство гнездовых словарей. Но гнездовой словарь может оказать неоценимую услугу во всех случаях, когда есть необходимость представить всю совокупность слов, образованных от данного корня.

3. Желательный тип словаря

Нужно признать желательным создание такого типа словаря, который бы не только объединял в себе все преимущества алфавитного и гнездового расположения слов, но и отличался бы такими удобствами, которых обычно не имеют ни алфавитные, ни гнездовые словари. Этот словарь должен быть максимально удобным, во-первых, для нахождения уже известных читателю слов; во-вторых, для выявления всех слов, соответствующих тому или иному слову литературного языка (следовательно, и тех слов, о существовании которых читатель может и не подозревать); в-третьих, для выявления слов, относящихся к той или иной стороне жизни местного населения данного края; в-четвертых, для объединения слов по гнездовому принципу.

Этим требованиям может отвечать словарь, построенный следующим образом.

1) Словарь должен быть построен по алфавитному принципу. Все варианты одного и того же слова должны выступать в качестве самостоятельных заглавных слов, но при каждом из них должна быть ссылка на остальные варианты. Например, при слове *кербь* должна быть ссылка: «см. *кирбь* и *тирбь*», при слове *кирбь* «см. *кербь* и *тирбь*», при *тирбь* — «см. *кербь* и *кирбь*». Таким образом, чтобы найти все варианты данного слова, достаточно найти один из них.

2) Все местные слова должны фигурировать в словаре дважды: во-первых, в качестве заглавных слов самостоятельных словарных статей, во-вторых, в качестве поясняющих слов к соответствующим словам литературного языка. Все сведения, которые могут быть сообщены о данном диалектном слове, даются тогда, когда оно выступает в качестве заглавного слова соответствующей словарной статьи.

Поясним это на конкретном примере. Слова *бардовка*, *грохот*, *зобенька*, *набирка*, во-первых, помещаются в словаре там, где должны быть в соответствии с алфавитным порядком слов, и являются в данном случае заглавными словами самостоятельных словарных статей, во-вторых, они подводятся под заглавное слово литературного языка — *корзина*. Следовательно, если читатель словаря не будет знать даже ни одного из этих слов, он их найдет без всякого труда, идя от литературного языка¹. <...>

¹ См. об этом также в разделе VII п. 1 «Типы словарных статей».

3) При каждом диалектном слове, когда оно выступает в качестве заглавного слова самостоятельной словарной статьи, должна быть ссылка на то слово литературного языка, под которое оно подведено в обобщающей статье <...>.

4) В качестве приложения к словарю должен быть дан корнеслов, охватывающий все диалектные слова с ясными для составителей словаря корнями. <...> Такой корнеслов может оказаться полезным при различного рода исследованиях в области словообразования, этимологии и семасиологии.

Слова, корни которых неясны, должны быть выделены в особый раздел под заголовком «Слова, не вошедшие в корнеслов»¹.

5) В практике различных исследований нередко возникает потребность в определении круга слов, относящихся к той или иной стороне жизни народа данного края (полеводство, животноводство, ремесла, рукоделие, домашняя посуда и утварь, обувь, одежда, украшения, ткани и пр.). Эта потребность могла бы быть удовлетворена приложением к словарю тематической классификации² помещенных в нем слов. <...>

VII. Построение словарной статьи

Содержание и структура словарной статьи в конечном итоге является самой важной стороной дела в создании любого словаря, ибо от этого зависит научная и практическая ценность словаря. Требования, которым должен отвечать словарь (его словарные статьи), нужно иметь в виду уже при собирании для него материалов.

При составлении областного словаря нужно стремиться к тому, чтобы каждое слово было представлено в нем во всем многообразии его семантико-стилистических функций, чтобы была показана его соотнесенность с другими словами данного синонимического ряда в лексической системе диалекта, показаны синтаксические функции и грамматические формы в конкретных условиях его использования в связной речи. <...>

1. Типы словарных статей

В основном, видимо, нужно признать желательным для областных словарей два типа словарных статей:

¹ Известно, что выделение корней слов иногда представляет значительные трудности и требует специального исследования, которым не всегда могут заняться составители того или иного регионального словаря. Поэтому заранее нужно согласиться с тем, что какая-то часть местных (диалектных) слов не попадет в словопроизводные гнезда и будет выделена в особый раздел для дальнейших исследований. Выделение таких слов важно и в другом отношении: оно покажет читателю, что не все слова попали в соответствующие гнезда и какие из них остались за пределами этой классификации.

² Образец такой классификации см. в книге Г. Е. Кочина «Материалы для терминологического словаря древней Руси» (Л., 1937) и в «Краеведческих записках» (Вып. I. Ярославль, 1956. С. 214–227, 233–246).

1) статьи, в которых дается толкование значений диалектных слов и сообщаются все сведения об их грамматических признаках, территории распространения и пр.;

2) статьи, которые имеют целью облегчить пользование словарем, т. е. помочь читателю найти нужное слово.

1. Первый тип статей

Статьи этого типа должны содержать в себе следующие элементы.

1) Заглавное слово.

2) Формы его словоизменения (слова пишутся полностью, причем нужно приводить только формы, имеющиеся в материалах, на основании которых составлялся словарь).

3) Стилистические пометы и пометы, определяющие сферу употребления данного слова, если они относятся ко всем значениям слова; если же эти пометы относятся не ко всем значениям, то они даются только при соответствующем значении.

4) Ссылки на фонетические и морфологические варианты данного слова.

5) Толкование значения слова.

6) Контексты, выявляющие синтаксические функции слова, особенности его синтаксических отношений с другими словами, нормы словоупотребления, особенности семантики:

а) контексты из современных народных говоров; при каждом из этих контекстов приводится шифр, указывающий место, где записан материал, и дата (год) записи; при отсутствии контекстов приводятся только шифры и даты;

б) контексты из печатных источников (произведения местных писателей, газетные и журнальные статьи и пр.) с указанием сокращенных обозначений библиографических сведений об этих источниках;

в) контексты из архивных материалов (рукописных) с сокращенным обозначением источников, из которых они почерпнуты, и даты их; при отсутствии контекста приводится только сокращенное обозначение источника, из которого почерпнуто данное слово, и дата источника.

7) Перечень населенных пунктов, в которых данное слово зарегистрировано (см. пункт 6а).

8) Дата, когда зарегистрировано данное слово (см. пункт 6).

9) Сведения о данном слове, почерпнутые из других словарей.

10) Ссылки на другие словарные статьи и корнеслов.

11) Фразеология.

Вполне понятно, что далеко не в каждой словарной статье могут быть все эти элементы и что степень полноты и точности отдельных сведений о том или ином слове тоже может быть различной <...>.

2. Второй тип статей

Статьи второго типа, как уже указано выше, имеют целью помочь читателю найти в словаре слова, о существовании которых он, может, и не подозревает. Эти статьи должны состоять всего из двух элементов: а) заглавного слова и б) перечня объединяемых им слов.

В качестве заглавного слова в этих статьях выступает слово литературного языка, которое по отношению к приведенным под ним местным словам является или родовым понятием (более общим), или эквивалентом (синонимом). В статьях этого типа местные слова во всех фонетических и морфологических вариантах только перечисляются, все же объяснения к ним должны быть даны в статьях первого типа, где каждое из местных слов и каждый его вариант выступают в качестве заглавных слов. <...>

VIII. Составные части регионального словаря

Нужно признать весьма желательным, чтобы региональные областные словари были более или менее однотипными не только с точки зрения принципа расположения в них слов и структуры словарных статей, о чем уже говорилось выше (разделы VI и VII), но по наличию в них определенных составных частей. Такое единство этих словарей важно, во-первых, с точки зрения практического использования и возможных сопоставлений между ними, во-вторых, с точки зрения задачи создания на их основе общих областных словарей русского языка.

Мы считаем, что каждый региональный словарь должен иметь в своем составе:

- 1) общую характеристику говоров, лексика которых представлена в данном словаре;
- 2) карту той территории, к которой относится данный словарь;
- 3) самый словарь, построенный в соответствии с принципами, изложенными в VI и VII разделах этой статьи;
- 4) список и условные обозначения населенных пунктов, в которых собирались материалы для этого словаря и для ранее изданных словарей, включенных в него (поглощенных им);
- 5) тематическую классификацию (тематический указатель) всех слов, помещенных в этом словаре;
- 6) корнеслов¹;
- 7) список слов, не включенных в корнеслов;
- 8) перечень и условные обозначения печатных и рукописных (архивных) источников, которые были использованы при составлении словаря;

¹ См. в разделе VI п. 3 «Желательный тип словаря».

9) перечень ранее изданных словарей, относящихся к этой же территории, но не поглощенных данным словарем;

10) список лиц, собиравших материалы для этого словаря. <...>

IX. Орфография словаря

Вопрос об орфографии областного словаря является одним из серьезных и сложных вопросов лексикографии, требующих специального изучения на обширном лексическом материале. <...>

1. О написании заглавных слов

Вопрос о написании заглавных слов — это, по существу, основной вопрос орфографии областного словаря <...>.

Заглавное слово — это, собственно, вывеска, этикетка словарной статьи, поэтому его графический образ должен максимально облегчать нахождение нужного слова. Этим целям, конечно, наиболее соответствует морфологический принцип нашей орфографии, поэтому он и должен быть положен в основу при написании заглавных слов. Но против применения этого принципа может быть вполне законное возражение: следуя ему, мы нередко будем писать слова не так, как они написаны в источниках, — сохранение же написания источников может иметь большое значение для различных научных исследований. Это возражение полностью снимается правилом, которым мы руководствуемся в своей практике: «Заглавное слово, по возможности, должно быть написано по морфологическому принципу, контекст же к этому слову пишется так, как он написан в источнике <...>».

X. Источники для областных словарей

Областные словари, региональные и общие, которые уже создаются и будут создаваться в наши дни, должны быть максимально полными. Поэтому при их составлении должны быть использованы источники, в которых могут быть обнаружены необходимые для этой цели материалы.

1. Современные живые народные говоры.
2. Различные печатные и рукописные материалы.
3. Ранее изданные и рукописные словари.
4. Фольклорные материалы.

XI. О переиздании старых словарей

В некоторых областях работа по созданию региональных словарей ведется уже более столетия (например, в Ярославской области, начиная с 1820 года)¹. За это время было собрано и издано довольно

¹ В 1820 году в Трудах Общества любителей Российской словесности (часть 20, с. 104–117) было приведено 367 слов, употребляемых в Ярославской губернии.

много словарных материалов в виде словарей и словариков. Несмотря на то, что некоторые из них весьма несовершенны, все они в совокупности представляют большую ценность для научных исследований. <...>

Нужно все ранее изданные словари, относящиеся к говорам той или иной территории, тщательно собрать, обобщить и переиздать в виде одного обобщающего словаря говоров данной территории. Такой словарь принесет большую пользу, даже если он будет представлять собою простую сумму тех словарей, из которых составлен¹.

Очень желательно, чтобы переизданию старых словарей предшествовала тщательная и разносторонняя проверка содержащихся в них материалов. Такую проверку следует проводить только после того, как будет составлена и строго систематизирована картотека, обобщающая содержание всех ранее изданных словарей. При этом нужно иметь в виду следующие вопросы:

1) какие из слов, включенных в старые словари, сохранились в тех же говорах и до сих пор:

а) в активном словаре;

б) в пассивном словаре;

2) изменилось ли значение этих слов и как именно;

3) в каком соотношении находится лексика этих словарей с лексикой соседних говоров, то есть говоров, не получивших отражения в этих словарях.

Кроме того, нужно выделить те слова, толкование значений которых для современного читателя стало уже непонятно, и попытаться дать этим словам более ясное и полное толкование (конечно, если это возможно). <...>

ХII. Членение территории при собирании материалов для областных словарей

Решение этого вопроса находится в прямой зависимости от того, создание какого словаря имеется в виду.

Для узколокальных словарей этот вопрос является не только несущественным, но даже праздным, для словарей же обширных территорий он приобретает принципиальное значение.

1. Выбор пунктов для узколокальных словарей

При собирании материалов для словарей этого типа решающим является вопрос о выборе населенного пункта (или нескольких населенных пунктов), где будет проводиться эта работа. При этом нужно иметь в виду следующее:

¹ Вполне понятно, что в каждой словарной статье такого сводного словаря должно быть точно указано, из какого источника она взята, и то, что дано в этом источнике, должно быть воспроизведено с абсолютной точностью. Все уточнения и поправки должны быть четко отграничены от первоначального текста.

1) выбор нужно производить независимо от того, попадает ли этот населенный пункт в зону словаря обширной территории или не попадает: если попадает, то составители обоих словарей могут только взаимно помочь друг другу, если не попадает, то это не должно служить поводом к отказу от собирания материала в данном пункте;

2) составители узколокальных словарей выбирают пункты по своему усмотрению, но всякий выбор обязательно должен быть мотивированным; желательно, чтобы это были пункты с коренным местным населением, постоянно живущим в данной местности. <...>

2. Выделение обширных территорий при составлении областных словарей

При собирании материалов для областных словарей обширных территорий нам кажется целесообразным отказаться от идеи разделить всю Европейскую часть СССР на определенные части («квадраты») по одному какому-либо принципу, как это было сделано для диалектологического атласа русского языка: тогда такое деление было необходимо, теперь же оно было бы просто нежизненным. Теперь при составлении областных словарей в зависимости от конкретных задач исследования будут по-разному определяться границы изучаемой территории в каждом отдельном случае. Не исключено, что одни и те же районы и даже области при таком подходе к делу будут попадать то в одну, то в другую зону, полностью или частично, и этого не следует бояться: важно, чтобы четко и правильно была поставлена цель исследования.

Мы считаем возможным составление отдельных словарей для территорий, выделенных по следующим основаниям:

1) территории, которые представляют интерес с точки зрения их исторического прошлого (территория того или иного племени, княжества, какой-нибудь группы населения и пр.);

2) территории распространения более или менее однородных говоров (т. е. говоров, объединяемых одним или рядом признаков, системой определенных признаков);

3) территории отдельных томов диалектологического атласа русского языка;

4) территории отдельных административных единиц (республик, областей, нескольких районов, даже отдельных районов). <...>

3. О сетке населенных пунктов при собирании материалов для словарей обширных территорий

Для составления диалектологического атласа русского языка нужно было собирать материалы по довольно густой сетке (на каждые 225 кв. км 1 населенный пункт). Это потребовало обследования

огромного количества населенных пунктов. Карты, составленные по этим материалам, показывают, что нет необходимости сохранять эту же сетку и при работе над областными словарями. Сетка эта без ущерба для дела может быть более редкой. По нашим наблюдениям, в отдельных районах она может быть разрежена в 10–15 раз. Понятно, что это должно быть сделано не механически, а на основе тщательного изучения всех данных, которыми мы располагаем по говорам каждой территории. При установлении новой сетки нужно иметь в виду, что пункты, оставленные для обследования, должны быть в лингвистическом отношении типичными для определенной зоны. <...>

ХIII. О программе для собирания словарных материалов

1. Нужна ли программа при собирании материалов для областных словарей?

Мнения диалектологов по этому вопросу расходятся: одни считают ее необходимой, другие — ненужной. Сторонники второй точки зрения думают, что нужна не программа, а перечень тем для бесед с местным населением. В процессе бесед на эти темы, полагают они, и будут выявлены те слова и выражения, которые должны быть зарегистрированы как материал для областного словаря. <...>

И все же мы склоняемся к тому, что программа необходима. Приведем некоторые соображения в пользу этого мнения.

1) Опытному диалектологу она не мешает собрать разнообразные и обильные материалы, в которых можно будет найти не только достаточно полные и точные ответы на ее вопросы, но и многое такое, что выходит за рамки этих вопросов; начинающему собирателю словарных материалов программа нужна как опора, как канва для беседы и пр.; без программы он нередко оказывается совершенно беспомощным.

2) Программа позволит более разносторонне охватить активный словарь изучаемого говора: без программы могут остаться незамеченными значительные фонды активного словаря, которые не были в употреблении в момент наблюдения над речью местного населения.

3) Программа поможет выявить пассивный словарь местного населения, так как в ней могут быть вопросы, имеющие в виду лексику, уже вышедшую из активного употребления и сохранившуюся только в памяти старшего поколения.

4) Материалы, собранные по единой программе, позволяют более успешно и последовательно вести сравнительное изучение лексики различных территориальных говоров. <...>

2. О структуре программы

1) Программа должна быть максимально полной: в ней должно быть все, что уже известно о лексике местных говоров, и то, что предстоит еще найти, выявить.

2) Вопросы, входящие в программу, должны быть сгруппированы по определенным темам¹, и внутри каждой темы их нужно расположить в определенной логической последовательности. При таком расположении вопросов получение на них ответов приближается к естественно протекающей беседе между собирателем материалов и носителем данного диалекта. Такие беседы могут дать значительно больше, чем выспрашивание по изолированным, тематически не объединенным вопросам. <...>

XIV. Собрание, обработка, систематизация и хранение материалов для словаря

1. О необходимости дифференцированного подхода при сборании словарных материалов

Словарный состав местных говоров — явление чрезвычайно сложное. Но в общем в нем можно выделить две основные части: 1) слова общенародного языка и 2) диалектные или специфически местные слова. Эти две части составляют в совокупности и во взаимодействии лексическую систему того или иного говора. Соотношение общенародного и специфически местного не только в разных говорах, но и в разных сферах общения носителей того или иного диалекта неодинаково.

Если ставить задачу изучить словарный состав того или иного местного говора как систему, то тогда объектом изучения должна стать вся совокупность слов, которыми пользуются носители этого диалекта во всех сферах своей повседневной деятельности в местных условиях, то есть в своей среде. Но объектом того или иного исследования может быть также только специфически местная лексика. Для первой задачи обязательно нужен областной словарь, для второй будет вполне достаточен диалектологический словарь².

При сборании диалектной лексики нужно иметь в виду, что она, в свою очередь, прежде всего подразделяется на словарь активный

¹ По такому принципу построена, например, «Программа собрания материалов для изучения словарного состава местных говоров», изданная Межобластным диалектологическим кабинетом при Ярославском государственном педагогическом институте им. К. Д. Ушинского (Ярославль, 1951).

² О различии понятий «областной словарь» и «диалектологический словарь» см. в разделе V.

и пассивный и что внутри каждого из этих пластов есть свои подразделения. Так, в активном словаре необходимо различать: а) лексику общеупотребительную и б) лексику специальную (терминологическую, отраслевую). <...>

В пассивном словаре нужно различать: а) лексику общеупотребительную, б) специальную (отраслевую), в) лексику, характерную для соседних говоров и известную населению данного населенного пункта.

Понятно, что легче всего наиболее полно собрать, объяснить и снабдить всеми необходимыми для словаря сведениями и контекстами слова, которые в данный момент относятся к активному общеупотребительному словарю населения данной местности. Но и по отношению к этим словам нужен внимательный и осторожный подход, чтобы избежать ошибочного их толкования или ошибочных выводов относительно их употребления. Нужно иметь в виду, что в одних условиях могут быть употреблены одни слова, в других — другие, что многозначные слова в каждом конкретном случае употребляются в одном из присущих им значений и пр. Поэтому правильная и достаточно полная характеристика слова может быть дана только на основе длительных наблюдений над местным говором.

Собирание специальной лексики, даже находящейся в активном употреблении, является уже делом более сложным, так как оно требует общения с людьми, хорошо знающими то или иное ремесло, ту или иную профессию. Для того, чтобы точно отобразить в материалах для словаря значение этих слов, собирателю таких материалов нужно хорошо изучить соответствующее ремесло или профессию.

Самую большую трудность при собирании словарных материалов составляет пассивный словарь, особенно словарь уже исчезнувших профессий и промыслов. <...> Такая запись может быть сделана в обстановке, когда смысл слова может быть понят только приблизительно (а иногда и ошибочно), когда нельзя выяснить, что значит данное слово, не удастся записать его в контексте и пр. Иногда такие слова сообщают собирателю лица, желающие помочь ему в этом трудном деле. Такие посредники оказывают огромную помощь собирателю словарных материалов, и без них вообще невозможно составить более или менее полный словарь. Но в их сообщениях могут быть ошибки и неточности, которые не всегда удается выявить и устранить. <...>

2. Методы собирания словарных материалов

<...> Охват материалов, необходимых для словаря, должен быть максимально широким, чтобы потом, при составлении словаря, внимательно разобравшись во всем, что накоплено, можно было отобрать из них наиболее точное, достоверное, характерное для данного говора и отметить все случайное и сомнительное.

Для того, чтобы собрать такие материалы, необходимо использовать разнообразные методы этой работы, в том числе и звукозапись с помощью специальных аппаратов.

1. Непосредственные наблюдения

Это, пожалуй, самый надежный метод собирания словарных материалов. Достоинства этого метода, во-первых, в том, что собранные с его помощью материалы представляют собою только реально существующие факты; во-вторых, в том, что собиратель в процессе записи материалов имеет возможность снабдить их разнообразными примечаниями, которые могут оказаться очень полезными при обработке этих материалов; в-третьих, в том, что собиратель имеет возможность непосредственно наблюдать, кем, в какой обстановке, в каком значении и с какой интонацией было употреблено то или иное слово. <...>

2. Анкетный метод

Сущность этого метода заключается в том, что составители словаря рассылают определенным лицам анкеты (вопросники, программы) с просьбой дать на них ответы.

Преимущества этого метода в том, что он позволяет одновременно охватить большое количество населенных пунктов, разбросанных на обширной территории. С помощью этого метода сравнительно легко определить зону распространения того или иного слова (или определенного разряда слов); выявить различные названия одних и тех же предметов, признаков, действий и т. п.; выяснить, в каких значениях употребляются те или иные слова в разных местах и пр. Таким образом, применение этого метода, безусловно, может принести большую пользу делу изучения лексики местных говоров.

Но анкетный метод имеет и свои слабые стороны, о которых тоже не следует забывать:

а) значение слов в подавляющем большинстве случаев объясняется в ответах на вопросы анкеты очень скупо — обычно освещается только одно, основное значение слова;

б) формулировки объяснений нередко бывают очень неточными, и по ним иногда весьма трудно составить представление о предмете, обозначенном тем или иным словом;

в) далеко не все лица, к которым обращаются составители словаря, присылают ответы на анкеты, поэтому по многим населенным пунктам таким способом сведений собрать не удается;

г) многие корреспонденты отвечают не на все вопросы анкеты¹;

д) качество ответов не всегда бывает удовлетворительным;

¹ Опыт показывает, что большие по объему анкеты, как правило, остаются без ответов, и рассылка таких анкет является делом совершенно бесплодным.

е) внешне вполне удовлетворительные ответы могут иногда давать неверное представление о говоре той или иной местности: некоторые корреспонденты, полагая, что они хорошо знают местный говор, сочиняют ответы на вопросы без специальных наблюдений над речью местного населения.

Таким образом, только с помощью анкетного метода нельзя осуществить задачу глубокого и разностороннего изучения лексики местных говоров.

3. Метод словариков (или контрольных словариков)

Это, по существу, разновидность анкетного метода. Сущность этого метода заключается в том, что корреспонденту посылается небольшой перечень слов (желательно не больше сотни) с просьбой сообщить о каждом из этих слов следующее:

а) употребляется ли это слово в данной местности;

б) написать это слово, не считаясь с орфографией, и поставить в нем ударение соответственно местному произношению;

в) выяснить, что обозначает это слово в данной местности; если оно имеет несколько значений, то записать все эти значения;

г) привести несколько фраз с этим словом;

д) если то или иное слово не является общеупотребительным, то указать, какая часть населения его употребляет или знает (старички или молодежь, мужчины или женщины, домоседы или бывалые люди и т. д.);

е) не имеет ли это слово каких-либо дополнительных оттенков (иронии, пренебрежения, грубости, ласковости, почтительности, строгости, официальности и пр.).

Опыт показывает, что этот метод дает приблизительно те же результаты, что и анкетный метод. К этому следует прибавить, что в большинстве случаев корреспонденты только объясняют значение тех слов, которые употребляются в данной местности. Все же остальные вопросы, за редким исключением, остаются без ответов. Следовательно, им можно пользоваться как подсобным методом при необходимости проверить, употребляется ли данное слово в той или иной местности и каково его основное значение.

4. Случайные записи

При собирании материалов для словаря не следует избегать и случайных записей слов и выражений в городе от неизвестных лиц (на рынке, на улице, в магазине, в трамвае, на железнодорожном вокзале, пристани и т. п.): случайно можно услышать то, чего не найдешь при организованном собирании материалов. Случайно пойманное слово может явиться отправным моментом для дальнейших поисков. В процессе таких поисков иногда могут быть собраны необходимые сведения об этом слове. <...>

5. Переписка по частным вопросам

Большую пользу в собирании словарных материалов может принести переписка с учителями сельских школ по частным вопросам. Учителя, как правило, с большой охотой отвечают на письма, в которых содержится один или несколько вопросов относительно отдельных особенностей местных говоров. <...> Некоторые из них не только отвечают на поставленные им вопросы, но и многое подмечают сами. <...>

6. Как записывать материалы для областного словаря?

При записи материалов для областного словаря необходимо руководствоваться следующими правилами.

1) Записывать материалы нужно только от коренного местного населения, постоянно живущего в данной местности.

2) Слова и выражения нужно записывать так, как они звучат в устах населения, не считаясь с орфографией (фонетической транскрипцией или по принципу так наз. «малограмотного письма»), и ни в коем случае не исправлять речь местного населения по нормам литературного языка <...>.

3) В записываемых словах обязательно ставить ударение.

4) Стараться записывать слова не изолированно, а в предложениях (фразах), хотя бы небольших. При этом нужно стремиться к тому, чтобы в записях были отражены все формы словоизменения каждого диалектного слова, имеющиеся в живой речи местного населения <...>.

5) Обязательно точно выяснять у местного населения, в каком значении в данной местности употребляется каждое записанное для словаря слово. Если одно и то же слово имеет несколько значений, нужно выяснить и записать возможно полнее все значения. Если один и тот же предмет имеет несколько названий (*нетух* — *кочет* — *певун*, *белка* — *векша*, *усадьба* — *одворина* — *дворина* — *осырок* и т. п.), то нужно выяснить, есть ли между этими синонимами смысловые различия, степень распространения каждого из них, какая часть населения (молодежь или старики, мужчины или женщины, бывалые люди или домоседы и т. п.) чаще употребляет тот или иной синоним.

Нужно выяснять также, всегда ли данный предмет (действие, явление и т. п.) назывался так, как он называется в настоящее время, и во всех случаях, где это возможно, приводить его старое и новое названия. При этом нужно стараться выяснять причины и время изменения названия предмета (изменение самого предмета в связи с его усовершенствованием или с изменением способа его производства — кустарное производство заменено фабричным и т. п.).

6) Если слова и обозначаемые ими предметы, о которых спрашивается в программе собирания словарных материалов, в настоящее время в данной местности отсутствуют, то необходимо выяснить у пожилых местных жителей, не было ли этих слов и предметов в прошлом и когда они приблизительно исчезли.

7) Желательно зарисовывать или даже фотографировать предметы, названия которых записываются для словаря.

8) Желательно, чтобы при словах (там, где это необходимо) давались соответствующие примечания относительно их стилистической окраски (ироническое, грубое, нежное, ласковое, поэтическое, торжественное, бранное и т. п.) и сферы их употребления.

Произведенные записи обязательно должны быть в тот же день внимательно прочитаны самими собирателями материалов с тем, чтобы выявить все ошибки и промахи, все, что неясно, чтобы при повторной беседе с представителями местного населения внести в эти записи необходимые уточнения и дополнения.

4. Учет и хранение материалов для словаря

Хороший областной словарь может быть создан только на основе обильных и разнообразных материалов, которые должны накапливаться в течение ряда лет. Поэтому в каждом центре, где будет сосредоточена работа по созданию того или иного регионального словаря, должны быть образцово поставлены учет и хранение материалов, собранных для словаря. <...>

5. Систематизация материалов. Картотека словаря

Систематизировать и обрабатывать материалы для словаря нужно по мере их накопления, не дожидаясь завершения процесса их собирания. Опыт показывает, что обработка полученных материалов приносит огромную пользу дальнейшему их собиранию. При систематической обработке записей можно своевременно выявить допущенные в них ошибки и промахи, обнаружить то, что кажется сомнительным, недостоверным, требующим подтверждения, дальнейшей проверки и т. д. Различные же пробелы в записях материалов — обычное явление (недостаточно понятная и точная формулировка объяснения значения слова, отсутствие ударения, отсутствие форм словоизменения, отсутствие приемлемых контекстов и пр.). Эти пробелы тем легче будет устранить, чем раньше они будут обнаружены. Некоторые из них могут быть устранены самим же собирателем (если с момента записи прошло немного времени), но большинство потребует повторной проверки, повторных бесед с теми же лицами, от которых производилась запись материалов, дополнительных наблюдений над их речью и речью других жителей данной местности. <...>

Но дело не только в систематизации собранных материалов, но и в том, что параллельно с систематизацией материалов на их основе может быть развернута большая и очень продуктивная научная работа в области словообразования, этимологии, семантики, стилистики и пр. Это принесет большую пользу науке о русском языке и поднимет на более высокий научный уровень всю работу над областным словарем. <...>

Тематическая классификация должна представлять собой тоже особую картотеку, в которой на разделителях будут написаны названия соответствующих разделов, подразделов и т. д., по которым классифицируются слова, собранные для будущего словаря¹.

ОБРАЗЦЫ ОБОБЩАЮЩИХ КАРТОЧЕК

Грибы: см. бабы уши, белый, беляна, белянка, берёзовик, боровик, бык, валуй, волденка, волнуха, волнушка, гладушка, груздень, груздь, губы, дубянка, дунька, дупленик, желтушка, заячьи коровки, заячьи масленики, заячьи ушки, колосовик, коровка, маслята, опята, подберёзовик, подосиновик и т. д.

Капризничать: см. бунить, древить, капризиться, кобениться, ковряжиться, кочевряжиться, кукусье, куражиться, ломаться, раскомаривать, трелюдиться, храндыбачить и т. д.

<...>

XV. Кадры составителей областных словарей и собирателей материалов для этих словарей

1. О кадрах составителей региональных словарей

Общеизвестно, что составление любого толкового словаря дело весьма трудное, требующее много сил, времени, тонкой наблюдательности, большой тщательности и широкого общекультурного и лингвистического кругозора. Поэтому нужно, чтобы работой по созданию региональных словарей руководили квалифицированные лингвисты, для которых изучение лексики местных говоров будет основным содержанием их научно-исследовательской работы. <...>

Каждый центр, где будет создаваться региональный словарь, должен иметь:

1) руководителя всей работы по словарю (это должен быть квалифицированный лингвист и хороший организатор), он же будет и ответственным редактором словаря;

¹ О тематической классификации см. в разделе VI п. 3 «Желательный тип словаря».

2) научных сотрудников (членов кафедры), которые будут выполнять отдельные разделы работы в соответствии с общим планом создания словаря;

3) лаборанта диалектологического кабинета, который будет ближайшим помощником руководителя работы по словарю и отвечать за систематизацию и сохранность материалов, поступивших в кабинет;

4) выборщиков материалов, получивших специальную подготовку и регулярно работающих в кабинете;

5) собирателей (поставщиков) материалов.

Очень желательно, чтобы все сотрудники диалектологического кабинета, от руководителя работы до выборщиков, регулярно, хотя бы раз в год, выезжали на места для собирания словарных материалов: непосредственное участие в собирании материалов будет способствовать повышению их квалификации в данной области.

2. О кадрах собирателей материалов для региональных словарей

Особо следует остановиться на вопросе о кадрах собирателей словарных материалов.

Организаторам работы по словарю нужно непрестанно заботиться о том, чтобы собирателей словарных материалов было как можно больше, так как силами одних штатных сотрудников кафедры собрать достаточные материалы для словаря в короткий срок невозможно <...>.

Нужны такие собиратели материалов, которые смогли бы дать в руки составителей словарей достаточно полные и точные сведения о словарном составе местных говоров. Такими собирателями могут быть: 1) штатные сотрудники кафедры русского языка; 2) студенты филологических факультетов (очных и заочных отделений); 3) студенты нефилологических факультетов; 4) учителя сельских школ; 5) сотрудники областных и районных архивов. <...>

3. О подготовке студентов к участию в словарной работе

Студенты-филологи — это большая сила, способная выполнить огромную и очень полезную работу по собиранию словарных материалов. Понятно, что степень участия в этом деле различных студентов будет разная: одни смогут записать сотни слов, другие, наоборот, запишут только несколько слов. Но в целом студенческий коллектив может сделать в этой области очень много. <...>

Однако хороших результатов от участия студентов в этой работе можно ожидать только при следующих условиях: 1) если у студентов будет воспитан интерес к словарной работе, глубокое понимание ее значения <...>; 2) если студенты будут обладать хотя бы

минимумом тех знаний и навыков, без которых их участие в словарной работе не может принести ожидаемой пользы. Следовательно, подготовка студентов должна вестись одновременно по двум линиям: по линии воспитательной и по линии их фактической (так сказать, деловой) подготовки. <...>

В первую очередь необходимо, чтобы у студентов выработалась привычка соблюдать следующие правила:

- 1) записывать слова и контексты к ним не орфографически, а соответственно произношению того лица, речь которого фиксируется;
- 2) во всех словах в записях для словаря ставить ударение;
- 3) не ограничиваться одним контекстом, а стараться записать побольше различных контекстов, по которым можно было бы выявить все формы словоизменения данного слова и как можно точнее определить его значение;
- 4) не толковать значение слов по своему усмотрению, если есть возможность выяснить это у тех, кто употребил то или иное слово;
- 5) стараться как можно точнее описать предмет (действие, признак), название которого записывается;
- 6) указать, где, кем, когда и по отношению к чему было употреблено данное слово или данное выражение. <...>

Необходимо, чтобы каждый студент до поездки в диалектологическую экспедицию или до того, как он будет собирать материалы для словаря у себя дома (в деревне), выполнил ряд упражнений, в процессе которых он привыкал бы соблюдать эти правила и убедился бы в их необходимости. К таким упражнениям можно было бы отнести следующие:

- 1) сравнительный анализ словарных статей на одно и то же слово в разных словарях;
- 2) самостоятельное составление словарных статей по материалам, имеющимся в диалектологическом кабинете института;
- 3) описание хорошо знакомых предметов домашнего быта;
- 4) составление словариков к небольшим произведениям;
- 5) составление словарных статей к отдельным словам повседневной речи на основе наблюдений над речью окружающего населения;
- 6) выписывание слов на карточки из материалов предшествующих диалектологических экспедиций;
- 7) узнавание предметов по их описаниям, данным другими студентами (это упражнение может носить характер игры). <...>

Для тех же студентов, которые будут принимать участие в диалектологических экспедициях, признательным, чтобы они:

- 1) внимательно изучили программу, по которой они будут собирать материалы;
- 2) ознакомились с лучшими образцами ответов на эту программу;
- 3) изучили фонетические и морфологические особенности тех говоров, где предстоит собирать материалы для словаря;

4) ознакомились с уже существующими региональными словарями, в особенности со словарями данного края;

5) прослушали ряд лекций по истории и этнографии края и в связи с этим ознакомились с соответствующими экспонатами в местном краеведческом музее.

<...>

Вопросы и задания

1. Чем отличаются друг от друга диалектные словари полного и дифференциального типов?

2. Какие существуют методы сбора материала для диалектных словарей?

3. Какие типы диалектных словарей вам известны и как они соотносятся между собой?

4. Какие можно выделить этапы на пути движения диалектного слова от говора к диалектному словарю?

О. С. Мжельская

ПСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЛОВАРЬ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ¹

В настоящее время в русской лексикографии вполне сложилась оппозиция: полный — дифференциальный словарь народной речи. Каждый член оппозиции реализован на практике в ряде словарей (ср., с одной стороны, Псковский, Брянский, Акчимский словари, с другой — Новгородский словарь, Словарь говоров Карелии и сопредельных областей, Словарь тверских (калининских) говоров, Словарь говоров Подмосковья и другие словари).

В последние два десятилетия наметилась другая лексикографическая оппозиция: современный — исторический региональный словарь. Это противопоставление вызвано к жизни интенсивной разработкой местных деловых памятников письменности (опубликованных и рукописных), которая ведется в ряде научных центров (Вологда, Пермь, Воронеж, Томск, Красноярск и др.). Исследование лексики этих памятников сделало возможной подготовку исторических

¹ *Мжельская О. С.* Псковский областной словарь с историческими данными и историческая лексикография // Псковские говоры (Псковский областной словарь и актуальные проблемы региональной лексикографии). Псков, 2001. С. 133–145.

словарей региональной письменности¹. Создание таких словарей поставило перед исследователями ряд теоретических вопросов, и среди них вопрос: в каких отношениях должны находиться региональный словарь современной народной речи и исторический региональный словарь определенной территории?

Одно из возможных решений предлагает Псковский областной словарь, основанный Б. А. Лариным.

Словарь был задуман Б. А. Лариным как «региональный словарь на широком историческом фоне». Перед его авторским коллективом была поставлена задача «установления исторической перспективы развития словарного фонда псковских говоров»². Б. А. Ларин предлагал «поставить в непосредственную связь лексику современных псковских говоров с отражениями живой народной речи в документах и памятниках письменности феодальной эпохи».

В процессе реализации этого замысла в корпусе ПОС оказались объединенными два словаря: полный словарь народной речи Псковщины и полный словарь лексики псковских памятников письменности XIV — начала XVIII в. В связи с этим исторический словарь псковской письменности имеет определенное своеобразие в построении, чем и отличается от других исторических региональных словарей, создаваемых в наши дни. <...>

Обратимся к рассмотрению структуры исторической части ПОС и ее соотношения с современной частью.

Историческая часть ПОС и принципы ее построения

Историческая часть ПОС представляет собой толковый исторический словарь полного типа к псковским памятникам письменности XIV — начала XVIII вв. В нем описываются все значения полнозначных и служебных слов, устойчивые сочетания слов и фразеологизмы.

Соединение в рамках одного словаря и одной словарной статьи данных народных говоров Псковщины и материалов из памятников письменности обусловило своеобразие реализации принципа полноты словника и полноты семантического описания. Свообразие было обусловлено основной задачей словаря, как она определилась

¹ *Панин Л. Г.* Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. Новосибирск, 1991; *Хитрова В. И.* Русская историческая и диалектная лексикология. (Материалы для словаря воронежской деловой письменности XVII—XVIII вв.). Вып. 1–2. М., 1987–1989; *Полякова Е. Н.* Словарь пермских памятников XVI — начала XVIII в. Вып. 1–3. Пермь, 1993–1995; *Она же.* К истокам пермских фамилий: Словарь. Пермь, 1997. И др.

² *Ларин Б. А.* Инструкция Псковского областного словаря // Псковские говоры. I. Псков, 1962. С. 253.

в процессе разработки темы, — показать историческую перспективу развития лексики народной речи на данной территории и выявить факты отражения лексики псковских говоров в псковских памятниках письменности. <...>

Полнота семантического описания решается в соответствии с основным принципом словаря. Историческая часть словарной статьи строится как комментарий к современным материалам, она подчинена в семантическом отношении современной части: «Расположение значений в исторической части словарной статьи подчиняется филиации значений, установленной по данным современных псковских говоров». Реализацию этого правила не следует понимать так, как если бы в исторической части значения следовали друг за другом без всякой мотивировки. Последовательность значений в исторической части словарной статьи может быть логически и исторически оправданной в силу того, что основное значение является часто исходным для остальных значений как в современной, так и в исторической частях, что определяет возможное совпадение и ряда производных значений (примеры будут приведены ниже). <...>

Лексика, извлеченная из памятников письменности, в словарных статьях ПОС оказывается в разных соотношениях с лексикой народной речи.

Сложились два типа словарных статей: исторические материалы либо входят в словарные статьи, описывающие лексику современных говоров Псковщины и образуют в них исторический комментарий к современному словоупотреблению (I), либо — при отсутствии данного слова в народной речи — составляют самостоятельные словарные статьи (II).

I. Интерес представляют прежде всего словарные статьи первой группы, где проведено последовательное, от слова к слову, сопоставление семантических структур одного и того же слова в близких, но самостоятельных лексических системах: системе (или системах) современных (XIX–XX вв.) народных говоров Псковщины и системе литературно-письменного языка средневековой Руси, отраженной в памятниках разных жанров, написанных в Пскове и его пригородах.

1) Основное, первое значение слова в народной речи представлено и является основным также в исторических памятниках; это типично для наших материалов:

ЖАТЬ... 1. Убирать хлебные злаки (вручную и машиной). *И косили, и жали, и пахали, и бороновали, и фсё дома.* Пл.¹

1. *А рожь жати починали в богородицкой постъ поздно, а рожь худа родилася, с весны были съверики вѣтры и мразы и до Петрова говѣнья.* Лет. III, Стр., 1562 г., л. 229.

¹ Для экономии места словарные статьи даются в сокращении.

ЗАУЛОК... 1. Небольшая узкая улица, переулок или боковая улочка. *В заулке гуляли, на улицы стыдна, а теперь не стыдяца.* Гд. *Вон Яшка в заулки жывё.* Сл.

1. *Погоре Запсковье... а загорѣлося у примостья в заулке, где Елизаровской двор.* Лет. I, 1500 г., л. 649–649 об. *Клѣть Богдана Солодовника, жыветь въ Русловѣ заулкѣ.* Кн. писц. I, 16, 1585–1587 гг.

ВЕСНИЦА... Заливной луг, обычно вблизи деревни. *Коровы на веснице.* Гд.

А на тѣ жеребьи досташа середняя пожня от могилника, и та пожня в межахъ..., а другая пожня в другом поле... А что въсници, то вопче вѣснь жеребьямъ. Нов. пск. гр., № 28, 1469–1485 гг.

В ряде случаев в современной народной речи и в памятниках обнаруживаются одинаковые семантические оттенки одного и того же значения:

ЖАТВА... 1. Уборка хлебов (вручную и машиной). *Ну, а потом [после выборочной жатвы] ужэ масавая жатва идет, тагда ужэ выходят жать серпами.* Слан. // *Время, пора уборки урожая. ... время, когда жнут, жатва называют.* Пск.

1. // *Время, пора уборки урожая. Сие льто зима была добръ снежна, а вѣсне вода была велика в реках... а на льте было дождиво и в сенокосъ и в жатву.* Лет. III Стр. 1562 г., л. 228 об.

В современных и исторических материалах у слова могут быть общими не только одно, но два и более значений (обычно это основное и отдельные производные значения):

ЖЁНКА... 1. То же, что **жена** 1. *Жонка помёршы, а робятки сиротами остафшы.* Гд.

2. То же, что **женщина**. *Жанат ни бывал, а без жонки ни сыпал.* Оп. *Тая жонка замуш вышэфшы.* Остр.

1. *Вотчинная де Спаса Мирожского монастыря крестьянская Васкина женка Исакова вдова Ксеньица Степанова дочь съ дѣтьми своими ... бѣжали съ той ихъ Мирожской вотчины со многими животы.* Вып. из дела, 84, 1693 г.

2. *А на которомъ человекъкъ имуть сочити долгу по доскамъ или жонка или детина... или чернецъ, или черница, ино имъ наймити волно наняти.* ПСГ, ст. 36, 1462–1471 гг. <...>

В современной части у глагола **заложить** 23 значения, из них 2 значения повторяются в исторической части:

ЗАЛОЖИТЬ... 7. Закрывать с помощью задвижки, засова. *Бывало фсе на супретки собирались, у меня отец был сердитый, поэтому нельзя было задержываца, а то отец заложыт дверь, и мёрзни цѣлу ночь на улицы.* Пл.

12. Отдать в залог, под ссуду. *Ана [барыня] адно имения залажыла в Риский банк, прагуляла и другая залажыла.* Вл.

7. *Малец, роскрутись себе борзѣ да ляг спать. Загаси свѣчка. Заложыи дверь. Дай, Осподи, мнѣ здорово спать.* Разговорник Т. Ф., 193, 1607 г.

12. *А нѣтъ того моево проданого анбара ни в кабалахъ, ни в купчихъ, ни в какихъ писменныхъ крѣпостехъ, ни кому ни в чемъ не проданъ, ни заложень, oprичъ сей купчей.* Кн. Поганкина, 8, 1659 г.

Приведенные данные подтверждают наличие общего фонда лексики у современных псковских говоров и средневековой псковской письменности. Совпадающие значения имеют общерусские слова, принадлежащие к древнейшему ядру словаря русского языка в его устно-разговорных разновидностях и литературно-письменной традиции (*бить, болото, ветер, весь, взять, жать, жатва, земля* и мн. др.), а также слова, характерные преимущественно для обиходно-разговорной речи, проникшие в разное время в письменные памятники (*вброд, весница, висучий, жѣнка, заулок, заложить, дивья* и др.).

2) Отражение в слове действительности разных исторических эпох и соотносительность слова с двумя различными лексико-семантическими системами — народных говоров и литературно-письменных памятников — приводит к неизбежным расхождениям в семантике одного и того же слова.

В пределах общего значения возможны различные оттенки значения, а также отличающиеся устойчивые сочетания:

ЖИЛЕЦ... 1. Деревенский житель, хозяин дома... // *метон.* Дом, усадьба. *Против това жыльца гат палзе.* Н-Рж.

1. // Житель какого-н. населенного пункта, какой-н. местности. *Мать моя... вышла замужъ за печерского жыльца за Степашика Лаврикова.* А. тягл. II, 95, 1647 г.

ДОБЫТЬ... 1. что. Достать, получить. ... // Приобрести трудом, заработать. *Пажанились мы с им, а фсѣ, што есь у нас, сами добыли.* Порх. // Купить. *Картошку збыл, а сена дабыл.* Остр.

1. // Получить путем захвата. *Месяца сентября въ 27 день, ходиша псковичи мстить в Немецкую землю, и приведоша Немец во Псков и полна много добыша.* Лет. I, 1479 г., л. 641 об.

У глагола *есть* в современной и исторической частях в пределах основного значения описаны разные устойчивые сочетания:

ЕСТЬ... 1. Принимать пищу. ... > Ешь, не хочю. Об избытии пищи, съестного. Δ Есть дарма хлеб. Жить на чужой счет. Δ Корки есть. Жить бедно. Δ Есть плетку. Быть наказанным, высеченным.

1. ... > Ясти и пити. Кормиться, питаться. > Есть хлеба. Обедать. > Пить да есть (деньги). Тратить, расходовать на питание, содержание себя. > Есть хлеб (чей). Получать средства на пропитание.

Обычным следует считать наличие в памятниках особых значений слова, не отмеченных в разговорной речи, и существование ряда значений в устной речи, неизвестных памятникам. Таким образом, семантические структуры одного и того же слова в современной и исторической частях словарной статьи ПОС совпадают

лишь частично. При этом в народной речи и письменных источниках могут отражаться разные ступени семантического развития слова:

ЕХАТЬ... 1. Двигаться, перемещаться по суше, воде при помощи каких-н. средств передвижения. *На дровнях едит, то говорят, што полазам едит.* Гд.

2. Сдвигаться, соскальзывать. *Реденький плат, з галавы палзё, едя.* Палк.

3. Достигнув определенного возраста, двигаться к следующему десятку лет. *На сядьмой десяток еду, а ня знаю, сколька.* Кр.

1. *Нѣмцы пхавше у шнекахъ и в лодяхъ во Пѣсковскую землю, в Норову рѣку.* Лет. I, 1459 г., л. 70 об.

4. Идти (пойти) в военный поход. *Князь Александръ со псковичами, ехавше, воеваша Немецкую землю на 70 верестъ.* Лет. II, 1461 г., л. 203. <...>

ЗАХАБ... 1. Пристройка к риге или отгороженное в ней место для мякины, соломы или снопов.

2. Отгороженное место в доме, чулан.

3. Участок земли, угодые, вдающееся во что-н., окаймленное чем-н.

4. Маленький залив, заводь.

5. Излучина реки; глухой рукав.

6. Об опасном, труднопроходимом месте.

7. Укрепление для защиты крепостных ворот — узкий длинный проход между внешней и внутренней стеной. *У тѣхъ же Власьевскихъ воротъ зъ Загородья къ Великия рѣки здѣланъ захабъ деревяной рубленой, а изъ захабу за городъ къ Великой рѣкѣ проезжие ворота; да въ немъ же за городъ 8 боевъ.* Кн. писц. II, 231, 1699 г. *Да отъ той башни [Плоской] захабъ въ длину 17 сажень и 2 аршина, в ширину межъ стѣнами 2 аршина без 1/4.* Оп. Изборску, 158, 1701 г. <...>

Значительно более сложные связи, не всегда поддающиеся однозначной интерпретации, находим у современных и исторических значений слова **жестокий**:

ЖЕСТОКИЙ... 1. Твердый, крепкий, не мягкий. *Палажу на тапчан на самый жестокий.* Остр.

2. Трудно поддающийся сжатию. *Сиськи у коровы такие жестокие.* Стр.

3. Суровый. *Жестокый — грубый такой.* Дн.

4. Значительный по силе проявления. *Прашай жестокае страданье.* [Песня]. Палк.

5. Очень сильный, беспощадный. *И Гдовъ осадили накрѣпко, и исъ пушекъ по Гдову били, и приступы къ городу были жестокие.* Кн. писц. II, 338, 1657 г.

6. Грубый, резкий. *Бысть же отрокъ той молчаливъ и кротокъ... пребывая въ покорении родителей своихъ, никому жестока словеси неподобна не извъщеваше.* Пов. явл. икон, 121, XVII в.

7. Трудный, подвижнический, полный лишений. *Иже видѣвъ его жестокое житие проходяща... радовашеся духомъ, и благодараше Бога.* Пов. пск. Печ. м., 108, к. XVI — н. XVII в.

Значения 1-е и 2-е в современной части указывают на конкретные признаки предметов и соотносятся со значениями слова *жесткий* в современном литературном языке, остальные же значения в современной и исторической части словарной статьи имеют отвлеченный характер, а в исторической части и несомненно книжный, но тем не менее в них проявляются семы 'доставляющий страдание', 'безжалостный', которые возникают при развитии переносных значений в слове *жестокий*.

4) Остановимся еще на одной группе слов.

В псковских говорах отмечены слова церковнославянского происхождения, которые могли быть восприняты народной речью из книг Священного Писания. Словарная статья ПОС, сопоставляя современные данные, почерпнутые из народных говоров, и данные памятников, наглядно иллюстрирует этот процесс:

БОГОРОДИЦА... 1. Мать Христа. — Икона с изображением Богородицы. *На пожынке трава чистая и гарушэчка такая, там бауародицэ скланяюцца, патом бярут и нясут бауародицу.* Пуст.

2. Религиозный праздник — Успение Богородицы. *Пьспиваит лён тирид бьгародицый.* Аш.

3. Религиозный праздник — Рождество Богородицы. *Посля багародицы три мясяца буде мясаветь.* Кр.

1. *Богородицу со всеми святыми на молитву и на помощь призывающе.* Пов. прихож. Батория, 70, XVI в. <...>

Здесь могут быть отнесены также слова *ад*, *ангел*, *антихрист*, *враг*, *дьявол* и др. В прямом значении, представленном в памятниках, эти слова отмечены в народной речи преимущественно у людей старшего поколения; однако более активны в обиходе производные значения, которые являются различными бытовыми переосмыслениями религиозного, книжного понятия. Характерные семантические процессы — метонимические переносы и, в ряде случаев, «ухудшение» значения, опирающееся на отрицательную экспрессию слова в церковном каноническом тексте.

II. Обратимся теперь к словам, представленным в ПОС только историческими материалами. Целесообразность их помещения в словарь народных говоров определяется тем, что эти слова из памятников письменности вступают в определенные отношения со словами живой народной речи.

1) Слова, употребленные в памятниках, оказываются в тесных семантических и словообразовательных связях со словами, наличествующими в словаре современной народной речи Псковщины:

ДУРНО, с. 1. Злое дело. *Чтобъ ... изменники русские люди ... воровскимъ обычаемъ ко Пскову безвѣстно украдомъ и оманомъ...*

не пришли и надъ городомъ какова **дурна** не учинили. Кн. писц. II, 16, 1626 г.

2. Вред, ущерб. *Мнѣ Лешошкѣ того его живота товару беречи накрепко ...и надъ товаромъ во всѣхъ государевыхъ городѣхъ... никакого **дурна** не учинити.* А. тягл. II, 86, 1642 г.

Это слово включено в словник исторической части потому, что в современной части есть слова **дурить** 'безобразничать, озорничать, баловаться'; **дурной** 'тяжелый, трудный', 'плохой в моральном отношении: грубый, злой, жестокий'; **дурь** 'что-н. неприятное, беда, напасть' и др. <...>

2) Ко второй группе относятся слова, также неизвестные современной разговорной речи Псковщины, но с большой степенью вероятности можно утверждать, что они могли употребляться в прошлом, так как обозначали предметы и понятия, актуальные для жизни псковичей в XV–XVII вв. Сюда относятся прежде всего историзмы. Речи разных социальных групп населения в древнем Пскове могли принадлежать слова и выражения делового характера: **воименовать** 'указать лицо, назвав его по имени'; **вступаться** 'иметь притязания на кого-, что-н.'; **даньщик** 'кто платит дань, подать'; **всудить в правду** 'вынести решение по закону'; военная лексика: **вкладень** 'шомпол для заряжания и чистки старинных орудий'; **голландка** 'огнестрельное оружие малого калибра, сделанное в Голландии или по голландскому образцу'; **всести на конь** 'выступить в поход'; слова, называющие понятия, связанные с имущественными и торговыми отношениями: **весец** 'кто взвешивает, весовщик'; **выкупок** 'документ, подтверждающий право на покупку ранее заложенной или проданной земли'; **дрягиль** 'носильщик, грузчик'; **закладчик** 'посадский человек, крестьянин, переходивший для избавления от государственного тягла на службу к феодалу и терявший при этом личную свободу' и др.

При включении в словник ПОС слов этой категории большую роль играют экстралингвистические факторы, хотя и внутриязыковые данные должны быть учтены. <...>

Итак, современная устная народная речь и памятники письменности, территориально соотнесенные, обладают общим запасом лексики, куда входят общерусские слова основного словарного фонда, местные слова и слова церковно-книжного происхождения, освоенные народной речью.

Вместе с тем слово в современной устной речи и литературно-письменных памятниках обнаруживает специфические особенности в своей семантической структуре и сочетаемости, различаются и фразеологизмы, включающие данное слово.

Члены одного словообразовательного гнезда, употребляемые в современной устной речи или литературно-письменных источниках прошлого, обладают определенным сходством в словообразовательной структуре и связями в семантике.

Включая исторические материалы, словарь в определенной мере позволяет восстановить историю словарного состава устной разговорной речи Псковщины по ее отражениям в памятниках письменности этой же территории.

Сделанные нами наблюдения оказываются по-новому доказательными в силу того, что в ПОС данные современных говоров и материалы древнерусской псковской письменности обработаны в корпусе **одного** словаря по единой лексикографической методике.

И. А. Оссовецкий

СЛОВАРЬ ГОВОРА ДЕРЕВНИ ДЕУЛИНО РЯЗАНСКОГО РАЙОНА РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Словарь говора д. Деулино <...> представляет собой опыт лексикографической интерпретации лексики одного говора, которая рассматривается как единая лексическая система, находящаяся в реальном употреблении всех носителей данного говора. Составление словаря говора д. Деулино, а также работу по составлению других диалектных словарей, выполняемую в настоящее время многими высшими учебными заведениями нашей страны, можно рассматривать как продолжение и расширение процесса изучения русских говоров, которое велось в связи с подготовкой и составлением диалектологических атласов русского языка. Не являясь по существу материала, по методам его собирания и по его интерпретации непосредственным продолжением той работы, которая была связана с атласами, диалектная лексикографическая работа, столь широко развернувшаяся за последнее время в нашей стране, существенным образом пополняет наши сведения о русских народных говорах, вводя в научный оборот новые и свежие данные. Одновременно с собиранием нового, ведется работа по сведению в одно издание уже собранного ранее лексического материала, как опубликованного, так и рукописного. Такое издание тоже представляется необходимым, потому что оно делает обозримым большой и иногда уже труднодоступный материал. Составление диалектного словаря по письменным источникам является в известном отношении очень сложным делом, потому что лексикографические проблемы в таком словаре определяются характером языкового материала, очень неравноценным по качеству и разновременным по записи.

¹ *Оссовецкий И. А.* Словарь говора деревни Деулино Рязанского района Рязанской области // Вопросы диалектологии восточно-славянских языков. М., 1964. С. 176–206.

<...> Проблема типа словаря имеет первостепенное значение для лексикографической работы на любом лексическом материале. Структурный тип словаря, т. е. объем и качество его словника, система показа семантической структуры слова и полнота ее разработки, система грамматической характеристики слова и стилистических помет, подача цитатного материала и его объем и многое другое обуславливаются в первую очередь объемом и качеством самого лексического материала, степень полноты которого обуславливает не только объем семантической структуры слова, представляемой в словарной статье, но и специфику показа этой структуры. Тип словаря имеет очень большое принципиальное значение и в конечном счете определяет собой характер словарной статьи.

Характер лексикографической интерпретации материала в диалектном словаре, а следовательно, и структурный тип диалектного словаря в первую очередь определяется тем, строится ли данный словарь на лексике одного говора или же на лексике многих говоров. Лексический материал, собранный в одном говоре, т. е. в пределах одной лексической системы, позволяет строить на его базе словарь, во многом качественно отличный от словаря, построенного на лексике многих говоров. Глубокое различие между этими словарями носит принципиальный характер и определяет собой специфику всех компонентов каждого из них.

Лексикографическая проблематика, связанная с составлением словаря одного говора, в общем совпадает с аналогичной проблематикой, связанной с составлением толкового словаря литературного языка. В обоих случаях составитель имеет дело с лексикой, организованной в определенную систему, которая представляет собой реально существующую языковую действительность в ее конкретном бытовании. Однако специфика диалектного лексического материала одного говора в значительной степени определяет отличия словаря одного говора от словаря литературного языка, хотя эти отличия не имеют такого решающего, принципиального характера, как отличия словаря литературного языка от словаря многих говоров, потому что первый строится на лексике, объединенной в одну систему (литературный язык), а второй — на лексике, не образующей единой реальной системы.

В словаре, построенном на лексике одного говора, точно так же как и в толковом словаре литературного языка, не может быть представлена лексическая система говора или литературного языка во всем ее объеме. Такая задача не может быть решена ни в одном словаре, как бы ни был обширен его словник. Речь может идти лишь о том, что при использовании лексического материала говора для словаря нужно учитывать, что этот материал функционирует в одной системе, что отдельные его элементы связаны между собой внутрисистемными отношениями, которые и надо постараться раскрыть

в словарных статьях с максимальным приближением к реальной языковой действительности.

В словарной статье словаря одного говора могут быть в широком объеме учтены прямые, переносные и другие типы значений слов, а также и оттенки значений. Кроме того, в таком словаре должны быть по возможности полно показаны фразеологические связи слов. Такие широкие требования к показу семантической структуры слова осуществимы только на материале одного говора, т. е. на таком материале, который представляет собой более или менее полные фрагменты единой лексической системы, потому что только этот материал дает надежную гарантию того, что указываемые в словарной статье значения и оттенки значений действительно объединены в единое семантическое целое, что они образуют единую и реальную семантическую структуру конкретного слова. На лексическом материале одного говора можно показать также и значения, обусловленные контекстом в широком смысле этого слова, например синтаксические значения или же значения, проявляющиеся в оппозиции к другим словам. В таком словаре возможен более или менее полный показ семантических структур слов одного корня, а также раскрытие многообразных смысловых связей этих слов между собой. Полнота раскрытия значений слов, образующих одно гнездо, в значительной степени зависит также и от полноты показа семантических связей между отдельными однокоренными словами, входящими в это гнездо. Проиллюстрируем сказанное выше показом значений слова *шуметь* и других слов того же корня в говоре д. Деулино.

Шум'еть (*шум'ет*'), -мю и -млю, 1 мн. -ím и -íма, несов. 1. Кричать. *Пайд'óш, стán'иш шум'ет'* [в лесу], *а там аткл'икаицица. Ньп'ир'ид'е ахóтн'ик'и, а мы ид'ём, шум'им, а хто кóсу ваз'м'óт' бун'ит'*, *хто в'адрó ваз'м'óт' бун'ит'* [при облове]. *Ф к'рагóд'и фс'о бывáит'*: *хто пл'áшыт'*, *хто иурáит'*, *хто шум'ит'*. // Громко говорить, сообщая что-н. *Снаха шум'ит'*: *йа вás прагóн'у. Етът шум'ит'*: *ўжсын дава́й. Йéхъл'и ть д'ир'евн'и с тьзванкám'и и шум'эл'и: вот ы мы к вам пр'ийéхъл'и. [Муж] пр'ишóл, нь крыл'цэ шум'ит'*: *Мар'ус'к'ъ, атвар'и. / шум'еть кому. Мн'е нáч'ал'и шум'ет'*: *Парán'к'а!.. йа б'аг'у, б'аг'у с наб'ёркай. Ана мат'-та шум'ела жын'иху. // Ругаться, браниться. Йа д'ум'эла, ана на Вán'к'у м'йавó шум'ит'*. — *Ды хтó-йтá там шум'ит'?* — *Ды брóнуцица...* 2. Громко звать кого-н. *Йа уш шум'ет' Ан'ўтк'у бай'ус'а. В'ит'а, шум'у'йавó. Ана вас шум'ела в акóшк'и: маскв'ич'к'и!* // Называть по имени (или кличке), обращаясь к кому-н. или говоря о ком-н. *Мы зав'ём Мáша, а хтó шум'ит'* — *Мáр'йа. Авдóт'йа — нáда шум'ет'*, *а ан'и: Авдóшка. / шум'еть кому. Карóвам шум'ат' на прóз'в'иш'иш'у, хтó как свай'у нъзав'óт'. Им [индюшатам] шум'ат' кáк-та чуднó.*

Ко всем этим значениям диалектного слова *шуметь* надо прибавить также и то, которое есть у слова *шуметь* в литературном языке. Такое значение ('производить шум') неисконно для говора, оно еще

недостаточно определенно откристаллизовалось, однако оно уже есть и, что еще важнее, развивается.

Лексический материал, собранный в говоре д. Деулино, содержит в себе также такие слова того же корня: *шумнѹть* 'однокр. к *шумѣть*'; *шумѣться* 'аукаться'; *зашумѣть* 'начать кричать, начать браниться'; *нашумѣть* 1. 'накричать на кого-н.', 2. 'созвать, пригласить'; *пошѹмливать* 'покрикивать'; *пошумѣть* 'покричать или побраниться в течение некоторого времени'; *шум* 'крик, брань, ругань'; *шумовѣнь* — 'то же, что *шум*', но с некоторой экспрессивной окраской, усиливающей основное значение; *шумовѣтый* 'крикливый, горластый'; *шумѣкнуть* 'вскрикнуть'; *дошумѣться* 'докричаться' и др. Приведенный выше ряд значений слова *шумѣть*, сопоставленный с другими значениями слов того же корня, конечно, не является исчерпывающим, это лишь фрагмент реально существующей в говоре д. Деулино семантической структуры этого слова, показ которой ограничен собранным материалом.

Одной из важных лексикографических проблем является проблема подачи омонимов в словаре и разграничения омонимов и отдельных значений. Эта проблема в равной мере актуальна и при составлении толкового словаря литературного языка и при составлении словаря одного говора. Больше того, сама эта проблема в ее полном объеме и истинном содержании получает конкретные очертания только при работе с лексическим материалом, собранным в пределах единой лексической системы. Только в словарных статьях словаря одного говора возможен достаточно полный показ значения омонимов, позволяющий квалифицировать данные слова именно как омонимы, а не как разные значения одного слова. В качестве примера можно привести значения слова *рѹдный* и его омонима.

Рѹдный (*рѹднай*), *-ая*. 1. Находящийся в кровном родстве. *Мой с'в'ѣкар и иѹб с'в'ѣкар брат'ѹа был'и рѹдныи. Он мн'е сын-тан'а рѹднай, ѹа вишла нѣ ѹавѹ. Ана дѹмль — ѹейнѹа рѹднѹа т'ѹтка*. 2. в знач. сущ., только мн. Родственники. *Мы рѹдныи, ана братава жанѹ. Ана фс'о рѣспрас'ѹла прѣ свайѣх пра рѹдныих*. 3. Дорогой, любимый (в обращении). *Кѹл', фставѹй, рѹднай, фставѹй*.

Рѹдный (*рѹднай*), *-ая*. Крупный, большого размера. *Дош нашѹл... рѹднай дош-та, рѹднай да стрѹс'т'ѹ. Ун'авѹ [у шиповника] бѹдут'з'ѣрны рѹдныи, красныи. Эти рѹдныи-та дѹск'ѹи в ад'ѹн р'атклад'ѹ. Нап'ѹшут нѹм'ар, бѹквы рѹдныи з'д'ѣльѹт' [на столбике, когда делили луга]*.

Широкого показа значений и точного их определения требуют также синонимы, иначе в большинстве случаев будет непонятно сосуществование в лексике говора разных диалектных слов с одним и тем же значением. Ср. значения таких синонимов в говоре д. Деулино, как *шѹметом*, *полошмя* и *шустѹм* 'быстро, наспех'; *большѹй*, *лобѹстый* (*лобѹстай мужськ*, *лобѹстайа в'атлѹ*, *лобѹстыи ѹкны*) и *рожѹлый*; *наѹный* и *натѹрный* 'назойливый'; *пѹязать* и *пѹсулѹть*

‘пообещать’ и многие другие. Однако при раскрытии значений синонимов нужно считаться с тем положением, которое сложилось в современных говорах и является характерным для них. Речь идет о так называемых абсолютных синонимах (или близких к абсолютным), которые образовались в результате проникновения в говор лексики литературного языка. Какой-то период времени, иногда довольно длительный, одно и то же понятие, явление или одна и та же реалья одновременно обозначаются и диалектным словом и словом литературного языка. Такие двойные наименования типичны для современных говоров, испытывающих очень сильное влияние литературного языка. В качестве примера можно привести такие пары, как *добрé* — *бчень*; *уходíться* — *уто́нуть*, *прожб́г* — *проу́лок*, *ба́рки* — *и́кры* — *льди́ны*; *виски́* — *во́лосы*; *вар* — *кипятóк* и мн. др.

При показе синонимов в диалектном словаре необходимо также иметь в виду, что в диалектах наблюдается особый тип синонимов, обусловленный большей, чем в литературном языке, вариативностью слов, которая частично объясняется тем, что диалект нормируется только внутренними законами своего развития, что он не ограничен внешними нормами в такой степени, как литературный язык. Диалект обладает как бы большей свободой выбора фонеморфологических средств для передачи того или иного значения, диапазон этих средств шире, чем в литературном языке. Поэтому в диалекте наблюдается большое количество вариантов для номинации одного и того же понятия, явления или реальности. Такие варианты образуют сложную цепь синонимов, отдельные звенья которой иногда очень близки между собой по звучанию и неразличимы по значению. В употреблении этого типа синонимов наблюдается известное безразличие. Хорошим примером может служить синонимический ряд слов говора со значением «если»: *эзли*, *эли*, *лэжели*, *лэзели*, *лэли*, *лэсли*, *эзли*, *элива*, *эсли*, *эли*.

Опыт составления словаря одного говора нужно прежде всего рассматривать не как показ лексики именно данного населенного пункта, а как реализацию потенциальной возможности на языковом материале одного говора максимально полно и глубоко показать диалектную лексику, типичную для данной диалектной зоны. Лексикографическая обработка лексического материала именно одного говора представляется единственно возможным путем проникновения в такие звенья диалектной лексической системы, которые недоступны для исследования при обычной практике показа слов в словаре лексики многих говоров. Самым важным и принципиально значимым при составлении словаря лексики одного говора является не то, лексика какого говора подвергается лексикографической интерпретации, а то, что этой интерпретации подвергается лексика одного говора. Само собой разумеется, весьма желательно, чтобы говор, выбранный для изучения, был бы исконным и характеризовался

бы более или менее типичными для данной диалектной зоны языковыми чертами.

Принципиально иными возможностями лексикографической интерпретации слов располагает словарь, который строится на лексике многих говоров. Лексика, представленная в таком словаре, тоже образует известную систему, но это система совсем другого качества и объема, чем конкретная лексическая система одного говора, занимающая подчиненное положение по отношению к общенародному языку. Система, объединяющая лексику разных говоров, обусловлена общностью развития отдельных говоров, а также историческим единством всех говоров данного языка в их основе и соотносится со всем языком в целом, включая и его литературную форму. Реально такой системой не пользуется ни один человек, говорящий на данном языке <...>. Степень полноты разработки семантической структуры данного слова, широта охвата объема его значений в каждом из многих говоров, на лексике которых строится соответствующий словарь, будет гораздо меньшая, чем в словаре одного говора. Словарная статья словаря многих говоров покажет в основном лишь номинативные значения слов без углубления в другие типы значений и тем более в тонкие семантические оттенки значений слов. В словаре многих говоров также ограничены возможности показа фразеологических связей отдельных слов. <...>

* * *

Словарь говора д. Деулино строится на лексическом материале говора, распространенного на определенной и ограниченной территории. Первый этап работы над словарем и состоял в выборе именно такой территории с более или менее однородными говорами, на которой нужно было наметить один какой-нибудь говор и начать его интенсивное обследование. Кроме того, было признано необходимым, чтобы на территории, где предполагалось собирать лексический материал для словаря, были бы распространены южновеликорусские говоры, потому что в русской диалектной лексикографии есть хорошие словари северновеликорусских говоров и почти совсем нет словарей говоров южновеликорусских. Все эти соображения обусловили выбор территории поселения так называемой рязанской мещеры, именно той ее части, где распространены южновеликорусские говоры. <...> Южновеликорусские говоры рязанской мещеры в известной степени могут считаться типичными для многих южновеликорусских говоров, в частности, рязанской группы. С другой стороны, мещерские южновеликорусские говоры относительно однородны, поэтому каждый из них с известным основанием может считаться типичным для данной диалектной зоны. Таким образом, словарь одного южновеликорусского говора на территории рязанской мещеры с известным основанием может рассматриваться и как словарь

определенной зоны южновеликорусских говоров и в некоторой степени — как словарь южновеликорусского наречия. <...>

Для обследования был выбран говор д. Деулино Рязанского района Рязанской области. В этой деревне распространен единый типично южновеликорусский говор, очень похожий на говоры других обследованных населенных пунктов, но с известным своеобразием в лексике, что, впрочем, характерно не только для говора д. Деулино, но и для говоров всех обследованных населенных пунктов.

Интенсивное собирание материала для словаря началось в Деулине в 1960 г. и проводилось во время многочисленных и длительных экспедиций. <...>

* * *

Принципиально важное значение в диалектной лексикографической работе имеет характер подбора слов в словаре, т. е. проблема словника диалектного словаря. <...>

При формировании словника диалектного словаря обычно исходят из принципа дифференциальности, т. е. в словарь включают лишь те слова диалекта, которые либо совсем не встречаются в литературном языке, либо в каком-нибудь отношении отличаются от соответствующих слов литературного языка. Различие может выражаться в составе фонем, в морфологической структуре или же реализоваться в значении, в оттенках значения, в стилистической окраске, а также в грамматических формах и в ударении.

Принцип дифференциальности основан на предположении, что средства языковой реализации определенной части понятий в говорах и в литературном языке совпадают, так как лексические системы говоров и литературного языка одновременно входят в сложную систему общенародного языка, который возник на единой базе и развивается в едином направлении. Поэтому лексику, общую какому-либо говору и литературному языку, можно не помещать в словарь этого говора. <...>

Между тем литературный язык и любой из говоров, а также разные говоры отличаются друг от друга не только тем, что для языкового выражения одних и тех же понятий они используют разные звуковые комплексы, но также и тем, что системы значений этих комплексов, конструирующих семантические структуры слов, не совпадают друг с другом. Каждое слово как в пределах лексики одного говора, так и в пределах лексики литературного языка, т. е. в границах одной лексической системы, семантически индивидуально в том смысле, что оно объективно представляет собой сложное и в части своих компонентов неповторимое семантическое целое. Кроме номинативного значения (а их тоже может быть несколько), слово имеет и другие значения, как прямые, так и переносные. Кроме того, в составе одной лексической системы, т. е. в реальном бытовании, слова вступают друг с другом в сложные взаимоотношения,

одним из проявлений которых является ограниченная сочетаемость слов друг с другом, приводящая в конечном счете к образованию фразеологических единиц. Поэтому к основным значениям слова прибавляются еще и фразеологически связанные, а также такие, которые выявляются только в противопоставлении с другими словами этой же лексической системы.

В качестве иллюстрации того, как своеобразно идет развитие значения слова в говоре сравнительно с литературным языком, приведем значения имени существительного *глупе́ц*, образованного от имени прилагательного *глупый*. В словаре Д. Н. Ушакова слово *глупый* определяется как «с очень слабыми умственными способностями, лишенный сообразительности, ума; не обнаруживающий ума»¹. То же значение этого слова (с оттенками значения) отмечено в академическом «Словаре современного русского литературного языка»². Словарь С. И. Ожегова отмечает еще одно значение слова *глупый*: «не обнаруживающий ума, лишенный разумной содержательности, целесообразности»³, а четырехтомный «Словарь русского языка» в дополнение к этим двум значениям указывает третье: «выражающий умственную ограниченность, отсутствие ума»⁴. В слове *глупе́ц*, образованном от прилагательного *глупый*, все четыре упомянутых словаря отмечают одно значение: «глупый человек». Таким образом, в литературном языке слово *глупе́ц* образовано от слова *глупый* ‘неумный’ и поэтому имеет соответствующее значение ‘глупый человек’. В говоре д. Деулино существительное *глупе́ц* тоже образовано от прилагательного *глупый* (или *глупой*), но не в значении ‘неумный’, а в том значении, которое отмечено в словарях как разговорный оттенок основного — «наивный вследствие недостатка знаний или жизненного опыта» (Словарь Д. Н. Ушакова) или «неразумный, несведущий, наивный (о детях, молодых существах)» — (четырёхтомный «Словарь русского языка»). Соответственно этому слово *глупе́ц* в говоре имеет значение не то, которое имеет это слово в литературном языке, а другое, которое можно показать следующим образом:

Глупе́ц (γлуп'е́ц), -тца́, м. Ребенок, невзрослый. *Ети-ть бал'ишыйъ, а он [мальчик 5 лет] аш'иш'о́ γ л у п' е́ ц. Стал настáршы, а то был γ л у п' е́ ц. Дъ е́тът далжён ф смысл взайт'ит', какой уш γ л у п' е́ ц в дваццэт' -ть л'ет. Ну, γ л у п' е́ ц ты 'а скáжьши, он рóстам бал'ишóй // Тот, кто еще не достиг требуемого возраста. Йавó вз'а́л'и шаши́нацът'и л'ет нъ вайну́, γ л у п' е́ ц. Какой он иш'иш'е́ жан'их, он иш'иш'е́ γ л у п' е́ ц. Тут-та ана́ γ л у п' е́ ц была́ и кърагóда-тъ н'и в'идаль [рано выдали замуж].*

¹ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М.: Изд-во иностр. и нац. словарей.

² Словарь современного русского литературного языка. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1950.

³ Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов. 2-е изд. М.: Огиз, 1952.

⁴ Словарь русского языка. Т. I. М.: ГИС, 1957.

Как видим, слово *глупец* имеет разные значения в литературном языке и в говоре д. Деулино, следовательно, это два разных слова, а не одно, общее литературному языку и говору. Различие между ними обусловлено тем, что они образованы от разных значений слова *глупый* (*глупой*).

Все сказанное выше приводит к закономерному выводу о том, что принцип дифференциальности не только не представляет собой теоретической основы отбора слов для диалектного словаря, но по своему содержанию и не может быть такой основой, в особенности для словаря одного говора, который по самому существу материала должен быть полным. Дифференциальность по отношению к литературному языку в таком словаре можно рассматривать лишь как сугубо практический прием отведения от диалектного словаря всех тех слов, в которых собирателям не удалось подметить и зафиксировать их объективное диалектное своеобразие в значении или в стилистической окраске. Дифференциальность как практический прием ограничивает полноту диалектного словаря, исключая из словника такие слова, у которых словарные статьи из-за неполноты собранного материала просто-напросто дублировали бы соответствующие словарные статьи в толковых словарях литературного языка. Именно так, как чисто практический прием, интерпретирован принцип дифференциальности в словаре говора д. Деулино. С помощью этого приема от словаря отведены слова говора с невыявленной диалектной спецификой в значении, в стилистической окраске, в системе грамматических форм и т. п. Объем и качество словника словаря говора д. Деулино полностью определяется объемом и качеством собранного материала, в котором собиратели стремились как можно более полно и как можно более точно зафиксировать все объективные значения и оттенки значений слов говора; если материал по данному слову не дает ничего нового по сравнению с соответствующим словом литературного языка, то такое слово в словарь не помещается, хотя составители словаря отдают себе ясный отчет в том, что отсутствие диалектного своеобразия в каком-нибудь отношении у того или иного слова и, как следствие, непомещение этого слова в словарь являются всего лишь результатом неполноты собранного материала.

В практике отбора слов для словаря принимаются во внимание следующие дифференциальные признаки слов говора д. Деулино сравнительно со словами литературного языка (наличие у слова хотя бы одного из этих признаков считается достаточным для помещения данного слова в словарь):

а) полное отличие по фонематическому составу названий различных реалий (предметов, явлений и т. п.), например: *башар* 'живот', 'брюхо', *ожежной* 'жадный', *поязать* 'обещать', *гонобно* 'утомительно';

б) частичное различие в фонематическом составе слова, например: *комарь*, *нутрѣ*, *грыб*, *лячь*, *яблина*, *віник*, *котумка*;

в) различия в морфологической структуре слова, например: *пьянь* ‘пьяница’, *свекры́* ‘свекровь’, *верхомá* ‘верхом’, *ветло́*;

г) различия в ударении, например: *засу́ха*, *глупо́й*, *весело́*;

д) различия в грамматической характеристике слова, например в роде (*мыш* м. р.); сюда же можно отнести случаи изменения управления у глаголов: *опе́шить кого*, *роди́ть с кем-н.* — ‘родить от кого-н.’

е) полное различие по значению при совпадении фонематического состава, например: *зря́чий* ‘никудышный’, *лоба́стый* ‘большой, большого размера’;

ж) частичное различие по значению при совпадении фонематического состава, например: *овра́г* — 1. ‘овраг’, 2. ‘сугроб’; *пла́тить* — 1. ‘платить’, 2. ‘пришивать заплаты’; *голо́дный* — 1. ‘голодный’, 2. ‘трезвый’;

з) различия в фразеологических связях, например: *глаз (до глаз* — ‘очень много’ и др.), *голова (с голови́ на голову* — ‘поголовно’ и др.) и т. п.;

и) различия в стилистической окраске, например нейтральный характер таких слов, как *дре́во*, *здра́вый*, *ны́не*, *призрэ́ть* и *жа́лится*, *заде́латься* ‘стать кем-н.’, *выла́зить*, *мужи́к* ‘мужчина’. Дифференциальный признак такого типа позволяет включить в словарь ту часть лексики д. Деулино, которая имеется также в литературном языке и в толковых словарях помечается как принадлежащая (или свойственная) просторечному. <...>

В словаре ставится задача грамматической характеристики слова, которая состоит в том, чтобы в пределах, доступных для словаря, показать реальную грамматическую природу слова говора д. Деулино в ее противоречии. С этой целью в словарь вводятся пометы, которые должны показать закономерности грамматического строя говора, как они отражены в грамматическом оформлении слова, а также и все единичные отклонения от этих закономерностей. Кроме того, пометы должны отразить и присущую говору вариантность грамматических форм. <...>

* * *

<...> Основной задачей словаря является показ лексики говора д. Деулино, однако словарь, помимо лексики, должен дать по возможности полное представление о говоре, потому что только на общем фоне всего говора его лексика может представить наиболее полно семантическую структуру слов. Поэтому значение цитатного материала словаря далеко выходит за рамки только иллюстраций; функции цитат, приводимых в словарных статьях словаря, значительно шире, чем функции цитат, приводимых в толковых словарях литературного языка в качестве иллюстраций. Иллюстрации в словаре являются важнейшей частью словарной статьи, цитатный материал представляет собой одну из главных ценностей словаря, во многом определяющую его общую научную значимость. <...>

<...> С совершенной очевидностью выясняется, что чем точнее и детальнее фиксируются значения слов в говоре, тем с большей отчетливостью проступает дифференциальность всего диалектного лексического материала по отношению к литературному языку; лишь практически ограниченные возможности точной и полной фиксации всего лексического фонда говора д. Деулино не дают возможности показать действительную объективную картину того, что дифференциальность по существу распространяется на все слова говора этой деревни. <...>

Каждый говор отличается от литературного языка и от других говоров не только словами, имеющими разную степень своеобразия в значении или в форме, но и разной сочетаемостью слов. Многие слова в говоре характеризуются ограниченной сочетаемостью, что, впрочем, характерно и для литературного языка. При показе значения слова составители словаря говора д. Деулино стремятся также к тому, чтобы хотя бы частично показать ограниченную сочетаемость толкуемого слова с другими словами. Причины лексического ограничения свободных связей слов могут быть самыми различными, анализ их не входит в задачу составителей словаря, но показать отмеченные в материале лексически ограниченные связи слов в словаре необходимо. Например, в говоре есть слово *играть*, соответствующее слову *петь*. Однако у слова *играть* несколько иной круг слов, с которыми оно сочетается, чем у слова *петь*, которое тоже отмечено в говоре. Слово *играть* главным образом сочетается со словом *пéсни* (или употребляется без дополнения) и имеет значение «петь песни»; слово *петь* в говоре имеет значение «петь молитвы»: *играть моли́твы* — такое сочетание в говоре невозможно (ср. *петь пéсни* и *петь моли́твы* в литературном языке). Составители пока не располагают материалом, позволяющим определить, каким словом (или какими словами) обозначается процесс пения у разных птиц (о петье в Деулине надо сказать, что он *кукаре́чит*, а не *играет* или *поёт*). Показ объективно существующей в говоре д. Деулино лексически ограниченной сочетаемости слов друг с другом — одна из важных задач, которые стоят перед составителями словаря.

В говоре д. Деулино представлено большое количество лексических вариантов, что объясняется различными причинами, о которых отчасти говорилось выше. Вариантность вообще характерна для каждого говора, поэтому показ в словаре возможно большего количества вариантов слов будет способствовать более правильному представлению о лексике говора д. Деулино и формах ее бытования. Варианты эти разного структурного типа, в их значении трудно заметить какое-либо различие. Ср. такие варианты, как *оты́мка* — *отыма́лка*, *жа́берь* — *жа́бря*, *пру́жкость* — *пру́жесть*, *жарч́ее* — *жарч́ей*, *вчерáсь* — *вчерáся*, *надáсь* — *надáсь*, *зана́веска* — *зана́виска* — *зана́веска*, *иди́ть* — *ити́ть* и мн. др.

Показ семантической структуры слова в словаре был бы очень неполным без показа имеющихся у него фразеологически связанных значений. В словаре по возможности будут учтены и показаны все отмеченные в собранном материале фразеологически связанные значения слов, если эти значения подтверждаются достаточно доказательным иллюстративным материалом. Понятие фразеологии в словаре трактуется очень широко, от неразложимых идиом до относительно устойчивых словосочетаний терминологического типа. Такой широкий подход к фразеологии имеет целью в максимально возможном объеме показать в разной степени несвободные сочетания слов, имеющие диалектный характер, а также структурные типы фразеологических единиц, зарегистрированные в собранном материале. Таким образом, в понятие фразеологической единицы в словаре вкладывается самое разнообразное по объему и характеру содержание, объединяемое признаком ограниченной сочетаемости входящих в данную фразеологическую единицу слов, а также относительной устойчивостью тех или иных словосочетаний. Фразеологически связанные значения слова в словаре показываются после других значений и тоже иллюстрируются соответствующими цитатами. Вот несколько примеров: *в улóг лячь* 'стать бессильным, обессилеть'; *зúбы мыть* 'сплетничать', *не судьбíной* 'очень, в сильной степени', *отвáгу дать* 'оказать знаки внимания, оказать почет'.

Во многих случаях фразеологически связанные значения составляют единственное отличие данного диалектного слова от соответствующего слова литературного языка. Например, слово *глаз*, имеющее то же значение, что и в литературном языке, образует следующие фразеологические единицы: *до глаз* 'очень много'; *не сводíть глаз с глазом* 'не спать, не смыкать глаз'; *при глáz* 'на глазах'; *без глáz* 'без присмотра' (ср. наречие *безгláзно* с тем же значением), *по глázám* (*казáть* и под.) '(говорить) в глаза'. Ср. также фразеологические единицы со словом *рука*: *в горя́чую ру́ку* 'под злую руку'; *промéж рук* 'между делом'; *своёй руко́й* 'без стеснения, не стесняясь'.

Все без исключения определения значений слова не должны быть сведены к краткому описанию цитат, в которых дано употребление этого слова, а должны представлять собой обобщение всего материала, имеющегося в распоряжении составителя и зафиксированного на карточках. <...>

* * *

Большинство слов, помещенных в словаре, являются стилистически нейтральными. Словарь говора д. Деулино в стилистическом отношении вообще более или менее единообразен, потому что он строится на языковом материале одного стилистического пласта — на материале устной разговорной речи. Стилистические пометы в словаре имеют целью выделить сравнительно незначительный слой лексики говора. Они указывают или на область применения некото-

рых слов, или на эмоциональную окраску слова, или же на относительную хронологию появления данного слова в говоре д. Деулино (помета *новое*). <...>

В широком объеме словарь включает в себя и ту лексику, которая, являясь составной частью нейтрального лексического фонда говора, хорошо известна носителям литературного языка и осознается ими как периферия лексики литературного языка, которая стоит на грани его норм или даже за ее пределами и носит несколько неопределенное название просторечной лексики. Это такие нейтральные слова говора, как *ндра́виться*, *жа́литься*, *ка́жный* и многие другие. Этот слой лексики, являясь как бы переходным от диалекта к литературному языку, находится в непрерывном движении: он пополняется за счет диалекта, а литературный язык впитывает в себя все новые и новые слова из этого слоя, которые с течением времени узакониваются нормой и становятся уже лексикой литературного языка. В словаре должны найти свое место все подобного рода слова, которые удастся зафиксировать; этот материал должен послужить основой для изучения процесса пополнения литературного языка диалектной лексикой и для выяснения генезиса так называемого просторечия.

Вопросы и задания

1. К какому типу словарей относится Словарь говора деревни Деулино?
2. В чем преимущества диалектного словаря полного типа по сравнению с дифференциальным словарем?
3. Почему для составления словаря одного говора был выбран говор деревни Деулино?

Ф. П. Сороколетов

ЗАМЕТКИ ПО СЕМАНТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ СЛОВ В ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЯХ¹

Принципы описания семантического содержания слова, выделения отдельных значений и показ соотношения семантических единиц (отдельных значений) в пределах семантической структуры многозначного слова, характеристика условий реализации значения слова, показ его отношения к другим словам и значениям, иными

¹ Сороколетов Ф. П. Заметки по семантической характеристике слов в диалектных словарях // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л., 1986. С. 18–24.

словами — вопрос о смысловой характеристике слова занимает центральное место в теории и практике лексикографии. <...> Заметим также, что в теории лексикографии способы семантической характеристики слов обсуждались прежде всего и в основном на материале лексики литературного языка. Исследований, затрагивающих вопросы семантической характеристики слов в диалектных словарях, пока мало.

В инструкциях по составлению диалектных словарей рекомендации по семантической характеристике слов обычно сводятся к пожеланиям правильно выделять отдельные значения слов, разграничивать значения, оттенки значения и употребления, кратко и четко истолковывать смысл слова. Изложенные в общем виде такие рекомендации и требования далеко не исчерпывают всей проблематики, связанной с семантической разработкой слов в диалектном словаре.

Круг вопросов, относящихся к затронутой проблеме, широк и многообразен: цели и задачи семантической разработки слова, объект и единицы семантического описания, определение состава значений полисемичного слова, демонстрация соотношений семантических единиц в пределах слова (показ семантической структуры слова), характеристика условий их реализации, указание на отношение слова к другим словам, близким по значению или употреблению, то есть раскрытие семантической структуры слова на парадигматическом и синтагматическом уровнях, принципы расположения значений многозначного слова в словарной статье, общие принципы толкования слов и типы дефиниций слов различных категорий, отражение лексической сочетаемости как один из способов дополнительной семантической характеристики — далеко не полный перечень аспектов лексикографической проблематики, связанной с семантической характеристикой слов в словаре¹. <...>

Тип словаря определяет собой тот аспект, в котором будет рассмотрен и показан в словаре языковой материал — то есть определяет собой объем и характер словника, принципы показа семантической структуры слова и полноту его разработки и другие аспекты словаря. Но и языковой материал, его характер, его полнота и степень изученности влияют на характер словаря, определяют его тип. <...>

Типологически системные отношения в лексике говоров и в словарном составе литературного языка одинаковы. Это позволяет успешно применять при лингвистическом анализе и лексикографическом описании лексики диалекта и литературного языка одни и те же методы и приемы, разработанные для «литературной» лекси-

¹ Свидетельством важности этих вопросов является глубокий интерес к ним языковедов в последние десятилетия: Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, Р. И. Аванесов, С. И. Ожегов, Ф. П. Филин, А. М. Бабкин, Л. С. Ковтун, П. Н. Денисов, Л. Ельмслев, Ж. Дюбуа, Л. В. Копецкий, Г. Вариг, У. Вейнрейх и др. языковеды много и плодотворно трудились над решением этих проблем.

кологии и лексикографии. Вместе с тем диалектная лексикология и лексикография в силу специфики лексико-семантической системы говора имеют свои особенности¹.

Диалект — это устная разновидность общенародного языка, нормы которого закреплены только в устной традиции. На характер этих норм решающий отпечаток накладывает то обстоятельство, что в современных условиях нет социальной необходимости в их сохранении и закреплении. Это способствует возникновению в диалектах вариантов различного типа, которые в равной степени нормированы. В диалектном словаре должны найти место все эти варианты. Однако для этого необходимо собрать весь комплекс относящихся сюда фактов и явлений². <...>

Большие трудности вызывает вопрос о границах диалектного слова и о «пределах тождества слова — при многообразии его фонетико-морфологических и предметно-смысловых превращений и изменений»³, то есть разграничении полисемии и омонимии. Разграничение полисемии и омонимии следует понимать как установление границ диалектного слова на семантическом уровне. Выработка четких критериев при этом является главным условием, от которого зависит решение и других связанных с нею задач.

Правильное выделение отдельных значений представляет основную задачу лексикографии и связано с большими трудностями. Эти трудности возрастают при лексикографической разработке диалектной лексики, что связано прежде всего со спецификой диалектного слова и особенностями его функционирования. В диалекте как в разновидности устной речи значение слова само по себе нигде не зафиксировано, не сформулировано — оно выводится составителями из совокупности контекстов, в которых употребляются слова, количество которых часто ограничено, что не позволяет в иных случаях установить точный смысл слова (невладение диалектом как «родным языком» также способствует этому). Из этого иногда делаются выводы о том, что в диалектном словаре проблема разграничения значения и употребления слова стоит не так остро, как в словаре литературного языка. С таким утверждением согласиться нельзя. <...>

В диалектном словаре, отражающем лексику одной системы, можно и нужно с достаточной полнотой показать особенности семантической структуры слова: различные типы лексических значений

¹Этой проблеме посвящены многие работы современных диалектологов: Р. И. Аванесова, Б. А. Ларина, Ф. П. Филина, Л. И. Баранниковой, И. А. Оссовецкого, Н. И. Толстого, О. И. Блиновой, О. Н. Мораховской, О. Д. Кузнецовой и мн. др.

²См. об этом подробнее: *Кузнецова О. Д.* Из лексикографической проблематики // Диалектная лексика. 1982. Л., 1985.

³*Виноградов В. В.* Слово и значение как предмет историко-лексикологического изучения // *Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 39.

слова (по В. В. Виноградову — прямые, переносные, фразеологически связанные, контекстуально обусловленные), оттенки значения и особенности употребления, являющиеся модификацией значения. Только этот словарь будет отражать реально существующее семантическое целое — сумму значений и смыслов, присущих слову в одной лексико-семантической системе.

Раскрытие смысловых связей слова со словами однокоренными, показ межсловных семантических связей и отношений также должны стать одной из задач такого словаря.

В языке нет и не может быть слов, изолированных в семантическом отношении. Каждое слово многочисленными нитями связано со значениями других слов. Это синонимические, паронимические, антонимические, словообразовательные связи, связи значений полисемантического слова и т. д. и т. п. В словарном составе языка, безусловно, выделяются так называемые замкнутые группы слов с более сильными связями между словами внутри этих групп и с более слабыми связями на границах этих групп. Но, вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что и на границах этих групп, то есть между группами, также существуют разнообразные связи и отношения.

Изучение лексики в составе лексико-семантических объединений позволяет определить место данного семантического поля в лексической системе языка, в общей системе разноуровневых (морфологических, синтаксических, словообразовательных и лексических) средств выражения, позволяет лучше понять семантические, деривационные и функциональные связи между различными частями речи, входящими в это поле, охарактеризовать парадигматические и синтагматические особенности. Иными словами, исследование лексики в составе лексико-семантических объединений позволяет дать парадигматическую, семантическую, синтагматическую, деривационную и функциональную характеристику единиц такого объединения, выявить связи и отношения между его единицами внутри поля, а также его внешние связи и отношения. <...>

Основу семантического анализа должны составлять поиски дифференциальных признаков значения и построения определений, необходимых и достаточных для разграничения смысла слов. Очевидно, что проблематика, в обсуждении которой заинтересованы лексикографы, чрезвычайно широка, сложна и разнообразна — она выходит далеко за пределы сугубо лексикографических интересов и вторгается в область семантики, логики и специальных отраслей знания.

Вопросы и задания

1. Как в диалектном словаре подается информация о семантике слова?
2. Как в словаре отражаются семантические связи слов?

О СЛОВАРЕ ВОСТОЧНОЙ БРЯНЩИНЫ¹

С 1951 года в связи с составлением «Диалектологического атласа русских народных говоров» кафедра русского языка ЛГПИ им. А. И. Герцена начала работу по собиранию материалов в Брянской области. В течение трех лет из 29 районов области силами кафедры обследован 21 район.

Диалектологические материалы, впервые собранные по единой программе², позволили прийти к выводу, что говоры Брянской области по основным фонетико-морфологическим особенностям составляют особую группу южнорусских говоров, неоднородную в своей основе³. Накопленные материалы позволяют выделить по крайней мере две основные группы брянских говоров: западную и восточную.

Говоры западных районов области имеют некоторые ярко выраженные белорусские особенности: дзеканье, твердое Р на месте русского литературного мягкого, твердое произношение Ч⁴. В восточных районах наблюдаются некоторые явления, общие для белорусского языка и южновеликорусских говоров: употребление У на месте Л в глухом положении, отсутствие перехода Е в 'О под ударением в формах 2-го лица глаголов. Кроме того, здесь имеют место некоторые южнорусские черты, не свойственные белорусскому языку, напр.: непереходное смягчение заднеязычных согласных (стóлькя), форма на **-е** в род. п. ед. ч. сущ. на **-а**: у **сястрé**, с **Масквé**⁵.

Факт неоднородности фонетико-морфологических особенностей заставляет думать о взаимоотношении брянских говоров с белорусским языком и южнорусскими говорами, что представляет несомненный интерес для историков русского языка. Не меньшее значение по сравнению с грамматическими особенностями имеет и словарный состав языка Брянской области. Поэтому в 1957 г. на кафедре было принято решение собрать лексический материал в восточной части области и составить Областной словарь брянских говоров. Мы ограничили себя восточной Брянщиной, потому что по западной Брянщине

¹ Чагишева В. И. О словаре восточной Брянщины // Псковские говоры. I. Псков, 1962. С. 272–280.

² Программа собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1947.

³ Чагишева В. И. О брянских говорах // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 130. С. 212, 1957.

⁴ Там же. С. 175–212.

⁵ Там же.

уже составлен словарь П. А. Расторгуевым¹. Деление на восточную и западную Брянщину целесообразно и по разным историческим судьбам востока и запада области. <...>

Приступая к составлению Областного словаря, необходимо, во-первых, определить границы территории восточной Брянщины, исторически сложившейся примерно в период образования трех восточнославянских народностей; во-вторых, установить принцип отбора материала для словаря.

Четкой границы между западной и восточной Брянщиной провести нельзя. Вслед за П. А. Расторгуевым², к западной Брянщине относим 12 районов области³, прилегающих к БССР: Гордеевский, Злынковский, Климовский, Клинцовский, Красногорский, Мглинский, Новозыбковский, Погарский, Почепский, Стародубский, Суражский, Унечский.

К восточной Брянщине относим следующие районы области: Брянский, Брасовский, Выгоничский, Дубровский, Дятьковский, Жуковский, Карачевский, Клетнянский, Комаричский, Навлинский, Рогнединский, Севский, Суземский, Трубчевский.

Основанием для такого деления служат исторические данные.

В XIII–XIV вв. территория современной Брянской области входила в состав Черниговского княжества. До татарского нашествия главными уделами Черниговского княжества были: собственно Черниговский, Новгород-Северский и Курский и менее значительными: Путивльский, Рылский и Трубчевский. С течением времени эти уделы дробились, увеличивались в числе и уменьшались в величине; в XIV ст. удельная раздробленность Черниговского княжества достигла наибольшей степени. Появляются уделы: Стародубский, Сновский, Гомельский, Ропеский, Карачевский, Брянский, Новосильский, Белевский и др.

Города южных черниговских уделов были большими центрами, находились в степной полосе и чаще подвергались нападению татар. Более спокойным и независимым положением пользовались северные уделы, находившиеся в лесной местности. Города Чернигов, Глухов, Путивль, Курск и были теми большими центрами, которые чаще разорялись. В XIV в. Чернигов теряет свое первенствующее значение, и центр жизни Черниговского княжества передвигается

¹ *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров западной Брянщины // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. 1954. № 6. В статье П. А. Расторгуев знакомит читателя с методом собирания и принципом отбора слов для словаря. Цель словаря — дать материал для истории народных говоров западной Брянщины, поэтому в нем должны быть показаны прошлое и настоящее словарного состава говора и постоянно происходящие в нем изменения. Словарь приготовлен к изданию и находится в Институте русского языка АН СССР.

² *Расторгуев П. А.* Указ. соч. С. 111.

³ Приводим перечень районов по административному делению 1958 года. Всего в Брянской области 26 районов.

на север, от низовьев Десны и Сейма к верховьям этих рек и реки Оки. Важнейшим становится Брянский удел. Брянские князья были вместе с тем великими князьями черниговскими¹.

Надо полагать, что в XIV в. на территории современной восточной Брянщины сложилось три удельных княжества, а именно: Брянское, Карачевское, Трубчевское. <...>

На севере брянские владения граничили со смоленскими; на юго-западе и юге границей Брянского княжества были владения трубчевские; на востоке и северо-востоке — владения Карачевского княжества. Карачевское княжество было очень велико. На севере его владения сходились со смоленскими и московскими; на западе карачевские земли соприкасались со смоленскими и брянскими; на юге — с трубчевскими; на востоке — с новосильскими и тарусскими. Трубчевский удел окружали земли брянские, карачевские и новгород-северские².

В 60–70-х годах XIV в. Чернигово-Северская земля попала под власть Ольгерда. Чернигов и Новгород-Северский Ольгерд отдал Корибуту, а Трубчевск — другому брату, Дмитрию (державшему и Брянск), подчинил своему влиянию княжества Карачевское, Новосильское и др. В 1379–1380 годы московской ратью под начальством Владимира Андреевича с участием Андрея Ольгердовича были взяты Трубчевск, Стародуб и Брянск. Поход этот свидетельствовал о непрочности позиций Литвы. Русско-литовская война, продолжавшаяся в течение XIV–XV вв., ясно обнаружила тяготение русских земель Великого княжества Литовского к Руси. В начале XV в. большая группа князей и бояр Новгород-Северского княжества отъехала ко двору московского князя. Почти все белорусские земли, значительная часть украинских (в том числе южные и западные уделы Черниговского княжества) оставались в составе великого княжества Литовского на протяжении XVI и первой половины XVII в.³

Приведенные исторические сведения позволяют нам провести приблизительную границу между западной и восточной Брянщиной. Изучение словарного состава с учетом фонетико-морфологических особенностей поможет решить этот вопрос более точно, так как в областной лексике находит отражение материальная и духовная культура прошлого нашего народа. Если не в активном, то в пассивном словарном запасе местных жителей сохранились слова, называющие предметы и действия, связанные с основными занятиями и домашними промыслами населения (земледелие, пчеловодство, плетение лаптей, бондарное производство и др.), слова, обозначающие обычаи, привычки, нравы, моральные качества человека, взаимоот-

¹ *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 187–191.

² Там же. С. 191–192.

³ Очерки истории СССР, IX–XV вв. Ч. II. М., 1953. С. 522–556.

ношения людей в обществе и семье, явления природы, стихийные бедствия. В восточной и западной Брянщине возможны разные термины для обозначения одних и тех же понятий.

В словарь восточной Брянщины входят слова, извлеченные из разных источников и составляющие в настоящее время единую картотеку.

I. Основным материалом картотеки является лексика, собранная во время специальных экспедиций в Брянскую область (около 50 000 карточек).

Пополняется картотека также за счет печатных и рукописных источников. <...>

При собирании материала мы поставили перед собой задачу — зафиксировать с возможной полнотой областную лексику, отражающую все стороны жизни человека и окружающей его природы. Нами не включаются в картотеку слова литературного языка, не имеющие диалектных синонимов¹ ни в одном из русских говоров, такие как: **человек, звезда, вода, камень, белый, черный, нести, вести** и т. п. Но слова, служащие обозначением предметов домашнего обихода, орудий производства, средств передвижения и т. п., напр.: **ухват, горшок, соха, сани** и др., которые не имеют диалектных синонимов в изучаемом нами говоре, но могут иметь их в других говорах, являются предметом наших наблюдений в такой же степени, как и любое областное слово. Невключение подобных слов в словарь вызовет неправильное представление о лексике говора или заставит читателя думать, что какая-то группа слов выпала из поля зрения собирателя.

Естественно, что в восточных районах Брянской области, как и в любом местном говоре, преобладают слова, являющиеся общенародными. Большое место занимает также лексика областная, широко распространенная в разных говорах. Собственно местные слова, известные только в данном говоре, в количественном отношении немногочисленны. Они могут быть выявлены лексикологами только в результате специальных исследований². Учитывая это, в материалах для Областного словаря восточной Брянщины выделяем следующие лексические группы:

1) Слова, являющиеся общими для литературного языка и брянских говоров, напр.: **бабка** — ‘надкопытный сустав ноги у животного’. **Стреха** — ‘свисающий край соломенной крыши’.

2) Областные слова, которым в литературном языке соответствуют общенародные понятия, напр.: **рез** — ‘межа в виде глубоко вспаханной полосы, разделяющая поля двух больших хозяйств,

¹ Диалектными синонимами условно называем диалектные слова по отношению к словам литературного языка.

² *Родионова А. М.* Лексика говоров Навлинского района Брянской области: автореф. дис. ... канд. наук. Л., 1956.

в дореволюционное время — двух сельских обществ (у государственных крестьян) или двух помещичьих хозяйств, в настоящее время — двух колхозов'. **Нехотяка** — 'ленивый человек, делающий что-либо против своей воли или с большой неохотой'.

3) Слова, имеющие в местных говорах иное значение, чем в литературном языке. Их можно назвать омонимами к литературным словам, напр.: **улица** — 'проезд между двумя дворами, который ведет на гумно'. На 3–4 двора одна улица.

4) Слова, имеющие более узкое значение, чем в литературном языке, напр.: **красить** — 'изменять только в красный цвет'.

5) Слова, отличающиеся от литературных по словообразованию, напр.: **вонки** — наречие 'вон', **домов** — наречие 'домой', **долов** и **доловки** — наречие 'долой'.

6) Слова, отличающиеся флексийными формами, напр.: **искать**: 1 л. -ску, 2 л. -скешь, 3 л. -скеть; **тесть**: род. п. -стя, дат. п. -стю и т. д.

7) Слова, отличающиеся лексикализовавшимися фонетическими особенностями, напр.: **цапог** — 'сапог', **черево** — 'чрево', 'живот', 'желудок'.

В материалах картотеки представлены знаменательные и незнаменательные части речи (существительные, прилагательные, глаголы и др.). В количественном отношении преобладают существительные и глаголы, беднее всего отражены числительные, так как для обозначения количества и порядка употребляются в основном общепринятые обозначения.

Из существительных входят слова, обозначающие названия конкретных бытовых предметов, напр. **ку́бел** — 'укладка типа кадки, с крышкой, может запирается на замок, служит для хранения домашних вещей и продуктов'; **на́пол** — 'деревянная долбленая кадушка со вставным дном и крышкой, служит для хранения зерна и муки'; **ки́чка** — 'головной убор замужней женщины'; слова, связанные с каким-либо местным производством, напр., **ирха** — 'узкая полоска кожи (очищенной от меха), которая вставляется в шов одежды из овчин'; отвлеченные понятия, напр.: **облаёд** — 'обжора'; **доле-го́йда** — 'бездельник, который любит заниматься пустыми разговорами'; **смётница** — 'сплетница'; прозвища людей, напр. **косо-брóдец** — 'прозвище человека, который много ездил в поисках лучшей жизни, нигде долго не жил и, наконец, вернулся на родину'.

Есть случаи обозначения одного понятия двумя словами, которые употребляются в разных районах области или в разных населенных пунктах одного района, напр. **вено** — 'плата в виде надела земли или денег, которая давалась отцом невесты жениху в том случае, когда невеста была с каким-то пороком' (с. Н.-Троицк., Клетн. р-н); **поса́га** — в том же значении, что и **вено** (с. Лутна, Клетн. р-н). Наряду с синонимикой такого рода наблюдается употребление одного слова в двух и более значениях, напр. **рез** — 'межа в виде

глубоко вспаханной полосы, разделяющей поля двух больших хозяйств' (с. Деньгуб, Рогнед. рн.); **рез** — 'прокашиваемый или прокошенный луг в ширину одновременного захвата косцами'. Косцов может быть разное количество, от 1 до 10. Длина **реза** равна длине надела луга.

Наличие в говоре синонимов и омонимов говорит о необходимости при обработке материала делать указания на территорию распространения слова внутри области (назв. населенного пункта и района).

Ценным материалом для словаря следует считать слова, являющиеся архаическими для современного русского литературного языка, известные нам по древнерусским памятникам и произведениям XVI–XVII вв.; таковы: **смáга** — 'сухость во рту при жажде', **истóпчина** — 'дом с примыкающими к нему хозяйственными постройками', **стегно** — 'бедро', **кошóля** — 'мужская рубашка', **отрута** — 'отрава', **драчѐна** — 'неженка' и мн. др. Многие из этих слов до сих пор сохранились в ряде южнославянских и западнославянских языков и не сохранились ни в русском литературном языке, ни в большинстве русских диалектов.

Разнообразна глагольная лексика говора. Выделяется группа глаголов, имеющих иное значение, чем в литературном языке, напр. **трудиться** — 'страдать', 'жить в тяжелых материальных условиях', **травить** — 'использовать на корм', а также глаголы, неизвестные литературному языку, напр.: **тѣмиться** — 'казаться', **щипенуть** — 'вспомнить'. Многочисленны глаголы с приставкой **по-**, которая вносит в значение дополнительный оттенок повторяемости действия, напр. **потравить** — 'израсходовать, использовать на корм', **поскубить** — 'пощипать шерсть, приготовить для прядения'.

Несмотря на немногочисленность, заслуживают внимания прилагательные. Наиболее употребительны качественные прилагательные, напр.: **сердóвóй** — 'пожилой, человек лет 50–55'; **коля́ный** — 'твердый'; **отмо́тный** — 'отчаянный'. Интересны относительные прилагательные со значением цвета и определения местоположения, напр.: **однока́тный** цвет — 'однотонный, любого цвета'; **куто́вой** — 'угол в жилом помещении у русской печки', **оба́польный** — 'близлежащий, находящийся по соседству'.

Из незначительных частей речи представляют интерес предлоги, с употреблением которых связано отличное от литературного языка управление, напр.: предлог **в** с вин. пад. в значении 'за' с творит.: **идти в ягоды**; **от** с род. пад. в значении указания на материал, из которого изготавливается предмет: **рубаха сшита от холста**.

Для решения вопросов, связанных с историей края, большое значение имеет изучение топонимики. На территории Брянской обл. сохранилось немало собственных имен, упоминаемых в древнерусских памятниках письменности, напр.: с. **Вщиж** (Дятьковский р-н), с. **Глинное** (Навлинский р-н), с. **Гошь** (Карачевский р-н), река

Рвачка (Рогнединский р-н) и мн. др. Поэтому в нашей картотеке специальный раздел составляет топонимика. Среди записей имеются названия, фонетическая огласовка которых может быть возведена к общеславянской эпохе, напр.: с. **Кветунь** (Трубчевский р-н) (археологические раскопки 1956 г. в Трубчевском р-не позволяют считать с. Кветунь одним из древних населенных пунктов). В основу некоторых названий положены собственные имена, известные из истории, напр.: с. **Рогнедино**. В живой речи это название подверглось фонетическому видоизменению: **Рогнедино** — **Логнедино**, в картотеке нашли отражение оба названия, так как словарь должен сохранить для истории древнее название, а также более позднее, местное.

Данные картотеки позволяют судить о богатстве выразительных средств, которыми пользуются жители восточной Брянщины. Записаны устойчивые словосочетания типа **рябиновая ночь** — ‘неспокойная ночь’, **рожь в пяточках** — ‘рожь начала колоситься’; фразеологические выражения: **земля лопнет** — **чёрт вылезет** — в значении ‘жених найдется’, **она на лицо как яйцо, а внутри как бóлтень** — ‘красивая, но больная или бездельница’, **у каждого кота своя забота, не первый раз старцу костыли носить** — ‘не первый раз встречаться с трудностями’.

Таким образом, в словарь должны будут войти знаменательные и незнаменательные части речи, топонимические названия, устойчивые словосочетания и фразеологические выражения.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы могут служить основой для словаря восточной Брянщины.

Вопросы и задания к разделу

Ознакомившись со статьями раздела, охарактеризуйте лексикографические принципы диалектных словарей.

ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ

Р. И. Аванесов

Лингвистическая география и структура языка¹

Предисловие

<...>

Лингвистическая география, возникшая в последней четверти XIX в., в течение XX в. сделала огромные успехи. Были созданы национальные атласы ряда европейских языков. Составлялись также многочисленные атласы более специальные, для отдельных ограниченных территорий. За последние десятилетия значительно продвинулось лингвогеографическое изучение славянских языков. В настоящее время работа по составлению атласов отдельных славянских языков ведется во всех славянских странах. В Советском Союзе составляются атласы русского, украинского и белорусского языков. Ведутся также работы по лингвистической географии других языков народов Советского Союза. Все это делает теоретические вопросы лингвистической географии актуальными для современного языкознания. <...>

Глава первая. Лингвистическая география и структура языка

I. К вопросу о структуре языка как целого

Современный русский язык, как и любой национальный язык, в отношении своей структуры представляет собой весьма сложное и многообразное явление. В разных сферах употребления он во многом различен, но в то же время всегда остается самим собой. <...> Един-

¹ Аванесов Р. И., Бромлей С. В., Булатова Л. Н., Жуковская Л. П., Кузьмина И. Б., Немченко Е. В., Орлова В. Г. Вопросы теории лингвистической географии / под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962. С. 3–25.

ство русского языка сказывается в общности решающих элементов грамматического строя, ряда принципиальных элементов фонематической системы, <...> основного словарного фонда — при наличии более или менее существенных специфических различий во всех элементах строя языка в разных территориальных и функционально-стилистических разновидностях. Таким образом, русский язык как целое образует не простую сумму выделяемых с той или иной точки зрения своих разновидностей, четко разграниченных между собой, представляющих внешне по отношению к друг другу объекты, а систему взаимно проникающих разновидностей, каждая из которых объединяется с теми или иными разновидностями по одним элементам своей структуры и противопоставляется им по другим. <...>

Идея о том, что язык образует систему, есть, вне сомнения, величайшее завоевание современного языкознания, идущее еще от И. А. Бодуэна де Куртене и укрепившееся в учении Ф. де Соссюра. <...>

III. Территориальное варьирование системы языка и элементы теории диалектного различия

Изучая диалектную речь в разных пунктах распространения русского языка, среди различительных черт можно выделить прежде всего черты, не соотносительные для разных частных (диалектных) систем, другие — соотносительные. Первые — это такие элементы данной частной (диалектной) системы, для которых в других частных (диалектных) системах отсутствуют непосредственные эквиваленты. Это так называемые *н е п р о т и в о п о с т а в л е н н ы е* диалектные различия. Такие особенности в наибольшей степени известны для лексики: в одной из частных систем имеется слово со своим определенным значением, в то время как в других частных системах отсутствуют не только это слово, но и другие слова в качестве его непосредственных эквивалентов. Эти особенности чаще всего связаны со специфическими явлениями, относящимися к материальной и духовной культуре, к исторически сложившимся понятиям и обычаям, к различиям в условиях природы. Так, например, слова, обозначающие понятия, связанные с лесным промыслом, обжигом угля, выгонкой дегтя, имеются в говорах местностей, изобилующих лесами, в то время как в безлесных местностях их нет, так как отсутствуют у говорящих соответствующие понятия. В говорах карельского северо-запада имеется слово *стáрина* 'былина', которого нет на других территориях ввиду отсутствия у носителей говоров этих территорий соответствующего жанра народной поэзии. В других случаях наличие слова на одной территории и его отсутствие на другой непосредственно не обусловлено различиями в материальной или духовной культуре и природных условиях: у носителей разных частных диалектных систем имеется данное понятие, однако в одной из частных систем для него есть специальное слово. Например,

слово со значением ‘хорошая погода’ — *вёдро*, имеющееся в одних говорах и отсутствующее в других.

Непротивопоставленные диалектные различия могут относиться к грамматическому строю, а также, возможно, к фонематической системе. <...>

Однако значительно большее значение имеют соотносительные различительные черты, т. е. *противопоставленные* диалектные различия, которые известны гораздо шире и могут относиться к любому уровню структуры языка. Соотносительные различительные элементы разных частных диалектных систем выделяются именно как противопоставленные благодаря тому, что они находятся в определенных закономерных отношениях друг к другу, представляя собой тождество в одном отношении и различие в другом. Благодаря этим соотношениям такие различительные элементы образуют то, что мы провизорно называем соответственным явлением. Последнее представляет собой такой элемент общей системы языка, который в отдельных частных системах выступает в разных своих проявлениях, в разных своих членах. Поэтому соответственное явление всегда двучленно или многочленно. При этом разные члены одного соответственного явления в принципе взаимно исключаются в одной частной системе и, напротив, замещают друг друга в разных частных системах, образуя своего рода тождество в каком-либо отношении при одновременном различии в другом отношении. Например, такие диалектные различия, как *нетух* : *кочет* (тождество значения при различии слов), [гус’] : [γус’], [гос’т’] : [γос’т’] и др. (тождество слов при различии в образовании фонемы «г»)¹, *пахать* ‘обрабатывать почву’ : *пахать* ‘мести пол’ (тождество звуковой оболочки при разных значениях), *у сестры* : *у сестре* (тождество типа склонения и падежа при различии в фонеме флексии, выраженной одной фонемой, и потому, следовательно, при различии в флексии) и т. д. <...>

Каждый из соотносительных диалектных вариантов есть элемент разных частных диалектных систем. Совокупность этих вариантов в их межсистемных отношениях образует соответственное явление как элемент общей системы языка, представляющее собой противопоставленное диалектное различие. <...>

Характер соответственных явлений, образующих диалектное различие, в зависимости от более или менее широкого охвата языковых фактов может быть весьма различен. Одни из них охватывают единичный факт — слово, другие — ограниченные в лексико-грамматическом отношении группы слов, третьи — принципиально неограниченный ряд фактов, образующих цельные звенья или элементы языковой системы. Например, следующие соответственные

¹ В кавычках обозначаем фонему общей системы языка, языка в целом, которая в разных частных (диалектных) системах может принимать различные формы: в данном случае «г» может иметь формы [г] и [γ].

явления охватывают одно слово в каждой из частных диалектных систем: *петь* (песни) : *играть* (песни), *ухват* : *рогач*, *тропинка* : *стежка* (разные названия одного предмета или понятия), *кут* ‘угол’ : *кут* ‘лавка’ : *кут* ‘зуб’, *пахать* ‘обрабатывать почву’ : *пахать* ‘мести пол’ (разные значения одного слова или, во всяком случае, одного звукового комплекса), *он* : *вон* : *йон*, *острый*: *вострый*, *кринка* : *крынка* (различия в составе фонем одного слова), *засуха*: *засу́ха*, *вёсело*: *весело́* (различия в месте ударения одного слова). Примером соответственного явления противоположного типа, охватывающего принципиально неограниченный ряд фактов, может служить оканье : аканье в 1-м предударном слоге после твердых <...>.

IV. Структура диалектного языка и лингвистические карты

Объектом картографирования в диалектологическом атласе русского языка в принципе является не произвольно выхваченный языковой факт, по тем или иным причинам оказавшийся в поле внимания исследователя, а диалектное различие, характер и объем которого, а также место в структуре языка объективны, не зависят от исследователя и определяются самим данным языком на данном этапе его развития. <...>

Объектом лингвистического картографирования является любое диалектное различие вне зависимости от того, к какому уровню системы языка (фонематической системе, грамматическому строю, словарному составу) оно относится и охватывает ли оно единичный факт, группу таких фактов или в принципе неограниченный их ряд. <...>

V. Структура диалектного языка и вопрос об интерпретации данных лингвистической географии

Для интерпретации данных лингвистической географии важен тот факт, что по отношению к историческому развитию структуры языка один из членов соответственного явления, составляющих диалектное различие, обычно представляет собой сохранение старины (архаизм), а другой (или другие) — черту новую (новообразование или заимствование). Один из членов диалектного различия может восходить к глубокой древности, но диалектное различие как таковое появляется лишь тогда, когда рядом с ним, на другой территории появляется другой член, представляющий новообразование. Например, форма *свекры*, сохранившаяся в говорах южного Подмосковья, восходит к праславянщине, но диалектное различие *свекры* : *свекровь* : *свекрова* восходит к той относительно поздней эпохе истории русского языка, когда появились две другие формы им. падежа ед. числа этого слова. Точно так же слово *конь* является

праславянским по происхождению, но диалектное различие *конь* : *лошадь* появилось лишь тогда, когда в части восточнославянских диалектов слово *конь* было заменено словом *лошадь* <...>.

Из всего сказанного вытекает, что характер изоглоссы, ее конфигурация, лингвистический «ландшафт» сами по себе еще не объясняют истории явлений, ибо один и тот же «ландшафт» может появиться разными путями, в результате разных процессов и при разных исторических условиях. Изоглосса есть продукт всего пройденного данным языком исторического пути развития. Поэтому простое сопоставление изоглосс с историческими картами того или иного периода далеко не всегда может помочь выяснению истории соответствующих явлений. Иначе говоря, из лингвистических карт нельзя непосредственно вывести историю языковых явлений и диалектов. Однако лингвистическая география оказывается чрезвычайно важной для истории языка и исторической диалектологии и может помочь установлению пути развития данного явления, времени его возникновения и первоначальной территории его распространения, если одновременно с территориальным распространением языкового явления изучается внутренняя история данного явления во всех его разновидностях, учитывается относительная хронология языковых явлений, используются данные языка письменных памятников и все эти языковые данные сопоставляются с данными истории, материальной культуры, исторической географии, археологии разных эпох.

Вопросы и задания

1. Какова структура национального языка?
2. Что такое противопоставленные и непротивопоставленные диалектные различия?
3. Что является объектом картографирования в ДАРЯ?
4. Что дают материалы ДАРЯ исследователям?

С. В. Бромлей

История создания РУССКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА¹

Разработка лингвогеографического подхода к изучению русских говоров имеет длительную историю, уходящую своим началом в дореволюционный период развития отечественного языкознания.

¹ Бромлей С. В. История создания русского лингвистического атласа // Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. М., 1986. С. 3–13.

Если не касаться этой более далекой истории — второй половины XIX в. (работ таких ученых, как В. И. Даль, М. А. Колосов, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, Е. Ф. Будде и др.), когда эта деятельность еще не носила достаточно организованного и целенаправленного характера, — то лингвогеографическое изучение русских диалектов следует связывать прежде всего с деятельностью Московской диалектологической комиссии (МДК — основана в 1904 г.). Плодом ее усилий в этом направлении явилось создание диалектологической карты русского языка — первой группировки говоров, выполненной на основе учета нескольких языковых признаков. Описание в этом труде диалектных подразделений русского языка (в понятие которого авторами включались также белорусский и украинский языки, соответственно понимаемые как его белорусское и малорусское наречия) составлено на основе учета сведений, специально для этого собранных анкетным методом, а также всех накопленных к тому времени данных о восточнославянских говорах¹.

Мысль о необходимости создания диалектологического атласа русского языка возникла как естественное развитие этой же линии диалектологических исследований, в значительной мере вследствие неудовлетворенности ограниченностью данных, с учетом которых устанавливались на карте МДК границы между наречиями и другими территориальными подразделениями языка, и желания отразить непосредственное географическое распространение языковых черт, служащих для их выделения². Однако между выдвижением идеи и началом ее практической реализации прошел достаточно большой промежуток времени, который следует рассматривать как подготовительный этап работы над атласом. С середины 30-х годов в Ленинграде в Институте языка и мышления АН СССР была начата работа по составлению вопросника для атласа³, в которой приняли участие В. И. Чернышев, Ф. П. Филин, Б. А. Ларин. На базе собранного по «Вопроснику» материала был создан пробный атлас небольшой территории, примыкающей к оз. Селигер⁴, а также велось картографирование говоров северо-запада Европейской части СССР. С 1939 г. в Институте языка и письменности народов СССР АН СССР в Москве под руководством Р. И. Аванесова, заведовавшего в то время сектором славянских языков, начала работать московская

¹ Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии / сост. члены комиссии Н. Н. Соколов, Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушаков // Труды московской диалектологической комиссии. М., 1915. Вып. 5 (далее именуется «Опыт...»).

² Эти соображения были высказаны А. И. Соболевским в его рецензии на «Опыт...»; см.: Журнал министерства народного просвещения. 1915. Июнь. С. 401.

³ «Вопросник для составления диалектологического атласа русского языка» (впервые был издан в 1939 г. в Куйбышеве и Вологде; он неоднократно переиздавался позже до 1954 г. включительно; далее именуем «Вопросник»).

⁴ Мальцев М. Д., Филин Ф. П. Лингвистический атлас района озера Селигер. Л., 1949.

группа диалектологов, в которую на первоначальном этапе входили и некоторые члены МДК. Было признано необходимым составление новой, расширенной программы собирания данных для атласа ввиду недостаточной разработанности в «Вопроснике» многих языковых явлений. Проект программы подвергся здесь и первой проверке в экспедиционных условиях.

Этот подготовительный период, прерванный Великой Отечественной войной, завершился лишь в середине 40-х годов, когда работа по созданию диалектологического атласа русского языка была сосредоточена в Институте русского языка АН СССР. С этого времени началась планомерная практическая работа над Атласом. Был выработан общий перспективный план его создания, правда, впоследствии несколько измененный. В 1945 г. была утверждена «Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (в дальнейшем именуем «Программа»), составленная под руководством Р. И. Аванесова, Б. А. Ларина и Ф. П. Филина¹. В обсуждении «Программы» еще на стадии проекта принимал участие широкий круг специалистов в области истории языка и диалектологии на специально для этого организованных совещаниях в Вологде (1944) и Москве (1945).

Из старого «Вопросника» в «Программу» с незначительной переработкой вошел раздел лексики, было несколько увеличено число вопросов, посвященных синтаксическим различиям. Разделы фонетики и морфологии были созданы для нее заново. «Программа» в конкретной разработке вопросов, касающихся отдельных сторон языка, отражает состояние изученности русских говоров к моменту ее составления. В ней наиболее полное и детальное освещение получили явления фонетики (в особенности многие вопросы безударного вокализма), в меньшей мере, хотя и достаточно полно, отражены основные различия русских говоров в области морфологии. В этих разделах наиболее ярко отразилось стремление к изучению русских говоров методами лингвистической географии с позиций системного подхода к явлениям языка, характерного для того направления в лингвогеографии, которое сложилось в ходе работы над диалектологическим атласом русского языка. Явления же, относящиеся к области синтаксиса и лексики, представлены в «Программе» фрагментарно; внимание в этих разделах «Программы» уделяется отдельным фактам языка без должного учета системных связей. В состав «Программы» вошел также и ряд инструктивных статей, написанных Р. И. Аванесовым и В. Г. Орловой, часть из которых не вошла в последнее академическое издание 1947 г.

¹ Впервые «Программа» была опубликована в 1945 г. Ярославским пединститутом и далее выдержала ряд изданий, в числе которых издание Академии наук СССР (М.; Л., 1947). «Программа» без всяких сопроводительных материалов публикуется в настоящем Атласе.

Ввиду обширности территории распространения русского языка в РСФСР изучение его методами лингвогеографии в пределах всей этой территории, по крайней мере в качестве ближайшей задачи, явилось бы делом практически неосуществимым. К тому же следует иметь в виду одновременное освоение (частью достаточно позднее) многих частей этой территории русскими, причем не только тех, которые лежат за Уральским хребтом, и Сибири, но и в пределах Европейской части территории РСФСР: в восточных и юго-восточных ее областях. Контакты на всех этих территориях с нерусским населением обусловили своеобразие в развитии здесь русского языка и наличие в нем субстратных явлений, а различие колонизационных потоков из разных областей центральной России создали диалектную пестроту и чересполосицу. Для многих окраинных областей этой территории характерна неповсеместная распространенность и самого русского населения, которое бытует здесь вперемежку с нерусским¹. Все это в значительной степени обособляет в лингвистическом отношении территории позднего заселения от территории Центра Европейской части СССР, где русское население издавна составляло сплошной массив, образовав ядро русской нации. Здесь в течение длительного периода феодальной Руси, корнями уходя и в более раннюю эпоху, складывались и основные диалекты русского языка как его устойчивые территориальные разновидности, трансформацией которых и являются современные русские говоры. Именно в связи с этим говоры на территории исконного заселения и на территории позднейшей колонизации представляют собой в значительной степени разные объекты картографирования. <...>

Учитывая совокупность этих обстоятельств, территорию атласа решено было ограничить Центром Европейской части СССР. <...> На юго-западе и западе границей территории атласа служат административные границы с УССР и БССР. Граница с УССР близко совпадает с соответствующей языковой границей между русским и украинским языками, в особенности по изоглоссам фонетических и грамматических явлений. На территорию РСФСР заходят лишь отдельные украинские явления из области лексики². Языковая же граница между русским и белорусским языками вообще в значительной степени размыта, и административная граница с БССР отражает ее далеко не столь отчетливо. Языковые черты, свойственные

¹ На карте «Опыта...» специальные знаки на востоке территории (цветной крап) указывают на разный процент нерусского населения среди русского. То же — в этнографическом атласе «Русские» (М., 1976. 1. Этнографическая карта Европейской России). Оба этих источника показывают также, что на севере территории (за северной границей настоящего Атласа), примыкающей к Белому морю, русское население распространено в основном узкими полосами по течению крупных рек.

² В пограничных с УССР районах РСФСР имеется украинское население, однако оно не составляет сплошных массивов, поэтому его наличие не отразилось здесь сколько-нибудь существенно на сетке обследования русских говоров для атласа.

в основном русском языке, распространены в западной части на территории БССР, так же как и типичные для белорусского языка черты распространены в своей восточной части на территории РСФСР. Частично перекрывая друг друга, эти черты образуют достаточно широкую зону переходных говоров, квалификация которых как русских или белорусских во многих случаях затруднена. <...>

Даже в тех рамках, которые ограничивают географические пределы атласа, его территория является очень обширной. Масштабы работы, связанные с созданием атласа, были поэтому чрезвычайно велики. Особенно трудоемким был этап сбора материала. Число нас. п., подвергшихся обследованию, согласно установленной сетке в один населенный пункт на 225 км² (расстояние между населенными пунктами при этом в среднем равно 15 км), должно было превысить 4 000 (практически в пределах атласа картографируются говоры 4 209 нас. п.). Такой объем работ было непосильно выполнить ни одному отдельно взятому научному учреждению страны. Поэтому под руководством Института русского языка АН СССР в сборе материала для атласа приняли участие почти все высшие учебные заведения страны, расположенные на этой территории и имевшие кафедры русского языка, — университеты, педагогические и учительские институты. Собираение материала велось силами научно-педагогических кадров этих учебных заведений, а также аспирантов и студентов. <...>

Для повышения качества собираемого материала в период первых 15 лет особенно активной работы по обследованию говоров для атласа Институтом русского языка в Москве ежегодно проводились диалектологические совещания с участием представителей вузов — участников этой работы, где обсуждались вопросы методики собирания материалов, оценивались собранные материалы, демонстрировались составленные карты, читались научные доклады по диалектной тематике. <...>

Массовое собирание материала закончилось в 1965 г., т. е. длилось около двадцати лет. Материал атласа отражает, таким образом, состояние русских диалектов с середины 40-х до середины 60-х годов XX столетия <...>. Ориентация при собирании диалектных материалов на язык старшего поколения (преимущественно женщин, постоянно живших в данной местности) вытекает из задач атласа, который призван прежде всего дать материал для решения важнейших вопросов истории русского языка, путем изучения языковых границ, отражающих пути, пройденные языком на предшествующих этапах его существования. В условиях бурно протекающего в современной деревне процесса унификации говоров под воздействием литературного языка ориентация на традиционные говоры оказалась правильным путем в решении этой задачи. <...>

Картографирование диалектных материалов началось в диалектологическом секторе Института русского языка в конце 40-х годов

параллельно с работой по собиранию материалов. Ввиду обширности территории, включенной в атлас, было решено проводить картографирование поэтапно. Вся территория для этого была разделена на участки, соответствующие региональным атласам, именовавшимся в то время «томами» атласа. По первоначальному плану было намечено создание 11 региональных томов, которые в совокупности должны были охватить всю территорию Европейской части СССР; идея создания сводного атласа первоначально (еще в 1945 г.) связывалась также со всей этой территорией.

Картографирование говоров в пределах этих томов проводилось в определенной последовательности, однако общую территорию Атласа в дальнейшем было решено ограничить центром Европейской части СССР <...>. В качестве первого тома в 1951 г. был подготовлен к печати «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» под редакцией Р. И. Аванесова. Этот атлас был опубликован Издательством АН СССР в 1957 г. Далее были созданы «Атлас русских говоров северо-западных областей РСФСР» под редакцией В. И. Борковского и С. С. Высокского (шифр С.-Зап.); «Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы» под редакцией Р. И. Аванесова (шифр Зап.); «Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы» под редакцией О. Н. Мораховской и Т. Ю. Строгановой (шифр С.) и «Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы» под редакцией В. Г. Орловой (шифр Ю.). Этот атлас, завершивший собой серию региональных, был закончен в 1970 г. Последние четыре атласа хранятся в Институте русского языка в виде рукописей.

Каждый из поименованных рукописных атласов представляет собой полностью подготовленный к изданию самостоятельный атлас соответствующей территории. Все они содержат, кроме карт по всем разделам языка, комментарии к картам, вступительные статьи, справочный аппарат. Представляя собой отдельные законченные работы по лингвистической географии отдельных частей распространения русского языка, все эти атласы в то же время являются частями единого труда. Они объединены прежде всего общей «Программой», общей методикой сбора материала и его синхронностью, единством теоретических принципов, положенных в основу картографирования, одинаковой техникой картографирования.

Преимущество в создании атласов зиждется прежде всего на единстве коллектива, осуществившего эту работу, основное ядро которого на протяжении всего времени их создания являлось стабильным. Все региональные атласы созданы под руководством Р. И. Аванесова и его ближайших учеников и сотрудников в соответствии с выработанными ими основными теоретическими и практическими линиями лингвогеографического изучения русских говоров. <...>

Все региональные атласы выполнены в значковой системе: за каждой языковой разновидностью закреплён определенный знак, который ставится на карте отдельно у каждого обследованного в языковом отношении населенного пункта. Выбор знаков при картографировании (их конфигурация, цвет и другие признаки) осуществляется по определенной системе, отражающей понимание авторами карт структуры каждого картографируемого языкового явления. <...> Что касается охвата явлений языка в региональных атласах, то картографируются в них только те явления, которые в пределах каждого данного атласа дают изоглоссы. Явления же, не обнаруживающие в их пределах территориального варьирования (или же те, варианты которых фиксируются лишь в небольшом числе нас. п.), получают характеристику лишь во вступительной статье.

Завершение работы над региональными атласами открыло возможность создания сводного атласа, который давал бы представление о распространении всех изученных в период работы над региональными атласами варьирующихся по говорам языковых черт на всем пространстве, охваченном совокупностью этих атласов, т. е. на территории, охарактеризованной как территория исконного русского заселения — исторически сложившегося ядра русской нации. Таким образом, этот сводный Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР) (далее ДАРЯ) представляет собой русский национальный диалектологический атлас, отражающий те местные разновидности русского языка, формирование которых началось в ранние эпохи феодального, а отчасти еще и племенного укладов, и которые в многократно трансформированном в течение веков виде отражены в говорах, зафиксированных в середине XX столетия.

Уже из той беглой характеристики региональных атласов, которая дана выше, ясно, что ДАРЯ не мог быть простой сводкой карт региональных атласов. Это следует прежде всего из того, что в региональных атласах отсутствовали карты на явления, которые в каждом из этих атласов представлены лишь одним из возможных в масштабе всего русского диалектного языка вариантов. Потребовались большие дополнительные усилия по проработке ареалов таких явлений применительно к территории всего ДАРЯ в целом. Но и помимо этого, ДАРЯ с самого начала, еще на стадии работы над его проспектом, мыслился как работа в области лингвогеографии, качественно отличная от региональных атласов, которая вместе с тем сохраняет общность и преемственность общетеоретических установок, которые были положены в основу картографирования. ДАРЯ, по мнению авторов «Проспекта» (и будущих авторов ДАРЯ), должен отличаться от региональных атласов не только по охвату территории и количеству картографируемых языковых фактов; он как работа, опирающаяся на опыт первичного картографирования языковых явлений в частных томах атласа, должен представлять собой новую

ступень в лингвистическом изучении фактов русского языка. Располагая по большей части языковых явлений картами региональных атласов, составители карт ДАРЯ смогли увидеть каждое из этих явлений во всей полноте его реализации в русских говорах. Это позволило по-новому взглянуть на многие диалектные различия более правильно, с учетом всех вариантов их реализации в говорах, определить их зачастую сложную иерархическую структуру и выбрать наиболее выразительные средства для их отражения на лингвистических картах. В свою очередь, более адекватное представление о структуре диалектных различий дало возможность полнее, чем это было возможно в рамках работы над региональными атласами, реализовать общие теоретические установки, положенные в основу лингвистического картографирования в русском лингвистическом атласе.

Вопросы и задания

1. Какова предыстория русского лингвистического атласа?
2. Какая территория картографируется для ДАРЯ и почему?

Т. И. Вендина

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА РУССКОГО НАРОДА¹

Нам уже приходилось писать о системном принципе организации Лексического атласа русских народных говоров², открывающем широкие перспективы для моделирования языковой картины мира русского народа³. Построенный на принципиально иных началах, нежели ДАРЯ, ориентированный прежде всего на использование методики системного анализа лексики, учитывающий не только

¹ Вендина Т. И. Лексический атлас русских народных говоров и языковая картина мира русского народа // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1995. СПб., 1998. С. 11–18.

² Вендина Т. И. Лексический атлас русских народных говоров и лингвистическая гносеология // Вопросы языкознания (в печати).

³ Под моделью мира здесь и далее понимается «упрощенное и сокращенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» (Мифы народов мира. М., 1982. С. 161). Языковая модель мира — это отражение этих представлений о мире языковыми средствами.

дифференциальные, но и интегральные семы, формирующие то или иное семантическое пространство, Атлас дает возможность по-новому взглянуть на ономаσιологическое и словообразовательное устройство отдельных участков лексической системы языка и проникнуть в тайны языковой картины мира.

Интерес к изучению языковой картины мира (как и сама разработка этой проблемы) имеет достаточно долгую историю. Актуализация в последнее время идей В. фон Гумбольдта «о языке как деятельности народного духа», о различии языков с точки зрения их «мировидения»¹ способствовала интенсивному развитию так называемой антропологической лингвистики, в рамках которой разрабатываются такие направления, как типология языковых картин мира (Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян), языковая картина мира и реконструкция духовной культуры славян (Н. И. Толстой, С. М. Толстая, А. Ф. Журавлев, С. Е. Никитина), языковая картина мира и ее отражение средствами разных языковых уровней — прежде всего лексического и синтаксического (Ю. Д. Апресян, В. Г. Гак, А. Д. Шмелев, Е. С. Яковлева), языковая картина мира в зеркале метафоры (Н. Д. Арутюнова, Г. Н. Скляревская, В. Н. Телия) и аксиологии (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, польская школа аксиологии во главе с Я. Пузыниной) и т. д. Такое разнообразие направлений свидетельствует о том, что область манифестаций картины мира чрезвычайно широка. Для ее моделирования привлекаются языковые средства разных уровней. «Реконструкция наивной картины мира на основе полного описания лексических и грамматических значений начинает рассматриваться как сверхзадача семантики и лексикографии, имеющая ценность сама по себе, — пишет Ю. Д. Апресян, — ...понятие наивной модели мира дает семантике новую интересную возможность. Языковые значения можно связать с фактами действительности не прямо, а через отсылки к определенным деталям наивной модели мира, как она представлена в данном языке. В результате появляется основа для выявления универсальных и национально-своеобразных черт в семантике естественных языков, вскрываются некоторые фундаментальные принципы формирования языковых значений, обнаруживается глубокая общность фактов, которые раньше представлялись разрозненными»². Эти слова Ю. Д. Апресяна с полным основанием можно отнести и к ЛАРНГ, широта и безбрежность материалов которого позволит проникнуть в глубинные основы этой картины. Более того, сопоставимость Программы Атласа с программами украинского и белорусского лексических атласов открывает широкие перспективы в реконструкции восточнославянской (и шире — славянской) языковой картины мира, поскольку

¹ Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 80, 319.

² Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 6.

в каждом языке, говоря словами В. фон Гумбольдта, «заложено самобытное мирозерцание»¹. Материалы Атласа представляют особую ценность еще и потому, что при анализе языкового воплощения наивной картины мира наиболее информативной оказывается лексика. Нельзя не согласиться с Т. В. Топоровой, что «именно лексика в наибольшей мере апеллирует к смысловым параметрам модели мира»². В лексических единицах языка содержится богатейшая информация о системе ценностей того или иного народа, раскрывающая особенности видения и «прочтения» мира и являющаяся своеобразным ориентиром в его осознании.

Не будет преувеличением сказать, что чрезвычайно важную роль при этом играет словообразование. Системно-функциональный подход к фактам словообразования позволяет не только выявить способы оценки внеязыковой действительности, но и эксплицировать своеобразие в лексико-семантическом освоении мира — от названий отдельных растений или атмосферных явлений до социальных структур разного уровня. О важной роли словообразования в моделировании языковой картины мира свидетельствует прежде всего тот факт, что одни семантические участки лексической системы языка оказываются открытыми для актов словообразования, тогда как другие — закрытыми (ср., например, ситуацию в семантической сфере «Вселенная», где номинативный участок «Небо и небесные тела» является практически закрытым для словообразования, тогда как семантическое пространство «Атмосферные и климатические явления» — широко открытым). Взаимодействие человека с окружающим миром, в процессе которого происходят познание и оценка мира, приводит к формированию ценностного сознания, ценностного видения мира. Сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательного детерминирования свидетельствует о его значимости для носителей языка. <...> Цветовые, звуковые, вкусовые и др. качества и свойства предметов и явлений внешнего мира актуализируются лишь в тех объектах, которые вовлекаются в сферу познавательной и практической деятельности человека. Предварительные наблюдения над материалом I лексико-словообразовательного тома Атласа («Природа») свидетельствуют о ценностном отношении к природе как к источнику добра или зла и шире — жизни или смерти. Словообразовательному маркированию подлежат, как правило, такие природные явления, которые связаны с биологическим выживанием человека (ср., например, использование

¹ Гумбольдт В. фон Избранные труды... С. 80. Попутно отметим, что точку зрения Гумбольдта разделял и И. А. Бодуэн де Куртене: «Без всяких оговорок можно согласиться с мнением Гумбольдта, что каждый язык есть своеобразное мировидение» (цит. по предисловию к «Избранным трудам по языкознанию» В. фон Гумбольдта. С. 12).

² Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М., 1994. С. 3.

во всех славянских языках словообразовательных средств для обозначения плохой погоды и практическое отсутствие их в названиях хорошей). <...>

В лингвистической литературе уже неоднократно указывалось на то, что мир осваивается человеком «от себя» (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов). Процесс познания мира человеком можно представить как процесс моделирования окружающей действительности. При этом окружающий мир не просто дублируется с помощью знаковых средств, а оказывается вовлеченным в личностную сферу человека: явления и предметы оцениваются, принимаются или отвергаются человеком¹, т. е. человек не только познает мир, но и оценивает его стороны и свойства с точки зрения их значимости для удовлетворения своих потребностей. <...> Среди огромного множества производных имен, входящих в семантическую сферу «Природа» и образующих своеобразный русский макрокосм, отчетливо выделяются следующие группы, представляющие различные виды отношений человека к окружающему его миру:

— практическое овладение явлениями действительности (ср., например, многочисленные названия, связанные с обозначением ландшафта, особенно болот и оврагов как мест, непригодных для земледелия);

— познавательное отношение к действительности (ср., например, огромный пласт производной лексики, относящейся к миру флоры и фауны);

— ценностное отношение к действительности, обозначение реалий с точки зрения их соответствия интересам и потребностям человека (ср., например, многочисленные названия леса, идущего на строительство домов, мостов, лодок, заборов и т. д.).

Стремясь к познанию окружающего мира и собственного бытия, человек обращается к природе, нарекая в ней то, что является для него жизненно важным. Если попытаться представить структурную организацию русского макрокосма, в формировании которого участвуют словообразовательные средства, то схематически это можно выразить следующим образом:

человек 1) 2) 3) 4) 5)

1 — растительный мир; 2 — животный мир; 3 — ландшафт; 4 — атмосферные и климатические явления; 5 — небо и небесные тела.

Такая иерархия словообразовательно структурированных семантических сфер языка свидетельствует прежде всего о земледельческих приоритетах русского человека и его психологических связей в первую очередь с растительным миром.

¹ *Дмитровская М. В.* Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988. С. 8.

Возвращаясь к устройству семантического пространства «Природа», следует отметить, что каждая из семантических сфер имеет свою организацию. Так, например, в семантическом континууме «Растительный мир» наблюдается отчетливое противопоставление двух участков — освоенной и неосвоенной природы (с одной стороны «сад», «огород», с другой — «лес»). Здесь реализуется семиотическая оппозиция «свой» — «чужой»: растительный мир в производных названиях предстает в виде двух неравнозначных сфер — с в о е, полезное, требующее заботы и ухода («сад», «огород») и ч у ж о е, опасное, требующее осторожности («лес»). Словообразовательное маркирование получает, как правило, «чужое», «свое» же (как известное) словообразовательно не детерминируется. По-видимому, именно этим объясняется наличие многочисленных производных, обозначающих «лес», в которых с помощью словообразовательных средств актуализируются такие признаки, как: г у с т о т а леса (*густарник, густель, глушиник, трущобник, частыня // жидняк, редень, редколесье*), в о з р а с т (особенно при обозначении молодого леса, ср. *молодник, молодежник, маляг, мелкач*, в том числе молодого леса по произрастающим в нем породам деревьев: *березнюшек, ельняжек // старник, матеряк*), м е с т о п о л о ж е н и е леса (ср. *боровик, гривняк* «возвышенное место» или *бережина, бережняг, прибрежник* «лес, растущий по берегу реки»), к а ч е с т в о произрастающих в нем деревьев (ср. *гнилужина, дровяк* «лес с большой древесиной», *жарник, сухарник, сушник, суховершиник* «высыхающий на корню лес», *вываль, выломок, ветройой, ветровал, буреломник* «поваленный бурей, ветром лес»), т. е. признаки, которые оказываются несущественными при обозначении «своего», в частности сада.

Такая же ситуация наблюдается и в семантической сфере «Животный мир»: словообразовательные средства используются прежде всего в названиях диких животных, особенно уничтожающих скот (ср. *комятник, кобылятник* «медведь, нападающий на лошадей»), тогда как в названиях домашних животных (как родовых) они не встречаются (ср. *корова, конь, лошадь, овца, баран* и т. д.).

В процессе освоения мира человек, однако, все больше и больше выходил из-под власти дикой природы, но в то же время попадал в зависимость от созданной им «второй природы», отсюда такое внимание к прагматической стороне названий. Если сравнить, например, набор мотивировочных признаков, актуализируемых в акте словообразования в названиях диких и домашних животных, то среди них можно выделить принципиально разные, свидетельствующие о расхождении в подходах к наименованию этих животных. В названиях домашних животных актуализируются такие признаки, которые имеют прежде всего хозяйственно важное значение, а именно: в и т а л ь н о с т ь (способность / неспособность к воспроизводству, ср. *буйак, случник, племенник, некладыш, производитель* «племенное

домашнее животное» и *валух, кладенец, кладух* «кастрированный самец»; возраст животного, особенно при обозначении молодых животных как неспособных к воспроизводству, ср. *молодыш, детыш, подростыш* «молодое домашнее животное» с последующей конкретизацией по видам: *дочуха, дочка, поросук* «молодая свинья», *ягница, ярушка, поярок* «молодая овца». Этот признак является настолько существенным, что словообразовательно маркируются даже разные возрастные периоды животного, в том числе и время его рождения, ср. *осенник, осенчуг* «детеныш, родившийся осенью» или *годовик, первогодок, первак* «годовалый детеныш», *двулеток, двугодок, летоходец, однотравник* «детеныш по второму году». Об актуальности этого признака свидетельствует и тот факт, что он получает конкретизацию в названиях различных видов домашних животных, ср. *стригунок, стрижак, перевозимок, годовик* «жеребенок на первом году», *боронник, заездок, сошник, трехлетник* «жеребенок на третьем году», *подсвинок, поросюк, ососок* «поросенок до года», *первотелок, подтелок, годовичок* «теленка на первом году». В то же время в названиях котят или щенят этот признак не актуализируется, что является еще одним, хотя и косвенным, доказательством прагматической ориентации словообразования; сила, выносливость животного, особенно лошадей, ср. *доброхот* «сильная, быстроходная лошадь», *изморник, одирок, падер, кожевина* «худая, замороженная лошадь»; ф у н к ц и я (назначение животного, ср. в названиях лошадей: *водо-возница, ломовик, возовик, дровня* или собак: *заячница, волкогон, овчарук, лолкодав*); у т л и т а р н о с т ь (полезность животного: этот признак реализуется в основном в названиях, указывающих на дойность коровы, ср. *ведерница, ведряница, молочница* «корова, дающая много молока» или носкость курицы, ср. *кладунья, кладуха, несетка, несуха* «курица, которая хорошо несется»). В названиях же диких животных эти признаки оказываются несущественными, в связи с чем на первый план выходят другие, а именно: м е с т о обитания животного (ср. *лесник, боровик* «медведь», *дуплянка* «белка», степняк «заяц-русак»), способ его с у щ е с т в о в а н и я (ср. *бродень* «медведь, который не спит в берлоге»), особенности ш к у р ы, в том числе ее окраса (ср. *мохнашка* «соболь», *русак, серяк, пестряк* «заяц-русак»), в названиях домашних животных этот признак реализуется лишь в кличках, ср. *Гнедко, Буланчик, Сивка* и т. д.), особенности какой-либо части тела (ср. *ушан, ушкан* «заяц», *хвостуха* «лиса»), вид потребляемой п и щ и (ср. *овсяник, стервятник, муравейник* «в названиях медведя») и др., т. е. совершенно очевидно, что обе группы имен представляют собой разноаспектные номинации.

Изложенные (во многом еще предварительные) наблюдения свидетельствуют о существовании тесных эмоционально-когнитивных и аксиологических (потребностно-мотивационных) связей русского народа с окружающей его средой. Это находит свое выражение в яркой ценностно-целевой ориентации русского словообразо-

вания: с помощью деривационных средств маркируются, как правило, такие природные явления, которые связаны с биологическим выживанием человека или относятся к миру его духовно-практической деятельности.

Изучение психологии восприятия среды представляется чрезвычайно перспективным с точки зрения лингвистической гносеологии, поскольку оно позволяет проникнуть в «тайны народного духа» и воссоздать на лексико-словообразовательном уровне инвариантную модель языковой картины мира. Поскольку «восприятие и осознание человеком мира оказывается производным от культурно-исторического бытия человека»¹, то анализ языковой модели, репрезентирующей это восприятие, дает возможность «погрузиться» в мир ценностей русского народа. И в этом смысле материалы Атласа являются бесценными.

Вопросы и задания

1. Какая лексика активно образует производные слова, а какая нет?
2. Какие признаки актуализируются в производных словах?
3. Как складывается языковая картина мира русского народа по данным ЛАРНГ?

Т. И. Вендина

К ВОПРОСУ О ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЯХ КАРТЫ²

Задача любого атласа, как, впрочем, и любого лингвогеографического исследования, состоит в том, чтобы дать представление об общей картине распространения изучаемых явлений с целью выявления изоглосс и определения их топографической и лингвистической значимости. «Лингвогеографу интересуют прежде всего современное состояние явлений, место, которое они занимают в наши дни, и взаимоотношения их в пространстве. Только после подробного географического их исследования и на основе этого исследования лингвогеограф считает себя вправе обратиться к их истории»³.

¹ Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М., 1988. С. 14.

² Вендина Т. И. К вопросу о диагностических возможностях карты // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009. СПб., 2009. С. 7–24.

³ Теньер Л. О диалектологическом атласе русского языка // Вопросы языкознания. 1966. № 5. С. 118.

Однако задача исследователя заключается не только в том, чтобы локализовать диалектные материалы в географическом пространстве, но и в том, чтобы их интерпретировать. А для этого необходимо заставить «заговорить» пространство, научиться «читать» и понимать язык карты.

Каждая карта несет информацию самого разного характера, скрытую под слоем эмпирических фактов, ср. в связи с этим слова Р. И. Аванесова, одного из основоположников лингвистической географии в нашей стране: «Лингвистическая карта сама по себе мертва и схематична. Из нее нельзя вывести историю языковых явлений и диалектов. Но она может озарить ярким светом историю языка, может помочь установить пути развития явления, время и первоначальную территорию его возникновения, если мы умело ею воспользуемся, если одновременно с данными лингвистической географии мы будем изучать внутреннюю историю развития языковых явлений, учитывать их относительную хронологию, данные письменных источников, если при этом мы будем рассматривать все эти данные в тесной связи с данными истории, исторической географии и археологии»¹. <...>

Лингвистическая карта трудна для восприятия, причем не только для неподготовленного читателя, но и для специалиста, так как это довольно «специфический текст, несущий слишком большой объем разноплановых языковых сведений, зачастую не только не известных ранее из других источников информации, но и противоречащих устоявшимся языковедческим стереотипам и постулатам»² <...>

Существующий сегодня разрыв между эмпирическими успехами лингвистической географии и состоянием разработки ее теоретико-методического аппарата является одним из парадоксов ареальной лингвистики. Будучи увлеченной своими реальными достижениями в решении масштабных задач, связанных с изучением территориального варьирования единиц того или иного языка, лингвистическая география довольно долго шла по пути экстенсивного развития, оставляя без должного внимания вопросы, связанные с используемым ею методическим инструментарием. В результате сложилось неадекватное соотношение диапазона накопленных диалектных фактов и их интерпретации, которая в лучшем случае сводится к описательной процедуре. <...>

На современном этапе славистических исследований, когда в значительной степени исчерпаны возможности внутренней реконструкции на фонетическом и морфологическом уровнях, все большее

¹ Аванесов Р. И. Лингвистическая география и история русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 6. С. 27.

² Гриценко П. Е. Об интерпретации лингвистических карт // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. М., 2004.

значение приобретают данные лексики. «География слова, территориальное распределение лексем, отражающее взаимоотношения носителей диалектов в разные исторические эпохи, расширяет и углубляет картину ареальных связей, полученную при изучении грамматических и фонетических изоглосс»¹. Более того, именно данные лексики дают более дифференцированный и количественно богатый материал для изучения межславянских языковых связей. Поэтому сегодня лексический материал не только не игнорируется в сравнительно-исторических исследованиях, но и активно привлекается как полноценный критерий, представляющий самостоятельный интерес для этих исследований.

Нельзя, однако, не признать (и лингвогеографам это хорошо известно), что при изучении диалектной карты наибольшие трудности вызывают именно лексические диалектизмы, судьбы которых в каждой частной диалектной системе нередко действительно оказываются индивидуальными. В отличие от фонетических и морфологических диалектных различий, представленных довольно компактными пучками изоглосс, лексические диалектизмы при первом знакомстве с картой предстают часто в виде хаотического переплетения изоглосс, не поддающихся прочтению.

В связи с этим чрезвычайно продуктивным, как представляется, является **прием рекартографирования**, имеющий своей целью упорядочивание материалов, представленных на карте, и укрупнение ареалов картографируемых лексем. В этом случае карта из иллюстрации превращается в самостоятельный объект анализа, и факты, отраженные на ней, становятся особенно значительными благодаря избранному масштабу исследования. <...>

Прием рекартографирования позволяет более четко представить сведения о характерных лексических особенностях тех или иных диалектов, особенно если их рассматривать в общеславянском контексте. В этом отношении чрезвычайно ценный материал содержится на картах Общеславянского лингвистического атласа.

Картографирование языкового материала на огромном пространстве terra Slavia придает картам Атласа статус особо значимого источника лингвистической информации, так как чем больше территория, тем надежнее информация о специфике диалектного ландшафта и вероятнее получение новых сведений. <...>

Вопросы и задания

1. Для чего составляются лингвогеографические карты?
2. Какая информация может быть получена при знакомстве с лингвогеографической картой?

¹ Куркина Л. В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana, 1992. С. 26

РОЛЬ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В РАЗВИТИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ в России¹

Лингвистические и этнографические исследования связаны друг с другом с давних времен, и эта связь становится особенно тесной и приобретает конкретное выражение с развитием географического направления в обеих науках, а именно с применением картографических методов и переходом к созданию атласов разных типов. Термин «лингвоэтногеография», предложенный в 70-х гг. XX века М. А. Бородиной, отражает связь лингвистики, этнографии и географии.

Русское географическое общество сыграло особую роль в развитии русской лингвистической географии в России. Достаточно вспомнить, что первая диалектологическая карта русского языка (Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. СПб., 1915) была опубликована Русским географическим обществом и сохраняла свое научное значение до 1964 г., когда Институтом русского языка АН СССР была составлена и опубликована новая Диалектологическая карта.

История полевых лингвистических исследований в России восходит к экспедициям XVIII–XIX вв. Во второй половине XVIII в. в России впервые были предприняты грандиозные комплексные экспедиции. В экспедициях С. П. Крашенинникова по Сибири и Камчатке, П. С. Палласа, В. Ф. Зуева, С. Г. Гмелина, И. Георги, И. И. Лепехина по Волге, Русскому Северу и Сибири, Н. Я. Озерецковского по озерам и рекам Русского Северо-Запада, В. М. Севергина было впервые собрано огромное количество местных народных названий рыб, зверей, птиц, терминов природы, ландшафта, названий охоты и лова, предметов народного быта; каждое слово имело точную географическую привязку.

С созданием в 1848 г. по инициативе Ф. П. Литке Русского географического общества не только усиливается комплексный этнографический характер всех русских экспедиций, но и сами они переживают свое новое рождение. Экспедиции П. П. Семенова-Тян-Шанского, А. П. Федченко, И. Д. Черского, Н. М. Пржевальского, П. К. Козлова, Л. С. Берга не только прославили навечно русскую науку и Россию, но и собрали уникальный материал по этнографии и диалектологии. Параллельно с детальным описанием новых неиз-

¹ Герд А. С., Попов И. А., Матвеева О. А. Роль Русского географического общества в развитии лингвистической географии в России // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1996. СПб., 1998. С. 128–134.

вестных дотолле гор, озер, пустынь участники экспедиций вели тщательные этнографические исследования, записи местных слов, выражений и географических названий. Объемистые многотомные труды и отчеты этих экспедиций и сегодня уникальный и неиссякаемый, но, увы, еще столь мало используемый источник по русской диалектологии и лексикологии в целом. Комплексный историко-культурный общегуманитарный характер носила в XIX в. и вся деятельность Географического общества, удачно сохранив его во многом и до наших дней.

Никакая история диалектологии в России не может быть создана без учета той роли, которую сыграли Русское географическое общество и экспедиции великих русских путешественников XVIII — начала XX века. Одновременно эти экспедиции наметили и основные пути дальнейшей полевой работы по отдельным наукам и направлениям. Стало ясно, что по тем же территориям, ареалам нужны новые глубокие частные полевые исследования по геологии, зоологии, ботанике, этнографии, диалектологии.

Создатели Опыта областного великорусского словаря и Дополнений к нему, а позднее Московская диалектологическая комиссия, хотя и предпочитали преимущественно анкетный метод сбора материала, также в определенной степени способствовали развитию полевого сбора лингвистических данных.

Бесспорно, одним из первых филологов, писателей, в полной мере оценивших исключительную роль непосредственно и лично собранного материала, был В. И. Даль.

В конце XIX — начале XX в. к полевому методу сбора лингвистических фактов обращается все большее число ученых, филологов. Так, немало ценных диалектологических материалов было записано на Севере Гильфердингом, Рыбниковым, Барсовым. Вспомним и год на Севере С. В. Максимова, проведенный по заданию Морского министерства (*Максимов С. В. Год на севере. 1984*). Особо здесь следует отметить методы сбора материала, внедрявшиеся еще в начале века А. А. Шахматовым, Л. В. Щербой, Б. А. Лариним, Н. П. Гринковой.

Реально только с началом разработки в 30-х гг. XX в. Проекта Диалектологического атласа русского языка и с необходимостью обследования огромной территории распространения русского языка начинается новый этап собственно диалектологических экспедиций. Так, за короткое время были собраны материалы для Лингвистического атласа района озера Селигер, а в послевоенные годы, благодаря энергии и энтузиазму диалектологов вузов России и Академии наук — для всего Диалектологического атласа русского языка.

Развернувшаяся впоследствии работа над областными словарями привела к созданию в вузах Санкт-Петербурга, Москвы, Перми, Томска, Екатеринбургa, Ярославля, Пскова, Новгорода, Череповца, Вологды, Петрозаводска, Смоленска уникальных лексических

картотек. С 50-х гг. XX в. научные полевые экспедиции в сочетании с практикой студентов прочно вошли в русскую диалектологию.

В 1977 г. работавшая до этого в рамках отделения математической географии и картографии Комиссия лингвоэтногеографии образует самостоятельное отделение, расширяет круг исследовательских работ в области лингвистической географии, включающих многие районы страны, а также вопросы лингвогеографических исследований в странах Европы, Африки, Азии. В организации Комиссии лингвистической географии особую роль сыграли М. А. Бородина, К. А. Звонарев, А. И. Кононов. М. А. Бородина лично стремилась вовлечь в работу секции лингвоэтнографии всех, кто так или иначе интересовался лингвогеографией, — романистов, германистов, русистов, славистов, тюркологов, этнографов. Неоднократно она выступала на заседаниях секции по актуальным проблемам лингвистической географии, по вопросам лингвогеографии Франции, Германии, Швейцарии. По ее инициативе в стенах РГО началось обсуждение принципов Тюркского диалектологического атласа. Совместно со своими учениками Б. Л. Кузнецовой и А. А. Кручининой она содействовала внедрению новых методов в лингвогеографии.

Почему же, однако, мы сегодня то и дело слышим, что диалектологические экспедиции отжили свой век, что собирать нечего? Сторонники подобных взглядов исходят из положения о том, что в наше время диалекты отмирают, исчезают, а если диалекты исчезают, то изучать там, на местах, уже нечего.

Рассмотрим эти доводы.

Во-первых, разрушение старых архаических диалектов идет крайне неравномерно как географически, социально, так и по уровням языка. Так, например, при общей достаточно хорошей сохранности большинства среднерусских говоров, наибольшему разрушению в 1960–1970-е гг. подвергались как раз дальние русские говоры Карелии, Вологодской и Архангельской областей. Неравномерно идут изменения языкового строя в диалектах и по уровням. Обычно хорошо удерживаются фонетические, словоизменительные явления. В лексике отходят на задний план названия старинных реалий, орудий и предметов быта, но рядом активизируется непредметная лексика, фразеология, появляется немало экспрессивных неологизмов.

Во-вторых, нельзя не учитывать, что диалект по самой своей сути и ретроспективен и перспективен. С одной стороны, он сохраняет в себе архаические, реликтовые слова и формы, которые уходят порой в далекую глубину веков. С другой стороны, каждый диалект находится в постоянном развитии.

Диалекты не исчезают под влиянием литературного языка, радио, телевидения или газет. К подлинному исчезновению диалектов ведут только крупные социально-экономические изменения историко-географического ландшафта, уничтожение или переселение деревень, ликвидация традиционных занятий, промыслов, вторжение в тради-

ционно сельские районы новых фабрик, заводов, молодых городов, экологические катастрофы и т. п.

Как показал опыт языкового развития Франции, Германии и Англии, диалект в своем историческом ареале не исчезает, а постепенно трансформируется в новые формы народно-разговорной речи. При этом разные из этих форм находятся на самых различных стадиях и ступенях своей эволюции от языка традиционной деревни до просторечия города. И с этой точки зрения нельзя не отметить, что в то же время любой диалект как научное понятие, как лингвистическая данность, в конечном счете, всегда есть итог научного анализа, исследования.

Объектом же полевой лингвистики является не столько и не только тот или иной диалект или наречие, но прежде всего лингвистический ландшафт как таковой во всей его непрерывности. Полевой лингвист в ходе экспедиционной работы шаг за шагом фиксирует и обследует все формы языкового существования в их географическом и социальном измерениях.

Таким образом, объектом полевой лингвистики являются не только архаические крестьянские диалекты, но также и речь среднего и молодого поколения, и язык поселков городского типа, больших станций, рабочих городов. В диалекте заложены все внутренние тенденции будущего, дальнейшего развития языка. В этом и состоит перспективность диалекта. И в этом отношении диалект представляет собой один из основных источников для изучения прогрессирующих явлений в языке.

Разумеется, что полевое обследование различных форм современного языкового существования должно идти сегодня бок о бок с исследованиями по социолингвистике, разговорной речи, с применением новой звукозаписывающей аппаратуры.

В то же время в аспекте изучения диалекта как исторического источника у нас еще до сих пор систематически не собрана нарицательная лексика и топонимика русских народных говоров, мало данных по географии слов, по диалектному синтаксису. В этом плане предстоит еще очень многое сделать в области создания диалектных словарей разных типов, а расширение типологии областных словарей потребует, в свою очередь, новых, более тонких методов полевой работы. И здесь особое место занимает фундаментальная коллективная тема вузов России и Академии наук — ЛАРНГ (Лексический атлас русских народных говоров). На настоящем своем этапе эта тема требует как раз всемерного развития массовых экспедиций и постоянного совершенствования методики полевых исследований.

Именно при решении многих историко-культурных задач нам предстоит заново осмыслить и в чем-то вернуться к богатому опыту комплексных русских экспедиций XVIII–XIX веков. Так, например, широко развернувшаяся в последние годы работа по сбору материала по духовной культуре невозможна без глубокого историко-этнографического подхода. Исследование по проблемам исторической

географии, реконструкции древнейших историко-культурных зон, требует постоянного соучастия географов, этнографов, археологов, антропологов.

В последние три десятилетия Русское географическое общество совместно с Институтом лингвистических исследований РАН стало центром, вокруг которого объединяется и коллектив русских диалектологов.

В 1985 г. Комиссия лингвиоэтногеографии РГО провела первое координационное диалектологическое совещание, послужившее началом практической разработки темы «Лексический атлас русских народных говоров» и Проекта Атласа и Программы. Этот коллектив диалектологов постепенно расширялся, совершенствовались методы его работы. В работу включилось свыше 50 вузов на территории Европейской России, академические институты — Институт лингвистических исследований, Институт русского языка, Институт славяноведения и балканистики РАН.

Для оперативной и целенаправленной деятельности столь большого коллектива диалектологические совещания стали проводиться ежегодно. <...> Одно из координационных совещаний было посвящено проблеме автоматизации лингвогеографических исследований. Самым большим достижением деятельности коллектива ЛАРНГ явился регулярный и планомерный сбор сведений на обширной территории Европейской России и разработка теоретических основ Лексического атласа — Проекта и Программы собирания сведений. Важной вехой в развитии лингвистической географии явилась и серия крупных конференций по проблемам ареальных исследований в языкознании и этнографии, проведенных по линии Академии наук и опубликовавших впоследствии труды этих конференций, а также библиографический указатель Н. Л. Сухачева «Лингвистические атласы» (Л., 1984).

Составление лексического атласа русских народных говоров давно является актуальной задачей русской диалектологии. Задача Атласа — показать в пространственной проекции основные звенья словарного состава русских говоров. Материалы, представленные в Атласе, будут иметь большое научное и культурно-историческое значение. Они помогут глубже познать процессы формирования и развития словарного состава русских народных говоров, связь русской лексики с лексикой других славянских и неславянских языков, процессы заимствования иноязычной лексики русскими говорами, распространения ее на территории русского языка. Проект охватывает очень широкий круг теоретических вопросов. Он учитывает опыт славянской и западноевропейской лингвистической географии, опыт исследования ареалов слов и значений в русской лингвистической географии. В нем четко определены принципы составления Атласа, характер его программы, источники, хронологические границы, территория картографирования и сетка обследования, картографическая концепция, методы

собирания материалов, организация работы («Лексический атлас русских народных говоров» (Проект) СПб., 1994. 109 с.)

Не менее важным явилось создание Программы собирания сведений для атласа, которая включает широкий круг тем, связанных с названиями природных явлений, человека, его семейных отношений, традиционной духовной культуры, процессов и предметов трудовой деятельности, ремесел, промыслов, предметов материальной культуры и т. п. (Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Ч. 1 и 2. СПб., 1994. 335 с.). Программа предназначена для собирания сведений диалектологическими экспедициями, в создании ее принимал участие широкий круг диалектологов.

Опубликование названных трудов и сбор большого количества диалектных материалов открыл новую стадию в работе над Атласом, а именно составление пробных выпусков Атласа. Была создана Картографическая комиссия, в которую вошли наиболее опытные диалектологи наиболее активных диалектологических центров. Этой цели служат регулярно проводимые школы-семинары. Один из них был проведен в октябре 1994 г. в Костроме, другой в октябре 1995 г. в Ярославле.

Успех работы над Атласом зависит не только от собранных материалов, глубины разработки Проекта и Программы, но и степени научной подготовленности работающего коллектива. Этой цели служат регулярно издаваемые сборники статей участников работы над Атласом <...>.

Вряд ли придется сомневаться, что в дальнейшем судьба и перспективы развития лингвистической географии всегда будут тесно связаны с Русским географическим обществом.

Т. Ф. Зиброва

ДИНАМИКА ДИАЛЕКТНЫХ СИСТЕМ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЗДНЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ (ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)¹

Территория Самарского края, как известно, относится к областям так называемого позднего заселения, что во многом определило и типологическое своеобразие говоров края, и своеобразие лингво-

¹ Зиброва Т. Ф. Динамика диалектных систем на территории позднего заселения (лингвогеографический аспект) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2008. СПб., 2008. С. 90–93.

географической картины на территории Поволжья в целом. К особенностям заселения Среднего Поволжья прежде всего следует отнести наличие нескольких волн заселения (от XVII в. вплоть до конца XIX — начала XX в.) и миграционные потоки из разных «материнских» земель. Об этом же свидетельствуют исторические документы, воспоминания старожилов, диалектная микротопонимика (названия сел: Владимировка Хворостянского р-на — основана выходцами из Владимирской губернии, Студенцы — основано переселенцами из с. Студенец Ульяновской обл.; названия концов сел: «курский», «орловский», «тамбовский» и др.; названия жителей: «куряне — куряки», «тамбовцы — танбаса́», «орловцы», «пензяки» и т. д.).

Именно это определило уникальность местного лингвистического ландшафта: диалектную пестроту, приводящую на территории края к равным видам междиалектного контактирования, и вызванную этим взаимодействием диалектных систем; усиление в этих условиях литературно-диалектного билингвизма; очевидное проявление межязыковой интерференции (по переписи 1989 г. в Самарской области проживают представители 116 народов).

Для выяснения своеобразия бытования говоров нашего края учитываются прежде всего лингвогеографические обобщения (по материалам изучения говоров области опубликовано более 50 карт, практически готова к изданию компьютерная версия всего атласа говоров Самарского края — более 60 карт по фонетическим и морфологическим явлениям; всего же к атласу было подготовлено более двухсот пробных карт по явлениям всех языковых ярусов). Большую роль играют и отдельные монографические исследования по говорам области (≈ 120 опубликованных работ; более 10 защищенных кандидатских диссертаций; более 80 дипломных работ — в том числе лингвогеографического характера).

Результаты исследований обнаруживают на территории края уникальную лингвогеографическую картину и уточняют типологию местных говоров. Это, во-первых, некоторое своеобразие самих типов (в особенности по их природе); во-вторых, особенности диалектных систем (по набору и сочетанию явлений); в-третьих, специфика бытования отдельных диалектных черт (в отличие от их употребления в говорах раннего заселения); в-четвертых, своеобразие динамических процессов в диалектных системах. Наши наблюдения позволяют более очевидно, чем по говорам раннего заселения, увидеть перспективы изменения (трансформации) русских диалектов.

Особые условия формирования и сосуществования говоров на территориях позднего заселения приводят к определенным типологическим отличиям их от говоров исконных земель. Так, хотя бытующие в нашем регионе диалекты относятся к трем основным типам (по традиционной классификации МДК-1915 г.), все они обладают своей спецификой по сравнению с классическими.

Например, наши севернорусские говоры, относящиеся к группе неполноокающих владими́ро-пово́лжских диалектов (по современной классификации считающиеся среднерусскими окающими говорами — 1964 г.), имеют в своем вокализме не только неполное оканье, но и, как правило, определенный процент случаев полного оканья (по нашим данным, более чем в 15 населенных пунктах говоры имеют следы полного оканья из 60 обследованных). Кроме того, сохраняя в основном черты материнских говоров, они в то же время отличаются от них в определенных звеньях консонантной и вокалической систем. Так, в говорах неполноокающих отмечается отсутствие цоканья, но нередко на территории края «косвенные» его проявления: единичные случаи совпадения *ц* и *ч*, произношение сочетания *чн* как *сн* (*пишени́сный*, *моло́сный*) и др.

Местные южнорусские говоры часто оказываются не просто полидиалектными, а сформированы из материнских южнорусских систем всех известных диалектных групп, поскольку именно юг территории заселялся наиболее многочисленными и дробными потоками из южнорусских территорий России и отдельных регионов Украины в самые поздние переселенческие сроки. В наших южнорусских системах не всегда можно найти полную параллель по набору черт с говорами какой-то одной группы исконных территорий (отмечаются, например, случаи заимствования долгого твердого *ш* в южнорусских системах под влиянием окружающих соседних севернорусских сел), с другой стороны, фиксируется утрата отдельных специфических южнорусских особенностей (*хв* на месте *ф*; контаминированный предлог *ув* и др.). Разнообразие южнорусских систем в Самарском регионе (и шире — в Среднем Поволжье) особенно сказывается на характере предупредительного вокализма после мягких согласных — в них фиксируются все известные основные типы яканья (от умеренного до сложных подтипов ассимилятивно-диссимилятивного).

Неоднозначно решается вопрос о природе среднерусских говоров, которые на территории Самарской области (а вероятно, и на других территориях позднего заселения) весьма неоднородны. Часто они оказываются не только монодиалектными (когда просматривается былая севернорусская или южнорусская их основа), но и полидиалектными. Можно констатировать также, что зона среднерусских говоров у нас расширяется за счет нивелирующихся диалектов других типов.

Трансформация диалектных систем формирует не только специфику типологии наших говоров, но и, как уже говорилось выше, создает уникальную лингвогеографическую картину, связанную со своеобразным складыванием ареалов отдельных языковых черт.

В этом отношении все изученные (и закартографированные) диалектные черты создают две противостоящие друг другу группы.

Первую составляют черты, ареалы которых с о в п а д а ю т с границами диалектов — это в основном типологические черты южно-русского и севернорусского наречий: *m'* в 3-м лице глаголов; *y* фрикативный; оканье; *ч* твердый. Они никогда не выходят за рамки «своего» диалекта.

Сюда же примыкают явления, ареалы которых можно назвать «затухающими» («мерцающими»). Это реликтовые на нашей территории явления, сохранность которых в тех или иных говорах обусловлена экстралингвистическими факторами (изолированность сел). Такие «мерцающие» ареалы создают, например, формы без *m* в 3-м лице глаголов (*но́ся, поё́; канбайны ко́ся и моло́тя; курочки како́ча; они лю́бя друг друга*); протетический *v* (*вулица, вучитель*), контаминированный предлог *ув* (*ув аднёй хватере, ув энтой вот, ув отца*); формы типа *боюси, возьмуси* и др.

Вторую группу составляют черты, которые «выходят» за пределы определенного типа говоров, диалектно не ограниченные. По нашим данным, их около двух десятков. При этом часть таких явлений лишь слегка проникает в «чуждые» диалекты и создает как бы «расширяющиеся» ареалы: формы типа *нести* — *плести*; диссимилиация согласного *k* перед следующим взрывным — *x кому*; стяженные формы типа *знат* — *умет, ўмна* — *ўмны* и др.

Значительную часть явлений на нашей территории можно считать м е ж д а л е к т н ы м и. Они не связаны с определенным наречием и часто становятся чертой городского просторечия: *был у сестрэ, около мамы; шел по грязё; в худым — в таким — в долгим*, парадигма *пекёшь — стережёшь, могёшь — жгёшь*, произношение *чн* как *шн* и др.

Таким образом, динамика диалектных систем проявляется как в изменении отдельных звеньев этих систем (формирование специфических ареалов диалектных черт), так и в формировании специфических в типологическом плане объединений на территории Самарского края — и шире — на территориях позднего заселения.

Вопросы и задания

1. Что такое материнские говоры?
2. Чем характеризуется язык территорий позднего заселения?

Г. В. Киселева

РУССКАЯ ПЕЧЬ КАК ЯВЛЕНИЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Русская печь исстари занимала центральное место в русской избе, являясь не только центром избы, но и центром всей крестьянской жизни, поскольку велика была ее роль в жизни человека: печь и кормила, и грела, и лечила. С печью связаны многие поверья и обычаи. Материалы по духовной культуре, собранные в Воронежской области, показывают, что обряды, обычаи, магические действия, уходящие корнями в далекое, еще языческое прошлое, живы и в настоящее время.

Еще во времена языческих воззрений печь выполняла в доме роль оберега, защиты дома, являясь поэтому сакральной частью избы. Место под печью всегда связывали с нечистой силой, как и кочергу, ухват, не случайно вся эта утварь хранилась под печью. Подпечье — место обитания домового. В ряде говоров домового называют именно по месту обитания подпечником. Домовой являлся покровителем дома, хранителем семейного очага. Не является случайным и другое наименование домового, широко бытующее в воронежских говорах и отражающее его функцию хранителя домашнего очага, — хозяин.

До настоящего времени, как показывают наши материалы, широко бытует обряд «позвать хозяина»:

(При переходе в новый дом) ...нужно взять лапоть, бросить его в подпечку и произнести слова: «Хозяин мой, пойдем со мной». Если новосел не позовет с собой хозяина в новый дом, то у этого человека будут несчастья, чужой хозяин невзлюбит его.

с. Островки Аннинского района

Чтобы поговорить с хозяином, нужно обязательно залезть на печь.

Как нам сгореть в 47 году, на печь залезла, изба девятиерик, покос был неделю целую, дома никого не было, как кто-й-то заворочался, все лохмыты, кухвайки поднимае, а я по приступке вниз да и спроси: «Хозяин, хозяин, к худу или к добру?» А он протянул: «К худу», — и мы тут через день сгорели.

с. Островки Аннинского района

¹ Киселева Г. В. Русская печь как явление духовной культуры // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1995. СПб., 1998. С. 73–76.

Печь охраняет живых, оберегает от «инога мира», в который ушли умершие. Так, вернувшись с кладбища после похорон, обязательно нужно сказать три раза в подпечник: «Бойся не я тебя, а ты меня» (с. Подгорное Новохопёрского района).

Как архаичный отмечает обычай прятать молочные зубы в печи Б. А. Рыбаков¹, однако в воронежских краях и сейчас бытует обычай бросать молочные зубы в подпечку. Считается, что это поможет ребенку сохранить хорошие зубы и убережет на всю жизнь от зубной боли. Это очень древнее поверье, связанное с явлением симпатической магии, исходящей из того, что предметы, однажды бывшие в соприкосновении с человеком, остаются с ним в симпатической связи. Такого же типа примеры находим и у Дж. Дж. Фрэзера². Фрэзер отмечает наличие у древнего человека веры в особую связь, существующую между человеком и частями его тела, волосами или ногтями. И тот, кто владеет чужими волосами или ногтями, может на расстоянии навязать свою волю их владельцу. На этой вере основано и магическое действие присушки, связанное с печью и записанное в Воронежской области:

Для того, чтобы парня к себе привлечь, девки ходили к ворожилкам, и те на чего-нибудь наговаривали им слова заговорные. А еще есть трава в лясу, так и называется ворожилная, так надобно ее нарвать, отвар из ней, значит, сварить и напоить парня чтоб ею, еще волос у парня вырвать надо и дома у себя в печку замазать да при этом всё деле сказать: «Липни да сохни ко мне да во мне, как энтая глина в жарком огне».

с. Третьяки Борисоглебского района

На особый, сакральный характер печи указывает и факт использования перегорелой печной глины для приготовления снадобий, лекарств. Она также используется в заговорах. Наши материалы показывают, что печную золу используют для лечения грыжи.

А у нас, когда я маленькой была, у брата моего грыжа вышла, так мы тады с Кирсановки колдуна приводили. Вот он возьмёт его на заре, возьмёт, значит, и палочкой вокруг грыжи водит, молитву читает, грыжу заговаривает, а тады приставит его к притолоке и по его росту иголку втыкает, и так девять раз ходил. И еще золу с печки вынет, в платок завернёт и велел прикладывать, как остынет, новую набрать и прикладывать надо.

с. В. Карачан Грибановского района

С русской печью связано и лечение испуга, широко бытующее в Воронежской области.

¹ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1988.

² Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1983.

Когда ребёнок чо-то испугался, приносят яво к бабушке, и она выливает яво. Берёт непитую воду, ложка туда мелкие ракушки всяких размеров и фасонов, они передаются из поколения в поколение; читая трижды молитву «Отче наш» и называя имя младенца. В эту время горит свечка над водой. Когда прочитал молитву, она берёт выскавя свячу и зажигая ее на загнетке. Воск свячи капая в деревянную ложку, а потом он выливается в воду, воск принимая форму того предмета, какого испугалси рябёнок. А рябёнок всю время должен сидеть на пороге.

с. Козловка Терновского района

Как видим, сакральными частями печи являются подпечка и загнетка, именно с ними связаны магические и обрядовые действия. Кроме загнетки и подпечки русская печь имеет еще одну сакральную часть — задорогу. Можно полагать, что первоначально и задорога выполняла охранительную функцию, как и сама печь, как и вся утварь в доме. По мнению Б. А. Рыбакова, охранную нагрузку выполнял орнамент, декоративные украшения спинок кресел, наличников, домашней увари. Декоративное убранство имело определенную символику. Наши материалы свидетельствуют, что и задорога первоначально украшалась орнаментом, однако семантика узоров, их символика безвозвратно забыты. Задорога — очень важный символ. Так, забираясь на печь, обязательно нужно лечь к задороге головой.

Лягла на пече, навалилси, дух запячатывайт, и руки не поднимаются, ни глагола нет, ничего, ни руки, ни ноги, и мне сказали: «Нужно к задороге головой, а к стенке ногами».

с. Богат Борисоглебского района

Задорога используется в обрядовых действиях при лечении стоматита. На эту роль задороги постоянно указывают информанты.

Задорога-то, она лечит. Бывалча потрёмь бородку о задорогу, и у ребятёнка жабы как не было.

с. Тюковка Борисоглебского района

Жабу заговариваю давно. Нужно подойти к задруге и держать младенца на руках. Заговор повторять до трёх раз: «Задружка, задружка, возьми от раба (имя) жабушку». После заговора ребёнка нужно дать глоток святой воды.

с. К.-Отделец Терновского района

Использование именно задороги в лечебном обряде тоже не является случайным. По древним языческим верованиям, силы зла могут переноситься на неодушевленные предметы, болезнь тоже может быть перенесена, очень часто в древней Европе болезни

переносились на деревья и кустарники. Символика здесь такова: сохнет дерево, сохнет (исчезает) и болезнь.

Можно полагать, что печь является символом жизни и символом смерти. Печь — место, где готовили ритуальные блюда, необходимые для жизни, — кашу, блины, но в свое время печь служила и для сжигания умерших. Печь — медиатор, соединяющий два разных мира: мир живых и мир умерших, мир «этого» света и мир «того» света.

Символика печи глубока и многообразна и своими корнями уходит в далекое прошлое.

Вопросы и задания

1. Роль русской печи в крестьянской избе.
2. Что символизирует собой печь?

Л. Я. Костючук

ИНФОРМАТИВНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КАРТЫ В КОНЦЕ XX ВЕКА¹

Известно, что говоры изменяются, особенно в XX в.: этому способствует «наступление» литературного языка на диалекты; усиление роли средств массовой информации; сближение условий жизни, в целом общность интересов сельских и городских жителей и т. д. Поэтому так значима и актуальна идея Б. А. Ларина о сборе материала в полном объеме, о создании диалектного словаря полного типа (такого, как, например, Псковский областной словарь)². А значит, и Лексический атлас русских народных говоров, составляемый в конце XX в., должен отражать материал в полном объеме. Это поможет и понять место соответствующих наименований на фоне всех диалектных систем русских народных говоров, и установить в известной мере степень сохранности региональных лексем.

Работа над Лексическим атласом неожиданно обостренно вскрыла такую картину в конце XX в., когда, оказывается, диалектных слов, синтетического способа обозначения реалий часто нет, но есть

¹ Костючук Л. Я. Информативная значимость диалектной лексической карты в конце XX века // ЛАРНГ (Мат. и иссл.) 1998. СПб., 2001. С. 39–46.

² Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–12. Л. (СПб.), 1967–1996.

общерусские однословные наименования или описательные конструкции, довольно точно передающие понятие. Это отличает материал в результате специального сбора его для ЛАРНГ от того, который был собран несколько десятилетий назад при сборе материалов для областных словарей.

<...>

При картографировании диалектных лексем особенно информативной оказывается легенда к карте, «редуцированная» за счет «отвержения» так называемых единичных наименований или описательных конструкций, она может исказить истинное положение номинации для соответствующих понятий, отражающих реалии.

<...>

При работе над ЛАРНГ особенно ясно выступает взаимосвязь реалии (понятие о реалии предлагается в соответствующем пункте Программы) с наименованием этой реалии. <...> Так, если есть реалия ‘большой медведь’, а у носителей говоров есть понятие об этой реалии, то номинацию реалии надо отразить на карте. Носители говоров имеют понятие о большом медведе, даже если в этой местности не водятся медведи вообще. Информанту важно «вспомнить», как надо фактически передать экспрессию (‘большой’ — по отношению к размеру медведя). При этом приходится учитывать многое. Суффиксальные образования хорошо и четко отражают понятие: *медвѣдище, медведище, медвидишо, медвѣжище, ведмедѣище, ведмежѣище* — с суффиксом *-ищ-*; *медвѣдина, медведѣина, ведмедина* — с суффиксом *-ин-*; *медведяка, ведмедяка* — с суффиксом *-ак-*. Такие суффиксы экспрессивны и в диалектном, и в литературном языке. При составлении не только областного словаря, но и лексического атласа нельзя отвергнуть и единичные суффиксальные образования с другими, но тоже с четко экспрессивными суффиксами: *ведмедяга, медведюга, медвюга; ведмедяра* (нельзя пренебречь суффиксом со звонким согласным, тем более, что есть повторяющиеся названия с глухой параллелью в суффиксе: *медведяка, медмедяка, ведмедяка*).

Работа над подобными картами (по существу лексико-словообразовательными) подтверждает уже высказанную нами мысль о необходимости обратного диалектного словаря, чтобы можно было выявить регулярность или нерегулярность суффиксальных образований при наименовании определенных реалий. <...>

Экспрессия ‘большой’ может быть передана и через корень. При этом особенно приходится учитывать каждый конкретный случай наименования. Так, лексемы *бирю́к* и *борáв* можно признать корректными наименованиями большого медведя. Носители говоров подтверждают свои ответы обоснованными пояснениями: *А сиводня фстретил барáва, ета бальшбй такой медвѣдь* (№ 274); *Бирюко́м у нас завут бальшбва медвѣдя. Бирю́к — хищный зверь. На бирюка́ одному ходить опасно, нужно нескольким медвижатникам* (№ 539).

При таком использовании названий наблюдается перенос названия с одного крупного животного (кабана — *борав*; волка — *бирюк*) на другое животное (медведя). Быть может, это связано и с проявлением табуистических представлений человека: нежелательно прямо, открыто называть большого медведя своим «именем», поскольку медведь как крупный лесной житель вообще вызывает у людей не только страх, но и почтение.

В определенной ситуации названия *валун* (№ 48), *ломовик* (№ 377), *силач* (№ 85), *увалень* (№ 439), *толстяк* (№ 248) и под. называют медведя, причем именно большого медведя. Но такие названия не все равноценны, не все подобные названия остаются после исследования для картографирования. Так, остается, например, название *ломовик*: *Большой медведь, бурый, ломовик, он идет напролом, скот задирает* (№ 377). Это ситуативное название по производимому медведем действию ‘ломиться’, т. е. ‘двигаться, преодолевая препятствия, ломая все на пути’. Отсюда и неслучайное наречие *напролом* в иллюстрации ответа (информант поясняет: *идет напролом*). Свойство субъекта (большого медведя) по действию характеризует большое животное, но не оно является главным мотивирующим признаком в нейтральном наименовании реалии. Однако через метонимию и такие названия обозначают ‘большого медведя’. Поэтому такие названия вносятся в список для картографирования соответствующими значками. В диалектном словаре *ломовик* для названия большого медведя может быть передано через знак употребления («—» — черта) с пометой-объяснением «о медведе» (еще точнее — «о большом медведе»). Такие случаи свидетельствуют об образном восприятии мира носителями диалекта. Подобное можно проследить и на примере других ситуативных названий большого медведя, которые как будто должны быть отвергнуты при картографировании лексем в атласе как не отражающие главного признака («большой») в передаче названия для реалии или как будто не отражающие вообще понятийного содержания для реалии. Но в то же время косвенно они отражают понятие о реалии. Единственно правильное решение: чтобы не потерять слова — названия реалии, стóбит и такие названия нанести на карту, подтвердив в Комментариях к карте хорошими примерами.

Описательные же названия (не только *здоровый медведь, матерый медведь, большонный медведь, большунный медведь, большущий медведь*, но и просто ‘большой медведь’, аналогичное выражению в литературном языке) при картографировании тех понятий через наименования, которые отражены в словесных названиях, не могут быть сразу, без исследования отвергнуты по разным причинам: 1) в некоторых современных говорах может не быть вообще однословного наименования; 2) действует тенденция к аналитизму (расчлененность наименований), что важно просле-

дить на материалах ЛАРНГ и о чем уже нам приходилось говорить; 3) некоторые описательные наименования хорошо вписываются в словообразовательно-деривационную и семантическую систему говоров. Расчлененные наименования отражают важные свойства номинации: с одной стороны, наименование одного (!) понятия (поэтому-то так важно учитывать и расчлененные названия); с другой — формальная расчлененность при назывании таких понятий, как ‘большой медведь’, в словосочетаниях типа *здоровый медведь* и под. не сопровождается семантической целостностью в лексико-семантической системе, а потому это семантически свободные словосочетания. Однако регулярность использования таких словосочетаний для наименования понятий, тем более при отсутствии соответствующего однословного названия, приводит к устойчивости таких выражений (Псковский словарь выражает это через знак «угол»).

Но следует помнить, что цели регионального словаря и атласа разные. Достижение этих целей может корректировать трактовку и подачу материала, что, безусловно, легче сделать в исследовании, чем при лексикографическом или картографическом решении. Для ЛАРНГ важно показать, на какой территории есть то, что составляет, например, понятие ‘большой медведь’. Но в то же время учитывается, насколько повторяющее формулировку вопроса описательное выражение закрепляется в однокоренных образованиях (тесная связь разных систем языка, затрагивающих разные уровни). Все сказанное показывает, насколько важно отразить на карте неоднословные наименования в разной степени и разными средствами, если мы не хотим ввести нынешних и будущих «читателей» карты в заблуждение, что в тех или иных говорах якобы нет соответствующего понятия. Ведь почти любая карта свидетельствует не только о каком-то диалектном слове, словообразовательном или формообразовательном суффиксе, но и о способе номинации определенного понятия. В этом отношении показательны как бы промежуточные способы номинации через описательное выражение с приложением, что удалось обнаружить при работе над картой и о чем нами уже говорилось: *медведь-великан* (№ 736), *медведь-громдина* (№ 336). Постпозитивное приложение в качестве экспрессивного суффикса поясняет исходную основу для передачи показателя размера.

Рассмотрение диалектного материала показывает, что важно учитывать разные способы наименований. Необходимо проводить фактически этимологические исследования, чтобы обоснованно включить слово в словарь или атлас для обозначения соответствующей реалии и включить слово так, чтобы дать ему адекватное толкование или соответствующее расположение и обозначение. Частично о подобном уже приходилось говорить в связи с наименованиями *кушэри*, *кушері*, *кучері* для понятия ‘густые заросли

кустарника'. Только учет разных фонетико-словообразовательных процессов позволил соотнести такие как будто затемненные по своему корневому составу слова с гнездом корня *куст-*. Или словосочетание *хрушкий медведь*, встречающееся наряду с другими описательными оборотами для обозначения большого медведя. Если учитывать только данные этимологических словарей, например М. Фасмера, то оно ассоциируется с выражением *старый медведь*, встретившимся как ответ на вопрос о большом медведе: корень *хруш-*, согласно этимологии словаря, оказывается связанным с понятием 'старый солдат'. Однако, как свидетельствуют диалектные данные, в среднерусских говорах, например костромских, прилагательное *хруцкий*, *хрушкой* означает 'крупный' (ср. выражения *хрушкий лес*, *хрушкая картошка*). Значит, даже единичное название *хрушкий медведь* обязательно должно быть отмечено на карте «Большой медведь», что только украсит карту, более точно представит систему говоров не только в микротеме «большой медведь».

Кроме того, то, что сегодня является как будто единичным наименованием, завтра, при перепроверке материалов по географическим пунктам или при обследовании новых пунктов, даже при лучшем техническом оснащении картотеки ЛАРНГ, может стать не единичным. Так случилось при работе над картами № 191 «Большой медведь» и № 12 «Густые заросли кустарника»: расширился, пополнился материал, стало логичным системное заполнение «клеточек» в легенде, строгое следование отработанной Инструкции для картографирования, «выводило» или «вводило» как будто аналогичные явления, например описательные конструкции-наименования (как повторяющего формулировку вопроса, «*большого медведя*» пришлось отвести, так как нет ни одного синтетического, однолексемного наименования с корнем *больш-*, а *густые заросли кустарника* и под. пришлось оставить, так как обнаружилось большое количество однословных названий с корнем или *густ-*, или *рос-/раст-*). Все это создало интересные пространства на карте по соответствующей теме. Особенно разветвленным, с интересными и суффиксальными, и описательными наименованиями, оказалось общедиалектное представление темы «Густые заросли кустарника». На материале каждого из картографируемых вопросов, с учетом и оставляемых для картографирования наименований, и отводимых по разным причинам от картографирования наименований, можно провести серьезные исследования и номинативного, и словообразовательного, и даже грамматического, и этимологического характера.

Этому способствует и лексикографическая практика. Проникновение в семантику слова, корня, в контексты, в систему парадигматических отношений на уровне значений у прилагательного типа звукового комплекса *кал'аньї* заставляет, например, для псковских

говоров увидеть почти правомочные корни *кал-* (как и в литературном языке) и *кол-*. И только традиция литературного написания прилагательного через букву «а» заставляет лексикографа выбрать вариант фиксации *каляный*, а *коляный* дать с отсылкой, т. е. «см. *каляный*».

Учет семантики слова, привлечение топонимики, рассмотрение слова в системе одноструктурных — все это заставляет картографа в легенде, на карте у слова *ляди́на*, *ляди́нье* в значении ‘густые заросли кустарника’ увидеть корень *ляд-* (именно через букву «я», а не через букву «е»).

Знание закономерностей из разных сфер современного языка, исторических процессов на разных уровнях (прежде всего фонетическом) позволяет более достоверно осмыслить всю систему наименований в пределах определенной темы, с отражением соответствующей реалии. Так, на карте для ЛАРНГ необходимо наглядно представить всю эту систему на пространстве Европейской части России, что «высвечивает» диалектное своеобразие русского языка. Опыт Псковского областного словаря, словаря полного типа, свидетельствует, что следует учитывать все обнаруженные наименования, поскольку это отражает жизнь не только слова, но и реалии, понятия о реалии (если реалии в данном месте нет) в человеческом коллективе данного географического пункта или всей территории данных говоров; позволяет соотнести эти наименования между собой по ареальным показателям; понять, какие мотивационные признаки положены в основу наименований; выяснить языковые возможности выбора номинации. При картографировании для ЛАРНГ необходимо еще строго следовать Инструкции, особенно в наиболее определяющих моментах.

Проникновение в материал, понимание диалектных и общерусских языковых процессов помогает с большим приближением к истине в отражении определенного участка окружающей действительности представить информацию на заданную тему. Этому и служит картографирование и создание ЛАРНГ. В этом и заключается информационная значимость диалектных лексических карт, создаваемых в конце XX в.

Литература

Псковские говоры и их носители (сведения об изученности народной речи с 1945 г.). Псков, 1996.

Вопросы и задания

Каковы различия в подаче материала между диалектным словарем и атласом?

ОБ АТЛАСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И СОВРЕМЕННОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ¹

<...> При составлении атласа необходима большая подготовительная работа. Атлас не может быть составлен без тщательной предварительной проверки всех его принципов и составных элементов (это возможно только путем ряда предварительных небольших экспедиций). Совершенно необходимо и самое широкое участие громадной армии учителей. Без помощи учителей составление советского атласа потребовало бы чрезвычайно продолжительного времени, — так велика наша страна, так велико разнообразие диалектов, какие сейчас еще можно изучать, пока они не совсем вымерли. В силу грандиозности материала, который предстоит охватить и изучить, одна Академия наук, какие бы у нее ни были в распоряжении средства, с этой задачей не смогла бы справиться. Дело в том, что если выполнение работ растянется более чем на одно или два десятилетия, то атласу грозит полная неудача, так как с каждым годом, с каждым днем исчезает очень много языковых фактов, и именно таких, какие наиболее ценны и интересны для атласа.

Советское учительство должно принять деятельное участие в предпринимаемом впервые широком обследовании русского языка, которое, с одной стороны, поможет развитию науки о языке и, с другой — будет иметь прямое отражение в нашей языковой практике.

Эта работа поможет при установлении норм литературного языка: она будет иметь немалое значение и для руководства в практической деятельности педагога, так как даст немало указаний и в области построения курса грамматики с учетом различий языка в отдельных частях нашей страны; она даст указания для рационализации нашей орфографии, даст твердую основу для более здорового и правильного развития нашей литературной критики и работы наших писателей.

Диалектология очень долго была делом любителей, дилетантов и не имела признаков подлинной науки, так как нельзя было указать ни специфической цели этой науки, ни ясных ее границ с соседними науками, ни специфических ее методов. Интерес, вернее, любопытство к диалектам, начавшееся еще в конце XVIII в., продолжается до конца XIX в. Оно выражается в том, что помещики или чиновники, якобы в силу высокой теоретической любознательности, а на самом деле в большинстве случаев довольно ясно сознавая практи-

¹ Ларин Б. А. Об атласе русского языка и современной диалектологии // Ларин Б. А. Филологическое наследие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 231–238.

ческие цели этого дела, делились с образованным обществом, т. е., в сущности, с широкими рядами своего же класса, опытом, наблюдениями, какие эти помещики или чиновники извлекли из долголетнего общения с крестьянством.

Вот, например, такой чиновник — Глушков в конце XVIII в. написал «Ручной дорожник» (путеводитель) из Петербурга в Москву, где описывает этот очень обычный маршрут того времени. В «Ручном дорожнике» он рассказывает и о том разнообразии, пестроте наречий, которые может наблюдать любознательный путешественник на своем пути. Он приводит целые разговоры с крестьянами. Все эти образчики наречий вложены в уста девушек, женщин; при этом описываются их наряды и красота. Даже в такой форме мы имеем уже любопытные практические данные — и как раз в тех частях книги, какие самому составителю казались наименее важными. Если диалектология конца XIX в. мало похожа на анекдоты Глушкова, то все же она недалеко ушла от них в самом своем существе, потому что по-прежнему представляла случайные, несистематические наблюдения, без точного приурочения к определенной среде, месту, без указания степени точности в передаче материалов, без понимания их большой и сложной истории.

Диалектология до последних дореволюционных лет строилась как дифференциальное описание отклонений литературного, образцового, чистого языка. Следовательно, этим самым грамматическая система, все богатство словаря оставались незамеченными, и неуслышанными, и незарегистрированными. Интересовало только то, что бросалось в глаза, что задевало слух наблюдателя, что отличалось от его привычной речи.

Главный порок этой старой «донаучной» диалектологии в том, что ей свойственна некоторая небрежность, которая объяснялась высокомерным отношением к объекту изучения; держались ложного убеждения, будто всякий образованный человек (интеллигент) настолько отличается утонченностью своих познаний, настолько вышколен теми или иными точными науками или дисциплинами, которые он изучал, что не может оказаться неспособным, бессильным зарегистрировать такую простую вещь, как крестьянский диалект.

Наблюдатель почти все свои записи делал, не имея никаких сомнений в их научной надежности и достоверности, но при этом как раз очень часто допускал грубейшие ошибки. Большинство наблюдателей старого времени очень плохо слушали. Они улавливали основные, привычные для них звуки, — если не те, которые являются элементом их собственной речи, то те, которые они слышали в своем родном поместье от своих нянек, от каких-нибудь кучеров или дворовых мальчишек. Но если звуковой состав или грамматическая система изучаемого диалекта не была похожа на ту, какую изучающий мог случайно или длительно наблюдать в детстве или

юности, то все очень тонкие элементы диалекта от внимания наблюдателей ускользали.

Не менее важным и трудным, чем фонетика и грамматика, является изучение словаря. Крестьянская лексика в старой диалектологии разъяснялась элементами литературной лексики с наивным убеждением, что здесь всегда найдется какой-либо эквивалент. Крестьянская речь будто бы только проще, только бедней — и больше ничем не отличается. Исходя из такого убеждения, наблюдатели старого времени делали грубейшие ошибки потому, что на самом деле соотношение было не таково. Крестьянские представления, идеи и мысли были гораздо сложнее в некоторых сферах и отношениях, чем интеллигентское мышление, представления и идеи. Наблюдатели подчас грубо искажали это крестьянское мышление в своих работах по лексике.

Историки языка, которые всегда были более других языковедов заинтересованы в собирании диалектологического материала, не раз предпринимали экспедиции и исследования. Цикл путешествий совершил языковед академик Срезневский, немало прямых личных наблюдений накопил для своих работ крупный языковед Афанасий Потебня и другие лингвисты: Колосов, Лавровский, позже Будде, Богородицкий, еще позже Чернышев и т. д. Эти диалектологи производили немало обследований, имея уже достаточно основательную подготовку, изощренный слух, развитое историческое чутье по сравнению с ранними наблюдателями-дилетантами, но все же и их работы во многих случаях нельзя назвать вполне удовлетворительными, вполне научными, так как и они исходили из ложных предпосылок о прошлом диалекта. Еще и сейчас есть лингвисты, которые убеждены в том, что диалекты возникли очень поздно, что диалекты образовались путем расщепления, разветвления какого-то единого языка, дробления одного языка на множество, что эта поздняя формация представляет собою только некоторое разложение старого богатого языкового типа, деформацию, обеднение языка.

Ценным для конца прошлого века и начала нашего является только одна мысль о том, что диалектология может окрепнуть, сделаться наукой лишь после того, как будут изучены все богатства диалектов, как будет проведена очень широкая краеведческая работа по языку. Эта мысль не нашла полного практического приложения, не была доведена до логического конца. Наша Академия наук предприняла то, что ей было легче всего сделать. Было составлено несколько анкет-вопросников, они были размножены, с нашей точки зрения, в очень малом тираже (но тогда это казалось большим), разосланы на места, и этим как бы был заброшен невод на языковое море.

Предполагалось, что все крупные факты, как рыба, в этот невод попадут. Но ответов было получено не так много, разработкой и анализом их занималась много лет Московская диалектологическая комиссия Академии наук (МДК). В результате этой работы мы име-

ем несколько выпусков Трудов МДК — очерков, диалектологических описаний отдельных говоров, но все это — недостаточные результаты, и наиболее существенным из них является та карта русского языка Европейской части России, которую в начале империалистической войны сумела составить и издать Московская диалектологическая комиссия.

Во Франции с наибольшим блеском сумел реализовать свою идею глубокого и полного изучения всех французских диалектов Жюль Жильерон, ученик крупных лингвистов — Гастона Париса и Гуго Шухардта, большой знаток французских крестьянских диалектов, работавший более 30 лет над непосредственным изучением диалектов в разных местах Франции. Он пришел к мысли о том, что ни рассылка анкет, ни непосредственное прямое изучение диалектов историком языка не могут привести к цели, не дадут достаточно широкого охвата и достаточно точного материала, которые необходимы для диалектологии, понятой по-новому.

Жильерон указал, что не только наивные дилетанты-любители не могут быть полезны, но и крупные специалисты могут оказаться для этого дела совсем неподходящими. Он привел ряд примеров, когда самые квалифицированные лингвисты допускали ошибки при изучении диалектов в силу того, что искали очень древние отложения в языке, искали на основе ясно представленных ими форм древнейшего языка, которых они не слышали, но часто находили там, где их не было, где их никто не произносил, переживали своего рода слуховую галлюцинацию в силу своего увлечения ошибочной теорией. Жюль Жильерон направил по выработанному им маршруту с выработанным им большим вопросником человека невысокой лингвистической квалификации, но с некоторой лингвистической подготовкой, с хорошим слухом, с хорошим знанием крестьянской жизни. Этот помощник Жильерона в течение 4 лет объезжал Францию, а вы должны помнить, что территория Франции не так велика, а потому объездить ее в течение 4 лет можно было достаточно полно. Таким образом этот сотрудник Жильерона обследовал около 600 пунктов по заранее подготовленной географической сетке.

Охарактеризую и другую затею того же времени — немецкую. Там замысел был другой. Немцы держались гораздо более традиционных взглядов, чем Жильерон. Они считали, что в основу должно быть положено изучение звуковой формы — фонетики, и лишь в самой малой степени собирали лексический материал. В Германии работа была построена так: короткий вопросник в 40 вопросов был разослан учителям всех немецких школ; ответы были получены, и обследовано было таким способом 44 тысячи пунктов. У Жильерона вопросник состоял не из 40 вопросов, а из 2000, а число пунктов, которые должны были быть изучены, было около 600. Надо сказать, что эти два опыта показали большое преимущество жильероновского типа работы. С одной стороны, громадное количество

ответов в числе этих 44 тысяч (немецких) оказалось совершенно однородным, чрезвычайно много ответов оказалось очень неточными, сделанными очень неумело; с другой стороны, очень малое количество вопросов, да и то преимущественно относящихся к звуковой стороне речи, не позволяло вскрыть полно историю диалектов, а давало только более твердую, чем ранее, опору для классификации диалектов по немногим признакам (правда, в дальнейшем немцы исправили начальные свои ошибки не без влияния французской школы).

После работ Жильерона и его учеников совершенно по-новому начали представлять не только историю литературного языка французов, но оказалось необходимым по-новому представлять и историю народов страны, историю ее колонизации, историю передвижения населения, историю торговых путей и отдельных населенных пунктов. Помимо этих конкретных обогачений в области истории языка, какие дал или к каким привел атлас Жильерона, оказалось, что он послужил для перестройки общих принципов языкознания, перестройки всей теории языка. Диалектология после жильероновских работ оказалась на некоторое время ведущей, самой передовой лингвистической дисциплиной.

Почти тот же путь — только иначе — проделал академик Марр в течение своей очень длительной научной деятельности. Начиная со студенческих лет он с поразительной неутомимостью занимается изучением множества живых диалектов и неоднократно, в разные периоды жизни, на разных этапах развития своей лингвистической деятельности он заявляет о том, что именно диалекты, именно живой язык, именно устная речь являются самым важным материалом для лингвиста, что только в этой сфере можно искать отправных и опорных пунктов для переворота в языкознании, для построения новой теории, нового учения о языке. Его теория, вне всякого сомнения, выросла на базе грандиозной диалектологической работы, как и на базе археологии, этнологии, и вместе с тем она теперь служит могучим средством и для обновления языковедения, и, в частности, для того, чтобы очень значительно повысить научное качество современной русской диалектологии. Мы теперь считаем важнейшими источниками исторического и теоретического языковедения изустный диалект крестьянства прежде всего, а затем те изустные диалекты, которые существуют наряду с литературным языком в городе, в городском населении. Эти изустные диалекты по своей структуре, по своему составу представляют для языка больший интерес, чем письменные памятники, хотя бы потому, что они дают более достоверные факты. При изучении диалекта на каждом шагу есть возможность провести проверку, эксперимент, что делает лингвистику более точной, чем другие гуманитарные науки, тогда как в сфере письменных памятников мы гораздо более беспомощны и почти лишены возможности этой проверки и эксперимента.

Уже больше ста лет усилиями филологов производится у нас тщательная разработка древнейших памятников письменности — и в памятниках этих все же очень многое остается загадочным. Если бы в наших руках были только письменные источники, только то немногое, что сохранилось от первых веков развития нашей письменности, то можно сказать с уверенностью, что мы никогда не имели бы надежды полного понимания наших старых текстов — «Слова о полку Игореве», «Русской правды» и т. д. Но уже во второй половине прошлого века при самом зачаточном, примитивном состоянии изучения диалектологии, она помогла расшифровать много темных мест старой письменности.

А теперь, когда диалектология является вполне доступной автономной дисциплиной, она располагает не только более ясными и доступными средствами раскрытия древних стадий и формаций языка, но и позволяет думать о построении истории языка в полном объеме, а не так, как делалось до сих пор, когда под этим подразумевалась лишь история языка господствующего класса. И больше того, диалектология позволяет идти далеко за пределы образования не только национальных языков буржуазного периода, но даже феодальных языков, дальше которых обычно буржуазное индоевропейское языкознание никогда не смело заглядывать.

Что собою будет представлять Диалектологический атлас русского языка? По плану, какой теперь уверенно осуществляется, атлас будет содержать около 1000 карт, каждая из которых будет вскрывать историю языкового выражения какого-нибудь представления, идеи из сферы хозяйственного быта, социального строя или духовной культуры в более узком смысле, наконец, в некоторых случаях такая карта позволит представить историю какой-нибудь грамматической категории, например: формы лица у глаголов, формы рода у прилагательных и т. д. Основой для такой истории какого-нибудь частного вопроса диалектологии будет полная карта явления, т. е. регистрация всех тех форм или звуковых или словесных выражений, которые для всей территории русского языка сейчас налицо во множестве живых крестьянских диалектов. Это позволит потом совершенно уверенно рисовать картину языкового богатства, языковой структуры диалектов и феодальной, и племенной эпохи.

Но, конечно, и в этих условиях полнота будет еще относительна вследствие необходимости ограничить число вопросов анкеты. Это ограничение диктуется тем, что никто нам ответов не пришлет, если анкета будет слишком длинная, а сами мы будем не в состоянии собрать весь материал. Задача в том, чтобы подобрать вопросы, наиболее показательные для истории хозяйства и общества, истории культуры, истории мысли. Поэтому, естественно, в том вопроснике, который теперь составлен, на первый взгляд перед вами какая-то непоследовательность, какая-то прерывистость и скачкообразность мысли: то задаются вопросы из сферы земледелия, о земледельческих

орудиях, о названиях угодий, то вопросы относятся к сфере социальных отношений, то они касаются единиц измерения, то ведут в эпоху охотничьего, скотоводческого хозяйства, — и сразу не ясно, в какой связи они стоят со всеми этими этапами развития культуры. Может быть, конечно, в этом вопроснике имеется ряд упущений, не заданы некоторые важные вопросы или, наоборот, излишне заданы другие вопросы, но довести вопросник до высокого совершенства можно только в процессе работы. Нужна некоторая страховка: мы можем получить необходимый ответ на один вопрос и можем не получить его на другие, — это покажет ход работы. Ответы на некоторые вопросы, вероятно, будут отсутствовать. С другой стороны, необходим учет тех тонких различий в сфере явлений природы, явлений хозяйства, явлений социально-бытовых, которые, с нашей точки зрения, людей городских, не кажутся очень существенными, но еще сейчас могут иметь большое значение для некоторых слоев крестьянского населения.

Эти тонкости должны быть введены в анкету, если хотим вскрыть более глубоко исторические пласты языка. Тут опыт заполнения анкеты внесет много коррективов, и еще больше опыта даст проработка готовых ответов, которая сразу вскрывает плодородность одного вопроса, как какой-нибудь золотоносной жилы, или, наоборот, бедность ответов на другой вопрос. Для того, чтобы выверить вопросник, Академия наук уже провела одну пробную экспедицию; был обследован район озера Селигер, выбранный потому, что там встречаются разнообразные диалекты. Опыт оказался удачным, материал получен очень большой и почти целиком сейчас разработан. Заканчивается составление карт, скоро выйдет пробный атлас. Но все-таки, изучая этот один район, мы могли проверить только самые основные принципы работы. Каждая область, каждый край даст свои поправки, вызовет необходимость дополнительных вопросов.

Например, в отношении Ростовской области прежде всего надо углубить вопросы, связанные с рыбной ловлей, которая имеет несколько иные традиции, иную технику, иное оборудование, а значит, и иное языковое оформление, чем на севере, чем в других местах. И к тому же надо заметить, что здесь эта рыбная ловля играет гораздо более важную роль, чем в других районах, чем, например, в районе озера Селигер, тоже довольно рыбного, тоже с немалым количеством рыбаков среди берегового населения. Наконец, сфера военного быта казачества должна дать много важного, как и обследование еще нескольких казачьих районов, так как это имеет огромное значение для раскрытия истории нашей культуры, истории нашей страны.

К одному опыту в этом направлении уже приступили: это организуемая Ростовским педагогическим институтом экспедиция в район поселений казаков-некрасовцев — потомков тех казаков, которые в эпоху Булавинского восстания выселились в Турцию и вернулись, в основном, в СССР после Октябрьской социалистической

революции в 1922–1924 гг. Эти диалекты, можно сказать с полной уверенностью, должны оказаться более архаичными, чем другие, так как отрыв их от языкового материка (от сплошной массы русского населения) при переселении в Турцию должен был приостановить, так сказать заморозить, развитие языка. Изолированный язык этих казаков в турецком окружении имел, конечно, свою эволюцию, свои изменения, но не подвергался интенсивному воздействию государственного языка — русского, которому подвергался язык казачества, остававшегося на Дону, с другой стороны, язык этих колонистов в Турции подвергался скрещению с другими нерусскими коллективами, подвергался однородному, постоянному и неизменному в этом смысле воздействию турецкого языка.

Мы, изучая эту группу диалектов, имеем возможность заглянуть в прошлое (XVII–XVIII вв.). Материалы, сохраненные этими диалектами, будут иметь крупное значение и для исторического и для древнерусского словаря русского языка. Для составления атласа это будет пробный камень.

Почти все карты и атласы, какие известны до сих пор, имеют одну закономерную, однообразную черту. Наиболее древние явления на этих картах выступают обычно крупинками — «островками», а вся территория обычно представляет собой сплошное распространение новых явлений под воздействием государственного литературного языка. И казачий говор, недавно еще турецко-казачий, позволит проверить ваши наблюдения над остальными казачьими диалектами и с уверенностью утверждать, что в таких «островках» мы имеем подлинные пережитки далекой старины. Таким образом эта экспедиция будет иметь крупное значение не только для истории вашего края, но и для истории русского языка. Ведь это случайно, что мы так основательно знаем историю некрасовцев и так уверенно нащупываем глубоко залегшие и хорошо сохранившиеся исторические пережитки.

Каждый край и ваша область имеют, может быть, ряд таких же замечательных «захолустий» языковой истории, они дадут хотя бы в другом отношении не менее ценный материал, о котором почти никто из нас не подозревает.

Мы, например, знаем какие-то легенды о кержаках в Сибири, скрывшихся в XVII в. в непроходимых, в неприступных лесах и проживающих там до наших дней, сохранивших материальную и духовную культуру XVII в. Мы только о них слышим, но найти и изучить их диалект еще не удалось ни одному лингвисту.

Мы знаем, например, что в Закавказье имеются подобные старообрядческие общины среди армянского населения, но опять никто до сих пор не изучал их, и тут работа над атласом приведет к тому, что все эти «легендарные» источники русского языка станут реальными источниками для изучения его истории, если в легендах нет преувеличения или вымысла.

Вопросник нащупывает те категории языка, которые имеют наиболее разнообразное выражение, т. е. те, в которых до сих пор менее осуществилась языковая униформация, хотя к униформации стремились сознательно и уверенно и сами носители этих диалектов, потому что они сами понимали, что эти диалекты тормозят их развитие.

Вопросник-анкета составлен так, чтобы ответы были разные. Мы спрашиваем, например, о том, как выражается идея жилья, как называется жилье, потому что мы знаем, что разные наименования являются характерными для отдельных краев (*изба, курень, хата, халуна* и т. д.). Какому-нибудь слову литературного языка, например *очень*, соответствуют на местных говорах *дюже, гораздо, шибко, порато* и другие слова.

Атлас выяснит географическое распределение того, что сейчас еще не униформировано в диалектах. Но вся история языка в основном — процесс униформации, т. е. распространения единых норм, единой системы и структуры языка. Этот процесс представляет большой теоретический интерес. Установить развитие униформации как можно шире и обстоятельней — наша первоочередная задача в этой области.

Но атлас не освещает этой стороны. Это — процесс, который начинается уже в феодальную эпоху (развитие областных наречий) и который не закончился еще и сейчас, так как, начиная с буржуазной эпохи, медленно внедряется общегосударственный литературный язык, и эти два вида языковой униформации должны быть изучены и прослежены и по историческим этапам и по областям, по географическим районам.

Как это сделать? Это очень легко сделать каждому наблюдателю, живущему на месте и шаг за шагом регистрирующему проявления этого внедрения общего языка. Но это не задача атласа, это надо делать помимо работы над ним. Поэтому наш вопросник предполагает дополнительно дать сведения о диалекте путем записи отдельных разговоров, фраз и выражений, что позволило бы вскрыть и новые явления в языке, а не только его архаизмы. <...>

Вопросы и задания к разделу

1. Какова история лингвогеографии в России?
2. Каковы задачи создания ЛАРНГ?
3. Какова роль РГО в развитии лингвогеографии?

ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ

К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова

ОБЗОР ДИАЛЕКТНОГО ЧЛЕНЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

Глава I. Наречия и среднерусские говоры

<...> Наиболее широкое членение говоров русского языка намечается на основе пучков изоглосс, идущих с запада на восток и выделяющих северную и южную части территории распространения русских народных говоров в пределах центральных областей Европейской части СССР. <...>

Ареалы явлений, характерных для языкового комплекса каждого из наречий, не полностью совмещаются друг с другом, а частично. <...>

Наречия не находятся в непосредственном соседстве друг с другом: между ними лежит полоса среднерусских говоров, на территории которых в разной степени распространены, по-разному совмещаясь друг с другом, окраинные отрезки ареалов языковых явлений, порознь свойственных каждому из наречий. Внешне это находит свое выражение в пересечении изоглосс на территории среднерусских говоров. <...>

Границы каждого из наречий устанавливаются как на основе совмещения основных частей ареалов явлений, известных и в среднерусских говорах, так и на основе распространения специфических только для данного наречия явлений, не имеющих распространения в среднерусских говорах. <...>

При характеристике наречий отдельно указываются соответственные явления, состоящие из д в у х ч л е н о в, и отдельно те, которые являются многочленными, т. е. включают несколько членов. При этом н а и б о л ь ш е е значение придается двучленным соответственным явлениям или тем, которые в общем виде могут быть

¹ Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Обзор диалектного членения русского языка // Диалектное членение русского языка. М., 1970. С. 71–82.

сведены к таковым, так как именно на их основе каждое из наречий противостоит другому <...>.

§ 15. Характеристика северного наречия на основе двучленных соответственных явлений. На основе двучленных соответственных явлений северное наречие характеризуется следующим.

Фонетические явления. 1. Различение гласных неверхнего подъема после твердых согласных: а) в первом предударном слоге: *д/о/ма́, н/о/шу́, д/а/ва́й, вст/а/ва́й*; б) во втором предударном слоге: *м/о/локо́, д/а/л'око́*; в) в заударных слогах: *в зóр/о/де, зóр/о/д, вы́д/а/л, на́д/о/, óкн/а/¹*.

2. Смычное образование звонкой задненёбной фонемы *г* и ее чередование с *к* в конце слова и слога: *но/г/а́ — но/к/, бер'о/г/ýс' — бер'ó/к/с'а* и т. п.

3. Отсутствие *ј* в интервокальном положении, явления ассимиляции и стяжения в возникающих при этом сочетаниях гласных (нередко при сосуществовании этого рода явлений по говорам северного наречия): а) в глагольных формах с ударенным и безударным сочетанием **а́йе**: *де́л/аэ/т, де́л/аа/т, де́л/а/т; зн/а́э/т, зн/аа/т, зн/а/т*. Изредка и на более южных частях территории северного наречия это явление наблюдается и в глаголах с сочетаниями **е́йе, о́йе**: *ум/е́э/т, ум/е́/т м/бэ́/т, м/б/т*; б) в формах прилагательных с ударенными и безударными сочетаниями **а́йа, у́йу, ы́йе** (последнее весьма разрежено на восточной части территории северного наречия): *но́в/аа/, но́в/а/; молод'а́а/, молод'а́/; но́в/уу/, но́в/у/; молод'у́у/, молод'у́/; молод'ы́/, но́в/ы́/*.

4. Сочетание **мм** в соответствии сочетанию **бм**: *о/м̄/а́н, о/м̄/е́р'а́л*.

5. Произношение **с** в соответствии сочетанию **ст** в конце слов: *мо/с/, хво/с/*.

Примечание. Данное явление известно и южнее, образуя ареал к западу от Москвы.

6. Случаи произношения мягких шипящих **ж'** и **ш'** (в рассеянном распространении по территории северного наречия): */ш' /у́бка, /ж' /ест', /ш' /а́пка, /ж' /а́л'*.

7. Особенности в произношении отдельных слов: */пи/е́ница* (без вставного гласного); */р/у́га* (с мягким **р'**); *нут/р/о́* (с твердым **р**); *ко/в/да́, ко/л/да́* (с согласными **в** или **л** вместо **г**); исключительное распространение слова *где* с начальным согласным **г** различного образования.

Грамматические явления. 1. Окончание **-ы** в форме родительного падежа единственного числа существительных женского рода с окончанием **-а** и твердой основой: *у жон/ы́/, с рабо́т/ы́/*.

¹ Следует иметь в виду наличие группы акающих говоров в пределах северного наречия в Костромской области, между 42° и 44° в. д., к югу от г. Солигалича и к северу от г. Галича — «костромской акающий остров».

2. Склонение существительных с суффиксами **-ушк-**, **-ишк-** по типу слов мужского — среднего рода: *дэдушко, дэдушка, дэдушку* и т. д.; *мальчишко, мальчишка, мальчишку* и т. п.

Примечание. Такой тип склонения для существительных с этими суффиксами отмечен и в части говоров Западной группы южного наречия (см. ниже); отдельно взятый мужской тип склонения существительных с суффиксом **-ишк-** имеет значительное распространение за пределами северного наречия.

3. Безударное окончание **-а** у существительных среднего рода с твердой основой в именительном падеже множественного числа: *п'атн/а/, бкн/а/*.

4. Распространение форм именительного падежа множественного числа существительных *волк, вор, орех* с ударением на основе: *во́лки, во́ры, оре́хи*.

5. Наличие общей формы для дательного и творительного падежей множественного числа существительных и прилагательных: *с пусты́м в 'о́драм — к пусты́м в 'о́драм*.

Примечание. Явление отсутствует в некоторых говорах северной части территории северного наречия: вокруг городов Каргополя, Коноши, Вельска и у Онежского озера.

6. Ударение на окончании у прилагательного *то́лстый*: *тол-сто́й*.

7. Наличие форм единственного числа личных и возвратного местоимений с различием окончаний родительного — винительного падежей сравнительно с дательным — предложным падежами и совпадением основ при образовании всех этих форм у местоимения 2-го лица и возвратного: род. — вин. — *мен'а, теб'а, себ'а*; дат. — предл. — *мне* (при возможном *мене́* в говорах между 36° и 39° в. д.), *тебе́, себе́*.

8. Окончание **-т** твердое при его наличии в форме 3-го лица глаголов настоящего времени единственного и множественного числа: *но́си/т/, но́с'а/т/*.

9. Различение гласных в безударных окончаниях глаголов настоящего времени 3-го лица множественного числа I и II спряжения: *ни́ш/у/т, де́лай/у/т — ды́ш/а/т, но́с'а/т*.

10. Форма повелительного наклонения глагола *лечь* — *л'аг*.

11. Возможность употребления личных форм единственного и множественного числа с ударением на окончании у глаголов II спряжения, исконно имевших ударение на окончании, например у таких, как *солить, бранить, дарить, варить, катить, валить*: *да́риш, да́ри́т, да́рим* и под. <...>

Лексические явления. Распространение следующих слов: *кваши́ня, кваши́онка* — «посуда для приготовления теста»; *ковш, ко́вшик* — «сосуд, которым черпают воду» (в западной части тер-

ритории наряду с этим встречаются слова *корёц* — *кóрчик*); *сковородник* — «приспособление для вынимания сковороды из печи» (образования с данным корнем и суффиксом *-ень* — *сковорóдень* — известны и в межзональных говорах типа *A*); *зы́бка* — «колыбель, подвешиваемая к потолку» (употребляемое наряду с этим в ряде говоров слово *лю́лька* характерно преимущественно для говоров южного наречия); *кафтáн* — «мужская одежда определенного покроя» (за пределами северного наречия слово известно в сочетании с другими названиями одежды того же покроя); *орáть* (наряду с *пахáть*) — «пахать» (слово *орáть* отсутствует на большей части территории межзональных говоров); *óзимь*, *óзима* — «всходы ржи»; *суя́гная*, *суя́ная*, *суя́нная* — «суягная...» (об овце) и *яг-ни́лась*, *объягни́лась*, *яни́лась* — «ягнилась» (об овце); *берёжая* (наряду с *жерёбая*) — «жеребая» (о лошади); *ла́ет* (о собаке; данное слово известно и в говорах южного наречия, но в сочетании с другими словами); *погóда* — «плохая погода»; *брéзговать* — в том же значении, что и в литературном языке; *хоровóд*, *коровóд* — «хоровод».

§ 16. Характеристика северного наречия на основе многочленных соответственных явлений. На основе многочленных соответственных явлений северное наречие характеризуется следующим.

Фонетические явления. 1. Возможность произношения гласного *и* перед мягкими согласными в ряде говоров наряду с *e* в соответствии фонеме *ê* перед твердыми как под ударением, так и в первом предударном слоге: *в л'и/сêк*, *б'и/лен'кой*, *зв'и/р'йó*, *б'и/лét'*.

2. Возможность произношения заударного *e* как *o* в положении перед твердыми согласными и в конечном открытом слоге: *пóл'/o/*, *в'и́н'/o/с*, *óз'/o/ро* и под.

3. Возможность лабиализации предударного *o* перед различными ударенными гласными и вне зависимости от качества соседних согласных: *б'ó/л'шáйа*, *б'оу/л'шáйа*, *д'ó/л'мо́й*, *н'оу/г'и́*, *ст'ó/л'ы́*, *ст'оу/л'ы́*. <...>

4. Произношение твердых губных в соответствии мягким на конце слова: *гóлу/н/*, *кро/ф/* или *кro/w/*, *се/л/* (инд.¹; явление менее распространено в восточной части северного наречия).

5. Произношение слова *кринка* с мягким *р'*: *к/р'/и́нка*.

Грамматические явления. 1. Наличие существительных *ма́тка*, *дóчка* — «мать», «дочь», относящихся к продуктивному склонению существительных женского рода на *-а*, встречающихся в рассеянном распространении наряду с другими словами для выражения тех же значений (инд.).

¹ Помета «инд.» указывает, что явление имеет индивидуальный характер распространения.

2. Распространение слов — названий ягод, образованных с суффиксом **-иц-**: *земл'ані́ца, брусні́ца* (инд.; менее интенсивно распространены на восточной, особенно юго-восточной территории северного наречия).

3. Словоформа именительного падежа множественного числа *крест'я́н/а/*.

4. Образование форм множественного числа существительных мужского рода, обозначающих степени родства, с суффиксами **-ов'й-, -ев'й-**: *з'ат'ев'я́, д'ад'ев'я́, братов'я́* и под.

5. Принадлежность к среднему роду и образование с суффиксом **-атк-** существительных, обозначающих молодые существа: *цыпл'а́тк/о/, роб'а́тк/о/*, и образование форм множественного числа от той же основы с неударенным окончанием **-а**: именительный падеж множественного числа — *цыпл'а́тк/а/, роб'а́тк/а/*.

6. Наличие согласуемых постпозитивных частиц: **-от-, -та-, -ту-, -те** или **-от, -та, -ту, -ты, -ти**.

Лексические явления. Распространение следующих слов: *ухва́т* — «приспособление для доставания горшков из печи» (слово известно и в говорах южного наречия, главным образом на территории межзональных говоров типа А); *крі́нка* — «посуда определенной формы для хранения молока»; *перё́дник* — в том же значении, что и в литературном языке; *боро́нить* — *бороно́вать* — для обозначения процесса боронования; *суслóн* — «малая укладка снопов» (наряду с этим словом встречаются и другие названия такой укладки); *заво́р, прово́р* — «жердь, закрывающая проезд или ворот», «проезд в изгороди»; *петь* — в том же значении, что и в литературном языке (за пределами северного наречия встречается в сочетании с другими глаголами; слово *петь* имеет такое же исключительное распространение и в говорах Западной группы южного наречия); *льди́ны* — в том же значении, что и в литературном языке.

§ 17. Характеристика южного наречия на основе двучленных соответственных явлений. На основе двучленных соответственных явлений южное наречие характеризуется следующим.

Фонетические явления. 1. Неразличение гласных неверхнего подъема после твердых согласных: а) в первом предупредном слоге: *ст/а/лы́, с/а/ды́*; б) во втором предупредном слоге: *м/ь/локó, д/ь/л'окó*; в) в заударных слогах: *в го́р/ь/де, го́р/ь/д* или *го́р/а/д, ви́д/ь/л* или *ви́д/а/л, на́д/ь/л* или *на́д/а/л, са́д/ь/л* или *са́д/а/л*.

2. Фрикативное образование звонкой задненёбной фонемы **ɣ** — **ʝ** и ее чередование с **х** в конце слова и слога: *но/ʝ/а́* — *но/х/л*, *бер'о/ʝ/у́с'* — *берó/х/с'а*.

3. Отсутствие результатов выпадения интервокального **j** и стяжения гласных в личных формах глаголов и прилагательных.

4. Наличие сочетания **бм**.

5. Сочетание **ст** на конце слова.

Примечание. На территории южного наречия имеется ареал произношения *с* в соответствии *ст* в говорах к западу от Москвы.

6. Наличие только твердых шипящих *жс* и *ш*.

7. Особенности в произношении отдельных слов: *n/a/шени́ца* или *n'ь/шени́ца* (с вставным гласным); */p'ы́га* (с твердым *p*; такое произношение этого слова отсутствует в северной части Западной и Верхне-Днепровской групп южного наречия); *нут/p'ó* (с мягким *p'*); *ко/у/да́, кода́* (с согласным *у* или без согласного); *иде́, йде, ийде́, де* — «где», распространенные в южном наречии наряду со словом *уде*.

Грамматические явления. 1. Окончание *-е* в форме род. пад. ед. ч. существительных ж. р. с окончанием *-а* и твердой основой: *у же/не́!, с рабо́/ту!*.

Примечание. Наиболее регулярно эти формы употребляются при предлоге *у*.

2. Склонение существительных с суффиксами *-ушк-*, *-ишк-* (особенно слов с суффиксом *-ушк-*) по типу слов ж. р.: *де́душка, у де́душки, к де́душке* (кроме северной части территории Западной группы южного наречия).

3. Наличие безударного окончания *-ы* у существительных ср. р. с твердой основой в форме им. пад. мн. ч.: *п'áтн/ы!, óкн/ы!*.

4. Распространение форм им. пад. мн. ч. существительных *волк, вор, орех* с ударением на окончании: *волки́, воры́, орехи́*. Наиболее последовательно *воры́*.

5. Различение форм дат. и тв. пад. мн. ч. существительных и прилагательных: *с ну́ст'ыми в'óбрами, к ну́ст'ым в'óбрам*.

6. Ударение на основе у прилагательного *толстый*: *то́лстой*.

7. Наличие форм личного и возвратного местоимений с окончанием *-е* во всех формах и с различением основ род. — вин. пад. сравнительно с дат. — предл. пад.: род. — вин. пад. ед. ч. — *мене́, тебе́* (изредка *тобе́*), *себе́* (изредка *собе́*), дат. — предл. пад. — *мне́* (реже *мене́*), *тобе́, себе́*. <...>

8. Окончание *-т'* при его наличии в форме 3-го лица глаголов настоящего времени единственного и множественного числа: *но́си/т'!, но́с'а/т'!*.

9. Совпадение безударных окончаний 3-го лица множественного числа глаголов I и II спряжения: *ни́ш/у/т, де́лай/у/т, д'ы́ш/у/т, но́с'у/т*.

10. Форма повелительного наклонения глагола *лечь* — *л'аж*.

11. Ударение на основе в личных формах единственного и множественного числа (кроме 1-го лица единственного числа) у глаголов II спряжения, исконно имевших ударение на окончании: *та́йи 'иши, ва́риши, ва́лиши*.

Примечание. При этом возможна мена ударенных гласных *а* и *о*, в разной степени распространенная на территории южного наречия у раз-

личных глаголов. По всей территории южного наречия она распространена у глаголов *дарить*, *катить*, *платить*: *д'о/риши*, *к'о/тиши*, *пл'о/тиши*.

Лексические явления. Распространение следующих слов: *дежа́*, *де́жка* — «посуда для приготовления теста»; *ча́пля*, *ца́пля*, *ча́пельник*, *чаплéйка* и под. с корнем *чап* (*цап*) — «приспособление для доставания сковороды из печи» (лишь в незначительной части говоров южного наречия известно слово *сковоро́день* в этом значении); *корéц* — *ко́рчик* — «сосуд, которым черпают воду» (эти названия отсутствуют в северной части Западной и Верхне-Днепровской групп говоров южного наречия, где распространены слова *кови* — *ковишик*); *лю́лька* — «колыбель, подвешиваемая к потолку» (отмечаемое в тех же говорах слово *колыбе́ль*, возможно, относится к другой реалии); *зипу́н* — «мужская верхняя одежда кафтанного покроя» (лишь на небольшой, наиболее западной части Западной группы данное название отсутствует); *пахáть* — для обозначения процесса пахоты; *зе́лени*, *зеленя́*, *зель* — «всходы ржи»; *ко́тная*, *ско́тная*, *суко́чая*, *ко́таная*, *сукóтная*, *сукóтая* — «суягная» (об овце) и *око́тилась* — «оягнилась» (об овце); *жерё́бая*, *жерё́баная*, *су́жерёбая*, *су́жерёбая* — «жеребая»; *бре́шет* — «лает» (о собаке; отмечаемое в тех же говорах слово *га́вкает*, возможно, имеет отличия в значении); *пого́да* — «хорошая погода» (такое значение данного слова отсутствует в значительной (восточной) части говоров Восточной группы, где оно распространено со значением «плохая погода»); *гребо́вать* — «брезговать»; *корого́д*, *курого́д* — «хоровод».

§ 18. Характеристика южного наречия на основе многочисленных соответственных явлений. На основе многочисленных соответственных явлений южное наречие характеризуется следующим.

Фонетические явления. Произношение словоформ прошедшего времени мужского рода *тряс* и *запруг* с ударенным гласным *о*: *т/р'о́/с*, *зап/р'о́/г* (инд.).

Грамматические явления. 1. Склонение слова *путь*, относящегося к мужскому роду, по типу продуктивного склонения существительных мужского рода: *путь*, *путь'а*, *путь'у*.

2. Словоформа *ворот'а* (им. пад.).

3. Распространение личных форм глагола *лечь*, образованных от основы *л'аж-*: *л'а́/ж/у*, *л'а́/ж/еш*, *л'а́/ж/ут*.

4. Распространение инфинитивов типа *нес'т'а*, *плес'т'а* в соответствии инфинитивам *нести́*, *плести́* и *ит'ит'* — *ид'ит'*, а также инфинитивов типа *печ'*, *сеч'*, *стереч'* у глаголов с основами на задненёбный согласный (инд.).

Примечание. Инфинитивы указанных типов имеют известное распространение на территории северо-западной зоны и северного наречия.

5. Произношение гласного *а* в форме 2-го лица множественного числа глаголов повелительного наклонения: *да́й/т'а/* и под.

Лексические явления. Распространение следующих слов: *ток* — «площадка для молотьбы»; *цеп* — «орудие, которым обмолачивают хлеб»; *брать* — «теребить» (о льне).

§ 19. Среднерусские говоры. Ареалы целого ряда языковых явлений, присущих наречиям русского языка, выходя за пределы той территории, где они полностью совмещаются друг с другом, т. е. за пределы каждого из наречий, оказываются в разной степени распространенными и совмещенными друг с другом на широкой территории, находящейся между северным и южным наречиями, т. е. на территории среднерусских говоров. На любой части территории, занимаемой этими говорами, наблюдается сосуществование сложившихся в своеобразные системы черт, порознь известных как наречиям, так и диалектным зонам. При этом, поскольку ареалы разных явлений по-разному расположены на разных частях территории среднерусских говоров, возможные сочетания языковых черт являются весьма разнообразными в их пределах.

Неоднородность среднерусских говоров находит свое выражение также и в разной степени оформленности, организованности систем указанных говоров. Это зависит от моментов исторического характера, от времени сложения данных говоров, от того, в какой мере разнодиалектные по происхождению черты подвергались в них трансформации, и от того, имеются ли на территории рассматриваемой части среднерусских говоров только ей присущие черты, обязанные своим возникновением междиалектному взаимодействию, и каков круг этих черт. <...>

В связи с тем что очертания изоглосс, выделяющих ареалы явлений, характерных для наречий, как правило, являются весьма разнообразными и имеют лишь общее сходство в отношении направления и очертаний выделяемых изоглоссами территорий, имеется лишь небольшое количество черт наречий, присущих среднерусским говорам в целом.

Таковы следующие черты северного наречия: 1) смычно-взрывное образование задненёбной звонкой фонемы *г* и ее чередование с *к* в конце слова и слога; произношение слова *где* с задненёбным согласным смычного или фрикативного образования — /*г*/дѣ или /*γ*/дѣ; 2) произношение слова *нутрѡ* с твердым *р*; 3) распространение таких слов, как *квашиня* — *квашиѡнка* — «сосуд, в котором приготавливают тесто»; *ухват* — «приспособление для доставания горшков из печи»; *кафтѡн*, *кавтѡн* — «мужская одежда определенного покроя»; *ягнѡлась*, *янилась*, *янилась* — «обьягнилась» (об овце); *льдиѡна* — в том же значении, что и в литературном языке; *погода* — «плохая погода»; *петь* — «петь». С некоторыми оговорками о частичной, но в общем несущественной неполноте распространения могут быть также включены слова: *сковорѡдник* — «приспособление для доставания сковороды из печи» и *лаѡт* — «лает» (о собаке).

Из числа черт южного наречия характерны следующие:

1) возможность неразличения гласных во втором предударном и заударном слогах после твердых согласных: *м/ъ/локѠ, д/ъ/л'окѠ, в гѠр/ъ/дѠ, гѠр/ъ/д* или *гѠр/а/д, нѠд/ъ/* или *нѠд/а/*;

2) явления, касающиеся звукового выражения флексий определенных морфологических категорий: а) безударное окончание **-ы** у существительных среднего рода в форме им. пад. мн. ч.: *п'ятн/ы/* и под.; б) склонение существительных типа *дедушка, мальчишка* по типу существительных женского рода; в) возможность совпадения безударных окончаний 3-го лица множественного числа глаголов I и II спряжения: *пѠш/ут/, прѠс'/ут/* и под.

Примечание. Последовательность распространения этих явлений уменьшается на территории западных и северной части восточных среднерусских окающих говоров.

Следует специально отметить, что лексических явлений, присущих говорам южного наречия и имеющих распространение во всей полосе среднерусских говоров, отметить не удалось.

На основе очертаний изоглосс такого явления, как различие и неразличие гласных в первом предударном слоге после твердых согласных, среднерусские говоры, взятые на всем их протяжении с запада на восток, делятся на акающие и окающие. Таким образом, окающие среднерусские говоры, разделяя общую для всех среднерусских говоров возможность неразличения гласных во втором предударном и заударных слогах, сочетают ее с различием гласных в первом предударном слоге.

Глава II. Диалектные зоны

§ 20. Вводные замечания. С различными частями сочетаний ареалов языковых явлений, которыми выделяются наречия и среднерусские говоры, соединяются, по-разному накладываясь на них, сочетания ареалов, присущие таким территориальным величинам, как диалектные зоны: *западная, северная, северо-западная, северо-восточная, южная, юго-западная, юго-восточная.*

Комплексы явлений, характерные для каждой такой зоны, неодинаковы как по количеству явлений, так и по их связи с разными сторонами языка. Достаточно различными могут быть и очертания пучков изоглосс, выделяющих ту или иную зону. В связи с этим ниже, при обзоре зон, их территории представлены в нескольких разновидностях.

Значение выделения и описания комплексов явлений, характерных для диалектных зон, определяется тем, что в сочетании с языковыми комплексами наречий или определенных отделов среднерусских говоров они характеризуют основу языковых комплексов групп говоров. <...>

Вопросы и задания

1. Как определяются границы между разными единицами диалектного членения?
2. Охарактеризуйте севернорусское наречие.
3. Охарактеризуйте южнорусское наречие.
4. Что такое среднерусские говоры и каковы их отличительные черты?
5. Что такое диалектные зоны?

В. И. Трубинский

ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ¹

§ 54. Общие замечания

В результате тщательного изучения закономерностей лингвистического ландшафта языка русских территориальных диалектов, осуществленного в середине прошлого столетия, была создана группировка говоров русского языка. Составители ДАРЯ подчеркивают, что предлагаемая ими система диалектных подразделений является именно группировкой, а не классификацией говоров русского языка, поскольку не отвечает принципу сопоставления определенного ряда величин по одной соотносительной и для всех этих величин характерной черте.

Анализ карты ДАРЯ позволил обнаружить сложный лингвотерриториальный ландшафт языка русских диалектов. Оказалось, что большинство диалектных черт имеют повторяющиеся ареалы своего распространения, которые взаимно накладываются, пересекаются или взаимно исключаются и создают тем самым сложное переплетение пучков изоглосс. Подобный характер территориального распространения диалектных явлений и послужил основой для группировки говоров русского языка.

В итоге было выявлено три типа территориальных разновидностей языка. П е р в ы й тип — н а р е ч и я. Они делят, как и на карте 1914 г. (в «Опыте...»), всю территорию русского языка в Европе на две большие части: северную и южную и образуют северное и южное наречия русского языка. В т о р о й тип — д и а л е к т н ы е з о н ы. Это, как и наречия, очень большие территории, объединяющие говоры рядом общих признаков. Выделено семь диалектных зон.

¹ Трубинский В. И. Диалектное членение // Русская диалектология. Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем. М.; СПб., 2004. С. 154–181.

Третий тип — группы говоров. Это — относительно мелкие ареалы, всегда вписанные в территории наречий и диалектных зон и отделенные друг от друга в целом ряде случаев теми же пучками изоглосс, что и диалектные зоны.

Напомним коротко в настоящем разделе о выделенных в «Опыте...» группах говоров и наиболее важных диалектных явлениях, которые их характеризуют. Но будем напоминать о них не иначе, как постоянно соотнося диалектные объединения (прежде всего — группы говоров) этой карты и карты 1964 г., не оставляя при этом без внимания исторический аспект и не без оглядки на так называемую «элементарную» географию: города, реки, административное деление современной России.

В самом деле, могут ли быть успешными наши попытки соотнести, сопоставить границы распространения лингвотерриториальных ареалов и диалектных группировок на обеих картах, если мы не создадим некий фон, своеобразный «задний план», обеспечивающий четкость пространственного сопоставления объектов?

Функцию подобного «фона» в научных трудах и учебных пособиях по русской диалектологии нередко выполняют географические координаты. Их тоже, конечно, надо учитывать. Они действительно позволяют определить местоположение объекта предельно точно. Однако представление студента о географическом положении той или иной группы говоров на сопоставляемых картах не становится от этого менее смутным.

Предпочтительной разновидностью «заднего плана» становится в данном случае административное деление России, которое за последние полвека почти не изменилось (границы областей и республик остались прежними).

Подобным соотнесением, к сожалению, никто пока не занимался. Попытаемся же теперь, хотя бы отчасти, выполнить эту не очень благодарную задачу, коль скоро первым требованием, обращенным к учащемуся, анализирующему диалектный текст, по-прежнему остается у нас правильное определение его территориальной принадлежности. <...>

Северное наречие

§ 55. Поморская (Архангельская) группа северновеликорусских говоров

Ее территория — северная часть Архангельской области (главным образом — по нижнему течению рек Северной Двины, Онеги и Мезени), северные районы Республики Коми (преимущественно — по верхнему течению р. Печоры), а также западное (северная Карелия) и северное (Мурманская область) побережье Белого моря. Территория Поморской группы говоров не картографирована ДАРЯ.

Укажем основные особенности говоров этой группы — наиболее значимые из тех, что перечислены в приложении к «Опыту...».

1. На месте древнего гласного «ять» как под ударением, так и в неударяемых слогах, слышится звук [e], который в этих говорах (в отличие от литературного языка) всегда, независимо от твердости или мягкости последующего согласного, произносится как звук закрытый. В конце же слова (в окончании) этот гласный звук изменяется в [и]: *на столі́, в конці́*.

2. Гласный [а] между двумя мягкими согласными под ударением произносится как закрытый звук [e]: *шля́па, но в шлѣти, грязно, но грѣзь, гуля́л, но гулѣли*.

3. Гласный [e] переходит в [o] в послеударных слогах: *мо́рѣ, чістоѣ, знаѣт*.

4. Мягкое цоканье: на месте исконных аффрикат [ц] и [ч] слышится обычно только звук [ц] мягкий: *оте́ць, цю́до*.

5. На месте буквы [щ] произносится долгое [ш] твердое: *шишúка, пушишú, шишока́*.

6. В тв. п. мн. ч. существительных, прилагательных и местоимений слышится флексия [-мы]: *рука́мы*, довольно часто [-ма]: *пошла́ с і́ма*.

7. В род. п. ед. ч. мужского и среднего рода местоимений и прилагательных окончание произносится как [-ого]: *да́й хлеба́ бе́лого* (без перехода [г] в [в], свойственного литературному языку). Заметим, что в некоторых западных говорах Поморской группы — там, где она смыкается с Олонецкой группой, — возможно также окончание [-оуо].

И тут позволим себе сделать следующее замечание-добавление. Из перечисленных только что различительных черт поморских говоров следовало бы особо отметить вторую, шестую и седьмую. Именно они воспринимаются как наиболее значимые (важные при анализе текста), поскольку, во-первых, не знакомы (или почти не знакомы) говорам других групп, а во-вторых — удивительно легко улавливаются в тексте при первом же его прочтении, и принадлежность его Поморской группе сразу же становится очевидной. <...>

§ 56. Олонецкая группа северновеликорусских говоров

Напомним что Олонецкой до революции называлась губерния, центр которой находился в г. Петрозаводске и которая охватывала кроме районов нынешней Республики Карелия также территории бывшего Каргопольского, Вытегорского и Лодейнопольского уездов, отошедшие позднее соответственно к Архангельской, Вологодской и Ленинградской областям.

Занимает данная группа говоров в «Опыте...» лишь небольшую, юго-восточную (расположенную восточнее Онежского озера) часть

Карелии. Это прежде всего — ее Пудожский уезд (ныне район). Захватывает группа на востоке также часть Каргопольского района Архангельской области, распространяясь до среднего течения р. Онеги, а на юге — северо-западную часть Вологодской области (ее Вытегорский район).

Говорам Олонецкой группы, как свидетельствуют авторы «Опыта...», свойственны следующие основные черты.

1. Звук, восходящий к древнему «ятю», в большинстве говоров произносится под ударением перед твердым согласным как [e] закрытое или даже близкое к дифтонгу [и̯e]: *сéно* (или *си́ено*), перед последующим же мягким согласным — как звук [и]: *на си́ни, зви́рь*. В абсолютном конце слова, как и в говорах Поморской группы, на месте старого «ятя» чаще произносится [и].

2. Звук [a] между мягкими согласными под ударением в большинстве говоров не переходит в [e]: *гря́зь, гуля́ли*.

3. Архангельским [ш] и [ж] долгим соответствуют обычно сочетания согласных [шч], [ждж] или [шт], [жд] с мягким произношением вторых элементов звуко сочетаний: *штю́ка* (= «щука»), *прие́ждй* и т. п.

4. Твердое [л] в конце слова и перед согласными переходит в неслоговое [у]: *бы́ў, дб́ўго*.

5. В окончаниях род. п. ед. ч. мужского и среднего рода прилагательных и местоимений обычно произносится сочетание [-ого] с [γ] фрикативным; *коу́о, дб́броуо* и т. п.

Помимо того, в некоторых говорах Олонецкой группы наблюдаются следующие черты, характерные для южновеликорусских говоров.

6. [г] между гласными звучит как [γ] фрикативное: *ду́ра, оу́о́нь*.

7. В род. и дат. падежах ед. ч. прилагательных женского рода оказывается возможным окончание [-эй]: *золотэ́й, другэ́й*.

8. В окончании 3-го лица ед. и мн. ч. глаголов настоящего и будущего простого произносится иногда [т'] мягкое: *бу́деть, придут́ь*.

Особый интерес в составе данной группы представляют говоры Заонежья (полуострова, вдающегося в Онежское озеро с севера). Для них характерен перенос ударения на начало слова или на предлог. Причем [o] и [e] в этом слогe переходят в дифтонги: *по́ашла* («пошла»), *ни́ясу* («несу»). Происхождение этих и других черт заонежских говоров (например, загадочного севернорусского яканья — так называемого «ляпанья», которое было объектом повышенного внимания исследователей, в том числе А. А. Шахматова) пока еще выяснено недостаточно.

Большая часть Олонецкой группы говоров в «Опыте...» расположена южнее 68° параллели, т. е. на территории, картографированной ДАРЯ. Его составителями выделены (в пределах рассматриваемой группы) следующие две группировки говоров, которые именуется в ДАРЯ Межзональными говорами северного наречия:

1) Онежская группа. С Олонецкой группой в «Опыте...» совпадает только восточная часть Онежской группы, в то время как эта последняя распространяется и к западу от Онежского озера — на территорию Карелии и Ленинградской области.

2) Лачские говоры. С Олонецкой группой в «Опыте...» соотносится только северо-восточная часть их территории (сопредельной с Онежской группой), расположенная в Каргопольском районе Архангельской области, недалеко от озера Лача.

В говорах обеих этих групп отмечаются все черты, свойственные северной диалектной зоне (см. § 69). Своеобразие Онежской группы говоров определяется прежде всего распространением на ее территории явлений западной и северо-западной диалектных зон (§ 68, 70). Составители называют также ее специфические черты, среди которых помимо ударенного и предупредительного вокализма, близкого к вологодскому, упоминаются формы прилагательного женского рода (типа *золотѣй*) и формы тв. п. мн. ч. имен с окончанием [-амы] у существительных и [-има] у прилагательных: *с худѣма рукама* (как можно понять — в говорах, сопредельных с архангельскими). В Лачских же говорах (в отличие от Онежской группы) распространены явления северо-восточной диалектной зоны.

§ 57. Западная (Новгородская) группа северновеликорусских говоров

Охватывает говоры Ленинградской и Новгородской областей, а также говоры самого севера Псковской области (часть Гдовского района).

Важнейшие различительные черты этой группы:

1. На месте старого звука «ять» под ударением, независимо от качества последующего согласного, произносится гласный [и]: *літо, сіно, здись*.

2. Губные согласные в конце слова всегда твердые: *сем, вóсем, гóлуп, любóф*.

3. [ц] и [ч] в большинстве говоров различаются, т. е. отсутствует цоканье.

4. В род. п. ед. ч. прилагательных и местоимений мужского и среднего рода — окончание [-ово]: *дóброво, ковó*.

5. Тв. п. мн. ч. существительных, прилагательных и местоимений совпадает с дат. падежом: *мáшет рука́м, стучѣ́т ногáм*.

Соотнесем теперь данную группу говоров с диалектными объединениями ДАРЯ. Восточную часть ее территории (восток Ленинградской и северо-восток Новгородской области) занимает выделенная на карте 1964 г. Ладого-Тихвинская группа северного наречия. Основа ее языкового комплекса образуется в результате сочетания черт северного наречия с явлениями западной, северной и северо-западной диалектных зон (см. § 69, 70). Из числа

черт северо-западной диалектной зоны здесь представлены (в части говоров) и такие, которые связывают эту зону с говорами южного наречия: инфинитивы *нести, везть, иттить*, образования *плóтши, кóтит* (формы глаголов *платить, катить*), *умьлси, умьлсы*.

Подтверждается, кроме того, характер ударенного вокализма, указанный в «Опыте...». Подчеркивается, что [и] на месте древнего «ять» отражено также и в окончаниях.

В числе наиболее последовательно распространенных специфических явлений говоров Ладого-Тихвинской группы — формы дат.-предл. падежей личных и возвратных местоимений: *мни, тебѣ, себѣ*; варианты формы им. п. мн. ч. указательного местоимения *тот*: *ти* и *ты*; совокупность форм согласуемой постпозитивной частицы: им. п. ед. ч. мужского рода — *от*, женского рода — *та*, среднего рода — *то*, вин. п. ед. ч. женского рода — *ту*, им. п. мн. ч. — *ты*.

И вот, наконец, важнейший момент соотношения данной группы говоров с лингвотерриториальными ареалами ДАРЯ: западная часть территории Западной (Новгородской) группы северновеликорусских говоров, выделенной в «Опыте...», отделена на карте 1964 г. от северного наречия и определяется ее составителями как *З а п а д н ы е с р е д н е р у с с к и е о к а ю щ и е г о в о р ы*, в состав которых входят 1) Новгородские говоры и 2) Гдовская группа говоров. Если черты, свойственные Новгородским говорам, как указывают составители карты ДАРЯ, немногочисленны и распространены непоследовательно (среди них — еканье, ёканье, неизменяемое предикативное страдательное причастие в форме мужского рода: *косá заплетѣн, ягоды нáбран*), то говоры Гдовские (уже не просто «говоры», а группа говоров) отличаются целым рядом особенностей, присущих только им. Вот некоторые наиболее выразительные из них:

— Гдовский и полновский типы вокализма, переходные от оканья к аканью.

— Замена предлога *у*, а также гласного [у] в начале слова согласным [в]: *в нас, в сестры́, вчѣитель* (то же наблюдаем в юго-западной диалектной зоне).

— Формы им. п. мн. ч. с суффиксом [j] и окончанием [-а] от существительных женского рода: *я́мья, берѣзья, жѣрдья*.

— Глагольные формы 3-го л. ед. и мн. ч. без конечного [-т] у глаголов обоих спряжений при любом типе ударения: *он несѣ, дѣлае; они несú, дѣлаю; он сидѣ, хóди; онѣ сидѣ, хóдя*.

— Основа глагольных форм с согласным [х] на месте [ш], [с], типа *спрáхывать, опоя́хывать*.

— Словоформы 2-го л. ед. ч. глаголов *дать* и *есть* — *да́стши, йѣстши*.

— Формы предикативных деепричастий: *ушóд, уйѣхат*.

— Распространение инфинитивных конструкций, выражающих неизбежность, долженствование, типа *быть опозда́ть ему́*.

— Распространение конструкций с объектно-целевым значением, типа *пойти́ в ягоды, ходи́ли в грибы́*.

§ 58. Восточная (Вологодско-Вятская) группа северновеликорусских говоров

Самая крупная из выделенных в «Опыте...» пяти группировок говоров северного наречия. Охватывает почти всю Вологодскую область (ее небольшая северо-западная часть, как уже упоминалось, см. § 56, относится к Олонецкой группе), южную часть Архангельской области (с городами Каргополь, Вельск), север Ярославской области, всю Костромскую область (на ее территории, заметим, обозначен «островок» акающих средневеликорусских говоров с городом Чухлома), Кировскую, Пермскую области, Республику Удмуртия, распространяется далее на восток — до Уральского хребта.

Особенности этой группы говоров следующие.

1. На месте старого «ятя» под ударением перед мягкими согласными произносится [и] (как и в говорах Западной группы): *хли́бець, на сви́ти*, перед твердыми же согласными возникает двугласный звук [иѐ]: *лиѐс, лиѐто* (в некоторых говорах Тотемского уезда дифтонг [иѐ], восходящий к тому же звуку, может слышаться и перед мягкими согласными: *здиѐсь*). Звук [и] на месте «ятя» перед мягкими произносится, как правило, также и в первом предударном слоге: *на рикѐ, смийѐтсе*, тогда как перед твердыми здесь звучит [е]: *рекѐ* или даже [о]: *рѐка*.

2. Гласный звук [о] (не происшедший из редуцированного [ъ]) под ударением реализуется в виде сочетания [уо]: *вудѐля, ворудѐна, дорудѐга* и т. п.

3. Звук [е] (не восходящий к «ятю») в неударяемых слогах почти всегда переходит в [о]: *вѐсна́, знѐ́т, плѐтьѐм*, за исключением редких положений в первом предударном слоге перед слогом с ударенным [у]: *беру́, несу́*.

4. В ряде говоров северной части данной группы гласный [а] между мягкими согласными под ударением, как и в поморских говорах, переходит в [е]: *грѐзь, зѐть*, о чем уже упоминалось в § 55.

5. Звуки [ц] и [ч] в большинстве вологодских и вятских говоров не различаются, звучит обычно мягкое [ц]: *отѐць, девѐцця, цѐбдо*, в некоторых же говорах данной группы, как отмечают авторы «Опыта...», мужчины произносят в этой фонетической позиции [ч], в то время как в речи женщин слышится [ц] мягкое.

6. На месте орфографического [щ] и параллельного ему звонкого звукосочетания в большинстве говоров произносятся звуки [ш] и [ж] долгие твердые: *шишѐка, вѐжжѐы*.

7. Начальный согласный [в] в значительной части вологодских говоров слышится как звук билабиальный (двугубной) и переходит в [у]: *удовѐ, унѐк, вошѐл у дѐм*.

8. Такой же звук в тех же говорах возник из [л] твердого в конце слога и слова: *моўцаў, паўка, коў* (то же наблюдается в ряде олонечских говоров).

9. В некоторых говорах южной части данной группы [к] и [г] — после мягких согласных и [й] — стали мягкими: *хозяйка, конькём, Олгя*.

10. В большинстве говоров Вологодской и Вятской губерний имела место ассимиляция звонкого переднеязычного сонорному, т. е. *дн* перешло в *нн*: *онна*.

11. В род. п. ед. ч. мужского и среднего рода прилагательных и местоимений в большинстве говоров данной группы — окончание [-ово]: *бёлово, ково* (одна из наиболее приметных черт, отличающих говоры большей части северного наречия и среднерусской полосы, с одной стороны, от говоров поморских и значительной части олонечских, с другой — от говоров южного наречия).

12. В значительной части говоров прилагательные и местоимения в род.-вин. п. мн. ч. женского рода оканчиваются на [-ыё]: *молодыё дивыцы, тбё, самыё*.

13. В говорах Вятской губернии в им. п. мн. ч. употребительны формы местоимений *оны, одны, ты* (= те).

14. В тв. п. мн. ч. обычно окончание [-м], совпадающее с дат. п.: *горючим слезам* (одна из наиболее ярких различительных черт; напомним еще раз, что в говорах смежных групп окончания здесь иные: в говорах Поморской группы — [-мы, -ма, -ми], во Владимирско-Поволжской, как и в литературном языке, — [-ми]).

15. Для говоров Вятской губернии характерны глагольные формы 1-го л. ед. ч. наст. вр. на [-пю, -бю, -тю]: *стю, люблю, колотю*.

16. Глаголы I спряжения с основой наст. вр. на [-к, -г] во многих говорах данной группы образуют формы 2-го и 3-го л. ед. ч., а также 1-го л. мн. ч. наст. вр. на [-кош], [-гош], [-кот], [-гот], [-ком], [-гом]: *бегош, текош, лягом*.

Соотнесем теперь рассматриваемую группу говоров с находящимися на той же территории диалектными группировками ДАРЯ. Сразу же замечаем, что большая часть этой группы расположена восточнее 46-го меридиана (т. е. за пределами территории, картографированной ДАРЯ), меньшая же, западная ее часть совпадает территориально со следующими диалектными объединениями на карте 1964 г.:

1) Вологодская группа северного наречия. Занимает почти всю территорию Вологодской области (исключая самую западную ее часть — южнее Онежского озера) и южную часть Архангельской области. Помимо ряда черт, имеющих в том перечне «Опыт...», который мы только что привели, составители ДАРЯ называют еще и такие черты, присущие говорам вологодской группы, как:

— Произношение «среднего» [-л] (его называют еще «среднеевропейским») и обозначают буквой [l], см. подробнее § 14).

— Ударенное окончание [-е] у существительных III склонения в дат. и предл. п.: *по грязё, в грязё.*

— Ударение на окончании в формах 2-го л. мн. ч. наст. вр. глаголов: *несетё, несетё* (с конечным [е] в северной части группы и [о] в южной).

— Сложные предлоги *по-за, по-под, по-над* с дат. п. имени: *по-за селу, по-под крыше*, предлоги *подле, возле* с вин. п. имени: *возле лес.*

2) Костромская группа северного наречия. Захватывает помимо Костромской области (почти всей) также значительную часть Ярославской области (с городами Ярославль и Рыбинск) и самые северные районы Ивановской и Нижегородской областей. Явления, характерные для данной группы:

— Предударный вокализм после мягких согласных, типа *весна́, река́, пята́к* — *весьне́, рики́, нети́* (преобладает, как видим, еканье).

— Ассимилятивное прогрессивное (его называют еще «неорганическим непереходным») смягчение задненёбных [г-к-х] после парных мягких согласных при отсутствии смягчения после внепарных [j] и [ч]: *ба́нька, Ва́ська*, но *до́чка, чайку́.*

— Произношение [мн] в соответствии с [вн] в лексически неограниченном круге слов: *дамно́, дере́мня, мнук.*

— Склонение притяжательных местоимений по типу местоимения *тот, та, то*: мужской и средний род — *с моём*, но *в моём*, женский род — *с моёй*, мн. ч. — *моё, моёх, моём.*

— Произношение [-тё] в безударном окончании глаголов мн. ч. повелительного наклонения: *иди́тё, неси́тё*, то же в безударных и ударных окончаниях 2-го л. мн. ч. изъявительного наклонения: *бу́детё, но́ситё, несетё, сиди́тё.*

— Инфинитивы глаголов на заднеязычный типа *пекчи́, стерегчи́, текчи́.*

3) Белозерско-Бежецкие межзональные говоры северного наречия. Расположены южнее Онежского озера — в западной части Вологодской области (здесь — города Белозерск, Череповец, Устюжна; Вытегорский же район на северо-западе этой области относится, как уже упоминалось, к Онежской группе тех же межзональных говоров, захватывают они также северо-восток Тверской области (города Весьегонск, Бежецк). Заметим, однако, что Белозерско-Бежецкие межзональные говоры на карте ДАРЯ лишь северной частью этой территории (в районе Белозерска и Череповца) накладываются на Восточную группу говоров в «Опыте...». Для говоров именно этой части данного лингвотерриториального ареала ДАРЯ характерны такие особенности, как:

— Произношение слов *кто* (= кто), *хутор* (= хутор).

— Употребление форм род. п. ед. ч. местоимений и прилагательных с отсутствием согласных в окончании: *коб, нбоо.*

— Произношение окончания 2-го л. ед. ч. возвратных глаголов [-шша], [-шшы]: *смеёшша, смеёшшы.*

§ 59. Владимирско-Поволжская группа северновеликорусских говоров

Охватывает северо-восточную часть Тверской области (с городами Бежецк и Кашин), юг Ярославской области (Ярославль, Углич, Ростов), самый север Московской области, целиком Владимирскую и Ивановскую области, значительную часть Нижегородской области. Простирается далее на восток, в не картографированные ДАРЯ регионы позднего заселения — на территорию Татарстана, Симбирской, Самарской, Саратовской и Оренбургской областей, заходит в пределы Казахстана и около устья р. Урал выходит на северный берег Каспийского моря.

1. Главная особенность говоров данной группы — это неполное оканье: гласные [о] и [а] отчетливо различаются помимо ударного положения только в первом предударном слоге. Во втором же предударном и заударном слогах на месте [о] и [а] является обычно редуцированный гласный [ъ]: *пѣсмотрѣи, пѣрохотѣи, горѣтѣи*.

2. На месте древнего «ять» под ударением, как и в литературном языке, звучит [е] открытое (перед мягкими согласными это [е] носит несколько более закрытый характер, как и [е] на месте исконного [е], что вообще наблюдается и в литературном языке).

3. Налицо так называемое «уканье»: в начале слова во втором предударном слоге (и еще далее от ударения) звук [о] в результате редукции переходит в [у] — *утопрѣи, утворѣи (дверь), угорѣи, угурцѣи, устновѣи (= остановѣи)*.

4. Звуки [ц] и [ч] в большей части говоров различаются, причем [ч] произносится твердо.

5. Слышатся долгие твердые звуки [ш] и [ж] на месте орфографического [щ] и соответствующего звонкого звукосочетания *пушиу́, ишиу́ка, дрѣжжѣи*.

6. Имеет место выпадение звука «йот» в положении между двумя гласными с последующим их уподоблением и стяжением — *пѣнимѣт* (из *пѣнимѣат < пѣнимѣэт < пѣнимѣет*), *болѣшѣи дорѣга* (из *болѣшѣа < болѣшѣа*).

Сопоставим теперь данную группу говоров с диалектными объединениями на карте ДАРЯ. Сразу же обнаруживаем «несоответствие» самое что ни на есть радикальное. Новая классификация исключает Владимирско-Поволжскую группу северновеликорусских говоров из числа диалектных групп северного наречия (речь, разумеется, идет о той ее части, что расположена на территории, картографированной ДАРЯ) и присоединяет ее к полосе говоров средне-русских.

Справедливо ли это? Составители ДАРЯ считают, что диалектное членение в «Опыте...» «неправомерно объединяло окающие говоры, характеризующиеся структурно различными типами вокализма, в одно наречие», что «такое членение русских говоров отрывало

окающие московские говоры от окающих владимирско-поволжских, которые в прошлом имели одну и ту же основу, принадлежат к ростово-суздальскому диалекту», и что тем самым «роль старых диалектов (в частности, диалекта Ростово-Суздальской земли) в диалектном членении русских говоров выпадала из поля зрения исследователей» (Захарова, Орлова, 1970). Весомость подобных доводов отрицать трудно.

На карте ДАРЯ на территории данной группы располагаются Восточные среднерусские окающие говоры.

Заметим тут же, что это диалектное объединение имеет у составителей ДАРЯ и второе название (словно бы взятое из «Опыта...» и сохраненное ими): «Владимирско-Поволжская группа». Мотив следующий: «восточным среднерусским окающим говорам свойствен языковой комплекс, позволяющий считать все эти говоры одной Владимирско-Поволжской группой» (Захарова, Орлова, 1970, с. 154).

Итак, Владимирско-Поволжская группа восточных среднерусских окающих говоров. Расположена она в основном на уже обозначенной нами выше территории одноименной группы в «Опыте...», только остается в пределах картографированной территории (т. е. не распространяется восточнее Нижегородской области). Основа ее языкового комплекса образуется за счет некоторых черт, присущих северному наречию (таких, как оканье или употребление согласуемых постпозитивных частиц).

В числе ярких диалектных явлений, характерных для этой группы:

— совпадение [a] и [o] во втором предударном слоге после твердых согласных в гласном [ъ];

— так называемое «уканье», т. е. произношение [y] в соответствии [o] во втором предударном слоге в абсолютном начале слов: *утопрѣ, угурцьѣ*;

— фонетически закономерное произношение [т' — д'] в соответствии [к' — г']: *тѣслоу, дѣбѣль, рѣти, нѣди*;

— отсутствие интервокального [j] в сочетаниях [aje] и [aju]: *знат, дѣлут* (этого явления нет в нижегородских говорах, см. ниже).

Важно также отметить неоднородность говоров этой группы на карте ДАРЯ в направлении с севера на юг.

В северной части группы отчетливо наблюдается:

— усиление элементов различения гласных неверхнего подъема во втором предударном слоге и заударных слогах;

— произношение сочетания [мм] в соответствии [бм]: *омманул*;

— склонение существительных мужского рода *дѣдушко, мальчишко* и под. по мужскому типу склонения: *с дѣдушком*;

— наличие форм род. п. ед. ч. типа *у жонѣ*;

— различие окончаний [-ут] и [-ат] у глаголов I и II спряжения: *пи́шут, но́сят* и некоторые другие особенности.

В южной же части данной группы, наоборот, усиливаются элементы южного наречия. В их числе:

— произношение сочетания [бм]: *обману́л*;

— формы род. п. ед. ч. с окончанием [е] у существительных женского рода на [-а] и основой на твердый согласный: *у же́не*;

— склонение слов с суффиксом [-ушк] по женскому типу склонения: *с де́душкой*;

— совпадение окончаний 3-го л. мн. ч. глаголов I и II спряжения с безударным окончанием: *пи́шут, но́сят* и под.

Составители карты ДАРЯ выделяют две подгруппы этой группы говоров — одну на ее крайнем западе, вторую — в восточной ее части (поскольку же остается еще и центральная, наиболее крупная ее часть, о которой почему-то не говорится, то группа делится фактически на три подразделения, см. карту 1964 г.).

Первая — это Калининская подгруппа Владимирско-Поволжской группы среднерусских окающих говоров. Она занимает восточную часть Тверской и северо-западную часть Московской области, т. е. территорию, находящуюся за пределами Владимирско-Поволжской группы северновеликорусских говоров, выделенной в «Опыте...».

Наиболее яркие диалектные черты данной группы:

— произношение [и] в соответствии ударенному [е] — (независимо от его происхождения) между мягкими согласными: *ви́тер, динь*;

— совпадение в гласном [ъ] во втором предупредительном и закрытом заударном слогах после твердых согласных не только гласных [а] и [о], но и [у]: *мъжикí, кьлакí, зámъж*;

— распространение форм тв. п. ед. ч. с безударным окончанием [-уй] от существительных женского рода с окончанием [-а] и твердой основой: *пáлкуй* и под.

Вторая — это Горьковская подгруппа Владимирско-Поволжской группы среднерусских окающих говоров. В отличие от первой, она остается в пределах Владимирско-Поволжской группы, выделенной в «Опыте...». Занимает большую часть Нижегородской (бывшей Горьковской) области и не выходит за ее восточную границу (т. е. на территорию, не картографированную ДАРЯ).

Наиболее характерные черты подгруппы:

— ёканье (наряду с еканьем): *нёсу́, слёпой, двёнадцать*;

— отсутствие интервокального [j] и стяжение гласных в сочетаниях [ейе]: *уме́т* (= уме́ет);

— обобщение форм притяжательных местоимений и прилагательных с ударенным гласным [е] в ед. ч.: *с мойём, в мойём, в худём* и во мн. ч.: *мойё, худёи, плохёи* и под.

Южное наречие

§ 60. Южное наречие на картах МДК и ДАРЯ

Членение южновеликорусского наречия на группы в «Опыте...» прямо-таки подкупает своей простотой. Всего три группы: А, Б и В. А — Южная (ее называют иногда «Курско-Орловской» или просто «Орловской»), Б — Тульская (ее часто именуют «Северо-западной»), В — Восточная (ее называют также «Рязанской»). И отличаются они друг от друга типом яканья, который стал здесь главным критерием членения. Группа А — это говоры с диссимилятивным яканьем; группа Б — говоры с умеренным яканьем; группа В — говоры с сильным яканьем.

А ведь на карте ДАРЯ южное наречие делится на д е в я т ь групп (см. карту): 1) Западная (иногда ее называют «Смоленской»); 2) Верхне-Днепровская; 3) Верхне-Деснинская; 4) Курско-Орловская; 5) Восточная (второе название — «Рязанская»); 6) Группа называется так: «Межзональные говоры типа “А” южного наречия»; 7) Тульская; 8) Именуется так: «Елецкие говоры»; 9) Называется так: «Оскольские говоры». Последние три группы (7, 8 и 9-я) объединены общим названием: «Межзональные говоры типа “Б” южного наречия» (ср. наименование 6-й группы).

Как видим, последние четыре группы говоров на карте ДАРЯ — не основные. Они, если можно так выразиться, — «промежуточно-го», «переходного» характера.

Значит, основные группы здесь — первые пять? Но так ли это? Сопоставив обе карты, тут же обнаруживаем, что 1-я из этих пяти — Западная (Смоленская) группа говоров (вся целиком!) — расположена вообще за пределами территории, которую занимают южновеликорусские говоры в «Опыте...» (об этой группе и о соотношенности ее с диалектным членением «Опыта...» скажем ниже).

Замечаем также, что группа Б в «Опыте...», именуемая «Тульской» (одна из трех составляющих южновеликорусского наречия на этой карте), оказалась на карте ДАРЯ в числе второстепенных («межзональных»).

Бросается, однако, сразу же в глаза и то, что есть все-таки в числе основных групп говоров южного наречия на той и другой карте две группы говоров, географически вполне соотносимые и с аналогичными (почти одинаковыми) названиями. Это Курско-Орловская и Восточная (Рязанская) группы говоров на карте ДАРЯ и соответственно А — Южная (Орловская) и В — Восточная (Рязанская) группы говоров на карте МДК.

И у нас возникло естественное желание несколько изменить в данном случае сопоставительную характеристику лингвотерриториальных объединений (но только касаясь этих двух пар групп!),

сделать ее здесь более синхронной, чуть-чуть отступив от принятого нами вначале принципа непрерывной последовательности сопоставлений: сначала география — затем лингвогеография, сначала «Опыт...» — потом ДАРЯ.

Предпошлем, однако, нашей сопоставительной характеристике следующую существенную оговорку. «Географически вполне сопоставимой» с Курско-Орловской группой на карте ДАРЯ можно считать лишь ту часть группы А — Южной в «Опыте...» (основную ее часть), которая расположена на территории раннего заселения, картографированной ДАРЯ. Другая же, причем значительная часть говоров группы А — Южной (момент при сопоставлении особо важный!) располагается как бы «на отшибе», далеко на юго-востоке — на территории Ростовской и Волгоградской областей, Ставропольского края, Северной Осетии, северных районов Ингушетии, Чечни и Дагестана.

§ 61. Группа А — Южная южновеликорусских говоров

Расположена в основном на территории Курской и Орловской областей, которую чуть ниже обозначим точнее. На карте ДАРЯ этой группе, как было сказано, в значительной степени соответствует Курско-Орловская группа южного наречия. Широкой полосой простирается она с севера на юг, захватывая большую часть территории обеих областей. Центральная линия полосы — меридиан 36° восточной долготы, на котором расположены города (перечисляем, начиная с самого северного): Волхов (Орловская обл.), Орел, Курск, Обоянь (Курская обл.). На севере Курско-Орловская группа занимает также и юго-западную часть Тульской области (совсем небольшую; здесь города Белев, Одоев) и, вторгаясь с юга своей острой оконечностью в центральную часть Калужской области, подходит с юго-запада к самой Калуге.

А на юге Курско-Орловская группа говоров на карте ДАРЯ распространяется на восточные районы Белгородской области (в пределах группы остается и г. Белгород) и выходит на границу с Украиной севернее Харькова.

Соотнесем теперь (пока только географически) с этой группой говоров группу А — Южную на карте МДК, переходя в дальнейшем к сопоставлению уже лингвогеографическому.

Свидетельствуем: Курско-Орловская группа говоров на карте ДАРЯ почти полностью накладывается на группу А — Южную, занимая ее центральную часть. Упомянутый выше меридиан, на котором расположены Орел и Курск, и на этой карте (в «Опыте...») делит данную группу говоров на две примерно равные части. Только она здесь вдвое шире, чем на карте ДАРЯ, и уж «полосой» ее не назовешь. Она не продолговата (ее протяженность с запада на восток

примерно та же, что и с севера на юг: около 300 км) и в своих кон-
турах очень даже округла.

Орловская и Курская области уже не какими-то частями (как на карте ДАРЯ), а почти целиком остаются здесь в пределах рассматриваемой группы. Более того, она выходит за их западные границы и занимает восточную половину Брянской области (с городами Брянск, Трубчевск, Севск). На севере она захватывает юго-западную часть Тульской области (с городами Белев и Одоев), на востоке — часть Липецкой области (тоже юго-западную, с городом Елец). А вот на юге она, в отличие от соотносимой с нею группы на карте ДАРЯ, не доходит до границы с Украиной. И Белгород, и даже г. Суджа Курской области остаются вне ее территории.

Таково чисто географическое совпадение и не менее значительное несовпадение обеих групп.

Коротко об их лингвогеографическом соответствии. Да, Курско-Орловская группа говоров на карте ДАРЯ почти полностью «вмещается» в группу А — Южную на карте МДК. И тем не менее различие между ними необычайно велико. Распространяясь на территории, расположенные западнее Курско-Орловской группы, группа А — Южная в «Опыте...» включает в себя всю южную половину группы говоров, которые составители ДАРЯ называют Межзональными говорами типа А южного наречия (говоры восточнее и юго-восточнее Брянска и еще южнее — близ городов Севска и Рыльска). Заходит она и далее на запад, занимая юго-восточную часть Верхне-Деснинской группы (включая г. Брянск); захватывает также небольшую часть Западной (Смоленской) группы в южном ее «крыле» (г. Трубчевск).

Расширена группа А — Южная в «Опыте...» (в отличие от Курско-Орловской на карте ДАРЯ) также и в восточном направлении. Она частично включает в себя т. н. Межзональные говоры типа Б южного наречия, причем всех трех групп этих говоров, а именно: 1) говоры Тульской группы (в юго-западной ее части); 2) Елецкие говоры (почти все); 3) Оскольские говоры (их небольшую северную часть с городом Старый Оскол).

А южная граница группы А — Южной в «Опыте...», идущая от Рыльска до Старого Оскола, почти на всем своем протяжении отдалена от границы с Украиной, в то время как группы говоров южного наречия на карте ДАРЯ (Курско-Орловская группа и Межзональные Оскольские говоры) выходят на эту границу. Объясняется это тем, что говоры района г. Суджа Курской обл., говоры вокруг Белгорода и Межзональные Оскольские говоры (южнее Старого Оскола) составители «Опыта...» относили не к южновеликорусскому наречию, а к говорам «северномалорусским», т. е. украинским.

Итак, обнаружилось явное с о в м е щ е н и е территории Курско-Орловской группы говоров на карте ДАРЯ и центральной части группы А — Южной на карте МДК. Естественно, казалось бы, ожи-

дать в таком случае совпадения соответствующих рядов, перечней диалектных особенностей, характеризующих ту и другую из сопоставляемых групп, т. е. черт, присущих только им. Но, как это ни удивительно, ожидание оказалось тщетным. Совпала лишь одна особенность — тип предупредительного вокализма после мягких согласных: диссимилятивное яканье.

Это, конечно, существеннейший признак. Но где же другие диалектные черты, свойственные обеим сопоставляемым группам, — те, что выделяют их среди других диалектных объединений и лингвотерриториальных ареалов? Почему их нет?

Ответ прост. В «Опыте...» к общему списку черт, характерных для всего южного наречия, добавлены только два явления, выделяющих говоры группы А — Южной среди других групп. Это упомянутое уже диссимилятивное яканье и вторая особенность — переход [в] перед согласным и в конце слова в [у] (в начале слова — слоговое, после гласных — неслоговое): *удова́, у до́ме, де́йка, годо́у, любо́у*.

Но оба эти явления, прямо скажем, чрезвычайной важности. Это как раз те черты, которые лучше, надежнее других могут помочь отличить курско-орловского диалектоносителя от представителя Северо-Западной группы южновеликорусских говоров, т. е. говоров Калужской и сев. части Тульской области.

В перечне же явлений, выделяющих Курско-Орловскую группу говоров на карте ДАРЯ (в списке, включающем ряд интересных черт, которые, правда, касаются чаще всего оформления и произношения отдельных слов и поэтому редко проявляются в речи), второй особенности нет (см.: Захарова, Орлова, 1970). И нет ее потому, что она считается особенностью не группы, а одной из семи диалектных зон, а именно юго-западной диалектной зоны, пучки изоглосс которой (в том числе и изоглосса интересующей нас черты) распространяются также и на территории западных среднерусских акающих говоров (§ 73).

Завершая сопоставление обеих групп говоров, приведем следующие наиболее значимые черты из перечня явлений, характерных только для Курско-Орловской группы на карте ДАРЯ (указанных ее составителями):

— диссимилятивное яканье суджанского типа <...> (заметим, что, в отличие от авторов «Опыта...», составители ДАРЯ именуют «подтипы» яканья «типами», не считая, как видно, типами его основные разновидности);

— произношение мягкого [ш'] на месте [ч]: *шяй, хошю́, ношь, до́шька*;

— прогрессивное смягчение [к] после парных мягких согласных и [j], но не после [ч] или мягкого [ш']: *ба́нька, чайко́у, но до́шька, до́чька* (подобное смягчение называют обычно «неорганическим, непереходным смягчением заднеязычных», см. о нем § 8).

§ 62. Группа Б — Тульская южновеликорусских говоров

Ее территория — северная половина Тульской области (с городами Тула, Алексин, Новомосковск, Одоев), северо-восточная часть Калужской области (с городами Калуга, Малоярославец, Медынь) и самый юг Московской области (с городом Серпухов). На северо-западе эта группа заходит узкой полосой в Смоленскую область (ее западную часть с городом Гжатск).

Основные особенности говоров данной группы:

1. Яканье умеренное, т. е. произношение [а] на месте гласных неверхнего подъема после мягких согласных в первом предударном слоге наблюдается только перед следующим твердым согласным, перед мягким же согласным слышится [и], иногда с призвук [е] <...>.

2. Произношение согласного [в] в большей (северной) части говоров этой группы совпадает с литературным, т. е. этот звук произносится как согласный губно-зубной и приглушается в конце слова и перед глухими согласными в звук [ф].

На карте 1964 г. данной группе в значительной степени соответствует территориально группа говоров с тем же названием (тоже Тульская). Только именуется она так: «Тульская группа межзональных говоров типа “Б” южного наречия». Несколько отличаясь территориально от группы Б — Тульской в «Опыте...», она занимает почти всю Тульскую область (также и южную ее часть с городом Ефремов), примерно ту же, что и в «Опыте...», территорию Калужской области, только не выходит на северо-западе за ее пределы.

В говорах этой группы представлены, помимо упомянутого уже умеренного яканья (характерного для говоров группы Б — Тульской в «Опыте...»), также местоименные формы род. и дат. п. ед. ч. *менѣ, тебѣ, себѣ*.

Поскольку же территориальное соответствие все же имеет здесь место, то налицо, прямо скажем, тот редкий случай, который позволяет воочию убедиться в том, сколь различны в «Опыте...» и ДАРЯ сами принципы выделения основных единиц диалектного членения и проведения границ между ними.

В самом деле, на одной карте «Тульская» группа говоров — одна из трех важнейших и неделимых составляющих южного наречия, на другой группа с тем же названием — одна из «межзональных», промежуточных и поэтому не слишком заметных, словно бы не заслуживающих особого внимания единиц членения. На одной карте границы группы соответствуют изоглоссе только о д н о г о (избранного составителями) диалектного явления, но такого, которое имеет первостепенное значение при определении территориальной отнесенности говора (а именно — умеренного яканья). На другой карте пограничная линия группы отнюдь не избрана кем-либо заведомо.

Она — итог тщательного изучения закономерностей распространения отдельных диалектных различий, результат установления некоего языкового комплекса, позволяющего, как считают составители ДАРЯ, выделить данную межзональную группу говоров.

Напомним, что межзональные говоры выделены на карте ДАРЯ на территории обоих наречий — там, где взаимоналагаются пучки изоглосс противоположных по местоположению диалектных зон, а также групп говоров, находящихся в пределах данной зоны.

§ 63. Группа В — Восточная южновеликорусских говоров

Занимает обширную территорию: большую часть Рязанской области (ее южную часть с городами Рязань, Ряжск, Шацк), юго-западную часть Тульской области (с городом Ефремов), всю Тамбовскую область, Липецкую область (за исключением юго-западной ее части с городом Елец), Воронежскую область (исключая южную ее часть, выходящую к границе с Украиной; здесь располагаются, как считают составители «Опыта...», уже говоры малорусские, т. е. украинские), самую северную часть Ростовской области, западные территории Пензенской и Волгоградской областей. Важнейшие приметы этой группы говоров таковы:

1. Основная черта, как указывают составители «Опыта...», — это сильное яканье <...>. Однако, как показало позднейшее обследование этих говоров, сильное яканье обнаружилось далеко не во всех ЧДС данной группы. Более характерно для них, как теперь установлено, яканье ассимилятивно-диссимилятивное (близкое к сильному, которое, видимо принимали вначале за сильное <...>).

2. Другая важная фонетическая особенность говоров группы В — Восточной, отмеченная составителями «Опыта...», — это сохранение губно-зубного звука [в], переходящего в конце слов и перед глухими в [ф], что не свойственно, как уже было замечено, южновеликорусским говорам более западным.

На группу В — Восточную южновеликорусских говоров почти полностью накладывается территориально, как уже было сказано выше, одноименная группа говоров, выделенная на карте ДАРЯ, а именно Восточная (Рязанская) группа говоров южного наречия. Она включает в себя говоры следующих областей: Рязанской (не считая небольшой территории на северо-востоке области с городом Касимов, относящейся к среднерусской полосе), Тамбовской (за исключением ее юго-восточной части, остающейся за пределами картографированной территории), Липецкой (ее восточной половины с городами Липецк и Задонск) и Воронежской (только западной ее части с городом Воронеж, говоры же на востоке области, в частности — вокруг Борисоглебска, остаются вне картографированных земель раннего заселения).

Говорам Восточной (Рязанской) группы свойственны, разумеется, все общевеликорусские явления.

Но есть и черты специфические. И важнейшая из них — особенность безударного вокализма, а именно: недиссимильное аканье, нехарактерное, как уже было замечено, для западной части южного наречия (в том числе для смежной — Курско-Орловской группы говоров) и, конечно, упомянутое уже в начале параграфа ассимилятивно-диссимильное яканье (оно выступает здесь в нескольких разновидностях, в основном — Новоселковской и Кидусовской, реже — в Колтуковской и Ореховской, см. § 5).

Есть еще особенности. Назовем наиболее заметные из них:

— отсутствие перехода [e] в [o] перед твердыми согласными (но только в некоторых словах): *св[е]кор*, *с[е]стры*, *кот[е]нок*;

— наблюдаемое в ряде говоров различие фонем /o/ и /ô/, /e/ и /ê/ (из «ятя»); *бос*, но *кôт*; *свёкор*, но *лêс*;

— ассимилятивное прогрессивное (неорганическое непереходное) смягчение заднеязычного [к] после парных мягких согласных, /ч/ и /j/: *ба́нька*, *дóчка*, *чайкю́*;

— формы дат. и предл. п. ед. ч. на [-é] у существительных женского рода 3-го склонения: *в грязé*, *по грязé*, *в степé*, *в пылé*.

Среднерусские говоры

§ 64. Группа 1 — Псковская средневеликорусских говоров

Занимает большую часть территории Псковской области (с городами Псков, Остров, Новоржев, Великие Луки, Пустошка) и западной части Тверской области (с городами Осташков, Торопец, Ржев). Заметим, что за пределами группы (и вообще средневеликорусских говоров) остается самый север Псковской области (с городом Гдов) и ее северо-восточная часть (с городами Порхов и Дно). Говоры этих территорий, еще не утратившие оканья, отнесены в «Опыте...» к северновеликорусскому наречию. Не распространяется данная группа говоров и в самые южные районы Псковской области, не являющиеся, с точки зрения авторов «Опыта...», территорией русского языка. Так, говоры вокруг городов Себеж и Невель не считаются великорусскими, они относятся к «белорусскому наречию» (его северо-восточной группе). Не захватывает эта группа говоров также и южную часть Новгородской области (с городом Холм), где расположена уже другая (смежная с 1-й — Псковской) группа средневеликорусских говоров — группа 2 — Западная (см. § 65).

Авторы «Опыта...» справедливо подчеркивают, что группа 1 — Псковская — это совершенно особое диалектное объединение. В некоторых поздних вариантах изданий «Опыта...» говоры этой

группы даже и не называют средневеликорусскими, ограничив последние группами 2 — Западной и 3 — Восточной.

Возьмем хотя бы вариант карты, прилагаемый нами (с уточнениями 1927 г.). Здесь говоры группы 1 — Псковской (в отличие от той же карты издания 1914 г.!) действительно отделены от средневеликорусских и названы так: «Говоры переходные к белорусским на северновеликорусской основе (Псковская группа, 1)». И подобное «вычленение» не следует считать нарочитым или не вполне обоснованным. Переходные говоры на территории Псковской области в самом деле имеют особое происхождение. Сложились они совсем не в результате взаимодействия северновеликорусских диалектов с южновеликорусскими, а в итоге смешения северновеликорусских говоров с говорами белорусского языка. Сказались также в известной мере контакты псковских говоров с языками балтийской ветви.

А вот как оценивает псковские говоры Б. А. Ларин, основатель первого (и пока единственного!) в России регионального словаря полного типа (т. е. включающего в себя лексику не только диалектную, но и соответствующую литературной норме) — «Псковского областного словаря с историческими данными» (1-й вып.: Л., 1967. С. 3): «Народная речь Псковской области представляет большой интерес в международном плане, не говоря уже о ее исключительном значении для историков и диалектологов русского языка, так как она отражает тысячелетние связи и культурный обмен русского населения с тесно примыкающими народами прибалтийско-финской группы, с латышами и литовцами, а также и белорусами».

Вот наиболее важные особенности говоров группы 1 — Псковской, указанные авторами «Опыта...»:

1. Яканье сильное, характерное для большей части псковских говоров.

2. Выпадение неслогового [й] между гласными с последующим их уподоблением и стяжением: *такáйа* > *такáа* > *такá*, *зна́йеш* > *зна́аш* > *знаш* (но не везде, главным образом — в Осташковском и Ржевском уездах Тверской губ.).

3. Произношение [ы] на месте [о] и [е] перед неслоговым [й] — в им. п. ед. ч., мужского рода прилагательных: *злы́й*, *худы́й* и в глагольных формах: *мый*, *кры́й* (пов. накл.), *мью́*, *крыю́* (= мою, крою).

4. Твердые шипящие [ш], [ж], [ч] — в большинстве говоров.

5. Совпадение [ц] и [ч] в одном звуке [ц] — твердом или шепелявом, близком к [т'] мягкому — в значительной части говоров.

6. Дзеканье: произношение [дз] и [ц] на месте [д] и [т]: *дзэ́ти* (= дети), *цыхо*, *дзэ́ньги* (в говорах Псковского, Островского, Опоческого и некоторых других уездов).

7. Тв. п. мн. ч. на [-м] (совпадение с дат. п.): *за гриба́м*, *с ва́м*.

8. Род. п. ед. ч. женского рода прилагательных и местоимений с окончанием [-ей], причем согласные, кроме [г], [к] и [х], перед ним тверды: *дб́брэй*, *злэй*, *такéй*.

9. Формы глаголов I спряжения 3-го л. ед. ч. — с [т'] мягким в окончании: *несёт* или без ть: *несё*.

10. Употребление деепричастия в роли сказуемого: *он уёхатчи* (= он уехал), *корóва б́ыла тел́ивши, на вторóй мёсяц пошóтчи* (= пошло). При этом замечено: «очень распространено».

На карте ДАРЯ группе 1 — Псковской в значительной степени соответствует территориально Псковская группа западных средне-русских акающих говоров. (Заметим, что, в отличие от одноименной группы говоров в «Опыте...», она захватывает и южную часть Новгородской области с городом Холм.) Помимо различительных черт, уже отмеченных в «Опыте...», этой группе свойственны, как свидетельствуют составители ДАРЯ, также следующие достаточно яркие диалектные явления:

— редукция гласного [у] и совпадение его с [ъ] в заударных слогах и во 2-м предударном слоге: *о́кнь, го́льбь, зámъжем; рькава́, мъжикí;*

— шепелявые [с''], [з''] на месте мягких фонем /с'/, /з'/: *с''мь, з''елёный;*

— формы сравнительной степени с суффиксом [-о́ше]: *сладо́ше;*

— основа глагольных форм с согласным [х] на месте [ш], [с] типа *спра́хывать, опоя́хывать* (отсутствуют в восточной части группы);

— сказуемое — несогласуемое страдательное причастие в форме мужского рода: *коса́ заплетён, я́годы на́бран.*

§ 65. Группа 2 — Западная средневеликорусских говоров

Простирается довольно узкой полосой от Москвы в направлении Пскова. Расположена на территории следующих областей: Московской (ее западной части с городами Москва, Наро-Фоминск, Можайск, Волоколамск), Тверской, б. Калининской (ее западной части с городами Тверь, Старица, Торжок, Вышний Волочек), Новгородской (ее самого юга с городом Холм), Псковской (ее небольшой восточной части южнее г. Порхов).

По свидетельству составителей «Опыта...», для этой группы говоров характерны следующие различительные черты:

1. Иканье, т. е. последовательное произношение [и] или очень закрытого [е], близкого к [и], на месте этимологического гласного верхнего подъема в 1-м предударном слоге после мягкого согласного: *силó, рика́, тита́к, глиди́*. Свойственно иканье, как замечают авторы, не только ряду говоров данной группы (в том числе говорам близ городов Холм и Осташков), но даже «московскому языку образованного общества, т. н. литературному языку».

2. Яканье, в основном — ассимилятивное, т. е. произношение [а] на месте тех же этимологических гласных и в той же позиции, что и при иканье (см. пункт 1), но только перед ударенным [а], перед

другими же гласными — произношение [и]: *вяля́т, тябя́, мяня́ть, зятья́*, но: *вилы́и, тибё́, смини́л, питу́* и т. д. (близ Твери, Старицы, Zubовска, а также в северо-западной части Московской губ. и Касимовского у. Рязанской губ.). Но в части говоров наблюдается также яканье умеренное. <...>

3. Отсутствие цоканья.

4. [ш] и [ж] долгие — мягкие.

5. Дзеканье: *дзя́дзя, пойдзём, цебя́* (в некоторых говорах западнее Москвы, но также и в Касимовском у. Рязанской губ.).

6. Ассимиляция [дн > нн] (в говорах Новгородской и Тверской губ.).

7. Формы тв. п. мн. ч. существительных и прилагательных оканчиваются на [-ми]: *рука́ми* (в большей части говоров, «южновеликорусское наслоение»); в говорах северной части группы возможно окончание [-м]: *рука́м* («северновеликорусское наслоение»).

8. В род. п. и предл. п. мн. ч. существительных и прилагательных — окончания [-аф], [-ыф], [-иф] (вм. [-ах], [-ых], [-их]): *при де́лаф, и други́ф озе́раф* (только в некоторых говорах Тверской и Московской губерний: тоже «северновеликорусское наслоение»).

9. Твердое [-т] в окончании 3-го л. глагола (в более северных говорах группы, в то время как в южных — мягкое [-ть], «южновеликорусское наслоение»).

§ 66. Группа 3 — Восточная средневеликорусских говоров

Охватывает территорию следующих областей: Московской (юго-восточную ее часть с г. Егорьевск), Рязанской (северную часть с г. Касимов), Владимирской и Нижегородской (самые южные их районы), Ульяновской (самые западные ее районы), Пензенской (центральную ее часть — с городами Пенза и Нижний Ломов), Саратовской (узкую ее полосу, идущую с севера на юг западнее Саратова, с городами Петровск и Аткарск), а также Республик Мордовия (почти всей ее территории) и Чувашия (юго-западной части с городом Алатырь).

В говорах данной группы авторы «Опыта...» отмечают такие особенности:

1. Яканье сильное, т. е. произношение только [а] на месте гласного неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после мягкого согласного: *сяло́б, гляди́* и т. п. Отмечено в говорах Рязанской области (близ Касимова и Шацка) и северной части Пензенской области — в районе г. Спасск (ныне Беднодемьяновск).

2. Произношение [у] на месте [о]: *утопри́* и т. п.

3. Произношение [уо] на месте [о].

4. Цоканье — в значительной части говоров.

5. Смягчение [к], [г]: *Ва́нька*.

6. Твердое произношение согласных перед [e]: *мэня, за нэй, та-пэрь, пэцька* («остаток инородческого акцента, так как часть русского населения — по происхождению обрусевшая мешера или мордва»).

7. Окончания прилагательных [-эй], [-эх]: *худэй, молодэх* (в говорах Нижегородской и Симбирской губерний).

Черты (2), (3), (5), (7), как подчеркивают авторы, «прямо указывают на западный тип северновеликорусской основы» этих говоров.

Диалектные зоны

§ 67. Предварительные замечания

Как лингвотерриториальные единицы, впервые выделенные на карте 1964 г., диалектные зоны особенны тем, что, в отличие от наречий, не соотносены друг с другом по совокупности различительных черт. Каждая диалектная зона, хотя и охватывает значительные территории того или другого наречия, относится все же к членению не наречий, а безотносительно к ним — всех русских говоров (или, как выражаются московские диалектологи, всего русского «диалектного языка»).

Выделено семь диалектных зон. Называя ниже каждую из них, напомним о ее территориальном расположении, о ее соотношении с другими лингвотерриториальными объединениями, представленными в «Опыте...» и ДАРЯ. Укажем также различительные черты, входящие в ее диалектный комплекс (но только наиболее существенные!).

§ 68. Западная диалектная зона

Изоглоссы характерных для нее явлений идут с севера (от Онежского и Белого озер) прямо на юг. Образуя пучок, они проходят западнее Москвы в направлении Орла и Курска — к украинской границе. Зона охватывает, таким образом, выделенные в «Опыте...» Олонецкую и Западную (Новгородскую) группу северновеликорусских говоров, западные средневеликорусские говоры (1-ю и 2-ю группы целиком) и южновеликорусские говоры групп А и Б.

На карте же 1964 г. эта зона соответствует территориально Ладого-Тихвинской и Онежской группам северного наречия, западным среднерусским говорам (всем: и окающим и акающим), Западной, Верхне-Днепровской и Верхне-Деснинской группам южного наречия.

В диалектный комплекс зоны входят следующие существенные черты:

1. Формы местоимения 3-го л. с начальной фонемой /j/: *јон, реже: йенá, йенí.*

2. Форма местоимения 3-го л. им. п. мн. ч. с окончанием [-ы]: *онѣ, ѱенѣ*.

3. Наличие /j/ в основе форм указательного местоимения *тот: тѣѣа — тѣѣу* (им. — вин. п. ед. ч. женского рода), *тѣѣе* (им. п. ед. ч. среднего рода), *тѣѣи* (им. п. мн. ч.).

4. Исключительное распространение конструкции с предлогом *с* или *з* типа *вылез с ямы, приехал з Москвы* — в соответствии с конструкциями с предлогом *из*.

5. Деепричастие в функции сказуемого: *пѣезд ушѣвши*.

§ 69. Северная диалектная зона

Она накладывается, как видим (см. карту 3), на территорию Западной диалектной зоны (на северную ее половину) и, подобно этой последней, охватывает выделенные на карте 1914 г. в составе северного наречия Олонецкую и Западную (Новгородскую) группы говоров (последнюю — целиком), а кроме того, значительную (западную) часть Восточной (Вологодско-Вятской) группы северновеликорусских говоров.

На карте 1964 г. занимает всю картографированную ДАРЯ территорию северного наречия (исключая его юго-восточную часть, т. е. Костромскую группу говоров), охватывает также значительную часть западных среднерусских говоров.

Наиболее характерные особенности зоны:

1. Безличные предложения с главным членом — страдательным причастием и дополнением в форме вин. п.: *всю картѣшку съѣдено*.

2. Конструкции из инфинитива и прямого дополнения при нем в форме им. п. ед. ч. существительных женского рода с окончанием [-а]: *копѣть картѣшка*. Реже — употребление прямого дополнения в той же форме при спрягаемых формах глагола.

3. Конструкции с повторяющимся словом *да* при однородных членах предложения: *прополѣли картѣшку да, свѣклу да, лук да*.

(В том же пучке — изоглоссы различительных черт, касающихся отдельных лексем: существительное *свекрѣвка*, словоформа *деревѣн* — род. п. мн. ч. от *дережня*, существительное *сѣсна* — с ударением на основе и др.)

§ 70. Северо-западная диалектная зона

В отличие от северной диалектной зоны, она не просто «накладывается» на какую-то часть территории западной диалектной зоны, а вся целиком входит в нее. Иными словами, северо-западная диалектная зона — это северная часть (половина) западной диалектной зоны, не выходящая за ее пределы (заметим тут же, что северо-западная диалектная зона является одновременно и западной

половиной северной диалектной зоны). Примерная южная граница зоны: Опочка — Торопец — оз. Селигер — Торжок.

В «Опыте...» ей соответствуют Олонецкая и Западная (Новгородская) группы северновеликорусских говоров, а также значительная часть западных средневеликорусских говоров. На карте же 1964 г. эта зона охватывает западную часть северного наречия (Ладого-Тихвинскую и Онежскую группы говоров) и западные среднерусские говоры.

Ее характерные черты:

1. Слова со вторым полногласием: *верѣх или вѣрех, столѣб или стѣлѣб, кѣром, сѣреп или серѣп, гѣроб*.

2. Различение твердых [ч] и [ц], следы цоканья, представленные формой деепричастия *ушѣдцы* (отсутствует в Онежской группе говоров).

3. Двойной согласный [нн], [н'н'] в соответствии с [дн]: *лѣнно* (ладно), *роннѣ* (родня) (отсутствует в Онежских говорах).

4. Формы дат.–предл. п. ед. ч. с окончанием [-и (-ы)] у существительных женского рода на -а с твердой и мягкой основами: *к женѣ, к землѣ*.

5. Форма им. п. мн. ч. местоимения *весь*: *вси*.

6. Формы глагола *быть*: *йѣсте, йе*.

7. Страдательно-безличный оборот с субъектом действия, выраженным сочетанием предлога *у* с именем в род. п. ед. ч. типа: *у меня воды принѣсено*.

§ 71. Северо-восточная диалектная зона

Ее территория включает в себя, заметим, всю восточную половину северной диалектной зоны.

Зона охватывает: а) выделенные в «Опыте...» Восточную (Вологодско-Вятскую) и Владимирско-Поволжскую группы северновеликорусских говоров (исключая, разумеется, их восточные территории, не картографированные ДАРЯ); б) выделенные на карте 1964 г. Вологодскую и Костромскую группы северного наречия, а также частично восточные среднерусские говоры.

Для этой зоны характерны:

1. Форма им. п. мн. ч. местоимения 3-го лица *онѣ* с окончанием [-е].

2. Формы инфинитива на *-тѣ, -чѣ* от основ на заднеязычный согласный: *печѣ, стеречѣ, стерегѣ* и т. п.

3. Формы 2-го л. мн. ч. глаголов с ударением на конечном гласном окончания [е] или [о]: *несетѣ* или *несетѣ*.

4. Употребление предлога *по* с вин. п. неодушевленных и одушевленных существительных в конструкциях с целевым значением: *пошѣл по орѣхи, пошѣл по топѣр, пошѣл по бѣбушку*.

§ 72. Южная диалектная зона

Охватывает: а) всю представленную в «Опыте...» (и картографированную ДАРЯ!) территорию южновеликорусских говоров (исключая Тульскую — Б группу, т. е. говоры с умеренным яканьем), говоров переходных от белорусских к южновеликорусским и частично — говоров западных среднерусских; б) все выделенные на карте 1964 г. группы говоров южного наречия (кроме Тульской группы) и часть говоров западных среднерусских; отдельные явления зоны отсутствуют в говорах орловских, курских и еще более южных. Для нее характерны:

1. Различные типы диссимилятивного, умеренно-диссимилятивного и ассимилятивно-диссимилятивного яканья.

2. Окончание [-ого] со звуком [γ] у прилагательных и местоимений в род. п. ед. ч. мужского и среднего рода: *но́воґо, моеґо*.

§ 73. Юго-западная диалектная зона

Охватывает: а) выделенную в «Опыте...» группу А (Южную, или Курско-Орловскую) и частично группу Б (Тульскую) южновеликорусских говоров, говоры переходные от белорусских к южновеликорусским, часть белорусских говоров; б) на карте 1964 г. — Западную, Верхне-Деснинскую, Верхне-Днепровскую и отчасти Курско-Орловскую группы говоров южного наречия.

Укажем характерные для говоров этой зоны различительные явления. Начнем с наиболее значимых (заметим, кстати, что Курско-Орловской группе говоров присущи лишь 1, 2, 5, 6 и 8-я из перечисленных ниже особенностей):

1. Диссимилятивное аканье и диссимилятивное яканье разных типов.

2. Произношение в соответствии с /в/ [w] в конце слова и перед согласным: *дров, лавка*; [у] в начале слова: *уну́к, у доме*; замена /ф/ на [x], [хв]: *торх, хвакт*.

3. Лабиялизация гласного на месте [а] и [о] в 1-м предупредном слоге: *лупа́та, попула́м, рукува́*.

4. Замена предлога *у*, а также начального гласного [у] согласным [в]: *в нас, в сестры́, вчы́тель* (*у нас, у сестры, учитель*).

5. Формы вин. п. ед. ч. с ударением на окончании у существительных женского рода типа *руку́, ногу́, гору́, воду́, борону́, сторону́*.

6. Формы предл. п. ед. ч. существительных с окончанием [у] — типа *на бы́ку, при поме́щику, на сто́лику*.

7. Формы род. п. ед. ч. прилагательных и указательного местоимения женского рода с окончанием [-ей]: *у плохэ́й (плохэ́й), у молодэ́й, у тэ́й (тей)*.

8. Формы с окончанием [-ей] в косвенных падежах ед. ч. у слова *одна*: у *однѣй* или *однѣй*, к *однѣй* или *однѣй*.

9. Формы род. и дат. п. ед. ч. с ударением на основе у отрицательных местоимений: *никѡго*, *ничѡго*, *никѡму*, *ничѡму*.

10. Суффикс [-е-] в основе прошедшего времени после шипящих согласных у глаголов II спряжения: *кричѣть*, *кричѣл* (при *кричѣшь*); *дышѣть*, *дышѣл*.

11. Основа с гласным [ы] (или [э] на окраине ареала) в формах настоящего времени глаголов *рыть*, *мыть*: *рыю*, *мыю* (или *рѣю*, *мѣю*).

12. Особый тип чередования [е] — [’о] в формах глаголов настоящего времени I спряжения с ударением на тематическом гласном: *несѣи*, *несѣт*, *несѣм*, *несѣте*.

13. Ударение на основе в формах глаголов прошедшего времени женского рода: *брѣла*, *звѣла*, *ткѣла*, *врѣла*, *спѣла*, а также *помѣрла*.

§ 74. Юго-восточная диалектная зона

Охватывает: а) выделенные в «Опыте...» группу В (Восточную, или Рязанскую), значительную территорию группы А (исключая ее западную часть, входящую в западную диалектную зону) и почти всю группу Б (Тульскую) южновеликорусских говоров, а также Восточную — 3-ю группу средневеликорусских говоров (на территории, картографированной ДАРЯ!); б) выделенные на карте 1964 г. Восточную и Курско-Орловскую группы южного наречия.

Для нее характерны:

1. Возможность совпадения /e/, /a/ и /и/ в звуке [а] в заударном слогe после мягких согласных перед твердыми: *мѣсяц*, *дѣнѣг*, *брѡсял*.

2. Ассимилятивное прогрессивное смягчение [к]: *Вѣнькѣ*, *чайкѣю*, *дѡчкѣ*.

3. Ассимилятивное смягчение губных согласных перед мягкими заднеязычными: *дѣфѣки*, *мѣмѣки*.

4. Смягчение заднеязычных согласных в основе существительных при образовании форм твор. п. мн. ч.: *утѣкими*, *дѣнѣгими*.

5. Формы вин. п. ед. ч. слов *мать*, *дочь* с суффиксом [-ер-] и окончанием [-у]: *мѣтерю*, *дѡчѣрю*.

6. Окончание [-аја] в им. п. ед. ч. прилагательных среднего рода: *какѣя молоко*, *большѣя сѣло*.

7. Ударенное окончание [-уја] в вин. п. ед. ч. прилагательных женского рода: *молодѣя женѣю*.

8. Форма им. п. мн. ч. с ударенным окончанием [-а] у существительных женского рода с основой на мягкий согласный: *деревнѣя*, *лошадѣя*, *площадѣя*, *печѣя*, *шинелѣя*, *зеленѣя* и др.

9. Формы им. п. мн. ч. кратких предикативных прилагательных с окончанием [-и] после мягкого согласного: *сѣити*, *радѣи* и т. п.

10. Парадигма глаголов I спряжения с гласным [е], не изменившимся в [о]: *несёшь, несёт, несём, несёте*.

11. Постфикс [-си] после согласных в возвратных формах глаголов: *умь́лси, бо́йши*.

12. Деепричастия прошедшего времени с суффиксом [-мши]: *разу́мши*. <...>

Вопросы и задания

Каковы различия диалектных зон на картах 1914/15 и 1964/65 гг.?

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

ВВЕДЕНИЕ.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ КАК НАУКИ. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОВОРОВ, СВЯЗЬ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ С ДРУГИМИ НАУКАМИ

<i>Р. И. Аванесов.</i> Из истории формирования русских диалектов	5
<i>Р. И. Аванесов.</i> Вопросы образования русского языка в его говорах	8
<i>О. И. Блинова.</i> Мотивационно связанные слова как объект диалектной мотивологии	20
<i>С. С. Высотский.</i> Развитие русской диалектологии в конце XIX в. и в начале XX в. (до Великой Октябрьской социалистической революции)	25
<i>А. С. Герд.</i> К реконструкции днепро-двинской диалектной зоны	35
<i>Н. П. Гринкова.</i> К изучению олонечских диалектов	39
<i>В. И. Даль.</i> О наречиях русского языка	66
Вопросы и задания	74
<i>Т. А. Демешкина.</i> Концепт в речевой диалектной культуре (Возможные подходы к описанию)	74
Вопросы и задания	81
<i>Ю. Ф. Денисенко.</i> К вопросу о древности псковских говоров (Некоторые лексические данные; слова с корнями <i>вляг-</i> и <i>усох-</i>)	82
<i>Н. Н. Дурново.</i> Диалектологические разыскания в области великорусских говоров	86
Введение. Переходные говоры	86
<i>Д. К. Зеленин.</i> III. Этнографический состав южновеликорусского населения	90
<i>А. И. Корнев.</i> Б. А. Ларин и русская диалектология	100
<i>Л. Я. Костючук.</i> Псковские говоры в помощь пониманию псковских документов прошлого	105
<i>О. Ю. Крючкова, В. Е. Гольдин.</i> Русские народные говоры как национальное богатство и необходимость новой культурно-языковой политики в России (рукопись)	112
Вопросы и задания	117
<i>О. Ю. Крючкова, В. Е. Гольдин.</i> Текстовый диалектологический корпус как модель традиционной сельской коммуникации	118
1. Введение	118
2. Характеристика имеющихся диалектных корпусов	119
3. Саратовский диалектологический корпус (СДК)	120
4. Заключение	125
<i>А. И. Лебедева.</i> Из наблюдений над псковской микропонимикой	125
<i>И. С. Лутовинова.</i> Современная псковская лексика. Диалект? Региолект?	128

<i>Л. П. Михайлова.</i> История края в народном слове (Русские говоры Карелии).....	132
Говор как источник изучения истории края	132
Современная система говора (Водлозерье)	133
Внутрирегиональные лексические различия русских говоров Карелии	144
Взаимодействие прибалтийско-финских и славянских языков (названия руки).....	145
Вопросы и задания.....	146
<i>Э. М. Мурзаев.</i> Словарь народных географических терминов	146
Введение	146
<i>В. Г. Орлова.</i> Развитие русской диалектологии в советский период (1918–1959).....	149
<i>Н. С. Сергиева.</i> Особенности развития окраинных говоров русского Севера.....	157
<i>А. И. Соболевский.</i> Опыт русской диалектологии.....	162
I. Наречие великорусское	162
Вопросы и задания.....	164
<i>А. И. Сологуб.</i> Об эволюции новгородского диалекта	164
Вопросы и задания	171
<i>С. Н. Темняткин</i> (д. Мартыново Мышкинского р-на Ярославской обл.) Диалект как символ сельской территории	171
<i>Н. И. Толстой.</i> Диалектология в этнолингвистической перспективе	176
<i>В. И. Трубинский.</i> О некоторых особенностях развития русских территориальных диалектов в XX столетии	179
<i>В. И. Трубинский.</i> Яркоразличительные черты русских региолектов	181
<i>Н. К. Фролов.</i> Статус микропонимии в системе топонимии	188
<i>П. Я. Шюц.</i> Русский язык в Сибири	194
Вопросы и задания.....	196
Вопросы и задания к разделу.....	196

ФОНЕТИКА

<i>Л. И. Баранникова.</i> Русские народные говоры в советский период.....	197
Глава IV. Изменения в диалектных фонетических системах	197
<i>С. В. Бромлей.</i> Различия в степени вокализированности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров	211
Вопросы и задания.....	219
<i>Е. Г. Бурова, Л. Л. Касаткин.</i> Чухломское аканье	219
<i>С. М. Глушкина.</i> О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров)	226
<i>Д. К. Зеленин.</i> Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации	246
Предисловие	246
Введение	248
I. Физиология неорганического смягчения задненёбных	249
II. История неорганического смягчения задненёбных	251
Главные положения.....	253

<i>Л. Л. Касаткин.</i> О фонеме /γ/ в севернорусских говорах в связи с историей произношения [j] в имени Ольга (Ольга)	254
Вопросы и задания	262
<i>В. В. Колесов.</i> Фонологическая характеристика фонетических диалектных признаков	263
<i>В. Г. Орлова.</i> К вопросу о возникновении мягкого цоканья	277
<i>А. И. Сологуб.</i> Явления из области вокализма	284
§ 1. Изменение гласного /а/ после мягких согласных в /е/ в положении перед последующими мягкими согласными	284
<i>Ф. П. Филин.</i> К вопросу о происхождении аканья	288
<i>А. А. Шахматов.</i> Очерк древнейшего периода истории русского языка	300
Отдел VI. Древнерусские наречия	300
Глава III. Явления севернорусские	300
Смещение ч и ц	300
Диалектическое отвердение конечного t' в 3 л.	302
Диалектическое изменение ъ в і	303
Вопросы и задания к разделу	304

МОРФОЛОГИЯ. СИНТАКСИС

<i>Л. И. Баранникова.</i> Русские народные говоры в советский период	305
Глава V. Изменения в диалектных грамматических системах	305
<i>Л. Н. Булатова.</i> О системе падежей в русских говорах	309
<i>З. М. Петрова.</i> Посессивный перфект в псковских говорах	317
<i>В. И. Трубинский.</i> Деепричастный перфект	325
Общая характеристика конструкций с предикативным деепричастием	325
Вопросы и задания	332
<i>В. И. Трубинский.</i> О лексической базе предикативного деепричастия в псковских говорах	333
<i>Е. Н. Шаброва.</i> Диалектное корневое гнездо: проблемы и принципы описания	341
§ 2. Диалектная лексика в корневых гнездах этимологических исследований	341
Вопросы и задания	344
<i>А. Б. Шапиро.</i> Структура предложения в русских народных говорах	345
Вопросы и задания	349
Вопросы и задания к разделу	349

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ

<i>Л. И. Баранникова.</i> Русские народные говоры в советский период	350
Глава III. Изменения в диалектных лексических системах	350
<i>А. Ф. Войтенко.</i> Современный подход к изучению диалектной лексической ситуации региона	359
Вопросы и задания	362
<i>Н. С. Ганцовская.</i> Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии	363
Введение	363
Вопросы и задания	364

<i>Л. А. Ивашко.</i> Отражение нравственного самосознания в народной фразеологии	364
Вопросы и задания	367
<i>Т. С. Коготкова.</i> Семантические трансформации диалектной лексики в условиях диалектно-литературных контактов (на материале русского языка)	367
<i>В. М. Мокиенко.</i> К вопросу о лексической контаминации в русских говорах	372
<i>А. И. Попов.</i> Некоторые вопросы и задачи исследования лексики русских говоров	378
Вопросы и задания	381
<i>Ф. П. Сороколетов.</i> К вопросу о системных отношениях в лексике народных говоров	381
Вопросы и задания	385
Вопросы и задания к разделу	385

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

<i>Л. И. Балахонова.</i> История составления «Опыта областного великорусского словаря» и «Дополнения» к нему	386
Вопросы и задания	392
<i>А. А. Бурыкин.</i> Псковский областной словарь и Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: к проблеме пересекающихся лексических пространств в исторических словарях	392
Вопросы и задания	400
<i>Е. З. Васильева.</i> Принципы составления «Словаря областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. О. Подвысоцкого	400
Вводные замечания	400
Принципы отбора слов	401
Способ подачи материала	401
Пометы	403
Определение значений слова и построение словарных статей	405
Иллюстрация значений	406
Значение словаря А. О. Подвысоцкого <...>	407
Вопросы и задания	407
<i>В. А. Козырев.</i> Тождество слова как проблема диалектной лексикографии	408
Вопросы и задания	410
<i>В. И. Даль.</i> О наречиях русского языка	411
III. По поводу Опыта областного великорусского словаря, изданного вторым отделением Императорской Академии наук	411
<i>О. Д. Кузнецова.</i> Словарная статья в «Словаре русских народных говоров». Практический аспект	413
Вопросы и задания	416
<i>Г. Г. Мельниченко.</i> Региональная лексикология и лексикография	416
О принципах составления областных словарей	416
II. Для чего нужны областные словари?	416
III. Нормативные и областные словари русского языка	419

IV. Диалектологический атлас и областные словари	421
V. Возможные типы областных словарей	421
VI. Расположение слов в словаре.....	429
VII. Построение словарной статьи.....	431
VIII. Составные части регионального словаря	433
IX. Орфография словаря.....	434
X. Источники для областных словарей.....	434
XI. О переиздании старых словарей.....	434
XII. Членение территории при собирании материалов для областных словарей	435
XIII. О программе для собирания словарных материалов	437
XIV. Собираание, обработка, систематизация и хранение материалов для этих словарей	438
XV. Кадры составителей областных словарей и собирателей материалов для этих словарей	444
Вопросы и задания.....	447
<i>О. С. Мжельская.</i> Псковский областной словарь с историческими данными и историческая лексикография.....	447
<i>И. А. Оссовецкий.</i> Словарь говора деревни Деулино Рязанского района Рязанской области	455
Вопросы и задания.....	467
<i>Ф. П. Сороколетов.</i> Заметки по семантической характеристике слов в диалектных словарях	467
Вопросы и задания.....	470
<i>В. И. Чагишева.</i> О словаре восточной Брянщины	471
Вопросы и задания к разделу.....	477

ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ

<i>Р. И. Аванесов.</i> Лингвистическая география и структура языка.....	478
Предисловие	478
Глава первая. Лингвистическая география и структура языка	478
I. К вопросу о структуре языка как целого	478
III. Территориальное варьирование системы языка и элементы теории диалектного различия	479
IV. Структура диалектного языка и лингвистические карты	481
V. Структура диалектного языка и вопрос об интерпретации данных лингвистической географии	481
Вопросы и задания.....	482
<i>С. В. Бромлей.</i> История создания русского лингвистического атласа	482
Вопросы и задания.....	489
<i>Т. И. Вендина.</i> Лексический атлас русских народных говоров и языковая картина мира русского народа.....	489
Вопросы и задания.....	495
<i>Т. И. Вендина.</i> К вопросу о диагностических возможностях карты.....	495
Вопросы и задания.....	497
<i>А. С. Герд, И. А. Попов, О. А. Матвеева.</i> Роль Русского географического общества в развитии лингвистической географии в России	498

<i>Т. Ф. Зиброва.</i> Динамика диалектных систем на территории позднего заселения (лингвогеографический аспект).....	503
Вопросы и задания.....	506
<i>Г. В. Киселева.</i> Русская печь как явление духовной культуры.....	507
Вопросы и задания.....	510
<i>Л. Я. Костючук.</i> Информативная значимость диалектной лексической карты в конце XX века.....	510
Вопросы и задания.....	515
<i>Б. А. Ларин.</i> Об атласе русского языка и современной диалектологии	516
Вопросы и задания к разделу.....	524

ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ

<i>К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова.</i> Обзор диалектного членения русского языка	525
Глава I. Наречия и среднерусские говоры	525
Глава II. Диалектные зоны	533
Вопросы и задания.....	534
<i>В. И. Трубинский.</i> Диалектное членение.....	534
§ 54. Общие замечания	534
Северное наречие.....	535
§ 55. Поморская (Архангельская) группа северновеликорусских говоров	535
§ 56. Олонецкая группа северновеликорусских говоров.....	536
§ 57. Западная (Новгородская) группа северновеликорусских говоров	538
§ 58. Восточная (Вологодско-Вятская) группа северновеликорусских говоров.....	540
§ 59. Владимирско-Поволжская группа северновеликорусских говоров	543
Южное наречие	546
§ 60. Южное наречие на картах МДК и ДАРЯ.....	546
§ 61. Группа А — Южная южновеликорусских говоров.....	547
§ 62. Группа Б — Тульская южновеликорусских говоров.....	550
§ 63. Группа В — Восточная южновеликорусских говоров.....	551
Среднерусские говоры.....	552
§ 64. Группа 1 — Псковская средневеликорусских говоров	552
§ 65. Группа 2 — Западная средневеликорусских говоров	554
§ 66. Группа 3 — Восточная средневеликорусских говоров.....	555
Диалектные зоны	556
§ 67. Предварительные замечания.....	556
§ 68. Западная диалектная зона.....	556
§ 69. Северная диалектная зона	557
§ 70. Северо-западная диалектная зона.....	557
§ 71. Северо-восточная диалектная зона	558
§ 72. Южная диалектная зона	559
§ 73. Юго-западная диалектная зона	559
§ 74. Юго-восточная диалектная зона	560
Вопросы и задания.....	561

Учебное издание

Составители:

Васильева Ольга Владимировна, **Лутовинова** Ирина Сергеевна

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Хрестоматия научных текстов и учебные задания

Ответственный редактор *И. С. Лутовинова*

Редактор *В. С. Волкова*

Корректоры *М. Е. Рошаль, В. О. Кондратьева*

Художественное оформление *О. В. Рудневой*

Подписано в печать 14.11.2013.

Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 35,5. Тираж 1000 экз. Заказ № ____.

Филологический факультет

Санкт-Петербургского государственного университета

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.